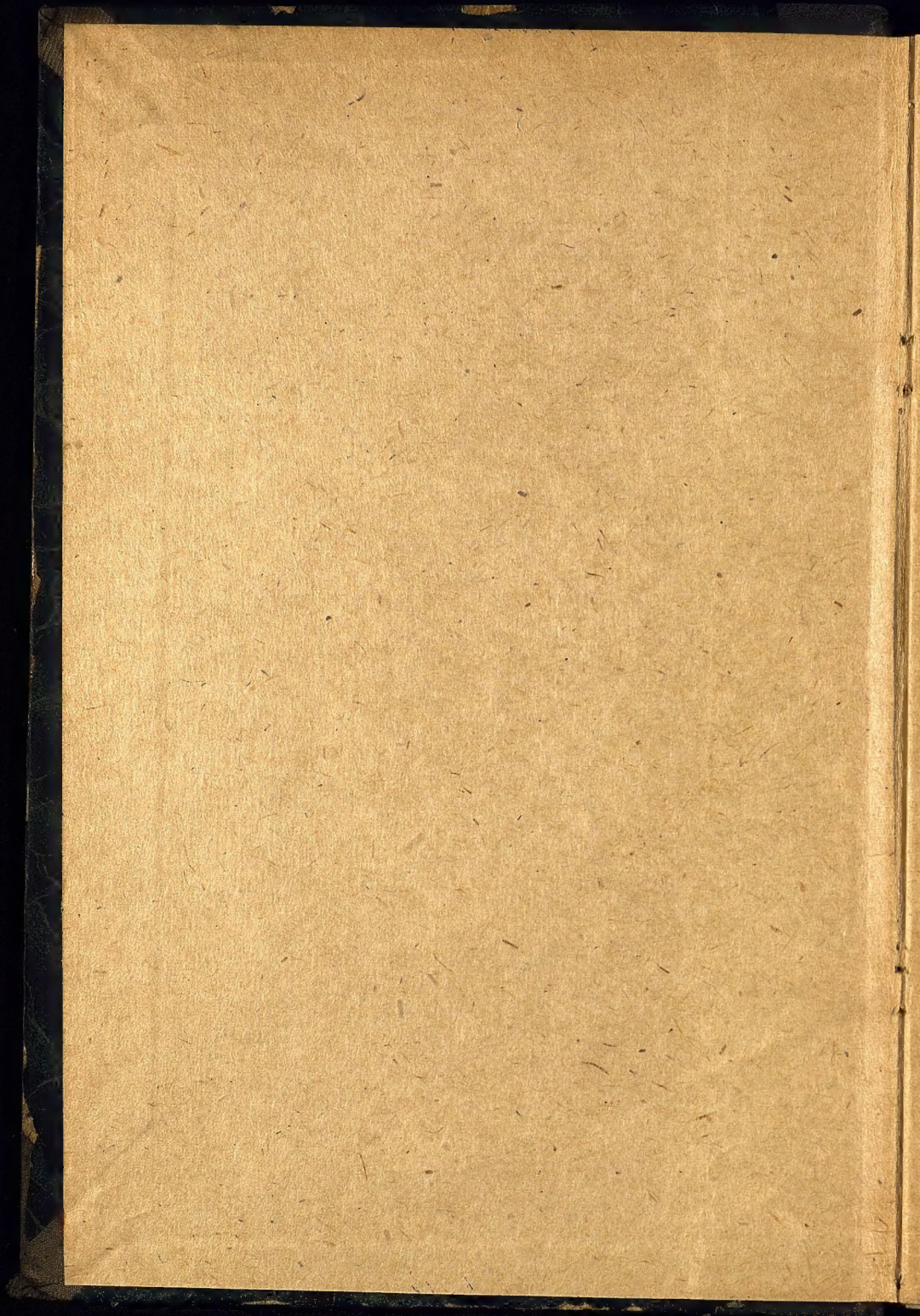
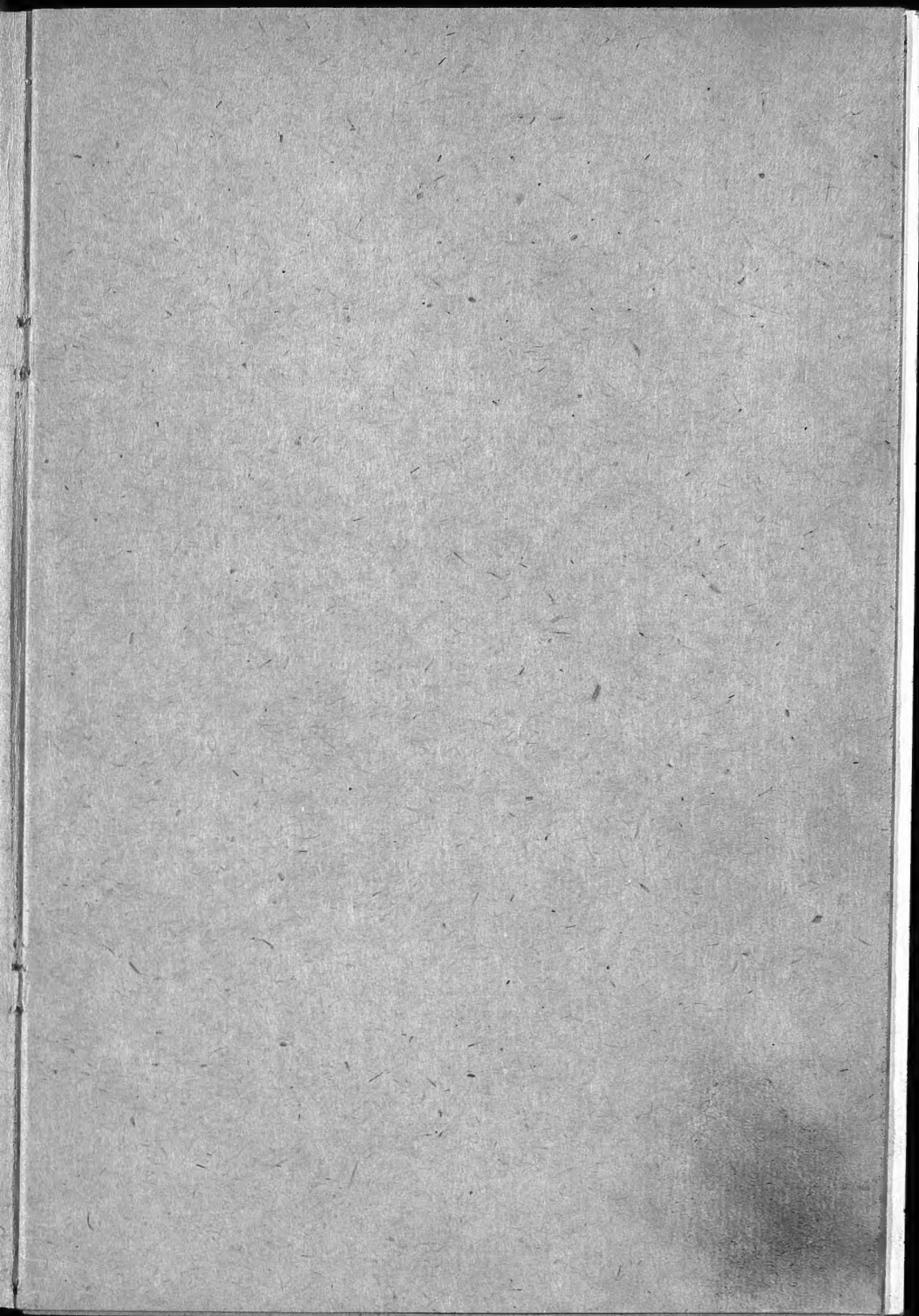

У
С-72

Синерика.
У Приволжс-
ких инородцев

Сиб 1905

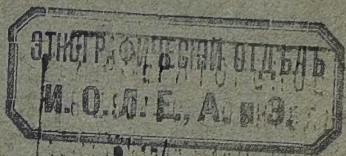

Всѣмъ библиотекамъ Московскаго Общества
Естественнаго, Антропологическаго и
Этнографическаго — отъ автора

С. ЧИЧЕРИНА.

9 Июля
1906.

~~1007~~

У ПРИВОЛЖСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

24 $\frac{3}{56}$

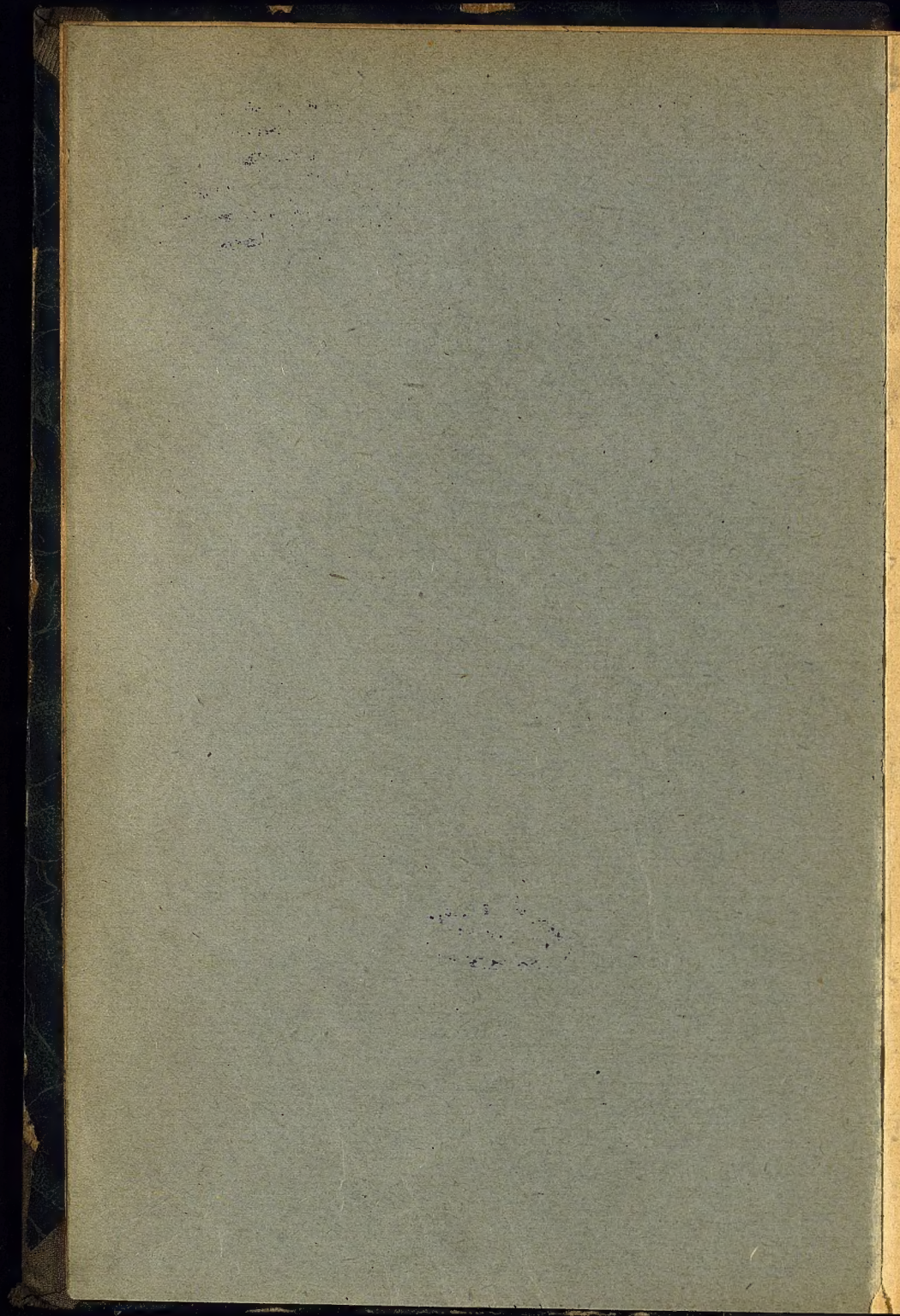
6 199

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

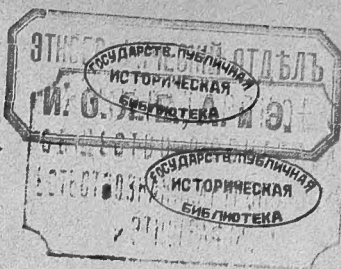
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская 31.
1905.

Новый 1906

У
4-72

С. ЧИЧЕРИНА.

У ПРИВОЛЖСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская 31.
1905.

2 экз

КАРДАНДОН
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КАРДАНДОН
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

578326 ✓

КАРДАНДОН
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

№№
страницъ.

Глава первая. Центральныя просвѣтитель- ныя учрежденія для инородцевъ Волж- ско-Камскаго края	5—60
Учительская семинарія	7—16
Татарская слобода	17—18
Переводческая коммиссія	19—37
Воспитательныя основы семинарій	38—39
Исторія инородческихъ школъ	40—49
Казанская крещено-татарская школа	50—58
Могила Ильминскаго	59—60
Глава вторая. Крещено-татарскій міръ	63—127
Деревенская крещено-татарская школа	63—66
Разсказъ учителя	67—74
Русско-татарская школа	75—76
Мнѣніе священника объ инородческой школѣ	77—84
Крещено-татарская деревня Т.	85—86
Крещено-татарская деревня С	87—90
Крещено-татарскій починокъ Я.	91—92
Крещенскій уголокъ въ магометанскомъ селеніи	92—94
Село Я.	94—100
Школы братства св. Гурія	101—104
Новое направленіе братства св. Гурія	105—106
Крещено-татарское село Уфимской губерніи.	107—109
Крещено-татарское село Ш.	110—112
Мусульманскій святой	113—114
Отступники въ селѣ Ш.	115—116
Школа въ селѣ Ш.	117—122
Крещено-татарское село А.	123—127
Глава третья. Отступники	131—183
Исторія отпаденій	131—144
Село Елышево.	144—148
Село Савруши.	149—156
Священникъ миссіонеръ	157—159
Миссіонеры.	160—166
Бывшіе воспитанники Казанск. учительской семи- наріи	167—170
Миссіонеры.	171—176
Два теченія среди магометанъ	177—183

Глава четвертая. Вотскій міръ	187—309
Религіозное состояніе Вотяковъ	187—191
Вотскій священникъ	192—196
Вотское село	197—199
Вотская школа	200—206
Вотское село Н.	207—209
Методъ преподаванія русскаго языка	210—214
Деревня Воны	215
Деревня К—тъ	216—218
Учитель бывшій язычникъ	218—220
Миссіонерская школа	221—222
Деревня К—тъ	223—227
Вотское село Ц.	228—235
Инородческая обѣдня	235—240
Современное состояніе прихода	240—245
Знакомство съ К. А. Андреевымъ	246—248
Первый разсказъ К. А. Андреева	248—258
Семья К. А. Андреева	258—260
Второй разсказъ К. А. Андреева	260—268
Поездка къ черемисамъ	269—270
Бесѣда К. А. у черемисъ	271—272
Карлыганскіе вотяки	273—274
Третій разсказъ К. А. Андреева	275—283
Карлыганское училище	283—288
Примѣненіе системы Ильминскаго	289—294
Священное озеро вотяковъ	294—298
Село Лызи	298—304
Путевыя впечатленія	305—309
Глава пятая. Чувашскій міръ	313—385
Чувашскія школы	313—318
Чувашскіе приходы	318—320
Что читають чуваші	321—325
Дѣятели по просвѣщенію инородцевъ	325—331
Симбирская чувашская учительская школа	332—334
Селеніе Е.	335—336
Деревенская чувашская школа	337—338
Село С. Б.	339—340
Село К.	341—342
Сельская школа	343—344
Русскіе священники знающіе чувашскій языкъ	344—346
Требованіе чувашами славянскаго богослуженія	347—348
Село Р.	348—350

	№№ страницъ.
Бесѣда съ отцомъ М.	351—358
Бесѣда съ отцомъ Р.	358—369
Учитель М. Д.	370—371
Отецъ Р.	372—373
Село Ч. И.	374—380
Село Н. А.	380—382
Деревня С. А.	382—385
Заключеніе.	389—427
Мое знакомство съ дѣломъ Ильминскаго	389—391
Дѣятельность преосвященнаго Гурія	391—394
Мнѣніе преосвященнаго Гурія о системѣ Ильминскаго	395—396
Духовенство казанской епархіи	397—402
Инородческое населеніе Восточной Россіи	403—404
Правила 26 марта 1870 года	405—406
Положеніе учебнаго дѣла у инородцевъ	407—408
Система Ильминскаго въ духовномъ вѣдомствѣ	409—410
Состояніе крещенныхъ татаръ	411—414
Положеніе чувашъ	415—420
Дѣятели среди инородцевъ	421—422
Исторія казанскаго братства	423—424
Совѣщаніе по вопросу объ образованіи инородцевъ	425—427
Приложеніе	3—210
Программа	3—6
Приложеніе № 1. Село Янцовары Ланшевскаго уѣзда Казанской губерніи	7—10
„ № 2. Село Никифорово Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи	11—19
„ № 3. Арзаматовская инородческая школа, открытая Мин. Народн.-Просвѣщенія въ 1893 году	20—21
„ № 4. Вирюбашское черемисское училище Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи	22—24
„ № 5. Село Табурданово, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи	25—33
„ № 6. Чепкасъ-Николаевскій приходъ Симбирскаго уѣзда и губерніи	34—41
„ № 7. Приходъ села Большой Аксы, Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи	42—49
„ № 8. Приходъ села Нижней Ивановки (Никольскаго), Самарскаго уѣзда и губерніи	50—59

	№№ страницъ.
Приложение № 9. Приходъ села Стюхина, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи. . .	60—69
„ № 10. Приходъ Христорождественской церкви села Туармы, Бугульминскаго уѣзда, Самарской епархіи	70—75
„ № 11. Письмо инородческаго священника	76—82
„ № 12. Къ характеристикѣ системы Ильминскаго (письмо).	83—93
„ № 13. Извлеченіе изъ лѣтописи Александроневской церкви села Рунги, Буинскаго уѣзда, Симбирской епархіи. . .	94—112
„ № 14. Религіозное состояніе инородцевъ до распространенія среди нихъ просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго и въ настоящее время	113—136
„ № 15. Вліяніе христіанскаго богослуженія, совершаемаго на родномъ языкѣ, на инородческое населеніе	137—141
„ № 16. Вліяніе татаръ-мусульманъ на чувашъ	142—145
„ № 17. О натуральномъ методѣ—изъ письма священника	146—149
„ № 18. О чувашахъ Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи	150—152
„ № 19. Девлезеркинское инородческое (чувашское) училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи	153—174
„ № 20. Мало-Яльчиковское двухъ-классное Министерства Народнаго Просвѣщенія училище Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи	175—178
„ № 21. Отзывъ чувашскаго священника объ инородческой школѣ	179
„ № 22. Отрывки изъ писемъ Н. В. Никольскаго	180—188
„ № 23. О добромъ учителѣ	189—193
„ № 24. Извлеченіе изъ дневника — отчета и. д. епархіальнаго инородческаго миссіонера Космы Андреева за 2-ю половину 1897 года	194—198
„ № 25. Отрывки изъ писемъ ко мнѣ М. П. Ляна	199—210

РИСУНКИ.

- 1) *Портретъ Николая Ивановича Ильминскаго.*
- 2) *Группа воспитанниковъ Казанской инородческой учительской семинаріи, (между стр. 12 и 13).*

Стоять, начиная слѣва:

Санджіевъ Нима (калмыкъ), Абдрахмановъ Билалъ (башкиръ), Ившинъ Сергѣй (вотякъ), Никитинъ Василій (черемисъ), Кимъ Теодоръ (кореецъ), Полуяновъ Иванъ (пермякъ), Сетдыковъ Харунъ (башкиръ).

Сидятъ, начиная слѣва:

Горбуновъ Василій (мордвинъ), Рочевъ Степанъ (зырянинъ), Карабаевъ Мухамедъ-Яръ (киргизъ), Васильевъ Герасимъ (чувашинъ), Ушницкій Платонъ (якутъ).

- 3) *Группа учениковъ начальныхъ школъ при Казанской инородческой учительской семинаріи, (между стр. 14—15).*

Верхній рядъ, начиная слѣва:

Черновъ Адрианъ (чувашинъ), Оедосеевъ Василій (пермякъ), Арунгазиевъ Камалидинъ (киргизъ), Оспенниковъ Николай (вотякъ), Эсенкинъ Александръ (вотякъ), Сивковъ Андрей (зырянинъ).

Нижній рядъ, начиная слѣва:

Оедосеевъ Алексѣй (пермякъ) *), Анъ Андрей (кореецъ), Шущинъ Андрей (мордвинъ), Таиповъ Нашай (черемисъ), Оедосеевъ Иванъ (пермякъ) *).

- 4) *Языческое моленіе крещеной 200 лѣтъ тому назадъ Мордовы деревни Кардафлей Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи (между стр. 36, 37).*
- 5) *Мордовки Пензенской губерніи (бабушка, дочь и внучка) (между стр. 36—37).*
- 6) *Ученики Казанской центральной крещено-татарской школы съ завѣдующимъ этой школой священникомъ изъ крещеныхъ татаръ (между стр. 50—51).*
- 7) *Ученицы Казанской центральной крещено-татарской школы съ завѣдующими мужской и женской школами священникомъ и его женой изъ крещеныхъ татаръ (между стр. 52—53).*

*) Не успѣли получить казенной формы, т. к. снимокъ сдѣланъ въ началъ учебнаго года.

- 8) *Крещенные ташары* деревни Никифоровой (нынѣ село, родина о. Василія Тимофеева), Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи (между стр. 62—63).
- 9) *Выходъ мусульманъ изъ мечети*. Казанской губерніи, (между стр. 92—93).
- 10) *Отступники* въ селѣ Елышевѣ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, (между стр. 130—131).
- 11) *Магометанская семья*. Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи. (между стр. 162—163).
- 12) *Группа магометанъ* деревнѣ Казакларѣ Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, (между стр. 180—181).
- 13) *Кузьма Андреевъ и его семья* въ деревнѣ Карлыганѣ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, (между стр. 186—187).
- 14) *Черемисская семья* въ Царево-Кокшайскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи (между стр. 270—271).
- 15) *Черемисы* Бирскаго уѣзда, Уфимскаго губерніи, (между стр. 272—273).
- 16) *Чувашскія женщины* Уфимской губерніи, (между стр. 312—313).

Предисловіе.

Въ этой книгѣ изложены мои личныя наблюденія надъ инородческой школой, записанныя мною во время моей поездки по инородческимъ мѣстностямъ нѣкоторыхъ Приволжскихъ губерній лѣтомъ 1904 года.

Книга составлялась мною въ теченіе слѣдующихъ за этимъ зимы и весны, но печатаніе ея, по случаю забастовокъ наборщиковъ, протянулось около полугода. (Забастовки являются главной причиной и вкравшихся въ книгу ошибокъ и пропусковъ).

За это время въ жизни русскаго народа совершились событія величайшей важности, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые приведенные мною факты, напримѣръ описаніе безправнаго положенія отступниковъ и доказательства необходимости вѣротерпимости, до нѣкоторой степени устарѣли.

Нѣкоторыя частныя причины неудовлетворительнаго состоянія инородческаго просвѣщенія въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ будутъ, можетъ быть, устранены, послѣ недавно происшедшей въ Казани перемѣны въ составѣ высшаго духовнаго и учебнаго начальства.

Но большинство описанныхъ мною явленій несомнѣнно существуютъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока идеи, лежащія въ основѣ Манифестовъ

17 Апрѣля и 17 Октябрю, не проникнуть всецѣловъ народную жизнь.

Такъ разъѣзды казеннаго миссіонера и учительныя мѣры въ отношеніи употребленія въ школахъ инородческихъ языковъ, существуютъ и въ текущемъ учебномъ году.

Поэтому я думаю, что моя книга не потеряла еще вполне современнаго значенія, не смотря на то, что помянутые великіе Манифесты отклоняютъ многое изъ того, что казалось мнѣ ненормальнымъ въ жизни Приволжскихъ инородцевъ.

Практическое осуществленіе реформъ, возвышенныхъ въ памятные дни 17-го Апрѣля, 6 Августа и 17-го Октябрю, — дѣло будущей созидательной работы русскаго народнаго представительства. Если это представительство будетъ дѣйствительно заслуживать названія Государственной Думы, то-есть учрежденія, посвящающаго свой трудъ разсмотрѣнію вопросовъ о существованіи и развитіи русскаго Государства, то инородческая школа не можетъ не обратить на себя ея вниманія, а равно и вниманія общества.

Въ виду этого пишу себя надеждой, что записанные мною факты изъ недавняго прошлаго этой школы будутъ не совсѣмъ бесполезны при разработкѣ вопроса объ организаціи народнаго образованія на восточныхъ окраинахъ Россіи.

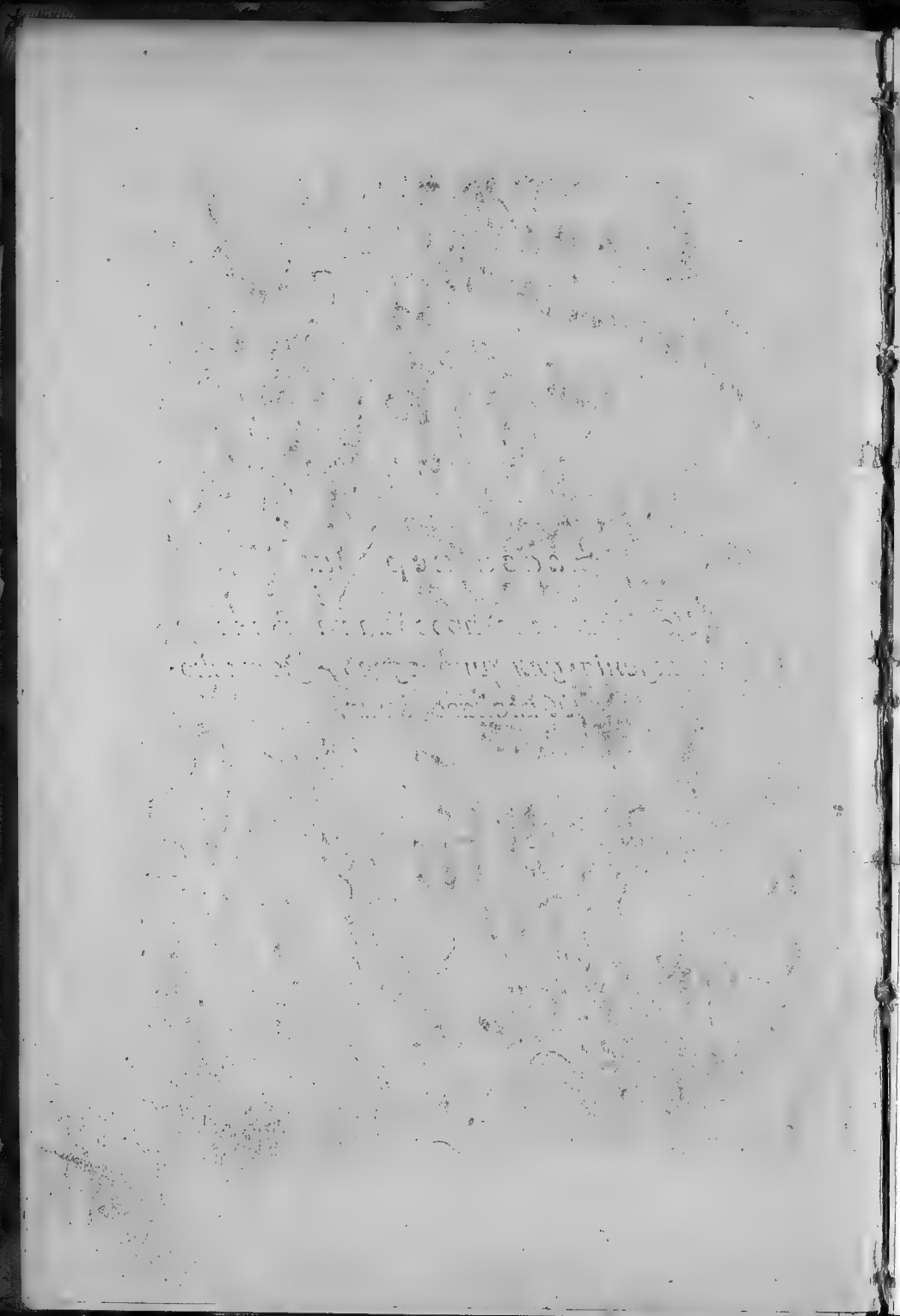
Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю признательность И. А. Износкову, который оказалъ мнѣ существенное содѣйствіе при изданіи этой книги, такъ какъ обстоятельства не дозволили мнѣ все время лично наблюдать за печатаніемъ.

С. Чичериха.

С.-Петербургъ.
7-го Декабря 1905 г.

Глава первая.

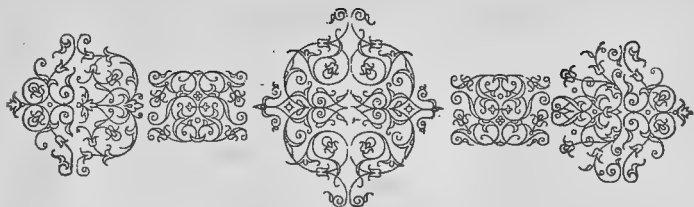
*Центральныя просвѣтительныя
учрежденія для инородцевъ Волжско-
Камскаго края.*

Н. Н. Ильминскій.

ГЛАВА I.

Центральныя просвѣтительныя учрежденія для инородцевъ Волжско-Камскаго края.

Лѣтомъ 1904 года мнѣ пришлось совершить поѣздку въ Мензелинскій уѣздъ Уфимской губерніи. Я доѣхала по желѣзной дорогѣ до Саратова, а затѣмъ сѣла на пароходъ, идущій вверхъ по Волгѣ, и поплыла въ Казань, гдѣ мнѣ предстояло пересѣсть на Камскій пароходъ.

Двое сутокъ, проведенныхъ мною на Волгѣ, были для меня, какъ всегда, истиннымъ наслажденіемъ.

Люблю жизнь этой царственной рѣки—русской красавицы. Тихо катитъ она свои сизыя воды, лѣниво набѣгающія на мирныя песчаныя отмели; то весело играетъ, покрываясь мелкой зыбью, то хмурится и сердито гонитъ свои внезапно темнѣющія волны — а затѣмъ опять, за поворотомъ берега, лежитъ неподвижная, какъ зеркало, и покорно отражаетъ въ себѣ все, что приносить съ собой мѣняющійся день: лазурь небесную, и огненный закатъ, и серебристый свѣтъ мѣсяца.

Медленно, едва замѣтно для глазъ, плывутъ по Волгѣ плоты, на которыхъ работники въ красныхъ рубашкахъ вараютъ себѣ на костръ пищу и равнодушно поглядываютъ на перегоняющія ихъ суда. Вотъ, съ усиленіемъ шевеля колесами,

идеть чумазыи буксиръ, волоча за собой нѣсколько тяжелыхъ барокъ.

На рѣкѣ все время чувствуется жизнь, но первобытная и какъ бы полусонная, подобная жизни нашей родины. Однако Волги коснулась уже и культура. Рядомъ съ плотомъ идетъ и блестящій электрическими огнями пароходъ, весело и шумно прорѣзывая волны...

Казань видна съ парохода верстъ за 15, и уже издали поражаетъ своею живописностью. Кремлевскія башни, колокольни церквей и минареты мечетей, возвышающіеся надъ массой домовъ, придаютъ городу оригинальный, полуазиатскій видъ.

Я остановилась въ Казани на нѣсколько дней, чтобы увидѣть эту восточную столицу и познакомиться съ учрежденіями по образованію инородцевъ, такъ какъ Казань есть центръ для дѣятельности въ этомъ направленіи.

Здѣсь въ XVII вѣкѣ возникли первыя приволжскія миссіи, здѣсь въ XVIII столѣтіи, въ царствованіе Елизаветы, работала такъ называемая новокрещенская контора, наконецъ здѣсь жилъ и умеръ Н. И. Ильминскій и здѣсь главнымъ образомъ работаютъ теперь его сотрудники и преемники.

Я взяла номеръ въ центрѣ города, на самой людной улицѣ—Проломной. Въ день моего пріѣзда—26 іюня—Казань представляла картину исключительнаго оживленія. Улицы были переполнены одѣтымъ въ праздничное платье народомъ, но русская крестьянская одежда какъ бы тонула среди своеобразныхъ инородческихъ костюмовъ: тутъ виднѣлись бѣлыя войлочные шляпы крещеныхъ татаръ, блестящіе монасты чувашекъ, причудливые головные уборы вотячекъ, бѣлыя холщевыя расшитыя рубашки черемисъ. Всѣ лились потокомъ по одному направленію, перемѣшиваясь съ русской цвѣтной рубашкой и сарафаномъ. Изъ оконъ моего номера я могла со-

ставить себѣ понятіе о племенномъ составѣ населенія губерніи и отчасти даже о результатахъ просвѣтительной дѣятельности Ильминскаго.

Оказалось, что эта многотысячная пестрая толпа собралась сюда со всей губерніи встрѣчать икону Божіей Матери, приносимую ежегодно 26 іюня въ Казань изъ монастыря, находящагося въ 17 верстахъ отъ города, въ воспоминаніе избавленія его отъ чумы въ 1654 году. При видѣ плотныхъ массъ разноплеменнаго сѣраго люда, двигавшагося по улицамъ, меня невольно охватило радостное настроеніе; мнѣ стало очевиднымъ, что принципы, положенные Ильминскимъ въ основу дѣла просвѣщенія инородцевъ, устранили изъ жизни Казанскаго края тѣ шипы, которые разобщаютъ разноплеменныхъ людей у насъ въ западной Россіи, что здѣсь въ этомъ краѣ, въ противоположность Западу, я увижу братское сердечное сліяніе инородцевъ съ русскими, сліяніе безъ принудительныхъ мѣръ, только на почвѣ уваженія мѣстныхъ особенностей и взаимной любви. И мнѣ захотѣлось тотчасъ ѣхать въ инородческую учительскую семинарію, гдѣ жилъ, работалъ и умеръ незабвенный педагогъ, создатель системы просвѣщенія инородцевъ.

II.

Казанская инородческая учительская семинарія находится въ татарской части города на берегу озера Кабана—«за Кабаномъ» по мѣстному выраженію. Ея высокое четырехэтажное бѣлое зданіе бросается уже издали въ глаза.

Весь дворъ и прилежащая набережная завалены строительными матеріалами для новаго дома, воздвигаемаго рядомъ съ старымъ корпусомъ.

Когда я вошла въ парадный подъѣздъ, я оказалась въ большомъ полутемномъ корридорѣ и увидѣла съ десятокъ людей, ожидающихъ очереди видѣть директора семинаріи *).

Онъ, встрѣтивъ меня, сказалъ мнѣ, что въ настоящую минуту онъ не можетъ удѣлить мнѣ много времени, такъ какъ сегодня его желаютъ видѣть нѣсколько учителей, и тѣ люди, которыхъ я видѣла въ корридорѣ, давно ждутъ очереди, но предложилъ мнѣ сейчасъ же познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ и позволилъ мнѣ для этого остаться въ его кабинетѣ и слушать продолженіе прерваннаго моимъ приходомъ приема. Директоръ знакомилъ со мной учителей, и они, по окончаніи разговоровъ съ нимъ, охотно бесѣдовали со мной. Меня поразила ихъ свободная, откровенная разговорчивость. Замѣтивъ мой интересъ къ школьному дѣлу, они сами охотно шли навстрѣчу моихъ вопросовъ и безъ малѣйшаго опасенія говорили о немъ и хорошее и дурное.

Но прежде два слова о кабинетѣ, куда я вошла не безъ нѣкотораго волненія, такъ какъ онъ съ 1872 года являлся главнымъ очагомъ всей дѣятельности Ильминскаго, подробности жизни и смерти котораго я довольно близко знала уже въ Петербургѣ, частью по печатнымъ даннымъ, а главное изъ разсказовъ С. В. Смоленскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, близко знавшихъ Ильминскаго при жизни.

Кабинетъ небольшая изолированная комната въ два окна. Обстановка самая скромная—книжный шкафъ, диванъ, нѣсколько столовъ, заваленныхъ книгами, рукописями и корректурами книгъ на разныхъ инородческихъ языкахъ. Большой портретъ Ильминскаго виситъ на стѣнѣ, у которой стояла кровать его, когда онъ умиралъ.

*) Съ 1892 года, со смерти Ильминскаго, по его выбору и настоятельной просьбѣ состоятъ директоромъ Н. А. Бобровниковъ.

Въ этомъ кабинетѣ Ильминскій болѣлъ тѣмъ тяжелымъ недугомъ, который безвременно свелъ его въ могилу. Здѣсь онъ среди страданій продолжалъ неутомимо работать, и здѣсь онъ закрылъ свои глаза вечеромъ 27 Декабря 1891 года.

Я невольно перенеслась мыслями къ тому времени, но некогда было долго предаваться воспоминаніямъ о быломъ. Дверь то и дѣло отворялась, непрерывно входили бывшіе воспитанники семинаріи, нынѣ сельскіе учителя. Всѣ они объясняли какія нибудь свои нужды, просили о перемѣщеніи на другія мѣста, о ходатайствѣ для поступленія въ другія учебныя заведенія, нѣкоторые просили работы.

По манерѣ держать себя и говорить учителя эти представляютъ собой типъ хорошихъ русскихъ крестьянъ. Они очень порядочны и выдержаны и соединяють скромность съ сознаніемъ своего достоинства.

Къ директору они обращаются просто и довѣрчиво, безъ манерности и льстивыхъ словъ. Они, не торопясь, рассказываютъ свое дѣло, выслушиваютъ отвѣтъ директора, соглашаются съ нимъ или, подумавъ, возражаютъ прямо и просто. Получивъ удовлетвореніе своего желанія, они благодарятъ тепло, но сдержано; очевидно они считаютъ, что директоръ обязанъ за нихъ думать и писать спустя даже нѣсколько лѣтъ по окончаніи ими курса.

Учителя эти меня очень заинтересовали, какъ совершенно новый, доселѣ мной не видѣнный типъ сельскихъ учителей. Меня особенно поразило въ нихъ отсутствіе того поверхностнаго лоска, которое невыгодно отличаетъ нашу сельскую полу-интеллигенцію и въ ней часто соединяется съ самоувѣренной развязностью или съ льстивой приниженностью.

Объясняется эта разница, по мнѣнію Н. А. Бобровникова, во первыхъ тѣмъ, что Казанская учительская семинарія по составу своему есть семинарія крестьянская, во вторыхъ,

что наставники ея стремятся сохранить и въ стѣнахъ заведенія сельскіе нравы.

Мнѣ впоследствии пришлось видѣть такихъ учителей по деревнямъ и много о нихъ слышать, и мои первыя о нихъ впечатлѣнія только еще болѣе подтвердились, такъ какъ я убѣдилась, что учителя изъ воспитанниковъ семинаріи не разрываютъ связи съ народомъ, изъ котораго вышли, и въ своей дѣятельности и частной жизни.

Въ числѣ первыхъ учителей, встрѣченныхъ мной въ кабинетѣ директора семинаріи, былъ черемисинъ И. рослый, красивый юноша съ большими сѣрыми задумчивыми глазами и сжатыми губами, придающими его лицу выраженіе сдержанной рѣшимости. Онъ проситъ перевода въ другую школу, такъ какъ въ той, гдѣ онъ служить теперь, слишкомъ мало дѣла. «А дать вамъ работу на лѣто?» спрашиваетъ его директоръ.

И. улыбается, что дѣлаетъ его лицо еще болѣе привлекательнымъ. «Ну такъ вотъ что», говоритъ ему директоръ, «отправляйтесь-ка въ *** уѣздъ въ черемисскія селенія и запишите тамъ черемисскія сказки, загадки, народныя пѣсни, сколько вамъ удастся собрать. Это будетъ очень интересный матеріалъ, а вы кстати освѣжите свое знаніе черемисскаго языка, который вы начинаете забывать. Деньги на дорогу я вамъ найду».

Послѣ И. является чувашинъ Б., бѣлокурый юноша съ широкими скулами и нѣсколько угрюмымъ выраженіемъ лица. Онъ проситъ директора помочь ему найти мѣсто въ Казани, такъ какъ онъ хочетъ готовиться къ экзамену зрѣлости, что невозможно въ деревнѣ.

Хотя Н. А. Бобровниковъ не сочувствуетъ искусственному привитію высшаго образованія инородцамъ, такъ какъ стремленіе къ нему обезлюживаетъ деревню, но когда видитъ юношу, ко-

торый самъ къ нему пробивается, то не отказываетъ ему въ содѣйствіи.

Послѣднимъ изъ инородцевъ пришелъ крещеный татаринъ П... очень юный на видъ учитель съ наивнымъ, почти дѣтскимъ выраженіемъ. Онъ окончилъ курсъ всего годъ тому назадъ, учительствовалъ зиму у киргизъ, такъ какъ знаетъ киргизскій языкъ, но теперь проситъ дать ему мѣсто поближе къ родителямъ. Онъ проводитъ лѣто на своей родинѣ въ деревнѣ Т. Казанской губ., и я общаю навѣстить его во время моихъ предполагаемыхъ объѣздовъ крещено-татарскихъ селеній.

Пока мы бесѣдовали съ П., пришелъ еще бывшій питомецъ семинаріи Т. русскій, окончившій курсъ въ прошломъ году, красивый юноша съ блестящими глазами и веселымъ лицомъ. Онъ прослужилъ годъ въ Саратовской губерніи, въ мѣстности гдѣ происходили политическія и аграрныя крестьянскія волненія, и съ большимъ оживленіемъ и полной откровенностью передавалъ директору свои впечатлѣнія. Теперь Т. получилъ, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, очень хорошо оплаченное мѣсто въ губернскомъ городѣ той же губерніи.

Бесѣдуя съ этими учителями, я убѣдилась, что воспитанники Казанской учительской семинаріи очень развиты, хорошо знакомы съ литературой и сознательно относятся къ явленіямъ современной жизни, но въ то же время они одушевлены горячимъ патріотизмомъ, и вносятъ въ свою школьную дѣятельность особенное, свое собственное, направленіе. Впослѣдствіи, когда я ѣздила по инородческимъ селеніямъ, я всюду слышала объ этихъ учителяхъ отличные, а иногда и восторженные отзывы.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ учительской семинаріей я поняла, откуда происходитъ это направленіе и чѣмъ оно поддерживается.

На другой день моего пребыванія въ Казани, я подробно осмотрѣла семинарію. Она основана въ 1872 году Н. Ив. Ильминскимъ, который былъ и первымъ ея директоромъ, и завершила собой общій обширный планъ по образованію инородцевъ, постепенно выработанный Ильминскимъ путемъ долготѣйшей работы. Основныя системы инородческаго просвѣщенія были выражены въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 26 марта 1870 года, которыми было опредѣлено, что орудіемъ первоначальнаго обученія инородцевъ долженъ быть ихъ родной языкъ; для инородцевъ-христіанъ правила эти поставили первой задачей на родной школы религіозно-нравственное ихъ образованіе и утвержденіе ихъ въ православной вѣрѣ.

Отсюда само собою вытекала потребность въ учителяхъ изъ инородцевъ и въ учебномъ заведеніи для воспитанія такихъ учителей. Такъ возникла учительская семинарія.

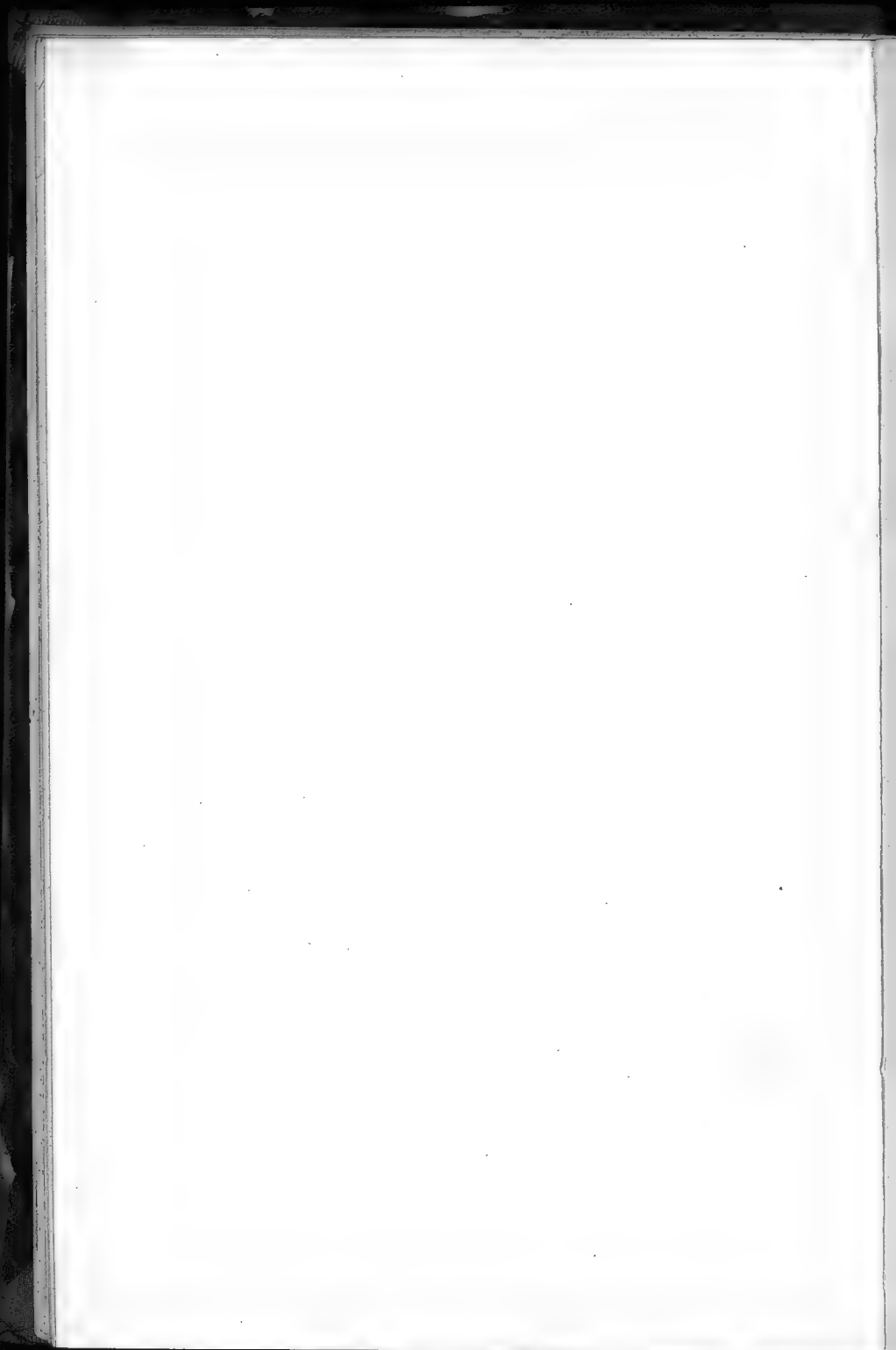
Первоначально по уставу было положено имѣть въ семинаріи половину русскихъ и половину инородцевъ, но въ виду того, что семинарія не успѣвала удовлетворить запросу на учителей изъ инородцевъ, въ 1894 году Высочайше разрѣшено было имѣть въ семинаріи инородцевъ $\frac{2}{3}$ общаго состава. Вслѣдствіе того, что первоначально было очень трудно набрать въ семинарію хорошо подготовленныхъ инородцевъ, число ихъ было довольно ограничено, и они съ большимъ трудомъ доводились до конца курса. За время основанія семинаріи до 1890 г. инородцевъ почти всегда оканчивало курсъ менѣе, чѣмъ русскихъ—именно съ 1875 по 1890 г. включительно окончило курсъ 468 человекъ, въ томъ числѣ русскихъ 290 и инородцевъ 178, т. е. инородцы составляли 38%. Въ среднемъ оканчивало курсъ ежегодно 29 человекъ.

Съ 1890 г. число инородцевъ и число всѣхъ вообще окан-

Группа воспитанниковъ Казанской учительской семинаріи.

Стоять, слева:	калмыкъ,	башкиръ,	вотки,	черемисъ,	кореецъ,	пермякъ,	башкиръ.
Сидятъ, справа:	мордвинъ,	зырянинъ,	ириня,	чувашинъ,	ясугъ.		

чивающихъ курсъ значительно возрасло. Число окончившихъ курсъ за послѣдніе годы было слѣдующее *).

Годъ.	Русскихъ.	Инородцевъ.	Итого.
1891	12	20	32
1892	9	13	22
1893	17	13	30
1894	12	17	29
1895	15	18	33
1896	12	20	32
1897	16	15	31
1898	10	20	30
1899	14	26	40
1900	9	20	29
1901	15	33	48
1902	10	30	40
1903	14	29	43
1904	18	29	47
	183	303	486

т. е. въ среднемъ по 38 человѣкъ на выпускъ. Инородцы за эти годы составляютъ 62% всего числа окончившихъ курсъ.

Изъ этой таблицы видно, что число окончившихъ курсъ въ семинаріи за послѣдніе 6 лѣтъ въ среднемъ на 10—12 человѣкъ болѣе, чѣмъ въ годы предшествующіе. Этого, конечно, невозможно было достигнуть безъ увеличенія общаго числа учащихся въ семинаріи. Въ виду значительнаго числа желающихъ поступить въ семинарію, она съ каждымъ годомъ принимала болѣе и болѣе и при томъ же ассигнованіи, вмѣсто положенныхъ по штату 150 воспитанниковъ, стала содержать ихъ 180, 190, 195.

*) XXXII годовщина открытія Казанской учительской семинаріи. Казань 1904 г. стр. 9—10.

Случилось, это въ силу необходимости, но привело къ утвержденію 11 марта 1902 г. новаго штата семинаріи, по которому ассигнованіе на нее было увеличено. Въмѣстѣ съ утвержденіемъ новаго штата ассигнована была сумма и на расширеніе и ремонтъ существующихъ помѣщеній. Годы, предшествующіе утвержденію новаго штата, были годами значительныхъ денежныхъ затрудненій для семинаріи. Въпослѣдствіи изъ разговоровъ съ наставниками я узнала, что изъ этихъ затрудненій она вышла лишь благодаря значительнымъ пожертвованіямъ на ея нужды нынѣшняго директора семинаріи, который трудится, не жалѣя для нея силъ и даже дѣлится съ ней своимъ заработкомъ.

За все время существованія семинаріи окончившіе курсъ распределяются по племенамъ такъ:

Русскихъ	473	Корейцевъ	6
Чуваши	126	Камыковъ	6
Татаръ	104	Зырянъ	5
Черемисъ	88	Якутъ	4
Мордвы	75	Алтайцевъ	4
Вотяковъ	40	Арабовъ	2
Пермяковъ	10	Абхазцевъ	1
Киргизъ	9	Эстонцевъ	1

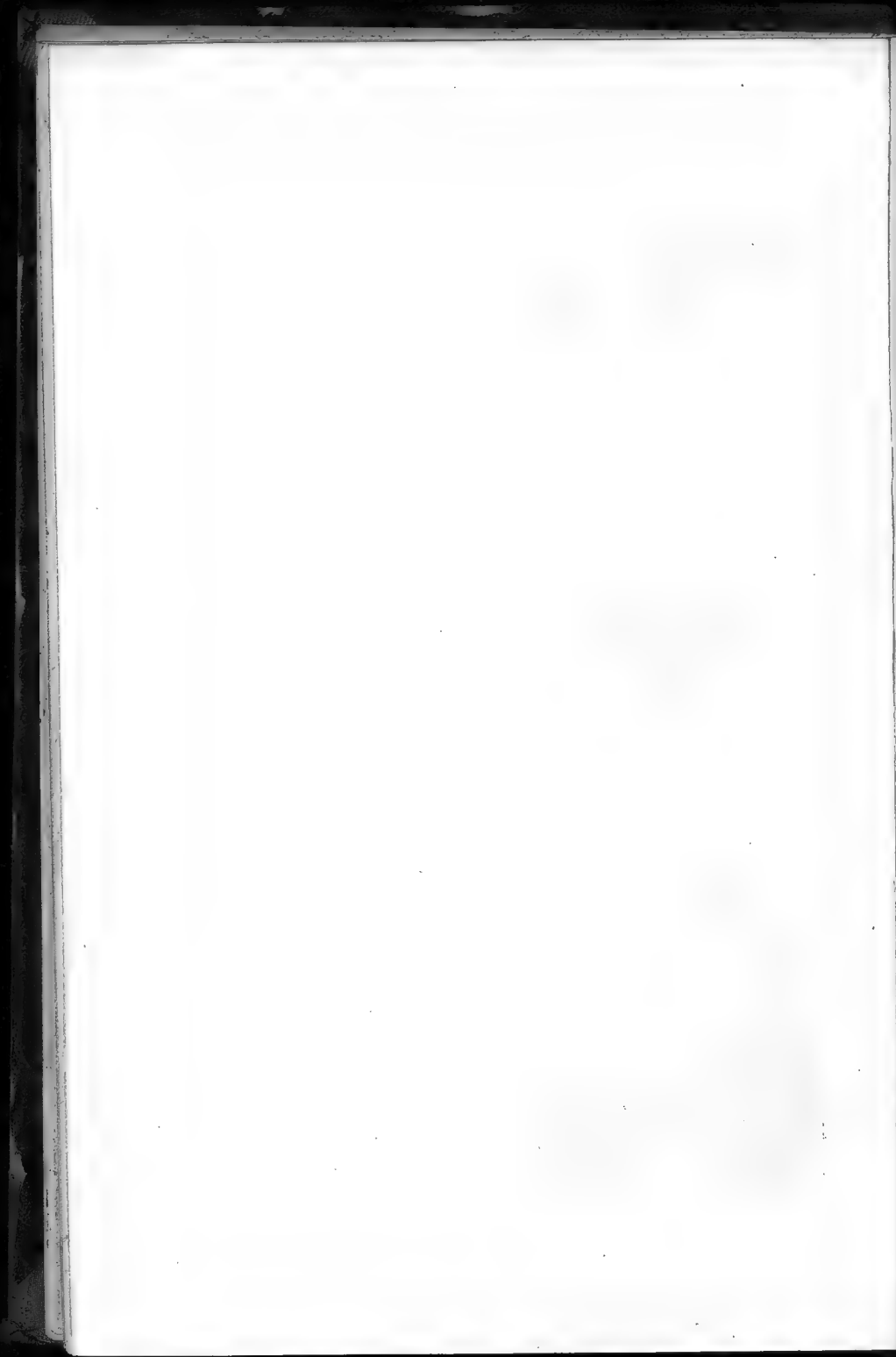
Сопоставляя эту таблицу съ предыдущею, можно убѣдиться, что большая часть инородцевъ окончила курсъ въ послѣдніе годы. Это свидѣтельствуетъ, что семинарія осталась вѣрна завѣтамъ ея основателя.

Но и при новыхъ штатахъ учительская семинарія далеко не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ въ ней учиться. На 30 вакансій—300 кандидатовъ на поступленіе, и осенній конкурсный экзаменъ, по словамъ учителей, всегда сопровождается тяжелыми сценами.

Группа учениковъ начальныхъ школъ при Казанской учительской семинаріи.

Верхній рядъ, слева: чухоминскіе, пермскіе, юрлинскіе, вятскіе, зарицкыиъ,
Нижній рядъ, слева: пермскіе, горьковскіе, мордовскіе, черемисскіе, вятскіе, пермскіе.

Такая же судьба постигаетъ и начальную школу при семинаріи. Напр. въ прошломъ году въ нее должны были поступить только 3 чувашина, а ихъ пріѣхало 70.

Зданіе учительской семинаріи 4-хъ этажное, старинной постройки. Въ нижнемъ этажѣ во всю длину зданія тянется полутемный корридоръ со сводами, въ который выходятъ двери квартиръ директора и наставниковъ. Въ обоихъ концахъ его помѣщаются массивные шкафы—складъ изданій переводческой комиссіи. Мнѣ объяснили, что въ настоящее время въ складѣ находится до 150,000 экземпляровъ книгъ и брошюръ на сумму до 18,000 рублей и что перечень этихъ изданій бесплатно высылается всякому желающему. Лѣстница довольно узкая, классы по числу учащихся небольшіе, парты старыя, потертыя, все имѣетъ видъ не только не роскошный, но даже убогій.

Въ томъ же этажѣ, гдѣ классы, помѣщается церковь, изящно украшенная стѣнной живописью въ русскомъ стилѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются спальни воспитанниковъ, изъ оконъ которыхъ чудный видъ на Казань.

Дворъ семинаріи небольшой; въ глубинѣ его стоитъ зданіе мастерскихъ, гдѣ ученики семинаріи, изучаютъ различные ремесла. Семинарія гордится своей учебной мастерской. Прежде всего посѣтителя поражаетъ, что въ ней масса сложныхъ и цѣнныхъ машинъ, и они приводятся въ движеніе паровымъ двигателемъ.

Директоръ объяснилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, сельскій учитель не можетъ отрываться отъ физическаго труда, не отрываясь тѣмъ самымъ отъ народа, такъ какъ физическій трудъ есть основа крестьянской жизни. Поэтому этотъ трудъ долженъ составлять существенную часть въ воспитаніи каждаго человѣка, посвящающаго себя жизни въ деревнѣ. Такъ называемый ручной трудъ недостаточенъ для сельскаго учи-

теля, выросшаго за сохой и плугомъ; для распространенія культуры въ странѣ нужно, чтобъ учителя не по книжкѣ знали о работѣ пара, а освоились съ этой работой, убѣдились, что трудъ человѣка дѣлается втрое, въ десять разъ продуктивнѣе, когда онъ основывается на рациональномъ знаніи, а не ведется рутинно.

Въ мастерской имѣется кузнечное отдѣленіе, гдѣ бьются желѣзные связи и рѣшетки къ лѣстницѣ въ строящійся новый домъ, слесарное отдѣленіе, гдѣ при моемъ посѣщеніи собирали паровую мельницу, столярная, гдѣ дѣлались двери и рамы для строящагося дома...

Воспитанни къ семинаріи начинаютъ занятія ремеслами прохожденіемъ программы ручнаго труда, затѣмъ переходить къ исполненію сложныхъ вещей. Мальчики, которые дома въ деревнѣ работали въ мастерскихъ, тяготея къ ручному труду и стремятся стать поскорѣе за токарный станокъ или наковальню.

Во время моего посѣщенія, въ семинаріи не было воспитанниковъ (была вакація), и въ мастерской работали лишь наемные мастера.

Рядомъ съ главнымъ корпусомъ учительской семинаріи возводится новое 3-хъ этажное зданіе, предназначенное для квартиръ наставниковъ и учителей начальной образцовой школы, такъ какъ старый домъ давно уже пересталъ вмѣщать въ себя персоналъ семинаріи, большая часть котораго вынуждена жить на квартирахъ въ городѣ. Я взобралась по лѣсамъ на самый верхъ новаго зданія, откуда открывался восхитительный видъ на Казань. Передъ домомъ разстилается живописное озеро Кабанъ, которое исчезаетъ направо за крутымъ берегомъ, густо застроенномъ домами, за которыми виднѣются далекіе лѣса. Налѣво за озеромъ, дома поднимаются амфитеатромъ къ лучшей части города; колокольни церк-

вей и минареты мечетей возвышаются надъ плотной массой каменныхъ зданій и все вѣнчается кремлемъ, главами его соборовъ и причудливой Сумбекиной башней.

Часть города, непосредственно примыкающая къ учительской семинаріи, — чисто татарская. Мечети стоятъ здѣсь вплотъ; я насчитала ихъ до десяти, двѣ изъ нихъ построены около самой семинаріи направо и налево, точно два стража, представленные для охраны мусульманскаго царства.

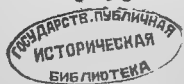
Мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ этой частью города. Когда я выходила изъ ограды, изъ открытыхъ оконъ семинаріи неслись звуки органа; это ученики — арабы, только что окончившіе курсъ и единственные не имѣвшіе возможности, за дальностью разстоянія, уѣхать на родину, играли на фисгармоніи старинные церковные напѣвы. Плавные, мелодичные аккорды разносились по тихому воздуху, и ихъ пѣвучая молитвенность представляла разительный контрастъ съ окружающей мусульманской обстановкой.

Непосредственно за семинаріей тянутся безмолвныя улицы, заселенныя исключительно татарами. Въ какую сторону ни обратитесь, всюду видны минареты. На углу маленькой площади, на которой разбиваютъ садикъ, мусульманинъ Шамиль, — сынъ знаменитаго врага Россіи, — генералъ русской службы, строитъ себѣ каменный домъ, своей архитектурой напоминающій крѣпость съ башнями и бойницами.

Поворачиваю въ улицу налево. У воротъ домовъ кучками сидятъ татары и съ любопытствомъ на меня поглядываютъ.

Заворачиваю за уголъ въ болѣе глухой переулокъ, который тянется параллельно берегу Кабана. Съ одной стороны деревья сада выглядываютъ изъ за высокой стѣны. Съ другой тянутся дома мусульманъ, безъ оконъ въ нижнемъ этажѣ, безъ крылецъ, замкнутые въ высокіе каменные заборы, точно скрывающіе какую то тайну. Высокіе фундаменты усиливаютъ

518326

впечатлѣніе неприступности; двери выходятъ на дворъ, огна небольшіа, на половину закрытыа ставнями.

Тутъ чуетса мѣръ особенный, замкнутый, сильный въ самомъ себѣ, рѣзко отличающійся отъ нашего и, можетъ быть, намъ враждебный.

Выхожу на берегъ Кабана. Веселое озеро оживлено снующими по нему лодочками—это любимое катанье казанцевъ. Проплываетъ бѣлый, переполненный людьми пароходъ, съ котораго раздаются звуки военной музыки.

Возвращаюсь въ семинарію съ другой стороны. Подлѣ нея надъ высокимъ берегомъ, сидѣтъ вереница татарокъ въ яркихъ цвѣтныхъ кафтанахъ съ широкими рукавами. При моемъ появленіи онѣ встаютъ, медленно проходятъ мимо меня, прячась за широкія складки своихъ красныхъ, зеленыхъ, лиловыхъ одеждъ, и уходятъ въ мусульманскій кварталъ.

У воротъ учительской семинаріи сидятъ окончившіе тамъ курсъ кореецъ и 2 араба и дружественно бесѣдуютъ. Увидавъ меня они встаютъ съ улыбкой и ласково меня привѣтствуютъ.

Мнѣ удалось обстоятельно побесѣдовать съ этими молодыми людьми, а впослѣдствіи, по моей просьбѣ, они написали мнѣ нѣсколько интересныхъ писемъ.

Окончившіе курсъ арабы желали посвятить свои силы на пользу своему народу, но Палестинское Общество предлагаетъ имъ въ Сиріи учительскія мѣста за 10 р. въ мѣсяцъ, а имъ, послѣ 4-хъ лѣтъ обученія въ далекой Россіи, такое положеніе представляется не обезпечивающимъ возможности посвящать часть времени самообразованію и иногда съѣздить въ Россію, что они считаютъ необходимымъ. Поэтому имъ хочется продолжить образованіе, которое лучше обезпечить ихъ впослѣдствіи, но такъ какъ въ Россіи образованіе, подобно Царству небесному, дается лишь употребляющимъ большія усилія,

судьба арабовъ остается неопредѣленной, и грустный, недоумѣвающий взглядъ одного изъ нихъ долго вспоминается мнѣ потомъ.

Кореецъ М. Л., окончившій курсъ учительской семинаріи 3 или 4 года назадъ, былъ посланъ учителемъ въ школу при Сеульской духовной миссіи, и послѣ начала войны вернулся въ Россію. Попадъ въ Казань, М. Л. явился въ семинарію, и былъ принятъ, какъ это здѣсь полагается, съ распростертыми объятіями, тотчасъ ему дали и работу—сотрудничество въ корейскихъ изданіяхъ.

Духовное начальство, какъ ревнивый мужъ, усмотрѣло въ этомъ измѣну, объявило Л-ну, что двумъ господамъ служить нельзя и уволило его со службы.

III.

Я посѣтила Казанскую учительскую семинарію въ вакаціонное время и рассчитывала увидѣть тамъ лишь стѣны, но увидѣла кипучую дѣятельность. При каждомъ посѣщеніи я встрѣчала новыхъ людей и слышала о новыхъ вопросахъ, при томъ о столь важныхъ, что собственно учебное дѣло передъ ними какъ бы ступшеывалось. Въ концѣ моего пребыванія въ Казани, семинарія стала даже представляться мнѣ не столько какъ учебное заведеніе, сколько какъ центръ просвѣтительной и переводческой дѣятельности. По этому къ описанію моего посѣщенія семинаріи я хочу присоединить нѣкоторыя свѣдѣнія и о переводческой коммисіи. Я не имѣю претензіи описать дѣятельность этого любопытнаго учрежденія—это превосходить мои силы—а лишь сообщить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ разговоровъ съ священниками и учителями встрѣченными мною въ семинаріи.

Первые переводы на инородческіе языки восходятъ къ XVII столѣтію и началу XIX, но до 60-хъ годовъ этого столѣтія переводы были неудовлетворительны со стороны внутренней сущности и внѣшняго исполненія. Инородческіе языки, въ своемъ первобытномъ видѣ *), совсѣмъ не имѣютъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. Такія слова надо создать. Для этого надо взять подходящее слово въ его реальномъ значеніи и въ сознаніи народа возвысить его до означенія отвлеченнаго понятія. Когда же это оказывается невозможнымъ, надо употребить русское слово. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ *духъ* въ своемъ реальномъ значеніи выражаетъ *дуновение* и запахъ, затѣмъ оно стало выражать *духъ-душу* и *духъ-бестѣлесное существо*, и наконецъ Св. Духъ-Богъ. Подобный путь развитія должны пройти и слова инородческія. Нельзя просто переводить слово въ слово, надо *создать* языкъ, не какъ наборъ звуковъ, а какъ выраженіе внутренняго значенія словъ. Сразу сдѣлать этого нельзя, и поэтому переводы священныхъ книгъ, изобилующихъ отвлеченными понятіями, представляютъ значительную трудность.

Первые переводчики этого не понимали, и, не умѣя при томъ уяснить себѣ и синтаксическихъ отличій инородческихъ языковъ отъ языка русскаго, переводили слово въ слово. Получалась совершенная безмыслица, непонятная не только простому народу, но и болѣе образованнымъ изъ инородцевъ. Переводчики были почти все русскіе, и поэтому они употребляли русскіе обороты и даже слова, и въ инородческихъ переводахъ допустили массу погрѣшностей. Татарскій переводъ катихизиса былъ сдѣланъ татаринномъ, но на ученый книжный турецко-татарскій языкъ, изобилующій арабскими,

*) Православный Благовѣстникъ 1904 г. № 14.
Вотскій переводъ Св. Четверо-Евангелія.

турецкими и персидскими словами, и потому тоже совершенно непонятный народу. Печатались эти книги большей частью русскимъ алфавитомъ, не принаровленномъ къ фонетикѣ инородческихъ языковъ, что очень затрудняло чтеніе и тоже затемняло смыслъ. Въ 1820 году была сдѣлана попытка приспособленія русской азбуки для транскрипціи инородческихъ языковъ, но далеко несовершенная.

Въ 40-го годахъ среди крещенныхъ татаръ началось новое отступническое движеніе и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникла мысль объ открытіи въ татарскихъ приходахъ богослуженія на татарскомъ языкѣ. Императоръ Николай I повелѣлъ приготовить для этого необходимые переводы, и въ 1847 году былъ образованъ для этого особый комитетъ при Казанской академіи. Предсѣдателемъ его съ 1848 года былъ Казанскій архіепископъ Григорій (Постниковъ), главнымъ руководителемъ-оріенталистъ профессоръ Казанскаго университета А. Б. Казембекъ, а его сотрудниками-ректоръ академіи арх. Григорій, молодой бакалавръ Н. И. Ильминскій и проф. Г. С. Саблуковъ, (извѣстный знатокъ арабскаго и татарскаго языка)*).

Въ теченіи 10 лѣтъ комитетъ успѣлъ перевести главнѣйшія священныя и богослужебныя книги, но допустилъ прежнюю ошибку: сдѣлалъ переводы на книжный татарскій языкъ и напечаталъ ихъ арабскимъ шрифтомъ. Лѣтомъ 1856 года архіепископъ Григорій отправилъ Ильминскаго по татарскимъ селеніямъ, чтобъ испытать пригодность для народа новыхъ переводовъ. Ильминскій скоро убѣдился, что эти переводы для крещенныхъ инородцевъ совершенно непонятны. Тогда его осыбила мысль о необходимости перевести книги на живой народный языкъ и печатать ихъ русскими

*) Знаменскій. Исторія Казанской духовной академіи Казань 1892 г. т. II. стр. 328.

буквами, приспособленными къ фонетикѣ инородческихъ языковъ. Осуществленіе этой мысли привело къ самымъ отраднымъ результатамъ: едва грамотные крестьянскіе мальчики стали свободно читать и понимать новыя книги, и переводческое дѣло съ этого времени стало быстро разрастаться и процвѣтать. Первая книжка на татарскомъ языкѣ въ этомъ новомъ направленіи — букварь, переводъ съ букваря синодальнаго изданія, была напечатана Ильминскимъ въ 1862 году. Съ этого года должны вести свою хронологію миссіонерскія изданія на инородческихъ языкахъ, дѣйствительно отвѣчающія своей цѣли.

Въ первое время книги эти печатались почти цѣликомъ Ильминскимъ на собственный счетъ и по его единоличной инициативѣ и отвѣтственности, за цензурой Казанской духовной академіи. Въ 1876 году въ Казани была основана, по предложенію Московскаго митрополита Иннокентія, переводческая коммиссія Православнаго Миссіонерскаго Общества, при братствѣ св. Гурія, и Ильминскій сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ и первымъ ея предсѣдателемъ. Переводы составлялись отчасти самими членами коммиссіи — знатоками различныхъ инородческихъ языковъ, но большей частью выработывались при Казанской учительской семинаріи и при Казанской крещено-татарской школѣ. Татарскіе переводы велись завѣдующимъ крещено-татарской школой, первымъ священникомъ изъ татаръ о. Василиемъ Тимофеевымъ. Чувашскіе переводы составлялись, какъ и татарскіе, многими лицами, но скоро перешли въ вѣдѣніе другого сподвижника Ильминскаго — природнаго чувашенина И. Я. Яковлева, главнаго двигателя просвѣщенія чувашъ. Центромъ этого просвѣщенія въ смыслѣ учительства, священства и переводческой работы сдѣлалась основанная и возлелѣнная имъ Симбирская учительская школа.

Рядомъ съ этими зрѣлыми силами работали окончившіе курсъ въ Казанской учительской семинаріи, крещено-татарской школѣ и Симбирской чувашской школѣ учителя и священники, и даже сами ученики этихъ учебныхъ заведеній.

По мѣрѣ того, какъ въ учительскую семинарію поступали представители все новыхъ и новыхъ племенъ, увеличивалась возможность разнообразить переводы.

Съ начала новой переводческой дѣятельности Ильминскаго, т. е. съ 1862 года до открытія переводческой комиссіи въ 1876 г., напечатано переводовъ священныхъ и богослуженныхъ книгъ, учебниковъ и руководствъ:

На татарскомъ языкѣ	18
На чувашскомъ	15
На черемисскомъ	8
На киргизскомъ	1

Итого 42 названія

За время съ 1876 по годъ смерти Н. И. Ильминскаго, (1901—2 учебный годъ), напечатано таковыхъ же книгъ:

На татарскомъ языкѣ	31
На чувашскомъ	25
На черемисскомъ	17
На вотскомъ	12
На мордовскомъ	11
На киргизскомъ	7
На алтайскомъ	10
На бурятскомъ	10
На тунгузскомъ	2
На гольдскомъ	7
На якутскомъ	6
На остяко-самойдскомъ нарѣчій	4

итого 142 названія *).

*) Протоіерей А. Никольскій. Переводческая комиссія. Москва 1901 г.

Итакъ Ильминскій до основанія переводческой комиссіи т. е. за первые 12 лѣтъ напечаталъ 42 названія, т. е. въ среднемъ почти 4 названія въ году.

Переводческая комиссія съ своего основанія въ 1875—1876 до 1891—1892 года включительно, т. е. за первые 17 лѣтъ своего существованія, издала 142 названія т. е. по $8\frac{2}{17}$ названій въ годъ.

Изъ нихъ издано на 6 мѣстныхъ языкахъ 103 названія и на 6 сибирскихъ 39 названій.

Всего менѣе было сдѣлано комиссіей для киргизовъ.

Главная причина этого заключается въ томъ, что киргизы, хотя частію и сохранили язычество, официально числятся магометанами; въ школахъ, гдѣ учатся киргизскія дѣти, преподается мусульманское вѣроученіе, поэтому имъ нельзя предлагать православныхъ книгъ и нельзя думать о введеніи православнаго богослуженія на киргизскомъ языкѣ.

Одновременно съ изданіемъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ, въ Сибири составлялись переводы на языки сибирскихъ инородцевъ (за исключеніемъ алтайскаго и частью якутскаго) и въ Казани печатались, а иногда исправлялись. Особенно близкіе сношенія существовали между Н. И. Ильминскимъ и Алтайской миссіей, которая командировала въ Казань іеромонаха Макарія, нынѣ епископа Томскаго, для составленія совмѣстно съ Николаемъ Ивановичемъ грамматики алтайскаго языка. Миссія воспитала нѣсколько алтайцевъ въ Казанской учительской семинаріи, и Николай Ивановичъ, пользуясь ими, издалъ нѣсколько книгъ на алтайскомъ языкѣ. Главнымъ создателемъ якутскихъ переводовъ явился преосвященный Діонисій, епископъ Якутскій, впоследствии Уфимскій — человѣкъ всей душой преданный миссіонерскому дѣлу.

Постепенно изданіе книгъ на языкахъ сибирскихъ инородцевъ перенеслось въ Сибирь, и переводческая комиссія стала

направлять свои силы на новыя племена и съ каждымъ годомъ расширять свою дѣятельность.

Такая плодотворная работа, при скудныхъ средствахъ получаемыхъ ею изъ Православнаго Миссіонерскаго Общества объясняется тѣмъ, что ни предѣдатель ея Ильминскій, ни большинство членовъ коммисіи не получали жалованья. Порядокъ этотъ продолжается и послѣ смерти Ильминскаго, когда предѣдателемъ на его мѣсто былъ назначенъ безвозмездно профессоръ духовной академіи М. А. Малаповъ, а дѣлопроизводство и значительную часть работы принялъ на себя также бесплатно новый директоръ семинаріи Н. А. Бобровниковъ.

Послѣ смерти Ильминскаго переводческая коммисія, какъ всякое учрежденіе, поставленное вѣрно, не умерло, а послѣдовательно развивалось. Прежде всего это развитіе поражаетъ наблюдателя чисто съ количественной стороны.

Съ 1893 года до 1899 года переводческой коммисіей напечатано: книгъ священныхъ богослужебныхъ и учебныхъ.

На татарскомъ языкѣ	57
На чувашскомъ	115
На черемисскомъ	27
На киргизскомъ	23
На башкирскомъ	7
На мордовскомъ	12
На вотскомъ	20
На калмыцкомъ	5
На азербейджанскомъ	3
На якутскомъ	5
На пермяцкомъ	6
На чукотскомъ	2
На арабскомъ и персидскомъ	4
На аварскомъ	1
На русскомъ	25

ИТОГО 312 названій *).

*) Отчеты Православ. Мисс. Общ. за эти годы.

Итакъ за первые 17 лѣтъ существованія переводческой комиссіи напечатано на 12 языкахъ—142 названія, въ среднемъ $8\frac{6}{17}$ названій въ году, а за первые 7 лѣтъ послѣ смерти Ильминскаго ею напечатано на 15 языкахъ—312 названій, въ среднемъ $44\frac{4}{7}$ названій въ году.

Изъ этихъ 15 языковъ—14 инородческихъ; изъ нихъ на 7 языкахъ уже печатались книги прежде, и прибавились переводы на 7 новыхъ языкахъ.

Столь значительное развитіе переводческой дѣятельности находится въ прямой связи съ отмѣченнымъ выше развитіемъ учительской семинаріи. Въ отчетѣ дѣятельности семинаріи за 1903—1904 годъ читаемъ слѣдующее: «Казанская учительская семинарія и крещено татарская школа въ лицѣ директора, преподавателей и отчасти воспитанниковъ, кромѣ учебной работы, исполняли и значительную часть работы по переводу книгъ на инородческія нарѣчія».

Въ текущемъ учебномъ году издано 43 названія; въ томъ числѣ четыре на корейскомъ языкѣ; 14 на чувашскомъ, большинство которыхъ составлены при главномъ участіи Симбирской чувашской учительской школы, 13 на вотскомъ, 5 на черемисскомъ, при содѣйствіи священника о. П. Глезденева, 4 на татарскомъ и 3 на русскомъ (для инородцевъ ^{*)}).

Денежныя средства для изданія переводовъ состояли изъ ассигнованія Миссіонерскаго Общества и изъ выручки отъ продажи изданій. При Ильминскомъ всѣ почти изданія раздавались даромъ,—вскорѣ послѣ его смерти сдѣлалось возможнымъ нѣкоторые изданія хоть частью продавать.

Впослѣдствіи канцелярія переводческой комиссіи мнѣ сообщила свой отчетъ за 1904 года. Вотъ общіе итоги этого отчета:

^{*)} XXXII годовщина открытія Казанской учительской семинаріи. Казань, 1904 г.

Приходъ.	1. Отъ Совѣта Православнаго Мис- сіонерскаго Общества	5500 р. 00 к.
	2. Отъ Хозяйственнаго управленія при Св Синодѣ, въ возвратъ израсходованныхъ по напеча- танію II-й части русско-араб- скаго словаря	993 » 75 »
	3. Отъ продажи книгъ изъ складовъ	2578 » 22 »
	4. Выдано авансомъ изъ 19-й статьи расхода книги № 1-й—15 руб. и изъ 9-й статьи расхода книги № 2-й 100 руб. всего	115 » 00 »
	Итого на приходъ	9186 р. 97 к.

Расходъ.	1. Перерасходъ 1903 года.	67 » 29 »
	2. Уплатено по счетамъ типографій за наборъ, печатаніе и бумагу	5599 » 62 »
	3. Выдано сотрудникамъ	1945 » 00 »
	4. Израсходовано на приобрѣтеніе мебели	168 » 92 »
	5. Выдано членскаго жалованья (о. Т. Е. Егорову и И. Я. Яковлеву), ...	700 » 00 »
	6. Расходы по завѣдыванію складовъ	130 » 00 »
	7. На наемъ писцовъ и канцеляр- скія принадлежности	247 » 64 »
	8. Израсходовано на пересылку и перевозку книгъ и на пере- сылочные матеріалы	84 » 62 »
	9. Разные мелочные расходы	17 » 20 »
	10. Покупка книгъ для склада	47 » 81 »
	11. Возвращено не израсходованныхъ авансовъ	115 » 00 »
	Итого на расходъ	9124 р. 85 к.

Денежный отчетъ переводческой комиссіи подписанъ казначаемъ ея, бібліотекаремъ казанской духовной академіи—*Θ. И. Троицкимъ*, исполняющимъ обязанность казначея, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, бесплатно. Переводческая комиссія есть главнѣйшее учрежденіе по изданію религіозно-просвѣтительныхъ книгъ и переводовъ Священнаго Писанія для многомилліонной массы восточныхъ инородцевъ. Зная насколько неохотно, не только инородцы, но и русскіе крестьяне расходуютъ деньги на покупку книгъ, которыя комиссія несомнѣнно должна продавать инородцамъ крайне дешево или раздавать бесплатно, я не могу не удивляться незначительности ассигнованія на ея содержаніе.

Позволю себѣ по этому поводу привести выдержку изъ 100-го отчета Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества.

«Общество имѣетъ склады книгъ Священнаго Писанія въ наиболѣе значительныхъ городахъ Европейской Россіи и во всѣхъ значительныхъ городахъ Сибири вплоть до Владивостока. Кромѣ продажи, производимой въ складахъ Общества, дѣло ведется и книгоношами, путешествующими съ мѣста на мѣсто и предлагающими публикѣ Слово Божіе.

Въ 1903 году всего въ Россіи работало 88 книгоношъ. Число книгъ Священнаго Писанія, распространенныхъ такимъ образомъ, достигло крупной цифры 565,860 экземпляровъ. Приобрѣтеніе такого огромнаго количества книгъ и ихъ распространеніе по всей Имперіи налагаетъ большіе расходы на Общество... Общество не только не набавляетъ на цѣну стоимости книгъ, но еще во многихъ случаяхъ продаетъ ихъ съ значительной скидкой и даже раздаетъ ихъ даромъ... Въ общемъ итогъ выходитъ, что расходъ Общества на работу въ Россійской Имперіи, превышаетъ приходъ отъ продажи книгъ болѣе чѣмъ на 120,000 рублей въ годъ. Другими словами, эта сумма составляетъ ежегодное приношеніе Общества Рос-

сійской Имперіи, съ цѣлью сдѣлать Слово Божіе доступнымъ всѣмъ народамъ, живущимъ въ ея предѣлахъ»¹⁾.

Чтобы видѣть насколько мы отстали въ отношеніи заботы о распространеніи Священнаго Писанія среди инородцевъ, приведу изъ того же отчета еще нѣкоторые данныя.

По случаю 100-лѣтняго юбилея Библейскаго Общества была открыта подписка на образованіе особаго юбилейнаго капитала, давшая 1.728,000 руб. Россія, ежегодно получающая отъ Общества болѣе 120,000 руб. послала въ юбилейной капиталъ 5,500 рублей.

Общій нормальный ежегодный расходъ Библейскаго Общества превосходитъ 2.450,000 рублей изъ которыхъ болѣе половины даютъ членскіе взносы, а меньшая половина—выручка отъ продажи изданій²⁾.

Обращаясь къ полному отчету Библейскаго Общества за помянутый годъ, мы находимъ, что оно распространило книгъ Священнаго Писанія въ 1903—1904-мъ году:

Въ Корей	28,853 экз.
» Японіи	167,825 »
» Манчжуріи	81,070 »
» Монголіи	15,418 »
» Тянь-Тзинской провинціи	234,552 »
» Во всемъ Китаѣ	933,965 »
» Египтъ	46,882 »

и такъ далѣе⁴⁾

¹⁾ Извлеченіе изъ 100-го отчета Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества. С. П. Б. 1904, стр. 10.

²⁾ Тамъ же стр. 5.

³⁾ Тамъ же стр. 7.

⁴⁾ The hundredth report of the British and foreign Bible Society London 1904—pages 298, 306, 267, 269, 271, 292, 147.

Всего оно за отчетный годъ распространило книгъ Свящ. Писанія:

Библий	1,057,154 экз.
Новыхъ Заветовъ	1,449,808 экз.
Отдѣльных частей Свящ. Писанія	3,190,399 экз.

Всего 5,697,361 экз.

Все число книгъ, распространенныхъ Обществомъ, со времени его основанія въ 1804 году, достигаетъ 186,680,101 экз.

Работы Общества по переводамъ и пересмотру изданій продолжаютъ расти изъ года въ годъ... Общество имѣетъ переводы на 316 языкахъ, разрабатываемыми непосредственно только имъ; кромѣ того, оно оказало помощь для перевода или распространенія Св. Писанія еще на 62 другихъ языкахъ, такъ что въ общемъ получается 378 языковъ. При пересмотрѣ списка этихъ языковъ мы находимъ, что полная Библия существуетъ на 99 языкахъ и нарѣчійхъ, а полный Новый Заветъ еще на 91 другихъ языкахъ и нарѣчійхъ. Придется немного увеличить этотъ списокъ, если включить работы другихъ Обществъ и лицъ.

Общество при своей работѣ употребляетъ отъ 50 — 60 разныхъ алфавитовъ, изъ которыхъ одни читаются слѣва на право, другіе справа на лѣво, а нѣкоторые сверху внизъ; приходится печатать не менѣе 50 языковъ двумя или болѣе различными алфавитами для того, чтобы Св. Писаніе стало понятно всѣмъ слоямъ народа *).

Передъ приведенными цифрами дѣятельность не только переводческой комиссіи, но и всего Миссіонерскаго Общества, органомъ котораго она является, кажется ничтожной. Годовой бюджетъ Миссіонерскаго Общества не достигаетъ и 300,000

*) Извлеченіе изъ соотвѣстнаго отчета Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества. СПб. 1904 стр. 8, 9.

рублей, считая въ томъ числѣ расходы и на инородческія школы въ Европейской Россіи и на содержаніе миссій въ Америкѣ, Японіи, Забайкальѣ, Китаѣ и прочее...

Но дѣлается еще грустнѣе, когда мы просматриваемъ списокъ членовъ Британскаго Библейскаго Общества; списокъ этотъ огромный и заключаетъ въ себѣ наиболѣе извѣстныя въ Англіи имена.

Переводческая же комиссія Православнаго Миссіонерскаго Общества состоитъ лишь изъ небольшой группы членовъ — добровольцевъ, которые работаютъ почти всѣ безвозмездно и благодаря этому могутъ бесплатно раздавать книги и снабжать ими братскія школы *).

Рядомъ съ ними работаютъ проживающіе въ Казани или разбѣянные по уѣздамъ Казанской и смежныхъ съ ней губерній священники, діаконы, учителя и мѣстные жители. Многіе изъ нихъ, въ качествѣ сотрудниковъ, принимаютъ значительное участіе, въ переводческой работѣ и нѣкоторые изъ нихъ считаются самыми лучшими переводчиками; большинство же содѣйствуетъ распространенію издаваемыхъ переводческой комиссіей книгъ среди темной инородческой массы, живущей по захолустнымъ мѣстностямъ.

Сколь ни скромна, сравнительно съ приведенными выше цифрами, работа переводческой комиссіи, но взятая отдѣльно, работа эта въ виду ограниченности средствъ, поражаетъ своею значительностью. Поэтому меня крайне удивило, когда я впоследствии узнала, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ самое продолженіе существованія переводческой комиссіи представлялось сомнительнымъ.

1) Вотъ почтенныя имена членовъ переводческой комиссіи: профессора М. А. Машановъ, Н. О. Катановъ, П. А. Юнгеровъ, директоръ учительской семинаріи Н. А. Бобровниковъ, инспекторъ чувашской учительской школы И. Я. Яковлевъ и заведующій крещено-татарской школы священникъ о. Т. Егоровъ.

Лишь 25 ноября 1903 г. Высочайше одобренъ новый уставъ переводческой комиссіи, давшій ей самостоятельное положеніе и возможность работать спокойно и правильно. Годы, предшествующіе утвержденію этого устава, были самыми тяжелыми годами ея жизни. Мѣстная епархіальная власть стремилась подчинить комиссію себѣ и сдѣлать ее епархіальнымъ учрежденіемъ. Члены комиссіи, понятно, этого не хотѣли. Совѣтъ Миссіонерскаго Общества поддержалъ комиссію и послѣ значительной переписки добился подчиненія комиссіи непосредственно себѣ.

Дѣятельность переводческой комиссіи, кромѣ учительской семинаріи, связана еще съ нѣсколькими учебными заведеніями: Казанской центральной крещено-татарской школой, Симбирской чувашской учительской школой, центральной вятской Карлыганской и центральной черемисской Унженской.

Всѣ эти школы или возникли по инициативѣ изъ Казанской семинаріи или находятся съ ней въ идейной связи.

О нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ будетъ сказано подробно ниже. Здѣсь же скажу лишь объ Унженской школѣ, черемисскихъ переводахъ и два слова о мордовскихъ переводахъ, такъ какъ главныхъ дѣятелей по этимъ переводамъ я встрѣчала въ кабинетѣ директора семинаріи и здѣсь съ ними бесѣдовала.

Работа по черемисскимъ переводамъ была прежде сосредоточена въ Унженской, Царевококшайскаго уѣзда, черемисской школѣ. Но въ послѣдніе годы миссіонерскій духъ этой школы, повидимому, сталъ ослабѣвать, и теперь черемисскіе переводы составляются при помощи нѣсколькихъ священниковъ Вятской епархіи, особенно о. Громова.

Лучшіе годы Унженской школы относятся къ тому времени, когда ею завѣдывалъ священникъ А. К.

Мнѣ удалось познакомиться въ Казанской учительской семинаріи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

А. К. черемисинъ самъ и особенно заинтересовать меня, какъ одинъ изъ прежнихъ учениковъ семинаріи, окончившій тамъ курсъ въ 1885 году. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ учителемъ, потомъ діакономъ и священникомъ, и около 5 лѣтъ завѣдывалъ Унженской школой. Какъ человѣкъ безкорыстный, смиренный, отдающій дѣлу все свои силы и скудные свои средства, А. К. резко отличался отъ обычнаго типа служителей алтаря, которымъ такое смиреніе часто даже непонятно. Такъ однажды А. К. съ случайнымъ попутчикомъ пріѣхалъ въ Казань, гдѣ ему нужно было представиться по дѣлу владыкъ. Безкорыстный іерей, раздававшій все, что получалъ, своимъ нуждающимся соплеменникамъ, не имѣлъ сапогъ и поѣхалъ въ валенкахъ. Но секретарь владыки, замѣтивъ это, не пустилъ его даже на глаза святителю, и А. К. молча удалился и вернулся домой пѣшкомъ за 60 верстъ.

У А. К. уже въ молодости проявлялось стремленіе къ монашеской жизни, но Н. И. Ильминскій его сдерживалъ, и старался направить на практическую дѣятельность, «Я хотѣлъ поступить въ монастырь, сказалъ онъ мнѣ, но Н. Ив. заставилъ меня жениться, чтобъ мнѣ можно было оставаться въ міру и служить моимъ одноплеменникамъ». Однако А. К. рано лишился семьи, постригся въ монахи и былъ назначенъ настоятелемъ черемисскаго монастыря въ Бирскомъ уѣздѣ. Положеніе этого монастыря въ глухомъ языческомъ краю даетъ новому настоятелю возможность соединять монашескую жизнь съ миссіонерствомъ. Худой, подвижной человѣкъ, бѣдно одѣтый, смиренный, но сильный духомъ, онъ и хлопочетъ о монастырѣ и объѣзжаетъ окрестныя школы.

Весь Бирскій край населенъ черемисами, вотягами и татарами, послѣдніе преимущественно магометане, черемисы и вотяки почти

всѣ язычники, а крещенные изъ нихъ не многимъ лучше язычниковъ.

При монастырѣ открыта миссіонерская школа, куда принимаютъ на полное содержаніе мальчиковъ черемись—язычниковъ, а для лучшихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ и нѣсколькихъ приходящихъ русскихъ учениковъ. Настоятель преподаетъ въ этой школѣ ежедневно, и за нѣсколько лѣтъ болѣе половины дѣтей окрестилось. Задача школы—готовить учителей для открывающихся по дѣревнямъ школъ грамоты.

Вслѣдствіе крайней бѣдности монастыря, дѣло просвѣщенія движется медленно. Не хватаетъ средствъ ни на содержаніе учениковъ, ни на наемъ достаточнаго числа учителей. Существующимъ учительскимъ персоналомъ настоятель очень доволенъ, особенно хвалитъ двухъ окончившихъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи, говоритъ, что «они производятъ фуроръ», но необходимо было бы открыть второй классъ, а этого до сихъ поръ невозможно добиться. Епархіальное начальство разрѣшило монастырю открыть таковой «на свои средства», но онъ и такъ обремененъ долгами, хотя обставленъ убого; настоятель отдаетъ все, что имѣетъ, и ревнитель просвѣщенія, изъ своей «вѣтромъ огороженной» обители съ грустью смотритъ на воздвигающійся въ сосѣднемъ уѣздѣ прекрасный домъ для учительской школы и думаетъ о неравномъ распредѣленіи земныхъ благъ.

Просвѣтительная дѣятельность монастыря опирается на преподаваніе и богослуженіе на черемисскомъ языкѣ: язычники охотно слушаютъ понятное пѣніе, и ученики язычники безъ всякаго протеста ежедневно посѣщаютъ монастырскую церковь, пока очень тѣсную и убогую. Игуменъ принялся за постройку новаго храма, такъ какъ старый разваливается, и энергично воздвигаетъ каменный подвальный этажъ, но при полномъ отсутствіи средствъ онъ не скоро окончитъ постройку.

Въ семинаріи же я познакомилась еще съ однимъ дѣя-
телемъ по переводамъ черемисиномъ-священникомъ о. П. Г.,
окончившимъ курсъ въ Бирской учительской школѣ и прослу-
жившимъ нѣсколько лѣтъ учителемъ. О. Г. принялъ христіан-
ство лишь на 21-омъ году.

Теперь онъ поступилъ въ духовную академію и по своей
живости и искренности общается быть полезнымъ тружени-
комъ въ дѣлѣ просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ. По типу
и по разговору его невозможно отличить отъ русскаго; гово-
рить онъ живо, увлекательно.

«Черемисы культурно поднимаются», — говорилъ онъ, —
разувѣряются въ язычествѣ и стоятъ на рубежѣ между му-
сульманствомъ и христіанствомъ, не зная, куда пристать. Гор-
ные черемисы почти обрусѣли, ихъ только не слѣдуетъ раз-
дражать. Вообще черемисы народъ независимый, и съ ними
надо обращаться осторожно. Луговые черемисы очень склонны
къ исламу. Единственное средство ихъ спасти отъ отатарива-
нія—или вѣрнѣе отъ обашкириванія—это втолковать имъ,
что они черемисы, а не башкиры».

«Среди уфимскихъ черемисъ есть школы министерскія съ
инородческими учителями, но система Ильминскаго въ нихъ
не примѣняется, только родной языкъ употребляется въ теченіе
перваго года. Въ цѣляхъ обрусѣнія очень было бы желательно
усилить въ школахъ примѣненіе родного языка. Бирскій уѣздъ
менѣе безнадеженъ, чѣмъ Белебеевскій, но и тамъ спасти
отъ ислама можно лишь поддержаніемъ язычества и понятія
о народности, иначе будетъ повальное отатариваніе».

Во время разговора, который, какъ сказано, происходилъ
въ кабинетѣ директора семинаріи, онъ, оторвавшись отъ раз-
говора, который онъ велъ съ другимъ посѣтителемъ, сталъ
вспоминать о своихъ поѣздкахъ по черемисамъ и о радуш-
номъ приѣмѣ, который онъ всюду встрѣтилъ.

«Да васъ всѣ черемисы знаютъ», — воскликнуть о. П. Г. — «какъ скажутъ Н. А. такъ принимаютъ съ распростертыми объятіями. Всѣ инородцы знаютъ, что отъ васъ, кромѣ добра, ничего не увидятъ».

Во время моего пребыванія въ Казани мнѣ удалось узнать нѣкоторыя подробности и о мордовскомъ мірѣ чрезъ одного изъ давнихъ сотрудниковъ переводческой комиссіи — наставника учительской семинаріи мордвина М. Е.

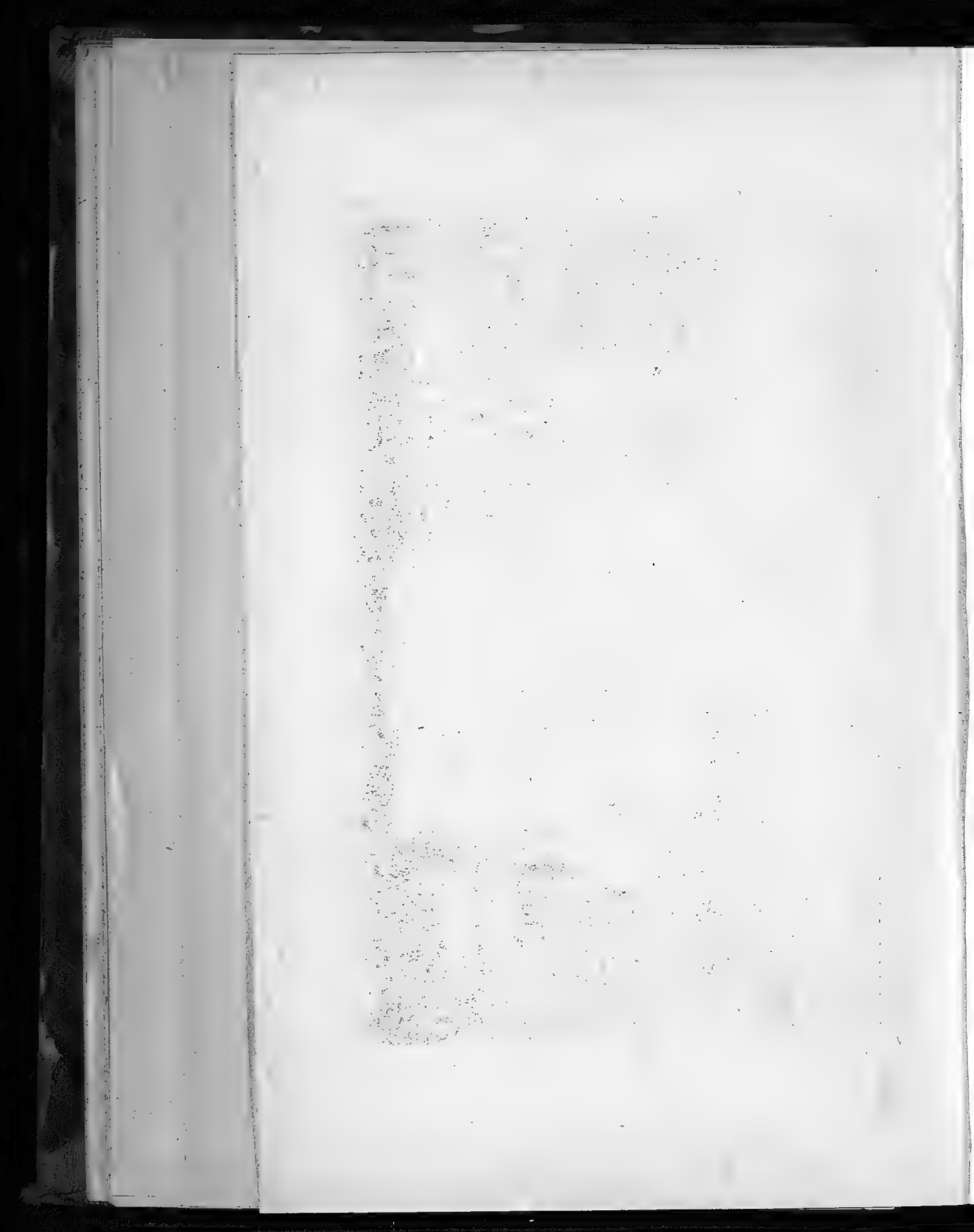
Я не разъ слышала мнѣніе, что мордва обрусѣла, и что даже тамъ, гдѣ она русскаго языка не знаетъ, она нисколько не нуждается ни въ школѣ ни въ богослуженіи на родномъ языкѣ и, несмотря на совершенную непонятность славянскаго богослуженія, усердно посѣщаетъ церковь и отличается пламеннымъ религіознымъ духомъ. Это мнѣніе высказывалось между прочимъ о мордвѣ Темниковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи, но такъ какъ подобное положеніе легко можетъ быть поставлено въ связи съ общимъ вопросомъ о просвѣщеніи инородцевъ, то я обратилась за разрѣшеніемъ этого пункта къ М. Е.

Онъ отвѣтилъ слѣдующее: «Мордва Темниковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи, которую я видѣлъ въ 90-хъ годахъ, очень благочестива, ходитъ съ усердіемъ въ церковь, но въ то же время усердно приносить языческія жертвы. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи есть обрусѣвшая мордва, у нихъ есть даже хоры, которые поютъ въ церкви, но вѣрованія ихъ совершенно языческія. Особенно женщины поддерживаютъ языческіе обряды, старики совершаютъ общественныя моленія, а женщины поддерживаютъ семейное язычество».

«Вообще мужики у нихъ говорятъ по-русски, но дѣти школьнаго возраста и женщины не знаютъ по-русски ни слова. Поэтому необходимо было бы открывать и между ними

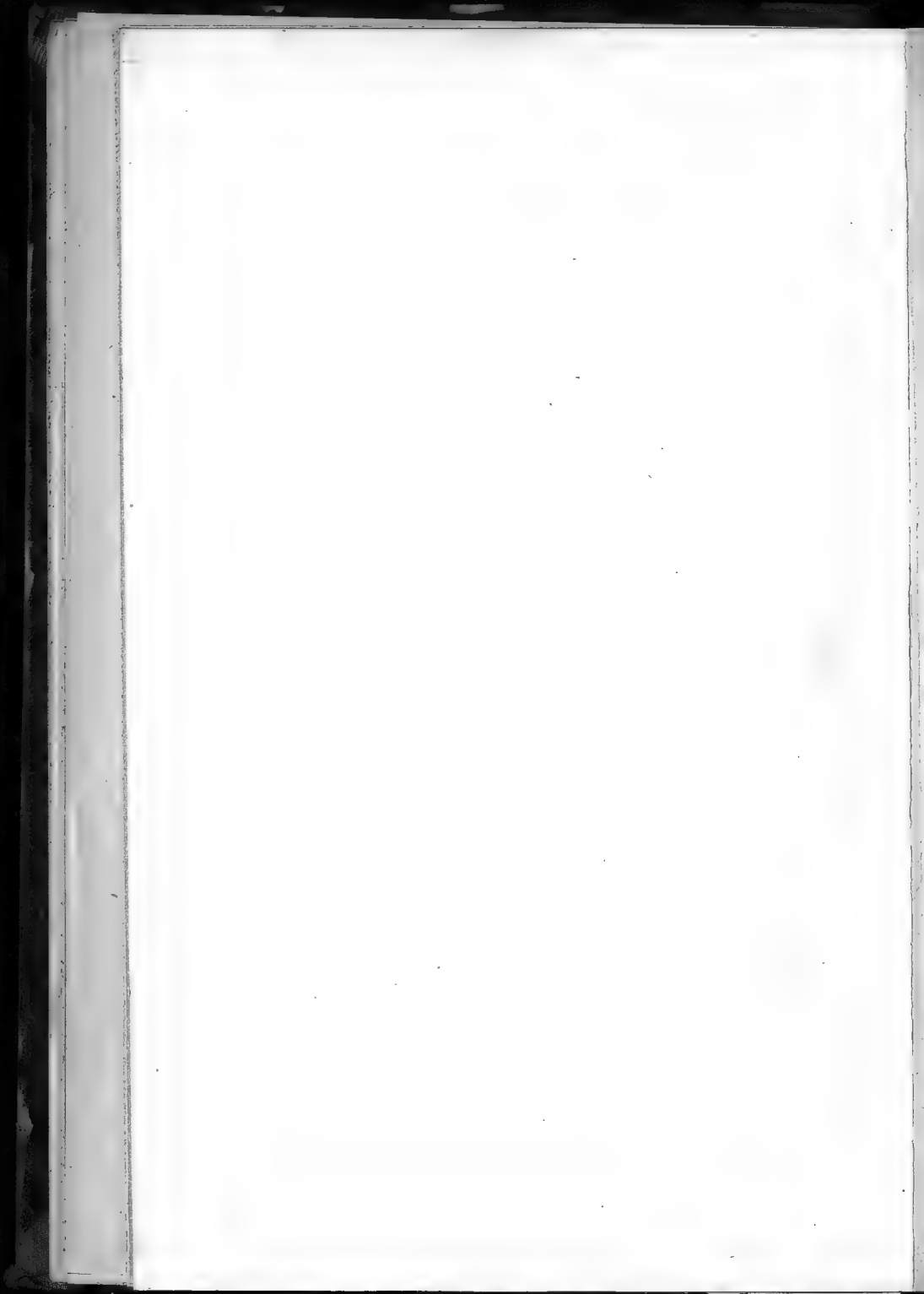

Языческое моление Пензенской мордвы.

Пензенскія мордовки.

школы съ роднымъ языкомъ, особенно для дѣвочекъ. Для мордовскихъ мальчиковъ поступленіе въ школу, гдѣ преподаваніе идетъ на русскомъ языкѣ, также составляетъ истинное мученіе. Самъ я тамъ учился въ теченіи 4-хъ лѣтъ и окончилъ курсъ съ самымъ скуднымъ знаніемъ русскаго языка».

«Мордва не склонна къ мусульманству, но очень склонна къ расколу и другимъ сектамъ: молоканству, хлыстовству и проч. Школа на русскомъ языкѣ и богослуженіе на славянскомъ языкѣ мордву не удовлетворяютъ, почему она и впадаетъ въ сектантство.

Желательно было бы у нихъ введеніе системы Ильминскаго».

Послѣ я отъ одного русскаго, бывшаго учителемъ въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, слышала, что тамошняя мордва очень почитаетъ Николая Чудотворца, но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не исполняетъ ея прошеній, сбьетъ его икону и бросаетъ ее подъ лавку. Такое религіозное состояніе мордвы трудно признать удовлетворительнымъ.

Мнѣ невозможно перечислить всѣхъ разноплеменныхъ инородческихъ учителей, священниковъ и иныхъ дѣтелей, которыхъ я видѣла во время моего краткаго пребыванія въ Казани. Всѣ они стекаются въ учительскую семинарію, какъ къ своему естественному центру, убѣжденные, что директоръ обдумаетъ всѣ ихъ нужды и по возможности устроитъ. Не даромъ я слышала отъ инородческихъ дѣтелей, разсѣянныхъ въ глухихъ углахъ Казанской и сосѣднихъ съ ней губерній: «Николая Алексѣевича всѣ инородцы знаютъ, всѣ на него смотрятъ, какъ на преемника Н. И. Ильминскаго, всѣ къ нему обращаются».

Я познакомилась и съ нѣсколькими наставниками учительской семинаріи и замѣтила, что они составляютъ какъ

бы семейный кружокъ, сплоченный вокругъ директора. Эти семейныя отношенія замѣтны и на воспитанникахъ, которые довѣрчиво обращаются къ директору съ своими нуждами и даже много лѣтъ спустя послѣ окончанія курса приходятъ къ нему за совѣтами, касающимися ихъ частной жизни. Я сама случайно убѣдилась въ такомъ отношеніи учителей къ Казанской учительской семинаріи. Во время моего пребыванія, туда явились 7 учителей и учительницъ, которые окончили курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и пріѣхали въ Казань по своимъ частнымъ дѣламъ. Они прямо обратились къ директору и у него нашли пріютъ. Весной сюда пріѣзжаютъ для выпускныхъ экзаменовъ до сотни воспитанниковъ 3-хъ центральныхъ школъ Карыганской, Ишаковской и Унженской и живутъ въ учительской семинаріи въ качествѣ гостей директора¹⁾.

Принципъ, положенный въ основу воспитанія въ Учительской семинаріи есть довѣріе къ людямъ и обращеніе къ ихъ хорошимъ сторонамъ. Бесѣдуя на эту тему, директоръ говорилъ мнѣ:

«Всякій человѣкъ хочетъ быть хорошимъ»—это основной принципъ педагогики, къ сожалѣнію рѣдко у насъ примѣняемый. У насъ до сихъ поръ держится розга, если не фактически, то въ нравственномъ смыслѣ. Учителя работаютъ подъ гнетомъ и въ такомъ же гнетѣ держатъ учениковъ. Въ результатѣ получаются бездушные педагоги, работающіе безъ воодушевленія и безъ радости, и ученики либо вялые и запуганные, либо недовольные, протестующіе».

Въ Казанской учительской семинаріи понимаютъ, что человѣкъ, работающій безъ идеи, скоро обращается въ машину, и учителей не обрѣзываютъ на каждомъ шагѣ стѣсни-

¹⁾ XXXII годовщина Учт. Семинаріи стр. 12.

тельными мѣрами, а позволяютъ имъ проявлять свое творчество въ учебномъ дѣлѣ. «Н. А. всегда даетъ намъ высказываться, и съ уваженіемъ относится къ нашему мнѣнію», говорилъ мнѣ одинъ учитель въ откровенномъ разговорѣ. «Съ учениками онъ бесѣдуетъ, какъ съ людьми полноправными и отвѣтственными и потому имѣетъ на нихъ громадное вліяніе».

Такая свобода въ отношеніяхъ соединяется въ Казанской учительской семинаріи съ нравственной выдержкой. Всѣ ея воспитанники горячо преданы Россіи, не измѣняя при этомъ своему племени. Напротивъ директоръ, развивая въ нихъ патріотическія чувства, уважаетъ ихъ племенные особенности и въ привязанности къ своему племени видитъ и вѣрнѣйшее средство научить ихъ любить Россію.

«Патріотизмъ племенной есть для инородцевъ единственное основаніе любить Россію»,—говорилъ мнѣ Н. А. Б.,— онъ именно дѣлаетъ изъ нихъ горячихъ патріотовъ. Учителятъ изъ любви къ вотякамъ дѣлается болѣе преданнымъ русскимъ патріотомъ, чѣмъ мы, зараженные космополитическими идеями. Его чувство къ *своей* колокольнѣ, къ *своему* селу привязываетъ его къ Россіи больше, чѣмъ насъ—наши разсужденія». Этотъ взглядъ и служить объясненіемъ того духа единенія, который разноплеменныхъ воспитанниковъ семинаріи, казанскихъ и сибирскихъ инородцевъ, корейцевъ и арабовъ, даже киргизъ магометанъ связываетъ въ одно цѣлое.

«Мы хотимъ, чтобы инородцы сами пришли къ намъ по любви¹⁾»,—вотъ главная основа всей системы инородческаго просвѣщенія, она же пробный камень, дающій возможность различить истинныхъ послѣдователей Ильминскаго отъ самозванцевъ.

¹⁾ Вобровниковъ. Къ вопросу о корейскихъ переводахъ. Казань. 1905 г. стр. 8.

IV.

Система инородческаго образованія, получившая свое завершеніе въ созданіи учительской семинаріи, какъ всякое крупное общественное дѣло, выросла органически и развивалась постепенно.

Въ прошломъ ей предшествовала долгая эпоха косности и неумѣлыхъ попытокъ выбраться на настоящій путь.

Въ XVIII вѣкѣ для многотысячнаго, разноплеменнаго инородческаго населенія, живущаго въ Приволжскихъ губерніяхъ, имѣлась только одна школа въ Казани, а въ деревняхъ не было ни одной; поэтому и грамотныхъ инородцевъ почти всѣмъ не было.

Въ началѣ XIX вѣка, при открытіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1804 году, «Уставомъ учебныхъ заведеній» преподаются правила объ открытіи городскихъ и сельскихъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и впервые обращается вниманіе на открытіе сельскихъ школъ.

Уже въ то время Св. Синодъ высказалъ мысль о необходимости инородческаго языка и инородческихъ переводовъ при обученіи дѣтей и взрослыхъ изъ инородцевъ.

«Въ селеніяхъ обратившихся въ Православную Вѣру Грекороссійскаго исповѣданія» читаемъ мы въ вѣдѣніи Св. Синода Правительственному Сенату, «какъ то корель, черемисъ, мордвы, вотяковъ, татаръ, чувашъ и проч., коихъ дѣти по русски не разумѣютъ, учить священно и церковно служителямъ въ школахъ и церквахъ, наставленіе производить на ихъ природномъ языкѣ дотогѣ, доколѣ всѣ изъ прохожанъ отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно Россійскій языкъ, а для преподаванія таковаго ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенные Св. Синодомъ къ

изданію въ печать книги на Россійскомъ языкѣ съ переводомъ на упомянутые, содержащіе въ себѣ церковныя молитвы, Символъ вѣры, десятисловіе и катихизисъ, каковыя книги для сихъ обращенныхъ въ вѣру Греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богочитаніи и истинному познанію святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во все священнослужительскіе чины, открывающіеся имѣющіе, производить или изъ Семиарій тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непремѣнно употребляемый тамъ языкъ, или изъ самыхъ жителей, обучая послѣднихъ первымъ дѣйствіямъ ариметики въ Семинаріяхъ. (Полное собр. постановл. по М. Нар. Просв. т. I, стр. 353).

Въ тоже время заботу о просвѣщеніи крестьянскаго населенія принимаетъ на себя недавно (1797) образованное Удѣльное Вѣдомство, которому вмѣняется въ обязанность открытіе сельскихъ училищъ подъ наблюденіемъ священниковъ, а для поощренія предоставляется родителямъ учащихся нѣкоторыя льготы.

Но эти благія мѣропріятія Правительства не имѣли успѣха, такъ какъ казенныя средства отпускались лишь на гимназіи и уѣздныя училища. Сельскія же приходскія школы должны были устраиваться и содержаться на мѣстныя средства, т. е. въ городахъ на средства городскихъ обществъ, въ помѣщичьихъ селеніяхъ расходы эти ложились на помѣщиковъ, а въ казенныхъ селеніяхъ на самихъ поселянъ, не исключая и инородцевъ. А такъ какъ громадное большинство инородцевъ Казанскаго края были казенными и удѣльными крестьянами, то заводить и содержать школы они должны были исключительно на свои средства.

Инородцы же не могли сознать пользы этихъ школъ, съ преподаваніемъ на чуждомъ имъ языкѣ, а потому и не открывали ихъ.

Въ царствованіи Александра I-го нѣкоторые особенно ревностные священники стали безмездно или за малую плату открывать небольшія частныя школы; но они встрѣтили препятствіе со стороны администраціи, которая требовала отъ нихъ внесенія 5% сбора, тогда взимаемаго съ содержателей частныхъ пансіоновъ, и требовала, чтобы всѣ учителя пріобрѣли учительскія свидѣтельства.

Св. Синодъ, вникнувъ въ положеніе священниковъ, выхлопоталъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія избавленіе ихъ отъ этого 5% сбора, и отъ обязательства добиваться учительскихъ свидѣтельствъ для себя; но учителя изъ мірянъ, занимающіеся въ такихъ частныхъ школахъ, должны были прекратить свою дѣятельность. Въ канцелярію Вятскаго директора гимназіи, завѣдывавшаго тогда и начальными школами губерніи, поступали въ это время такія заявленія: «частныхъ училищъ нѣтъ, такъ какъ стараніемъ г. городничаго они всѣ закрыты».

Въ царствованіи Николая I-го Удѣльное Вѣдомство и Министерство Государственныхъ Имуществъ энергично принялись за школы. Удѣльныя училища должны были по новому уставу содержаться на счетъ удѣльныхъ имѣній, однако управляющіе канторой предлагаютъ крестьянамъ составлять мірскіе приговоры для нужныхъ сборовъ и представляютъ оныя Департаменту Удѣловъ на утвержденіе, послѣ чего сборы сіи помѣщаются въ платежныя табели, т. е. другими словами расходы по содержанію училищъ возлагались все же на самихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Въ 1830 году былъ Высочайше утвержденъ проектъ о волостныхъ училищахъ казенныхъ поселеній Министерства Государственныхъ Имуществъ. Эти школы очень были сходны съ удѣльными и содержались на счетъ частныхъ земскихъ повинностей.

Впрочемъ всѣ эти школы почти не касались инородцевъ.

Въ Казанской губерніи очень рѣдко попадались школы, открытыя и поддерживаемыя духовенствомъ. Правда, въ 1830 году вышелъ указъ Св. Синода о томъ, чтобъ члены причта учили инородческихъ дѣтей на ихъ языкъ безмездно; но указъ этотъ остался безъ послѣдствій, такъ какъ мало было въ средѣ духовенства лицъ, знающихъ инородческіе языки, и мало было желающихъ учить бесплатно.

Удѣльные школы среди инородцевъ стали открываться лишь въ 40-хъ годахъ, причемъ лѣсъ на постройку училищныхъ зданій Удѣлы отпускали даромъ.

Съ 40-хъ же годовъ среди инородцевъ стали открываться и волостныя школы, но открытіе ихъ и другихъ школъ шло весьма туго, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было не болѣе 2—3 училищъ, въ иныхъ ни одного.

Изъ волостныхъ школъ выходили писаря, но они своимъ поведеніемъ сразу заслужили отвращеніе со стороны инородцевъ; писаря безобразничали, грабили своихъ родичей, издѣвались надъ ними, брали взятки и деспотически обращались съ населеніемъ, которое неохотно отдавало своихъ дѣтей въ такія школы, не желая видѣть ихъ писарями.

Даже преобразованіе всѣхъ училищъ въ ведомства Государственныхъ Имуществъ въ приходскія не помогло дѣлу: инородцы рѣшительно отказывались отъ просвѣщенія; никакія мѣры, ни карательныя, ни поощрительныя не помогали, богатые крестьяне откупались отъ школъ, начальство забирало туда только бѣдныхъ.

Бывшій предсѣдатель Департамента Удѣловъ графъ Муравьевъ послѣ объѣзда удѣльныхъ имѣній въ 1858 году заявилъ, что вопросъ о распространеніи грамотности среди удѣльныхъ крестьянъ остается еще «не извлеченнымъ изъ области умозрѣній и далекомъ отъ того, чтобы превратиться въ дѣйствительный животворный фактъ».

«Множество мальчиковъ», писалъ въ то же время завѣдывавшій Вятской удѣльной конторой, «не знаютъ самыхъ необходимыхъ молитвъ, не понимаютъ ни одного изъ обрядовъ вѣры, чужды знанія самыхъ обыкновенныхъ ея правилъ, даже выпускные мальчики не могли рѣшить совершенно простой ариѳметической задачи и не имѣютъ понятія о письмѣ подѣ диктовку».

Дѣти не ходили въ школу цѣлыми мѣсяцами и исключались по уростости, не окончивъ курса.

Въ 1866 году Вуинское уѣздное земское собраніе высказало мнѣніе, что если дѣло обученія крестьянъ предоставить ихъ добровольному желанію, то въ школахъ не останется ни одного мальчика, ни одной дѣвочки. (Начальн. народн. учил. Журн. Мин. Народн. Просв. за 1867 г., мартъ стр. 375).

Это недоброжелательное отношеніе инородцевъ къ школѣ вполне соответствовало постановкѣ самихъ школъ, бѣдно обставленныхъ, неумѣло руководимыхъ. Учителя были плохи, методъ преподаванія былъ плохой; тѣлесныя наказанія, жестокое обращеніе съ дѣтьми — все это не могло привить населенію вкуса къ ученію.

Русскія дѣти еще могли терпѣть все эти невзгоды, такъ какъ они могли усвоить преподаваніе и уносили изъ школъ кое какія свѣдѣнія. Для инородцевъ же посѣщеніе школы было невыносимо, такъ какъ она совершенно была не приспособлена къ инородческому населенію. Инородческія дѣти не понимали русскаго языка, а потому не понимали ни учителя, ни учебниковъ и заучивали уроки наизусть, какъ по пугаи, поощряемые самими учителями и священниками, которые тоже находились въ безысходномъ положеніи. Неудивительно, что и по окончаніи курса, инородцы оставались язычниками, и даже нравственно развращались. Въ 60-хъ годахъ попечитель Казанскаго учебнаго округа Шестаковъ,

описывая чувашскія школы, въ которыхъ не употреблялся родной языкъ, говоритъ о русскихъ учителяхъ и священникахъ, что они безъ разсужденій усаживаютъ чувашскихъ дѣтей за русскій букварь и заставляютъ ихъ учить на память на чуждомъ для нихъ языкѣ молитвы и начатки христіанскаго ученія. Руководимые учителями, не знающими или не желающими знать родного языка своихъ учениковъ, чувашскія дѣти учатъ, чего не понимаютъ, превращаясь въ говорящія машины. Понятно, что у нихъ образуется отвращеніе къ грамотѣ, которая заставляетъ ихъ толпами бѣжать изъ училищъ... Итакъ небреженіе роднымъ языкомъ учениковъ — главная причина неудовлетворительнаго состоянія Буинскихъ, а, конечно, и всѣхъ другихъ инородческихъ школъ...

По нерациональному методу преподаванія а главное, потому что въ этихъ школахъ совершенно игнорировался родной разговорный языкъ инородцевъ, выходявшіе изъ этихъ школъ учащіяся имѣли неразвитую голову, свѣдѣнія смутныя, не могли ничего изъ пройденнаго разсказать на своемъ языкѣ, и скоро терялись между неграмотными и забывали то, чему учились въ школахъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1867 г. Апрель).

Даже тѣ изъ инородцевъ, которые наиболѣе успѣвали при такой системѣ обученія, оказывались въ послѣдствіи какими-то полудиотами, такъ что недавно пришлось уволить изъ Вятской духовной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ черемисъ за совершенную ихъ неспособностью (тотъ же журналъ).

Татары учившіеся въ русскихъ школахъ, часто отступали въ магометанство и даже сами дѣлались пропагандистами. Въ массѣ народонаселенія язычество держалось по прежнему, въ церковь народъ не ходилъ совсѣмъ, многіе склонялись къ магометанству.

Ушинскій писалъ: «знаніе иностраннаго языка, пріобрѣ-

тенное такимъ образомъ (т. е. путемъ устранинія родного языка) не цивилизуетъ еще человѣка, и Боже мой, сколько есть у насъ людей, мыслящихъ совершенно по татарски, но не иначе, какъ на французскомъ языкѣ».

О томъ, что сдѣлала для инородцевъ прежняя школа, Ушинскій писалъ: «хуже, чѣмъ ничего: она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобъ на полурусскомъ нарѣчїи написать какую нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ а только портитъ». (Собр. педагог. сочин.).

Были немногіе священники, знающіе инородческіе языки и ведущіе на этомъ языкѣ преподаваніе, иногда вопреки приказаніямъ начальства. У нихъ успѣшность учениковъ была гораздо выше.

Попечитель Шестаковъ описываетъ два такихъ училища въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «нельзя не замѣтить», пишетъ онъ, «что въ этой школѣ, благодаря педагогической опытности наставника, а главное тому, что онъ учитъ дѣтей разумно (по чувашски и по русски) и дѣти учатся охотно (отсутствующихъ, а тѣмъ болѣе постоянно неходящихъ нѣтъ) и съ успѣхомъ, и рассказываютъ священную исторію съ толкомъ, и родители—чуваша не равнодушны къ школѣ: они не только являются на экзамены, но и внимательно слушаютъ. Для нихъ утѣшеніе слушать истины религіи на своемъ бѣдномъ, но родномъ и потому дорогомъ языкѣ». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. Апрель).

О другомъ такомъ училищѣ Шестаковъ пишетъ, что оно представляетъ также наглядный примѣръ важности обученія на народномъ языкѣ». Предметы, преподаваемые законоучителемъ изъ русскихъ, ученики знаютъ плохо. По предметамъ

же, преподаваемымъ учителемъ — чувашинемъ крестьяниномъ, — успѣхи учениковъ вполне удовлетворительны.

Такіе отзывы о томъ, что при помощи родного языка предметы усваиваются разумно и хорошо, относятся къ нѣсколькимъ школамъ, но до введенія системы Ильминскаго такія школы были весьма рѣдки ¹⁾. Очень интересныя свѣдѣнія объ инородческихъ школахъ даетъ г. Харламповичъ въ статьѣ Казанскія Новокрещенскія школы (Извѣстія общ. арх., истор. и этногр. при Казанскомъ университетѣ 1904 г.).

Разсказавъ грустную исторію, какъ инородческія дѣти въ теченіе двухъ столѣтій забивались при помощи славяно-россійскихъ и російско-латинскихъ премудростей, авторъ пишетъ:

«Полезнѣе было бы, если бы имъ (ученикамъ) вмѣнено было въ обязанность во внѣурочное время говорить другъ съ другомъ или съ посторонними людьми по русски, а учебные предметы преподавались имъ на ихъ языкахъ. Тогда они, мало того, что не забыли бы ихъ, но научились бы выражать по своему христіанскія понятія и истины. А безъ того они, даже обогатившись догматическими и нравственными идеями, должны были являться въ среду своихъ съ плохимъ знаніемъ книжныхъ славянскаго и русскаго языковъ и съ неумѣніемъ передать рѣчью земляковъ научные и церковные термины».

Далѣе, изложивъ тоже невеселую исторію закрытія этихъ школъ г. Харламповичъ пишетъ:

«По нашему убѣжденію, главное условіе, подготовившее не только паденіе новокрещенской школы, но и закрытіе ея, и заключалось въ обрусѣніи ея питомцевъ. Предоставленіе славянскому и русскому языкамъ значенія чуть не единственнаго образовательнаго средства, съ игнорированіемъ силы

1) Изложенныя свѣдѣнія заимствованы изъ статьи священ. К. Прокопьева, любезно сообщенной мнѣ въ рукописи.

родныхъ языковъ, практиковавшееся въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, даже помимо воли и сознанія правительства (желаніе правительства обрусить инородцевъ чрезъ казанскую школу не проявилось ни разу), повело къ тому, что ученики теряли связь съ родомъ и племенемъ и мало по малу забывали прямую цѣль своего обученія: — служеніе дѣлу христіанизаціи сородичей. Очевидно, здѣсь происходило то самое, что наблюдалъ Ильминскій въ инородческихъ школахъ середины XIX столѣтія. Такое образованіе, безъ всякаго перехода, рѣзко отрываетъ получившихъ его отъ понятій инородческой массы и ставитъ ихъ къ ней враждебно. Къ этому присоединились матеріальные расчеты «ученыхъ» инородцевъ и покровительство имъ со стороны епархіальной власти, — и вотъ передъ нами рядъ учениковъ новокрещенской школы, занимающихъ дьячковскія и пономарскія должности не въ родныхъ селахъ, а въ Казани и въ иныхъ городахъ и подгородныхъ селеніяхъ, а также другихъ инородцевъ, вышедшихъ въ свѣтскія званія и, слѣдовательно, совсѣмъ уже забывшихъ о духовныхъ интересахъ своихъ соплеменниковъ. Да и сама духовная власть забыла, къ чему готовились новокрещенскіе ученики, и посылала ихъ подчасъ въ мѣста, гдѣ они не могли встрѣтить ни одного сородича, назначая, напр., вотяка въ пономари къ чебоксарскому собору или черемисина въ с. Каинки, Свияжскаго уѣзда, или семинариста изъ новокрещенныхъ башкиръ въ пономари въ с. Убеево Чебоксарекаго уѣзда (книги записныя). Подобное игнорированіе племенныхъ интересовъ инородцевъ допускалось и раньше (какъ допускается иногда и теперь).

Первая школа совершенно новаго типа была Казанская крещено-татарская школа.

Она возникла сама собой, почти случайно, на почвѣ принаправливанія преподаванія къ живымъ потребностямъ жизни.

Когда Ильминскій началъ замѣнять прежній негодный пе-

реводъ священныхъ книгъ переводами, сдѣланными на живой народный языкъ, ему потребовался помощникъ, простой человекъ, хорошо знакомый съ народнымъ татарскимъ языкомъ. Такого помощника онъ нашелъ въ лицѣ молодого крещенаго татарина Василя Тимофеева, благочестиваго крестьянина, проживавшаго въ селѣ Никифоровкѣ Мамадылскаго уѣзда. Ильминскій взялъ его съ собою въ Казань и устроилъ его сначала водовозомъ въ монастырѣ, а потомъ практикантомъ татарскаго языка въ Казанской духовной академіи, гдѣ самъ состоялъ въ то время профессоромъ.

Зимой 1863 г. къ Василю Тимофеевичу пріѣхалъ изъ деревни племянникъ, желающій учиться, и поселился у него; вскорѣ явилось еще два мальчика—такимъ образомъ составила маленькая школа. Въ слѣдующемъ году число учениковъ и ученицъ возросло уже до 20¹⁾. Школа, помѣщавшаяся сначала въ подвальномъ помѣщеніи въ Академической Слободкѣ, разрослась постепенно въ центральную крещено-татарскую школу для всего Приволжскаго края.

Въ этой школѣ, Василій Тимофеевичъ, человекъ выдающихся педагогическихъ и миссіонерскихъ способностей, вырабатывалъ, въ живомъ взаимодействіи съ Ильминскимъ, приемы разумнаго преподаванія, примѣннаго къ инородцамъ, причемъ принятый для переводовъ приспособленный къ фонетикѣ инородческихъ языковъ русскій алфавитъ былъ принятъ и въ школѣ. Скоро изъ мальчиковъ, считавшихся прежде неспособными къ образованію, стали вырабатываться превосходные сельскіе учителя и миссіонеры.

Вслѣдствіи Василій Тимофеевичъ былъ посвященъ во священника и положилъ собой начало цѣлой плеядѣ прекрасныхъ священниковъ, выпедшихъ изъ нѣдръ народа.

1) Казанская центр. крещ. татар. школа. Казань, 1887 г., стр. 477.

Я много слышала и читала о крещено-татарской школѣ и потому хотѣла ее посѣтить въ первый же день моего пребыванія въ Казани, особенно, когда я узнала, что тамъ жили въ теченіи недѣли и говѣли около 200 крещеныхъ татаръ богомольцевъ, пришедшихъ встрѣчать чудотворную икону Божіей Матери.

Крещено-татарская школа находится далеко отъ семинаріи, на Арскомъ полѣ. Одинъ изъ учителей, съ которыми я познакомилась въ семинаріи, собирався ѣхать въ школу и взялся меня проводить. Электрическій трамвай доставилъ насъ туда минутъ въ 20.

Крещено-татарская школа занимаетъ довольно большую площадь; — цѣлый небольшой кварталъ; на одномъ углу его находится главное зданіе каменное, наполовину построенное на средства мѣстнаго благотворителя купца П. В. Щетинкина; въ немъ помѣщается мужская школа.

Красивый, темно-красный фасадъ этого зданія выходитъ на большую дорогу и уже издали привлекаетъ къ себѣ взоры проезжающихъ. — На другомъ углу квартала находится старый, можно сказать ветхій, деревянный домъ гдѣ прежде помѣщалась мужская школа, а теперь ютится женская.

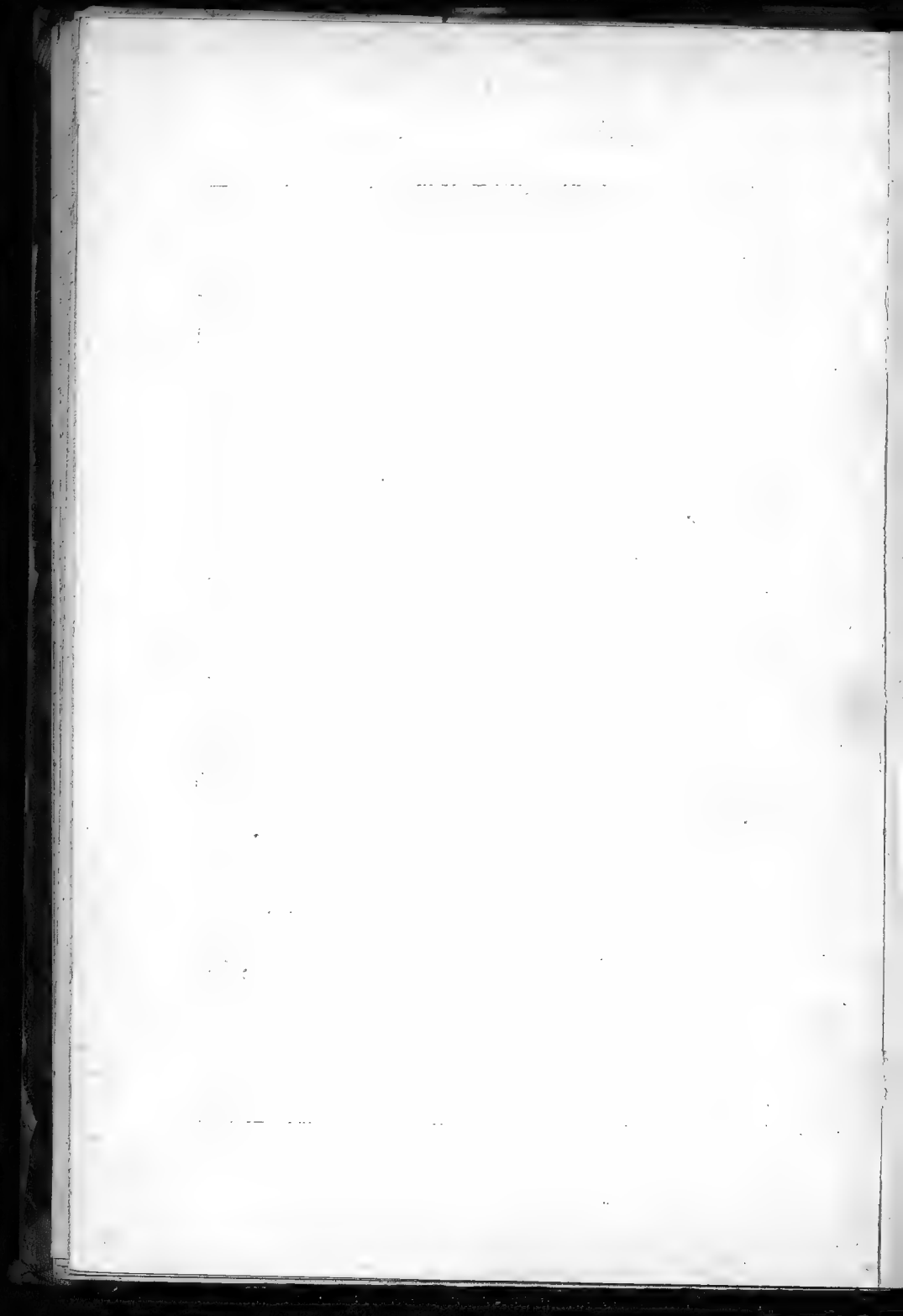
Во флигелѣ между обоими зданіями, живетъ завѣдующій школой священникъ, крещенный татаринъ о. Тимофей Егоровичъ; его жена, — дочь о. Василія Тимофеевича, завѣдуетъ женской школой.

О. Тимофей, по моей просьбѣ, радушно повелѣлъ меня по всемъ уголкамъ своего царства.

Мы сначала осмотрѣли свѣтлыя, просторныя комнаты главнаго корпуса, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщается

Казанская крещено-татарская школа.

хорошенькая церковь. Я вошла въ нее съ благоговѣнiемъ, какъ въ родоначальницу инородческихъ церквей.

Здѣсь въ 1869 году совершилась первая обѣдня на крещено-татарскомъ языкѣ, положившая начало богослуженiю на инородческихъ языкахъ въ Поволжьѣ. Эта первая обѣдня была совершена алтайскимъ iеромонахомъ Макариемъ, нынѣ епископомъ Томскимъ.

Въ крещено-татарской школѣ учатся дѣти крещеныхъ татаръ всѣхъ окрестныхъ губернiй, здѣсь ночуютъ и живутъ по нѣсколько дней прѣзжающiе въ Казань ихъ родители, здѣсь говѣютъ сотни крещеныхъ татаръ богомольцевъ, изъ которыхъ еще сегодня утромъ причащалось болѣе ста человекъ.

Къ вечеру, когда я прѣѣхала въ школу, почти всѣ уже разошлись и по большимъ дорогамъ, прилегающимъ къ Казани, возвращались обратно въ глухiя селенiя, гдѣ многiя не имѣютъ еще богослуженiя на родномъ языкѣ. Только немногiе, отпралявшiеся завтра утромъ на парохолѣ въ Каму, еще бродили по обширному заросшему травой двору школы; тутъ было между прочимъ нѣсколько учительницъ, крестьянокъ, окончившихъ здѣсь курсъ и служащихъ въ сосѣднихъ губернiяхъ. Я съ ними побесѣдовала. По русски онѣ говорятъ совершенно хорошо и представляютъ поразительный примѣръ того, что сдѣлала для нихъ школа. Тутъ же съ ними было нѣсколько неграмотныхъ крещеныхъ татарокъ, можетъ быть ихъ близкiя родственницы; съ ними говорить невозможно, онѣ по русски не могутъ сказать ни одного слова и на всѣ мои вопросы отрицательно качали головой и твердили «белмеймъ».

Учителей, окончившихъ курсъ въ крещено-татарской школѣ, я увидѣла лишь впоследствии; теперь же я основательно разспрашивала завѣдующаго о. Тимофея Егорова о постановкѣ преподаванiя русскаго и инородческаго языковъ въ начальной школѣ и о влiянiи того и другого на развитiе учащихся. о. Тимофей говорилъ

мнѣ, что ученики, поступающіе въ крещено-татарскую школу изъ училищъ, гдѣ преподаваніе шло все время на русскомъ языкѣ, на первый видъ кажутся лучше знающими русскій языкъ, чѣмъ учившіеся въ школахъ съ преподаваніемъ на инородческихъ языкахъ. Но вскорѣ оказывается, что это знаніе только поверхностное, что правильное умственное развитіе этихъ учениковъ нарушено, и они скоро отстаютъ отъ своихъ товарищей и не могутъ кончить курса. Мальчики же, пріѣзжающіе изъ школъ, поставленныхъ по системѣ Ильминскаго, хотя поступаютъ въ крещено-татарскую школу съ менѣе совершеннымъ знаніемъ русскаго языка, оказываются гораздо развитѣе и скоро перегоняютъ первыхъ въ знаніи русскаго языка.

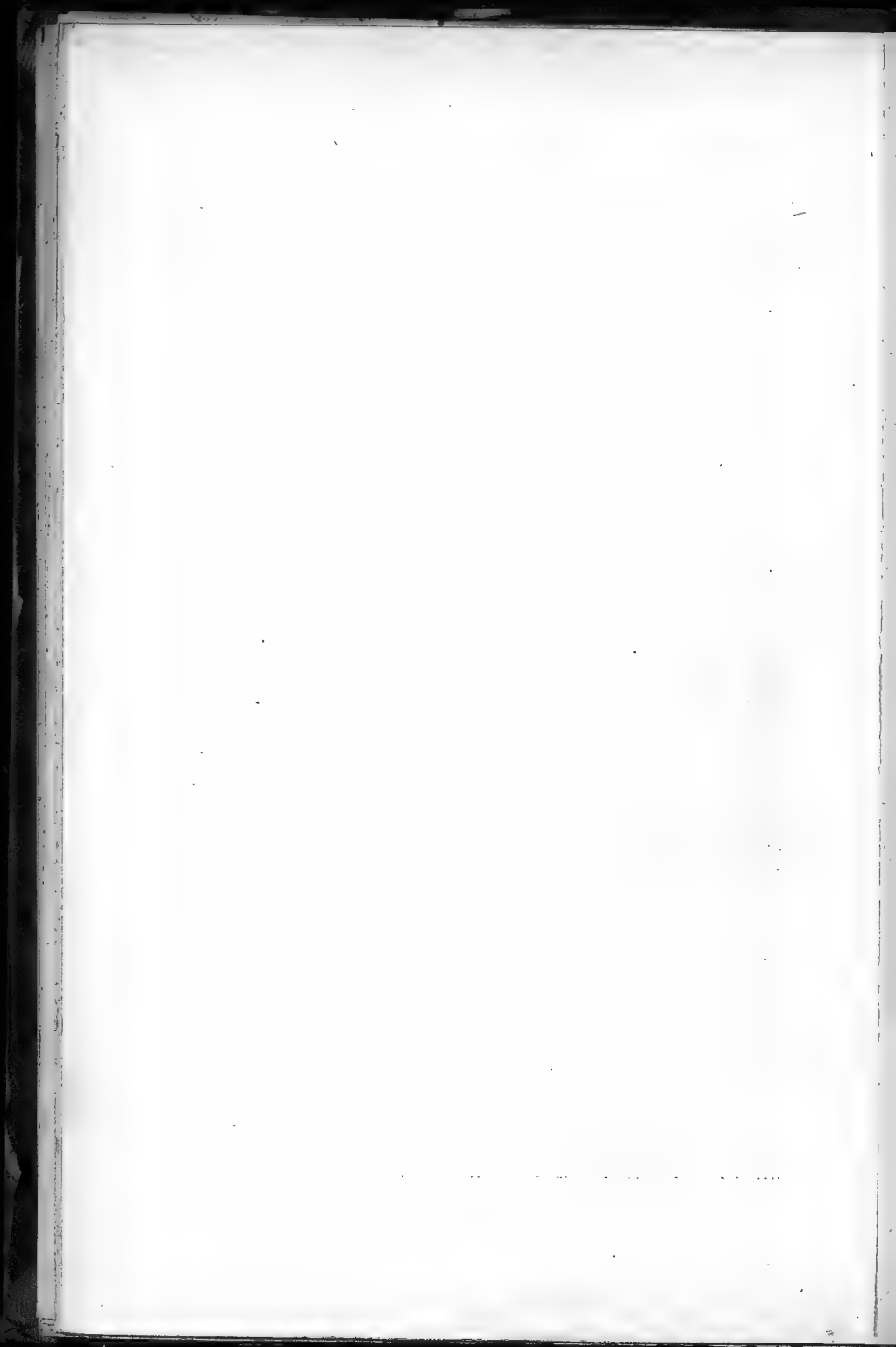
О Тимофеевѣ Егоровичѣ водилъ меня и въ прилегающій ко двору тѣнистый садъ, гдѣ еще стоитъ покосившаяся бесѣдка, въ которой о. Василій Тимофеевичъ работалъ надъ переводами; затѣмъ мы осмотрѣли и женскую школу. Зданіе ветхое, съ небольшими комнатами, крутой лѣстницей и темными, низкими переходами; оно было построено въ 1865 году, когда школа еще только устраивалась.

Послѣ постройки собственнаго зданія школа развивалась довольно быстро.

Вотъ число учениковъ по годамъ:			
	мальчиковъ	дѣвочекъ	Итого
1863—4 г.	3	1	4
1864—5 »	19	1	20
1865—6 »	40	2	42
1866—7 »	60	5	65
1867—8 »	70	8	78
1868—9 »	80	13	93
1869—70 »	86	15	101
1870—71 »	92	25	117

Казанская крещено-татарская школа.

Въ 1867 году былъ первый выпускъ изъ школы: 4 мальчика и 1 дѣвочка; окончивъ школу, они поступали въ учителя въ открываемыя по деревнямъ школы — отрасли. Съ увеличеніемъ числа оканчивающихъ курсъ Казанской школы, число школъ—отраслей постепенно возрастало, но всѣ онѣ сохраняли живую и тѣсную связь съ Казанской школой, которая такимъ образомъ обратилась въ центральную.

Горячая поддержка, оказываемая этой школѣ П. Д. Шестаковымъ, создала ей извѣстность и въ высшихъ сферахъ. Это наглядно выразилось въ посѣщеніи школы особами царской фамилии. Въ 1868 г. школу посѣтилъ Великій князь Алексѣй Александровичъ; въ 1869 году Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Государынею Цесаревною Марією Теодоровною, при чемъ Ихъ Императорскія Высочества выразили свое вниманіе къ школѣ значительными пожертвованіями.

Вечеромъ въ день посѣщенія школы попечитель учебнаго округа П. Д. Шестаковъ отъ гофмаршала двора Ихъ Императорскихъ Величествъ получилъ слѣдующее письмо: *)

«Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, посѣтивъ сегодня татарскую школу профессора Ильминскаго, изволишъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушать чтеніе и пѣніе дѣтей и изясненіе метода преподаванія. Удовольившись лично въ возможности этого учрежденія для образованія крестьянъ и въ особенности для утвержденія посреди татарскаго населенія Православной Вѣры и христіанскаго благочестія, Ихъ Высочества пожелали съ своей стороны содѣйствовать къ усиленію средствъ школы г. Ильминскаго, — и положили жертвовать ежегодно потребную сумму на содержаніе въ ней 20 учащихся: 10 мальчиковъ, отъ имени Государя

*) Каз. Кр. татар. школа, Казань 1887 г. стр. 395

Наслѣдника Цесаревича и 10 дѣвочекъ отъ имени Государыни Великой Княгини Цесаревны. Извѣщая о семъ Ваше Превосходительство, имѣю честь препроводить при семъ пять сотъ рублей, слѣдующіе за первый годъ отъ нижеписаннаго числа, и о полученіи покорнѣйше прошу увѣдомить».

Потянутая сумма донинѣ ежегодно получается въ школы, при чемъ половина ея вносится нынѣ отъ двора Его Императорскаго Величества Государя Николая Александровича.

Въ 1871 году Государь Александръ II посѣтилъ Казань и послѣ смотра войскъ на Арскомъ полѣ, ѣдучи мимо школы, внезапно заѣхалъ въ нее. Когда Государь вошелъ въ скромный деревянный домъ, гдѣ она помѣщалась Василія Тимофеевича тамъ не было, онъ въ поспѣхахъ вбѣжалъ за Государемъ и тутъ въ двухъ шагахъ замѣтилъ, что онъ не надѣлъ галстука (въ это время онъ только еще пріучался къ европейскому костюму). Понятно смущеніе крестьянина, оказавшагося неожиданно передъ царемъ: весь городъ готовился принимать Государя, всѣ учебныя заведенія были предупреждены, и все учебное начальство сидѣло въ мундирахъ, но никто не зналъ, куда именно поѣдетъ Государь. Губернаторъ, замѣтивъ смущеніе Василія Тимофеевича, двумя словами ободрилъ его, а вниманіе Государя и ласковыя его слова къ дѣтямъ не только разогнали испугъ и смущеніе, но и привели всѣхъ въ восторженное настроеніе.

Александръ II, обратился къ нѣсколькимъ крещенымъ татарамъ, бывшимъ случайно въ школѣ, съ слѣдующими словами:

«Я очень радъ, что ваши дѣти учатся здѣсь и увѣренъ, что они выйдутъ отсюда хорошими христіанами».

Эти слова вырѣзаны на русскомъ и татарскомъ языкахъ на мраморной доскѣ, которая и вѣлана въ стѣну въ залѣ школы.

Этотъ прїѣздъ Государя въ скромную, низшую школу для мужичьихъ дѣтей, — необыкновенно поднялъ настроеніе всѣхъ: Ильминскаго, Василя Тимофеевича, и самихъ крещеныхъ татаръ, и создалъ школѣ положеніе и въ городѣ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Школа неизмѣнно продолжала и продолжаетъ развиваться. Число учащихся опредѣлилось въ сто человѣкъ въ мужской школѣ и въ 40 въ женской. Учебный курсъ школы постепенно, по мѣрѣ того какъ поднимались сельскія школы, увеличивался. Въ отчетѣ школы, за 1902—3 учебный годъ находимъ слѣдующія данныя *)

«Казанская Центральная Крещено-татарская школа въ истекшемъ учебномъ году преобразована въ школу съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, причемъ въ мужскомъ отдѣленіи сообразно съ этимъ организовано четыре класса, а въ женскомъ два, съ двухлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ. Это преобразование даетъ возможность постепенно поднять общій уровень преподаванія въ школѣ и существенно приблизить его къ курсу учительскихъ школъ. Для сего въ курсъ школы, въ дополненіе къ бывшему преподаванію, должно быть введено систематическое преподаваніе русской исторіи, болѣе подробный курсъ педагогики и краткій курсъ естествознанія. Такое значительное преобразование не могло быть осуществлено сразу, а достигнуто лишь въ два года, именно къ началу нынѣшняго 1903—1904 учебнаго года. Администрація школы приложила всѣ старанія къ тому, чтобы расширеніе преподаванія не повлекло къ измѣненію быта школы и религіозно-нравственнаго ея направленія. Необходимость расширенія объема преподаванія въ Центральной школѣ обусловлена общимъ возвы-

*) Школа, оставаясь частнымъ учебнымъ заведеніемъ, — находится въ вѣдѣніи директора Казанской учительской семинаріи и ежегодно печатаетъ краткій отчетъ для сообщенія гласнымъ губернскаго земскаго собранія, отъ котораго школа получаетъ пособие въ 500 р.

шеніемъ требованій отъ учителей начальныхъ школъ. Общій уровень преподаванія въ школъ однако опредѣляется не столько самой школой, сколько тѣми познаніями, съ которыми являются въ нее ученики при поступленіи. Администрація школы считаетъ долгомъ свидѣтельствовать, что познанія поступающихъ въ школу значительно возросли въ послѣдніе годы и что въ настоящее время между поступающими въ школу учениками сельскихъ школъ Братства Св. Гурія не было ни одного, который затруднялся бы въ русскомъ разговорѣ на простыя темы. Школѣ предстояла работа собственно по улучшенію правильности русскаго языка дѣтей и его обогащенію. Въ отчетномъ году по сказанной причинѣ впервые было возможно поручить русскому учителю, незнающему по татарски, часть преподаванія новичкамъ, принятымъ въ школу».

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ женской школѣ.

«Администрація школы не считаетъ себя вправѣ умолчать что дѣвушки, являющіяся въ школу для поступленія, за незначительнымъ исключеніемъ, почти вовсе не говорятъ по русски, такъ что обученіе русскому языку приходится начинать съ ними съ элементарныхъ уроковъ. Администрація школы беретъ на себя смѣлость доложить, что воспитанницы женской школы, вступившія съ начала сего учебнаго года въ четвертый годъ ученія, въ большинствѣ овладѣли русскимъ языкомъ въ степени достаточной для слуханія на немъ преподаванія всѣхъ предметовъ курса учительской школы. Успѣшность постановки учебнаго дѣла и развитіе женской школы вообще замедляется неудовлетворительностью помѣщенія школы... Число желающихъ поступить въ женскую школу въ послѣдніе годы значительно возрастаетъ, и потребность въ расширеніи ея дѣлается съ каждымъ годомъ настоятельнѣе.»

Въ отчетѣ школы за 1903—4 учебный годъ читаемъ:

«Казанская Центральная Крещено—татарская школа есть закрытое учебное заведение, существующее, согласно Высочайше утвержденного въ 1878 году мнѣнія Государственнаго Совѣта, на правахъ частнаго учебнаго заведенія, съ объемомъ преподаванія не ниже опредѣленнаго для двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ сентябрѣ 1904 года исполнилось 40 лѣтъ ея существованія. Существова съ самаго открытія на правахъ частнаго учебнаго заведенія и состоя въ вѣдѣніи Директора Казанской Учительской семинаріи, какъ двухклассное Министерства Народнаго Просвѣщенія училище, она все время оставалась центральнымъ просвѣтительнымъ заведеніемъ для всего 125 тысячнаго крещено—татарскаго населенія Казанской и смежныхъ съ ней Уфимской, Вятской, Самарской и друг. губерній, и послужила образцомъ для созданія болѣе 200 другихъ крещено—татарскихъ школъ въ этихъ губерніяхъ. За 40 лѣтъ существованія въ школахъ обучалось 3390 мальчиковъ и 1415 дѣвочекъ; окончило курсъ со званіемъ учителя и учительницы начальнаго инородческаго училища 468 мальчиковъ и 186 дѣвочекъ.»

Число учащихся въ школахъ было въ мужскомъ отдѣленіи 118.

По племенамъ они распредѣлялись:

Русскихъ	5.
Крещеныхъ татаръ.	112.
Вотяковъ.	1.

По уѣздамъ учащіеся распредѣлялись:

Мамадышскаго уѣзда	37.
Лаишевскаго »	38.
Чистопольскаго »	13.
Цивильскаго »	6.
Тетюшскаго »	1.
Мензелинскаго »	15.

Бирскаго 1.

Малмыжскаго 2.

Елабужскаго 4.

Бугульминскаго 1.

По классамъ учащіеся распредѣлялись:

Въ I классѣ 41.

» II » 33.

» III » 25.

» IV » 19.

Окончило курсъ со званіемъ учителя 17 человекъ.

Въ женской учащихся было 57. По племенамъ онѣ распредѣлялись такъ:

Русскихъ 3.

Крещеныхъ татарокъ 53.

Черемисокъ 1.

По уѣздамъ учащіеся распредѣляются:

Мамадышскаго уѣзда 15.

Лаишевскаго 10.

Чистопольскаго 7.

Цивильскаго 3.

Базанскаго 2.

Мензелинскаго 12.

Белебеевскаго 2.

Малмыжскаго 1.

Уржумскаго 1.

Елабужскаго 4.

По классамъ учащіеся распредѣлялись:

Въ I классѣ 38.

» II » 19.

Окончило курсъ со званіемъ учительницы 19 дѣвицъ.

Отсюда видно, что школа вполне оправдываетъ названіе центральной и, храня завѣты учредителей, стремится идти въ

уровень съ запросами на образованіе крещено-татарскаго населенія.

Какъ разъ противъ оконъ школы черезъ дорогу лежитъ городское кладбище, гдѣ похороненъ Николай Ивановичъ Ильминскій. Оно все заросло высокими деревьями, изъ за которыхъ едва выглядываютъ куполы церкви. Я не могла удержаться, чтобъ не зайти туда.

Съ правой стороны отъ вѣхода въ церковь, въ углу между храмомъ и сѣнями, подлѣ самыхъ стѣнъ ихъ возвышается обдѣланная дерномъ могильная насыпь, а надъ ней бѣлый мраморный крестъ, подъ которымъ покоится тѣло Н. И. Ильминскаго. На пьедесталѣ надпись: «Здѣсь покоится тѣло просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго».

У подножія креста чьей то заботливой рукой положены свѣжіе цвѣты.

Могила осыняетъ два большихъ образа: одинъ изъ нихъ вѣшанъ въ стѣну церкви, другой—на стеклѣ въ прилежащее окно. Ограды нѣтъ, но аллея, обходящая церковь, отдѣляетъ могилу просвѣтителя инородцевъ отъ другихъ могилъ, и на переполненномъ кладбищѣ она оказывается уединенной и съ сооруженными подлѣ нея иконами образуетъ какъ бы часовню, примыкающую къ церкви. Обстановка, уединеніе и тишина сумрачнаго вечерняго часа создавали молитвенное настроеніе.

Я вспомнила трогательный рассказъ одного изъ очевидцевъ послѣднихъ дней Николая Ивановича, и невольно настроилась его вѣрой, что Н. И. лежитъ тутъ подъ землей негнѣннымъ, такимъ, какъ похороненъ.

Близкіе Николаю Ивановичу люди хотѣли похоронить его въ Спасскомъ монастырѣ, но онъ захотѣлъ лечь на общемъ кладбищѣ близъ крещено-татарской школы, откуда по его словамъ «нѣтъ, нѣтъ да и придуть отслужить панихиду». Его надежда не

обманула его. Когда я стояла недалеко отъ могилы, раздумывая о томъ, какое великое дѣло совершилъ въ своей жизни этотъ человекъ, я услышала приближающіеся шаги и, обернувшись, увидѣла одѣтаго въ татарскій азымъ старика съ широкой сѣдой бородой и длинными сѣдыми волосами, выбивающимися изъ подъ бѣлой войлочной шляпы; подходя къ могилѣ, онъ истово крестился, положилъ три земныхъ поклона, поцѣловалъ землю и крестъ.

Это неожиданное зрѣлище такъ соотвѣтствовало моему внутреннему настроенію и такъ поразило и тронуло меня, что я тотчасъ спросила старика, кто онъ и откуда.

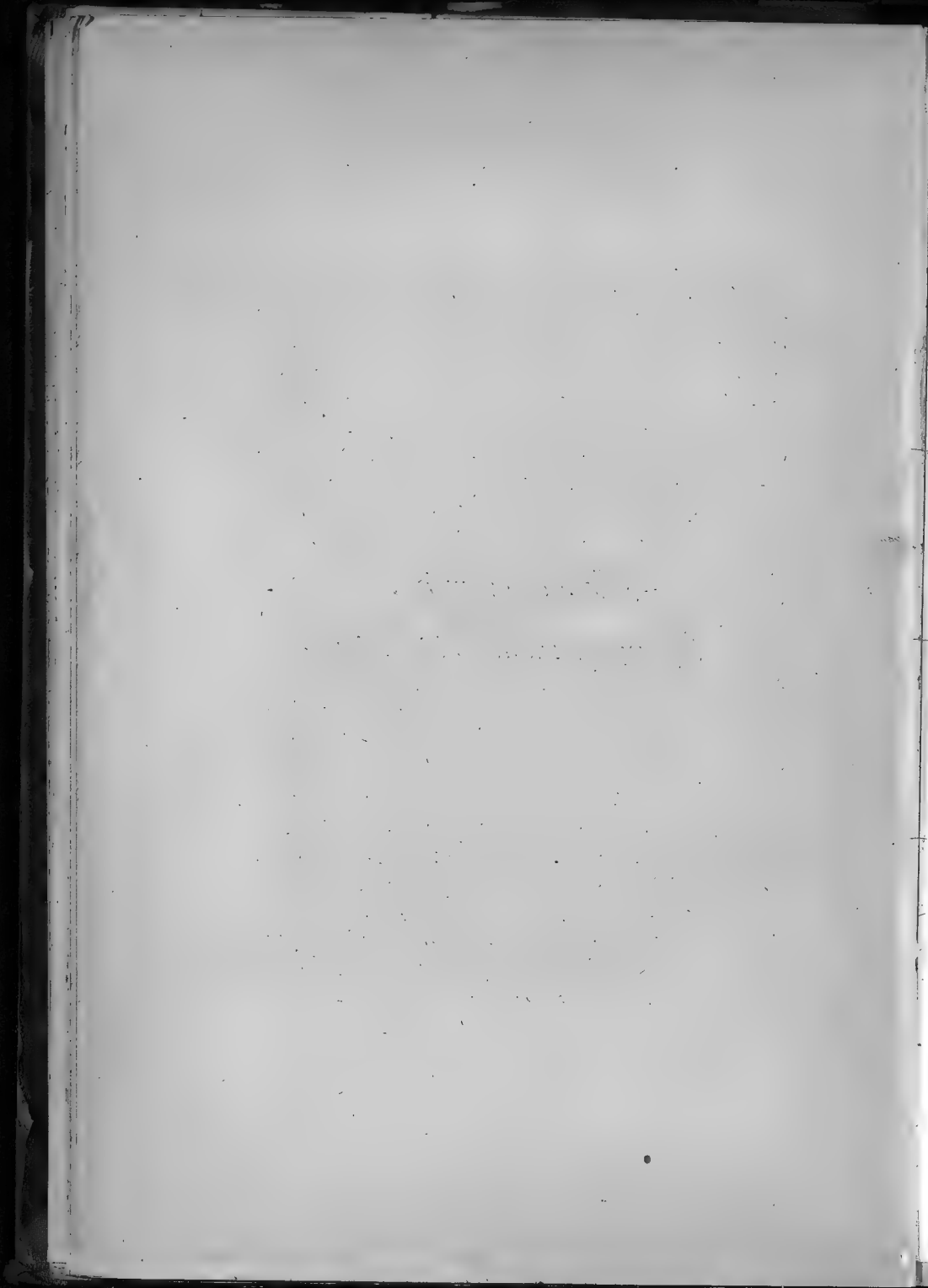
Онъ оказался однимъ изъ первыхъ учениковъ Ильминскаго, Д. П., окончившимъ курсъ въ крещено-татарской школѣ въ 1869 году. Я стала спрашивать Д. П., а онъ охотно отвѣчалъ на мои вопросы и объяснилъ мнѣ, что онъ въ настоящее время учительствуетъ въ деревнѣ С. К. Лаипевскаго уѣзда, теперь пришелъ въ Казань на богомолье, и по обыкновенію хотѣлъ поклониться могилѣ Ильминскаго. Вспоминая о немъ, Д. П. говорилъ съ увлеченіемъ, лицо его дѣлалось вдохновеннымъ и глаза сіяли: «какъ намъ его забыть», промолвилъ онъ со слезами, указывая на дорогую ему могилу.

Во время нашего разговора началъ накрапывать дождь, и намъ пришлось уходить. Но мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ Д. П. и, прощаясь съ нимъ, я общала ему навѣстить его въ его школѣ.

Нѣкоторое время спустя мнѣ удалось исполнить это намѣреніе.

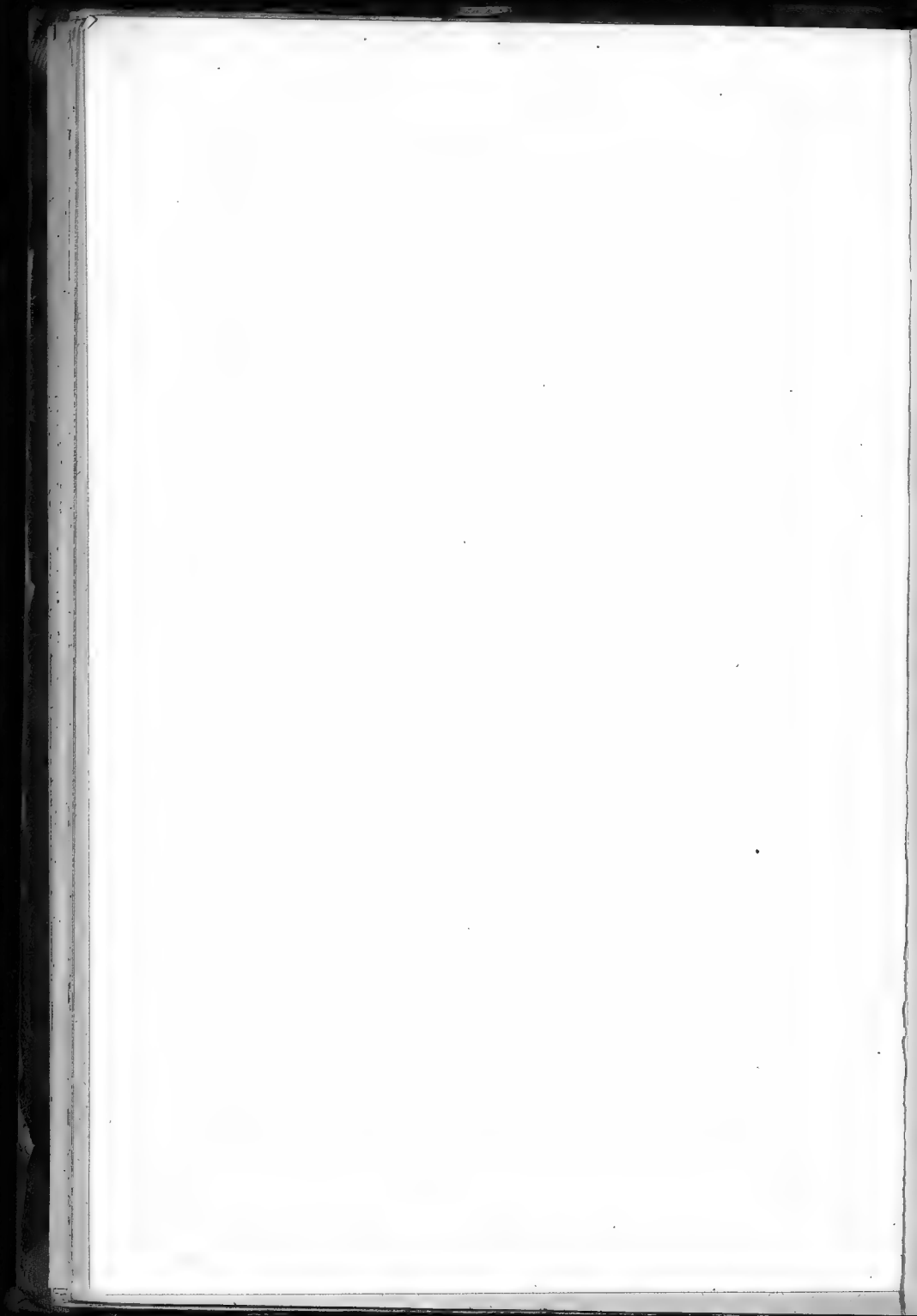
Глава вторая.

Крещено-татарскій міръ.

Крещенные татары дер. Никифоровой Мамадышского уѣз. Казанской губ.

ГЛАВА II.

Крещено-татарскій міръ.

Я совершила поѣздку по нѣкоторымъ крещено-татарскимъ селеніямъ Лаишевскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Казанской губерній и заѣхала въ деревню С. К. *С. К. Лаишево*

Это довольно большая деревня, (въ ней 98 дворовъ) населенная исключительно крещеными татарами. При вѣздѣ въ нее я спросила, гдѣ живетъ Д. П. и мнѣ сейчасъ же указали его жилище. Услышавъ стукъ приближающагося экипажа, онъ самъ выбѣжалъ на улицу въ татарскомъ аязмѣ, бѣлыхъ татарскихъ войлочныхъ чулкахъ и лаптяхъ и радостно меня привѣтствовалъ. Иностранцы по природѣ своей ласковы и радужны, а, кромѣ того, они не избалованы вниманіемъ и близко принимаютъ къ сердцу всякое изъясненіе сочувствія. Я просила Д. П. собрать своихъ учениковъ. Большинство ихъ было на сѣнокосѣ, и такъ какъ для сбора ихъ требовалось значительное время, я воспользовалась этимъ и поѣхала въ сосѣднюю деревню.

Когда я часа черезъ три возвратилась, ворота были отперты. Д. П. ожидалъ меня, взволнованный и нѣсколько торжественный. Онъ облекся въ длинную синюю поддевку, напоминающую подрясникъ, и замѣнилъ лапти сапогами. Онъ ввелъ меня въ свою избу, раздѣленную сѣнями на двѣ половины, правую жилую и лѣвую, въ которой помѣщается школа, и гдѣ собралось человѣкъ 20 учениковъ и ученицъ.

Д. П. быстро пробирается впередъ, становится по срединѣ, задаетъ тонъ съ голоса, и громкое, стройное пѣніе «Достойно есть» оглашаетъ комнату. Пѣвчіе стоятъ полукругомъ лицомъ къ образамъ и поютъ съ увлеченіемъ, въ сѣняхъ толпится народъ.

За «Достойно» слѣдуетъ «Спаси Господи люди твоя» и другія молитвы по крещено-татарски, пѣвцы и регентъ все больше и больше одушевляются. Но я прошу сдѣлать перерывъ въ пѣніи, чтобъ произвести коротенькій экзаменъ.

Такъ какъ спросить всѣхъ нѣтъ возможности, я прошу выдѣлать нѣсколько учениковъ изъ каждого отдѣленія и нѣсколькихъ изъ окончившихъ курсъ. Ученики и ученицы поспѣшно проталкиваются между столомъ и скамейкой, съ дѣловымъ видомъ расправляютъ руками раздаваемые листы бумаги и заботливо осматриваютъ свои перья. Я прошу учителя сдѣлать какое нибудь несложное дѣйствіе: положить что нибудь на столъ, закрыть окно, вынуть изъ кармана платокъ и т. п. и велю дѣтямъ записать, что учитель сдѣлалъ. Это первая ступень элементарнаго сочиненія, какъ оно рекомендуется инородческими педагогами *). Ученику приходится сознать произведенное передъ нимъ дѣйствіе и выразить его соответствующими русскими словами. Въ комнатѣ воцаряется тишина. Солнце свѣтитъ въ маленькія окна, украшенные горшками съ растеніями, учитель съ нѣкоторой тревогой поглядываетъ на своихъ питомцевъ, такъ какъ этотъ видъ упражненій является для него новымъ, а лица дѣтей выражаютъ—у каждого по своему—различныя душевныя настроенія.

Окончившіе курсъ мальчики пишутъ бойко и съ нѣкоторой самоувѣренностью. Дѣвочки въ трепетѣ. 13 лѣтняя Ана-

*) Бобровниковъ. Что такое, хорошій урокъ. Казань 1904 г. стр. 76.

етасія, дочь Д. П., окончившая курсъ 3 года тому назадъ, испуганно поднимаетъ на отца свои большіе черные глаза. Нѣсколько учениковъ изъ средняго отдѣленія усиленно пыхтятъ, но не справляются съ темой, и я рѣшаюсь задать имъ болѣе легкую задачу. Вкладу на столъ нѣсколько предметовъ и велю записать ихъ названія. Это имъ оказывается по силамъ и руки ихъ снова двигаются по бумагѣ.

Результатъ получается довольно удовлетворительный, хотя въ падежахъ и предлогахъ большія погрѣшности. 14 лѣтній Андрей, окончившій курсъ 2 года назадъ, пишетъ: «учитель взялъ изъ столомъ бумагу въ руку изорвалъ его и положилъ у окно». Анастасія пишетъ: «учительница взяла изъ мѣшка пряникъ и отдала его на мальчику».

Средніе пишутъ «Три книга, две линейка, одна щоть, одна чернила».

Но мысли всѣ выражены понятно, механическаго ничего нѣтъ.

По русски всѣ ученики понимаютъ, но нѣкоторые объясняются съ трудомъ. Другіе говорятъ по русски бойко, имѣютъ готовый запасъ словъ, но ошибаются въ окончаніяхъ и въ постановкѣ фразъ: сколько у тебя рукъ? спрашиваю я бойкаго, круглолицаго татарченка съ большими оттопыренными ушами. «Моя два рука». А ушей? «Два ушей» и тутъ же поправился «два уша». Есть у тебя сестра? «У меня одна сестра, оно ушла за-мужъ» съ удареніемъ на у, бойко и безъ колебанія отвѣчаетъ мальчикъ.

За старшими учениками тѣсятся мальчики, учившіеся не болѣе года, и смотрятъ на меня во всѣ глаза. Я спрашиваю у нихъ молитвы. По татарски они знаютъ ихъ твердо и повторяютъ сдержанно и съ очевиднымъ, по выраженію учителя, сознаніемъ. Даже крошечный, пухленькій татарченкокъ лѣтъ 6 бойко прочелъ по крещено-татарски «Отче нашъ.» По славянски

они «катаютъ» молитвы вполнѣ безсознательно, но безъ запинки, все ихъ вниманіе видимо сосредоточено на томъ, чтобъ не проронить ни одного слова изъ той длинной цѣпи непонятныхъ и чуждыхъ звуковъ, которую имъ приходится повторять.

По окончаніи экзамена Д. П. проситъ позволенія еще пѣть, и хоръ въ мигъ вновь организуется. Къ ученикамъ и ученицамъ присоединяются подростки и взрослые дѣвушки, давно окончившія курсъ, и снова начинается пѣніе. Но въ небольшую комнату набилось столько народу, пришедшаго посмотреть и послушать, что дышать становится невозможно, и я прошу пѣвцовъ перейти на дворъ.

Никогда не забуду этой картины: въ глубинѣ—скромная деревянная изба, крытая отчасти соломой, отчасти корой, вдоль избы тянется галлерея, запруженная толпой инородцевъ, преимущественно женщинъ, въ пестрыхъ холстинковыхъ домотканыхъ рубашкахъ и платьяхъ, съ блестящими монетами на лбу, на вискахъ и на груди, съ причудливо вышитыми полотенцами на головахъ.

Много красивыхъ, выразительныхъ лицъ, много тонкихъ, гибкихъ станомъ; женщины наклоняются надъ перилами, внимательно прислушиваясь къ пѣнію. Хоръ собрался полукругомъ среди двора; Д. П. стоитъ впереди безъ шляпы, и плавно регентуетъ. Его сѣдющіе волосы, падающіе почти до плечъ, его большіе, темные глаза, горящіе внутреннимъ огнемъ, его вдохновенное регенство, придаютъ ему что-то апостольское.

Въ тихомъ воздухѣ несутся звуки стройнаго, громкаго, одушевленнаго пѣнія, оно мелодичными волнами разносится вокругъ и привлекаетъ новыхъ слушателей. Молитвы славянскія чередуются съ крещено-татарскими; особенно хорошо выходятъ послѣднія. Пѣвцы, понимающіе каждое произносимое слово, придаютъ этимъ молитвамъ душевное, убѣжденное вы-

раженіе, которое обыкновенно отсутствуетъ въ хорахъ русскихъ, исполняющихъ пѣснопѣнія или малопонятныя, или механически заученныя.

Яркіе лучи іюльскаго солнца заливаютъ свѣтомъ школьный дворъ; играютъ на монистахъ женщинъ, скользятъ по обнаженной головѣ Д. П. и придаютъ всему зрѣлищу праздничный видъ. Я съ трудомъ остановила разохотившихся пѣвцовъ, которые на прощаніе спѣли мнѣ многолѣтіе и горячо благодарили за посѣщеніе.

Мы наговорили другъ другу кучу нѣжностей и Д. П. съ сверкающими глазами повелъ меня обратно въ избу пить чай. На мое замѣчаніе, что я уже засидѣлась и мнѣ пора ѣхать, онъ сказалъ: «Николай Ивановичъ всегда долго съ нами сидѣлъ» и началъ его вспоминать. Его рассказы такъ меня завлекли, что я забыла объ отъѣздѣ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ того, что рассказаль мнѣ Д. П., записанные по возможности слово въ слово.

II.

«Я одинъ изъ первыхъ учениковъ крещено-татарской школы. Родомъ я изъ здѣшней деревни; въ крещено-татарскую школу поступилъ 11-ти лѣтъ, въ 1865 году осенью уѣхалъ и снова поступилъ въ эту школу въ 1866 году послѣ масляницы. Я окончилъ курсъ 14-ти лѣтъ, въ 1869 году, и былъ назначенъ учителемъ въ Казанскій уѣздъ въ дер. Хайванъ.

Тамъ старо-крещенные татары весьма были склонны къ отпаденію. Я пріѣхалъ туда съ приходскимъ священникомъ и сталъ искать квартиру. Искать ее цѣлый мѣсяцъ. Вечеромъ хозяинъ даетъ слово пустить на квартиру, и велитъ пріѣхать утромъ, а утромъ хозяинъ говоритъ: «ночью всѣ жители собрались и угрожали, еслипустишь на квартиру учителя—или

поджечь или убить, и отказывается. Такъ бились мѣсяца полтора. За это время я жилъ у священника въ 2 верстахъ и очень горевалъ, что не могу никакъ устроиться и начать дѣло.

Я нѣсколько разъ писалъ Николаю Ивановичу (Ильминскому) и отцу Василию Тимофееву, спрашивалъ что мнѣ дѣлать. Я, какъ всѣ учителя, всегда писалъ имъ по татарски; они мнѣ отвѣчали тоже по татарски, совѣтовали потерпѣть. Если писалъ Николай Ивановичъ, то письмо начиналъ такъ: «посоветовавшись съ отцомъ Василиемъ, — мы рѣшили,» а если писалъ о. Василий, то прибавлялъ такъ: «Николай Ивановичъ совѣтуетъ». Они писали, чтобъ къ полиціи не обращаться, а постараться убѣдить. Но черезъ полтора мѣсяца они увидѣли, что ничего сдѣлать нельзя и вызвали меня назадъ въ Казань. Я привезъ съ собою въ крещено-татарскую школу двухъ мальчиковъ. Что съ ними было дальше, я не знаю.

Я пробылъ мѣсяца два въ Казани. На Святой пріѣхалъ изъ Чистополя мировой посредникъ А. А. Д. и просилъ у Николая Ивановича учителя для инородческой школы (мирового посредника послалъ В. И. Якубовичъ, предводитель дворянства, который до сихъ поръ предводителемъ).

Я былъ назначенъ въ Чистопольскій уѣздъ въ село Б. Г., населенное старо-крещеными татарами и русскими. До меня тамъ былъ русскій учитель изъ духовной семинаріи, но у него ученики разбѣжались, наконецъ осталось всего 3 ученика и школу закрыли.

Когда Николай Ивановичъ послалъ меня туда, онъ велѣлъ мнѣ купить въ Чистополь 10 ф. пряниковъ, нанять квартиру для себя, звать къ себѣ ребятъ и раздавать имъ пряники; тоже ежедневно ходить по домамъ и бесѣдовать. Народъ никогда не слыхалъ отъ учителя татарской рѣчи и былъ очень удивленъ. Въ теченіе недѣли 15 мальчиковъ заявили о желаніи учиться.

Тогда школа была снова открыта у священника на квартирѣ.

Въ этомъ селѣ не было отступническаго движенія, но язычество держалось крѣпко. Зимой по четвергамъ варили кашу, ѣли ее по ночамъ съ языческими обрядами. Лѣтомъ были жертвоприношенія скотомъ. Въ церковь ходили мало. Въ первый мѣсяцъ въ школу набралось 90 мальчиковъ. Къ Пасхѣ были приготовлены пѣвчіе. Когда пошло пѣніе, то народу въ церковь стало ходить гораздо больше.

Священникъ въ школѣ держалъ двухъ телятъ. Весною приѣхалъ въ школу предводитель дворянства, назвалъ себя, спросилъ учениковъ; «можете ли пѣть». Я сказалъ: «можемъ». Запѣли «Царю Небесный». Съ пѣвчими вмѣстѣ заревѣли телята, а за ними во дворѣ коровы, — вышли басы и тенора. Предводитель разсердился и пробралъ священника.

Я тамъ былъ учителемъ 2 зимы, потомъ въ 1872 году меня перевели въ Я. Здѣсь было 25 дворовъ, склонныхъ къ отпаденію, между прочимъ семья о. Егорова; были тоже языческія жертвоприношенія. До меня въ Я. уже была братская школа, но безъ пѣнія. Когда я поступилъ, въ ней было 30 учениковъ, принимали въ школу въ теченіе всей зимы. Черезъ нѣсколько лѣтъ учениковъ стало 70.

Въ 1873 году, не задолго до призыва, я поѣхалъ въ Свѣяжскъ сдавать экзаменъ на званіе учителя въ уѣздномъ училищѣ. У меня спросили мою фамилію, у меня фамиліи не было (какъ вообще у инородцевъ) и я назвалъ себя «Малымъ». Такъ это названіе за мной и осталось.

Въ Я. я былъ учителемъ до 1883 года, а потомъ перешелъ въ У. Ч. За это время въ Я. крещеные укрѣпились въ православіи. Я. принадлежали къ приходу, гдѣ священникомъ былъ русскій, о. Г. Б., котораго называли «живой святой». Я въ жизни своей не видалъ другого такого священника. Онъ былъ замѣчательно добрый, безкорыстный, до сихъ поръ на-

родъ его воспоминаетъ, при чемъ старухи плачутъ. Ради него народъ полюбилъ церковь. Я занимался пѣніемъ на татарскомъ языкѣ и, по совѣту о. Г., бесѣдами съ народомъ по-татарски. Онъ на свой счетъ построилъ въ Я. школу и содержалъ ее на свой счетъ. Въ 83 году она сгорѣла, но о. Г. тогда уже умеръ. Къ этому времени всѣ укрѣпились въ православіи, кромѣ одного портного Гаврилы Тимофѣева, который до сихъ поръ имѣетъ склонность къ отпаденію, потому что портняжить у мусульманъ.

Когда я пріѣхалъ въ У. Ч., тамъ была земская школа съ русскимъ учителемъ. (Первые два учителя въ этой школѣ были крещеные татары, потомъ назначили русскаго). Учениковъ было 35—45. Когда я поступилъ туда, учениковъ сразу стало 55, а лѣтомъ число ихъ поднялось до 70. Я тамъ былъ учителемъ 7 лѣтъ, а въ 1890 году перешелъ въ братскую школу въ Ш. Въ этотъ же годъ тамъ была построена церковь.

Во время жизни Николая Ивановича я каждый годъ весною, осенью передъ ученіемъ и лѣтомъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ, или пѣшкомъ приходилъ къ нему въ Казань. Такъ поступали и всѣ другіе учителя первыхъ выпусковъ крещено-татарской школы. Николай Ивановичъ обижался, если долго къ нему, не приходили. Какъ мы привыкли при его жизни ходить къ нему, такъ теперь всегда ходимъ на его могилу, точно душевно лично видимся съ нимъ.

Онъ принималъ и изъ народа всѣхъ, бѣдныхъ, богатыхъ безъ исключенія, даже изъ татаръ магометанъ, и они по долгу у него оставались. Крещено-татарская школа была въ родѣ постоялаго двора. Всѣ крещеные татары заходили туда ночевать, а о. Василій Тимофеевичъ, по совѣту Николая Ивановича, бесѣдовалъ съ ними. Народъ называлъ Николая Ивановича «живой святой» и сейчасъ такъ поминаютъ его и въ Казани ходятъ на его могилу и на могилу о. Василія Тимо-

феева. Крещенные татары просятъ указать имъ эти могилы и непремѣнно стануть на колѣни и плачутъ. Имена ихъ записаны у многихъ и многихъ въ поминальной книгѣ.

Я видѣлъ Николая Ивановича въ послѣдній разъ осенью за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Видѣ у него былъ больной. О. Василій пустилъ меня къ нему не надолго. Николай Ивановичъ сказалъ: «чувствую себя не хорошо, не знаю, старость-ли, или такъ боленъ, врядъ ли еще увидимся. Если не увидимся, помните послѣдній мой совѣтъ: любите другъ друга и живите въ мирѣ и согласіи. Что отъ насъ слышали и видѣли, то сохраните въ сердцѣ своемъ и старайтесь передать и внушить своимъ соплеменникамъ и питомцамъ. За Евангельское слово васъ многіе возненавидятъ, но вы терпите до конца, претерпѣвшій до конца будетъ спасенъ. Сіе мое слово пожалуйста не забудьте и крѣпко помните».

Послѣ этого я его больше не видалъ.

Въ III. я пробылъ учителемъ 4 года, а въ 1893 году переведенъ въ Вятскую губернію въ село Ц. гдѣ тогда открылась миссіонерская школа. До этого школа была закрыта въ теченіе 12 лѣтъ, народъ былъ распущенъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи и поведеніи. Здѣсь старо-крещенные татары жили, какъ мусульмане: въ церковь не ходили, ѣли конину, брили голову. Миссіонерская школа съ ученіемъ на родномъ языкѣ на нихъ такъ повліяла, что они стали жить по христіански, начали почитать иконы даже лучше русскихъ. Я завелъ у нихъ дѣвчихъ, съ которыми ходилъ даже въ Вятку.

Въ 1897 году я былъ переведенъ въ М. и тамъ опредѣленъ псаломщикомъ. Но въ 1898 году я услышалъ, что на моей родинѣ въ С. К. школа была закрыта, такъ какъ учитель былъ нехорошъ, пьянствовалъ, и народъ пересталъ давать школѣ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Тогда я отказался отъ должности псаломщика и просилъ назначенія меня

учителемъ въ С. Б., не желая оставить своихъ однопоселенцевъ во тьмѣ незнанія. Мое желаніе исполнили и я поселился въ своемъ домѣ, — бесплатно пустилъ къ себѣ школу, и сталъ получать изъ земства жалованья 120 р. въ годъ; (школа — земская). Псаломщикомъ я получалъ больше, но мнѣ жалъ было малотоку, поэтому я и перешелъ на родину. Потомъ земство стало давать 15 р. въ мѣсяцъ, теперь оно даетъ мнѣ 20 р. въ мѣсяцъ. Но квартиру для школы, отопленіе и освѣщеніе я до сихъ поръ даю даромъ. Народу я не предлагалъ участвовать въ расходахъ, разъ ужъ я слово далъ, лишь бы Господу Богу было угодно.

Когда я поступилъ сюда, во всей школѣ было 25—30 учениковъ и ученицъ, теперь однихъ учениковъ 25 и 20 ученицъ, и еще сверхъ этого есть мальчики, которые ходятъ по вечерамъ. Дѣвушки приходятъ къ моей женѣ учиться рукодѣлію. По субботамъ я устраиваю въ школѣ собесѣдованія, приходятъ взрослые, молодые, старые, мужчины и женщины. Бываетъ чтеніе и пѣніе. Читается Воскресное Евангеліе и я объясняю или рассказываю житіе святаго или значеніе праздника. Только мало у насъ книгъ; народъ проситъ Житія Святыхъ, Училище благочестія и другія религіозныя книги на крещено-татарскомъ языкѣ, а на русскомъ языкѣ проситъ сельско-хозяйственныя книги.

Инородческое пѣніе я считаю самымъ могучимъ орудіемъ для религіознаго просвѣщенія инородцевъ, и поэтому по субботамъ на собесѣдованіяхъ мы всегда поемъ. Я научаю учениковъ во время пѣнія дѣлать вопросы и отвѣчаю на эти вопросы, объясняю, такъ что люди, которые пришли слушать пѣніе, получаютъ и поученіе.

Въ С. Б., какъ и во всѣхъ крещено-татарскихъ деревняхъ въ нашихъ мѣстностяхъ, народъ между собой всегда говоритъ по татарски. Мужчины по русски понимаютъ и мо-

гутъ объясняться; но женщины и дѣти, когда поступаютъ въ школу, совсѣмъ по русски не говорятъ и не понимаютъ.

Поэтому въ школѣ нуженъ родной языкъ. Природный языкъ, какъ медъ, глубоко падаетъ, а русскій языкъ, какъ сахаръ, если зубы есть. А если зубовъ нѣтъ, то и вкуса не знаешь. Что на природномъ языкѣ скажутъ, то глубоко падаетъ.

Если ученикъ заучить по русски, безъ пониманія, то черезъ годъ все забываетъ. Если на природномъ языкѣ пойметъ и глубоко убѣжденъ, тогда годъ отъ году развивается, прибавляется все больше и больше, самообразование является, человѣкъ дѣлается самостоятельнымъ, тогда и по русски онъ можетъ сказать. Если что-нибудь онъ не понимаетъ, онъ ищетъ достигнуть этого, отъ кого нибудь узнать и понять, и ужъ не оставитъ, а достигнетъ. А кто механически заучилъ, у того пропадаетъ, и онъ впоследствии самообразованіемъ не занимается, не старается, потому что не понято; корня не имѣетъ, только на время заучено.

Когда ученикъ механически заучиваетъ, онъ въ школѣ бойко отвѣчаетъ; но черезъ годъ такое знаніе надо считать пропавшимъ. А если онъ подумавши отвѣчаетъ, медленно, то изъ этого можно видѣть, что корень есть, корень пустилъ, со временемъ дерево вырастетъ, плоды принесетъ. А если прямо по русски учить, то будетъ механически, потому что онъ по русски вовсе не знаетъ. Онъ заучиваетъ съ наружности. Глаза видятъ, онъ заучиваетъ, но не понимаетъ. Колокола слышимъ звонъ хорошій, а что звонятъ — непонятно. Прямо учить по русски — значить крышу крыть, а фундамента нѣтъ, и стѣнъ нѣтъ, и оконъ нѣтъ, свѣта нѣтъ. А стропила ставили, да крыли крышу. Снаружи кажется домъ, а войти некуда, и жить негдѣ. Вотъ что таковое преподаваніе безъ родного языка.

Если ученикъ подумавши отвѣчаетъ, инспектора недовольны, говорятъ: «тебя жди, жди цѣлый часъ». А если ученикъ заученное механически безъ остановки катаетъ, инспектора хвалятъ. Есть инспектора съ понятіемъ, весьма серьезно относятся, а есть безъ всякаго понятія.

Инспекторъ спроситъ: «разскажи Срѣтеніе Господне», онъ разскажетъ. А еслибъ инспекторъ спросилъ: «ты гдѣ меня встрѣтилъ?» онъ не отвѣтитъ. И на базаръ пойдетъ, ничего сказать не можетъ, ни продать, ни покупать, потому что не по книгѣ спрашиваютъ.

И выходить—тѣло безъ души. Тѣло безъ души—ничего не можетъ, а съ душой все можетъ».

III.

Слова, которыми Д. П. закончилъ свой разсказъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Онъ сказалъ ихъ совершенно просто, но и внушительно, какъ сентенцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выводъ, къ которому его привелъ его жизненный опытъ. Эта «душа», которая по его словамъ «все можетъ» свѣтилась въ его глазахъ, сквозила во всемъ строѣ его школы и чувствовалась даже въ настроеніи деревни.

Я вынесла изъ С. К. необыкновенно свѣтлыя воспоминанія. «Вотъ»,—думалось мнѣ,—«человѣкъ простой, прошедшій самъ только элементарный курсъ школьнаго ученія, а какое онъ дѣлаетъ великое дѣло и притомъ какимъ цѣлесообразнымъ образомъ. Самъ онъ съ нѣкоторымъ трудомъ говорить по русски, но глубже и прочнѣе руситъ населеніе, чѣмъ русскій учитель, вооруженный дипломомъ, но не говорящій по татарски».

Эта истина, на видъ элементарная, но многимъ недоступная, ярко бросилась мнѣ въ глаза при посѣщеніи школы села

К. въ приходѣ котораго принадлежитъ только что описанная мною деревня, отстоящая отъ села всего въ 2 верстахъ. Село состоитъ изъ 114 дворовъ, изъ нихъ 58 русскихъ и 56 крещено-татарскихъ.

Школа земская существуетъ съ 69-года.

Учительница русская, учительствуетъ уже 22 года, изъ нихъ 16 лѣтъ въ селѣ К., но по-татарски не знаетъ и ведетъ преподаваніе на русскомъ языкѣ.

Школьное зданіе совсѣмъ новое, построено недавно, но не смотря на это, впечатлѣніе получается сухое и казенное. Въ обширномъ новомъ шкафу инородческихъ книгъ нѣтъ, учительница увѣряетъ, что ученики татарчата въ мѣсяцъ выучиваются по-русски и не отстаютъ отъ своихъ русскихъ товарищей, но когда я ее спросила о *количествѣ* учениковъ, оказалось, что въ текущемъ году въ школѣ училось русскихъ 31 мальчикъ и 11 дѣвочекъ, а крещеныхъ татаръ 4 мальчика и 1 дѣвочка, хотя по количеству населенія русскихъ почти столько же, сколько крещеныхъ татаръ.

Учительница очень хвалила одну сироту крещеную татарку, окончившую курсъ весной и желающую поступить въ Казанскую крещено-татарскую школу. Я нарочно разыскала эту дѣвочку и стала на-единѣ ее разспрашивать. По русски она говоритъ отлично и объяснила мнѣ, что она родомъ изъ другого селенія, а въ К. живетъ на хлѣбахъ въ русской семьѣ и на улицѣ играетъ съ русскими дѣвочками. Въ школѣ же хорошо усвоить русскій языкъ, по словамъ дѣвочки, невозможно, и вообще учиться тамъ безъ знанія русскаго языка очень трудно. Крещеные татары въ К-скую школу почти не ходятъ, съ осени ихъ поступаетъ много, но они скоро бросаютъ школу такъ какъ имъ слишкомъ трудно учиться. Только тѣ, которые при поступленіи въ школу уже знали по

русски, могутъ поспѣть за русскими товарищами и переходить въ слѣдующее отдѣленіе.

Противъ школы черезъ дорогу стоитъ хорошенькая церковь, не далеко отъ нея домъ священника, о. К. изъ татаръ. Какъ и всѣ инородцы, съ которыми мнѣ довелось имѣть дѣло, онъ сначала отнесся ко мнѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но потомъ, повѣривъ моему сочувствію дѣлу просвѣщенія инородцевъ, сталъ съ довѣріемъ отвѣчать на мои вопросы.

О. К. — самый крещеный татаринъ Мамадышскаго уѣзда, человѣкъ энергичный, живой. Онъ окончилъ курсъ въ крещено-татарской школѣ въ 1879 году, 12 лѣтъ служилъ учителемъ, 2 года слушалъ миссіонерскіе курсы, а съ 1894 года состоитъ священникомъ, сначала въ отступническомъ селѣ Е., потомъ въ селѣ К.

Священникъ подтвердилъ фактъ, рассказанный дѣвочкой, что въ К. —скую школу очень мало поступаетъ крещеныхъ инородцевъ, такъ какъ она ведется безъ родного языка. Часть жителей-инородцевъ знаетъ по русски, вслѣдствіе постоянного общенія съ своими русскими односельчанами, но есть цѣлая улица, стоящая особнякомъ, жители которой по русски совсѣмъ не знаютъ, и оттуда въ школу *никто* не ходитъ. Инородцы школу посѣщаютъ очень неохотно, тѣ четверо татаръ, которые учились прошедшей зимой, были приведены имъ, батюшкой, почти насильно. За все время существованія школы, о. К. извѣстно только о двухъ инородцахъ, окончившихъ тамъ курсъ. Грамотныхъ между крещеными очень мало. Въ школѣ не было совсѣмъ инородческихъ книгъ, о. К. первый досталъ ихъ. По его же уговору построено на общественный счетъ школьное зданіе.

«Вотъ въ С. К. у Д. П. совсѣмъ другое дѣло» — оживленно говорилъ о. К. «здѣсь, т. е. въ селѣ, изъ 56 домовъ крещеныхъ татаръ училось всего 5 человѣкъ, а у него изъ

98 домовъ училось 45 человекъ, кромѣ мальчиковъ, приходящихъ только на вечернія занятія. Тамъ и грамотныхъ много, и всѣ мальчики школьнаго возраста за рѣдкими исключеніями посѣщаютъ школу, а здѣсь большинство инородческихъ дѣтей въ школу не ходитъ.

Конечно, со стороны новѣйшихъ требованій педагогическіе приемы Д. П. оставляютъ желать многого. Онъ ведетъ ученіе по старинному, какъ велось у Василя Тимофеевича. Одновременно одинъ ученикъ пишетъ, другой читаетъ, третій тутъ же готовитъ уроки. Новыхъ приемовъ онъ не знаетъ и инспектора имъ недовольны». Это вполнѣ понятно, думала я, слушая этотъ рассказъ: у нихъ, своя опредѣленная мѣрка, исключительно учебная, позволю себѣ ее назвать узкоучебной, которой они всѣхъ и все мѣрятъ. Я знала одного инспектора, который съ одной и той же диктовкой объѣзжалъ весь свой районъ. Это проще. Сосчитали механически число ошибокъ и разцѣнили учителей и школы.

Д. П. стоитъ не на учебной, а на народно-воспитательной точкѣ зрѣнія, — ему прежде всего дорого сердечное сочувствіе къ его дѣлу дѣтей, и ихъ родителей. Онъ видимо счастливъ когда создаетъ настроеніе, воодушевленіе окружающаго его общества, для котораго онъ живетъ, но которое не нужно заѣзжимъ ревизорамъ, исполняющимъ казенное порученіе для очищенія номера бумаги.

По словамъ о. К. особенно сильно Д. П. дѣйствуетъ на общество своимъ пѣніемъ. Когда послѣ Троицы совершается хожденіе по домамъ съ иконами, онъ съ учениками всю деревню обойдетъ съ пѣніемъ, сопровождая иконы, и проводитъ ихъ назадъ до церкви, и все время поетъ. Это возбуждаетъ въ народѣ большой подъемъ религіознаго духа. Къ сожалѣнію, стремленіе пѣнить школу не со стороны вліянія ея на народъ, а по тому, насколько она удовлетворяетъ нѣкоторымъ сто-

роннымъ цѣлямъ, свойственно, повидимому, иногда и высшимъ сферамъ. Такъ, одинъ священникъ, рассказывая мнѣ о посѣщеніи уѣзда мѣстнымъ архіереемъ, сообщилъ мнѣ, что крещенные татары встрѣчали его особенно радушно. Д. П. и другіе учителя изъ крещеныхъ татаръ встрѣчали владыку во главѣ хора пѣвчихъ и массы народа при вѣздѣ въ деревни и исполняли всенародно молитвы, что не всегда бывало и въ русскихъ деревняхъ. Владыка, новый человекъ въ краѣ, не ожидалъ ничего подобнаго у татаръ и видимо былъ доволенъ, но въ заключеніе всетаки высказалъ: «а все таки дурно, что школы крещеныхъ татаръ внѣ церкви» (т. е. не зависятъ отъ его, архіерея, власти).

Другой священникъ рассказалъ мнѣ, что нынѣшней весной одинъ протоіерей и одинъ помѣщикъ производили экзаменъ у Д. П. Русскую диктовку ученики написали плохо, экзаменаторы бросили экзаменъ и недовольные уѣхали.

Когда о. К. перешелъ къ воспоминаніямъ объ Ильминскомъ, онъ воодушевился: «да, любилъ простоту покойный Николай Ивановичъ», сказалъ онъ улыбаясь, «вотъ, когда я кончилъ курсъ въ крещено-татарской школѣ, я разъ пришелъ къ нему съ товарищемъ. Я былъ одѣтъ крестьяниномъ, въ лаптяхъ, а товарищъ мой надѣлъ брюки на выпускъ. Увидалъ насъ Николай Ивановичъ и говоритъ мнѣ. — Садись сюда, Авдоня, а товарищу моему говорить а ты тамъ постой, у тебя брюки больно хороши, какъ бы ты ихъ не замаралъ о мою мебель».

О Василіѣ Тимофеевичѣ о. К. отзывался тоже восторженно, какъ о человекѣ и проповѣдникѣ.

«Народъ надо хорошо знать и уметь съ нимъ говорить», повѣствовалъ о. К. «Вотъ здѣсь въ селѣ приходъ существуетъ съ 1754 года, новая церковь построена въ 1900 году, а я первый священникъ изъ инородцевъ. До меня здѣсь былъ

русскій священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи съ званіемъ студента. Онъ служилъ здѣсь около 15 лѣтъ и за это время не сказалъ ни одного поученія.

До сихъ поръ здѣсь русскіе священники никакихъ инородческихъ книгъ не выписывали, и крещеные татары со-всѣмъ не знаютъ ни вѣры, ни молитвъ и относятся къ христіанству совершенно безразлично, какъ относятся и русскіе. Инородцевъ можно просвѣщать только на родномъ языкѣ; вотъ я сколько учился, и на миссіонерскихъ курсахъ былъ, и хорошо говорю по русски, а *думаю* я до сихъ поръ по татарски.

Здѣсь въ селѣ я завелъ богослуженіе смѣшанное, по славянски и по татарски, такъ какъ здѣсь много русскихъ; впрочемъ здѣшніе русскіе хорошо понимаютъ татарскій языкъ и когда я читаю Евангеліе по—татарски, то даже русскіе лучше понимаютъ, чѣмъ когда діаконъ читаетъ его по—славянски.

Вообще крещеные татары нашего села очень лѣнны къ церкви, потому что не имѣли ни школы, ни богослуженія на родномъ языкѣ. А крещеные сосѣднихъ деревень, С. К., гдѣ школа Д. П., и Т., гдѣ есть братская школа, и гдѣ преподаваніе идетъ на инородческомъ языкѣ, поголовно всѣ приходятъ въ церковь, хотя живутъ отъ нея въ 2-хъ и въ 4-хъ верстахъ; даже къ заутренѣ всѣ приходятъ и по праздникамъ, когда у нихъ собираются гости, бесѣдуютъ съ ними о вѣрѣ. При немногочисленности инородческихъ священниковъ въ краѣ, огромную пользу инородческому населенію принесли школы Братства Св. Гурія.

Я нахожу, что лучше братскихъ школъ нѣтъ, и никакая школа съ ней не сравняется. Въ братской школѣ все по домашнему, только учителямъ слѣдовало бы прибавить жалованья: они получаютъ 75—90 рублей въ годъ, иногда при-

ходится отсюда же платить за школьное помѣщеніе. Прежде за это жалованье учили пока снѣгъ лежить, а теперь отъ сентября до мая.

Въ братскихъ школахъ большей частью служатъ окончившіе курсъ крещено-татарской школы, они прекрасные учителя, преданные дѣлу всей душой. За послѣдніе годы программа крещено-татарской школы увеличена, и у кончающихъ тамъ курсъ знанія больше, чѣмъ было при жизни Ильминскаго; а направленіе сохранилось прежнее. Въ братскихъ школахъ книги получаютъ даромъ изъ переводческой комиссіи. Поэтому братство не скупится раздачей книгъ и не отбираетъ учебниковъ у кончающихъ курсъ. Такимъ образомъ каждый ученикъ уноситъ изъ школы книгъ до 15. и можетъ подновлять свои знанія. Школы же земскія и церковныя отбираютъ всѣ книги послѣ экзамена, такъ что грамотному инородцу нечего читать, и онъ долженъ забыть все, чему научился въ школѣ *).

Въ приходской деревнѣ Т. около 30-хъ годовъ многіе были близки къ отпаденію, но братскія школы, основанныя въ 70-хъ годахъ, остановили отпаденіе.

Теперь всѣ крѣпко въ вѣрѣ.

Отецъ одного изъ теперешнихъ братскихъ учителей, въ 80-хъ годахъ чуть было не отпалъ въ магометанство. О. Василій Тимофеевъ, совершая объѣзды, постоянно у него останавливался, чтобъ его увѣщевать, и онъ постепенно утвердился въ вѣрѣ.

Въ деревнѣ Т. 83 дома, школа братская, въ ней учатся, 26 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ, почти всѣ дѣти школьнаго возраста ходятъ въ школу; у дѣтей такое желаніе учиться,

*). Это различіе въ отношеніи къ книгамъ характеризуетъ два направленія. Въ школахъ, содержимыхъ просвѣтительными обществами, имѣется въ виду дѣйствительная польза, желаніе обезпечить развитіе грамотности въ народъ; въ школахъ казенныхъ учебная, показываемая на экзаменѣ, сторона.

что за недостаткомъ мѣста пришлось отказать въ пріемъ приблизительно 10 человѣкамъ. Учитель изъ Казанской крещено-татарской школы, получаетъ 80 рублей въ годъ, а ученеіе идетъ лучше, чѣмъ у насъ въ селѣ съ русской учительницей; кончающіе курсъ знаютъ по русски порядочно и хорошо знаютъ христіанскую вѣру, говорятъ они по русски не твердо, но потомъ въ обиходѣ очень скоро пріучаются говорить бѣгло. Они въ школѣ усваиваютъ достаточное количество русскихъ словъ, слухъ ихъ пріучается къ русской рѣчи, а какъ въ жизни явится практика, — они быстро научаются разговаривать.

Я часто замѣчалъ, что инородческія дѣти, которыя учили священную исторію только на русскомъ языкѣ, къ осени уже все забыли, поэтому такое усвоеніе русскаго языка ни къ чему не ведетъ.

Инородческая же школа даетъ развитіе и нѣкоторое знаніе русскаго языка; когда-же ученикъ выходитъ въ жизнь, онъ тотчасъ же пріобрѣтаетъ и практику русскаго языка.

Я увѣренъ, что если инородческая школа и инородческая церковь будутъ далѣе развиваться въ томъ же направленіи, то лѣтъ черезъ 30 инородцы будутъ выше русскихъ въ религіозномъ отношеніи. *)

Но необходимо, чтобы священникъ стоялъ близко къ народу.

Вотъ деревня Т. отъ нашего села въ 4-хъ верстахъ. Такъ я Великимъ постомъ всегда совершаю въ школѣ службы для бѣдныхъ и старыхъ говѣльщиковъ. И какъ они охотно приходятъ, хотя школа очень тѣсная! На исповѣди я всегда требую, чтобы инородцы сами говорили свои грѣхи, иначе я ихъ не допускаю: поэтому они ходятъ на исповѣдь сознательно, со слезами.

*) По моимъ наблюденіямъ это и теперь уже во многихъ мѣстахъ именно такъ.

А то прїдетъ епархіальный миссіонеръ, (русскій) говорить народу, а онъ ничего не понимаетъ.

Тамъ, гдѣ народъ не укрѣпился въ христіанствѣ, неудобно посвящать очень молодыхъ священниковъ, особенно изъ русскихъ, они совсѣмъ не умѣютъ взяться за дѣло. Въ одной изъ деревень, склонныхъ къ отпаденію, былъ молодой шикарный священникъ изъ русскихъ; онъ, бывало, надѣнетъ рясу, крикнетъ на народъ, велитъ имъ съ требой ждать, вотъ и нѣтъ вліянія, и начинаются отпаденія.

Когда я былъ священникомъ въ селѣ Е., *) гдѣ большая часть жителей отпала въ мусульманство, а немногіе, уцѣлѣвшіе въ православіи, очень неустойчивы въ вѣрѣ, я всегда старался быть съ народомъ въ близкихъ отношеніяхъ. Придутъ ко мнѣ съ требой, я посажу, самоваръ поставлю, чаемъ напою. Послѣ этого никто никогда противъ священника не пойдетъ. Есть татарская пословица: «Я у него хлѣбъ ѣлъ, не пойду противъ него». Они этого очень придерживаются.

Меня руководилъ въ священствѣ одинъ очень хорошій священникъ; онъ мнѣ совѣтовалъ часто посѣщать деревни, бесѣдовать съ народомъ; онъ говорилъ мнѣ: «если по улицѣ деревни пройдешь, и то польза.» Это былъ замѣчательный священникъ; самъ онъ былъ крещеный татаринъ, къ сожалѣнію епархіальное начальство перевело его въ русско-мордовскій приходъ другого уѣзда.

Ко мнѣ отступники ходили, и когда слышали молитвы и священную исторію на татарскомъ языкѣ, не хотѣли вѣрить, что эти книги—христіанскія, а думали, что это магометанскія молитвы въ переводѣ на крещено-татарскій языкъ. Они говорили: «еслибъ мы знали все это раньше, тогда бы не отпали».

*) Объ Е. и отступникахъ будетъ сказано въ другой главѣ подробно.

При мнѣ тамъ и не было отпаденій. Теперь-же, не смотря на школу и вновь строящуюся церковь, отпаденія продолжаются; вѣроятно мусульманство слишкомъ ужъ укрѣпилось.

Мусульмане сочувственно относятся къ отступникамъ и всячески ихъ поддерживаютъ.

Въ Е. братская школа и церковь существуютъ давно, но результаты отъ нихъ самые ничтожныя, потому что всѣ жители села и приходскихъ деревень уходятъ на зиму портняжить къ мусульманамъ.

Тамъ есть приходская деревня; такъ тамъ зимой на сходъ собираются однѣ бабы. Я ѣздилъ туда въ 96-мъ году зимой; всѣ мужчины были въ отсутствіи, кромѣ старосты Петра Антипова, Ивана Ивановича слѣпаго, да Василия Дмитріева, у котораго болѣла спина. Другіе всѣ ушли; домои пріѣзжаютъ только въ іюнѣ косить, а въ началѣ сентября снова уѣзжаютъ.

Въ сосѣднемъ селѣ С. то-же явленіе; но такъ какъ тамъ не всѣ уходятъ въ портные, то тамъ менѣе сильная склонность къ отступничеству.

Замѣтно, что кто не портняжить, тотъ крѣпче въ православіи.

Въ этихъ отступническихъ селеніяхъ у всѣхъ жителей татарскія имена, даже у тѣхъ, которые не отпадаютъ; (напр. Григорій Егоровъ—Миннебай). Они эти имена получаютъ у мусульманъ, когда портняжатъ. Мусульмане гораздо развитѣе крещеныхъ и нѣкоторые пункты своей вѣры знаютъ твердо, отъ того они такъ сильно и валяютъ. Крещеные не знаютъ, какъ отвѣчать на ихъ насмѣшки. Вотъ теперь постѣ кражи Казанской иконы Божіей Матери, татары смѣются и говорятъ: «украли мать вашего Бога», а крещеные не знаютъ что на это сказать.

Отступники еще фанатичнѣе мусульманъ, и вліять на нихъ очень трудно.

Когда крещеные желаютъ отпасть отъ православія, они подаютъ прошеніе на имя губернатора и тогда считаютъ себя уже отпавшими, а квитанцію объ отправкѣ этого прошенія считаютъ документомъ. Губернаторъ отсылаетъ прошеніе въ духовную консисторію, которая посылаетъ указъ миссіонеру и священнику, объ увѣщаніи отпадающихъ. Этимъ дѣло и кончается.

Конечно увѣщеваніе священника, или миссіонера далеко отъ нихъ стоящаго, не ведетъ ни къ чему. Я все-таки думаю, что если подходить къ отступникамъ близко, много можно сдѣлать.

Такихъ селеній съ сильной склонностью къ отпаденію, теперь немного.

Благодаря богослуженію и школамъ на родномъ языкѣ большинство крещеныхъ татаръ утвердилось въ православіи. Примѣровъ много.

Лѣтъ 20—25 тому назадъ въ селѣ Ш. приносили жертвы въ оврагѣ, рѣзали куръ, овецъ, били ихъ съ языческими обрядами; разъ въ три года приносили въ жертву коровъ. Теперь крещеные почти оставили всѣ эти обычаи.

Вотъ что дѣлаетъ система Ильминскаго, люди сами сознательно мѣняются, не по принужденію».

Я записала такъ подробно бесѣду съ о. К., такъ какъ онъ въ ней коснулся самыхъ разнообразныхъ сторонъ быта окрестныхъ деревень и она составила какъ бы предисловіе для моего съ ними знакомства. Я посѣтила всѣ описанныя имъ селенія и видѣнное мною подтвердило слова о. К.

IV.

Первая деревня, куда я попала, была Т.; я ѣздила туда изъ С. К., пока Д. П. собиралъ учениковъ.

Учителя я не застала, но узнала отъ мѣстныхъ жителей, что школа братская и выстроена была русскимъ крестьяниномъ «для Бога» еще по просьбѣ о. Василия Тимофеевича, такъ какъ Т. была тогда близка къ отпаденію.

Я надѣялась застать здѣсь одного изъ учителей, видѣнныхъ мной въ Казани въ учительской семинаріи, такъ какъ онъ родомъ изъ Т. и хотѣлъ провести здѣсь лѣто. Но оказалось, что инспекторъ уже отозвалъ его обратно въ Тургайскую область. Я зашла къ его родителямъ и просила ихъ поставить мнѣ самоваръ и позволить мнѣ закусить у нихъ на огородѣ. Когда татары узнали, что я знаю учительскую семинарію и Казанскую центральную крещено-татарскую школу, они приняли меня съ распростертыми объятіями, устроили меня въ огородѣ въ тѣни амбара, постелили войлокъ, притащили самоваръ, посуду, хлѣбъ, яйца, каймакъ*) и медъ. Больше всѣхъ хлопоталъ красивый юноша высокаго роста, съ усами, но безъ бороды, одѣтый, какъ крестьяне, въ ситцевой рубашкѣ, войлочныхъ чулкахъ и лаптяхъ и бѣлой войлочной шляпѣ. Приготовивъ все нужное для угощенія, онъ исчезъ и вернулся принаряженнымъ, въ сапогахъ и городскомъ платьѣ. Онъ оказался учителемъ, окончившимъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ, но какъ всѣ учителя, лѣтомъ ведетъ крестьянскую жизнь и ничѣмъ внѣшне не отличается отъ народа. Это участіе учителей въ крестьянскихъ работахъ имѣетъ огромное развивающее значеніе, такъ какъ не отрываетъ образованныя единицы отъ массы населенія, а напро-

*) Татарское кушанье, приготовляемое изъ сливокъ.

тивъ дѣлаетъ ихъ проводниками культуры въ эту массу. Вслѣдъ за первымъ учителемъ появился второй, уже извѣщенный о моемъ пріѣздѣ и потому одѣтый въ визитку. Учителя очень симпатичнаго типа, говорятъ просто, сознательно, искренно. Потомъ пришли 2 милыхъ ученика Казанской крещено-татарской школы. Всѣ разсѣлись вокругъ меня на травѣ подъ яркими лучами солнца, и охотно дали втянуть себя въ бесѣду. Прибѣжали и маленькіе ребята, учившіеся и неучившіеся въ Т-ской братской школѣ. Изъ нихъ не учившіеся не понимаютъ по русски ни одного слова, похотѣвшіе же въ школу всѣ болѣе или менѣе понимаютъ по русски, но объясняются съ трудомъ. Женщины по русски совсѣмъ не говорятъ, да и мужчины объясняются не свободно. Поэтому особенно поражаютъ учителя, которые послѣ 4-хъ лѣтъ ученія въ Казанской крещено-татарской школѣ говорятъ прекрасно по русски; ученики I и II класса крещено-татарской школы, бывшіе здѣсь на-лицо, не вполне свободно еще владѣли русской рѣчью, но учителя говорили именно отлично, такъ что съ трудомъ вѣрится, что они достигли такой бѣглости въ 4 года. Но они сами говорили мнѣ, что при поступленіи въ крещено-татарскую школу они едва говорили по русски, не болѣе, чѣмъ всѣ другіе мальчики изъ этой деревни.

Послѣ чая я произвела маленькій экзамень шести ученикамъ. Они всѣ были изъ младшаго отдѣленія, учились большей частью 3 года, но въ старшее отдѣленіе еще не переходили, (въ школѣ 2 отдѣленія, въ каждомъ двухъ-лѣтній курсъ). По русски они говорятъ плохо, и притомъ до того были перепуганы неожиданнымъ экзаменомъ, что совершенно оступили и, понутивъ голову, нервно перебирали пальцами своихъ босыхъ ногъ.

Простые вопросы они понимали, и когда я имъ говорила:

«положи руку на голову», или «подними правую ногу», исполняли это приказаніе, хотя иногда не безъ нѣкотораго раздумья.

Только одинъ крошечный мальчикъ, проучившійся только годъ, не понималъ ни слова.

Молитвы по крещено-татарски знаютъ твердо и повторяютъ съ вздумчивымъ сознаніемъ; по славянски катаютъ ихъ наизусть безъ всякаго смысла. Учителя не было, но его товарищи говорили мнѣ, что ученики почти всѣ кончаютъ курсъ и окончившіе курсъ могутъ немного говорить по-русски. Въ школѣ придерживаются программы Ильминскаго; Законъ Божій въ младшемъ отдѣленіи преподается исключительно на инородческомъ языкѣ, а въ старшемъ и по инородчески и по русски. Ариметика первые полгода преподается по инородчески, а во второе полугодіе перваго года начинаютъ переходить къ русскому языку; устный счетъ идетъ по русски, задачи переводятся на инородческій языкъ. Взрослое населеніе Т. очень усердно къ церкви; склонности къ исламу больше нѣтъ. Мушны ходятъ портняжить, но въ русскія и чувашскія селенія.

Въ сходномъ съ Т. положеніи находится селеніе С., отстоящее отъ перваго версты на 2. Учитель С—ской братской школы—одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я застала въ Т.,—подробно описалъ мнѣ ея состояніе.

Учитель этотъ Т. Я. окончилъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ въ 1903 году и среди зимы поступилъ въ С. учителемъ. Жалованья онъ получаетъ въ годъ 80 рублей, освѣщеніе и отопленіе школьнаго зданія упадаетъ на его счетъ. За первые полгода службы Т. Я. получилъ 35 р. изъ которыхъ изстратилъ 7 р. на дрова и 2 р. на керосинъ. Сторожа нѣтъ,—ученики или учитель сами убираютъ школу. Зданіе большое, оно стоило 250 р. и построено мѣст-

нымъ крестьяниномъ крещенымъ татаринѣмъ Филипомъ Ефимовымъ «для Бога».

Въ С. 150 домовъ, всѣ заселены крещеными татарами. Учениковъ въ школъ 30, и 5 ученицъ, изъ нихъ въ первомъ отдѣленіи было 23 человека, а во второмъ 12 человекъ. Курсъ 4-хъ лѣтній, при двухъ отдѣленіяхъ. Школа существуетъ съ 1872 года, за это время окончилъ курсъ около 50, насколько помнитъ учитель; точныхъ цифръ онъ не могъ мнѣ сказать, за неимѣніемъ подъ рукой данныхъ.

Въ С. мушины по русски говорятъ, а женщины совсѣмъ по русски не понимаютъ. Ученики, окончившіе курсъ въ прошломъ году, всѣ, по словамъ учителя, отлично говорятъ по русски, а изъ окончившихъ курсъ прежде (съ 72-го года) — нѣкоторые забыли русскій языкъ, но большинство говорить по русски хорошо, беретъ изъ школы русскія книги и старается учиться.

Въ 1903 году окончилъ курсъ 7 мальчиковъ, изъ нихъ 4 получили похвальные листы. Экзаменъ производили два сосѣднихъ священника. Преподаваніе ведется по системѣ Ильминскаго, росписаніе уроковъ составляется учителемъ.

Вотъ росписаніе прошлаго учебнаго года:

	Младшее отдѣленіе.	Старшее отдѣленіе.
Законъ Божій	6 уроковъ.	6 уроковъ.
Чтеніе по крещено-татарски	4 урока.	2 урока.
Разговорный урокъ русскаго языка	6 уроковъ.	8 уроковъ.
Арифметика	4 урока.	4 урока.
Письмо	4 урока.	4 урока.
Пѣніе	3 урока.	6 уроковъ.
Русское чтеніе	2 урока.	3 урока.
	во второй годъ ученія.	
Славянское чтеніе	2 урока	4 урока.

Учебное время отъ 8 ч. утра до 3^{1/2}. Преподаваніе ведетъ учитель по вѣмъ предметамъ. Священникъ 2 раза въ недѣлю бываетъ въ школѣ на урокъ Закона Божія и спрашиваетъ при этомъ учениковъ обоихъ отдѣленій.

Три раза въ недѣлю бываютъ спѣвки по вечерамъ. Ежедневно по вечерамъ въ школу собираются мужики для чтенія, при чемъ или сами вслухъ читаютъ божественныя книги, или учитель имъ читаетъ.

Въ С. крещенные живутъ зажиточно, лучше, чѣмъ мусульмане. Всѣ живутъ дома, на промыслы не ходятъ.

С. принадлежитъ къ приходу села Г. П., которое находится въ 2-хъ верстахъ. Тамъ священникъ крещеный татаринъ, богослуженіе смѣшанное, такъ какъ Г. П. русское село, С—скіе крещенные татары, по словамъ учителя, ходятъ въ церковь больше, чѣмъ русскіе изъ самого села Г. П. Лѣтъ 20 тому назадъ въ С. была сильная склонность къ магометанству, мужчины даже брили головы. Теперь жители всеобщіе обрусѣли, носятъ длинные волосы, крѣпки въ православіи.

Въ трехъ верстахъ есть магометанская деревня дворовъ въ 100—оттуда жители часто приходятъ въ С., но о вѣрѣ, не рѣшаются говорить, и если какой татаринъ (мусульманинъ) начнетъ хвалить свою вѣру, то его крещенинъ прогонитъ. Керемети бросили нѣсколько лѣтъ назадъ.

Вообще и С—скіе и Т—скіе отдаляются отъ татаръ и все больше сближаются съ русскими.

Я спросила учителей, правда ли, что иногда инородцы просятъ, чтобъ богослуженіе было на славянскомъ языкѣ, и чѣмъ это объяснить. Они отвѣтили, что такіе случаи бываютъ, однако, это отнюдь не доказываетъ, чтобъ славянское богослуженіе было понятно. Но какъ мусульмане думаютъ, что все спасеніе въ словахъ, и что Богъ понимаетъ только по-арабски, такъ и нѣкоторые крещенные инородцы думаютъ,

что Богъ—русскій и понимаетъ только по-русски, и оттого Ему нужны молитвы и богослуженіе славянскія.

Поэтому инородцы иногда и просятъ славянскаго богослуженія, хотя его совсѣмъ не понимаютъ.

Поразительный контрастъ съ только что описанными двумя селеніями представляетъ деревня, о которой мнѣ рассказывалъ другой изъ присутствующихъ здѣсь учителей, тотъ, который такъ ревностно помогалъ хозяину меня угощать. Этотъ учитель окончилъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ въ 1902 году, и служить учителемъ въ деревнѣ починокъ Я. Жалованья получаетъ 80 рублей. Школьное зданіе построено братствомъ, квартира учителя находится при школѣ, но отопленіе и наемъ сторожа упадаютъ на счетъ учителя, такъ что ему остается для себя около 60 руб. Учитель ведетъ жизнь крестьянина, питается чернымъ хлѣбомъ, картофелемъ и чаемъ.

Въ деревнѣ 36 дворовъ, всѣ крещенные татары, учениковъ въ школѣ 15 (13 мальчиковъ и 2 дѣвочки). Деревня на маломъ надѣлѣ, мужское населеніе уходитъ портняжить къ магометанамъ въ Уфимскую и Вятскую губерніи. Еслибъ здѣсь не было братской школы (она существуетъ съ 88 года), всѣ жители давно перешли бы въ магометанство. Русское село находится отъ деревни въ 9 верстахъ, а магометанское селеніе въ 3-хъ. Въ починокъ Я. никто по русски не говоритъ. Окончившіе курсъ въ школѣ нѣсколько лѣтъ назадъ почти совсѣмъ забыли русскій языкъ. Въ школу ходятъ всѣ мальчики, которые только могутъ, но по русски они не успеваютъ выучиться, такъ какъ большинство выходитъ изъ школы носивъ одного, двухъ лѣтъ ученія и уходитъ портняжить.

Съ русскими общенія мало, склонность къ магометанству въ населеніи есть, многіе не носятъ крестовъ, нѣкоторые брѣютъ головы, но тубетеекъ не носятъ, празднуютъ воскре-

сенье и соблюдаютъ Великій постъ. Въ школѣ каждый день бываетъ урокъ Закона Божія и урокъ инородческаго чтенія, оно по содержанію есть тотъ же Законъ Божій, которому такимъ образомъ отводится 12 уроковъ въ недѣлю. По субботамъ или воскресеньямъ учитель собираетъ народъ въ школу на молитву, читаетъ Евангеліе и Часословъ по крещено-татарски, ученики поютъ. Прежде очень мало приходило народу, теперь стало ходить больше, около 30 человѣкъ. Грамотные приходятъ въ школу за книгами на татарскомъ языкѣ и читаютъ ихъ дома, берутъ Евангеліе, Псалтирь, Житія Святыхъ.

Церковь въ 5 верстахъ, священникъ инородецъ, богослуженіе смѣшанное; зимой въ церковь почти никто не ходитъ. Починокъ Я. принадлежитъ къ приходу села А. Мамадышскаго уѣзда. Это село крещено-татарское, русскихъ въ немъ мало. Всѣхъ дворовъ 150, изъ нихъ 15—20 русскихъ, 60 отпавшихъ, 70—75 дворовъ крещенскихъ. Отступники отпали въ 70-хъ годахъ, носятъ тибетейки, и въ смыслъ православія безнадежны. Въ селѣ была только братская школа, но сгорѣла въ прошломъ году, возобновлена ли теперь — неизвѣстно. Училилось въ ней человѣкъ 40—60 крещенскихъ и отпавшихъ. Учитель былъ изъ Казанской крещено-татарской школы. Отпавшіе имѣютъ тайный молитвенный домъ. 75 дворовъ крещенскихъ тоже нетверды въ православіи.

Очевидно въ этихъ двухъ селеніяхъ идетъ жестокая борьба между христіанствомъ и мусульманствомъ. Кто одолѣетъ въ этой борьбѣ, будетъ зависѣть отъ того, какъ поведется школа и кто будетъ священникомъ. Если священники будутъ изъ инородцевъ, притомъ изъ преданныхъ дѣлу людей, близко стоящихъ къ народу, если учитель будетъ тоже инородецъ и при томъ хорошій, и если начальство никакихъ запретовъ на родной языкъ накладывать не будетъ, то можно и теперь еще разсчитывать на побѣду христіанства.

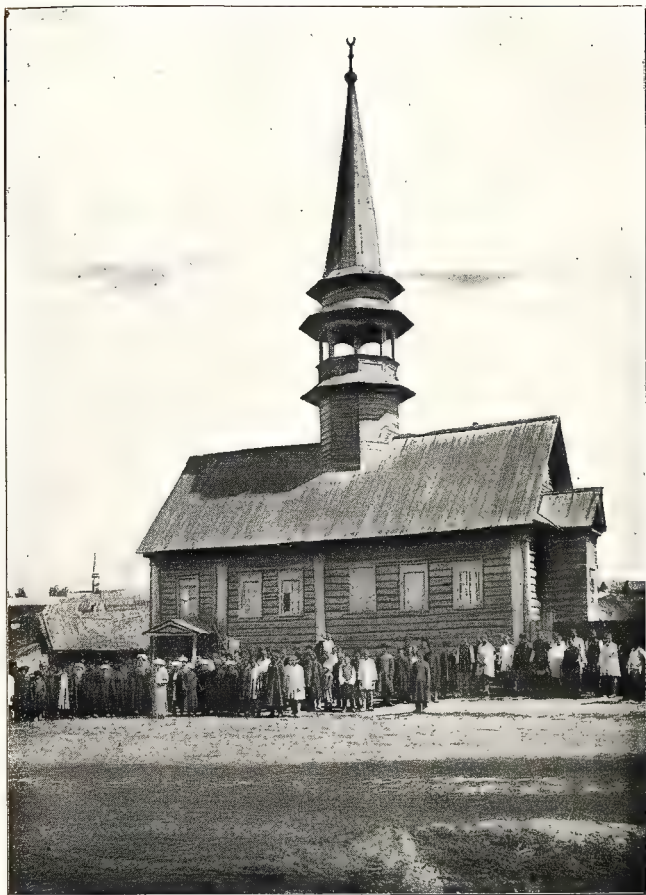
Если же все инородческое будетъ въ загонѣ, если молодого учителя бросать безъ всякой поддержки, и на подмогу пошлютъ казеннаго миссіонера съ богословскимъ образованіемъ и большимъ окладомъ, а инородческую книгу замѣнять натуральнымъ методомъ Шельцеля, тогда никакого нѣтъ сомнѣнія, что магометане одержатъ верхъ, такъ какъ они умѣютъ близко подходить къ народу и отвѣчать на его духовные запросы.

Въ немногихъ верстахъ отъ этой группы селеній я видѣла яркій примѣръ побѣды, одержанной русскимъ и православнымъ элементомъ.

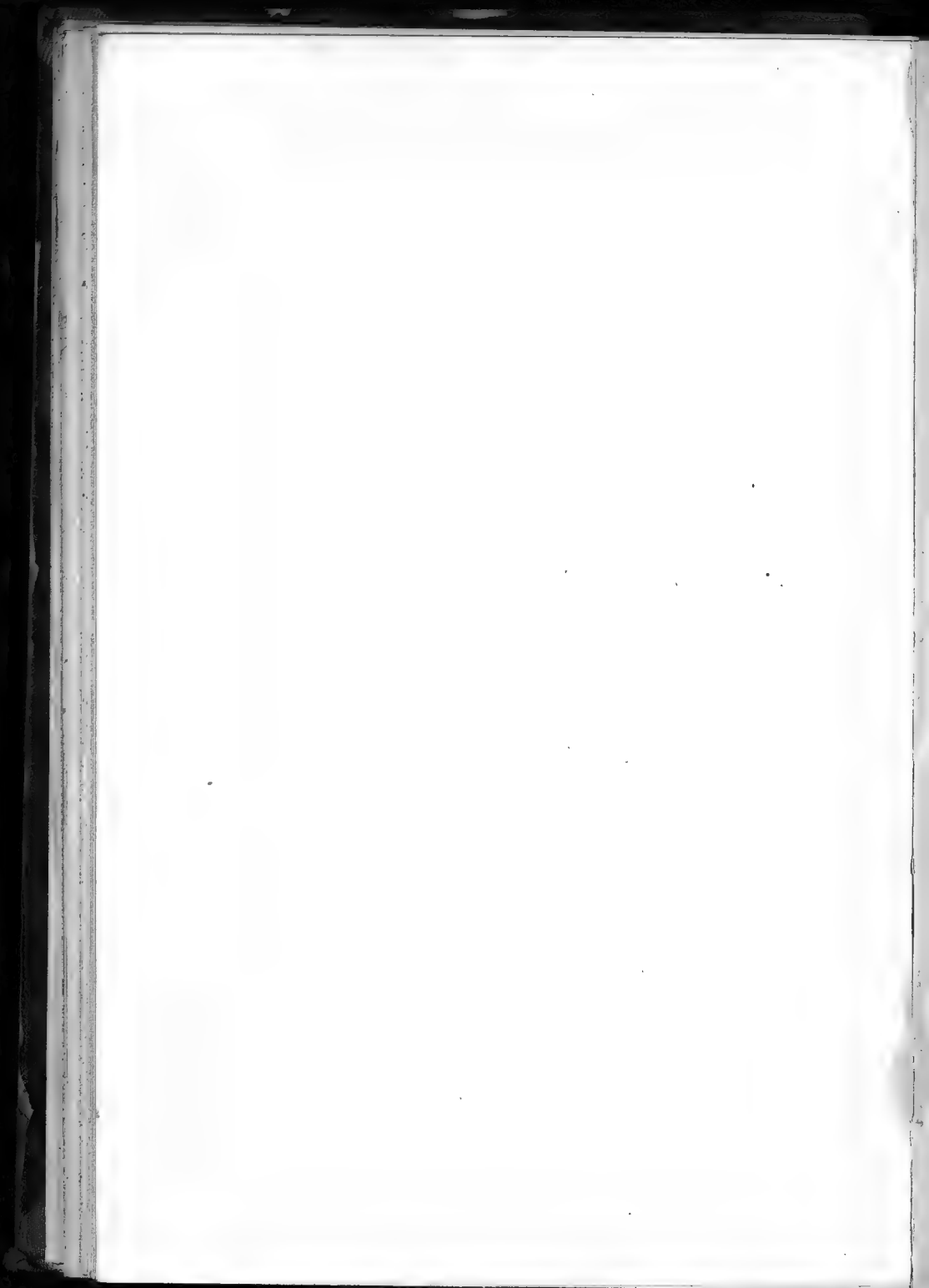
Я пріѣхала въ огромное магометанское селеніе Н. раскинутое на двухъ холмахъ. Въ одной изъ боковыхъ улицъ, особнякомъ, стоятъ 7 дворовъ крещеныхъ татаръ, тонущихъ среди этого моря мусульманства. Кажется чудомъ, что они не были имъ поглощены. Но помощь подоспѣла своевременно. Для этихъ 7 дворовъ была основана братская школа, недавно передѣланная въ церковную школу грамоты. Она помѣщается въ избѣ, за что хозяинъ получаетъ 15 р. въ годъ, включая сюда и плату за освѣщеніе и отопленіе. Въ одномъ углу живетъ учитель, въ другомъ — учатся дѣти, въ третьемъ живутъ хозяева. Впрочемъ, на зиму они переселяются въ сѣни, постановкой печи обращаема въ жильѣ.

Учениковъ 13, изъ нихъ 7 крещенскихъ мальчиковъ, 3 крещенскихъ дѣвочки и 3 мусульманскихъ мальчика, такимъ образомъ, школу посѣщаютъ и мусульмане, чтобъ научиться по русски, такъ какъ въ мектебѣ русскій языкъ не преподается.

Учитель изъ Казанской крещено-татарской школы получаетъ въ годъ 120 руб. Съ тѣхъ поръ какъ школа перешла въ вѣдѣніе епархіальнаго училищнаго совѣта, книги у кончающихъ курсъ отбираются, вѣроятно для сохранности, такъ что они теперь обречены забывать усвоенное во время ученія.

Выходъ мусульманъ изъ мечети.

Братство же книги раздавало въ собственность и, пока школа была въ его вѣдѣніи, книги не отбирались.

Мальчики почти всѣ были на сѣнокошѣ и я видѣла только двоихъ. Одинъ, худенькій подростокъ лѣтъ 13, съ тонкими чертами и большими оттопыренными ушами, окончилъ курсъ весной и бойко говорить по русски, твердо отчеканивая каждый слогъ, хотя часто невѣрно ставить ударенія.

Другой, юноша лѣтъ 16, тяжеловатый и неповоротливый, кончилъ школу уже года 3 назадъ, много позабылъ и говорить съ трудомъ.

Онъ водилъ насъ къ своимъ родителямъ; изба небольшая, семья очевидно среднего достатка; на полкахъ подъ образами лежить пачка книгъ, полученныхъ ученикомъ при окончаніи курса.

На мой вопросъ: «что это книги татарскія?» хозяева мнѣ рѣшительно отвѣтили: «нѣтъ, крещенскія». Крещенные татары твердо держатся этого опредѣленія, которымъ они отличаютъ себя отъ магометанъ.

«Татаринъ» значитъ магометанинъ, «крещенинъ» значитъ православный.

Я вынесла изъ этого удѣлѣвшаго въ христіанствѣ уголка чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Скромная школа, не имѣющая даже собственнаго помѣщенія, сохраняетъ эти 7 семействъ отъ отпаденія въ исламъ.

Въ этой кучкѣ крещеныхъ, замѣтно и радушіе къ пріѣзжему русскому человѣку, и сознаніе своего достоинства. Мусульмане ихъ не обижаютъ, а относятся къ нимъ съ уваженіемъ, такъ какъ они изъ себя представляютъ сознательную группу. Магометане покровительствуютъ отпавшимъ, считая ихъ своими, и презираютъ православныхъ, не крѣпкихъ въ вѣрѣ и не имѣющихъ никакихъ устоевъ, но развитыхъ, сознательно религіозныхъ и выдержанныхъ въ жизни крещеныхъ татаръ уважаютъ. Это очень замѣтно на 7 семействахъ

И—скихъ христіанъ. Безъ школы они всё бы отатарились, такъ какъ магометане стояли бы выше ихъ въ религіозномъ и культурномъ отношеніи. А теперь послѣдніе съ ними должны считаться.

V.

Отраднѣйшій примѣръ селенія, переродившагося подъ вліяніемъ братской школы и богослуженія на родномъ языкѣ, представляетъ село Я. отстоящее отъ Н. верстахъ въ 15. Я пріѣхала туда къ обѣднѣ въ воскресный день. Это было въ самый разгаръ сѣнокоса и народу было въ церкви немного, но женщинъ все же набралось порядочно и ихъ пестрые національные костюмы и красивые головные уборы съ вышивками и монистами въ церкви произвели на меня странное впечатлѣніе. Одѣтые въ нихъ люди представлялись мнѣ принадлежащими къ другому міру—не православному—и какъ будто безъ права зашедшими въ нашъ русскій храмъ. Но глубокое благоговѣніе, съ которымъ эти люди молятся, чрезвычайное усердіе, съ которымъ они крестятся, слушая молитвы или пѣснопѣнія на родномъ языкѣ,—заставляло чувствовать, что просвѣщеніе, какъ бы плутомъ, подняло здѣсь глубокіе слои новой зѣмли и влило въ наше православное общество новыя свѣжія силы, новое горячее религіозное настроеніе. Послѣ посѣщенія этой церкви особенно ограниченными стали казаться мнѣ разсужденія разныхъ официальныхъ людей объ обрусѣніи инородцевъ, путемъ ограниченія области примѣненія родного языка и замѣны его въ видѣ панации натуральнымъ методомъ и учебниками съ нѣмецкими картинками.

Жалки и вредны эти чисто внѣшніе приемы, затрагивающіе одну поверхность и нисколько не вліяющіе на *духъ* народа, а только раздражающіе мирныхъ людей, посягатель-

ствомъ на одно изъ самыхъ дорогихъ для каждого чловѣка достояній — на его родной языкъ.

Не навязанная чуждая рѣчь, и не полемическія обличительныя бесѣды миссіонеровъ привлекли Я — скихъ крещенныхъ татаръ въ церковь, куда ихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій не могли привести ни административная кара, ни лстивыя обѣщанія. Дѣло было иначе.

Русскіе люди, частные и занимающіе официальное положеніе, имѣли смѣлость, не боясь за цѣлость Государства, взглянуть на «грязныхъ и грубыхъ» инородцевъ, какъ на братьевъ и равноправныхъ гражданъ. Они сдѣлали для нихъ доступными сокровища своей религіи и своей культуры, дали себѣ трудъ примѣниться къ ихъ пониманію и развитію. Инородцы откликнулись на призывъ, признали въ русскихъ своихъ *старшихъ* братьевъ и безсознательно и довѣрчиво начали русьтъ.

Это обрусѣніе особенно бросилось мнѣ въ глаза, когда я послѣ обѣдни зашла въ находящійся противъ церкви чистенькій, веселенькій домъ крещено-татарскаго батюшки.

Обстановка культурнаѣ, чѣмъ у многихъ русскихъ сельскихъ священниковъ. На стѣнѣ висятъ два портрета Ильминскаго разныхъ размѣровъ. Чайный столъ накрытъ чистой скатертью, самоваръ блеститъ, на блюдѣ лежатъ свѣжія булки, испеченныя матушкой. Вокругъ стола собралась вся семья — симпатичная матушка, хорошенькая старшая дочь съ мужемъ — вотькомъ учителемъ, вторая дочь — миловидная епархіалка и сынъ — ученикъ духовнаго училища. Всѣ прекрасно говорятъ по русски, кромѣ матушки, которая хотя и обрусѣла около своихъ дѣтей, но часто ошибается въ русскомъ языкѣ и видимо стѣсняется говорить по русски съ посторонними; выговоръ батюшки тоже еще обличаетъ его происхожденіе, но дѣтей невозможно отличить отъ природныхъ русскихъ. Я

вспомнила ходячее въ Петербургъ обвиненіе въ сепаратизмъ образованныхъ инородцевъ и мнѣ стало и больно и смѣшно. Священникъ, о. Н. очень симпатичный человѣкъ, съ тонкими чертами и нервной, быстрой походкой. Онъ поступилъ въ Казанскую крещено-татарскую школу въ 1865 году, когда ему было 10 лѣтъ и въ 70 году кончилъ тамъ свое образованіе. Сначала онъ былъ учителемъ, потомъ священникомъ въ отступническомъ селѣ Е., потомъ перешелъ въ Мамадышскій уѣздъ, а теперь 12 лѣтъ служитъ священникомъ въ селѣ Я.

О. Н. вспоминалъ свои годы ученія въ крещено-татарской школѣ и отношеніе къ ученикамъ Николая Ивановича Ильминскаго: «онъ очень любилъ насъ, но держалъ насъ очень просто», сказалъ онъ; «я уже кончилъ курсъ и былъ учителемъ, а все еще ходилъ въ лаптяхъ, первые сапоги подарилъ мнѣ одинъ купецъ за пѣніе».

Напившись у батюшки чаю, я попросила его повести меня по домамъ, но народу мы застали очень мало, такъ какъ тогда послѣ обѣдни всѣ женщины вслѣдъ за мужьями ушли на сѣнокосъ. Тѣхъ, которыхъ мы видѣли, почти не понимали по русски, и говорить не могли совсѣмъ. Священникъ сказалъ мнѣ, что въ его приходѣ крещенскія женщины вообще по русски не говорятъ, и не понимаютъ, мужчины же говорятъ довольно свободно. Мы заходили, между прочимъ, въ большую избу, принадлежащую родителямъ одного священника, съ которымъ я познакомилась раньше въ Казани, и видѣли его отца, дряхлаго старика, одѣтаго крестьяниномъ въ холщевой рубашкѣ; онъ, по словамъ о. Н., когда то былъ сильно зараженъ исламомъ. По русски онъ почти совсѣмъ не говоритъ. Когда мы проходили по улицѣ, къ намъ вышла какая то вдова и усиленно стала зазывать къ себѣ. Мы зашли, но рѣшительно отказались отъ чаю, которымъ она во что бы

то ни стало хотѣла насъ напоить, и этимъ кажется ее очень огорчили. По тому выраженію, съ которымъ народъ обращается къ о. Н. видно, что отношенія между священникомъ и приходомъ самыя довѣрчивыя и задушевныя.

Батюшка водилъ меня и въ школы; ихъ двѣ—мужская и женская. Зданія чистенькія, хорошенькія; стоятъ онѣ рядомъ съ церковью, тоже красивою и свѣтлою. И церковь, и школы, и домъ священника построены П. В. Щетинкинымъ.

Церковь построена въ 1884 году; тогда была сильная склонность къ отпаденію въ исламъ, домовъ 30 хотѣли отпасть. Первая братская мужская школа была открыта въ Я. въ 1868 году. Тогда склонность къ отпаденію была еще сильнѣе; по словамъ стариковъ, грамотныхъ въ селѣ было не болѣе 12 человѣкъ.

Въ селѣ Я. 3 общества; школа была построена на одномъ концѣ села во 2-мъ обществѣ, и, по словамъ о. Н., это общество теперь самое лучшее въ религіозномъ отношеніи.

Когда стали строить церковь, многіе жители отнеслись къ этому враждебно. Теперь же народъ къ церкви очень усерденъ. Склонность къ отпаденію держится еще только въ 3-хъ домахъ. Русскіе прихожане говорятъ, что инородцы теперь стали другіе. Грамотныхъ обоего пола 300 человѣкъ (250 мужскаго пола и 50 женскаго) на народонаселеніе въ 1276 человѣкъ (623 мужчинъ, 653 женщинъ). Въ Я. обѣ школы братскія—мужская и женская. Учитель и учительница окончили курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ, учительница получаетъ 70 р., а учитель 80, но послѣднему П. В. Щетинкинъ отъ себя добавляетъ 50 или 60 р.; чтобъ онъ усерднѣе занимался пѣніемъ. Ученіе идетъ хорошо. О. Н. говоритъ, что всѣ ревизующіе довольны. Пѣніе, по словамъ батюшки, отличное. Я судить не могла, такъ какъ по случаю сѣнокоса, хоръ не былъ въ сборѣ. Я подробно осматривала книжный

шкафъ мужской школы. Благодаря тому, что она братская ей не коснулось новое вѣяніе Казанскаго учебнаго округа и инородческія книги не выведены еще изъ употребленія. Я перелистала «Первую книгу русскаго языка» изд. Православнаго Миссіонерскаго Общества, пособіе для разговорныхъ уроковъ. Слова расположены по категоріямъ, напр. части тѣла человѣка, разныя животныя, разныя орудія и т. д. Я осматривала и тетради учениковъ и нашла ихъ весьма удовлетворительными.

Въ Я. русскихъ домовъ — 30, крещенскихъ 170; въ школу еще ходятъ ученики изъ русской деревни Р., гдѣ 20 домовъ. Учениковъ въ мужской школѣ приблизительно (батюшка не помнилъ точной цифры) было за истекшій годъ русскихъ 12, крещеныхъ татаръ 53. Въ женской школѣ было 15—18 дѣвочекъ.

Всего въ приходѣ 2 школы церковно-приходскія (въ русскихъ деревняхъ) и 3 братскія школы (въ инородческихъ селеніяхъ). Въ братскихъ школахъ преподаваніе ведется по системѣ Ильминскаго.

Съ 1-го октября и до Пасхи ѳ. Н. ведетъ по воскреснымъ вечерамъ собесѣдованія въ Я—ской мужской школѣ; мужчинъ и женщинъ приходитъ до 100 человѣкъ. Изрѣдка показываются картины съ волшебнымъ фонаремъ. Собесѣдованія обычно состоятъ въ объясненіи Воскреснаго Евангелія и чтенія Житія Святыхъ.

Житія Святыхъ по крещено-татарски напечатаны недавно и чрезвычайно нравятся народу; они и слушаютъ ихъ съ удовольствіемъ и просятъ читать на домъ, такъ какъ они имъ хорошо понятны. Евангеліе, по словамъ священника, имъ менѣе понятно. Съ тѣхъ поръ, какъ о. Н. роздалъ на домъ Житія Святыхъ, народъ сталъ собираться для чтенія по домамъ, гдѣ есть хорошіе грамотѣи. Такъ какъ братство не отбираетъ книгъ у кончающихъ курсъ, а школа въ Я. существуетъ

давно, то теперь у каждого крещенина на божницѣ есть крещено-татарскія книги.

Охота къ чтенію такъ велика, что не хватаетъ крещено-татарскихъ книгъ. О. Василій Тимоѣевичъ при своей жизни очень усердно занимался переводами, но переводческое дѣло въ послѣдніе годы нѣсколько унало вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ вліяній. Въ настоящее время, по словамъ учителей, особенно чувствуется недостатокъ въ книгахъ для собесѣдованія. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война съ Японіей, на собесѣдованія, по словамъ о. Н., стало ходить еще больше народу, желающаго имѣть извѣстія о войнѣ и о. Н. переводить имъ свѣдѣнія изъ газетъ; крещеные татары усердно молятся о побѣдахъ.

Церковное богослуженіе въ Я. смѣшанное; когда въ церкви много русскихъ, больше читается по славянски, когда присутствуютъ—главнымъ образомъ инородцы, центръ тяжести переносится на инородческій языкъ. Поученія приходится говорить и по-русски и по-татарски, иначе крещеные недовольны русскимъ поученіемъ и наоборотъ.

За время своей службы о. Н. замѣчаетъ слѣдующія перемѣны: народъ укрѣпился въ православіи и бросилъ языческія жертвоприношенія. Прежде были установлены жертвоприношенія около рѣки, варили мясо и кашу, совершались моленія и поѣдались сваренныя яства. Это дѣлалось нѣсколько разъ въ году, напр. безъ такого моленія не начинали убирать рожь. Теперь за послѣдніе годы совсѣмъ это бросили и вмѣсто жертвоприношенія начали молебствовать. Не смотря на это, я сама видѣла недалеко отъ Я., среди поля, невспаханное круглое мѣсто, по полукругу съ каждой стороны дороги,—это прежняя киремень; тамъ уже не молятся, но распахать его еще не рѣшаются. Послѣ мнѣ, впрочемъ, говорили, что это мѣсто принадлежитъ сосѣдней магометанской деревнѣ.

Теперь народъ сталъ усерднѣе къ церкви, говѣльщики гораздо больше прежняго. Крещенные татары начинаютъ носить русскіе костюмы, это вѣрный признакъ, что они застрахованы отъ отпаденія; склонные къ отступничеству твердо держатся національнаго костюма. Дѣти семействъ, склонныхъ къ отступленію, посѣщаютъ школу неаккуратно и оставляютъ ее до окончанія курса.

12 лѣтъ назадъ въ Я—скомъ приходѣ была одна школа, теперь въ приходѣ 5 школъ съ 155 учениками. За 12 лѣтъ мусульманская пропаганда въ Я. ослабѣла, такъ какъ крещенные не такъ ласково стали принимать магометанъ и умѣютъ имъ возражать. Въ селеніяхъ, склонныхъ къ отпаденію, усиленная мусульманская пропаганда продолжается, тамъ магометанъ принимаютъ ласково и слушаютъ охотно. Обрусѣніе въ Я. за 12 лѣтъ замѣтно и въ томъ, что населеніе лучше стало знать русскій языкъ. Окончившіе курсъ въ школахъ знаютъ русскій языкъ лучше неграмотныхъ крещеныхъ татаръ, а женская школа подняла знаніе русскаго языка между молодымъ женскимъ поколѣніемъ.

О. Н. состоитъ участковымъ миссіонеромъ для крещеныхъ татаръ всего Л—скаго уѣзда. Онъ совершаетъ объѣзды и посѣщаетъ главнымъ образомъ тѣ села, гдѣ священники не могутъ говорить съ народомъ. О. Н. хорошо знакомъ съ міромъ отступниковъ, такъ какъ прежде состоялъ священникомъ въ селѣ Е. и теперь еще во время своихъ объѣздовъ имѣетъ дѣло съ селеніями некрѣпкими въ православіи.

Изъ мѣстностей, гдѣ склонность къ отступленію значительна, надо бы, по мнѣнію о. Н., больше брать учениковъ въ Казанскую центральную крещено-татарскую школу, такъ какъ они имѣютъ на семью большое вліяніе. Напр. въ селѣ С. есть богатая семья, которая хотѣла отпасть въ исламъ; она еще держалась и хотѣла сына отдать въ крещено-татарскую

школу, но его не приняли за неимѣніемъ мѣста. Еслибъ его приняли, семья навѣрно удержалась бы въ православіи, теперь же она вся отпала. А вотъ и другой примѣръ: въ томъ же селѣ С. есть семья состоятельная, бывшая прежде склонной къ отпаденію. Сынъ поступилъ въ крещено-татарскую школу и затѣмъ, пройдя ее и учительскую семинарію, сталъ вліять на семью. Въ результатѣ семья вся укрѣпилась въ православіи.

Вообще тамъ, гдѣ есть сильная склонность къ отпаденію, тѣ семьи, изъ которыхъ есть учащіеся въ крещено-татарской школѣ, укрѣпляются въ православіи. Такихъ примѣровъ много. Замѣчательно, что когда мальчикъ поступаетъ въ крещено-татарскую школу, его семья дома начинаетъ усерднѣе посѣщать церковь. Среди вотяковъ наблюдается то же самое явленіе.

До сихъ поръ инородцы, поступающія въ крещено-татарскую школу говорятъ: «мы учимся у о. Василя», хотя о. Василій Тимофеевичъ умеръ въ 1895 году.

Братскія школы, по словамъ о. Н., лучше примѣняются къ мѣстнымъ нуждамъ, чѣмъ церковно-приходскія. Напримѣръ, когда о. Н. былъ священникомъ въ Е—ѣ и ѣздилъ въ С—скую братскую школу, то онъ тамъ преподавалъ Законъ Божій до конца на татарскомъ языкѣ, чтобъ ученики лучше усвоили Законъ Божій и потому лучше противостояли исламу. Церковно-приходская же школа заботится только о выполненіи программы.

Изъ братскихъ школъ ученики поступаютъ въ Казанскую крещено-татарскую школу, такъ какъ между этими школами есть тѣсная связь.

Когда братская школа переходитъ въ епархіальный училищный совѣтъ, связь эта прекращается. Назначаются большею частью русскіе учителя изъ неокончившихъ курсъ въ

духовныхъ училищахъ: ни они, ни наблюдатели ученикамъ дороги въ крещено-татарскую школу не указываютъ. Братскія же школы все ведутся въ одномъ направленіи, ихъ объѣзжаетъ завѣдующій крещено-татарской школой священникъ изъ крещеныхъ татаръ, и ученики братскихъ школъ стремятся въ крещено-татарскую школу, въ учительскую инородческую семинарію и затѣмъ къ священству. И братскія школы и Казанская крещено-татарская школа и Казанская инородческая учительская семинарія держатся одного направленія, которое надо назвать миссіонерско-воспитательнымъ.

VI.

Мнѣніе, выраженное о. Н.—мъ о школахъ братства св. Гурія, Казанской крещено-татарской школы и Казанской учительской семинаріи несомнѣнно схоже съ дѣйствительностью. Я убѣдилась въ этомъ изъ того, что отъ самыхъ разнообразныхъ инородческихъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ и живущихъ въ разныхъ губерніяхъ, я слышала то же самое. Еще въ бытность мою въ Казани, священникъ о. Т. Е., завѣдующій крещено-татарской школой, говорилъ мнѣ, что проэктируемая Казанскимъ епархіальнымъ начальствомъ передача братскихъ школъ въ епархіальный училищный совѣтъ, ихъ убьетъ: братскія школы хороши тѣмъ, что менѣе связаны программой; въ мѣстности, гдѣ еще сильно держится язычество, или гдѣ существуетъ склонность къ мусульманству, братская школа переноситъ свой центръ тяжести на Законъ Божій. Тамъ же, гдѣ христіанство упрочилось,—она усиливаетъ преподаваніе русскаго языка. Школа же церковно-приходская должна во что бы то ни стало выполнить программу, что часто не по силамъ инородческимъ

дѣтямъ; и это строгое соблюденіе программъ, послѣ передачи братскихъ школъ въ епархіальный училищный совѣтъ, уничтожить ихъ миссіонерское значеніе. Кромѣ того братская школа дешевая, въ 2—3 раза дешевле церковно-приходской, поэтому при передачѣ ихъ, многія придется закрыть по недостатку средствъ.

Изъ братской школы ученики поступаютъ въ Казанскую крещено-татарскую школу, которая такимъ образомъ сохраняетъ данное ей при ея основаніи центральное значеніе, а изъ прежнихъ братскихъ школъ, теперь уже переданныхъ въ епархіальный училищный совѣтъ, никто не поступаетъ, по словамъ о. Е., не только въ крещено-татарскую школу, но и во второклассныя училища.

Отъ одного образованнаго инородческаго учителя я также слышала, что у всѣхъ инородцевъ, которые учились въ крещено-татарской школѣ или въ Казанской инородческой учительской семинаріи общее направленіе стоять близко къ народу, стараться его просвѣтить.

Этотъ учитель рассказывалъ мнѣ это съ увлеченіемъ.

«Русскіе гораздо равнодушнѣе и къ вѣрѣ и къ своему народу» прибавилъ онъ, «а въ инородцахъ сильно развита дѣятельная любовь, хотя и между ними, конечно, есть исключенія. Замѣтно, что равнодушные язычники остаются и равнодушными христіанами, а ревностные язычники дѣлаются и ревностными христіанами. Ильминскаго инородцы хорошо помнятъ, большинство изъ его прежнихъ учениковъ не могутъ слышать его имени безъ слезъ».

«Теперь», продолжалъ онъ, «инородцы дѣлутъ къ прежнему Ильминскаго — нынѣшнему директору Казанской учительской семинаріи, такъ какъ онъ одинъ защитникъ инородцевъ. Когда онъ былъ членомъ совѣта братства, онъ былъ центромъ, всѣ братскіе учителя и священники постоянно къ

нему ѣздили. Ихъ пріѣзжало столько, что онъ отвелъ для нихъ особую комнату въ учительской семинаріи, чтобъ они не расходовались, и эта комната постоянно была занята».

«Прежде онъ имѣлъ особое положеніе. Во всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся инородцевъ, учебное и духовное начальство совѣтовалось съ нимъ, у него спрашивали кандидатовъ въ учителя и въ священники. Но потомъ многіе стали завидовать этому положенію, и новое начальство стало его травить».

«Теперь у него руки связаны, и инородцевъ некому подержать».

«Всѣ инородцы знаютъ Н. А.: они знаютъ, что приближается срокъ окончанія его службы и всѣ ждуть со страхомъ. Если онъ выйдетъ въ отставку, по всему инородчеству пойдетъ вопль отчаянія. Если онъ уйдетъ, все дѣло погнбло, имъ однимъ все держится. И теперь многіе насъ притѣсняютъ, но мы около Н. А. ютимся и держимся, а если онъ уйдетъ, намъ всѣмъ бѣда будетъ».

„А очень жаль, что онъ оставилъ братство. За время своего пребыванія тамъ членомъ совѣта, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое; онъ завелъ при центральныхъ школахъ учительскіе сѣзды, которые сразу подняли учебное дѣло въ братскихъ школахъ. Напримѣръ послѣ сѣзда въ Кармыганѣ сильно поднялись вотскія школы. Но Н. А. Бобровниковъ оставилъ братство, инородческіе учительскіе сѣзды почти прекратились, а тѣ которые устраиваются (кажется за 5 лѣтъ одинъ разъ у черемисъ), учителей уже такъ не воодушевляютъ, какъ было ранѣе, и учебное дѣло пало“.

„Въ бытность его членомъ совѣта братства по его же предложенію были назначены „старшіе передвижные учителя“, которые должны были объѣзжать братскія школы, жить въ нихъ

по одной или по полторы недѣли, давать образцовые уроки, бесѣдовать съ учителями, вести собесѣдованія съ народомъ. Н. А. Б. желалъ, чтобъ, для школъ извѣстнаго народа были передвижные учителя изъ того же народа и онъ успѣлъ эту мѣру провести. Въ теченія первой зимы объѣзды совершались. Передвижные учителя во время своихъ объѣздовъ всегда собирали народъ въ школу для собесѣдованій, приходили и крещенные и язычники. Нерѣдко бесѣды велись въ караулкѣ, когда тамъ собирались сельскіе сходы, тогда слушали всѣ и очень это любили.

Передвижные учителя открыли по нѣскольку школъ въ одну зиму, но духовное начальство лѣтъ пять тому назадъ выжило Н. А. Б. изъ братства, а вслѣдъ за нимъ выжило и его сподвижниковъ; одного (который былъ инородческій священникъ) духовное начальство выжило за то, что онъ въ своемъ отчетѣ написалъ, что русскіе священники въ миссіонерскомъ дѣлѣ стоятъ ниже инородцевъ. Другому же (учителю) было объявлено, что свѣтскому лицу неудобно давать такія порученія и онъ былъ замѣненъ священникомъ, не знающимъ дѣла.

Дѣйствительно братство св. Гурія за послѣдніе 6—7 лѣтъ совершенно пало благодаря отношенію къ дѣлу высшей духовной власти.

Братство было основано въ 1867 году при Казанскомъ архіепископѣ Антоніи, который въ основаніи устава этого братства вложилъ идею объ общественной самодѣтельности и о свободной совмѣстной работѣ церкви, какъ іерархіи, съ церковью, какъ собраніемъ вѣрующихъ.

Совѣтъ братства былъ выборный, и въ его составъ входило больше мірянъ, нежели священниковъ. Школы открывались въ духѣ терпимости и съ примѣненіемъ къ потребностямъ населенія. Полемика и притивумусульманское миссіонерство, про-

тивъ которыхъ всегда возставаѣ Ильминскій, занимали въ работахъ братства послѣднее мѣсто.

Дѣло шло, притокъ пожертвованій не оскудѣвалъ, люди работали безкорыстно, одушевленные идеей.

Но общее теченіе государственной жизни отразилось и тутъ. Элементъ мірянъ былъ объявленъ неблагонадежнымъ.

Послѣдовательно были вытѣснены изъ братства всѣ живые люди, бывшіе соратники и единомышленники Ильминскаго, отдающіе себя живому дѣлу, и братство было обращено въ канцелярію архіерея, и наполнено «учеными» протоіереями, — недоброжелателями просвѣтительной системы Ильминскаго, которые враждуютъ противъ инородческаго языка, и всячески затираютъ инородцевъ. Школы въ загонѣ, объявлены „вне церкви“ и идутъ хлопоты о передачи ихъ въ епархіальный училищный совѣтъ.

Въ братствѣ года два тому назадъ были назначены ревизіи, долженствующія потопить послѣднихъ изъ прежнихъ членовъ особенно М. А. М. и П. В. Щ. Ревизіи не обнаружили никакихъ злоупотребленій, тогда осенью 1904-го года была назначена для этой цѣли новая ревизія, какъ нарочно подобранная изъ враждебныхъ элементовъ, и по составу своему юридически неправильная, такъ какъ предсѣдатель ея, будучи во все время ревизіи и исполняющимъ должность предсѣдателя братства, оказался самъ себя ревизующимъ.

Посредствомъ подтасовокъ, недомолвокъ и всякихъ другихъ консисторскихъ пріемовъ, удалось составить обвинительный актъ, который навѣрно разлетѣлся бы въ прахъ при разборѣ его на общемъ свободномъ собраніи, но подъ охраной неприкосновенности епископскихъ постановленій безнаказанно обливаешь грязью людей, безкорыстно прослужившихъ братству по 25—30 лѣтъ и потратившихъ на него массу силъ и личныхъ средствъ.

Одновременно съ охлажденіемъ къ школьному дѣлу, въ братствѣ разгорается чрезвычайная ревность къ миссіонерству.

Мусульмане негодуютъ, и въ отвѣтъ на противумусульманскія миссіи быстро умножаютъ число противухристіанскихъ миссій. Дѣло доходить иногда до уличной драки.

VII.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ работа истинныхъ просвѣтителей инородцевъ становится все труднѣе. Епископы, понимающіе дѣло и сочувствующіе ему крайне рѣдки, поэтому приходится радоваться, когда «архіерей не мѣшаетъ». «У насъ хорошо, архіерей равнодушенъ къ инородческому дѣлу и отцы наблюдатели насъ не притѣсняють», говорилъ мнѣ одинъ священникъ Уфимской губерніи. Приходъ его очень большой, заселенный крещеными татарами. Самъ онъ также крещеный татаринъ, окончившій курсъ Казанской крещено-татарской школѣ въ первые годы ея существованія. Сначала онъ служилъ гдѣ то учителемъ, потомъ поступилъ въ священники, а въ нынѣшнемъ своемъ приходѣ священствуешь уже болѣе 20 лѣтъ.

Я разспрашивала его о годахъ его ученія въ крещено-татарской школѣ; онъ сначала отнесся ко мнѣ недовѣрчиво, но увидавъ, что я сама хорошо знаю все, что касается этой школы и дѣятельности Ильминскаго и дѣйствительно этимъ интересуюсь, онъ мало по малу оживился и наконецъ совсѣмъ согрѣлся и отдался воспоминаніямъ.

Онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ о томъ, какъ Ильминскій относился къ воспитанникамъ, и какой требовалъ отъ нихъ простоты: «когда я кончилъ курсъ», сказалъ онъ, «я и другой товарищъ, почувствовавъ себя учителями, купили себѣ на базарѣ брюки, визитку и явился къ Николаю Ивановичу. Онъ очень смутился и послѣ сказалъ о. Василию Тимофеевичу:— ты скажи имъ, что я ихъ не узналъ. Я хочу, чтобъ крещенина всегда можно было узнать, въ церкви ли, на улицѣ ли,

а такъ я ихъ не узнаю. Скажи имъ, чтобъ никогда такъ не ходили.—Онъ хотѣлъ, чтобъ учителя ходили въ азиямъ и въ лаптяхъ и не позволялъ намъ форсить.

Когда я пріѣхалъ сюда въ приходъ, народъ запирался отъ священника и не пускалъ его въ домъ; приходишь съ иконами, а домъ запертъ и люди прячутся. Но постепенно богослуженіе на родномъ языкѣ стало на нихъ вліять. Теперь я замѣчаю въ народѣ большое усердіе къ церкви, только за требы платятъ мало, такъ какъ въ первое время священнику приходилось радоваться, если его хотя безъ денегъ примутъ въ домъ; когда народъ привыкъ къ требамъ, то сталъ понемногу платить.

Прежде была большая склонность къ отпаденію; но теперь насъ ужъ не собьешь, и татары уже насъ не трогаютъ. А прежде какъ они насъ сбивали. Я самъ родомъ изъ Мамадышскаго уѣзда и два года портняжилъ по магометанамъ. Я самъ былъ бы магометаниномъ, еслибъ во время не подоспѣли. А изъ моей родни многіе ушли въ магометанство».

Я попала въ это селеніе прямо къ обѣднѣ. Церковь убогая, богослуженіе въ отношеніи языка смѣшанное, народу въ церкви порядочно. Разговоръ мой съ батюшкой происходилъ послѣ обѣдни, въ его чистенькомъ домикѣ, за чайнымъ столомъ. Онъ самъ и вся его семья прекрасно говорятъ по русски. Его старшая дочь кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ и теперь служить учительницей въ сосѣдней деревни. Я спросила ее: «Вы служите въ крещено татарскомъ селеніи?» «Нѣтъ, въ русскомъ». «Почему?» «Потому что я по крещено-татарски почти не умѣю говорить». Я такъ и остолбѣла: въ Петербургѣ мнѣ говорили, что инородческая интеллигенція заражена духомъ сепаратизма и, кромѣ родного языка, ничего не признаетъ.

Батюшка водилъ меня по своему тѣнистому саду, гдѣ всякое деревцо посажено его руками. Мы полюбовались ягодными кустами, посидѣли въ тѣни березокъ на скамейкѣ, сдѣ-

ланной руками хозяина. Вообще у всѣхъ инородческихъ священниковъ, которыхъ мнѣ пришлось посѣтить, были чистенькіе дома и хорошинькіе садики. Мнѣ кажется, что у нихъ есть какой то вкусъ къ изящному, который, отсутствуетъ у многихъ нашихъ священниковъ.

Погулявъ по саду, полюбовавшись батюшкинымъ пчельникомъ, расположеннымъ на заливной солнцемъ зеленой лужайкѣ, похваливъ его рамчатые улья, вокругъ которыхъ такъ и вились золотыя пчелки, мы направились въ село и стали обходить избы.

Крещеные татары въ этомъ селѣ живутъ чисто и зажиточно. Дома большіе, хозяйственныхъ построекъ множество. Народъ имѣетъ сытый и довольный видъ, въ нѣсколькихъ избахъ благодарили священника за то, что онъ просвѣщаетъ народъ на ихъ родномъ языкѣ. Мужчины по русски говорятъ, хотя не свободно, но бабы почти совсѣмъ по русски не понимаютъ.

Мы заходили и къ русскимъ, которыхъ въ селѣ довольно много. И они живутъ богато и довольны своими сосѣдями крещеными татарами. Я спросила батюшку, почему находящійся отъ него верстахъ въ 20. знакомый мнѣ крещено-татарскій приходъ Д. Б. въ такомъ жалкомъ состояніи, и почему въ уѣздѣ установилось мнѣніе, что принятіе татарами христіанства выражается только въ томъ, что они отпускаютъ волосы, надѣваютъ рубашку косоворотку и начинаютъ пьянствовать.

Онъ объяснилъ мнѣ, что упомянутое мною село дѣйствительно очень плохое, но это потому, что въ немъ очень много явныхъ и еще болѣе тайныхъ отступниковъ. Вообще татары, крестившіеся изъ за выгодъ, обыкновенно принадлежать къ худшей части населенія, и потому они и плохіе христіане, и плохіе хозяева, и живутъ очень бѣдно. Они же составляютъ и контингентъ отступниковъ.

Крещеные же татары, крестившіеся по убѣжденію, или

хотя вполѣдствіе пріобрѣтшіе это убѣжденіе и утвердившіеся въ православіи, живутъ лучше магометанъ.

Такое мнѣніе я слышала отъ многихъ инородческихъ дѣятелей и между прочимъ отъ директора Казанской учительской семинаріи; мнѣ даже говорили, что по земской статистикѣ крещенные татары живутъ лучше магометанъ. Это особенно приложимо къ Казанской губерніи, гдѣ крещенные гораздо болѣе просвѣщены, нежели въ Уфимской.

Хорошій образецъ культурнаго крещено-татарскаго селенія представляетъ родина сейчасъ помянутаго священника, село Ш. Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи. Это село и недалеко отъ него находящаяся деревня А. заселена старо-крещеными татарами *).

Ш—ни большое село, раскинутое въ живописной холмистой мѣстности.

Я поѣхала прямо къ священнику о. В. К. окончившему курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ еще при жизни Ильминскаго. Его уютный, просторный домикъ построенъ на краю села противъ хорошенъкой церкви. Передъ окнами довольно обширный садъ. Залъ свѣтлый, раздѣленный на 2 половины аркой, обвитой вьющимися растеніями. На стѣнѣ портреты Н. И. Ильминскаго, о. Василія Тимоеева и К. П. Побѣдоносцева. Эти портреты можно встрѣтить почти у каждаго инородческаго священника. Семья у батюшки большая. Матушка подобно мужу, крещеная татарка; въ молодости она не знала

*) Старокрещеными татарами называются татары, которые были окрещены еще въ XVI вѣкѣ казанскими святителями преем. Гуріемъ и архимандритомъ Варсонофіемъ.

Въ XVI вѣкѣ татары были только поверхностно затронуты исламомъ, обращеніе въ христіанство изолировало ихъ отъ прочихъ соплеменниковъ и сохраняло въ языческихъ обиходѣ и нравахъ. Лишь мѣстами старокрещенные татары подверглись значительному вліянію магометанства и то лишь въ срединѣ XIX столѣтія. Прочіе татары, оставшіеся въ магометанствѣ, постепенно въ немъ укрѣплялись. Подъ давленіемъ принудительныхъ мѣръ, часть ихъ позднѣе была крещена и стала именоваться новокрещеными.

по русски ни слова, но потомъ выучилась, хотя проживала всегда въ крещено-татарскихъ селахъ, и теперь объясняется вполне порядочно. Въ залу прежде всѣхъ вошла хорошенькая 15-ти лѣтняя дочка батюшки, съ вьющимися волосами. Я спросила ее, говоритъ ли она по татарски. «Нѣтъ», отвѣчала она, слегка жемаясь, „у насъ въ епархіальномъ училищѣ этому не учатъ“. «Какъ, вы не знаете языка своего народа, какой стыдъ!» отвѣчала я ей, чѣмъ поразила и ее родителей. Иностранцы не привыкли слышать отъ русскихъ такого мнѣнія.

По русскому обычаю, подали самоваръ. Когда мы сидѣли вокругъ чайнаго стола, накрытаго чистой скатертью и обставленнаго хорошею посудой, къ намъ подходили дѣти священника, всѣ хорошо говорящіе по русски и, по словамъ матери, почти не говорящіе по татарски; я слушала рѣчи батюшки, изъясняющагося прекраснымъ русскимъ языкомъ, и еще разъ вспомнила объ обвиненіяхъ инородческой интеллигенціи въ сепаратизмъ.

Съ нерусскимъ акцентомъ говорила одна матушка, но говорила бѣгло. Она вспоминала, какъ еще недавно въ селѣ совершались языческія жертвоприношенія. Батюшка со словъ стариковъ рассказывалъ, что лѣтъ 10—15 назадъ отпавшіе въ исламъ откупались отъ священниковъ; послѣ рожденія ребенка они платили имъ больше, чѣмъ платятъ за крестины, чтобъ ребенокъ оставался некрещенымъ, а только записывался бы въ книгу. Они платили и за крестные ходы, чтобъ священникъ съ иконами къ нимъ не заходилъ.

Тогда было сильное отступническое движеніе; но теперь III. совершенно укрѣпилось въ православіи.

Такъ какъ III. заселено и крещеными и русскими, то богослуженіе въ церкви смѣшанное. о. К. рассказывалъ, что русскіе иногда сами просятъ его говорить поученіе прямо по

крещенски, потому что разговорный татарскій языкъ имъ понятнѣе мудреныхъ оборотовъ нѣкоторыхъ печатныхъ проповѣдей").

Пока мы сидѣли за чаемъ, къ священнику пришелъ уроженецъ этого села, молодой крещеный татаринъ, окончившій курсъ сначала въ Казанской учительской семинаріи, а потомъ въ Казанской духовной академіи.

Я была поражена его культурнымъ видомъ, его безукоризненной русской рѣчью и тѣмъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ началъ говорить объ инородческомъ вопросѣ.

Содержаніе его разсказовъ показалось мнѣ настолько интереснымъ, что я просила его мнѣ ихъ записать, и вношу ихъ цѣликомъ, прямо съ его рукописи:

Приходъ села Ш. открытъ въ 1890 году; до этого времени селеніе Ш. входило въ составъ прихода села У. въ 8 верстахъ отъ Ш.

Въ селѣ Ш. живутъ русскіе и крещеные татары: всѣхъ жителей около 1000 душъ; $\frac{2}{3}$ населенія крещеные татары, остальные—русскіе. Разсѣлись русскіе и крещеные татары на разныхъ концахъ селенія; впрочемъ, въ послѣднее время крещеные татары поселяются и среди русскихъ, если имѣются соответствующія ихъ хозяйственнымъ требованіямъ условія. Однако совмѣстная съ русскими жизнь не избавила Ш—цевъ отъ общей участи крещеныхъ татаръ быть подверженными вліянію ислама. Въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ увлеченіе исламомъ здѣсь было весьма сильно: многіе крещеные татары соблюдали всѣ предписанія мусульманскаго закона; не только въ присутствіи мусульманъ, но и наединѣ молились по мусульманскому обычаю; между тѣмъ стѣснялись молиться по христіанскому обычаю даже въ присутствіи русскихъ и церковнаго причта, и только ради угожденія русскимъ стѣ-

*) Обычно проповѣдь говорится на двухъ языкахъ; сначала читается, по книгѣ русскій текстъ; а затѣмъ пореводится или пересказывается по татарски.

енно и неумѣло совершали крестное знаменіе въ ихъ присутствіи. Лучшими совѣтниками крещеныхъ татаръ были мусульмане; почти у каждаго домохозяина имѣлся пріятель — мусульманинъ въ какой либо мусульманской деревнѣ.

Мусульманскихъ деревень вблизи Ш. довольно много: въ 2-хъ верстахъ деревня Т. въ 5 в. М. Ч. верстахъ въ 8—10 селеніе Ч., куда крещеные татары и по настоящее время изрѣдка продолжаютъ ходить на богомолье. Среди крещеныхъ татаръ, въ районѣ верстъ на 50—60 отъ татарской деревни Ч. распространено повѣріе, что въ этой деревнѣ жилъ человекъ святой — прозорливый, разумѣется мусульманинъ; отъ этого святого остались и показываются приходящимъ его вещи: посохъ, шелковый халатъ, бобровая шапка; вещи эти сохраняются наслѣдниками бывшаго святого, какъ драгоценныя святыни; указываютъ за селеніемъ и могилу почитаемаго мусульманскаго святого, а на могилѣ камень съ надписью — обычный надгробный памятникъ мусульманъ.

Въ эту деревню приходитъ много крещеныхъ татаръ — почитателей памяти мусульманскаго праведника, приносятся и дары въ пользу наслѣдниковъ покойнаго, начиная съ муки, крупы, до крупнаго скота включительно.

Обаяніе было настолько сильно, что крещеные татары и въ настоящее время не оставляютъ паломничества въ деревню Ч. не смотря на то, что они теперь по своему поведенію являются усерднѣйшими христіанами: ежегодно говѣютъ, весьма часто посѣщаютъ христіанскія богослуженія. Но если, напримеръ, въ крещено-татарской семьѣ случится какое-нибудь несчастіе — вспоминаютъ и бывшаго праведника изъ селенія Ч. и дадутъ обѣщаніе сходить туда съ подношеніями для наслѣдниковъ святого. Въ такихъ случаяхъ часто примѣшивается и вѣщій сонъ; непременно кто нибудь изъ заинтересованныхъ лицъ увидитъ во снѣ, будто святой селенія Ч.

въ обидѣ за забывчивость, слѣдовательно надо дать обѣщаніе почитать его память.

Особенно усердно посѣщались мусульманскія деревни крещеными татарами въ дни мусульманскаго поста; во время этого поста, на исходѣ его, крещенные татары по примѣру мусульманъ закалывали жертвенныхъ животныхъ; къ этому времени приурочивали они и дары для мусульманскаго вѣроучителя. Правда, вѣдались крещенные татары и съ служителями православной церкви, но только въ случаяхъ неизбѣжныхъ крестинъ, похоронъ и вѣчанія. Отправление церковныхъ требъ для крещеныхъ татаръ того времени приравнявалось къ исполненію государственныхъ законовъ. Не доставало только момента смѣло заявить мѣстнымъ властямъ о томъ, что не желаютъ болѣе жить по законамъ христіанской церкви, какъ это рѣшились сдѣлать нѣкоторые другіе крещено-татарскія селенія. Среди Ш—цевъ только два семейства открыто выступили отпавшими въ мусульманство въ 1874 г.: Ефимъ Егоровъ и Лазарь Васильевъ съ семействами. Эти отпавшіе подвергались допросамъ, увѣщаніямъ, но отъ своего рѣшенія не отказались. Прибѣгнуто было и къ крутымъ мѣрамъ, напр. къ лишенію отступниковъ душевого надѣла земли, но они и тутъ устояли, хотя лишились законной собственности, будучи притомъ аккуратными плательщиками поборовъ и исполнителями общественныхъ повинностей.

Со временемъ жизнь крещеныхъ татаръ направилась по иному пути, Ш—цы окончательно оставили свое расположеніе къ исламу, два же отпавшихъ семейства стали болѣе и болѣе избѣгать общенія съ прочими односельчанами, и стали исключительно облизаться съ мусульманами и отпавшими сосѣднихъ деревень.

Лазарь Васильевъ знался главнымъ образомъ съ жителями деревни Т., а послѣ лишенія надѣла земли совсѣмъ перешелъ

туда на жительство и выдалъ единственную дочь замужъ за отпавшаго изъ этой же деревни.

По переѣздѣ своемъ туда, Лазарь Васильевъ окончательно раззорился, въ Ш. онъ занимался торговлей, въ Т. скоро прекратилъ ее и въ настоящее время кормится трудами рукъ своихъ: плететъ лапти, сбываетъ ихъ и сытъ.

Въ голодный годъ Лазарю Васильеву предлагали усиленное вспомошествованіе, подѣ условіемъ возвращенія его въ христіанство, но онъ не согласился на это предложеніе.

Причиной же его раззоренія послужила необыкновенная ревность Васильева походить во всемъ на мусульманина и считаться таковымъ исконными магометанами; съ этою цѣлью онъ устраивалъ для мусульманъ приемы, у него бывали между прочимъ и татарскіе муллы и получали отъ него подарки за наставничество. Такимъ образомъ Лазарь прожилъ все свое состояніе и окончательно обнищалъ. По мѣрѣ усиленія нужды—уменьшалось и количество друзей: когда Лазарь переѣзжалъ на жительство въ Т., ему дали здѣсь мѣсто для постройки дома, а теперь отбираютъ у него и этотъ участокъ. Теперь онъ остался совершенно одинокъ, онъ старъ, работать не въ силѣ, но проявляетъ большую твердость духа: никогда не жалуется на свою судьбу, все объясняетъ Божиимъ попущеніемъ, искренно утѣшается тѣмъ, что знаетъ мусульманскія молитвы и умѣетъ молиться.

Ефимъ Егоровъ велъ знакомство главнымъ образомъ съ отпавшими другихъ деревень, и туда же выдалъ замужъ трехъ дочерей. Только одна осталась въ христіанствѣ, такъ какъ вышла за Ш—скаго крестьянина, но и этотъ зять Егорова не отпалъ только потому, что боялся, какъ бы начальство не поступило съ нимъ слишкомъ строго, такъ какъ онъ Николаевскій служака; онъ отлично говорилъ по русски, но жизнь домашнюю велъ по мусульманскому закону. Жена этого сол-

дата, хотя и числится въ христіанствѣ, но по виду настоящая мусульманка, въ церковь не ходитъ, дома молится по мусульмански, соблюдаетъ мусульманскій постъ.

Ефимъ Егоровъ умеръ лѣтомъ 1902 г. въ Ш. въ домѣ своего зятя; онъ также прекратилъ свое хозяйство послѣ лишенія надѣла земли, продалъ домъ и перешелъ съ женой на жительство къ зятю; лѣтъ за 10 схоронилъ жену и остался доживать свой вѣкъ одинъ. Единственный сынъ Ефима Егорова еще мальчикомъ былъ отправленъ на портняжный промыселъ въ Уфимскую губернію; здѣсь онъ побывалъ въ нѣсколькихъ мусульманскихъ школахъ, основательно освоился съ законами новой вѣры и сдѣлался ихъ исполнителемъ. Молодой мусульманинъ, подъ видомъ обученія ремеслу, взялъ къ себѣ племянника своего, сына Ш—ской сестры, выданной замужъ за христіанина, продержалъ мальчика въ мусульманской школѣ, гдѣ этотъ послѣдній обучался мусульманской мудрости. Прочувшись у дяди нѣсколько лѣтъ, племянникъ вернулся домой и въ настоящее время живетъ уже въ Ш. Особенно бросается въ глаза, что юноша возвратился настоящимъ магометаниномъ по внѣшнему виду. Изъ разговора съ нимъ выносится впечатлѣніе, что онъ въ душѣ не симпатизируетъ мусульманству, хотя и не видно, чтобъ онъ проявлялъ христіанскую настроенность. Можно думать, что вліяніе христіанской школы серьезно столкнулось въ немъ съ мусульманскимъ ученіемъ: до поѣздки въ Уфимскую губернію Николай Тарасовъ (такъ зовутъ внука отпавшаго Ефима Егорова), учился въ Ш—ской школѣ братства св. Гурія года 3—4, зналъ много христіанскихъ молитвъ на татарскомъ языкѣ. По словамъ Николая, старшіе ученики мусульманской школы и ея начальникъ мулла, обращали серьезное вниманіе на его обученіе; однако перевоспитать его и сдѣлать изъ него магометанина не успѣли, хотя подъ вліяніемъ этой школы онъ по-

терять то, что было заложено въ его душѣ въ православной школѣ.

Въ душѣ Николая и трехъ его братьевъ христіанское настроеніе замѣчалось въ дѣйствительности: помню я, Николай и братъ его Кириллѣ, погодки, ходили въ братскую школу, весьма усердно прислушивались къ урокамъ и, какъ мальчики способные, усваивали выученное; они непринужденно ходили въ церковь вмѣстѣ съ товарищами, заявляли родителямъ и родственникамъ, чтобъ ихъ называли православными именами, передавали товарищамъ, что имъ это очень нравится, и между собой заключили союзъ звать другъ друга не иначе, какъ христіанскими именами. Дѣйствительно въ настоящее время оба брата извѣстны на селѣ подъ христіанскими именами, а до ихъ поступленія въ школу никто не зналъ эти ихъ имена.

Говоря о факторахъ, вырабатывавшихъ христіанскій укладъ жизни въ жителяхъ села Ш. и тѣмъ отвоевавшихъ населеніе отъ окончательнаго сліянія съ окружающими мусульманами, необходимо упомянуть о благотворной дѣятельности школы братства свят. Гурія, открытой въ этомъ селеніи въ 1868 г.

Кипучая плодотворная дѣятельность Казанской крещено-татарской школы обнаружилась на первыхъ же порахъ и въ Ш. Въ Казанскую школу поступило изъ Ш. нѣсколько мальчиковъ, вскорѣ въ Ш. прибылъ изъ Казанской школы одинъ изъ старшихъ учениковъ и открылъ здѣсь школу. Этой самой школѣ пришлось столкнуться съ отрицательными сторонами жизни крещеныхъ татаръ: увлеченіемъ исламомъ подъ вліяніемъ мусульманскихъ пропагандистовъ съ одной стороны — преданностью языческимъ суевѣріямъ, исполненіемъ языческихъ обрядовъ до приношеній въ жертву крупныхъ животныхъ включительно съ другой. Замѣчательно, что строгое соблюденіе языческой старины мирно уживалось съ рьянымъ исполненіемъ магометанскаго закона.

Я лично начинаю помнить дѣятельность школы съ 1883—84 годовъ. Въ это время учителемъ былъ молодой парень, Романъ Степановъ, ученикъ о. Василя Тимофеевича и Николая Ивановича. Въ училищныхъ бумагахъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, какъ вели дѣло учителя, предшествовавшіе Роману Степанову, учениковъ, окончившихъ курсъ не было, и первый выпускъ окончившихъ курсъ со свидѣтельствомъ на льготу по отбыванію воинской повинности представленъ былъ Степановымъ въ 1884 году. Степановъ единолично сообщалъ ученикамъ познанія и давалъ направленіе школѣ; приходскіе батюшки весьма рѣдко заглядывали въ училище, при посѣщеніи его не входили въ подробное разсмотрѣніе школьнаго дѣла, выслушивали пѣніе одной или двухъ молитвъ, — и этимъ ограничивался ихъ надзоръ за школой. Занятія учителя распространялись такимъ образомъ, что онъ часто оставлялъ обыкновенную школьную учебу, принимался за назиданіе ребятъ, усиленно обучалъ церковному пѣнію. Наканунѣ почти каждаго праздничнаго или воскреснаго дня онъ созывалъ въ училище взрослыхъ и совершалъ своего рода богослуженіе: становясь передъ иконами, ученики пѣли пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія на татарскомъ языкѣ, самъ учитель читалъ стихиры, канонъ и Евангеліе по положенію на данный день, и тутъ же объяснялъ Евангеліе. Вѣроятно эти собесѣдованія приходились населенію по душѣ, — посѣтителей становилось все больше и больше, и съ этого времени мужики стали охотнѣе посѣщать приходскій храмъ.

Учитель проникъ и въ церковь съ своимъ хоромъ: онъ часто бралъ въ церковь учениковъ, становился съ ними на клиросъ и за обѣдной пѣлъ на татарскомъ языкѣ. Въ то время въ штатѣ приходскаго причта села У. не было знающихъ татарскій языкъ, и на первый разъ казалось нѣсколько страннымъ: діаконъ говорить эктениі на славянскомъ языкѣ,

священникъ читаетъ молитвословія и говоритъ возгласы тоже по славянски, а ученики татарчата отвѣчаютъ пѣніемъ на татарскомъ языкѣ. Такимъ образомъ прихожане будущаго Ш—скаго прихода освоились съ мыслью о церковной службѣ на татарскомъ языкѣ, — отсюда естественный переходъ къ мысли о священникѣ, знающемъ татарскій языкъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ населеніе наглядно убѣдилось въ могущественномъ просвѣтительномъ значеніи школы и церкви при посредствѣ родного языка. Когда поднятъ былъ вопросъ о постройкѣ церкви въ Ш., то встрѣченъ былъ весьма сочувственно; въ 1890 году отстроена церковь и открытъ новый приходъ. Въ первые годы по открытіи самостоятельнаго прихода въ Ш., здѣсь большая часть богослуженія совершалась на татарскомъ языкѣ. Всѣ были довольны, всѣмъ было пріятно. Плодомъ совмѣстной дѣятельности церкви и школы при посредствѣ родного языка было то, что среди жителей села Ш. стало много истинныхъ христіанъ, исполнѣвшихъ начала христіанской жизни, привязанность къ язычеству исчезла, а склонность къ исламу ослабѣла въ весьма сильной степени.

Но за послѣдніе годы наблюдается такое явленіе: въ церкви больше служатъ на славянскомъ языкѣ, въ школѣ перешедшей лѣтъ 12 назадъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и переименованной въ одноклассное училище, но сохранявшей ранѣе прежній учебно-воспитательный укладъ, начинаютъ (послѣ назначенія въ Казань попечителемъ учебнаго округа С. О. Спѣшкова), обученіе прямо съ русскаго букваря и съ заучиванія молитвъ на славянскомъ языкѣ. Послѣдствія этого новаго направленія уже начинаютъ обнаруживаться: въ церкви молящихся бываетъ меньше прежняго, а школа не можетъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ предъ той школой, въ которой господствовалъ родной языкъ.

Напримѣръ, преподаваніе Закона Божія сводится къ безсмысленному заучиванью наизусть нѣсколькихъ общеупотребительныхъ молитвъ и нѣкотораго числа разказовъ изъ священной исторіи. Не лучше поставлено преподаваніе и по другимъ предметамъ: ближайшимъ начальствомъ надъ школами въ инородческомъ районѣ фактически сталъ проводиться взглядъ на учителя, какъ на мастера, который въ извѣстный періодъ времени долженъ научить ребятъ нѣсколькимъ русскимъ фразамъ плусть тому, чтобъ инородческія дѣти могли какъ-нибудь разказывать указываемыя въ книжкѣ для чтенія статейки. Все это необходимо для ревизоровъ въ лицѣ инспекторовъ училищъ, если школы земскія или министерскія, и уѣздныхъ и епархіальныхъ наблюдателей, если школы церковно-приходскія или братскія. Въдѣ ни одинъ наблюдатель церковныхъ школъ, ни одинъ инспекторъ школъ во всемъ Казанскомъ учебномъ округѣ (кромѣ Воскресенскаго въ Астраханской губерніи) не знаетъ инородческихъ языковъ; вотъ, на случай пріѣзда таковыхъ ревизоровъ, учителя инородческихъ школъ должны готовить отшлифованныхъ совнѣ учениковъ. Въ виду возможныхъ замѣчаній за слабое знакомство съ русскимъ языкомъ и за малое число заученныхъ на славянскомъ языкѣ молитвъ, учителя и законоучителя оставляютъ свободныя бесѣды на природномъ языкѣ, такъ какъ подобныя занятія не подлежатъ контролю со стороны начальства, вслѣдствіе совершеннаго незнанія ими инородческихъ языковъ. Вообще же наличные руководители инородческаго школьнаго дѣла, въ преобладающемъ большинствѣ, далеко не соответствуютъ своему серьезному назначенію; имъ недоступна внутренняя сторона дѣла, ихъ, кажется, даже и не интересуетъ вопросъ о томъ, чѣмъ отличается своеобразный умъ инородческихъ дѣтей и инородческаго населенія вообще, и вся ихъ дѣятельность по инородческому школьному вопросу сводится

къ повѣркѣ: сколько русскихъ словъ и фразъ запомнили ребята, какъ бойко произносятъ заученное, и къ указанію, чтобы усилили учителя свое усердіе для вдалбливанія въ учениковъ возможно большаго количества чуждыхъ имъ словъ и фразъ. Зачѣмъ, для чего все это нужно, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ подобная постановка просвѣтительнаго дѣла? Думаютъ ли объ этомъ наши педагоги?

Не смотря на мое бѣглое знакомство съ инородческимъ міромъ, я могу подтвердить, что педагоги, очевидно, объ этомъ не думаютъ.

Доказательство тому я сама видѣла между прочимъ и въ Ш—ской школѣ, которую я посѣтила вмѣстѣ съ моимъ новымъ пріятелемъ — вышеупомянутымъ крещенымъ татаринѣмъ Д.

Школа министерская *) большая; просторное зданіе, построенное, какъ и церковь, одной московской благотворительницей. Она дѣлится на двѣ половины; классы большіе и свѣтлые, мѣста больше, чѣмъ нужно, учитель окончилъ курсъ въ крещено-татарской школѣ. И все таки школа производитъ впечатлѣніе казенное, формальное, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда инородческимъ дѣтямъ навязывается непосильное ярмо преподаванія на чуждомъ для нихъ языкѣ, безъ помощи природной рѣчи. Я просила священника показать мнѣ инородческій букварь; онъ отвѣтилъ: «инородческаго букваря нѣтъ». Съ которыхъ поръ? «Съ прошлаго года». Почему? «Инспекторъ запретилъ». Какъ же учатся дѣти? «Они съ передвижной азбуки прямо переходятъ къ русской книгѣ».

*) Зданіе, школы построено на частныя средства; на проценты съ пожертвованнаго капитала содержится и школа. Мысль о постройкѣ въ Ш. большой школы и проектъ зданія принадлежатъ Н. А. Бобровникову, который хотѣлъ устроить здѣсь сельско-хозяйственную школу, но проекты его на этотъ счетъ, — сохраняются въ канцеляріи учебнаго округа — на память будущимъ историкамъ.

Я заглянула въ ревизіонный журналъ; послѣ длинныхъ малопонятныхъ записей бывшаго инспектора Краснодубровскаго, есть записи его преемника, нынѣшняго инспектора. Онъ пишетъ, что главная суть инородческой школы—есть усвоеніе русскаго языка и требуетъ введенія натурального метода. Инспектору не мѣшало бы помнить, что въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 26 марта 1870 года ясно выражено, что «начальныя школы для инородцевъ христіанъ должны имѣть цѣлью религіозно-нравственное ихъ образованіе и утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ». Слѣдовательно усвоеніе русскаго языка по закону не есть *главная* суть начальной школы; а первой цѣлью она должна ставить себѣ религіозно-нравственное образованіе. Но для инспектора, если онъ педагогъ, обязательно принимать во вниманіе не только показные успѣхи учениковъ, но и запросы общественнаго мнѣнія населенія и его потребности въ отношеніи школы.

Я просила у священника и учителя позволенія произвести короткій экзаменъ. Онъ начался съ очень стройнаго, прекраснаго пѣнія, затѣмъ были розданы русскія книжки.

Татарчата читаютъ по русски довольно бѣгло, но хорошо рассказываютъ по русски лишь то, что по книгѣ пройдено; пишутъ они хорошо, но разговариваютъ туго, не смотря на постоянное общеніе съ русскими учениками. Молитвы и священную исторію на крещенскомъ языкѣ повторяютъ съ сознаніемъ и даже благоговѣніемъ, за то по славянски и по русски твердятъ наизусть безъ всякаго смысла.

На вопросы, предложенные на родномъ языкѣ, отвѣчаютъ сознательно и обдуманно, но какъ только вопросы предлагаются по русски на ихъ лицахъ изображается мучительная работа, очевидно они стараются не *понять*, а *припомнить*.

Въ общемъ показнаго обрусѣнія больше, чѣмъ въ школахъ

Д. П., гдѣ совсѣмъ нѣтъ русскихъ учениковъ, но отсутствуетъ присущая тамъ задумчивость и невольно думается, что также школа не переродила бы Ш—цевъ, какъ это сдѣлала раньше открытая тамъ братская школа.

Послѣ экзамена я пошла съ Д. по улицамъ села. Общій видъ зажиточный, избы большія, крестьяне одѣты хорошо. Большинство были на сѣнокосѣ. Мы заходили въ нѣсколько домовъ крещеныхъ татаръ, между прочимъ къ одному слѣпому старику, который 60 лѣтъ тому назадъ учился въ казенной школѣ, съ тѣхъ поръ усовершенствовался въ знаніи русскаго языка общеніемъ съ русскими односельчанами и теперь говорить бойко, хотя ломаннымъ языкомъ. Вообще тамъ, гдѣ крещенные живутъ въ перемѣшку съ русскими, уровень знанія русскаго языка всегда повышается.

«Д. привелъ меня и къ своей матери, типичной старухѣ, крещенкѣ, одѣтой въ національный костюмъ. Она приняла меня очень радушно, показала мнѣ свою просторную избу, по моей просьбѣ вытаскала сундукъ и показала мнѣ хранящіеся тамъ красивые татарскіе наряды, но по русски почти не говорить. Комната большая и свѣтлая, божница переполнена образами, обстановка хорошая, но совершенно крестьянская, крещенская, и странно подумать, что изъ этой избы вышелъ тотъ культурный, вполне обрусѣвшій молодой человекъ, одѣтый въ форменную тужурку, который привелъ меня сюда и на котораго старушка мать съ такой гордостью поглядываетъ.

VIII.

Мы не успѣли уйти далеко по улицѣ, такъ какъ небо, которое съ утра было ясно, начало хмуриться, и внезапно

полилъ такой ливень, что мы поспѣшили вернуться и укрыться въ домѣ радушнаго батюшки. Здѣсь была приготовлена закуска, пошли оживленные разговоры и я снова тщетно искала среди этой культурной обстановки слѣдовъ «сепаратизма», будто бы дѣлающаго необходимымъ ограничительныя мѣры въ отношеніи этихъ безобидныхъ людей.

Когда дождь сталъ стихать, мы просили, чтобъ закладывали лошадей, а тѣмъ временемъ осмотрѣли хорошенькую церковь, полюбовались ея красивымъ иконостасомъ, а затѣмъ простившись съ батюшкой и его семьей отправились въ находящееся въ 8 верстахъ отъ Ш. село А., также заселенное старокрещенными татарами.

Дорога была тяжелая, изрытая недавними дождями; мы вѣхали въ живописный лѣсъ; мощныя старыя деревья закрывали отъ насъ надвигающуюся тучу и вдругъ снова полилъ обильный дождь, крупныя капли застучали по тарантасу, верхушки старыхъ дубовъ скрылись за завѣсой частаго дождя, а глубокія колеи наполнились водой, по которой съ усиленіемъ шлепали копыта лошадей.

По выѣздѣ изъ лѣса дорога пошла по вспаханному косогору, на которомъ расположено село А. Оно показалось мнѣ жалко, сѣро, соломенныя крыши домовъ, прибитыя дождемъ, казались особенно убогими. Но мое первое впечатлѣніе, какъ это часто бываетъ, оказалось ошибочнымъ.

Мы остановились у крещенина М., родственника священника села Я. Жилое помѣщеніе и хозяйственныя постройки даютъ впечатлѣніе, что хозяинъ зажиточный.

Въ А. 100 дворовъ крещеныхъ татаръ и 40 русскихъ.

Священникъ русскій, но хорошо говорящій по татарски и по словамъ Д. очень хорошій человѣкъ. Къ сожалѣнію мы его дома не застали, но Д. мнѣ сказалъ, что онъ горячо сочувствуетъ просвѣщенію инородцевъ, и убѣжденъ, что нельзя

ихъ насильно русить, и что ломка вредна. Воспользовавшись тѣмъ, что дождь сталъ стихать, мы отправились по улицѣ и стали заходить въ разные дома. Народъ былъ дома, такъ какъ дождь прогналъ его съ луговъ. А. типичное старо-крещенское село, съ сильно выраженнымъ національнымъ характеромъ, получившимъ христіанскій отпечатокъ. Это сразу бросается въ глаза. Женщины по русски не говорятъ; мужчины употребляютъ татарскія выраженія, говорятъ (какъ Уфимскія башкиры) «тащить» вмѣсто принести, костюмы чисто-татарскіе, избы, какъ у татаръ, большія съ нарами, печи обширныя, съ котлами. Но атмосфера совсѣмъ другая; мусульманскаго ничего нѣтъ, чувствуется, что христіанство было привито къ когда то сильному, цѣльному языческому міросозерцанію, которое хотя освятилось христіанствомъ, но въ свою очередь придало ему своеобразную окраску.

Въ одной избѣ мнѣ показали старуху 98 лѣтъ; я стала черезъ переводчика спрашивать ея, держатся ли еще языческіе обряды. Старуха начала упорно это отрицать, взрослые, находящіеся въ избѣ, смущенно переглянулись, очевидно боясь подвоха, но тутъ я замѣтила у дверей одѣтаго въ азіямъ и обутаго въ лапти хорошенькаго мальчика лѣтъ 15 съ серьезнымъ, вдумчивымъ лицомъ, котораго я по его виду признала за ученика крещено-татарской школы. Я обратилась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, и онъ, привыкшій видѣть въ школѣ хорошее обращеніе съ инородцами, и узнавшій тамъ на дѣлѣ, что можно говорить правду, не опасаясь кары, просто и спокойно разсказалъ, что языческія вѣрованія, хотя сильно ослабѣли, но еще держатся въ деревнѣ, и держатся именно стариками. Они почитаютъ еще 3 киремети, и въ прошломъ году по случаю засухи еще варили тамъ кашу, а теперь бросили. Я спросила, почему бросили? «Потому что въ нынѣшнемъ году нѣтъ засухи». — А еслибъ была засуха. —

Мальчикъ улыбнулся. «Тогда пожалуй опять молились бы».

Въ киреметяхъ еще продолжаютъ рѣзать барановъ и варить кашу, а черезъ 12 лѣтъ рѣжутъ быка. На мой вопросъ, не могутъ ли ученики крещено-татарской школы вліять на уничтоженіе этихъ обрядовъ, мальчикъ отвѣтилъ, что они толкуютъ родителямъ, что языческіе обряды надо бросить, говорили объ этомъ и въ прошломъ году, когда жители собрались варить кашу, но старики и старухи поставили на своемъ.

Въ А., по словамъ мальчика, кромѣ него 4 ученика изъ Базанской крещено-татарской школы. Я, идя по улицѣ, узнала по виду нѣкоторыхъ изъ этихъ учениковъ. Они одѣты, какъ прочіе, но въ нихъ есть что то скромное, порядочное и выдержанное, сразу отличающее ихъ отъ прочихъ мальчишекъ. Они близки къ народу, но стоятъ выше его, хорошо говорятъ по русски и общее впечатлѣніе отъ нихъ получается самое отрадное.

Я заходила и къ русскимъ жителямъ А. и съ ними бесѣдовала.

Они переселились сюда 35 лѣтъ тому назадъ, живутъ очень богато, довольны своимъ положеніемъ. Своихъ крещенскихъ односельчанъ хвалятъ, говорятъ, что они живутъ гораздо лучше прежняго, обрусѣли, развились, сдѣлались усердными христіанами.

Школа въ А. братская, получающая пособіе изъ земства; зданіе хорошее, учитель изъ крещено-татарской школы, получаетъ 200 р. жалованья, но постановка преподаванія у него мнѣ не понравилась: повидимому земская субсидія а вмѣстѣ и инспекція учебнаго округа отозвалась на характеръ преподаванія.

Школа смѣшанная *).

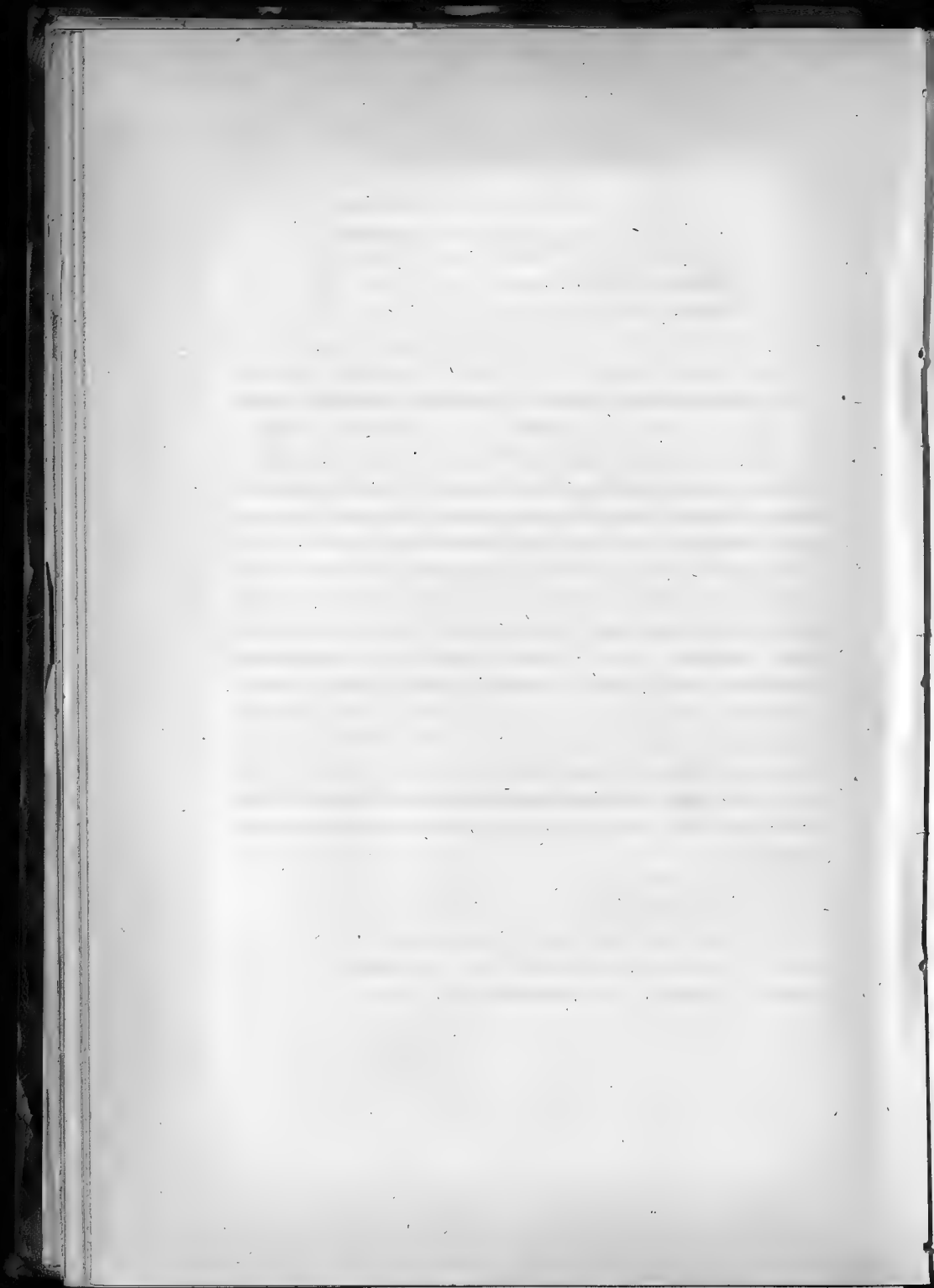
*) Т. е. въ ней учатся русскіе и инородцы.

Учениковъ.	Русскихъ.	Крещенныхъ татаръ
Въ младшемъ отдѣленіи	6	13
Среднемъ отдѣленіи	7	6
Старшемъ отдѣленіи	6	8
	19	27

На 100 крещенныхъ дворовъ 27 человекъ мало, такъ какъ русскихъ учениковъ 19 человекъ на 40 дворовъ.

По русски ученики, какъ и въ Ш., понимаютъ и говорятъ порядочно, но славянскія молитвы и священную исторію по русски катаютъ наизусть безъ всякаго сознанія, слово въ слово по книгѣ, въ чемъ, впрочемъ, не отличаются отъ нихъ и русскіе ученики. По крещенски же татарчата отвѣчали по Закону Божію вполне сознательно и видно что смыслъ текста имъ понятенъ. Невольно приходило мнѣ на мысль при каждомъ «экзаменѣ» Закона Божія въ инородческой школѣ, что собственно говоря Законъ Божій въ *русской* сельской школѣ преподается какъ *на чужомъ языкѣ*, такъ какъ не только славянскія молитвы, но и русскій текстъ учебниковъ мало понятенъ для крестьянскихъ дѣтей.

Поэтому они, въ противоположность инородческимъ дѣтямъ, часто выходятъ изъ школы безъ всякаго религіознаго настроенія.

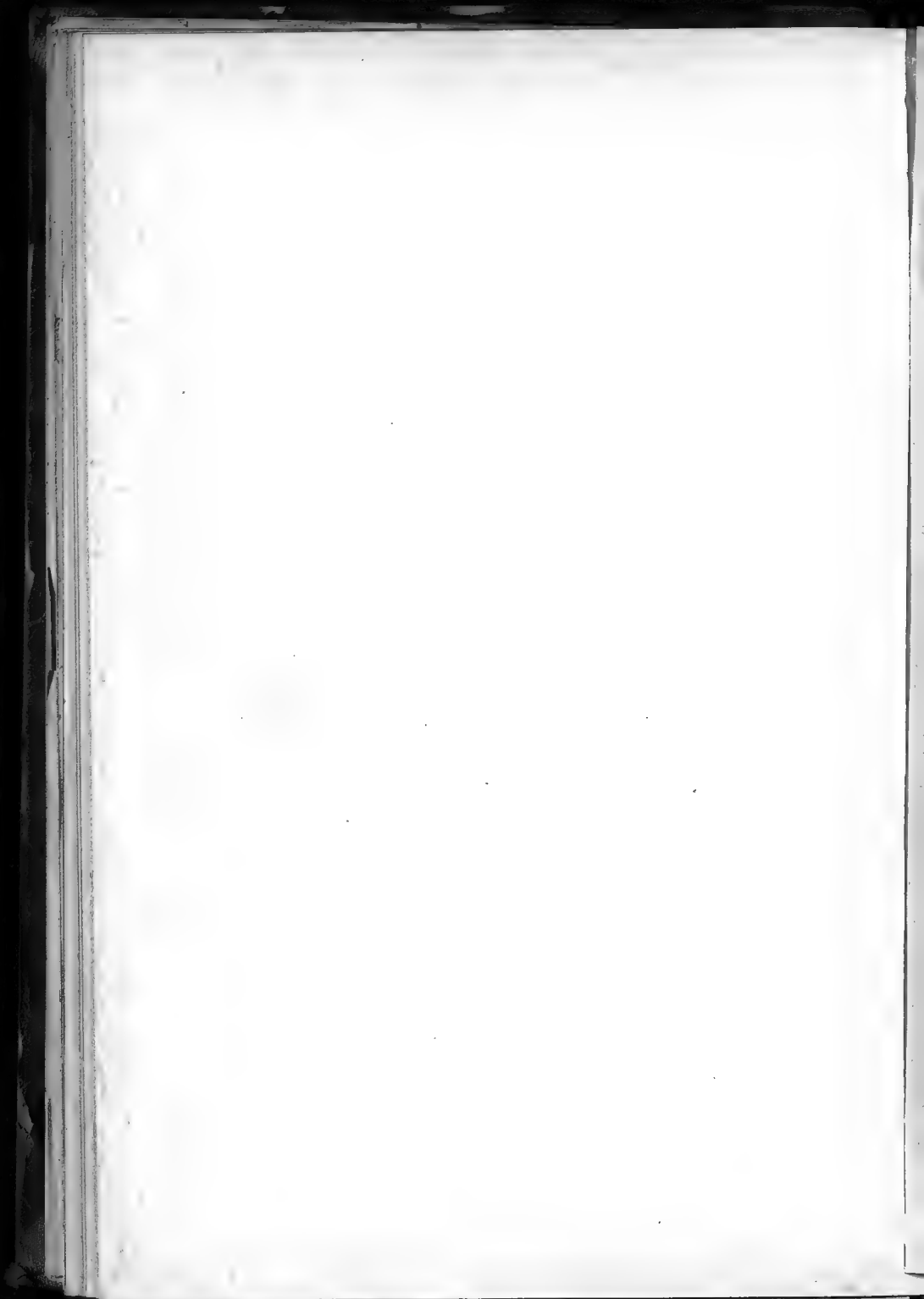

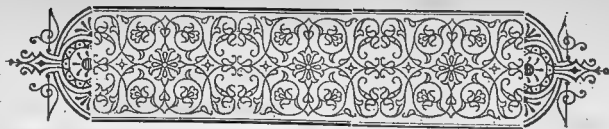
Глава третья.

Отступники.

Отступники.

ГЛАВА. III.

Отступники *).

На границѣ Лаишевскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Казанской губ., находится группа селъ и деревень, подвергшихся еще издавна сильному вліянію мусульманства и явно или тайно, цѣликомъ или отчасти принявшихъ исламъ.

Отпаденія крещеныхъ и язычествующихъ инородцевъ въ исламъ начались еще въ XVIII столѣтіи и повторялись отъ времени до времени на всемъ протяженіи XIX вѣка. Инородцы, къ какому бы племени они ни принадлежали, называютъ это «перейти въ татары». (татарча чик-тык — по татарски. Тутар пулы — по чувашски).

И дѣйствительно, отпадшіе принимаютъ чисто татарскій обликъ въ жизни, обычаяхъ, наружности, совершенно сливаются съ татарами и скоро забываютъ о своемъ происхожденіи. Такъ въ 1866 г. исправляющій должность Казанскаго вице-губернатора Е. А. Розовъ въ докладѣ своему Министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 Дек. за № 5505 о ходѣ отступническаго дѣла въ Казанской губерніи между прочимъ сообщаетъ: «жители Тетюшскаго уѣзда деревень: Кушкума (43 домохозяина) Бѣлой Воложки (50 домохозяевъ) и Утѣевой (24 домохозяина) всѣ

*) Первый отдѣлъ настоящей главы есть краткое извлеченіе, сдѣланное съ разрѣшенія автора, изъ обширнаго рукописнаго сочиненія г. Р. П. Даулет.

безъ исключенія *природные чувашы*, просвѣщенные нѣкогда св. крещеніемъ, заявили какъ отступающіе татары, *со всею татарскою наружностью* и съ такимъ же упорнымъ стремленіемъ къ магометанству, какъ и настоящіе крещеные татары-отступники, утверждая по примѣру сихъ послѣднихъ, что ихъ отцы и прадѣды искони были магометане». [Казанская центральная крещено-татарская школа стр. 290]. Сливаются съ татарами не только отдѣльные семейства, но и цѣлые народы: башкиры, которые прежде въ періодъ шаманизма рѣзко отличались отъ татаръ — мусульманъ, съ принятіемъ ислама окончательно слились съ татарами, такъ что теперь ихъ даже трудно отличить другъ отъ друга.

Таже участь угрожала и киргизамъ: въ киргизскихъ степяхъ въ первую половину XIX столѣтія въ присутствіяхъ и правленіяхъ употреблялся языкъ татарскій, толмачами служили татары, и только со второй половины прошлаго столѣтія, благодаря заботамъ нѣкоторыхъ государственнхъ людей, татарскій языкъ былъ изгнанъ изъ киргизскихъ степей; не случилось этого изгнанія—богатѣйшему нарѣчію тюркско-татарскаго языка—языку киргизъ пришлось бы окончательно утратить свое благозвучіе и богатство и самимъ киргизамъ слиться съ татарами. Однако отатариваніе киргизской степи все же быстро подвигается впередъ.

Еще въ 1896 году на Высочайшее имя подано 34 прошенія отъ имени магометанствующихъ крещеныхъ татаръ разныхъ деревень Казанской и Симбирской губерній [27 изъ Симбирской и 7 изъ Казанской]; въ этихъ прошеніяхъ крещеные татары выясняютъ, что они, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, числятся крещеными, между тѣмъ какъ исповѣдуютъ магометанскую вѣру и живутъ по мусульманскому закону. Въ частности отступники, живущіе въ Симбирской губ., сообщаютъ, что въ 1870 году. Симбирское епархіальное начальство пре-

слѣдовало ихъ за уклоненіе отъ православной вѣры уголовнымъ судомъ, но дѣло объ нихъ Казанской судебной палатой въ 1879 году прекращено, такъ какъ крещенія они не приняли и путь къ переходу ихъ въ мусульманство не прегражденъ. Оренбургское магометанское духовное собраніе, въ которое они обратились съ просьбой признать ихъ магометанами и записывать ихъ требы въ имѣющіяся метрическія книги, отказало имъ на томъ основаніи, что они произошли отъ крещеныхъ татаръ. Въ силу Высочайшаго манифеста отъ 24 ноября 1894 года, по каковому всѣ дѣла о вѣрѣ, не начатыя до изданія манифеста, производствомъ прекращаются, и въ силу 21 ст. уст. уголов. судопроизв. они, просители, какъ некрещенные магометане за отступленіе отъ православной вѣры судебному преслѣдованію подлежать не должны. Состоя отъ рожденія въ магометанствѣ, они, просители, желали бы, на основаніи 3 ст. X. т. закон. гражд. ч. I изд. 1894 года, доказывать магометанскими метрическими книгами возрастъ дѣтей, записывать въ нихъ же, по 92 ст. того же закона заключеніе и расторженіе браковъ, и затѣмъ находить по тѣмъ книгамъ близость родства для доказательства по дѣламъ о наслѣдствѣ, а такъ какъ таковыхъ книгъ у нихъ нѣтъ, то всѣ дѣла ихъ въ отношеніи правъ остаются безъ послѣдствій, чрезъ что въ благосостояніи своемъ они, просители, терпятъ вредъ и убытокъ. Вслѣдствіе чего они просили Св. Синодъ, по учиненіи дознаній чрезъ подлежащую власть и по собраніи должныхъ справокъ о пребываніи ихъ въ магометанствѣ и о непринятіи ими крещенія, разрѣшить имъ исповѣдывать магометанскую вѣру, съ записью рожденія дѣтей, погребенія умершихъ, заключеніе браковъ и разводовъ въ метрическія книги мѣстныхъ муллъ.

Такимъ образомъ отступники просятъ милостиваго разрѣшенія имъ открыто исповѣдовать исламъ, т. е. просятъ о признаніи за ними тѣхъ же правъ, какими пользуется коренное

мусульманское население Россіи — объ окончательномъ слияніи ихъ съ мусульманами.

Св. Синодъ, на основаніи сужденій, представленныхъ епархіальными начальствами Казанскимъ и Симбирскимъ, сдѣлалъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что окончательное сравненіе въ вѣроисповѣдныхъ правахъ отступниковъ съ коренными мусульманами не должно получить государственной санкции. Заключеніе Св. Синода, Высочайше утвержденное, сообщено въ январѣ 1901 г. епархіальнымъ начальствамъ Казанскому и Симбирскому — для свѣдѣнія. Извѣстіе объ отказѣ въ просьбѣ отступникамъ быстро разнеслось среди охранителей интересовъ ислама и вызвало большое среди нихъ недоумѣніе и опасеніе, не добивается ли русское правительство искорененія ислама.

Вскорѣ послѣ этого состоялось отлученіе отъ церкви графа Толстого; постановленіе Синода стало извѣстно въ магометанскомъ мірѣ и чрезъ ученыхъ муллъ дошло до отступниковъ. Недоумѣніе удвоилось и выражалось въ слѣдующихъ словахъ: почему русское начальство не объявляетъ не христіанами явныхъ отступниковъ отъ христіанства, точно исполняющихъ предписанія корана и шаріата, а громко взываетъ объ отлученіи отъ церкви графа Толстого, который самъ не добивался отлученія, не просилъ отчисленія изъ среды православныхъ, можетъ быть и не желать.

Послѣ рѣчи М. А. Стаховича о свободѣ совѣсти, магометане тоже вострепнулись и начали сравнивать отпавшихъ съ мучениками за вѣру, а русскихъ по отношенію къ нимъ изображать мучителями.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что вопросъ объ отпавшихъ отъ христіанства въ исламъ есть вопросъ крайне жгучій и требующій большой осмотрительности и знанія дѣла. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что отступниковъ чрезвычайно

много. По официальнымъ даннымъ ихъ числится около 32000, а на самомъ дѣлѣ ихъ гораздо больше.

Причина хроническихъ отпаденій крещеныхъ инородцевъ въ мусульманство весьма понятна: крещеные инородцы были совершенно незнакомы съ христіанскимъ ученіемъ, которое преподавалось имъ на непонятномъ языкѣ. Съ одной стороны на нихъ дѣйствовала хорошо организованная мусульманская пропаганда, съ другой—русское приходское духовенство относилось къ нимъ вполне равнодушно. Непонятные переводы, непонятное преподаваніе въ школахъ не могли дать имъ никакого развитія. Ихъ удерживали въ христіанствѣ только иногда весьма крутыя репрессивныя мѣры со стороны начальства, или предоставляемыя имъ правительствомъ льготы—освобожденіе отъ податей и отъ воинской повинности, но эти мѣры возбуждали противъ нихъ злобу въ некрещеныхъ, на которыхъ раскладывались лишнія подати. Когда правительство перестало давать льготы и карать, эти «христіане» поспѣшили вернуться къ своей прежней вѣрѣ.

Въ прошеніяхъ отступниковъ, желающихъ открыто примкнуть къ мусульманству, иногда слышатся горячія жалобы на свое безправное положеніе; рождалось поколѣніе за поколѣніемъ людей, не имѣвшихъ никакой склонности къ христіанству, къ которому они принадлежали лишь по имени, а права исповѣдывать тотъ исламъ, къ которому они льнули всей душой, они получить не могли.

Судя по нѣкоторымъ историческимъ замѣткамъ оказывается, что состояніе отступниковъ въ концѣ XIX столѣтія поразительно сходно съ состояніемъ крещеныхъ инородцевъ 300 лѣтъ тому назадъ. Такъ въ грамотѣ царя Феодора Иоанновича отъ 18 іюля 1593 года на основаніи донесенія Казанскаго митрополита Гермогена вотъ какъ изображается состояніе новокрещеныхъ: «Въ Казани и въ Казанскомъ и Свіяжскомъ

уѣздахъ живутъ съ татары и съ чувашею и съ черемисою и съ вотяки вмѣстѣ... и къ церквамъ Божиимъ не ходятъ, и крестовъ на себѣ не носятъ и въ домѣхъ своихъ Божиихъ образовъ и крестовъ не держатъ; и поповъ въ дома свои не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ и къ роженицамъ поповъ не зовутъ, если только не самъ попъ, свѣдавъ роженицу, пріѣхавъ, дастъ молитву; и дѣтей своихъ не крестятъ, если только попъ не обличить ихъ; и умершихъ къ церкви хоронити не носятъ, кладутъ по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ, а женихи къ невѣстамъ по татарскому своему обычаю приходятъ, а вѣнчався въ церкви, снова вѣнчаются въ своихъ домахъ попы татарскими и во всѣ посты и среду и пятницу скоромное ѣдятъ... да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно, а христіанской вѣры не держатся и не навываютъ». ¹⁾ Незнаніе инородцами русскаго языка и незнаніе священниками нарѣчій инородческихъ парализовало всякое духовное воздѣйствіе, напримѣръ нерѣдко случалось инородцу для полученія льготъ принимать крещеніе по нѣскольку разъ, а исповѣдывались часто одни за другихъ, такъ что хожденіе на исповѣдь сдѣлалось для нѣкоторыхъ понимавшихъ русскій языкъ или знавшихъ требуемыя молитвы чѣмъ то въ родѣ ремесла.

Въ концѣ XVIII столѣтія Казанскій архіепископъ Амвросій свидѣтельствуетъ, что «инородческія племена чувашъ и черемисъ не имѣютъ и малаго понятія объ истинахъ вѣры, къ которой приведены св. крещеніемъ. ²⁾ Поэтому неудивительно, что еще въ 1722 году Казанскій митрополитъ Тихонъ доносилъ Св. Синоду, что «изъ крестившихся прежде магометанъ, больше 30 тысячъ человекъ еще держатся христіанской вѣры, а другіе совѣтъ уже отпали отъ нея» ³⁾.

¹⁾ Акты Археолог. Экспедиц. т. I, № 358 стр. 436. изв.—Р. П. Д.

²⁾ Можаровскій. Изложеніе хода миссіон. дѣла по просьбѣ Каз. инородцевъ 107. Р. П. Д.

³⁾ Можаровскій, стр. 45.

Мѣры, принимаемыя правительствомъ для удержанія крещенныхъ инородцевъ, и запрещеніе переходить въ исламъ, только озлобляли ихъ, и они местили разными способами, напримѣръ они оказали поддержку Пугачеву. Въ это же время учрежденіе, въ царствованіи Екатерины II, должности Уфимскаго муфтія объединило и укрѣпило мусульманство въ Россіи.

Въ XIX вѣкѣ правительство принялось за переводы книгъ на инородческіе языки, но они долго оказывались неудачны и не имѣли никакого вліянія на населеніе.

Такъ какъ въ то же время репрессивныя мѣры, которыя употреблялись противъ упорныхъ, стали ослабѣвать, то съ начала XIX столѣтія начались массовыя отпаденія. Первое коллективное прошеніе о разрѣшеніи на это относится къ 1802 году, и съ этого времени идетъ цѣлый рядъ отступническихкихъ дѣлъ во все продолженіе XIX столѣтія; масса прошеній подается въ началѣ cadaго царствованія, при чемъ просители основываются на какихъ нибудь выраженіяхъ изъ манифестовъ.

Въ царствованіе Императора Николая I все притихло; инородцы боялись заговорить объ отпаденіи, но тайно исполняли предписанія ислама, хотя ихъ положеніе во все это царствованіе было крайне тяжелымъ. Снова открыты были закрытыя на время должности миссіонеровъ, и стали они разъѣзжать по селамъ, собирать свѣдѣнія о состояніи инородцевъ, докладывать о нихъ начальству. Приходскіе священники старались показать миссіонеру товаръ лицомъ и для этого уговаривались съ становымъ или исправникомъ, которыхъ народъ боялся, какъ огня. «Заслышитъ приходскій священникъ, что въ его приходѣ собирается миссіонеръ, скачетъ въ городъ къ исправнику, проситъ у него поддержки во время наѣзда миссіонера и общается молить Бога и еще кое что. Исправникъ слышитъ въ приходѣ, созываетъ мужиковъ и крѣпко на крѣпко приказываетъ имъ усердно молиться при миссіонерѣ, въ противномъ случаѣ «запорю». Прихожане дѣйствительно молчатъ и молятся съ особеннымъ

усердіемъ, такъ какъ всюду находятся агенты грознаго исправника.

Миссіонеръ доволенъ приходомъ, благодаритъ Бога, отписываетъ епархіальному начальству, объ усердной просвѣтительной дѣятельности приходскаго священника. Начальство награждаетъ батюшку, а батюшка не забываетъ своего благодѣтеля исправника»¹⁾.

Самъ собой понятенъ результатъ такихъ порядковъ.

Съ наступленіемъ болѣе мягкаго царствованія Александра II и въ особенности послѣ освобожденія крестьянъ, надежды желающихъ отпасть отъ христіанства снова возобновились. Агитаторы поддерживали это настроеніе, говорили о какомъ то манифестѣ и собирали деньги для подачи прошеній. Въ виду этого въ 60-хъ годахъ повсюду усилилось отступническое движеніе. Желавшіе отпасть заявляли священникамъ, что они подали прошеніе Царю и будутъ утруждать начальство, пока не получатъ просимаго, что Государь по своей милости наконецъ сжалятся надъ ними. Когда прошенія были отправлены въ Петербургъ, они, имѣя въ рукахъ квитанцію отъ почтовой конторы, объявляли приходскому духовенству, что они болѣе не христіане и не подлежатъ вѣдѣнію приходскаго причта²⁾. Порядокъ дѣлопроизводства объ отступникахъ приблизительно таковъ: объ уклоняющихся въ мусульманство приходскій священникъ сообщаетъ консисторіи; она по разсмотрѣніи дѣла, опредѣляетъ:

1) объявить мѣстной полиціи.

2) возвратить дѣло обратно съ предписаніемъ увѣщевать.

По первому пункту—какъ только дѣло передано полиціи, на сцену выступаютъ становые, исправники, вице и сами губернаторы, отбираются свидѣтельскія показанія, пишутся

¹⁾ Прав. Обзоръ 1863 г. ноябрь 253—254.

²⁾ Свящ. Д. Григорьевъ. Среди отступниковъ и магометанъ. Уфимскіе епарх. Вѣд. 1904 г. № 213.

протоколы, а отщепенцамъ—слезы, плачь, заканчивающіеся тюрьмой или дальней Сибирью. Конечно, это приведеніе въ исполненіе второго пункта постановленія консисторіи при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть причислено къ торжествамъ.

И теперь еще свѣжо у отступниковъ воспоминаніе о тѣхъ притѣсненіяхъ, какимъ они подвергались при разбирательствѣ дѣла; напримѣръ, объ жителяхъ села Елышева сочинено цѣлое стихотвореніе на татарскомъ языкѣ ¹⁾ которое въ рукописяхъ распространялось по селеніямъ крещеныхъ и некрещеныхъ татаръ и всѣми заучивалось наизусть. Стихотвореніе это, вѣроятно, составлено какимъ нибудь молодымъ шакирдомъ, слѣдившимъ за ходомъ дѣла Елышевцевъ. Для характеристики отступническихъ движеній это стихотвореніе очень интересно. Вотъ его буквальный переводъ:

Мы просили у Бога въ мусульмане перейти,
Однако намъ Господь судилъ въ старой вѣрѣ терпѣть.
Ягфаръ бумагу написалъ для подачи Царю,
Отъ Царя пришелъ указъ посадить его въ тюрьму.
Вожакъ въ подачѣ бумаги—учитель нашъ Ягфаръ,
Вся деревня увѣрилась, что есть законъ за насъ.
Царю дѣло подали, прося вѣры ислама,
Какъ наѣхалъ губернаторъ, немоготу терпѣть.
Нынѣ дѣломъ наше дѣло—вѣра ислама въ устахъ,
Какъ наѣхалъ губернаторъ—не видѣли глаза.
Мусульманами назвались—въ яровую пашню,
Обуялъ страхъ, не стало ума, какъ разставили во фронтъ.
Прибыли команды, съ нагайками казаки.
Къ старой вѣрѣ вернуться—всѣ мучили насъ,
16 человекъ сослали, заковавъ ноги въ цѣпи.
Дѣти ихъ собравшись,—плачутъ, валяясь на землѣ.
Въ землѣ Казанской, въ округѣ Елышевскомъ.

¹⁾ Подлинное стихотвореніе въ книгѣ О. Малова, очеркъ религіозн. состоянія крещ. татар. подвергшихся вліянію магометанства, 113—114.

Гдѣ были лощины—стали озера изъ слезъ.
 Это лѣто провели—ради вѣры ислама,
 Вѣра ислама не вышла—изъ за шести дворовъ.
 Ягфаръ за вѣру—угодилъ въ тюрьму.
 На Ягфаровой обдиркѣ—обдирается полба,
 Умиляясь передъ Богомъ—просилъ вѣры ислама.
 По шаріату помогали, къ мученіямъ привыкли,
 Стали мы убогими—ради вѣры ислама.
 Мы просили у Господа—тюбетейки надѣтъ,
 Но намъ судилъ Господь—печалиться во вѣкъ.

Эта пѣснь была составлена по всей вѣроятности послѣ перваго массоваго отпаденія Елышевцевъ въ 1866 году (единичные случаи отпаденія бывали и раньше), послѣ котораго пріѣзжалъ сюда казанскій вице-губернаторъ, производилъ разборъ дѣла, подвергалъ наказанію главныхъ зачинщиковъ отпаденія; въ началѣ 70-хъ годовъ полицейская власть забирала главныхъ зачинщиковъ и высылала ихъ въ Туруханскъ.

Прошенія отступниковъ на Высочайшее имя передаются на разсмотрѣніе Св. Синода. Синодъ разсматриваетъ отступническое дѣло съ церковно-канонической точки зрѣнія и, показавъ юридическую невозможность перехода крещеныхъ инородцевъ въ мусульманство, предписываетъ епархіальнымъ начальствамъ принять мѣры къ вразумленію и возвращенію упорныхъ въ лоно церкви.

Аохіереи тѣхъ губерній, гдѣ проживаютъ подавшіе прошенія, обращаются опять къ начальникамъ этихъ губерній съ просьбой оказывать содѣйствіе проповѣдникамъ вѣры среди отпадающихъ въ магометанство и просятъ «учинить кому слѣдуетъ надлежащее предписаніе, дабы уклоняющимся отъ православія къ невѣрію внушено было, что просьбы ихъ о семъ самыя нелѣпыя и богопротивныя и не только удовлетворены никогда быть не могутъ, а напротивъ, придожа Монаршее милосердіе и снисхожденіе къ ихъ невѣжеству на гнѣвъ,

могутъ ихъ подвергнуть жестокому наказанію, положенному 24 пунктомъ 22 главы уложенія и указомъ 1738 г. 3 іюля» ¹⁾).

Такимъ образомъ правительство всегда отказывало и отказывается въ просьбѣ о перечисленіи въ мусульманство.

Такъ какъ 36 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. т. XIV воспрещаетъ отступать отъ православной вѣры рожденнымъ въ ней, равно и послѣ принявшимъ ее, то прежде удобно было ссылаться на эту статью, такъ какъ отпадающіе; дѣйствительно рождены были отъ родителей христіанъ и сами были крещены. Но нынѣ подросло уже поколѣніе, хотя рожденное отъ христіанъ но не получившее само крещенія, и отъ этого некрещенаго поколѣнія рождаются дѣти, которыя также не крестятся, но тѣмъ не менѣе не считаются мусульманами, а признаются юридически отступниками. Согласно статьямъ закона, дѣтей отступниковъ слѣдовало бы отбирать и передавать на воспитаніе православнымъ, а имѣнія отпадшихъ отдавать подъ опеку православнымъ же, а самихъ отступниковъ отправлять къ духовному началству для увѣщанія и вразумленія. Но число отступниковъ было такъ велико, что правительству не возможно было ко всѣмъ имъ примѣнять эти статьи закона. Поэтому оно стало прибѣгать къ возбужденію преслѣдованій противъ подстрекателей или агитаторовъ въ отступническомъ дѣлѣ, ихъ стали сажать въ тюрьмы, лишать правъ состоянія и ссылать въ отдаленныя губерніи. Татарскихъ муллъ стали обязывать подпиской не исполнять требъ у отпадшихъ и не пускать ихъ въ мечети (эти требованія остаются въ силѣ и теперь). Отпавшимъ запрещается вступать въ бракъ съ мусульманами; (на основаніи того, что законъ не дозволяетъ браковъ между христіанами и лицами не христіанскаго исповѣданія); дѣти, рожденные отъ такихъ браковъ признаются незаконными и какъ таковыя на бумагѣ лиша-

¹⁾ Дѣло Кав. дух. консист. № 773, нач. 6 іюля 1827 г., конч. 1857 г. Р. И. Д.

ются всякихъ обывательскихъ и наследственныхъ правъ; на самомъ же дѣлѣ они въ своемъ обществѣ пользуются всеми правами. По закону запрещается отступникамъ строить мечети, но въ каждомъ такомъ селеніи имѣются тайные молитвенные дома, только безъ минарета, имѣется и мулла. Иногда полиція запечатываетъ эти дома и подымаетъ «дѣло». Но пока «дѣло» идетъ по канцеляріямъ, отступники снимаютъ съ дверей печать (никогда нельзя найти, кто это сдѣлалъ) и спокойно продолжаютъ собираться на молитву.

Отступники пользуются покровительствомъ со стороны коренныхъ мусульманъ, но уже и сами утвердились въ вѣрѣ, и имѣютъ своихъ негласныхъ муллъ — вѣроучителей, отправляющихъ ихъ религіозныя требы. Получить образованіе для отступника не трудно: двери всѣхъ мусульманскихъ учебныхъ заведеній, не смотря на циркуляръ Министерства, ему открыты, какъ и обыкновенному мусульманину. При той самобытной организации, которую имѣютъ мусульманскія мектебы и медресе, и которую они успѣваютъ отстоять отъ посягательствъ полиціи, всякій желающій можетъ въ нихъ обучаться, лишь было бы на это согласіе начальника заведенія, а они, какъ мусульмане, естественно всегда на сторонѣ отступниковъ.

Мусульманскія училища не подчинены никакому правительственному контролю; правда, съ 1874 года эти училища отнесены къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Министерство поставило особаго инспектора для завѣдыванія татарскими, башкирскими, киргизскими школами, но эта русская власть надъ мусульманскими училищами есть нѣчто фиктивное, не имѣющая никакой конкретной формы. Даже такіе извѣстные заведенія, какъ Казанскія медресе, не стѣсняются параграфами о числѣ учащихся, и безбоязненно даютъ приютъ и отступническимъ дѣтямъ, — и такимъ путемъ готовятъ муллъ для отступническихъ обществъ. Хотя такіе муллы не имѣютъ правительственныхъ указовъ, но они въ нихъ суще-

ственно и не нуждаются; отъ мусульманскаго вѣроучителя требуется доброе поведеніе и знаніе, и всякій, знающій ученіе вѣры, правила молитвъ, умѣющій кое-что читать изъ корана и предлагать поученія, имѣетъ право быть муллою, если общество мусульманъ его пожелаетъ. Отступническіе муллы, подобно мулламъ — мусульманамъ, открываютъ въ своихъ домахъ школы для отступническихъ дѣтей, не испрашивая разрѣшенія властей. Впрочемъ, власть, еслибъ и узнала объ такой школѣ, ничего не могла бы сдѣлать. Отступническій мулла имѣетъ готовый отвѣтъ, а именно, что онъ не мулла и не исправляетъ требъ у отступниковъ, а только состоитъ такъ называемымъ сельскимъ писаремъ и записываетъ родившихся и умершихъ для представленія въ волостное правленіе. Онъ можетъ отрицать и фактъ существованія школы, такъ какъ въ его домѣ нѣтъ тѣхъ учебныхъ принадлежностей, какія обыкновенно бываютъ въ школѣ.

Итакъ, десятки тысячъ отступниковъ считаются въ юридическомъ отношеніи православными, фактически же живутъ по мусульманскому обряду. Крещеные изъ нихъ носятъ два имени — христіанское и магометанское. Браки ихъ, не заключенные въ православной церкви, считаются незаконными; незаконными же признаются и дѣти отъ такихъ сожитій.

Изъ всего этого видно, что нѣтъ людей, у которыхъ правовое положеніе было-бы такъ неопредѣленно, какъ у отступниковъ въ мусульманство. Обыкновенно дѣло объ отступничествѣ переходитъ отъ вѣдомства къ вѣдомству, изъ канцеляріи въ канцелярію, затягивается иногда лѣтъ на 20 и болѣе *).

Такъ 16 марта 1876 года архіепископомъ Казанскимъ утверждень журналъ Казанской духовной консисторіи, которымъ по-

*) Въ архивѣ Казанской духовной консист. есть дѣло объ отпавшемъ татаринѣ Ивановѣ, крест. деревни Малыхъ Болгасаръ Тет. уѣз. Каз. губ., которое начато въ 1828 году и окончено въ 1871 году, когда уже главнаго виновника дѣла старика Иванова не было въ живыхъ. Р. П. Д.

становляется: «крещеныхъ татаръ, которые съ 1811 и послѣдующихъ годахъ до 1863 года прервали союзъ съ православною церковью и, уклонившись въ мусульманство, доселѣ косятъ въ ономъ и пребываютъ нераскаянными, несмотря на всѣ употребляемыя духовной властью и гражданскою мѣрой къ ихъ вразумленію и возвращенію въ нѣдра Православія, на основаніи Слова Божія, правилъ церкви и 16 правила Духовнаго Регламента, признать отлученными отъ Православной церкви, предавъ вѣчному осужденію, исключить изъ вѣдомства Казанской Епархіальной Власти и прекратить всякую переписку объ нихъ по производящимся дѣламъ».

II.

Перехожу къ изложенію моихъ личныхъ впечатлѣній. Первое отступническое селеніе въ которое я попала, было село Елышево Мамадышскаго уѣзда.

Елышевцы отпадали частями; въ настоящее время православныхъ тамъ только одинъ домъ, который все время оставался таковымъ благодаря тому, что домохозяинъ, николаевскій солдатъ, отдалъ сына своего Ивана Кондратьева учиться въ Казанскую крещено-татарскую школу и онъ впоследствии сдѣлался священникомъ. Когда старикъ умеръ, его сыновья раздѣлились на два двора; въ голодный годъ (1891) вернулись къ православію еще 5 домовъ, благодаря тому, что крестившимся семьямъ Братство Св. Гурія выдавало по 25 р. въ видѣ «пособія новокрещеннымъ». Такимъ образомъ въ настоящее время въ Елышевѣ 7 православныхъ домовъ на 140 отпавшихъ.

Эти подробности приходской жизни я узнала отъ мѣстнаго священника.

Я поѣхала въ Елышево въ одно ясное воскресное утро, взявъ съ собою, въ видѣ переводчика, моего пріятеля крещенаго татарина Д.

Село красиво расположено на краю зеленой долины надъ небольшой рѣкой. Деревянная неказистая церковь стоитъ внизу, у дороги, а дома карабкаются по склону довольно крутого холма, на вершинѣ котораго растутъ высокія деревья.

По словамъ священника состояніе прихода въ настоящее время слѣдующее:

Елышево	7	домовъ прав.	140	домовъ отпавшихъ.
Сатлыганъ-Бючъ	20	»	12	»
Сосновыи Мысь	1	»	70	»

Итого въ приходѣ . . . 28 домовъ прав. 222 отпавшихъ дома.

Единственно уцѣлѣвшій православный татаринъ въ д. Сосновыи Мысь обрился уже по мусульмански и ходить въ церковь одинъ разъ въ годъ.

Отпавшіе, по общимъ отзывамъ, очень упорны, надсмѣхаются надъ православными, имѣютъ негласнаго муллу, азанчу, тайный молитвенный домъ. Прежде дѣти отпавшихъ ходили въ братскую школу, теперь мулла открылъ свою и они перешли въ нее. Православные испытываютъ нравственное давленіе со стороны отпавшихъ единоплемениковъ и при каждомъ удобномъ случаѣ жалуются на свое удрученное состояніе.

Мы пошли со священникомъ по дворамъ; на пыльной улицѣ играли татарчата въ тубетейкахъ, и общее впечатлѣніе селенія до того чисто-мусульманское, что церковная колокольня кажется совсѣмъ не у мѣста. Широкая улица поднимается въ гору, а направо на крутомъ холмѣ подъ большими соснами ютится кладбище; я не успѣла туда зайти, но узнала, отъ священника и мѣстныхъ жителей, что отступники завладѣли имъ и срубили поставленные на могилахъ кресты; не пощадили даже креста, поставленнаго русскимъ урядникомъ на могилѣ своихъ родныхъ. Уцѣлѣли пока только 2 креста, поставленные съ прошлаго года.

Мы зашли сначала въ нѣсколько домовъ отступниковъ. По наружности они совсѣмъ мусульмане, всѣ носятъ мусуль-

манскія имена и мусульманскую одежду; ходятъ портняжить къ бишкирамъ въ Уфимскую губернію.

Отступники отнеслись къ нашему посѣщенію не безъ недвѣрія, подозрительно на насъ поглядывали; но мы придерживались чисто хозяйственныхъ темъ, и они разговаривали и охотно рассказывали о своемъ хозяйствѣ, промыслахъ; о томъ, гдѣ они бываютъ на заработкахъ и сколько зарабатываютъ; они даже не безъ хвастовства показывали намъ сшитую ими одежду. Обстановка домовъ у нихъ мусульманская; живутъ они довольно зажиточно, благодаря своему выгодному промыслу.

Изъ мусульманскаго квартала мы направились черезъ изрытую недавними дождями дорогу на болѣе отдаленную улицу, гдѣ ютятся дома православныхъ; они имѣютъ жалкій, заброшенный видъ. Взрослые почти все были на сѣнокошѣ; нѣкоторые избы были пусты; въ одной на грязныхъ нарахъ сиротливо жались другъ къ другу маленькія дѣти, въ другой женщина-крещенка укачивала ребенка. Ни женщина, ни дѣти ни слова не понимаютъ по русски, и только бѣдная, убогая обстановка да образа въ углу отличаютъ отъ истыхъ мусульманъ этихъ жителей, колеблющихся на распутии двухъ религій, безъ крѣпкой вѣры и безъ твердой нравственной основы.

Побывавъ въ 5 жалкихъ крещенскихъ домахъ, мы вернулись въ мусульманскую часть деревни; на краю ея стоитъ убогая, покосившаяся изба православнаго, по имени Аванасія. Его не было дома, но мы застали его жену и двухъ дочерей лѣтъ 12 и 15.

Женщина эта по-русски кое-какъ говорила, но понимать ее было трудно; тогда я попросила Д. предложить ей по крещенски нѣсколько вопросовъ о ея житьѣ-бытьѣ. Какъ только она получила возможность свободно объясняться, она заговорила быстро-быстро своимъ гортаннымъ, татарскимъ говоромъ, и съ совершенно неожиданнымъ для меня возбужденіемъ. Не

стѣснясь присутствіемъ сопровождающаго насъ священника, она начала жаловаться на духовенство, которое нисколько ихъ не поддерживаетъ, на тяжелое положеніе православныхъ и въ концѣ концовъ объявила, что всему виною пастыри и что лучше отпасть.

Это былъ цѣлый потокъ озлобленныхъ рѣчей, сопровождающийся злыми взглядами, брошенными на священника, такъ что онъ не выдержалъ и ушелъ.

Я просила Д. узнать, отъ нея, въ чемъ дѣло; она начала съ жалобъ на корыстолюбіе священниковъ и на ихъ равнодушіе къ нуждамъ паствы.

Затѣмъ разсказала, что прошлой зимой ея старшая дочь вышла замужъ за отпавшаго, въ отступническую деревню Кибякъ-Кози, (кажется она говорила, что дочь сбѣжала съ нимъ, а потомъ вышла замужъ). Оставшіяся дома двѣ дѣвочки учились въ школѣ; старшую изъ нихъ ей удалось опредѣлить въ крещено-татарскую школу, куда трудно поступить изъ-за наплыва желающихъ; дѣвочки тамъ очень нравились, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ она заболѣла какими то припадками и вернулась домой. Поэтому теперь мать боится отдать въ крещено-татарскую школу младшую дочь.

Обѣ дѣвушки знаютъ по-русски, знаютъ и христіанскія молитвы, но мать не ручается за то, что онѣ, подобно сестрѣ, не выйдутъ замужъ за отпавшихъ и, очевидно, даже ожидаетъ этого.

Въ седьмомъ православномъ домѣ мы никого не застали и вернулись къ священнику. Вскорѣ къ нему пришли два брата, сыновья того крещенина, который при общемъ отпаденіи Елышевцевъ, одинъ удержался въ православіи. Мы не застали ихъ дома, но видѣли у нихъ на стѣнѣ портретъ ихъ брата священника, нынѣ уже умершаго и, въ бытность свою ученикомъ крещено-татарской школы, спасаго свою семью отъ

отпаденія. Эти два брата не портняжатъ у башкирь, одинъ изъ нихъ ходитъ на заработки къ крещенымъ чувашамъ, а другой на русскій заводъ. Они бесѣдовали съ нами спокойно, но жаловались на свою беззащитность, на притѣсненіе со стороны отпавшихъ; говорили, что православныхъ обижаютъ при дѣлежѣ общественной земли, что отпадшіе срубаютъ поставленные на могилахъ кресты. «Тѣснятъ они насъ съ землею, издѣваются надъ нами, какъ ни скажемъ, все смѣются, а никто не поддерживаетъ», жаловались мужики, «земскій начальникъ не принимаетъ жалобъ, потому что нѣтъ свидѣтелей»¹⁾.

«Миссіонеръ пріѣдетъ, ничего не дѣлаетъ. Надо правду сказать, съ отпавшими онъ никогда не говоритъ, а соберетъ православныхъ скажетъ имъ «живите хорошо» и уѣдетъ. Миссіонеръ смѣется надъ православными; онъ ничего толкомъ не скажетъ, ему все равно, хотя бы вся Россія отступила».

Пока мы говорили съ мужиками, подошла вдова и еще нѣсколько человекъ. Продолжалась бесѣда о миссіонерахъ въ томъ же духѣ. Желаніе остающихся въ православіи Елышевцевъ, чтобы священникъ имѣлъ съ ними болѣе близкое общеніе и матеріально ихъ поддерживалъ.

Изъ Елышева я вмѣстѣ съ Д. поѣхала въ село Савруши, которое прежде принадлежало къ Елышевскому приходу, но съ нынѣшняго года имѣетъ собственную церковь. Въ селѣ 170 домовъ; 42 отпавшихъ и 128 номинально православныхъ изъ которыхъ, по слухамъ, 15 готовы къ отпаденію и побуждаютъ къ этому другихъ, а склонныхъ къ мусульманству половина села. Изъ 42 домовъ отпавшихъ 12 отпало одновременно съ Елышевцами, а остальные лѣтомъ 1903 и на Пасху 1904 года, какъ бы въ видѣ протеста противъ постройки церкви.

1) Т. е. отступники всегда уклоняются отъ засвидѣтельствованія обидъ которыя творятся крещенымъ.

Въ виду такого настроенія села, надо было держать себя чрезвычайно осторожно, поэтому Д., котораго здѣсь знаютъ и котораго не боятся, объявлялъ, что я его знакомая прїѣхавшая изъ Мензелинска, желающая посмотрѣть, какъ живутъ здѣшніе крещеные татары.

Мы заѣхали съ нимъ въ домъ родственника священника о. Н., о которомъ онъ самъ говорилъ намъ.

Семья зажиточная, надворныя постройки прекрасныя, изба большая; стѣны въ комнатахъ обильно увѣшаны полотенцами, кюль богато уставленъ иконами. Это та семья, о которой о. Н. мнѣ рассказывалъ, что она была склонна къ отпаденію, но удержалась благодаря тому, что мальчикъ изъ этой семьи поступилъ въ крещено-татарскую школу и потомъ сдѣлался священникомъ.

По словамъ Д. спасенію этой семьи отъ ислама сильно содѣйствовалъ самъ о. Н., который и духовно на нее вліялъ и опредѣлилъ мальчика въ крещено-татарскую школу, а затѣмъ провелъ его во священники; онъ и доселѣ священствуетъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи. Прекрасное христіанское вліяніе на всю семью имѣетъ сама хозяйка, Марѳа, очень умная и ревностная къ христіанству старушка. Она же, уговаривала родныхъ изъ другихъ домовъ, чтобы они не отпали, но они не послушались, отпавшіе даже хотѣли ее поджечь, потому что у ней квартировалъ миссіонеръ.

Она рассказала намъ, что прошлую осенью епархіальный миссіонеръ прожилъ въ селѣ Саврухахъ 5 недѣль, ходилъ по улицамъ, но вліянія не имѣлъ никакого; отступники слушать его не хотѣли.

Марѳа говорила и о своемъ сынѣ и подтвердила, что семьи, члены которыхъ учатся въ Казанской крещено-татарской школѣ не отпадаютъ. Пока мы съ ней бесѣдовали, въ избу вошла женщина среднихъ лѣтъ, заговорила съ Д. и, прислонившись къ притолкѣ, зарыдала.

Она оказалась снохой Марены, которая рассказала намъ, что ея внучка, дочь этой женщины, въ прошломъ году вышла замужъ за молодого крещенина въ своемъ же селѣ, но въ этомъ году весною семейство это отпало въ мусульманство, и молодая женщина, не желая измѣнить вѣрѣ, убѣжала отъ мужа; она такъ его боялась, что убѣжала ночью и теперь живетъ у отца. Мужъ же ея хочетъ жениться на отпавшей. Марена рассказывала это со слезами, а сноха ея все время рыдала.

Мы съ Д. пошли по улицамъ, попадавшіеся намъ по пути люди по внѣшности очень похожи на мусульманъ, хотя большинство еще безъ тюбетеекъ. Мы зашли во дворъ наѣво; у воротъ намъ попался мужикъ обритый, но безъ тюбетейки, следовательно православный; подъ наѣсомъ работали его три сына—лѣтъ 12—14—17 въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ и тоже съ очень короткими волосами.

Привыкнувъ во всѣхъ прежде видѣнныхъ мною инородческихъ селеніяхъ на вопросъ: понимаешь-ли по русски? всегда слышать въ отвѣтъ: понимаемъ, а въ худшемъ случаѣ: «мало-мало калякаемъ», я и здѣсь спокойно спрашиваю мужика: «знаешь по-русски?» Мужикъ мрачно трясетъ головой и твердитъ: «белмейемъ» (не знаю). Обращаясь къ мальчикамъ, они повторяютъ тоже самое. Спрашиваю ихъ: «вы въ школѣ учились?» — «белмейемъ» — ихъ единственный отвѣтъ. Вижу дѣло плохо. Спрашиваю: «кто же здѣсь говоритъ по русски?» Подходить молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, небольшого роста, широкоплечій, бритый. Спрашиваю его: «по-русски знаешь?»

«Такъ точно», бойко отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

«Гдѣ выучился?»

«Солдатомъ былъ».

«Ты, хозяину родственникъ?»

«Такъ точно, братъ».

— «Какъ тебя зовутъ?»

— «Кузьмой»

— «А еще какъ?» спрашиваю я самымъ положительнымъ тономъ, зная, что въ отступническихъ селеніяхъ всѣ имѣютъ двойныя имена.

— «Еще никакъ не зовутъ», спокойно отвѣчаетъ Кузьма.

— «Только Кузьмой зовутъ?»

— «Только Кузьмой»

— «Вѣроятно еще зовутъ Мухаметша», говорю я лукаво.

— «Нѣтъ, Ягуда»

— «А того какъ зовутъ?» продолжаю я, указывая на домохозяина.

— «Иваномъ»

— «А по вашему какъ?»

Кузьма видитъ, что проговорился, отступать некуда и говорить:

— «Ибрагимъ»

При этомъ братья хитро переглянулись.

Ибрагимъ тоже сначала было упорно твердилъ Д., что у нихъ только православныя имена (онъ говорилъ съ Д. по крещенски), но по примѣру брата сознавался, хотя съ большимъ смущеніемъ, что они между собой употребляютъ имена мусульманскія.

Спрашиваю Кузьму: «Тюбетейку носишь?»

— «Нѣтъ, я православный».

— «А портняжить зимой ходишь?»

— «Ходимъ».

— «Куда ходишь?»

— «Въ Бирскій уѣздъ къ башикирамъ».

— «А тюбетейку надѣваешь?»

— «Надѣваю».

— «Почему?»

— «Работы не будутъ давать».

— «Гдѣ у тебя сейчасъ тюбетейка?»

- «Въ сундукъ».
- «Осенью опять надѣнешь?»
- «Надѣнемъ».
- «Когда уходишь портняжить?»
- «Въ сентябрѣ».
- «Когда приходишь?»
- «Въ юнѣ».

Итакъ 9 мѣсяцевъ въ году этотъ крещенинъ называется Ягудой, носить тюбетейку и живетъ среди башкирѣ, а 3 мѣсяца въ году онъ подъ именемъ Кузьмы живетъ среди православныхъ. Какъ же тутъ не отатариться?

Кузьма окончилъ курсъ въ братской школѣ и умѣлъ читать книги на крещено-татарскомъ языкѣ изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества, умѣлъ, кажется, читать и по-русски, и могъ повторить наизусть, хотя нѣсколько сбиваясь, молитву Господню на татарскомъ языкѣ. На мой вопросъ: «У тебя молитвенникъ татарскій?» онъ увѣренно отвѣчалъ: «Нѣтъ, крещенскій».

Склонность къ мусульманству въ старшемъ братѣ выразилась въ всегда сопряженномъ съ этимъ отрицаніи знанія русскаго языка, но младшій братъ былъ достаточно политиченъ, чтобъ подчеркивать свое отличие отъ магометанъ.

Старшій братъ теперь живетъ дома, а его три сына съ Кузьмой ежегодно портняжатъ у уфимскихъ башкирѣ, возвращаются иногда въ маѣ, а иногда незадолго до Петрова дня, и снова уходятъ въ началѣ сентября, проводя дома лишь рабочую пору.

Вообще Саврушскіе мальчики уходятъ въ портные лѣтъ 10—11, раньше окончанія курса въ школѣ, поэтому школа въ этомъ селѣ и не можетъ сдерживать отступническаго движенія.

Кузьма, которому теперь около 30 лѣтъ, уходилъ порт-

няжить въ теченіе 16 лѣтъ и говорить, что Саврушцы всегда, уходя изъ дома, тщательно стараются принять вѣнпнй обликъ татаръ-мусульманъ; брѣютъ головы, надѣвають тюбетейки и приучаются выполнять молитвенные обряды мусульманства. Это необходимо, иначе не получишь работы.

Эти же крещеные лѣтомъ, дома, ходятъ безъ тюбетеекъ.

На вопросъ, ходитъ-ли онъ въ церковь, Кузьма отвѣчалъ, что весной ходилъ, пока не было работы, а теперь некогда, — очевидно, онъ къ православію мало расположенъ. Кузьма показалъ намъ домъ брата, просторный, чистый, съ высокимъ крыльцомъ.

Поговоривъ о хозяйствѣ, мы пробовали было заговорить объ отпавшихъ, но оба брата сразу же стали отрицать свое знакомство съ ними и упорно твердить, что они совсѣмъ не знали, какъ готовилось отступническое движеніе. Замѣтно, что оба брата хитрятъ, боятся, какъ бы не проговориться въ чемъ нибудь, не высказать чего лишняго, за что могутъ подвергнуться отвѣтственности.

Вообще, когда проходишь по Саврушскимъ улицамъ, рѣзко бросается въ глаза особенное настроеніе жителей. Во всѣхъ чувствуется недоверіе и озлобленность. Въ Елышевѣ православные пришиблены, а отступники твердо и спокойно стоятъ на почвѣ мусульманства. Здѣсь же чуется вражда и во взглядахъ и въ движеніяхъ; и жители какъ то недружелюбно и недоверчиво выглядываютъ изъ дворовъ. Нѣтъ и тѣни той привѣтливости и того радушія, которыя поражаютъ у инородцевъ, какъ общее явленіе. Чувствуется, что миссіонеры на полицейской подкладкѣ сдѣлали здѣсь свое дѣло.

Саврушцы и недружелюбны и запуганы. Это подозрительное и недоверчивое отношеніе особенно было замѣтно въ другомъ домѣ, гдѣ на дворѣ находился самъ хозяинъ съ семьей — женой, снохой, сыномъ и прочими дѣтьми. Только что былъ

привезенъ изъ лѣсу цѣлый возъ березовыхъ вѣтокъ, изъ которыхъ вся семья вязала вѣники. Такими зелеными вѣниками былъ обвѣшанъ весь сарай. На мой вопросъ, говорить ли онъ по-русски, хозяинъ рѣзко отвѣтилъ «белмейемъ», а за нимъ повторили это и всѣ члены семьи. Д. заговорилъ съ ними по крещенски; тогда они немного оживились, но продолжали хитрить, перегляиваться и отвѣчать уклончиво. Хозяинъ назвалъ свое православное имя, но отказался отвѣчать на вопросы, задаваемые по русски, ссылаясь на то, что не знаетъ русскаго языка и не понимаетъ его.

Даже на вопросы, задаваемые Д-мъ по татарски (по крещенски) онъ отвѣчалъ вяло и неохотно. Играющіе около родителей дѣти называютъ другъ друга мусульманскими именами; замѣчаю, что одну дѣвочку лѣтъ 8—10 братья называютъ чѣмъ то въ родѣ «Фатима». Спрашиваю ее, какъ ее зовутъ. Она не понимаетъ, отецъ переводитъ ей мой вопросъ, она отвѣчаетъ «Анна». Д. спрашиваетъ родителей, какъ зовутъ ихъ дѣтей—они называютъ имена православныя, и на вопросъ: «какъ же ихъ зовутъ по мусульмански?» съ раздраженіемъ отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ вторыхъ именъ, зачѣмъ же ихъ объ этомъ спрашиваемъ.

Оказывается, что весной нынѣшняго года, братъ этого домохозяина отпалъ въ мусульманство. На вопросъ, уговаривалъ ли онъ брата не отпадать, домохозяинъ отвѣчаетъ, что онъ и не зналъ, что братъ намѣревался отпасть. На вопросъ же, бывають ли братья православный и отпавшій другъ у друга, отвѣчаетъ утвердительно и прибавляетъ: «какъ не бывать—родные!»

Мы сказали, что желали бы посмотрѣть, какъ живутъ отпавшіе, какова у нихъ обстановка. Вся семья изволновалась, а хозяйка рѣзко заявила, что не стоитъ ходить къ нимъ, а достаточно посмотрѣть на жизнь и обстановку православныхъ,

потому что отпавшіе живутъ точно также, какъ, напримѣръ, въ ея домѣ, развѣ только та разница, что въ ея избѣ на стѣнѣ виситъ «дощечка-икона»; (это ея собственное выраженіе), а отпавшіе «осмѣлились и выбросили».

Д. заговорилъ о церкви, кѣмъ она построена, и довольны ли православные, что у нихъ есть церковь, хорошъ ли священникъ; отвѣтъ все тотъ же: «зачѣмъ насъ спрашивать, мы ничего не знаемъ».

Вообще видно, что эти люди боятся, чтобы имъ не пришлось отвѣчать за каждое слово.

Несомнѣнно, что эта семья готова къ отпаденію, удивительно, что она удержалась при послѣднемъ волненіи.

Мы вышли на улицу подавленные. Идемъ обратно по направленію къ церкви,—намъ на встрѣчу съ грохотомъ катитъ татарская телѣга, а на ней сидитъ молодой круглолицый крещенинъ въ войлочной бѣлой шляпѣ. Узнавъ Д., онъ круто остановилъ лошадь, бросилъ вожжи, соскочилъ и, подойдя къ нему, радостно его привѣтствовалъ по имени и отчеству; далѣе поился потокъ непонятныхъ для меня гортанныхъ звуковъ. Завязался оживленный разговоръ, прерванный такъ же внезапно, какъ онъ былъ начатъ, — крещенинъ вскочилъ на телѣгу, сѣлъ, свѣсивъ ноги, и съ грохотомъ покатилъ далѣе. Онъ оказался родственникомъ Д. и остановилъ его, чтобы спросить, какая разница между душой человѣка и душой животныхъ. Онъ прочиталъ въ какой то книгѣ что то, наведшее его на эту мысль, и хотѣлъ высказать Д. свои недоумѣнія и просвѣтиться. Этотъ жизнерадостный молодой философъ составлялъ поразительный контрастъ съ только что видѣнными нами людьми.

Мы зашли въ два дома отступниковъ, но застали однихъ дѣтей—по виду и костюму совершенныхъ татаръ-мусульманъ. Мальчики бѣгаютъ, конечно, въ тубетейкахъ и безъ пояса;

дѣвочки повязываются платками по татарски, то есть не косынкой, а связывая подъ подбородкомъ оба рядомъ находящіеся угла.

Зашли въ домъ православныхъ; застали за самоваромъ хозяина, хромого, типа городского мѣщанина. Хозяйка угощала чаемъ гостя — портного мусульманина изъ другого селенія. Хозяинъ любезно взялся провожать насъ по избамъ отступниковъ, куда мы не рѣшались соваться одни.

На улицѣ намъ встрѣтился мѣстный священникъ; отъ быстрой ходьбы такъ и развѣвались полы его чистой новой рясы, на которой блестѣлъ серебряный крестъ. Батюшка, очевидно, принарядился для насъ. Онъ повелъ насъ въ самый конецъ улицы въ домъ отпавшаго. По заявленію мѣстнаго учителя, этотъ домъ — главное гнѣздо отступничества. Старикъ-хозяинъ оказался на пчельникѣ, но въ избѣ на нарахъ лежала старушка; вскорѣ въ избу вошелъ сынъ старухи — мужикъ лѣтъ 35-ти, нездоровался; подавая намъ руку, и сталъ у печки. Вслѣдъ за нимъ явился старшій братъ и съ мрачнымъ видомъ грузно сѣлъ на нары.

На лицахъ мужиковъ выражается злоба. Они уже не хитрятъ и не стараются скрытничать; кажется, что они едва сдерживаются, чтобъ насъ не прогнать, видно, что имъ хочется сказать намъ: «зачѣмъ пришли, уходите по добру по здорову». На вопросы, задаваемые по-русски, они совсѣмъ не отвѣчаютъ, прикидываются не понимающими. Д. пришлось говорить съ ними по-татарски. На вопросъ, какъ ихъ зовутъ, они прямо объявляли свои мусульманскія имена. Хозяева бритые, въ тюбетейкахъ, безъ пояса; вся обстановка дома чисто-мусульманская: на стѣнѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась, вѣроятно, икона, виситъ лубочная картина съ арабскими текстами.

Оба брата зимой портняжатъ у башкиръ въ Уфимской губерніи; на вопросъ, грамотны ли они, ходили ли въ школу,

отвѣчаютъ отрицательно; на самомъ же дѣлѣ они ходили въ школу. Это во время разговора вышло наружу, и тогда старшій братъ сказалъ, что онъ не знаетъ, ходилъ-ли онъ въ школу или нѣтъ; только помнить, что лѣтъ 8—9 сталъ уже портничить; когда же старуха мать припомнила, что онъ впервые сталъ портничить уже лѣтъ 14-ти, то сынъ очень недружелюбно посмотрѣлъ на мать. Мы заговорили о школѣ, о грамотѣ; оба брата согласились, что хорошо обучать дѣтей грамотѣ, но на совѣтъ отдавать дѣтей въ братскую школу отвѣчали уклончиво. Разговоръ не клеился, и мы скоро ушли изъ этого дома съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ.

III.

Передъ отъѣздомъ изъ Саврушъ мы зашли къ священнику, о. Т., назначенному сюда по окончаніи имъ миссіонерскихъ курсовъ, но все таки мнѣ непонятно, почему этотъ батюшка былъ назначенъ въ Савруши. Онъ чувашинъ, а крещеные татары не любятъ чувашъ, относятся къ нимъ презрительно. Для чувашина даже трудно вполне чисто объясняться на татарскомъ языкѣ, знать всѣ его тонкости. Такъ мнѣ потомъ крещеные татары рассказывали, что Саврушскій батюшка во время поученій иногда употреблялъ арабскія слова напримѣръ, слово «книга» выразилъ арабскимъ терминомъ «китабъ», между тѣмъ, какъ есть разговорно-крещенское слово «кнега». Это очень смутило православныхъ прихожанъ, но обрадовало отступниковъ и магометанъ, которые заключили, что священникъ заговорилъ по магометански.

Изъ бесѣдъ съ этимъ священникомъ я вынесла мало отраднаго. Меня сначала было обрадовало его заявленіе, что тѣ семьи, члены которыхъ учатся въ крещено-татарской школѣ,

не отпадаютъ отъ православія; онъ даже привелъ въ примѣръ одинъ домъ, откуда родители желали отдать дѣтей въ крещено-татарскую школу, но имъ не удалось ихъ туда опредѣлить, и семья отпала. Батюшка выразилъ убѣжденіе, что еслибъ мальчиковъ приняли, то семья удержалась бы, такъ какъ онъ знаетъ много случаевъ, когда поступленіе дѣтей въ крещено-татарскую школу спасало всю семью отъ отпаденія.

Послѣ такого заявленія я думала, что батюшка самъ будетъ разсуждать въ духѣ крещено-татарской школы. Но оказалось иначе. Отецъ Т. изложилъ намъ подробно, что единственнымъ средствомъ удержать Саврушцевъ въ христіанствѣ это примѣненіе крутыхъ мѣръ, напримѣръ выселеніе отпавшихъ въ другія селенія, что отпавшіе боятся наказанія, а остающіеся въ православіи искренно желаютъ, чтобъ наказаніе дѣйствительно было. На вопросъ, знаетъ ли онъ свой приходъ, онъ отвѣтилъ, что онъ здѣсь недавно, а до поступленія сюда даже не слыхалъ, что могутъ быть подобные приходы, а еслибъ зналъ заранѣе, что онъ въ такомъ состояніи, никогда бы не согласился сюда поступить.

Д. вступилъ съ нимъ въ горячій споръ, твердилъ, что крутые мѣры не примѣнимы въ дѣлѣ христіанства, что тутъ нужно миссіонерское воздѣйствіе священника и школы, но что нужна не проповѣдь словесная, не полемика, а незамѣтное привлеченіе души къ христіанству. Батюшка сначала слушалъ довольно равнодушно, но когда Д. началъ горячиться и упорно ему втолковывать, что дѣло миссіонерское дѣло цѣлой жизни и тогда только можетъ быть успѣшно, когда къ нему относятся сердечно, съ любовью, безъ крутыхъ мѣръ, тогда онъ началъ запальчиво возражать, что все это ни къ чему, что сдѣлать ничего нельзя, и что одна надежда на крутыя мѣры.

Странно было слѣдить за этимъ ожесточеннымъ споромъ между міряниномъ, защищающимъ христіанскую точку зрѣнія,

и священникомъ, стоящимъ на полицейской почвѣ. Въ заключеніе послѣдній объявилъ, что, если начальство не поддержитъ то пусть ужъ отпадаютъ, что ему «жалко православія», а лично для него все равно, беспокоиться нечего, «переведутъ въ другой приходъ».

Крещеные татары послѣ мнѣ рассказывали про одного священника, назначеннаго къ отступникамъ, что когда онъ пріѣхалъ въ приходъ, то при первомъ свиданіи съ отступниками говорилъ имъ: «братцы, распродайте вашу скотину и вещи: васъ ссылаютъ въ Сибирь за отступничество. Но я даю вамъ 2 недѣли на размышленіе: подумайте, можетъ быть вернетесь къ православію и тогда васъ не потревожатъ, оставить здѣсь». Прошло 2 недѣли, однако отступниковъ въ Сибирь не сослали, и авторитетъ священника въ ихъ глазахъ съ того времени рухнулъ.

Рассказывали также про о. Т., что онъ ходитъ по домамъ отпавшихъ съ револьверомъ въ карманѣ, и беретъ съ собой провожатаго, изъ опасенія, чтобъ его не избили. Прихожане запираютъ ворота, но священникъ такъ или иначе отпираетъ ихъ и ругаетъ крещеныхъ, говоря: «вы не имѣете права запираеть ворота отъ меня, я посланъ самимъ Государемъ; я долженъ ходить по вашимъ домамъ и учить васъ».

Насколько точны эти рассказы, не знаю, во всякомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ взглядамъ, высказаннымъ при мнѣ о. Т. Обидно слышать такіа мнѣнія отъ инородца и досадно, что посвятили и поставили на такой важный пунктъ именно такого человѣка, когда изъ инородцевъ столько есть прекрасныхъ кандидатовъ, которымъ не удастся добиться мѣста священника.

Въ Савруши часто ѣздятъ миссіонеры, одинъ изъ нихъ жилъ тамъ осенью нѣсколько недѣль, но изъ этого никакого толку не выходитъ. Народъ на бесѣды сгоняется помощью

полиціи. Миссіонеръ бранитъ исламъ, народъ озлобляется, и этимъ кончается все дѣло. Говорятъ даже, что оставшихся въ православіи миссіонеръ утѣшалъ обѣщаніемъ, что отступники непремѣнно будутъ наказаны начальствомъ, но неизвѣстно, когда наступитъ часъ кары,—православные ждутъ его съ нетерпѣніемъ.

Церковь въ Саврушахъ была освящена въ іюнѣ 1904 года Казанскимъ архіепископомъ. По этому случаю онъ говорилъ народу проповѣдь на рускомъ языкѣ, причемъ, по словамъ крещеныхъ татаръ, запретилъ ее переводить на инородческій языкъ. Собравшимся инородцамъ онъ сказалъ «вы русскіе».

Народу было множество, многіе припили съ пѣлю по-смотрѣть, какъ будутъ наказывать отступниковъ, такъ какъ предполагалось, что съ пріѣздомъ архіерея и становаго непременно будетъ какое нибуть наказаніе для отпавшихъ; но никто ихъ, конечно, не наказывалъ, и это очень огорчило рѣшившихся остаться членами православной церкви, общее мнѣніе которыхъ, что безъ крутыхъ мѣръ нельзя вернуть въ православіе отпавшихъ и удержать въ православіи склонныхъ къ отпаденію.

По рассказамъ очевидцевъ, послѣ архіерея выступилъ ученый Казанскій протоіерей, считающійся опытнымъ миссіонеромъ. Онъ говорилъ проповѣдь по татарски, но такъ какъ, въ противоположность Ильминскому, онъ всегда былъ привереженецъ книжнаго, а не народнаго языка, то онъ въ своей проповѣди употребилъ массу арабизмовъ; даже одинъ присутствующій здѣсь крещено-татарскій священникъ сказалъ, что ничего не понималъ, а только замѣтилъ, что рѣчь была испещрена арабизмами.

Но для народа проповѣдь эта не прошла безслѣдно: ученый проповѣдникъ, приглашая присутствующихъ молиться, употребилъ выраженіе: «Дуга-кымарга кыряк», означающее «будемъ

молиться». «Дуга» — молитва — есть слово арабское, и среди мѣстнаго населенія съ этимъ словомъ соединяется понятіе о мусульманской молитвѣ и вся фраза имѣетъ значеніе «будемъ молиться по мусульмански».

Между тѣмъ среди крещеныхъ татаръ принято понятіе «будемъ молиться» обозначать чисто-крещенскимъ выраженіемъ: «кляу итьргя киряк»; «кляу» татарское слово; съ нимъ крещеные татары и мѣстные мусульмане соединяютъ понятіе о христіанской молитвѣ, оно же введено и въ книги, издаваемыя Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ. На выраженіе, употребленное протоіереемъ, инородцы обратили вниманіе и склонные къ отпаденію съ торжествомъ говорили: «самъ протоіерей позволилъ намъ молиться по мусульмански».

Когда мы съ Д. вышли изъ дома священника, къ намъ опять подошелъ тотъ крещеникъ, который взялся было насъ провожать по избамъ; но я считала, что довольно видѣла и слышала тяжелаго, и мы направились къ избѣ Марѣ, гдѣ оставили лошадей.

Проходя мимо церкви, я спросила нашего провожатаго, на какія деньги она построена. Онъ отвѣтилъ, не колеблясь «на казенныя». — А кто задумалъ строить церковь? — «Казна».

Эти отвѣты объясняютъ наглядно, почему, когда была построена церковь, тотчасъ-же отпало нѣсколько семействъ. «Казенная» религія, да еще навязанная, никого привлечь не можетъ, а о томъ, чтобъ она сдѣлалась въ понятіяхъ инородцевъ *не казенной*, никто, кромѣ Ильминскаго и его послѣдователей, не заботился.

Ильминскій заботливо насаждалъ школы, онъ же и хлопоталъ о постройкѣ церкви въ Ельшевѣ, для чего нашелъ исключительно частныя средства, но онъ явился слишкомъ поздно, когда исламъ пустилъ уже въ этой мѣстности слишкомъ глубокіе корни. Несмотря на это, еслибы къ дѣлу были при-

ставлены люди, горящие духомъ и близко-стоящіе къ народу; можно было бы еще сдѣлать многое. Но бюрократическій духъ ироническій и въ Духовное вѣдомство отбѣснилъ отъ дѣла живыхъ людей-мірянъ, сотрудниковъ Ильминскаго. Въ замѣнъ тѣхъ мѣръ, которыя дѣйствительно могли оказать на народъ вліяніе, Духовное вѣдомство размножило и напустило на народъ ученыхъ миссіонеровъ, которые озлобили его окончательно. Въ результатъ получилось то настроеніе, которое теперь господствуетъ въ Саврупахъ и которое произвело на меня такое гнетущее впечатлѣніе.

Село расположено на краю обширной зеленой долины, которая развѣтвляется въ разныя стороны; по ней раскинуто нѣсколько селеній, по серединѣ деревушка Три-Сосны, дальше въ глубь Инпурма, а нѣсколько верстъ налѣво жалкое Елышево.

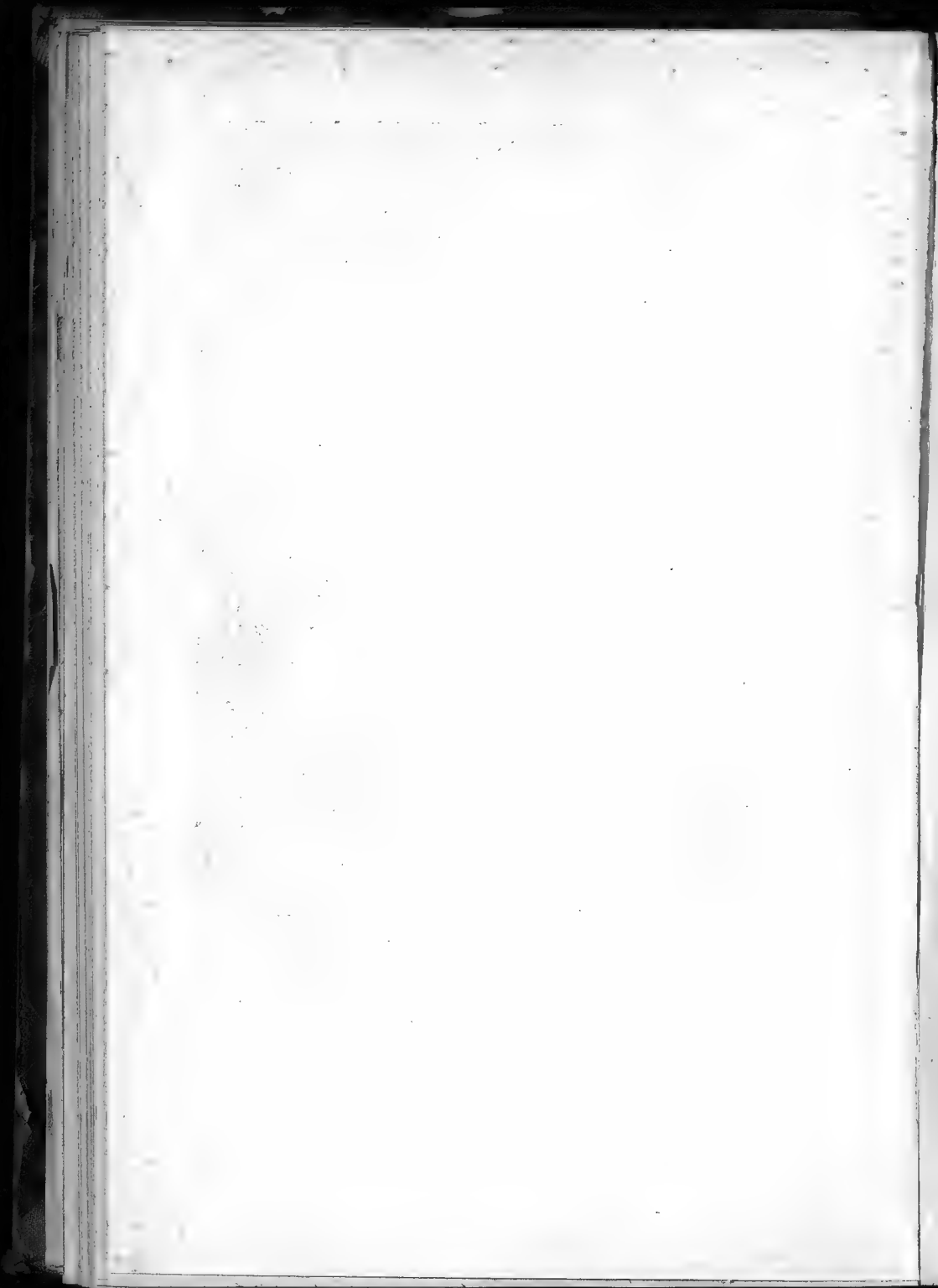
Вкругъ тянется кольцо магомеганскихъ селеній, и тонкіе, изящные минареты ихъ мечетей точно стоятъ на стражѣ этого дѣльнаго міросозерцанія, присущаго духу народа и потому такого сильнаго. Понятно, что оно захватываетъ все новыя части населенія. Священникъ намъ сказалъ, что по слухамъ Инпурма и Три-Сосны хотятъ вѣликомъ отпасть, — а что Савруши тайно наполовину отпало; и по слухамъ тоже хотеть отпасть почти дѣликомъ.

Что же предпринимаютъ наше духовенство, чтобы спасти своихъ пасомыхъ отъ поглощенія исламомъ?

Карательныя мѣры невозможны; увѣщанія миссіонеровъ безсильны. И вотъ нѣкоторые лица (напрѣмѣръ бывшій Симбирскій епископъ Никандръ въ докладѣ своему Св. Синоду отъ 4-го іюля 1888 года за № 4536) предлагаютъ переселять отступниковъ и образовывать изъ нихъ особыя общества съ постройкою церкви и школы, или же расселить ихъ среди крещеныхъ татаръ, укрьпившихся уже въ христіанствѣ 4).

Маронитанская семья.

Такія переселенія практиковались изстари, отступниковъ селили и въ крещено-татарскія и въ чисто русскія села и поручали ихъ надзору духовенства. Однако отпавшіе не только не сливались съ православнымъ населеніемъ, а озлоблялись еще больше и крѣоче льнули къ своимъ мусульманскимъ собратьямъ, которые всячески ихъ поддерживали. Переселенный отступникъ оставляетъ на время свою семью и ѣдетъ въ татарскія селенія; вездѣ и муллы и другія вліятельныя лица встрѣчаютъ его съ распростертыми объятіями, считая его героемъ, подбодраютъ его нравственно и помогаютъ ему материально. Пробѣзжаетъ ли мулла черезъ селеніе, въ которомъ живутъ отступники, онъ непременно навѣститъ ихъ и старается укрѣпить ихъ духъ наставленіемъ и сочувствіемъ.

Когда же дѣти переселеннаго отступника достигаютъ школьнаго возраста, — отецъ ихъ приглашаетъ къ себѣ въ качествѣ гостя какую нибудь женщину или дѣвушку — мусульманку, которая свободно обучаетъ дѣтей мусульманской мудрости; если же семья слишкомъ бѣдна, чтобъ имѣть собственную учительницу, то отдаетъ своихъ дѣтей въ татарскія селенія, гдѣ безъ всякихъ издержекъ дѣти бѣдняка обучаются грамотѣ, исполненію молитвъ и прочихъ предписаній пророка. Дѣти обычно живутъ у муллы, который обучаетъ ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми своей деревни, а за содержаніе и обученіе они прислуживаютъ въ его домѣ.

Поэтому никакое переселеніе не въ силахъ разрушить присущую мусульманамъ взаимную солидарность. Въ качествѣ торговцевъ или работниковъ отступники и коренные магометане все же будутъ сообщаться между собой, тѣмъ болѣе, что отступники не менѣе коренныхъ мусульманъ привязаны къ исламу, и мужественно переносятъ карательныя мѣры.

Что же однако предпринять для воссоединенія отступниковъ съ церковью? На основаніи опыта дѣятельности миссіонеровъ

прошлаго и настоящаго времени можно сказать, что если наша православная миссія не перемѣнитъ способовъ воздѣйствія на отступниковъ, то горькіе плоды просвѣтительной дѣятельности прошлаго XIX столѣтія повторяются и въ настоящемъ, — это цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ, связки исписанной бумаги по вопросу объ уклоненіяхъ, обращеніяхъ, словомъ повторится та-же сложная канцелярская переписка съ разными вѣдомствами, учреждениями и все кончится резолюціей предать упорныхъ вѣчному осужденію и дѣло прекратить.

И дѣйствительно, какое можетъ быть вліяніе миссіонера, когда онъ времени отъ времени является къ отступникамъ въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ и, остановившись на квартирѣ, чрезъ подобающую власть требуетъ къ себѣ на увѣщаніе отступниковъ. На такого благовѣстника Евангелія отступники смотрятъ какъ на чиновника, посланнаго отъ начальства, и думаютъ только объ одномъ, какъ бы скорѣе уйти домой, избавиться отъ терзаній; на всѣ вопросы миссіонера они отвѣчаютъ уклончиво, въ споры съ нимъ не вступаютъ. Миссіонеръ самъ чувствуетъ натянутость, и потому бесѣды большей частью бываютъ коротки: задается отступникамъ нѣсколько вопросовъ, — почему они уклонились отъ церкви, по чьему наученію, не желаютъ ли подумать о возвращеніи въ лоно церкви. Спрошенные, конечно, отвѣчаютъ, что въ христіанство возвращаться не хотятъ, и миссіонеръ докладываетъ начальству о необыкновенномъ упорствѣ отступниковъ въ своемъ нечестивомъ заблужденіи, о жесткости ихъ характера, и о томъ, что имъ, миссіонеромъ, сдѣланы соотвѣтствующія увѣщанія на основаніи слова Божія и правилъ церковныхъ съ кротостью, любовью и терпѣніемъ. Съ самаго начала отступническаго движенія подобныя рекламы миссіонеровъ о своей пастырской дѣятельности губили благовѣстническое дѣло.

А между тѣмъ есть люди, жаждующіе просвѣщенія своихъ

крещеныхъ собратьевъ, и готовые посвятить свою жизнь этой высокой цѣли. Таковъ напримѣръ, ѣздившій со мной въ Савруши крещеный татаринъ Д. Онъ окончилъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ, въ 1893 году окончилъ Казанскую инородческую учительскую семинарію, прошелъ въ Симбирскѣ курсъ духовной семинаріи и наконецъ окончилъ Казанскую духовную академію, гдѣ былъ на миссіонерскомъ отдѣленіи.

По своему племенному происхожденію, по развитію и подготовкѣ онъ особенно пригоденъ къ миссіонерской дѣятельности; онъ горитъ желаніемъ послужить своему народу, приложить на дѣлѣ пріобрѣтенныя знанія. Въмѣсто этого Духовнымъ вѣдомствомъ ему было предложено мѣсто учителя греческаго языка, а затѣмъ учителя математики въ городскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Желая завязаться миссіонерствомъ, онъ просилъ у архіерея мѣсто законоучителя въ Казанской крещено-татарской школѣ, но получилъ отвѣтъ: «надѣнь рясу, иначе нельзя».

Въ виду его наклонностей и его спеціальной подготовки, мнѣ было особенно интересно обсуждать съ этимъ крещениномъ вопросы о правильной постановкѣ дѣла инородческаго просвѣщенія. Слушая его разсужденія, я искала въ нихъ и отпечатка того духа сепаратизма, которымъ, согласно ходячему въ Петербургѣ мнѣнію, одержима инородческая интеллигенція, но я все больше и больше убѣждалась въ томъ, что этотъ сепаратизмъ чистый вымыселъ, хотя со стороны русскаго духовенства было сдѣлано многое, чтобъ возбудить въ инородцахъ духъ отчужденія и вражды. Д. разсказалъ мнѣ, что инородецъ, поступающій въ духовныя учебныя заведенія, подвергается страшнымъ насмѣшкамъ, «Я самъ это испыталъ», сказалъ онъ печально. «Когда я учился въ духовной семинаріи, я чувствовалъ страшное презрѣніе къ себѣ со стороны и ректора,

и профессоровъ, и товарищей, меня называли собакой, не могу безъ ужаса вспомнить о годахъ ученія въ духовной семинаріи».

Въ этомъ родѣ мнѣ говорили о себѣ семинаристы—вотяки, говорилъ одинъ чувашинъ, нынѣ завоевавшій себѣ нѣкоторую извѣстность и въ печати по вопросамъ инородчества.

Если послѣ этого инородецъ не утратилъ своей любви и стремленій ко всему русскому, то за будущія его чувства можно быть спокойнымъ. Д. энергично отрицаетъ всякій сепаратизмъ у крещеныхъ инородцевъ. «Инородческая интеллигенція постепенно русѣеть», говорилъ онъ, «совершенно обрусѣваетъ, сепаратизма безусловно нѣтъ».

Я заговорила объ инородческой школѣ и о постановкѣ въ ней преподаванія русскаго языка. «Я сталъ мыслить по русски лишь въ концѣ курса духовной семинаріи», сказалъ Д., «а до этого всегда думалъ по-татарски. Я сочиненія всегда писалъ по-татарски и затѣмъ переводилъ ихъ на русскій языкъ. Вотъ какой долгій путь потребовалось пройти, прежде чѣмъ я выучился думать по русски. Такъ чего же требовать отъ школьниковъ».

«Инородческая школа воспитательная».

«Въ крещено-татарской школѣ и Казанской учительской семинаріи есть направленіе идти въ народъ, служить народу. Закваска, вложенная Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ и о. Василиемъ Тимофеевичемъ осталась, и нынѣшніе дѣятели ее поддерживаютъ. Вышедшіе изъ крещено-татарской школы все льнутъ къ своему народу, желаютъ его просвѣтить. Въ прошедшихъ-же русскую школу общаго типа замѣчается оторванность отъ среды, изолированность отъ общественной жизни, узкій личный матеріализмъ.

«Школа по системѣ Ильминскаго сдѣлала то, что крещеные татары сознательно относятся къ христіанству, чѣмъ сами русскіе.

«Въ крещено-татарской школѣ, напримѣръ, исполнѣ определенное направленіе воспитанія. Разница между ней и напримѣръ двухклассной, или второклассной Дюсметевской школой та, что въ Дюсметевской нѣтъ направленія. Учителя, окончившіе крещено-татарскую школу, работаютъ въ полѣ, а Дюсметевскіе оторваны отъ народа и пахать сочтутъ стыдомъ. Окончившіе двухклассныя церковныя школы можетъ быть лучше знаютъ по русски, но не удовлетворяютъ желанію населенія, такъ какъ отходятъ отъ него».

Д. сталъ вспоминать Н. И. Ильминскаго, при которомъ онъ началъ свое образованіе. «Онъ былъ колоссъ», сказалъ онъ съ жаромъ, всѣ инородцы его помнятъ и данное имъ и о. Василиемъ Тимофеевичемъ направленіе любить свой народъ и страстно стремиться къ миссіонерству — остается. Точно и теперь Николай Ивановичъ невидимо работаетъ».

IV.

Приведу еще отрывки изъ записи—разговоровъ съ бывшими воспитанниками учительской семинаріи, получившими впоследствіи высшее образованіе, съ которыми я познакомилась во время этой поѣздки.

Всѣ они, подобно ученикамъ крещено-татарской школы, съ благодарностью вспоминаютъ о воспитавшихъ ихъ учебныхъ заведеніяхъ—вещь, встрѣчающаяся въ настоящее время весьма рѣдко — и имѣютъ нѣкоторые общія идеи, по которымъ ихъ всегда можно указать.

П. сынъ одного изъ первыхъ учениковъ Ильминскаго. Онъ жаловался мнѣ, что уже забываетъ татарскій языкъ, и хотя для себя лично радъ этому обрусѣнію, но ему необходимо помнить свой языкъ, чтобъ имѣть возможность служить просвѣщенію своего народа, что составляетъ его завѣтное желаніе. По-

этому онъ лѣтомъ въ деревнѣ старается подновлять свои знанія языка и упорно ищетъ соотвѣтствующей его желаніямъ дѣятельности.

Но добиться этого не легко, такъ какъ никто ни въ Духовномъ вѣдомствѣ, ни въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не заботится о томъ, чтобъ направлять подготовленныхъ лицъ туда, гдѣ они могутъ быть полезны.

Инспектора народныхъ школъ не знаютъ инородческихъ языковъ; не знаютъ ихъ и большинство миссіонеровъ; а инородцы, получившіе специальную подготовку, не имѣютъ возможности приложить своихъ знаній. П. долго рассказывалъ мнѣ о бесполезности противумусульманской полемики, и вспоминалъ тѣ способы просвѣщенія инородцевъ, которые были введены покойнымъ Ильминскимъ.

Во всѣхъ бесѣдахъ П. слышалась глубокая скорбь по поводу тѣхъ мѣръ, которыя принимаются духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ для обрусѣнія инородцевъ, и которыя только мѣшаютъ ихъ сближенію съ русскими. П. и нѣкоторые другія лица рассказывали мнѣ какъ въ Духовномъ вѣдомствѣ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія перемѣщаютъ русскихъ учителей въ инородческія школы, а инородческихъ—въ русскія, и въ церковныхъ и въ свѣтскихъ—земскихъ и министерскихъ школахъ изгоняются инородческія книги и преслѣдуются инородческіе языки.

Что же можетъ изъ этого выйти? —И есть ли худшіе сепаратисты, чѣмъ насильственные обрусители? Русское учебное и духовное начальство думаетъ, что все дѣло въ дипломахъ; оно ищетъ не человѣка — а извѣстнаго рода патента. Они ставятъ на живое дѣло людей, порвавшихъ всякую связь съ средой. Они забываютъ, что жизнь зарождается только отъ жизни, и при видѣ малыхъ результатовъ народной школы стонутъ надъ косностью крестьянской массы и говорятъ, что негра-

мотные лучше и нравственнѣе грамотныхъ, и что школы безполезны.

Не есть ли такое утвержденіе приговоръ надъ самимъ собой?

Ильминскій смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ игнорировалъ программы, миновалъ циркуляры, отвергалъ на сколько было возможно, всякія формальности, но искалъ жизни, и потому поодержалъ жизнь во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ.

Не только 14-ти лѣтніе ученики крещено-татарской школы, посылаемые на учительскія мѣста, оставались слитыми съ своей крестьянской средой, но не отрывались отъ нея и образованные юноши, окончившіе учительскую семинарію.

Это мнѣніе П. подтверждается на каждомъ шагѣ. Такъ я видѣла, между прочимъ одного изъ нихъ А. П. окончившаго курсъ еще при жизни Ильминскаго. Онъ сынъ русскаго крестьянина, нѣсколько лѣтъ былъ сельскимъ учителемъ, потомъ поступилъ въ одинъ изъ учительскихъ институтовъ, ѣздилъ за границу и теперь состоитъ учителемъ средняго учебнаго заведенія. За все это время онъ каждый годъ, пріѣзжая на лѣто къ родителямъ, работалъ съ ними въ полѣ, и только послѣдніе 2 года, утомленный работой въ городѣ, пересталъ это дѣлать. На огородѣ за домомъ отца, онъ построилъ себѣ маленькій деревянный домикъ, гдѣ проводить лѣто съ женой и ребенкомъ. Онъ тщательно обсадилъ его фруктовыми деревьями и ягодными кустами. А. П. съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ свою «дачу», говорилъ, что мечтаетъ завести пчельникъ. Въ домѣ только одна комната и кухня, но чисто, свѣтло, весело, мило. Самъ хозяинъ сіяетъ; онъ вполне развитой человѣкъ, одѣтъ «баринкомъ», но вкусы сохранилъ сельскіе.

Онъ рассказывалъ мнѣ о годахъ ученія въ учительской семинаріи, благоговѣлъ передъ памятью Ильминскаго и съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ о его урокахъ педагогики,

на которыхъ онъ никакой программы не придерживался, а рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ, любилъ говорить о житейскихъ поучительныхъ вещахъ, толковалъ псалтирь и т. п. Хотя предмета по программѣ Ильминскій не проходилъ, но учениковъ развивалъ и имѣлъ на нихъ большое вліяніе.

Вообще въ то время строй учительской семинаріи былъ въ противорѣчій со всякими предписаніями и программами, что не мѣшало ей выпускать людей идеи и дѣла. Въ то время «начальство» не ставило себѣ задачей травли живыхъ людей и предоставляло имъ право работать. А. П. вѣдѣлъ меня и въ домъ своего отца. — Изба просторная, въ двѣ большія комнаты. Семья была въ полѣ, за исключеніемъ дѣтей и старой бабушки, которая очень расхваливаетъ своего ученаго внука, и очевидно души въ немъ не чааетъ. Дворъ прекрасно обстроенъ, скотины много, однимъ словомъ полная чаша.

При бесѣдѣ съ учителемъ, уже солиднымъ 35 лѣтнимъ человѣкомъ, представителемъ вышедшей изъ крестьянской среды умственной культуры, становится яснымъ, что въ Казанской учительской семинаріи найденъ тотъ путь, по которому можно поднимать уровень народной массы, а не отторгать отъ нея путемъ школы отдѣльныя болѣе сильныя единицы.

Крестьянскій сынъ, получившій образованіе, зимой живетъ умственной и духовной жизнью, а лѣто проводитъ среди своихъ, съ ними работаетъ, съ ними бесѣдуетъ.

Такъ культура постепенно проникаетъ въ народъ.

Но для этого нуженъ тотъ типъ учителя и такой строй школы, который выработался въ Казанскомъ краѣ и который поразилъ меня при первомъ знакомствѣ съ учительской семинаріей, а затѣмъ съ школами братства св. Гурія; для этого, кромѣ близкаго народу учителя, нужна понятная народу наука, нуженъ родной ему языкъ.

Мусульмане давно поняли эту элементарную истину, и на

ней строить всю систему преподаванія. Мнѣ пришлось бесѣдовать на эту тему съ образованнымъ мусульманиномъ, который состоитъ учителемъ въ нѣсколькихъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ говорилъ мнѣ: «кто учится *не* на родномъ языкѣ, тотъ глупый человѣкъ, бесполезный для своихъ. У такого человѣка развитіе останавливается тамъ, гдѣ кончилось ученіе на родномъ языкѣ. Даже если онъ ученый, онъ не можетъ объяснить тонкихъ вопросовъ на родномъ языкѣ и потому его не почитаютъ. По русски сказать можетъ (если съ самаго начала учился по русски), а на своемъ языкѣ сказать не можетъ. Поэтому такой человѣкъ какъ бы отдѣляется отъ своего народа, не можетъ на него вліять и быть ему полезенъ. Обрусители скажутъ, что это очень хорошо, но они забываютъ, что татаринъ, учившійся въ русской школѣ, если онъ не знаетъ хорошо татарскую грамоту, отъ своего-то народа отдѣлится, но и къ русскимъ не пристанетъ, а будетъ тупымъ межеумкомъ».

«Въ мусульманскомъ мірѣ желаютъ научиться русскому языку, но при этомъ ни за что не оставляютъ роднаго и арабскаго. Въ мектебѣ въ деревняхъ русскому языку совсѣмъ не учатъ, (за очень рѣдкими исключеніями) и преподаваніе идетъ на татарскомъ языкѣ. Преподаютъ коранъ по арабски и татарскую грамотность по звуковому методу. Во многихъ мектебѣ въ городахъ преподаютъ русскій языкъ.

Въ медресахъ преподаваніе идетъ по-татарски по арабскимъ книгамъ, которыя переводятся на татарскій языкъ. При медресахъ бываютъ иногда русскіе классы, хотя пока при немногихъ. Вообще мусульмане стали стремиться къ знанію русскаго языка, кто порусски не знаетъ, считается у нихъ не вполне образованнымъ.

«30 лѣтъ назадъ сваха, предлагая невѣсту, не смѣла сказать, что она умѣетъ писать по-татарски.

«15 лѣтъ назадъ сваха, хваля невѣсту, говорила, что она умѣетъ по-татарски читать, но не писать.

«Спустя еще нѣсколько лѣтъ сваха стала говорить, что невѣста умѣетъ читать и писать по-татарски; а теперь она говоритъ уже, что невѣста умѣетъ читать и по русски.

«Прежде грамотность для женщины считалась грѣхомъ, такъ какъ грамотная женщина имѣла возможность написать любовное письмо. По исламу, грамотность для женщины не запрещается, но муллы—фанатики имѣли воззрѣніе, что это грѣхъ».

«Теперь мусульмане вездѣ пробудились и ищутъ образованія. Есть фанатики, которые учатъ своихъ дочерей русскому языку, а когда другіе фанатики ихъ за это упрекаютъ, говорятъ: «женихи виноваты, они хотятъ, чтобъ невѣста знала по-русски».

«Образовательное движеніе началось въ Турціи, потомъ въ Египтѣ, потомъ независимо отъ этого въ Россіи. Во главѣ мусульманскаго движенія въ Россіи находится газета «Переводчикъ» издаваемая бахчисарайскимъ городскимъ головой Гаспринскимъ. Вообще среди мусульманъ теперь сильная потребность образованія; исторія и географія очень интересуютъ татаръ и расширяютъ ихъ кругозоръ. Они стремятся къ знакомству съ европейской наукой и слѣдятъ за вѣяніями вѣка».

Воспользовавшись любезностью моего собесѣдника, я стала его разспрашивать о побоищѣ, которое произошло на Казанскихъ улицахъ 15 мая 1904 года.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это побоище было вызвано епархіальнымъ миссіонеромъ. «Имъ надо оправдать свое жалованье, поэтому они подбираютъ отбросы среди мусульманъ и прославляютъ себя. Мусульманству это выгодно, потому что оно избавляется отъ дурныхъ людей, но простой народъ этимъ огорчается. Вообще крестятся только люди, никуда не годные или не имѣющие никакихъ убѣжденій; иногда студенты крестятся,

когда имѣють православную сожительницу и желаютъ съ ней обвѣнчаться».

«Въ дѣлѣ 15-го мая обстоятельства были слѣдующія. Въ Казани есть русская лавочница, вдова, которая держала работника, парня лѣтъ 18, и отъ него должна была скоро родить. Чтобы исправить бѣду, она рѣшилась выйти за него замужъ, а для этого велѣла работнику креститься. Тотъ обратился къ миссіонеру, и вотъ они устроили торжественное крещеніе въ татарской части города — именно чтобъ показать свое торжество мусульманамъ. Повезли изъ собора чрезъ татарскій базаръ огромную купель. — Зачѣмъ везете купель? спрашиваютъ мужики. Собаку татарина крестить, отвѣчаютъ рабочіе».

«Ранѣе одиночные случаи крещенія совершались обычно въ соборѣ и мусульмане объ нихъ не всегда и узнавали, а тутъ крещеніе совершали среди дня, когда на базарѣ много народа. Передъ церковью, которая близъ самаго базара, собралась толпа. Миссіонеръ увидѣлъ толпу, испугался, побѣжалъ въ сосѣдній трактиръ и вызвалъ по телефону полицію. Новокрещенаго изъ церкви торжественно повели *тѣшкомъ* черезъ татарскій базаръ. Сзади него шла его мать и громко по татарски плакалась, что злые люди «испортили», «опоганили» ея сына. Это взволновало толпу. Среди народа прошелъ слухъ, что молодой человѣкъ еще несовершеннолѣтній и что его взяли у матери и окрестили насильно. Народъ хотѣлъ вернуть его матери, полиція думала, что его хотятъ убить. Въ тѣснотѣ возникла драка, кто ее началъ, русскіе-ли, отталкивавшіе напиравшую толпу, или татары, разобрать трудно, но въ результатѣ явилась конная полиція и пустила въ ходъ нагайки. Были избиты съ обѣихъ сторонъ».

«Миссіонеръ въ форменной фуражкѣ съ кокардой, провожавшій новокрещенаго, все время издали наблюдалъ за дра-

кой. Новокрещенинъ, вѣроятно, обвинчался съ развратной вдовой. Татары, когда узнали въ чемъ дѣло, были рады, что избавились отъ сквернаго парня, но глухое недовольство все же остается. При солидарности мусульманскихъ племенъ между собою—эта исторія несомнѣнно огласится или огласилась въ киргизской степи и Средней Азійи и извратится во вредномъ для русскаго престижа духѣ. Вообще миссіонеры много содѣйствовали возбужденію враждебности мусульманъ противъ русскихъ».

Далѣе г. * . рассказалъ мнѣ, что киргизы, пока не было миссіонеровъ, не знали мусульманства и не учили ему своихъ дѣтей, за исключеніемъ немногихъ богачей, имѣвшихъ возможность, нанимать учителей татаръ. «Бѣдняки считали себя на словахъ мусульманами, но ничего не понимали въ исламѣ и ничего не исполняли. Когда явились миссіонеры, и стали бранить исламъ, тогда всѣ киргизы подумали, что правительство хочетъ обратить ихъ въ христіанство, и догадались, что если ихъ дѣти не будутъ знать ислама, то ихъ легко могутъ обратить въ христіанство. Обученіе дѣтей сразу сдѣлалось существеннымъ вопросомъ среди киргизъ, и всѣ, даже самые бѣдные, стали обучать дѣтей мусульманской грамотѣ, нанимая учителями на тѣто татаръ учениковъ изъ медресъ.

«Миссіонеры догадались. Полиція стала запрещать татарамъ ученикамъ и мулламъ ѣздить къ киргизамъ. Тогда тѣ же муллы и ученики стали ѣздить туда подъ видомъ торговцевъ, и киргизы стали еще усерднѣе отатариваться. Теперь полиція даже по городамъ наблюдаетъ, чтобъ не было учителей-татаръ, но теперь уже поздно. Дѣло уже сдѣлано. Киргизы уже стоятъ на собственныхъ ногахъ и больше не поддаются миссіонерамъ. Чѣмъ миссіонеры будутъ дѣйствовать сильнѣе, тѣмъ киргизы будутъ фанатичнѣе и начнутъ даже распространять антиправительственные слухи. Эти слухи про-

никнуть въ Бухару, Хиву и Индію. У киргизъ нѣтъ газетъ и нѣтъ никакихъ другихъ развлеченій, и они живутъ слухами. Они ѣздятъ за 100 верстъ, чтобъ узнать, нѣтъ-ли новости».

«Еслибъ не было русскихъ миссіонеровъ, то мусульманскіе миссіонеры въ 50 лѣтъ не могли бы такъ отатарить киргизъ, какъ это сдѣлали русскіе миссіонеры за 15—20 лѣтъ. Этому татары очень радуются. У нихъ каждый торговецъ миссіонеръ».

Разсказывающій мнѣ эти факты образованный мусульманинъ сказалъ въ заключеніе: «я нахожу, что теперь въ ХХ вѣкѣ не надо бы руководиться взглядами прошлыхъ вѣковъ. Искреннихъ магометанъ никогда нельзя будетъ обратить въ христіанство, потому что они имѣютъ прекрасную религію, которая не хуже христіанства. Для народа исламъ даже понятнѣе».

«Затѣмъ исламъ связанъ съ національностью. Есть ученые мусульмане, которые не признаютъ никакой религіи, предпочитаютъ ей философію, но и они не хотятъ официально отказать отъ ислама. Они выражаются такъ: если исламъ не религія, то онъ прекрасная старая философія нашихъ предковъ. Если Магометъ не былъ пророкомъ, то онъ былъ философомъ».

«Христіанство они считаютъ нелогичнымъ, потому что восточная психологія не можетъ принять за истины тайны христіанства».

«Въ Казани пока миссіонеры держатся тише; но въ Оренбургѣ, по слухамъ, они дразнятъ татаръ. Въ коранѣ сказано: «если слова Божіи (коранъ) ниспослать на гору, то она не можетъ терпѣть». и вотъ разсказываютъ, что миссіонеры кладутъ книжку (коранъ) на телегу и говорятъ «видите, не проваливается».

«Мусульмане распространяют запрещенныя книги, сочиненія Толстого. И русскіе атеисты и евреи тоже распространяютъ среди мусульманъ противухристіанскія понятія».

«Около Семипалатинска, 2 года тому назадъ среди киргизъ гражданская власть отобрала коранъ, выгнала муллу и объявила: «вы съ кораномъ и Магометомъ никакого сношенія не имѣете». Слухъ объ этомъ распространился по всему мусульманству, въ Турцію, Египетъ и Среднюю Азію. Теперь мусульмане думаютъ, что русское правительство врагъ ислама и волнуются; даже казанскіе татары думаютъ, что правительство только ждетъ удобнаго момента, чтобъ искоренить исламъ».

Вообще многіе мнѣ говорили, что мусульмане усердно слѣдятъ за всѣми политическими событіями, читаютъ всѣ русскія газеты, получаютъ также газеты арабскія и турецкія. Хотя мусульмане утверждаютъ, что они не имѣютъ симпатіи къ Японіи, однако простые татары считаютъ неудачи русскихъ Божіей карой, за незаконныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія миссіонеровъ противъ мусульманъ.

Для пополненія описанія мусульманскаго міра, приведу здѣсь 2 характеристики, написанныя однимъ моимъ знакомымъ крещенымъ татаринимъ.

А—въ получилъ русское образованіе въ Троицкомъ городскомъ училищѣ, былъ учителемъ въ русско-татарской школѣ, ему въ настоящее время около 25 лѣтъ, прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, знакомъ съ русской литературой, особенно обнаруживаетъ познанія въ области общественныхъ наукъ: знакомъ съ социальными теченіями Западной Европы, освѣдомленъ и съ исторіей нигилистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, и въ настоящее время усердно слѣдитъ за рабочимъ вопросомъ, интересуется фабрично-заводскими стачками, волненіями учащейся молодежи, и радуется всякому противоправительствен-

ному движенію. Лѣтъ пять назадъ онъ бросилъ учительство, отыскалъ хорошій источникъ обезпеченія (Оренбургскіе купцы-золотопромышленники) и отправился на Востокъ: жилъ въ Бейрутѣ, Каирѣ, Константинополѣ и недавно вернулся въ Россію.

Этотъ въ будущемъ видный соратникъ Гаспринскаго, Байзитова и Ко., все мечтаетъ о централизаціи російскаго мусульманства, если де нельзя думать объ единеніи мусульманъ Россіи подъ властію Султана. Онъ зорко слѣдитъ за всѣми мѣропріятіями, направленными по отношенію къ инородцамъ, знакомъ и съ принятой въ Восточной Россіи системой просвѣщенія инородцевъ Ильминскаго и скорбитъ по поводу ощутительныхъ успѣховъ отъ примѣненія этой системы. А—въ читалъ и изучалъ сочиненія Ильминскаго и особенно внимательно останавливался на письмахъ его къ Побѣдоносцеву, въ частности отчетливо цитуетъ тѣ изъ писемъ Ильминскаго въ которыхъ онъ касается вопроса о мусульманствѣ въ Россіи. Онъ не зналъ лично Ильминскаго, но въ немъ кипитъ много нескрываемой злобы на него, за его совѣты по вопросу о кандидатурѣ на муфтійство.

А—въ считаетъ себя недостаточно подготовленнымъ для практической дѣятельности въ Россіи, потому снова спѣшитъ на Востокъ для пополненія своихъ знаній; онъ собирается на этотъ разъ въ Бейрутъ въ американское миссіонерское училище; благодѣтели его обѣщаются снабжать средствами и на будущее время. А—въ говоритъ, что онъ ѣдетъ въ Бейрутъ для полученія европейскаго образованія, но, на самомъ же дѣлѣ, для лучшаго усвоенія духа и направленія мусульманскаго Востока; когда ему предложенъ былъ совѣтъ ѣхать для полученія образованія въ Петербургскій университетъ вольнослушателемъ, то онъ заявилъ, что здѣсь нѣтъ нужнаго для татаръ-мусульманъ направленія. Его мечта — выхватить му-

сулманъ Россіи изъ подъ власти Императора и, сгруппировавъ ихъ въ особую социальную единицу вполне самостоятельно подъ протекторатомъ Турціи, на почвѣ мусульманскихъ религіозныхъ доктринъ создать особую культуру, — или же, въ стремленіяхъ къ намѣченной цѣли, положить голову свою на плаху, «но», говорить, «я не подданный Русскаго царя при наличныхъ условіяхъ».

И—въ уроженецъ Оренбургской губерніи, сынъ деревенскаго муллы,—лѣтъ около 30; первоначально обучался въ деревенской мусульманской школѣ, подъ руководствомъ своего отца, затѣмъ прошелъ въ сущности неопредѣленный курсъ мусульманскихъ наукъ въ медресахъ оренбургскаго края и получилъ формальное право быть муллою, но желаніе пополнить образованіе потянуло его на мусульманскій Востокъ, гдѣ ему удалось путешествовать по мусульманскому міру въ теченіе девяти лѣтъ и только въ концѣ 1903 года онъ вернулся въ родныя мѣста. Отправляясь въ путь, И—въ не имѣлъ опредѣленной программы для занятій, а руководился единственно цѣлью—быть ученымъ муллою. Онъ ѣздилъ въ средне-азіатскія владѣнія, проѣзжалъ чрезъ Хиву, побывалъ въ пресловутыхъ медресахъ Бухары,—былъ въ Сиріи, Палестинѣ, по нѣскольку мѣсяцевъ жилъ въ Каирѣ и Константинополѣ. Во время путешествія, И—въ основательно изучилъ арабскій языкъ, освоился съ турецкимъ языкомъ настолько, что и въ обыденной бесѣдѣ съ мѣстными татарами употребляетъ языкъ турецкій, всячески стараясь припоминать родныя слова; когда же пишетъ что либо, то рѣчь его исключительно турецкая; русскимъ языкомъ владѣетъ И—въ плохо.

Заслуживающая вниманія особенность въ складѣ его убѣждений та, что онъ, послѣ такого продолжительнаго путешествія по мусульманскому міру, вернулся на родину не фанатикомъ мусульманиномъ, какъ это часто наблюдается, не

только среди туристовъ мусульманъ, но даже и среди обыкновенныхъ торговцевъ мусульманъ, побывавшихъ въ мусульманскихъ странахъ. Всѣ симпатіи И—ва на сторонѣ Россійскаго Государя и русскаго просвѣщенія. При каждомъ удобномъ случаѣ И—въ готовъ объявлять татарамъ мусульманамъ Россіи, что напрасно они увлекаются мусульманской Турціей, что Турція де-страна отсталая, что при современныхъ социальныхъ условіяхъ ей угрожаетъ вырожденіе. Вообще — И—въ сынъ Россіи; Россію считаетъ своей родиной и татаръ російскихъ признаетъ братьями коренныхъ жителей государства.

И—въ охотно промѣнялъ бы всю свою мусульманскую мудрость на небольшія реальныя познанія и на болѣе или менѣе сносное знаніе русскаго языка, но, къ глубокому его прискорбію, у него нѣтъ ни научныхъ свѣдѣній, ни даже знанія русскаго языка. И—въ охотно знакомится съ русскими и дорожитъ этимъ знакомствомъ, — такъ, онъ не можетъ забыть своей встрѣчи въ Ташкентѣ съ Н. П. Остроумовымъ, въ Оренбургѣ онъ имѣлъ случай познакомиться съ интеллигентными русскими людьми и искренно радуется удачѣ въ знакомствѣ.

Когда генералъ Куропаткинъ проѣзжалъ на Востокъ, И—въ былъ въ Уфѣ и находился въ толпѣ, привѣтствовавшей ѣдущаго на войну генерала. «Горько, до слезъ обидно было» — передавалъ послѣ свое настроеніе И—въ, — «что люди имѣютъ и умѣютъ, что сказать въ привѣтъ отъѣзжающему начальнику, а я ничего»... Подъ давленіемъ такой мысли, онъ написалъ хвалебные стихи въ честь Куропаткина, на турецко-татарскомъ языкѣ: въ стихахъ, въ видѣ оды, онъ восхваляетъ достоинства Куропаткина, затѣмъ обращается къ нему съ просьбою, чтобы онъ пригласилъ съ собою на защиту отечества и доблестныхъ татаръ.

Очевидно мы имѣемъ дѣло съ міромъ своеобразнымъ, и сильнымъ своими устоями. Этотъ міръ усваиваетъ европейскую культуру, но не измѣняетъ преданій своихъ отцовъ. Такая смѣсь двухъ міровъ европейскаго и восточнаго — поразила меня особенно сильно при встрѣчѣ съ одной семьей бакирскихъ купцовъ, живущихъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Я имѣла съ ними дѣла по имѣнію, и они пригласили меня къ себѣ пить чай.

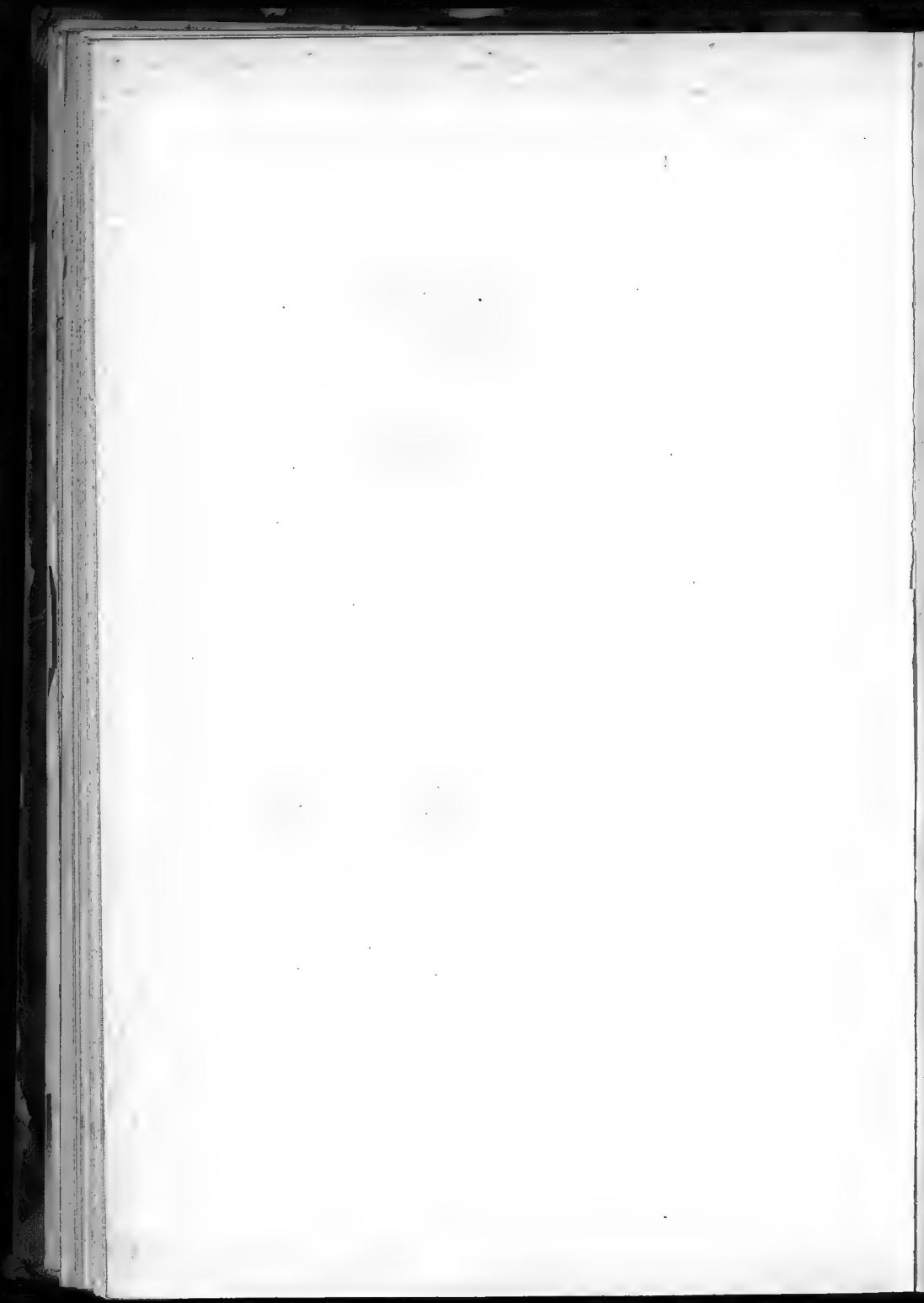
Ихъ два брата, живутъ они въ родномъ селеніи и, начавъ съ небольшого дѣла, разбогатѣли. Они живутъ радомъ, въ прекрасныхъ домахъ, обшитыхъ тесомъ и выкрашенныхъ — одинъ розовой, другой сѣрой краской; крыши желѣзныя, зелененыя, при домѣ стеклянная галлерея, обширный дворъ, садъ. Въ домахъ свѣтлыя комнаты, стѣны обшиты мелкими стоячими тесинками, выкрашенными свѣтло-сѣрой масляной краской, какъ на пароходахъ. Все блещетъ чистотой, оконныя и дверныя ручки и шпингалеты никелевые съ голубымъ стекломъ, а на полу дорогіе персидскіе и бухарскіе ковры.

Я пила чай сначала у старшаго брата въ бесѣдкѣ, ютящейся въ саду среди кустовъ сирени и акаціи; крутая лѣстница ведетъ на крышу, на которой посажены цвѣты. Сзади обширный яблочный садъ спускается къ долинѣ. Мы сидѣли въ бесѣдкѣ, пили чай съ каймакомъ, разными вареньями и сластями, ломтиками апельсиновъ и яблокъ, и бесѣдовали о вѣрѣ. Старшій братъ говорилъ, что мусульмане вѣрятъ въ нашихъ пророковъ, считаютъ Христа тоже пророкомъ, но вѣрятъ, что когда его хотѣли повѣсить онъ поднялся на небо и вмѣсто него распяли другого. Относительно заповѣди милосердія онъ объяснилъ мнѣ, что мусульмане должны давать мулламъ и беднымъ 0,1 своихъ доходовъ.

Пока мы бесѣдовали, приближали два мальчика, сыновья обоихъ братьевъ — круглолицый, коренастый Абдрахманъ, сынъ

Группа магометанъ.

старшаго брата, и тонкій, изящный, черноглазый Ибрагимъ, сынъ младшаго. Я спросила учатся ли они? Отцы отвѣчали мнѣ, что они учатся въ мектебе, и рассказали, что тамъ коранъ проходитъ по арабски, затѣмъ учатъ чтенію и письму по татарски на нарѣчій казанскихъ татаръ, которое считается литературнымъ, а преподавательскій языкъ — башкирскій.

Хозяева хвалились тѣмъ, что у нихъ азанчи «бульню хорошо поють» и ежедневно въ 10½ часовъ вечера поють особеннымъ напѣвомъ. На мой вопросъ, откуда они взяли особенный напѣвъ, братья мнѣ отвѣтили: «сюда иногда приходятъ странники изъ Дагестана; нѣсколько разъ приходилъ оттуда одинъ слѣпой, который былъ въ Константинополѣ и здѣсь ходилъ по деревнямъ. Онъ заходилъ и къ намъ и народъ у насъ собирался. Этотъ слѣпой странникъ знаетъ наизусть весь коранъ, говоритъ его нараспѣвъ весьма трогательно, онъ очень хорошо читаетъ и молитвы такъ, что слушатели плачутъ, онъ и научилъ у насъ двухъ азанчей особенному напѣву, который онъ вывезъ изъ Константинополя».

Мнѣ захотѣлось послушать этотъ напѣвъ, и такъ какъ до 10½ часовъ оставалось недолго, я рѣшилась принять приглашеніе младшаго брата дожидаться этого часа у него, и непременно пить также у него чай и посмотреть его диковинку. Онъ потащилъ меня въ свой домъ, познакомилъ съ своею блѣдной, по его описанію нервно больной женой, которая полулежала на кушеткѣ, окруженная подушками и скляночками, и съ торжествомъ подвелъ меня къ диковинкѣ — недавно привезенной имъ изъ Нижняго-Новгорода «піанолы». Не давъ мнѣ времени опомниться, онъ сѣлъ къ инструменту и быстро завертѣлъ ручкой. Рѣзкіе, крикливые звуки раздались по комнатѣ и вальсъ «По синимъ волнамъ Дуная», мазурка изъ «Жизни за Царя», попури изъ оперетокъ, слѣдовали одни за другими въ самомъ ускоренномъ темпѣ а вертящій рукоятку

хозяинъ въ азымѣ и тибетейѣ, поворачивалъ ко мнѣ восхищенное лицо, ожидая отъ меня изъясненія восторга. Но мнѣ трудно было выжить изъ себя комплементъ по поводу этого вторженія сюда Европы въ ея самомъ пошломъ и неартистическомъ видѣ.

Вдругъ вбѣжалъ запыхавшійся Ибрагимъ: «азанчи пришли». Мы всѣ вышли на улицу. Ночь была холодная и ясная, хотя была первая половина іюля; въ окнахъ мечети зажегся огонь; тонкій минаретъ, какъ острая, черная стрѣла отдѣлялся отъ свѣтлаго неба; яркій дискъ луны сверкалъ надъ нимъ какимъ то холоднымъ, алмазнымъ блескомъ. Азанчи запѣли: первая протяжная нота была взята ими въ унисонъ, потомъ голоса раздвоились и оригинальныя восточныя модуляціи, то въ терцію, то снова въ унисонъ, полились по неподвижному воздуху. Это было очаровательно хорошо. Вся восточная поэзія, широкая, своеобразная, но унылая, точно ищущая и не находящая разрѣшительнаго аккорда, сказала въ эту минуту. Когда послѣдняя нотка замерла въ застывшемъ воздухѣ, я долго еще стояла, точно заколдованная, не имѣя силъ порвать охватившія меня чары. И когда, простившись съ хозяевами, я возвращалась домой по облитой луннымъ свѣтомъ дорогѣ, я чувствовала всѣмъ своимъ существомъ силу этого магометанскаго міра, и его неотразимое обаяніе на людей востока.

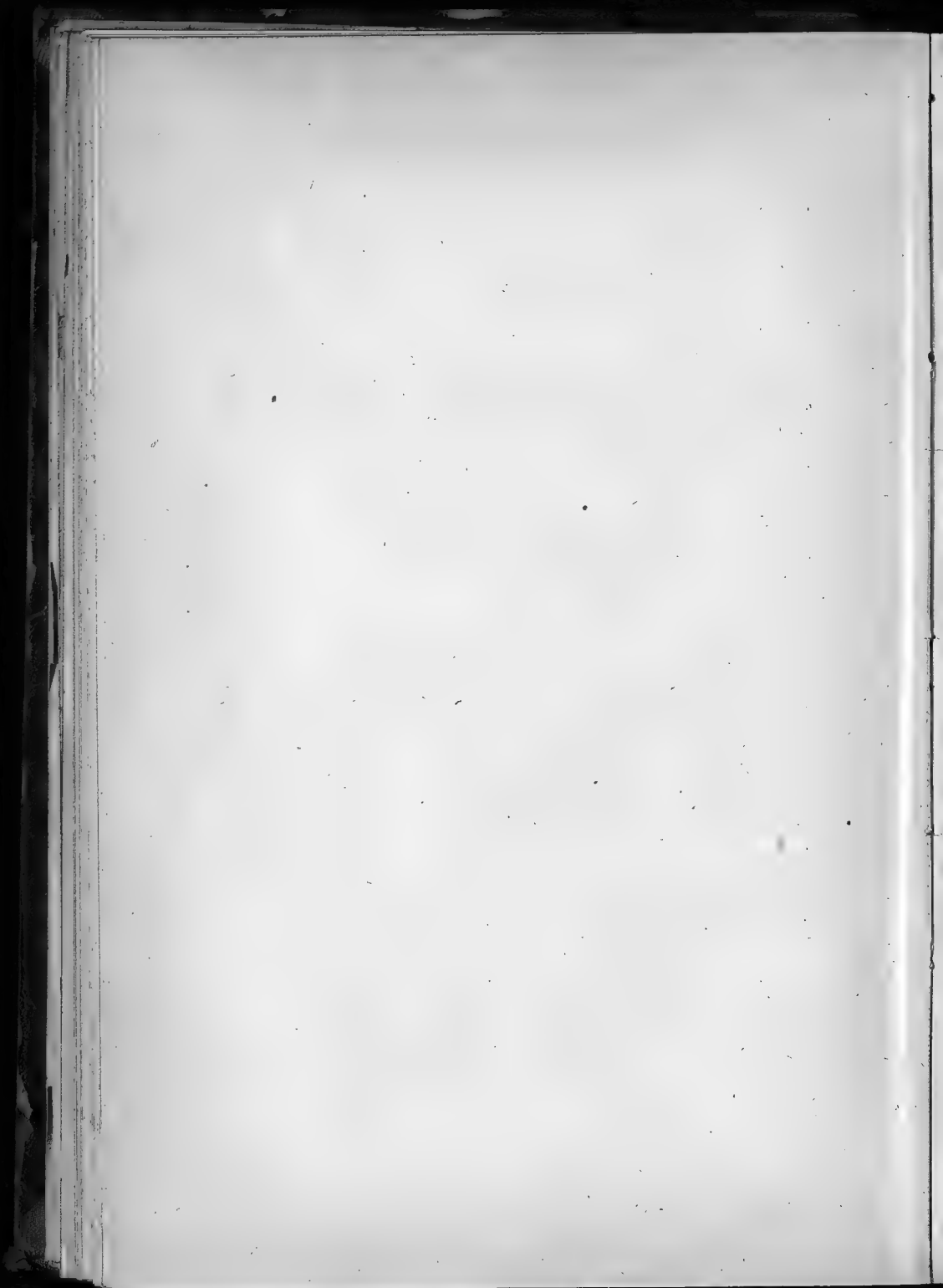
Какимъ же оружіемъ бороться христіанамъ противъ поглощенія своихъ крещеныхъ собратьевъ этимъ понятнымъ и близкимъ ихъ природѣ міромъ?

Какую силу они могутъ выдвинуть?

Одинъ изъ друзей Ильминскаго разсказалъ мнѣ слѣдующее: Разъ Ильминскому пришлось идти по улицѣ вмѣстѣ съ мальчикомъ—чувашениномъ, который несъ съ собой свои вещи—войлокъ и подушку. Ильминскій, замѣтивъ, что мальчику

тяжело, взявъ у него часть вещей и понесъ ихъ самъ. Сдѣлалъ это Ильминскій просто и естественно, безъ всякой задней мысли, быть можетъ даже безсознательно, но тѣмъ выразилъ, въ чемъ состоитъ сила христіанства и гдѣ путь его воздѣйствія.

Надо подойти къ инородцу, смиренно пойти съ нимъ рядомъ, взявъ на себя часть непосильной ему тяжести, и дать такимъ образомъ инородцу почувствовать великую силу христіанства—*силу любви*.

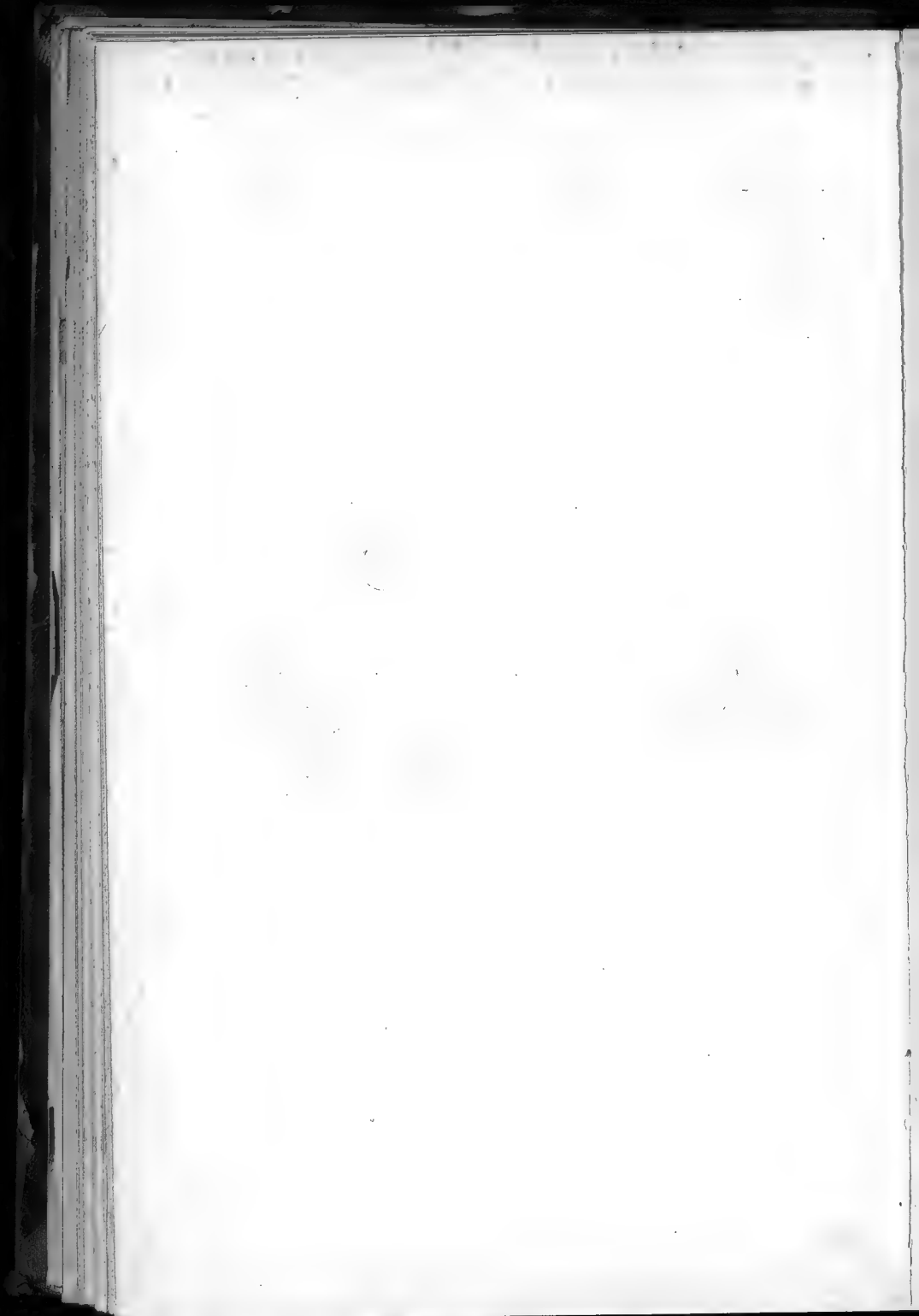
Глава четвертая.

Вотскій міръ.

THE
JOURNAL
OF
THE
AMERICAN
MEDICAL
ASSOCIATION
PUBLISHED WEEKLY
CHICAGO, ILL., U.S.A.
1917

Ботчина семья.

ГЛАВА IV.

Вотскій міръ.

Во второй половинѣ іюля 1904 года я предприняла поѣздку по вотскимъ селеніямъ сѣвера Казанской и юга Вятской губ. Меня любезно взялся сопровождать одинъ учитель-вотякъ, съ которымъ я познакомилась въ селѣ Я., семействѣ тамошняго священника.

Мы направились сначала въ Мамадышскій уѣздъ, гдѣ начинаются первыя вотскія селенія; ѣхали мы въ простой казанской плетенгѣ, нанимая свѣжихъ лошадей черезъ каждыя 20—30 верстѣ.

Пользуясь досугомъ, который намъ предоставляла довольно длинная дорога, я разспрашивала своего спутника о численности вотяковъ, о ихъ вѣрованіяхъ и ихъ образѣ жизни.

Онъ сообщилъ мнѣ, что Вотяковъ болѣе 400,000 и что они расселены по губерніямъ Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской, Самарской. Изъ нихъ язычниковъ около 17,000, мусульманъ около 3000, остальные христіане.

Массовыя обращенія вотяковъ въ христіанство начались съ 1740-хъ годовъ, когда въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губ. былъ открытъ первый приходъ въ селѣ Еловѣ, и туда поступилъ русскій священникъ, знающій вотскій языкъ. Его назначилъ вятскій епископъ Алексѣй, который занимался просвѣщеніемъ вотяковъ.

Но лишь немногіе принимали христіанство по убѣжденію; большинство крестилось, чтобы избѣжать отбыванія воинской повинности и хотя носили христіанскія имена, но остались совершенными язычниками.

Вотяки-язычники живутъ по обѣ стороны рѣки Вятки. Они вѣрятъ въ единого Бога и обратитъ ихъ въ христіанство очень трудно, потому что они говорятъ: «мы молимся тому же Богу, какъ вы въ церквахъ, а татары въ мечетяхъ».

Главные ихъ моленія происходятъ на воздухѣ въ такъ называемомъ «лудѣ», т. е. небольшихъ рощицахъ, огороженныхъ плетнемъ; домашнія моленія совершаются въ «куалѣ» или молитвенномъ шалашѣ, который находится на дворѣ у каждого главы рода. Въ этихъ «куалахъ» приносятся жертвы хлѣбомъ, рѣжутъ гусей и утокъ; каждый домохозяинъ приноситъ тарелку лепешекъ. Все жертвенное постепенно съѣдается во время моленій. Въ «лудахъ» приносятся въ жертву крупныя животныя—бараны, быки, лошади и тоже съѣдаются.

Въ прежнія времена между вотяками было многобожіе а теперь всѣ вѣрованія слились въ понятіе о единомъ Богѣ. Въ каждомъ селѣ и родѣ есть спеціальныя лица для совершенія богослуженія.

Языческія вѣрованія между вотяками держатся очень крѣпко.

Лѣтъ 40 тому назадъ, въ одномъ селѣ вотячка положила ребенка на улицу передъ домомъ и пошла за водой. Мѣстный священникъ схватилъ ребенка и тутъ же окрестилъ его. Мать была въ такомъ отчаяніи, что три раза ходила къ колодцу, который находился передъ домомъ священника, и хотѣла бросить туда ребенка. Этотъ ребенокъ до сихъ поръ еще живъ, его имя Семенъ, а зовутъ его Исхакъ. Дѣти его крещеные, но самъ онъ исполняетъ языческіе обряды.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губ. есть деревня Ныро-Шурь, про которую говорятъ, будто тамъ приносятся человѣческія жертвы. Существуетъ преданіе, что тамъ зарыты большіе клады, которые достанутся тому, кто соберетъ извѣстное число человѣческихъ череповъ. Ходятъ темныя слухи будто народъ вѣритъ, что когда зарѣжутъ человѣка, изъ земли показывается большой сундукъ съ золотомъ и снова исчезаетъ; когда будетъ набрано достаточное количество череповъ, сундукъ отдастся въ руки и вотяки раздѣлять золото.

Вѣрны или нѣтъ эти слухи, но во всякомъ случаѣ край находится въ такомъ религіозномъ и культурномъ состояніи, что люди, развитые и вѣрующіе должны были бы приложить всѣ усилія для распространенія среди народа здравыхъ понятій.

Однако русское духовенство, котораго такое просвѣщеніе должно бы касаться непосредственно, въ общемъ выказываетъ полное равнодушіе.

До самаго послѣдняго времени епархіальные миссіонеры, призванные просвѣщать вотяковъ и черемисъ, знаютъ развѣ только языкъ крещено-татарскій и то нетвердо. Послѣ я спросила одного учителя о прежнихъ миссіонерахъ: «что же они дѣлали». Мнѣ отвѣтили весьма оригинально: «писали отчеты».

Во многихъ миссіонерскихъ школахъ, по общимъ отзывамъ, нѣтъ никакого миссіонерскаго направленія. Въ отчетахъ пишется, что ученіе въ школахъ ведется по системѣ Ильминскаго, а между тѣмъ она въ Вятской губерніи введена только мѣстами. Центръ дѣятельности въ этомъ направленіи представляетъ Карлыганская школа и ея окрестности, гдѣ работаетъ самоучка миссіонеръ изъ вятскихъ крестьянъ К. А., подъ вліяніемъ котораго многіе вотяки — язычники крестятся по убѣжденію.

Но К. А. мірянинъ — самородокъ, воспитанный тѣми инокескими книгами, которыя онъ получалъ изъ Казани, направленный въ началѣ своей дѣятельности Ильминскимъ. Кар-

лыганская школа—есть отрасль той же Казанской системы; она устроена и организована Казанскими просвѣтителеми—Ильминскимъ и его преемникомъ Бобровниковымъ.

Казанская учительская семинарія и ея отрасли остаются, какъ и прежде, единственнымъ центромъ, откуда просвѣщеніе распространяется по окрестнымъ губерніямъ. Въ истекшую зиму переводческая коммиссія напечатала изготовленный при этой семинаріи первый полный переводъ Четверо—Евангелія, и мой спутникъ вотькъ взялся его распространять между своими единоплеменниками. Съ этой цѣлью онъ совершилъ на свои средства трехнедѣльное путешествіе по Казанской и Вятской губ., и когда директоръ учительской семинаріи, какъ онъ потомъ мнѣ сказалъ, предложилъ вернуть ему потраченную сумму, онъ отказался. Учитель успѣлъ продать за это время 500 Евангелій по 20 коп. за экземпляръ. Появленіе этой книги всюду возбуждало живѣйшую радость. Одна баба, вотьчка, не имѣя денегъ, сняла изъ своего украшенія монету, отдала ее и сказала: «мужъ скупой, не даетъ денегъ, а мнѣ этого не жаль за Евангеліе».

Мой спутникъ разсказалъ мнѣ этотъ случай съ воодушевленіемъ.

При такихъ любопытныхъ для меня разсказахъ время проходило незамѣтно. Поднимаясь по живописной доли нѣ рѣки Меши, мы остановились въ большомъ татарскомъ селеніи Сабы, гдѣ намъ предстояло мѣнять лошадей. Пока запрягали, мы напились чаю у знакомыхъ моего спутника, въ просторной избѣ, стѣны которой были оклеены обоями и увѣшаны магометанскими лубочными картинами, изображающими мечети или испещренными арабскими надписями.

Селеніе огромное, раскинутое по обѣ стороны широкаго оврага; въ разныхъ концахъ возвышаются три мечети, изъ которыхъ одна обширная каменная, съ колоннами, точно перестроенная изъ стариннаго барскаго дома.

Непосредственно за Сабами начинается лѣсистая мѣстность. Сначала мелкій кустарникъ перемежается съ зелеными лужайками, на которыхъ стоятъ отдѣльные молодыя елочки или березки, очевидно выросшія отъ старыхъ пней. Между ними съ какою-то лѣнливою небрежностью пробирается къ намъ навстрѣчу возвращающееся домой стадо, и крутые спины коровъ подъ лучами заходящаго солнца отливаютъ блескомъ красной мѣди.

За лужайками тянутся лѣса; подъ большими деревьями темно и сыро; красныя ягоды земляники выглядываютъ изъ росистой травы.

Вотъ опять открытое мѣсто: передъ нами подъ холмомъ татарское селеніе, ютящееся у берега ручья; это верховье Меш и селеніе называется Меше—башъ (голова Меш). Мѣстность живописная; много лѣсу; все свѣжо и зелено, кругомъ журчатъ родники. Вечеръ дивный, закатъ совершенно чистый.

Уже въ сумеркахъ мы подъѣзжаемъ къ первой вотской деревнѣ, расположенной на опушкѣ лѣса; передъ избами сидятъ степенные крестьяне; изъ двора выходитъ женщина вотячка съ причудливымъ головнымъ уборомъ. При видѣ своихъ единоплеменниковъ мой спутникъ приходитъ въ волненіе: «ужасно люблю вотяковъ», говоритъ онъ съ сверкающими глазами. Мы захватываемъ лишь край лѣса и снова выбираемся на открытое мѣсто. Сумерки густѣютъ, зажигаются первыя еще блѣдныя и робкія звѣзды; мы ѣдемъ по отлогому скату, спускающемуся къ равнинѣ, отъ которой съ разныхъ сторонъ поднимаются холмы. На ихъ склонахъ разбросаны тамъ и сямъ священные рощицы, очертанія которыхъ рѣзко обрисовываются на свѣтломъ польскомъ небѣ. «Это луды», говоритъ мой спутникъ и, показывая на одну изъ нихъ, прибавляетъ: «вотъ это нашъ лудъ, тамъ молится мой дѣдъ. Еслибъ не школа, я былъ бы язычникомъ. Мой отецъ отсталъ отъ языческихъ обрядовъ

только тогда, когда я сталъ читать ему крещено-татарскія книги». (Въ началѣ еще не было вотскихъ книгъ).

Уже было совсѣмъ темно, когда заблистали огоньки большого вотскаго села О. Ю., гдѣ мы намѣрены были переночевать. Мы вѣхали въ широкую улицу; нѣско показалась церковь, окруженная деревьями; мы завернули за нее и подкатили къ дому священника. Залаяла собака, завозились люди. Мой спутникъ пошелъ впередъ въ домъ, чтобы просить позволенія намъ переночевать и вскорѣ позвалъ меня за собой. Я поднялась на крыльцо, спотыкаясь въ темнотѣ о ступени, и вошла въ маленькую переднюю. Первое, что я увидѣла, была открытая дверь, а тамъ, въ глубинѣ полутемной комнаты — лампада, горящая передъ образомъ св. Серафима Саровскаго и передъ нимъ священникъ, совершающій вечернее моленіе (былъ канунъ Ильина дня). Спина молящагося священника при крестныхъ знаменіяхъ мѣрно наклонялась надъ молитвенникомъ, а надъ открытой страницей дрожалъ огонекъ маленькой восковой свѣчки, которую священникъ держалъ въ рукѣ. Въ моемъ воображеніи еще носилась картина только что видѣнныхъ «людей», оживленныхъ для меня разсказами моего спутника о языческихъ обрядахъ, которые до сихъ поръ еще тамъ совершаются и внезапный переходъ отъ языческаго міра къ православной обстановкѣ произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе.

Мнѣ не хотѣлось нарушать тихаго молитвеннаго настроенія, которое царило въ комнатѣ, и я опустила на лавку, стоящую въ передней у стѣны, и прислонилась къ висѣвшимъ надъ ней одеждами, такъ какъ сильно устала съ дороги.

Но вотъ молитва окончена, священникъ потушилъ свѣчку и, когда я вошла въ залу, привѣтствовалъ меня съ робкимъ недоумѣніемъ. Я объяснила причину своего появленія. Завязался съ батюшкой длинный разговоръ, пока матушка хлопот-

тала по хозяйству, ставила самоваръ и накрывала на столъ, чтобы угостить насъ чаемъ. Она сама вотячка и изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною женъ священниковъ, она единственная, которая по русски почти не можетъ объясняться, хотя понимаетъ все, что говорятъ. Священникъ, о. Игнатій, тоже вотякъ, лицо его типичное вотское, съ удлинненными чертами. Онъ спокойный, симпатичный, какъ будто нѣсколько медлительный, и видимо сильно меня конфузилъ. Онъ окончилъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ, 16 лѣтъ былъ учителемъ, изъ нихъ послѣдніе 4 года былъ также и дьякономъ, теперь три года священствуешь.

Обстановка въ домѣ очень простая, даже убогая, но на окнахъ чистенькія занавѣски и на стѣнѣ виситъ портретъ Ильминскаго.

Мой спутникъ отправился отыскивать дьякона и притащилъ его съ собой; онъ съ большимъ увлеченіемъ говорилъ съ нимъ по вотски, очевидно наслаждаясь возможностью пользоваться родной рѣчью, и я впервые услышала этотъ языкъ. Онъ гораздо мягче и звучнѣе крещено-татарскаго и производитъ на слухъ пріятное впечатлѣніе, но запаса словъ очевидно не хватаетъ для выраженія всѣхъ понятій культурнаго человѣка, и мой спутникъ пересыпаетъ свою рѣчь русскими словами, въ родѣ «дѣйствительно», «именно», но произноситъ ихъ съ особымъ акцентомъ и удареніемъ: «подъ вотскій языкъ». Также поступаетъ и его собесѣдникъ.

Дьяконъ А. А. совсѣмъ иного типа, нежели священникъ; онъ очень большого роста, съ широкимъ добродушнымъ лицомъ, живой и непосредственный. Я читала ему отрывки изъ одной моей бесѣды съ крещено-татарскимъ учителемъ, и онъ безконечно этимъ наслаждался.

Про себя онъ разсказалъ, что онъ былъ язычникомъ до 18 лѣтъ, учился въ русской школѣ въ селѣ Н., много пла-

калъ надъ Закономъ Божиємъ, который надо было учить по русски наизусть и даже хотѣлъ бросить школу. Но когда онъ получилъ первое вотское Евангеліе, онъ захотѣлъ креститься, но долженъ былъ поселиться у учителя, потому что отецъ-язычникъ его преслѣдовалъ.

Отецъ его до сихъ поръ язычникъ, но нѣкоторые члены его семьи крестились. Онъ самоучкой приготовился въ учителя, живя лѣтомъ въ крещено-татарской школѣ, много читаетъ и самъ доработался до дьяконскаго сана.

Отецъ И. также началъ вспоминать свое прошлое; онъ учился въ деревнѣ, въ русской школѣ, но не могъ сдать экзамена; когда пришли первыя вотскія книги, тогда онъ захотѣлъ поступить въ крещено-татарскую школу, откуда вышелъ учителемъ. Лѣтъ 10 назадъ въ его родной деревнѣ соблюдали пятницу. Онъ тогда былъ еще учителемъ и долго уговаривалъ отца бросить этотъ обычай; наконецъ, отецъ склонился на его просьбу, а за нимъ послѣдовали другіе. Когда отца выбрали старостой, онъ сталъ особенно сильно вліять на народъ въ смыслѣ празднованія не пятницы, а воскресенья. Одинъ разъ вечеромъ къ его дому собрался народъ и сталъ его бить со словами: «У тебя сынъ учитель, и ты хочешь всѣхъ заставить праздновать воскресенье». Онъ хотѣлъ жаловаться, но сынъ совѣтовалъ терпѣть и мало по малу всѣ оставили пятницу.

Въ О. Ю—скомъ приходѣ кромѣ села, есть еще 8 деревень, одна изъ нихъ крещено-татарская, а другія всѣ вотскія. Въ приходѣ около 400 язычниковъ обоего пола и около 2000 православныхъ.

Крещеные вотяки въ этихъ селеніяхъ не склонны къ исламу, но нѣкоторые, вмѣстѣ съ язычниками, празднуютъ пятницу, вмѣсто воскресенья, а многіе только недавно оставили празднованіе пятницы подъ вліяніемъ инородческой

школы и инородческихъ священниковъ. Впрочемъ многіе крещенные вотяки еще ходятъ вмѣстѣ съ язычниками молиться въ «луды» и въ ржаное поле; варятъ кашу, рѣжутъ утокъ, гусей, барановъ, иногда даже корову или жеребенка. Язычники изрѣдка ходятъ въ церковь, принимаютъ иконы, цѣлуютъ крестъ, но не крестятся, а только киваютъ головой. Въ православіе они переходятъ очень туго, и изрѣдка между ними замѣчается склонность къ исламу. Напр. въ приходской деревнѣ В. К. одинъ вотякъ носитъ тюбетейку, но сынъ его учился въ братской школѣ и отказывается носить тюбетейку. Тюбетейки носятъ вообще тѣ вотяки, у которыхъ есть родство и близкія сношенія съ магометанами.

Вообще вотяки народъ смирный, склонность къ отпаденію у нихъ не сильна, но вліяніе мусульманства все таки сказывается: при бракахъ съ мусульманами язычники дѣлаются мусульманами.

Дьяконъ тоже говорилъ о томъ, съ какой неохотой вотяки-язычники переходятъ въ православіе и разсказалъ о всеобщемъ желаніи народа, чтобы отпавшіе въ мусульманство были наказаны, — воззрѣніе, очевидно, сохранившееся отъ «добрыхъ» старыхъ временъ. Это же воззрѣніе иногда высказываютъ, очевидно по недоразумѣнію, и нѣкоторые инородческіе учителя. Такъ дьякону А. А. кажется, что язычниковъ трудно привлечь безъ матеріальнаго вспоможенія. Въ приходѣ многія семьи близки къ переходу въ православіе, но боятся осужденія и насмѣшекъ со стороны остальныхъ язычниковъ. Еслибъ имъ была оказана матеріальная помощь, многіе приняли бы православіе, и тогда можно было бы ихъ постепенно просвѣтить и духовно. Теперь же есть опасеніе, что они отпадутъ въ исламъ, потому что въ каждой деревнѣ есть одно или два семейства зараженныхъ магометанствомъ.

Мои собесѣдники, непривыкшіе встрѣчать въ русскихъ

интересъ и сочувствіе къ ихъ дѣлу, оживились и охотно отвѣчали на всѣ мои вопросы. Мы разошлись уже около полуночи. Матушка постелила мнѣ перинку въ залѣ на полу, и я приготовилась улечься, но мнѣ показалось душно въ комнатѣ и, кромѣ того, я увидѣла нѣсколько клоповъ, которые пробирались къ моей постели. Я, захватила подушку и теплый платокъ, прошла черезъ темныя сѣни, изъ угловъ которыхъ неся мирный храпъ и, шагая осторожно, чтобы не задѣть чьихъ нибудь ногъ, выбралась на дворъ, на открытый воздухъ. Ночь была свѣтла, звѣзды тихо сіяли, изъ подъ сарая раздавалось фырканье лошадей. Я отыскала нашу плетенку, разбудила спавшаго въ ней кучера и, попросивъ его отыскать себѣ другой ночлегъ, улеглась на его мѣсто. Кучеръ устроился въ сосѣдней тележкѣ, и черезъ минуту снова слышалось его сонное дыханіе, а я закуталась въ платокъ съ головой и скоро задремала. Но сонъ мой былъ, по неудобству положенія и непривычкѣ, довольно тревоженъ: лошади за вечеръ съѣли сѣно, которымъ была устлана плетенка, и я оказалась почти на голыхъ доскахъ. Около 5 часовъ утра жаркое солнце, глядѣвшее мнѣ прямо въ глаза, разбудило меня окончательно. Кучеръ уже проснулся и бродилъ по двору; какая то женщина прошла изъ огорода въ кухню. Мнѣ хотѣлось вернуться въ домъ раньше, чѣмъ проснутся мои хозяева, потому что я боялась, что мой уходъ изъ ихъ зала въ плетенку можетъ имъ показаться оскорбительнымъ. Я благополучно перебралась назадъ, съ блаженствомъ протянулась на мягкой перинѣ (откуда съ наступленіемъ утра сбѣжали всѣ клопы) и крѣпко заснула. Меня на половину разбудилъ ударъ колокола къ заутренѣ, я въ полуснѣ слышала шуршанье и замѣтила, что о. Игнатій тихо пробирается мимо меня къ углу, гдѣ подъ образами остался его молитвенникъ, потомъ я снова заснула, не смотря на яркое солнце, свѣтившее сквозь бѣлыя

занавѣски. Встала я часовъ въ 8, весьма довольная, что мои радушные хозяева не узнали о моемъ ночномъ бѣгствѣ. Въ церкви благовѣстили къ обѣднѣ. Я умылась подъ краномъ въ передней, собрала свою постель и поздоровалась съ дочерью священника, дѣвочкой лѣтъ 12, которая пришла подметать полъ уже одѣтая по праздничному въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ съ поясомъ изъ голубой ленты.

II.

Когда я вышла на улицу, было свѣтло и празднично. Пестрые группы людей направлялись къ церкви или стояли у ограды. Я вошла на паперть, протискиваясь между толпой вотячекъ, которыя съ любопытствомъ осматривали меня. Тутъ мнѣ впервые удалось разглядѣть ихъ головные уборы. Овѣ надѣваютъ высокую кичку оригинальной формы, украшенную монистами, вышивками и бахромой, которая свѣшивается на глаза; надъ ушами торчатъ маленькія тугосплетенныя косички волосъ, закрученныя красными тряпочками.

Былъ Ильинъ день и церковь была полна народу, стоящаго очень чинно и благоговѣйно въ опредѣленномъ порядкѣ—женщины направо, мужчины налево, ребятишки впереди. Вотяки были двухъ типовъ: одни рыжеватые, съ удлиненными чертами и длинными носами, другіе съ темными волосами и круглыми лицами, какъ у жителей Финляндіи. Когда я вошла, на клиросѣ еще дочитывали часы по вотски. Вскорѣ раздался и первый возгласъ священника: хоръ стройно запѣлъ «аминь». Великую ектенью дьяконъ читалъ по вотски и въ отвѣтъ на прошенія хоръ дружно подхватывалъ: «Иномаре.. е.. е... зей-каре.. е.. е...» (Господи помилуй). Служба совершалась на трехъ языкахъ—на вотскомъ, славянскомъ и крещено-татарскомъ, потому что въ приходѣ живутъ, кромѣ вотяковъ, также русскіе и татары.

«Блаженни» всё подъ рядъ были пропѣты по вотеки, а «Святый Боже» попеременно на 3-хъ языкахъ, что произвело на меня сильное впечатлѣніе.

Предъ концомъ обѣдни отецъ И. экспромптомъ говорилъ поученіе по вотеки и по татарски, но и онъ, какъ мой спутникъ, употреблялъ нѣкоторыя русскія слова. Прихожане слушали со вниманіемъ. Вообще меня поразило въ нихъ гораздо болѣе сознательное отношеніе къ богослуженію, нежели у русскихъ. Они молятся очень благоговѣйно, въ опредѣленные моменты всё дружно бросаются на колѣни, молитву по поводу войвы всё выслушали колѣнопреклоненно. Видно, что они молятся сознательно, съ чувствомъ и даже съ увлеченіемъ.

Наблюдая за этими признаками усвоенія народомъ церковной службы, я вспоминала обычныя въ русской церкви картины: безсознательное выраженіе лицъ молящихся крестьянъ, усиленные поклоны въ несоотвѣтствующие моменты, сопровождаемые вздохами восклицаніе «Господи помилуй» при самыхъ непонятныхъ мѣстахъ проповѣди, болтовня стоящихъ сзади бабъ о холстахъ, о нарядахъ, выбѣганіе изъ церкви ребятишекъ, оживленныя бесѣды дѣвушекъ снаружи у крыльца.

При сравненіи привычныхъ мнѣ сценъ съ тѣмъ, что происходило у меня передъ глазами здѣсь, я вспомнила переданный мнѣ рассказъ объ одномъ засѣданіи, состоявшемся въ Казани зимой.

Тамъ, по предложенію мѣстнаго высшаго духовнаго начальства, была организована особая коммиссія, которой предложено было обсудить вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ. Участвовали протоіерей, докторъ богословія, епархіальный наблюдатель, епархіальный противомусульманскій миссіонеръ, нѣсколько священниковъ и профессоровъ духовной академіи. Докторъ богословія высказался

самымъ положительнымъ образомъ противъ перевода книгъ на инородческіе языки и въ особенности противъ инородческаго богослуженія. Онъ мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что переводъ богослужебнаго текста на инородческіе языки невозможенъ, потому что языки эти слишкомъ бѣдны, и заявилъ, что чѣмъ менѣе понятна молитва для молящихся, тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе она на нихъ производитъ; при этомъ онъ сослался на Христа, который, по его мнѣнію, самъ говорилъ съ народомъ на неполнѣ понятномъ для него языкѣ. При этомъ онъ кстати замѣтилъ, что славянское богослуженіе непонятно даже для русскихъ, однако никто не думаетъ переводить его на русскій языкъ; такъ если оно непонятно для русскихъ, пускай оно будетъ непонятно и для инородцевъ.

Многіе члены этой комиссіи съ нимъ согласились.

Я слышала эти подробности отъ одного изъ участвующихъ въ этихъ преніяхъ.

Вотъ каковъ можетъ иногда быть просвѣщенный взглядъ нынѣшнихъ руководителей темнаго народа. Невольно приходится на умъ слова Евангелія: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекамъ: ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете». (Мат. 23, 13).

По выходѣ изъ церкви я сказала отцу И., что сознательное отношеніе народа къ молитвѣ меня поразило и обрадовало. Онъ отвѣтилъ, что въ смѣшанныхъ приходахъ тоже самое замѣчается и среди русскихъ; они при частомъ общеніи съ инородцами хорошо усваиваютъ ихъ языкъ и не разъ заявляли, что инородческое богослуженіе имъ понятнѣе, нежели славянское. При этомъ онъ вспомнилъ, какъ однажды, много лѣтъ назадъ, въ деревнѣ Янылахъ о. Василій Тимофеевъ собирался служить вечерню; пришли крещенные ино-

родцы и русскіе, и о. Василій сказалъ послѣднимъ, что они могутъ уходить, потому что вечерня будетъ цѣликомъ на крещено-татарскомъ языкѣ. Но русскіе остались и при этомъ объяснили, что они крещенское богослуженіе понимаютъ гораздо лучше, нежели славянское. Что же касается инородцевъ, то вопросъ ясенъ самъ собой. Даже язычники стали лучше принимать въ домъ священника съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ вотяковъ; они говорятъ: «онъ даже можетъ съ нами говорить и держать себя не высоко». Русскій священникъ, если и говоритъ по вотски, то это все-таки не то, что природный вотякъ. Учитель изъ крестьянъ тоже имѣетъ громадное значеніе; онъ ближе къ народу и народъ можетъ больше и легче говорить съ учителемъ, чѣмъ съ духовенствомъ.

Въ О.-Ю—ской церковно-приходской школѣ учительницей состоитъ вотячка, 25-ти лѣтъ, окончившая курсъ въ центральной Карлыганской школѣ; она ведетъ преподаваніе по системѣ Ильминскаго, а для взрослыхъ устраиваетъ въ школѣ бесѣды, на которыя приходитъ очень много народу.

Бъ сожалѣнію я не могла ее видѣть—она была въ отсутствіи,—но я зашла въ школу, чтобъ осмотрѣть зданіе. Школа хорошенькая, свѣтлая, въ ней учатся однѣ дѣвочки. Когда я вошла въ сопровожденіи священника, туда собралось уже много народу, въ томъ числѣ нѣсколько ученицъ и окончившихъ курсъ взрослыхъ дѣвицъ.

Я пробовала бесѣдовать съ народомъ, но женщины по русски совсѣмъ не говорятъ, а мужчины говорятъ плохо, потому что русскихъ въ приходѣ почти нѣтъ и народъ мало имѣетъ сношеній съ ними.

Вообще въ смѣшанныхъ селеніяхъ или приходахъ уровень русскаго языка сразу повышается, а въ селеніяхъ, гдѣ мало общенія съ русскими, знаніе русскаго языка очень еще слабо.

Я поговорила съ дѣвцами, учащимися и окончившими курсъ; съ ними бесѣдовать можно, но онѣ очень конфузились, нервно перебирали пальцами и съ трудомъ выжимали изъ себя отвѣты.

Тогда я спросила, есть ли здѣсь мальчики, прошедшіе уже школу. Мнѣ указали на трехъ, окончившихъ курсъ 10—12 лѣтъ назадъ, изъ нихъ двое учились въ В.-К.—ской братской школѣ, а одинъ въ С.-Ю.—ской земской. Этотъ послѣдній и одинъ изъ окончившихъ въ братской школѣ говорить по русски порядочно, потому что послѣ школы имѣли сношенія съ русскими. Второй же изъ бывшихъ учениковъ братской школы по русски едва говорить. Онъ утверждаетъ, что онъ хорошо зналъ по русски, когда кончалъ курсъ, но съ тѣхъ поръ безвыгѣдно жилъ дома и все забылъ, потому что не съ кѣмъ говорить. Пока онъ кое-какъ объяснялъ мнѣ это, черезъ толпу, наполнявшую комнату, пробрался учитель сосѣдней С.-Ю.—ской земской школы и подвелъ мнѣ ученика, окончившаго курсъ весной. Учитель держалъ его за плечи и представилъ его мнѣ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Я обратилась къ мальчику: «расскажи мнѣ про Рождество Христово». — Онъ поднялъ свое живое, веселое лицо и заговорилъ учащенно и нѣсколько нарастающе: «въ правленіе русскаго царя Кесаря Августа вышло повелѣніе: сдѣлать ревизію — перепись по всей вселенной. Тогда Іосифъ и Марія пошли записываться... Видя, что онъ катаетъ исторію наизусть и вполнѣ бессмысленно, я его перебила вопросомъ: «на какой страницѣ напечатанъ этотъ рассказъ, на правой или на лѣвой». Мальчикъ даже не задумался: «на правой», отвѣчалъ онъ увѣренно. Тогда я спросила еще: «расскажи мнѣ, что ты дѣлалъ вчера въ полѣ». Бойкое выраженіе сразу исчезло и, смѣнилось не то испугомъ, не то недоумѣніемъ. Такое же выраженіе появилось и

на лицѣ учителя. Я нѣсколько разъ повторила свой вопросъ, но отвѣта не добилась. Объясненій никакихъ не было нужно, картина была ясна, я дала мальчику горсть конфетъ и отпустила его съ миромъ.

Я спросила учителя о методѣ преподаванія. Онъ отвѣчалъ, что инспекторъ строго требуетъ, чтобы преподаваніе велось на русскомъ языкѣ по методу Шелъцеля (естественному) и къ вотскому языку разрѣшаетъ прибѣгать лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Къ священнику онъ предъявилъ такое же требованіе относительно преподаванія Закона Божія.

Въ церковно-приходской школѣ (женской) о. наблюдатель тоже требуетъ преподаванія по русски и стремится по возможности вытѣснить инородческій языкъ.

Изъ женской школы я отправилась въ мужскую. Школа земская, но поставлена плохо. Мой спутникъ разсказалъ мнѣ, что онъ учился въ ней самъ 18 лѣтъ назадъ, и тогда въ ней было больше учениковъ, чѣмъ теперь, потому что въ то время учитель былъ крещеный татаринъ и велъ преподаваніе на крещено-татарскомъ языкѣ, который понятенъ всѣмъ вотякамъ. Теперь учениковъ только 35, хотя домовъ въ селѣ 110. Учитель русскій, сынъ псаломщика, изъ неудачниковъ, учителствуетъ здѣсь уже 13-ый годъ, занимается лѣсной торговлей. Хотя онъ говоритъ по вотски, но молитвъ по вотски не знаетъ, и ученики поютъ молитвы только по славянски.

Когда я вошла въ школу, мальчики чинно стояли за партами; по знаку учителя, они повернулись лицомъ къ образу и загѣли «Достойно есть» по славянски. Я выслушала, а когда они кончили, попросила ихъ спѣть молитву по вотски. Ученики съ недоумѣніемъ переглянулись, учитель покраснѣлъ и сказалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: «они не умѣютъ пѣть по вотски».

Я выразила удивленіе и, попросивъ учителя раздать ученикамъ бумагу и карандаши, приступила къ экзамену.

Экзаменъ пошелъ туго: мальчики очень неразвиты, по русски отвѣчали очень плохо, хотя преподаваніе ведется съ самаго начала по русски по методу Шельцеля.

Я заставила ихъ писать и, пока старшіе писали, занялась съ младшими. Обернувшись, я замѣтила, что собравшіеся сюда учителя всѣ нагнулись надъ партами пишущихъ; я разогнала ихъ, но какъ только я вернулась къ маленькимъ, они снова оказались между партами.

Результатъ писанія учениковъ оказался удовлетворительнымъ, но при данныхъ условіяхъ ничего не могъ мнѣ доказать. Ученики младшаго отдѣленія по вотски хорошо говорили молитвы, по русски почти ничего не знаютъ. Названіе частей одежды «рубашка». — «платье» они по русски знаютъ, но названія цвѣтовъ всѣ путали и называли синюю рубашку красной. Я указала на висѣвшую на стѣнѣ карту: «что это такое?». «Карта» — «Что она лежитъ, стоитъ или виситъ?». — «Лежитъ».

Я обратилась къ крошечному 8 лѣтнему вотяченку съ умильною, круглою мордочкой; онъ только что прочиталъ по вотски совершенно хорошо какую то молитву, и я вздумала его экзаменоватъ по русскому языку. — «Гдѣ у тебя голова, го-ло-ва?» спрашиваю я его. Онъ растерянно на меня смотритъ; «башъ» прибавляю я, и онъ тотчасъ указываетъ на голову: «Прочти «Царю Небесный»; говорю я потомъ. Онъ сразу залепеталъ быстро — быстро, ошибается въ произношеніи, но читаетъ безъ запинки и кончаетъ также внезапно, какъ началъ. По манеру говорить эту молитву видно, что онъ ни слова не понимаетъ. Я начинаю спрашивать старшихъ учениковъ, указываю имъ на висѣщія по стѣнамъ картины Свящ. Исторіи и прошу разсказать по русски содержаніе. Никто изъ нихъ ничего не можетъ сказать. А черезъ годъ на выпускномъ экзаменѣ они бу-

дутъ наизусть также безъ запинки и безъ сознанія, рассказывать священную исторію.

Батюшка по моей просьбѣ спросилъ ихъ по вотски. Выраженіе лицъ сразу мѣняется, и дѣти отвѣчаютъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ.

Передаю учителю свои наблюденія; онъ повторяетъ мнѣ то, что я уже слышала отъ другихъ, а пменно, что инспекторъ сказалъ: вотскій языкъ не употреблять и молитвъ по вотски не учить. Законоучитель, однако, этихъ требованій не исполняетъ, но учителю труднѣе ставить дѣло выше послушанія.

Въ результатѣ ученики, по окончаніи курса, забываютъ все, что знали. Книгъ для чтенія они не берутъ, потому что при школахъ нѣтъ библіотеки, да и по русски они знаютъ слишкомъ мало, а по вотски читать не приучены. Священникъ и дьяконъ мнѣ жаловались, что въ селѣ О. Ю. вообще нѣтъ библіотеки. Школы и земская и церковно-приходская отбираютъ учебники у кончающихъ курсъ, а книгъ для раздачи на домъ нѣтъ никакихъ.

Нѣтъ и книгъ для воскресныхъ собесѣдованій, что мѣшаетъ устраивать таковыя. Очень было бы желательно имѣть въ приходѣ «Житія Святыхъ» и другія благочестивыя книги на вотскомъ языкѣ для воскресныхъ бесѣдъ. Тогда можно было бы давать ихъ читать народу. Также нужны русскія книги, за неимѣніемъ вотскихъ. Братство разсылаетъ книги въ свои школы, и оттуда можно ихъ брать, если учитель согласенъ; «братскіе учителя всѣ настоящіе миссіонеры, и у нихъ дѣло просвѣщенія народа поставлено хорошо», сказалъ въ заключеніе священникъ.

Передъ уходомъ изъ школы, я просила учителя показать мнѣ ревизіонный журналъ. Онъ подаль мнѣ его, краснѣя и смущаясь. Замѣтивъ, что тамъ объ немъ очень не лестные отзывы,

по части добросовѣстности и усердія, я почти сразу его захлопнула и положила обратно въ шкафъ.

Когда я прощалась съ учителемъ, онъ спросилъ меня: «А какъ доложить объ васъ господину инспектору?»

Передъ выѣздомъ изъ села О. Ю. мнѣ захотѣлось по-смотреть, какъ живутъ вотяки. Мой спутникъ повелъ меня къ одному зажиточному крестьянину, который живетъ какъ разъ напротивъ школы. Какъ все инородцы, онъ принялъ насъ очень радушно, посадилъ насъ за столъ, угостилъ чаемъ и особаго рода яичницей—національнымъ блюдомъ вотяковъ. Домъ большой, въ немъ двѣ просторныя комнаты, обстановка хорошая, чисто крестьянская.

Пока мы тамъ сидѣли, пришли три премиленныхъ мальчика, лѣтъ около девяти, одинаковаго роста, въ одинаковыхъ синихъ суконныхъ поддевахъ, мой спутникъ представилъ мнѣ ихъ подъ именами Федора, Семена и Петра и сказалъ, что это его ученики изъ образцовой школы при инородческой учительской семинаріи. Они поступили туда неграмотными и учились одну зиму. Въ истекшемъ году младшее отдѣленіе образцовой школы состояло изъ вотяковъ; поэтому первоначальное обученіе грамотѣ, счисленію и письму велось на вотскомъ языкѣ. Одновременно съ этимъ ведутся и уроки русскаго языка исключительно устно, а когда пройденъ вотскій букварь, ученики переходятъ къ русскому чтенію по букварю изданія Прав. Мисіонерскаго Общества.

Мой спутникъ при мнѣ произвелъ маленькій экзаменъ этимъ мальчикамъ, которые оказались полнымъ контрастомъ съ только что видѣнными мною въ школѣ учениками. И худенькій блѣдуры Семенъ, и его черноглазые, круглолицые товарищи отвѣчали весело и бойко. Со всеми названіями обыденныхъ предметовъ они хорошо знакомы, понимаютъ все, что ихъ учитель по русски спрашивалъ, хотя вопросы онъ задавалъ довольно трудные.

Они знаютъ молитвы по славянски, но по вотски они ихъ не знаютъ, потому что законоучитель учительской семинаріи училъ ихъ съ ними по славянски. ** Все таки они, благодаря преподаванію на природномъ языкѣ, очень развиты и произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Они служили мнѣ образцомъ того, чего можно достигнуть при правильной постановкѣ преподаванія по системѣ Ильминскаго. Мой спутникъ очень ими гордится, какъ своими учениками, хотя говоритъ, что у него есть и лучшіе. Онъ разсказалъ мнѣ объ этихъ мальчикахъ очень забавный анекдотъ: «разъ я задалъ младшимъ ученикамъ образцовой школы списать съ классной доски слова — лошадь, корова, баранъ, собака, кошка — и самимъ приписывать къ каждому существительному мѣстоименіе «нашъ» или «наша». Ученики дружно принялись за работу. Но Семень сидѣлъ сложивъ руки и озираясь по сторонамъ. Я спрашиваю по вотски: «Что же ты не пишешь? Не знаешь, какъ писать»? — «Знаю». — «Какъ же нужно писать»? — «Наша корова». — «Ну, пиши». — «У насъ нѣтъ коровы». — «Ну, пиши дальше: нашъ баранъ». — «И барана у насъ нѣтъ». — «Пиши: наша собака». — «У насъ собака издохла». — «Ну пиши: наша кошка». — «Въ канканъ попалась».

Я въ сопровожденіи своего спутника посѣтила еще нѣсколько домовъ вотяковъ крещеныхъ и язычниковъ, между прочимъ навѣстила его брата и снова почувствовала рѣзкую разницу между обоими мірами, къ которому принадлежать близкіе родственники; у одного крестьянское платье, крестьянская рѣчь и интересы земли; у другого суконный пиджакъ, форменная фуражка, разсужденія о натуральномъ методѣ и умственные запросы.

Избы вездѣ просторныя, одинаково устроенныя, печь «татарской формы» (какъ выражается народъ) съ котломъ сбоку,

**) Явленіе странное, объясняемое «новыми» вѣяніями въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

нары, столъ и лавка; кіоты переполнены образами, на стѣнахъ висятъ полотенца. У язычниковъ нѣтъ образовъ — вотъ и вся разница. Дворы большіе, въ каждомъ есть «куала», т. е. курный шалапъ изъ бревенъ съ тесовой крышей безъ потолка, съ землянымъ поломъ; по серединѣ очагъ съ котломъ, и когда онъ топится, весь шалапъ наполняется дымомъ, потому что нѣтъ оконъ; въ одномъ углу столъ. Въ такой «куалѣ» вотяки лѣтомъ готовятъ кушанье и вся семья тамъ обѣдаетъ. Есть и молитвенные куалы, гдѣ язычники и недавно вышедшіе изъ язычества христіане совершаютъ языческія моленія.

Пока мы ходили по домамъ, въ нашу плетенку запрягли свѣжихъ лошадей. Мы еще зашли къ священнику, гдѣ намъ былъ приготовленъ вкусный обѣдъ — супъ и жареная курица, затѣмъ мы простились съ любезными хозяевами, съ добродушнымъ о. дьякономъ и уѣхали въ свой экипажъ. Когда плетенка завернула за церковь и выбралась на широкую улицу, я замѣтила издали поглядывающаго на насъ русскаго учителя и вспомнила о его недоумѣніи. «Доложить или не доложить онъ обо мнѣ господину инспектору?». подумалось мнѣ, «ну, пускай докладываетъ».

Лошади бѣгутъ веселой рысцой, черезъ нѣсколько часовъ я буду уже въ сосѣдней губерніи, — ищи вѣтра въ полѣ...

III.

Живописная дорога, то вилась между холмами, то поднималась на гору. Направо, по высокому краю холмовъ и на зеленыхъ ихъ скатахъ, лѣнились кудрявыя круглыя рощицы — луды. Иныя состоятъ изъ нѣсколькихъ высокихъ деревьевъ, отъ иныхъ осталась лишь какая нибудь старая одинокая сосна, точно случайно забредшая на гору и затѣмъ замершая въ грустномъ недоумѣніи; другіе представляютъ изъ себя совершенно правильную, точно нарочно подобранную группу де-

ревевъ: посерединѣ высокія стройныя ели, вокругъ нихъ болѣе низкія сосны или березы. Нѣкоторые луды опоясаны заборомъ, другіе не ограждены ничѣмъ. Ямщикъ нашъ указалъ на одинъ изъ этихъ лудовъ и сказалъ, что тамъ ежегодно рѣжутъ гуся: жители С. Ю. — одной изъ приходскихъ деревень — крещеные и язычники совершаютъ тамъ моленія. По словамъ ямщика, жители села О. Ю. въ лудахъ больше не молятся, у нихъ остался еще только обычай ежегоднаго моленія въ ржаномъ полѣ. Жители приходскихъ же деревень молятся въ лудахъ.

Такимъ образомъ сказывается вліяніе богослуженія на вѣрованіяхъ прихожанъ.

Недалеко отъ села О. Ю. мы проѣхали черезъ деревню, населенную крещеными вотяками, нынѣ совершенно отатарившимися. Такъ какъ они по спискамъ не числятся магометанами, то у нихъ нѣтъ муллы, и имъ не позволяютъ строить мечети, но у нихъ есть тайный молитвенный домъ и быть ихъ во всемъ сходенъ съ мусульманскимъ.

Намъ некогда было выходить изъ экипажа, но мой спутникъ хотѣлъ показать мнѣ этихъ отатарившихся вотяковъ и поэтому захватилъ съ собою изъ села О. Ю. серпъ, который его братъ хотѣлъ отдать въ починку, и вызвалъ знакомаго вотяка изъ одного изъ домовъ. Вышедшаго на его зовъ человека трудно было принять за вотяка; рубашка безъ пояса, войлочные чулки, бритая голова въ тюбетейкѣ, бритый подбородокъ — все было чисто татарское. Земляки поговорили, и мы поѣхали дальше. «Вотъ тамъ у нихъ тайный молитвенный домъ», сказалъ мой спутникъ, указывая мнѣ на спускающійся къ оврагу проулокъ.

Спустя нѣкоторое время мы пріѣхали въ село Н, гдѣ намъ предстояло мѣнять лошадей. Мы подѣтали къ чистенькому дому священника, мимо котораго ковылялъ круглолицый

младенецъ въ красной рубашкѣ и съ голыми ногами, бѣлизна которыхъ обличала его не крестьянское происхожденіе. Его за руку вела дѣвочка лѣтъ 12, видъ которой тоже заставилъ меня предполагать, что это дѣти священника. Моя догадка оказалась вѣрной. Когда мы пили чай въ залѣчкѣ, тѣ же дѣти появились, только чисто одѣтыя и обутыя въ ботинки на пуговицахъ.

Насъ угощала развитая и словоохотливая жена священника, его же самого не было дома. И батюшка и матушка оба крещенные татары, и оба окончили курсъ въ крещено-татарской школѣ; какъ всегда у бывшихъ учениковъ этой школы, на стѣнѣ висѣлъ портретъ Ильминскаго, а рядомъ, тоже часто встрѣчаемые у инородческихъ священниковъ, портреты о. Василія Тимофеева и К. П. Побѣдоносцева.

Я старалась навести матушку на разговоръ о нынѣшнихъ преслѣдованіяхъ инородческаго языка, но она избѣгала прямыхъ отвѣтовъ и стала какъ то недовѣрчиво озираться по сторонамъ. Во время разговора въ комнату медленной походкой вошелъ ея сынъ — семинаристъ II класса, и опустился на сундукъ. Я спросила его, говоритъ ли онъ по крещено — татарски; онъ отвѣчалъ какъ то пренебрежительно, что онъ по крещено-татарски не знаетъ; я начала его спрашивать о его ученіи; онъ втянулся въ разговоръ, во время котораго постоянно отбрасывалъ рукой густые каштановые волосы отъ своего красиваго лица. Не смотря на тонкія черты лица и большіе темные глаза, онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Этотъ юноша — типичный семинаристъ, его видъ навелъ меня на мысль, что инородецъ, потерявшій въ духовной семинаріи свою національную и духовную цѣльность, превращается въ заурядный типъ и тѣмъ болѣе несимпатиченъ, что, какъ всѣ ренегаты, пренебрежительно относится къ тому корню, изъ котораго онъ выросъ.

Какъ неизмѣримо выше стоятъ ученики инородческой учительской семинаріи и крещено—татарской школы, насколько они порядочнѣе и симпатичнѣе.

Я слышала отъ многихъ, что когда дѣти инородческихъ священниковъ прошли черезъ духовныя учебныя заведенія и забыли свой родной языкъ, они почти ничѣмъ не отличаются отъ дѣтей русскаго духовенства; помнящіе же свой родной языкъ сохраняютъ свой особый типъ.

Послѣ чаю матушка водила насъ въ свой хорошенькій зеленый садикъ, съ подсолнухами, ягодными кустами и блестящими новыми ульями.

Пока закладывали лошадей, я просила матушку позвать учителя, съ которымъ мнѣ хотѣлось побесѣдовать. Онъ вотькѣ, окончившій курсъ въ крещено—татарской школѣ. Онъ подтвердилъ слышанное мною въ О.—Ю., что инспекторъ требуетъ въ школѣ преподаванія на русскомъ языкѣ съ сокращеніемъ до минимума употребленія родного языка. Школа земская, инородческаго букваря въ ней нѣтъ.

Для преподаванія русскаго языка инспекторъ предоставилъ учителю на выборъ три учебника: Шельцеля, Вольпера и Гогобашвили. Я просмотрѣла ихъ съ большимъ интересомъ: оба первыхъ придерживаются такъ называемаго натурального метода и для восточныхъ инородцевъ не годятся. Учебникъ Гогобашвили составленъ очень разумно по наглядно-переводному методу, съ широкимъ пользованіемъ родной рѣчью и могъ бы служить прекраснымъ руководствомъ для волжско-касскихъ инородцевъ, еслибы не былъ принаровленъ для грузинъ. Въ немъ находятся цѣлыя предложенія на грузинскомъ языкѣ и всѣ картинки взяты изъ грузинскаго быта. И не смотря на это, многіе учителя говорили мнѣ, что этотъ учебникъ несравненно удобнѣе Шельцеля, Вольпера и усиленно распространяемаго начальствомъ Казанскаго учебнаго округа руко-

водства Дависа, изданнаго въ Ригѣ и составленнаго безъ всякой системы: съ картинками и рассказами заимствованными изъ городского быта. По Давису и Шельцелю, по свидѣтельству учителей, почти невозможно заниматься. Но учебному кругу очевидно нѣтъ дѣла до дѣйствительной нужды населенія. Онъ имѣетъ свои личныя взгляды и свои собственныя соображенія, на основаніи которыхъ онъ бракуетъ составленный при Казанской инородческой учительской семинаріи изданный Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ «Наглядный Русскій букварь», приравленный къ пониманію инородцевъ и соединяющій преимущества обоихъ методовъ — нагляднаго и переводнаго. По примѣру Гогобашвили всѣ помѣщенные въ немъ примѣры, рассказы и картинки взяты изъ народнаго быта.

Помянутая выше пропаганда «натуральнаго метода» во что бы то ни стало похоть противъ инородческихъ языковъ началась недавно. Правда, что уже Ильминскому пришлось бороться съ неумѣлымъ и вреднымъ для дѣла усердіемъ насильственныхъ обрусителей; но главный похоть начался года два назадъ и связанъ съ перемѣной высшаго начальства въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Къ этому въ Казанской губерніи присоединилось также враждебное отношеніе новаго высшаго духовнаго начальства и истиннымъ послѣдователямъ Ильминскаго трудно стало дышать. При отмѣченномъ настроеніи наверху, не мудрено, что низшія должностныя лица: оо. наблюдатели и инспектора доводятъ свою ретивость до крайнихъ предѣловъ и прямо изгоняютъ родной языкъ изъ школы. Я слышала даже, будто по приказанію инспекціи было вывѣшено въ нѣкоторыхъ школахъ объявленіе: «запрещено говорить по-вотски».

Я подробно разспросила своего спутника о способахъ преподаванія русскаго языка въ образцовой школѣ при учительской семинаріи и о его опытѣ въ этомъ дѣлѣ. Въ отвѣтъ онъ

разказалъ мнѣ слѣдующее: «Два года назадъ младшее отдѣленіе нашей школы состояло изъ трехъ инородцевъ: калмыка, корейца и вотяка. Я зналъ только языкъ послѣдняго. Уроки русскаго языка начались съ первыхъ же дней школьнаго обученія. Велись они по натуральному методу, по необходимости безъ всякаго содѣйствія роднаго языка. Только вотякъ систематически пользовался содѣйствіемъ родной рѣчи, да еще кореецъ изрѣдка слышалъ объясненіе на своемъ языкѣ, благодаря присутствію въ учительской семинаріи нѣсколькихъ учениковъ-корейцевъ. Въ концѣ года познанія моихъ учениковъ были различны. Вотякъ зналъ гораздо большее количество словъ по русски, нежели кореецъ и особенно калмыкъ, которымъ русскій языкъ преподавался исключительно по натуральному методу. И по остальнымъ предметамъ, напримѣръ по счисленію и письму, которыя преподавались вотяку по-вотски, онъ стоялъ выше своихъ товарищей. Особенно ничего не понимали мои ученики въ счисленіи. О нравственномъ воздѣйствіи на калмыка и рѣчи не могло быть, и поэтому неудивительно, что къ концу года онъ окончательно испортился. Онъ самъ лѣзъ въ драку, а когда товарищи его, бывало, побьютъ, онъ приходитъ ко мнѣ и жестами показывалъ, что его побили. Но внушить ему, по незнанію его языка, нельзя было ничего, и онъ изъ тихаго и скромнаго мальчика обратился въ драчуна и буяна.»

«Въ прошломъ году, черезъ годъ послѣ калмыка, младшее отдѣленіе нашей школы составилось исключительно изъ вотяковъ. Преподаваніе русскаго языка началось съ первыхъ же дней и велось по *наглядно—переводному* методу, т. е. при широкомъ пользованіи наглядностью, но я всегда прибѣгалъ и къ помощи роднаго языка учащихся. Въ теченіи года мы усвоили около 600 русскихъ словъ, познакомились съ нѣсколькими грамматическими формами русскаго языка. Все это усваивалось

вотачками съ нательно, навсегда. Вотачата къ концу года научились выражаться по русски и стали понимать несложную русскую рѣчь. Въ видѣ опыта я занимался иногда по натуральному методу, но эти уроки всегда выходили менѣе продуктивными чѣмъ уроки наглядно—переводные... Вотъ одинъ изъ этихъ уроковъ: Мнѣ нужно было познакомить учениковъ со словомъ: *видитъ*. Я дѣлалъ такъ: закрывъ глаза и говорю: учитель не видитъ, потомъ открывъ глаза говорю: учитель видитъ. Вызвавъ одного ученика и закрывъ ему глаза, говорю: онъ не видитъ, открывъ глаза: онъ видитъ, и такъ далѣе.

«Ученики произносили, повторяли и какъ будто понимали новое слово правильно. Но когда я сдѣлалъ провѣрку на вотскомъ языкѣ, ученики на вопросъ: какъ будетъ по вотски слово *видитъ*? отвѣтили: *с и н ѣ з ѣ к и н ѣ и з*, т. е. зажурилъ глаза. Такъ превратно понимаются инородцами многія русскія слова, если они объясняются исключительно по наглядному методу.

«Совсѣмъ иначе изучаются русскія слова и совсѣмъ иное отношеніе бываетъ къ изучаемымъ словамъ, когда учитель общается ихъ инородцамъ при помощи роднаго языка. Въ этомъ случаѣ инородцы обращаются съ русскими словами такъ же сознательно, какъ и съ родными.

«Если преподаваніе ведется дѣйствительно по системѣ Ильминскаго, (т. е. первые два года ученики научаются инородческой грамотѣ, и параллельно съ этимъ имѣютъ уроки русскаго языка, сначала разговорнаго, а потомъ уроки русской грамоты), то даже ученики, выходящіе до окончанія курса, не забываютъ грамоту. Они успѣваютъ въ два года приобрести любовь къ чтенію, и по выходѣ изъ школы обыкновенно прочитываютъ всѣ существующія на родномъ языкѣ книги; затѣмъ болѣе любознательные изъ нихъ переходятъ къ чтенію русскихъ книгъ.

«Это явленіе очень замѣтно у крещеныхъ татаръ и у чувашъ.

«Чуваши учатся лучше всѣхъ и при поступленіи въ учительскую семинарію выдерживаютъ конкурсный экзаменъ лучше всѣхъ, потому что у нихъ въ подготовительной школѣ широко пользуются роднымъ языкомъ. Хуже всѣхъ выдерживаютъ экзаменъ вотяки и черемисы, потому что у нихъ во всѣхъ школахъ очень пренебрегаютъ роднымъ языкомъ». Дѣйствительно, думалось мнѣ, слушая моего собесѣдника, какое же можетъ быть у учениковъ развитіе, когда мальчикъ, задумывающійся надъ предложеніемъ:—положи лѣвую руку на правое плечо,—тутъ же молитвы и рассказы изъ священной исторіи катаетъ безъ остановки.

Другую причину большей успѣшности чувашъ, сравнительно съ другими племенами, мой спутникъ видитъ въ томъ, что до прошедшаго года нѣкоторые чувашскія школы были объединены подъ наблюденіемъ одного окружнаго инспектора, И. Я. Яковлева; основателя Симбирской учительской школы, природнаго чуваша, получившаго университетское образованіе и состоявшаго съ 70-хъ годовъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ильминскаго.

Въ сожалѣнію Министерство Народнаго Просвѣщенія уничтожило эту инспекторскую должность, и чувашскія школы, подобно школамъ прочихъ племенъ, оказываются въ рукахъ обычныхъ инспекторовъ, не знающихъ инородческихъ языковъ и дѣйствующихъ каждый порознь и часто съ полнымъ игнорированіемъ потребностей и задачъ инородческой школы. «Некому объединять и направлять работу всѣхъ инородческихъ дѣятелей, каждый работаетъ въ своемъ углу, а поддержать некому!» воскликнулъ мой спутникъ съ горечью, инородцы льнуть къ Николаю Алексѣвичу, но у него за послѣдніе годы совершенно связаны руки.»

IV.

Мы выѣхали изъ села Н. подъ вечеръ; лучи заходящаго солнца золотили красноватымъ блескомъ зеленую долину, по которой мы ѣхали. Рѣчка, широкимъ озеромъ разливавшаяся въ лутахъ, около береговъ казалась синей, а посерединѣ ея шли яркія бѣлесоватыя полосы, похожія на стальное лезвіе. Мы подынялись на кряжъ невысокихъ холмовъ, идущихъ налѣво; они перешли въ пологій, плоскій скатъ и мы незамѣтно спустились въ широкую равнину. Версты черезъ 3 мы пріѣхали въ большое магометанское селеніе Воны, и мой спутникъ разсказалъ мнѣ, что здѣсь года 2 назадъ мусульмане побили инспектора Краснодубровскаго, вскорѣ послѣ этого уволенного и написавшаго въ отиѣстѣу статью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ противъ всей системы Ильминскаго. Солнце уже скрылось за горизонтомъ, и азанча уже прокричалъ свой вечерній заунывный призывъ, сопровождающій моментъ заката, но западъ еще горѣлъ; а по восточной части небосклона разлилась лиловая синева.

Селеніе лежитъ у подножія высокаго крутого холма, на который даже жутко подниматься. Мой спутникъ выпрыгиваетъ изъ плетенки и идетъ пѣшкомъ, а я не безъ страха поглядываю на крутизну. Но вотъ мы добрались до вершины, мой спутникъ утѣшаетъ меня общаніемъ, что тѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ Вятскую губернію, до границы которой мы теперь добрались, тѣмъ больше будетъ такихъ высокихъ и крутыхъ горъ. Мы ѣдемъ по возвышенному плоскогорію, смеркается; по черной вспаханной землѣ тянется нѣсколько дорогъ; мы сбиваемся и беремъ слишкомъ направо, потомъ замѣтивъ, что попали не туда, возвращаемся обратно и держимъ путь на нѣсколько одиноко стоящихъ большихъ деревьевъ. Скоро начинаются лѣса, перемежающіеся полями. Становится совсѣмъ

темно. Мы пересѣкаемъ большую сибирскую дорогу, минуемъ какой то поселокъ, оживленный горящими въ окнахъ огоньками, и спускаемся въ низкіе сырые дуга. Мой спутникъ мнѣ рассказываетъ, что по слухамъ одинъ изъ уволенныхъ за дурное поведеніе учениковъ крещено—татарской школы, уроженецъ отстувническаго села, грозитъ переходомъ въ мусульманство и съ ужасомъ повторяетъ: «вотъ будутъ на насъ нареканія».

Мы ѣдемъ шагомъ по топкому мѣсту; направо въ потемкахъ чернѣютъ очертанія стоговъ; я радуюсь этому доказательству, что сѣнокосъ въ этихъ мѣстностяхъ оконченъ и что мы застанемъ жителей дома.

Наконецъ передъ нами замелькали огоньки большого вотскаго селенія К—тъ; гдѣ мы намѣрены переночевать. Мы съ нѣкоторымъ трудомъ отыскиваемъ въ потемкахъ зданіе миссіонерской школы.

Слѣдующій день былъ яркій, ясный, солнечный. Пока утромъ я пила чай, въ комнату вошелъ человекъ средняго роста съ типичнымъ вотскимъ лицомъ, бѣлокурыми волосами и бородой, съ мягкими, тонкими удлинненными чертами и привѣтливыми голубыми глазами, одѣтый въ сѣрую короткую поддевку и обутый въ сапоги.

Этотъ вотякъ, П. К. здѣшній уроженецъ, первый крестникъ очень извѣстнаго въ Вятской губерніи миссіонера—самоучки, о которомъ я расскажу ниже.

Теперь П. К. состоитъ учителемъ въ 5 верстахъ отсюда въ деревнѣ К—шъ. Я стала его разспрашивать о его школѣ; школа его миссіонерская, зависящая отъ Вятскаго миссіонерскаго комитета, но съ пособіемъ отъ земства; жалованья П. К. получалъ сначала 75 р., потомъ сталъ получать 100 р., а теперь получаетъ 150., но изъ этой суммы надо отапливать и освѣщать школу; учениковъ 50 изъ четырехъ деревень; учениковъ было бы больше, еслибъ валяніе валенокъ и куледей

ланіе, составляющія промыселъ мѣстнаго населенія, не отбивали дѣтей отъ школы. Ученики изъ дальнихъ деревень ночуютъ въ школѣ, и жена П. К. даромъ на нихъ стряпаетъ; сторожа при школѣ нѣтъ.

Лѣтомъ П. К. живетъ дома и занимается полевыми работами.

Я просила П. К. разсказать мнѣ исторію своей жизни и, сядя у стола, записывала, что онъ мнѣ говорилъ, нѣсколько исправляя его слогъ: «Я принадлежалъ къ языческой семьѣ; и мое языческое имя было Рашъ. Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, мнѣ очень захотѣлось учиться; у меня былъ товарищъ, который учился у солдата, это еще увеличило мое желаніе идти въ школу. Я часто плакалъ, просился въ школу; долго родители мои не соглашались отпустить меня, наконецъ смягчились, накрыли столъ, взяли хлѣбъ, помолились, запрягли лошадь и повезли въ селеніе Б— въ миссіонерскую школу (Въ К.—ть тогда еще школы ни было). Ученіе шло на крещено-татарскомъ языкѣ. Я тамъ учился полгода, потомъ меня повезли въ большое наше приходское село Ц., чтобъ я тамъ лучше выучился по-русски. Тамъ были русскіе учителя, и ученіе шло на русскомъ языкѣ. Я тамъ проучился два года и выдержалъ экзаменъ. По Закону Божію меня не учили, потому что я былъ язычникъ, но за другими я выучился нѣкоторымъ молитвамъ. Иногда я просился читать утреннюю молитву, но учитель мнѣ не давалъ. Въ то время въ школѣ вовсе не давали вотскихъ книгъ. Когда я кончилъ курсъ, мнѣ дали въ награду славянское Евангеліе, вотское Евангеліе отъ Маттея и два поученія по-вотски. Сначала я не обратилъ на эти книги вниманія, потомъ сталъ читать ихъ, и меня стало все больше къ нимъ тянуть. Мнѣ захотѣлось креститься, но я не смѣлъ говорить объ этомъ отцу. Къ счастью въ скоромъ времени я познакомился съ Кузьмой Андреевичемъ. Это было такъ: одинъ

разъ случайно К. А. заѣхалъ къ мѣстному богачу Сапару, у котораго онъ устроилъ бесѣду и прочиталъ вечернія молитвы. К. А. говорилъ Сапару, что онъ подобныя собесѣдованія ведетъ въ своемъ родномъ селеніи Карлыганѣ, въ школѣ, каждую недѣлю. Сапаръ выразилъ желаніе, чтобы такія собесѣдованія велись и въ К—тѣ, и тогда же сказалъ, что онъ согласенъ выстроить зданіе для школы. К. А. говорилъ еще, что учителемъ нужно назначить мѣстнаго человѣка, такъ какъ постороннее лицо живетъ въ школѣ только зимою, а лѣтомъ, когда съ крестьянами можно чаще бесѣдовать, уходитъ на родину. К. А. спросилъ Сапару: нѣтъ ли у васъ какого-нибудь грамотнаго вотяка? Сапаръ отвѣтилъ, что въ К—тѣ есть очень ловкій молодой человѣкъ по имени Рашъ, который состоитъ въ настоящее время сборщикомъ податей, К. А. вмѣстѣ съ Сапаромъ тотчасъ пришли къ моимъ родителямъ, но меня дома не застали, я былъ на мельницѣ. Они пришли и во второй разъ, но я былъ въ сосѣдней деревнѣ на заработкахъ, валялъ валенки. Тогда К. А. сказалъ матери, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ Карлыганъ, чтобы обо всемъ съ нимъ переговорить.

Я немедленно поѣхалъ. Это было въ 1891 году, въ началѣ. К. А. очень былъ радъ, что я пріѣхалъ. Вечеромъ послѣ ужина К. А. повелъ меня въ школу, гдѣ бесѣдовалъ со мною до полночи; онъ говорилъ со мной о христіанствѣ, спрашивалъ меня, согласенъ ли я креститься. Когда я отвѣтилъ «да», онъ сказалъ мнѣ, что послѣ крещенія меня можно сдѣлать учителемъ. Но для этого нужно еще немного поучиться. Около Рождества К. А. пріѣхалъ въ К—тѣ, чтобы поговорить съ моими домашними о моемъ ученіи. Чтобы не было со стороны ихъ какой либо задержки, К. А. говорилъ родителямъ, что меня освободятъ отъ воинской службы, если я поступлю на должность учителя. Мать говорила, что тогда мнѣ придется креститься. Но К. А. успокаивалъ ее, говоря, что учительство можно по-

лучить помимо крещенія. Послѣ Рождества я началъ учиться и учился до мая. Въ мартѣ мѣсяцѣ рѣшено было, что я приму крещеніе. К. А. нарочно одинъ пріѣхалъ въ К—ть увѣдомить объ этомъ мою мать. Она осталась очень недовольна и отказала мнѣ въ благословеніи. Но тѣмъ не менѣе я крестился; самъ миссіонеръ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, я по немъ называюсь «Кузьмичъ» фамилію мнѣ дали по языческому имени моего отца.

«По окончаніи учебнаго года я пришелъ домой и прожилъ дома вплоть до осени. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я поѣхалъ вмѣстѣ съ К. А. въ Казанскую учительскую семинарію, чтобы получить свидѣтельство на званіе инородческаго учителя. Познанія мои были посредственны; но Н. И. Ильминскій, по просьбѣ К. А., выдалъ мнѣ свидѣтельство. Послѣ этого я получилъ мѣсто учителя въ Т. Тамъ до меня школа существовала около шести лѣтъ, но она нисколько не повліяла на вотяковъ. Съ первыхъ же дней моего учительства я, по указанію К. А., сталъ вести религіозно-нравственныя собесѣдованія. Народу на эти собесѣдованія вначалѣ ходило немного, но потомъ число ихъ стало увеличиваться все больше и больше. Религіозная жизнь вотяковъ стала мало по малу улучшаться; вмѣсто пятницы стали соблюдать воскресенье и въ церковь стали ходить больше, стали соблюдать христіанскіе посты. Черезъ 4 года меня перевели во вновь открытую школу въ деревню К—ть, гдѣ я и теперь служу учителемъ. Въ новой школѣ, кромѣ обыкновенныхъ школьныхъ занятій, я наканунѣ каждого воскресенья и праздника дѣлалъ бесѣды съ народомъ. Въ теченіи моей десятилѣтней учительской службы въ К—ть вотяки въ религіозномъ отношеніи сдѣлались почти незнаемы: бросили празднованіе пятницы, оставили свое языческіе обряды, стали соблюдать посты и почти всѣ исполняютъ долгъ исповѣди и св. причастія. Завели для

школы пудовый колоколъ. Прежде народъ созывался на бесѣды при помощи учениковъ, которые ходили по дворамъ. Теперь же народъ созывается по звону колокола. Завели еще для школы большія иконы. Иконы эти употребляются во время пасхальнаго крестнаго хода по деревнѣ.

«Когда вотакъ—язычникъ убѣдится въ истинности христіанства, его мучаетъ сознаніе, что онъ язычникъ, не истинной вѣры. Послѣ же крещенія онъ дѣлается сначала очень радостнымъ, но какъ будто немного стѣсняется постоянныхъ своихъ друзей и знакомыхъ».

«Вотъ и со мной такъ было; разъ еще до крещенія пошелъ сильный дождь, я читалъ про потопъ и хотя зналъ, что другаго потопу не будетъ, по мнѣ было сомнительно и боязно, что вдругъ будетъ другой потопъ; и я умру некрещеный. Я читалъ бесѣду Иисуса Христа съ Никодимомъ, тамъ сказано: «если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе», и я боялся. Кажется всѣ чувствуютъ, какъ я. Я замѣчалъ, что послѣ крещенія у крестившагося лицо мѣняется, дѣлается какъ будто свѣтлѣе. Даже Б—скіе крещенные татары говорятъ про моихъ братьевъ, которые недавно крестились, что они какъ будто лучше и здоровѣе стали».

«Здѣсь въ Б—тѣ школа была открыта въ 1894 году, но Б. А. сталъ ѣздить сюда еще съ 1891 года и обратилъ многихъ язычниковъ въ христіанство. За 10 лѣтъ здѣсь перемѣнъ много; народъ сталъ гораздо благочестивѣе, въ церковь ходятъ очень усердно. Приходская церковь далеко, верстъ за 15, но въ Б—шевѣ, въ 3-хъ верстахъ отсюда, есть церковь-школа. Вчера, 20-го іюля, я шелъ туда и видѣлъ—идеть въ церковь баба съ тремя дѣтьми, старшему 8 лѣтъ, другому 5, младшій грудной. Грудного она взяла въ колясочкѣ, 5 лѣтній усталъ и сталъ плакать. Мать посадила его въ колясочку, грудного взяла на руки и пошла далѣе».

V.

Послѣ бесѣды съ П. К. мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ К—томъ, начиная со школы. Учителя не было дома, онъ уѣхалъ на лѣто на свою родину въ селеніе К. Поэтому я просила П. К. собрать мнѣ учениковъ. Школа миссіонерская, отъ Вятскаго миссіонерскаго комитета, въ ней учится около 23-хъ мальчиковъ и около 12 дѣвочекъ. Вскорѣ ихъ на дворѣ набралось порядочно, и мы впустили ихъ въ школу. Ребятишки очень привлекательные: невысокаго роста, широкоплечіе, коренастые, доброкачественные, точно дубовые пеньки; мальчики въ кафтанчикахъ изъ пестрой полосатой домотканной холстины, съ сѣрыми войлочными шляпами въ рукахъ, дѣвочки въ широкихъ пестрыхъ платьяхъ. У меня до сихъ поръ передъ глазами круглое, умильное, вполне неподвижное лицо коренастаго вотяченка съ большимъ ртомъ и круглыми глазами, и другое лицо худенькое, задумчивое, обрамленное бѣлокурыми волосами.

Экзамень пошелъ чрезвычайно туго; вотяки вообще, какъ финны, медлительны и мало подвижны, а тутъ еще дѣтей заковалъ совершенно естественный страхъ. Отъ мальчиковъ еще можно было кое-чего добиться, но дѣвочки большей частью, опустивъ глаза, упорно молчали. Въ младшемъ отдѣленіи дѣти знаютъ по русски лишь нѣсколько отдѣльных словъ; учившіеся два года имѣютъ нѣсколько большій запасъ словъ, но не могутъ сказать связнаго предложенія. Дѣти старшаго отдѣленія, проучившіеся 3—4 года, понимаютъ вопросы и могутъ по русски составить простую фразу, но разговаривать по русски не могутъ. Пишутъ ученики недурно; и окончившіе курсъ, и проучившіеся 3 и 4 года всѣ могли записать, хотя не безъ ореографическихъ ошибокъ, имена предме-

товъ, которые я клала на столъ, и могли записать нѣкоторыя произведенныя мной простыя дѣйствія, хотя надо было сначала заставлятъ ихъ составить фразу устно, что давалось не безъ натуги, между тѣмъ, какъ въ другихъ видѣнныхъ мной школахъ дѣти прямо писали.

Затѣмъ я просила моего спутника продиктовать имъ нѣсколько предложеній по вотски; лица учениковъ оживились, и руки задвигались быстро. «Жокъ сыле выжъ вымынъ. Мойъ дыпесъки нуль арь. Инмарлы восяске» написали вотячата и по моей просьбѣ подписали свои имена и фамиліи. Марія Александрова, Михайловъ Петръ, Исакей Ильмурзиновъ (язычникъ) и т. д.

Послѣ письма мы приступили къ Закону Божию. Молитвы по славянски всѣ болѣе или менѣе знали наизусть, младшіе бессознательно, а старшіе могли перевести на вотскій языкъ, потому что хорошо знаютъ вотскія молитвы.

Священную исторію старшее отдѣленіе и окончившіе курсъ могутъ катать наизусть, но на вопросы, задаваемые изъ священной исторіи по русски, не отвѣчаютъ. На тѣ же вопросы по вотски даютъ хорошіе отвѣты. Вообще сознаніе очевидно развито, но въ предѣлахъ родной рѣчи. По русски отвѣчаютъ лишь заученное, и очевидно по памяти, а не по сознанію. Лица ихъ во время русскихъ отвѣтовъ сохраняли свою неподвижность и оживлялись только, когда доходило дѣло до родного языка.

Съ точки зрѣнія выполненія программы школа неудовлетворительна. Но результаты ея стали мнѣ очевидными, когда я пошла съ П. К. и моимъ спутникомъ по домамъ, чтобъ ознакомиться съ жизнью К—тскихъ вотяковъ. Мы зашли сперва въ домъ двухъ братьевъ, крещеныхъ въ 1892 и 1896 годахъ. Какъ на причину своего крещенія, они указали на переводы книгъ на вотскій языкъ и на школу, откуда дѣти

выходять, понимая по русски и съ нѣкоторымъ развитіемъ, которыми они вліяють на родителей.

Въ другомъ домѣ родители до сихъ поръ некрещены, но три дочери въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ крестились годъ назадъ. Мы застали въ избѣ только отца, онъ разсказалъ намъ, что онъ хотѣлъ креститься, когда былъ на военной службѣ, но родители не дали ему благословенія. Я спросила его, почему онъ не крестится теперь. «Такъ, живемъ да живемъ», отвѣтилъ онъ, но все же прибавилъ, что думаетъ креститься. Онъ сказалъ, что дочери его крестились подъ вліяніемъ книгъ, принесенныхъ изъ школы; онѣ объявили ему, что читали такія книги, послѣ которыхъ онѣ теперь не могутъ больше оставаться язычниками.

Мы зашли и въ домъ П. К., младшій братъ котораго подъ его вліяніемъ, крестился недавно. У самого П. К. молодая жена и миловидная дочка лѣтъ 4-хъ, очень избалованная, какъ все единственные дѣти.

На улицѣ насъ остановилъ одинъ вотякъ: онъ подошелъ къ моему спутнику и благодарилъ его за Евангеліе. Мой спутникъ участвовалъ въ недавно изданномъ переводческой комиссіей новомъ полномъ переводѣ Четверо-Евангелія, и когда развозилъ эти Евангелія для продажи три недѣли тому назадъ, оставилъ 50 экземпляровъ приходскому священнику о. Михаилу. За эти три недѣли все 50 Евангелій уже были распроданы. П. К. разсказалъ намъ, что къ о. Михаилу также приходилъ одинъ вотякъ и просилъ передать благодарность переводчику; онъ выразился такъ: «очень понятно, раньше мы только слышали, а теперь сами читали и вдумываемся». Дошедши до конца улицы, мы направились въ другую часть селенія, гдѣ живетъ больше всего язычниковъ. Было душно и пыльно; солнце сильно припекало; мы перешли черезъ глубокій оврагъ и оказались въ концѣ улицы, спускающейся къ центру

селенія. Около одного дома работали два мужика, родные братья и нѣсколько мальчиковъ. П. К. сказалъ, что всѣ они упорные язычники. Я спросила ихъ, какъ они молятся. Они сказали, что молятся по своему, но дома, а не въ лудахъ, не принимаютъ крещенія, потому что не видятъ въ этомъ нужды: «такъ себѣ живемъ да живемъ», но дѣтямъ не запрещаютъ ходить въ церковь. Дѣти язычниковъ ходятъ и въ миссіонерскую школу.

Во дворѣ одного изъ домовъ мы увидѣли того круглолицаго ученика, котораго я примѣтила въ школѣ; онъ стоялъ передъ клѣткою, повязанный большимъ бѣлымъ фартукомъ. Вся семья языческая. Мой спутникъ спросилъ отца, не отпустить ли онъ сына въ Казань въ образцовую школу при учительской семинаріи, но тотъ рѣшительно отказался.

Вся деревня въ общемъ зажиточна, занимается валяніемъ валенокъ, бѣлыхъ съ краснымъ узоромъ. Мальчики съ 8—10 лѣтъ начинаютъ помогать отцамъ, участвуя въ вышивкѣ, красного узора на валенкахъ. Поэтому они поступаютъ въ школу лѣтъ 6—7, и уходятъ изъ нея большей частью до окончанія курса.

Домовъ въ К—тѣ 140; изъ нихъ около 30 дворовъ, гдѣ хозяинъ язычникъ, а семья языческая частью или цѣлкомъ. Женщины по русски совсѣмъ не говорятъ, мужчины по русски болѣе или менѣе знаютъ. Мы зашли еще въ одинъ дворъ; увидѣвъ тамъ парня лѣтъ 19-ти, я просила у него позволенія зайти въ его недавно отстроенную избу и стала его спрашивать; оказалось, что онъ одинъ крещенный, а вся его семья осталась въ язычествѣ. Узнавъ, что онъ любитъ духовныя книги, но что у него нѣтъ Евангелія, я подарила ему 25 к. съ предложеніемъ купить Евангеліе у П. К.

Меня интересовало, искренни ли были его слова; вѣдь ему ничего не стоило, взять эти деньги, сказать, что онъ купитъ

Евангеліе послѣ, а самому употребить ихъ на табакъ. Но онъ тотчасъ же всталъ, подошелъ къ П. К., и передать ему деньги съ просьбой отложить для него Евангеліе, за которымъ онъ придетъ послѣ. Я заинтересовалась этимъ юношей и просила его вернуться съ нами въ школу и рассказать мнѣ, какъ онъ сдѣлался христіаниномъ. Онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

«Мое языческое имя было Байтуганъ, а христіанское имя — Семенъ. Я ходилъ въ школу, читалъ книги, и книги меня убѣдили принять христіанство. Я жилъ въ работникахъ въ русской деревнѣ. Учительница сказала про меня К. А.—ву, онъ пріѣхалъ въ школу, вызвалъ меня и говорилъ со мной одинъ разъ. Вечеромъ онъ говорилъ со мной до полуночи, а утромъ я пошелъ къ приходскому священнику и сразу окрестился. Первой причиной моего желанія принять христіанство было чтеніе христіанскихъ книгъ въ школѣ, и я еще до разговора съ К. А. ѣздилъ къ священнику креститься, но до 12 лѣтъ нельзя этого сдѣлать безъ позволенія родителей, и священникъ велѣлъ мнѣ достать метрику, чтобъ узнать, сколько мнѣ лѣтъ. Послѣ этого я долго не рѣшался креститься, но бесѣда К. А. такъ на меня повліяла, что окончательно убѣдила меня сдѣлаться христіаниномъ; справка о моихъ лѣтахъ уже была сдѣлана, мнѣ было уже 14 лѣтъ, и можно было креститься. Хозяинъ, у котораго я работалъ, былъ моимъ крестнымъ отцомъ, а моя учительница—крестной матерью. Роднымъ своимъ я ничего не сказалъ. Отецъ заранѣе говорилъ: «если крестишься, не пущу въ домъ», но послѣ онъ самъ позвалъ меня къ себѣ, такъ что вскорѣ послѣ крещенія я опять поселился дома. Но цѣлый годъ семья не пустила въ домъ икону, и я молился въ клѣтѣ. Черезъ годъ одинъ разъ все ушли жать; я остался дома одинъ и повѣсилъ надъ окномъ противъ стола (такъ часто вѣшаютъ иконы

у вотяковъ) икону св. Николая, которую мнѣ дала крестная мать. Когда семья вернулась, то не рѣшилась выгнать икону, и она осталась. Передъ ней молятся и язычники. Имъ все равно, есть или нѣтъ образа; они все равно молятся на передній уголь. По большимъ праздникамъ они берутъ въ руки хлѣбъ, становятся передъ углемъ; есть ли въ немъ образъ или нѣтъ, по-своему читаютъ молитвы и кланяются, т. е. киваютъ головой.

«Одинъ разъ въ годъ, передъ яровой пашней, язычники ходятъ въ поле, берутъ съ собой пиво и хлѣбъ, испеченный непременно изъ смѣси ржаной и пшеничной муки, и молятся; а домой придутъ, все это съѣдаютъ.

«Вскорѣ послѣ моего крещенія за мной гнались сосѣди съ дубинами; одинъ размахнулся, не попалъ, но ударомъ разбилъ фонарь. Теперь меня уже не гонятъ.

«Я старался читать своимъ семейнымъ христіанскія книги и убѣждать ихъ, но они упорны. Только одна моя взрослая сестра слушаетъ и хочетъ креститься».

Записавъ рассказъ Семена съ нѣкоторымъ исправленіемъ его слога, я поблагодарила его и отпустила, давъ ему 50 коп. Онъ долго не хотѣлъ брать, я насилу его уговорила принять этотъ полтинникъ.

Передъ отъѣздомъ изъ К—та, мы собрались пить чай, а я наскоро записывала въ свой дневникъ видѣнное мной въ деревнѣ. Поднимаю голову и вижу передъ окномъ среди дороги стоитъ плетенка, запряженная въ одну лошадь; въ ней сидитъ нарядно одѣтая вотячка и прихлебываетъ водку изъ стакана. Очевидно она была въ гостяхъ и, по вотскому обычаю, ея знакомыя ловятъ ее на улицѣ при выѣздѣ изъ селенія и выносятъ ей угощеніе. Одна баба держитъ лошадь подъ уздцы, двѣ другія стоятъ по сторонамъ. Это была живописная бытовая картина: пестро одѣтая баба, съ высокимъ

головнымъ уборомъ, въ пестрыхъ платьяхъ и бѣлыхъ войлочныхъ чулкахъ, перевязанныхъ прикрѣпленными къ лаптямъ красными оборками. Сидящая въ плетенѣ гостя откинулась назадъ, чтобъ выпить водку залпомъ, одна изъ провожающихъ оперлась о край плетенки, держа бутылку въ рукѣ; другая по ту сторону что то говорить и смѣется; а третья, стоящая передъ лошадыю, нагнулась назадъ, выдвинула впередъ одну ногу и съ такой энергiей держитъ узду, что кажется будто ее не сдвинетъ никакая сила. И вся эта картина рисуется на фонѣ голубого неба и облита лучами яркаго июльскаго солнца.

Мы вышли изъ К—та часовъ около 3-хъ; дорога поднималась на холмы и извивалась между лѣсонками. Мѣстность потянулась живописная, съ оврагами и крутыми пригорками; на одномъ изъ нихъ подъ высокими деревьями ютилось мусульманское кладбище, а недалеко оттуда въ долину оказалась мусульманская деревня съ мечетью. Мнѣ очень хотѣлось услышать зовъ азанча, но какъ нарочно было не время молитвы.

Наконецъ мы выбрали на ровное мѣсто и покатали по едва замѣтному склону обширныхъ вспаханныхъ полей. Со всѣхъ сторонъ начали сползаться облака, а западъ былъ задержанъ такой сѣрой завѣсой, которая на завтра обѣщала дождливый день. Даже за нынѣшній вечеръ нельзя было ручаться, и я очень обрадовалась, когда вскорѣ передъ нами показалась бѣлая колокольня большой каменной церкви вотскаго села Ц. гдѣ намъ предстояло остановиться на ночь.

VI.

Село Ц. Малмыжскаго уѣзда, Вятской губерніи лежитъ недалеко отъ границы Уржумскаго уѣзда той же губерніи. Это село является центромъ громаднaго прихода, занимающаго 682

квадратныхъ версты и охватывающаго 37 селеній, въ которыхъ живутъ главнымъ образомъ вотяки, но есть также крещеные татары, черемисы и небольшое количество русскихъ; въ числѣ жителей этихъ 37 селеній есть православные, магометане и язычники. Къ началу 1904 года въ приходѣ было вотяковъ язычниковъ 347 душъ обоего пола, а черемисъ язычниковъ 714 душъ обоего пола. По близости въ приходѣ и его окрестностяхъ тысячъ десять магометанъ. Православныхъ въ приходѣ 4849 мужчинъ и 4933 женщины. Русскихъ обоего пола около 1500 человекъ. Въ приходѣ одна церковь приходская и одна церковь приписная (церковь—школа). Священниковъ три: въ селеніи Б. при церкви—школѣ крещеный татаринъ, а въ самомъ селѣ два русскихъ священника, діаконъ крещеный татаринъ, 2 русскихъ псаломщика и одинъ псаломщикъ крещеный татаринъ.

Мы поѣхали прямо къ дому настоятеля церкви, о. М., съ которымъ мой спутникъ былъ давно знакомъ, но котораго мое появленіе совершенно озадачило. Я скоро объяснила ему цѣль моего пріѣзда, и онъ съ большимъ и искреннимъ сочувствіемъ отнесся къ моему желанію выяснитъ себѣ на мѣстѣ сущность и постановку инородческаго вопроса.

Сутки проведенные мной у о. настоятеля оставили мнѣ самыя лучшія воспоминанія. Онъ одинъ изъ немногихъ встрѣченныхъ мною русскихъ священниковъ, относящихся сознательно и сочувственно къ просвѣщенію инородцевъ посредствомъ роднаго ихъ языка. Большинство батюшекъ предпочитаютъ избѣгать труда вникнуть въ это дѣло и изучитъ его; а вмѣсто того горделиво отрицаютъ существованіе всего инородческаго вопроса, и отдѣлываются общими фразами объ обрусѣніи и сепаратизмѣ, не замѣчая что они сами своимъ высокомернымъ отношеніемъ къ «грязнымъ инородцамъ» мѣшаютъ ихъ сліянію съ Россіей.

О. настоятель человекъ умный, твердый и дѣятельный.

Онъ великолѣпно поставилъ свой приходъ, но какъ человѣкъ живой, конечно уже нажилъ себѣ отъ другихъ духовныхъ лицъ крупныя непріятности.

Обстановка его небольшого дома вполне культурная: альбомы и книги въ хорошихъ переплетахъ, фортепіано, на которомъ дочь его,—воспитанница епархіальнаго училища, недурно играетъ. Матушка очень милая и любезная, въ семьѣ есть и четвертый членъ—сынъ семинаристъ, но я его видѣла лишь мелькомъ.

Нашъ разговоръ сначала коснулся школьнаго вопроса. Школъ въ приходѣ 17, а именно: 8 миссіонерскихъ отъ вятскаго миссіонерскаго комитета, 1 земская, 8 церковно-приходскихъ школъ.

Въ трехъ школахъ (двухъ русскихъ и одной смѣшанной) преподаваніе ведется по русски съ самаго начала, въ остальныхъ 14-ти составъ учащихся чисто инородческій, и преподаваніе ведется по системѣ Ильминскаго учителями и учительницами соотвѣтствующихъ племенъ.

Учащіе всѣ изъ крестьянъ и большей частью окончили курсъ въ центральныхъ школахъ Карлыганской, Унженской и Казанской крещено-татарской. Всѣ они ведутъ бесѣды съ народомъ въ школахъ еженедѣльно и по праздникамъ; на этихъ бесѣдахъ бываетъ чтеніе и пѣніе. Школы помѣщаются большей частью въ наемныхъ квартирахъ. Жалованья учителя получаютъ около 100 р., изъ которыхъ рублей 30 уходитъ на наемъ школьнаго помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и прислугу. Нѣкоторые учителя получаютъ только 75 р. при тѣхъ же условіяхъ, только двое изъ нихъ получаютъ по 200 р., благодаря пособію отъ земства.

На мой вопросъ, каково его мнѣніе обо всѣхъ этихъ учителяхъ и учительницахъ, о. настоятель сказалъ, что онъ о нихъ самаго лучшаго мнѣнія. Они являются, по его словамъ, настоящими помощниками священника въ дѣлѣ просвѣщенія

взрослых инородцевъ. Не смотря на свое скудное жалованье въ 75—90 р. въ годъ, они самоотверженные, безотвѣтные труженики единственно по любви къ дѣлу просвѣщенія своихъ собратьевъ; онѣ особенно хвалятъ учителей татаръ изъ крещено-татарской школы, вотяковъ изъ Карлыганской, черемисъ изъ Унженской и говорятъ, что нѣтъ ни одного учителя плохого поведенія или нетрезваго. Развитіе у всѣхъ исполнѣ достаточно; но знаменательно то обстоятельство, что черемисы, учившіеся въ Карлыганской вотской школѣ, мало подходятъ для черемисскихъ школъ, такъ какъ они сами учились на вотскомъ языкѣ, а не на черемисскомъ.

Высказанное о. настоятелемъ особенно меня интересовало, какъ мнѣніе священника русскаго. Когда инородецъ говоритъ объ инородцахъ, можно опасаться нѣкотораго пристрастія, но здѣсь говорилъ человѣкъ русскій, давно работающій надъ просвѣщеніемъ инородцевъ и пользующійся общимъ уваженіемъ въ краѣ.

Постепенно я въ бесѣдѣ съ нимъ затронула всѣ разнообразныя стороны интересующаго меня вопроса и занисывала его отвѣты прямо съ его словъ. Передаю ихъ здѣсь такъ, какъ они были имъ сказаны.

«Инородцевъ необходимо воспитывать въ духѣ вѣры, а такое воспитаніе возможно только при посредствѣ родного языка. Родной языкъ есть орудіе, а не цѣль, но орудіе необходимое. Онъ долженъ служить орудіемъ и при изученіи русскаго разговорнаго языка. Нужно инородца сдѣлать христіаниномъ, а не русскимъ, т. е. не обрусѣвшимъ наружно. Надо, чтобъ душа его была русская, т. е. христіанская. Надо, чтобъ инородецъ любилъ Россію и «русскую вѣру», а любовь можно вложить лишь посредствомъ его родного языка.

«Если инородцевъ раздражить искорененіемъ родного языка, то они сдѣлаются врагами вѣры и русскаго народа.

«Теперь, когда я приѣзжаю въ деревню, всѣ маленькія дѣти лѣтъ съ трехъ такъ и бѣгутъ ко мнѣ, просятъ благословенія. А лѣтъ 12 тому назадъ (я здѣсь священникомъ съ 1891 года) всѣ прятались отъ священника, считали его чужимъ. Такая перемѣна произошла отъ преподаванія и богослуженія на родномъ языкѣ, отъ пѣнія, чтенія, переводовъ и бесѣдъ. Я самъ понимаю языкъ татарскій, вотскій и черемисскій, но говорить не могу. Я нахожу, что для священника настолько изучить инородскій языкъ, чтобъ свободно на немъ поучать, черезчуръ трудно, почти даже невозможно. Поэтому я при бесѣдахъ всегда пользуюсь учителями, какъ переводчиками. Бесѣды съ пѣніемъ молитвъ и чтеніемъ чрезвычайно привлекаютъ народъ, но бесѣды абсолютно не должны быть полемическими. Полемическія бесѣды раздражаютъ народъ, такъ что онъ перестаетъ являться на бесѣды. Напримѣръ, во многихъ приходахъ Уржумскаго уѣзда оповѣщается, что приѣдетъ миссіонеръ. Инородцы говорятъ, «знаемъ мы, что онъ будетъ говорить!» и не являются. Напримѣръ, въ прошломъ году, когда я былъ въ Т-скомъ приходѣ, черемисы мнѣ сказали: «приѣдетъ миссіонеръ, говоритъ своимъ языкомъ, но все только ругаетъ. Лучше бы училъ, тогда бы мы повимали». Епархіальному миссіонеру священники Уржумскаго уѣзда говорили: «если къ намъ на бесѣду не собираются, то къ учителю и подавно не соберутся».

«Между тѣмъ въ Ц-скомъ приходѣ бесѣды ведутся во всѣхъ школахъ, и народу приходитъ очень много, даже до 300 человекъ».

«Приѣзжій епархіальный миссіонеръ пока не увидѣлъ этого на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить возможности такихъ бесѣдъ».

Мой спутникъ прервалъ рѣчь о. настоятеля, чтобъ разсказать слѣдующій случай: въ деревнѣ У. миссіонеръ велъ бесѣду обличительнаго характера съ вотяками, перешедшими въ магометанство. Вотяки такъ озлобились, что столкнули миссіо-

нера съ лошадьми подъ мостъ, когда онъ уѣзжалъ. Мой спутникъ передалъ это, какъ слухъ, но прибавилъ, что нѣчто подобное было и раньше.

Онъ разъ самъ слышалъ одну бесѣду веденную о. миссіонеромъ. Онъ хотѣлъ сказать отпавшему «вернись, вернись», но по незнанію тонкостей языка, съ которымъ онъ недостаточно знакомъ, онъ употребилъ выраженіе, означающее «иди домой».

Татаринъ засмѣялся и всталъ, чтобъ уйти.

«Да пріѣзжій миссіонеръ, что онъ можетъ?» воскликнулъ отецъ настоятель. «Миссіонерствовать должны мѣстные священники съ помощью учителей».

«Ко мнѣ каждое воскресенье собираются учителя всѣхъ окружныхъ школъ», продолжалъ онъ, «и пьютъ у меня чай, и во время чая я имъ даю вкратцѣ всѣ мысли для бесѣды, даю имъ руководство, такъ что я самъ веду бесѣду съ переводчикомъ, а въ другихъ школахъ по той же схемѣ учителя ведутъ бесѣды лично. Ведутъ они ихъ по программѣ школьнаго обученія Закоу Божіему съ прибавленіемъ правоученій и объясненій Воскреснаго Евангелія».

«Бесѣды должны быть съ чтеніемъ и пѣніемъ молитвъ, конечно, на родномъ языкѣ. Поютъ пѣснопѣнія изъ всеобщей, вечерней, праздничной тропари. Такія бесѣды сильно дѣйствуютъ на взрослыхъ, поднимаютъ религіозное настроеніе и просвѣщаютъ».

Я спросила о. настоятеля, какого онъ мнѣнія объ инородческихъ священникахъ и привела мнѣніе, ходящее между Казанскимъ высшимъ епархіальнымъ начальствомъ, будто-бы инородческое духовенство хуже русскаго и между ними 60% пьяницъ.

«Я знаю многихъ изъ инородческаго духовенства съ образованіемъ большей частью изъ трехъ центральныхъ школъ»,

отвѣчалъ о. настоятель, «и въ общемъ они не хуже русскихъ священниковъ съ семинарскимъ образованіемъ, а для инородческихъ приходовъ они гораздо полезнѣе, потому что знаютъ быть и нужды своихъ прихожанъ. Изъ нихъ самые развитые — окончившіе курсъ въ крещено-татарской школѣ».

Коснувшись въ разговорѣ центральныхъ школъ, мы начали обсуждать вообще вопросы объ образованіи инородцевъ и объ учительскомъ персоналѣ.

«Въ школахъ для инородцевъ необходимо имѣть учителей инородцевъ изъ соответствующаго племени», сказалъ о. настоятель, «русскіе учителя, даже знающіе инородческій языкъ, гораздо хуже; они не знаютъ тонкостей языка, не могутъ хорошо объяснять ученикамъ то, что имъ непонятно и какъ то не такъ относятся, не такъ обращаются съ учениками инородцами, какъ свой съ своими. Русскій всегда относится нѣсколько свысока».

«И ученики гораздо довѣрчивѣе относятся къ учителю изъ своего племени», перебилъ мой спутникъ, «напримѣръ въ прошломъ году для младшаго отдѣленія начальной школы при Казанской учительской семинаріи необходимо было набрать учениковъ изъ вотяковъ неграмотныхъ и ни слова не знающихъ по-русски. Долго учитель ѣздилъ по вотскимъ селеніямъ, ища вотятъ, и они только тогда согласились поступить въ учительскую семинарію, когда имъ сказали, что съ ними будетъ заниматься вотскій учитель. Я знаю и другой фактъ: въ одной вотской школѣ въ Малмыжскомъ уѣздѣ священникъ уволилъ вотяка, помощника учителя, находя его мало знающимъ по русски и поэтому мало полезнымъ для вотяковъ. И что-же? Съ удаленіемъ его, перестали ходить въ школу почти всѣ ученики вотяки младшаго отдѣленія. Священнику пришлось вернуть въ школу этого помощника учителя, чтобъ заставить вотяковъ снова ходить въ школу».

«Знаю я и третій фактъ: въ Глазовскомъ уѣздѣ въ вотской школѣ занимался діаконъ — русскій и всѣ ученицы вотячки разбѣжались».

«Учитель — инородецъ необходимъ не только для привлеченія учениковъ въ школу, но и для сообщенія имъ должнаго развитія», снова заговорилъ о. настоятель, «и даже разговорные уроки русскаго языка учителями изъ инородцевъ ведутся успѣшнѣе, чѣмъ русскими. Учитель русскій, не знающій по инородчески, волей неволей будетъ заниматься по натуральному методу, при такомъ обученіи не будетъ сознательнаго отношенія къ изучаемому предмету, а о воспитаніи и говорить нечего.

«Въ здѣшней Ц-ской земской школѣ, гдѣ учительница изъ русскихъ, обучалось въ старшемъ отдѣленіи и готовилось къ выпуску три вотяка изъ деревни С. Послѣ открытія школы грамоты эти вотяки стали ходить въ эту послѣднюю, которая велась по системѣ Ильминскаго. Но ихъ изъ старшаго отдѣленія земской школы пришлось пересадить въ среднее отдѣленіе школы грамоты, такъ какъ у нихъ не было сознательнаго усвоенія изучаемыхъ предметовъ; они обучались съ перваго же года по русски и по развитію оказались ниже учениковъ школы грамоты, которые учились съ самаго начала по-инородчески.

«Малое развитіе учениковъ земской школы особенно замѣтно въ Законѣ Божіемъ, который съ младшаго отдѣленія они заучиваютъ наизусть по русски совершенно безсознательно.

«Такъ учитель Т-ской миссіонерской школы, бывшій ученикъ Ц-ской земской школы, говорить, что хотя и кончилъ курсъ въ этой школѣ, но ничего не понималъ, безсознательно сдать экзаменъ и до тѣхъ поръ не понималъ того, чему его учили, пока ему не попала въ руки вотская книга.

«Я считаю, что преподаваніе въ инородческой школѣ необходимо вести по системѣ Ильминскаго, иначе инородцы не будутъ христіанами. По внѣшнему виду они, можетъ быть, и

будутъ похожи на русскихъ, будутъ носить русскій костюмъ и говорить по-русски, но въ душѣ они будутъ оставаться язычниками.

«За рѣкой Вяткой вотяки прекрасно говорятъ по-русски и одѣваются, какъ русскіе, однако живутъ, какъ язычники и явно приносятъ кровавыя жертвоприношенія.

«Въ миссіонерскихъ школахъ Вятской губерніи вообще занимаются не по системѣ Ильминскаго; хотя въ газетахъ всегда пишутъ, что въ школахъ придеживаются этой системы, но все-таки миссіонерскія школы болѣе прочихъ отвѣчаютъ потребностямъ населенія и въ нихъ болѣе приближаются къ системѣ Ильминскаго.

«Въ церковно-приходскихъ школахъ тверже держатся программы и болѣе требуютъ точнаго исполненія».

«О, наблюдатель, считаетъ ученика, который не умѣетъ объясняться по-русски, никуда не годнымъ, и требуетъ преподаванія на русскомъ языкѣ. Но мы дѣло ставимъ на первый планъ».

Въ этихъ бесѣдахъ быстро прошелъ вечеръ, и мы разошлись уже около полуночи. Такова уже была моя судьба. Каждый мой пріѣздъ къ какому-либо священнику имѣлъ для него слѣдствіемъ безсонную ночь, для матушки хозяйственныя хлопоты, а кромѣ того истребленіе изъ ихъ курятника одной курицы.

Принимали меня вездѣ самымъ радушнымъ образомъ и не могу не помянуть добрымъ, благодарнымъ словомъ такъ ласково пріютившихъ меня батюшекъ инородческаго края.

VII.

Слѣдующій день былъ праздничный—22-го іюля, тезоименитство Императрицы Маріи Феодоровны. Привыкнувъ въ центральной Россіи видѣть въ царскіе дни въ деревняхъ совер-

менно пустыя церкви *), я ожидала найти и здѣсь такое же явленіе. Только я совершенно ошиблась. Не смотря на то, что съ утра шелъ частый и мелкій дождь, народу собралось много, особенно вотяковъ.

Большая каменная церковь, прекрасно отдѣланная внутри; красивый—подъ стать городской церкви—иконостасъ, благолѣпная служба, представительный, рослый священникъ съ внушительнымъ серьезнымъ лицомъ, замѣчательно стройное пѣніе двухъ хоровъ — все это вмѣстѣ взятое поразило меня съ перваго же раза.

На правомъ клиросѣ большой хоръ крещеныхъ татаръ и татарокъ пѣлъ попеременно по-славянки и по-крещенски. На лѣвомъ клиросѣ нѣсколько меньшій хоръ вотяковъ и вотячекъ пѣлъ по-вотски. Всѣ учителя и учительницы окрестныхъ школъ стояли на клиросахъ съ учениками. Когда въ церкви бываетъ много черемисъ, то собирается еще особенный хоръ изъ инородцевъ этого племени, но въ описываемый мною день, вслѣдствіе дурной погоды, черемисъ пришло очень мало; такъ какъ ихъ селенія находятся не ближе 6 верстъ отъ церкви. Поэтому и отдѣльнаго хора не было, и небольшое количество пѣснопѣній на черемисскомъ языкѣ было исполнено однимъ изъ наличныхъ хоровъ.

Служба произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Ясные, твердые возгласы священника на славянскомъ языкѣ перебивались эктеніями, возглашаемыми діакономъ—крещенымъ татариномъ на разныхъ мѣстныхъ инородческихъ языкахъ. И на каждое прошеніе хоръ подхватывалъ то славянское «Господи помилуй», или крещенское «эй Ходай жарлыга», то вотское

*) Крестьяне соблюдаютъ только тѣ праздники, къ которымъ они издавна привыкли. Такъ при переходѣ деревни изъ одного прихода въ другой, крестьяне этой деревни продолжаютъ праздновать престольный праздникъ прежняго прихода. Парекіе-же дни часто игнорируются, поэтому крестьяне ихъ мало соблюдаютъ.

«Имаре зеч кары». «Блаженни» были пропѣты поперебѣнно на трехъ языкахъ; громкое, стройное, одушевленное пѣніе разносилось по церкви, поднимаясь къ сводамъ вмѣстѣ съ волнами кадилаго дыма; эти слова, такъ хорошо мнѣ извѣстныя, при этомъ исполненіи и этой обстановкѣ пріобрѣли для меня неожиданное, совершенно новое значеніе, развертывая постепенно передо мной цѣлую картину, простую и правдивую, за душу хватающую. «Блаженни ниціе духомъ...» «блаженни чистіи сердцемъ...» «блаженни алчущіе и жаждущіе правды...» Въ моихъ мысляхъ проносились тѣ смиренныя селенія, которыя я посѣтила, тѣ простые, темныя люди, служащіе молебны въ кереметяхъ, путающіе понятіе о Богѣ-Вседержителѣ съ представленіемъ объ образѣ «Николая», котораго нужно уважать, но можно и сѣчь, эти простые, довѣрчивыя души, упорно ищущія свѣта и часто, не добившись помощи у левита, обрѣтшіе у сосѣдей-мусульманъ доступное имъ ученіе.

Вспомнила я и о тѣхъ людяхъ, великихъ и малыхъ, вѣсокихъ и худородныхъ, которые за послѣдніе 40 лѣтъ упорно трудились и трудятся надъ просвѣщеніемъ этого темнаго народа. Ихъ усилія не пропали даромъ; окружающая меня картина служить тому яснымъ доказательствомъ. Но каково имъ, этимъ труженикамъ за правду? За нихъ держатся толпы темныхъ меньшихъ братьевъ, которымъ больше негдѣ искать помощи. Но кто поддерживаетъ ихъ самихъ въ трудномъ дѣлѣ борьбы? Что они видятъ и слышатъ?

Тупое незнаніе и упорное непониманіе со стороны большинства власть имущихъ, презрительное равнодушіе толпы, упреки то въ недобросовѣстности, то въ карьеризмѣ, то въ сепаратизмѣ отъ тѣхъ, которые сами на пользу дѣла пальцемъ не пошевелили и успокаиваютъ самихъ себя, бросая камнями въ трудящихся.

«Людей нѣтъ»; говорятъ одни, «у нихъ нѣтъ богослов-

скаго образованія», говорят другіе, «и нѣтъ лингвистической подготовки», подхватываютъ третьи. «Я знаю, что восточнымъ людямъ довѣрять нельзя, и свой конечно стоитъ за своего и они все тамъ мутятъ изъ-за личныхъ цѣлей». «Какъ они смѣютъ говорить, что русское духовенство менѣе пригодно для миссіонерства, чѣмъ инородческое, а между инородческими священниками 60% пьяницъ.» «Братскіе учителя никуда не годятся». «Надо просто запретить говорить на инородческихъ языкахъ, вотъ и все...»

Такого рода приговоры случалось мнѣ слышать много разъ отъ людей сытыхъ, получающихъ большое жалованье, нисколько инородцами не интересующихся и нисколько для нихъ не потрудившихся.

Что же дѣлать инородцамъ? Плакать? Они и плачутъ. А просвѣтителі сносятъ оскорбленія и продолжаютъ работать, пока ихъ не затравятъ. И какъ-бы въ отвѣтъ на мои мысли хоръ возгласилъ: «блаженни изгнанніи правды ради».

Цѣпь блаженствъ, пропѣтая на трехъ языкахъ и потому всѣмъ понятная, окончена: съ каждымъ звеномъ воодушевленіе растетъ и разрѣшается послѣ встрѣчи Евангелія, — этого благовѣстія для всѣхъ народовъ, — громкимъ, радостнымъ призывомъ: «прійдите поклонимся и припадемъ ко Христу», пропѣтымъ правымъ клиросомъ по славянски. Я поднимаю голову: надъ стѣной, надъ боковой дверью, написанъ большой образъ «Сочествія Св. Духа» — раздѣленія языковъ, и въ головѣ посѣется мысль: вотъ съ которыхъ поръ существуетъ то, что мы называемъ «системой Ильминскаго» и спустя девятнадцать столѣтій приходится изъ за нея вести борьбу съ лицами, облеченными высокимъ духовнымъ саномъ.

Трисвятое спѣто по славянски, крещенски, вотски и черемисски, и это повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ на раз-

ныхъ языкахъ производить необыкновенно сильное впечатлѣніе.

Члены Символа вѣры поются попеременно обоими хорами по-славянски, потомъ все прочитывается на правомъ клиросѣ по-крещенски—на лѣвомъ—по-вотски. «Отче нашъ» поется на правомъ клиросѣ по-славянски, а затѣмъ тоже читается на двухъ инородческихъ языкахъ. Діаконъ—крещеникъ прочиталъ съ амвона по-крещено-татарски поученіе, которое всѣмъ понятно. Вообще объдня построена прекрасно и дѣлаетъ честь отцу-настоятелю; видно, что каждая подробность обдумана согласно потребностямъ прихожанъ.

Служба окончилась царскимъ молебномъ—посрединѣ церкви; участвовалъ и второй священникъ, хоры дружно отвѣчали духовенству, и когда разноязычныя прошенія окончились царскимъ многолѣтіемъ на 4-хъ языкахъ, въ мое приподнятое, восторженное настроеніе вкралось чувство негодованія и сознаніе жестокой несправедливости. Вотъ что называется сепаратизмомъ, думалось мнѣ, и вотъ за что нужно гнать то, что всего дороже человѣку—его материнскій языкъ. И невольно въ умѣ тѣснились Евангельскія слова: «вожди слѣпые, ослѣживающіе комара, а верблюдовъ поглощающіе». (Матѣ. 23, 24). «Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали». (Луки 11, 52).

Никогда во всей моей жизни я не переживала такой объдни. Никогда такъ рѣзко не сознавала неотъемлемого права каждаго человѣка на свободное проявленіе своей духовной жизни въ формѣ ему понятной и на языкъ ему близкомъ и родномъ.

Какая сила единенія чувствуется въ этомъ разнообразіи. И что думать о тѣхъ людяхъ, которые во имя мнимаго государственнаго блага стремятся обратить удовлетвореніе высшихъ потребностей человѣка въ мертвую, непонятную формулу.

Когда по выходѣ изъ церкви я дѣлилась съ своимъ спутникомъ пережитыми впечатлѣніями, онъ сказалъ: «а посмотрѣли-бы Вы, какъ въ Базанской учительской семинаріи хорошо служатъ на Пасху; Евангеліе читается на разныхъ языкахъ, сообразно съ числомъ имѣющихся на лицо инородческихъ священниковъ; пасхальные ирмосы поются послѣдовательно на возможно большемъ числѣ языковъ, а Апостолъ читается на всѣхъ языкахъ, представители которыхъ есть въ семинаріи; такимъ образомъ служба совершается на 10, иногда до 14 языковъ».

УІІІ.

Послѣ обѣдни мы вернулись въ домъ о. настоятеля; у него собрались всѣ учителя и учительницы окрестныхъ школъ: они не пропускаютъ почти ни одной обѣдни и изъ церкви всегда заходятъ къ батюшкѣ. Приходятъ они большею частію пѣшкомъ, даже за 6 верстъ. Съ ними пришли и два крещенные татарина—ученики духовной семинаріи. Я спросила ихъ, каково имъ тамъ живется. Они отвѣтили, что товарищи и учителя обращаются съ ними хорошо, но о. ректоръ относится къ нимъ крайне презрительно и говоритъ: «вы мужицкія дѣти, вы недостойны стоять на паркетномъ полу».

Мой спутникъ подтвердилъ, что духовные семинаристы изъ инородцевъ подвергаются вообще презрѣнію со стороны начальства. Ректоръ одной изъ семинарій называетъ ихъ мужиками, и когда между учениками случаются беспорядки, то начальство старается свалить вину на инородцевъ.

Я побесѣдовала также съ учителями и учительницами; всѣ они производятъ впечатлѣніе скромное и порядочное. Между ними, какъ всегда, выдѣляются окончившіе курсъ въ крещено-татарской школѣ. Карлыганскіе менѣе оживлены, что зависитъ,

можетъ быть, отъ національности. Священникъ указалъ мнѣ на одного учителя, который стоялъ съ очень унылымъ лицомъ, и послѣ объяснилъ мнѣ, что онъ получаетъ только 75 рублей жалованья и, за уплатой за школьное помѣщеніе, освѣщеніе и отопленіе, ему остается для себя только 40—50 рублей. Онъ одинъ изъ лучшихъ учителей по усердію и успѣхамъ, но принужденъ искать другое мѣсто, такъ какъ долженъ изъ своего заработка содержать семью.

Изъ учительницъ нѣкоторыя вышли замужъ за учителей, другія работаютъ самостоятельно.

По моей просьбѣ батюшка собралъ у себя въ кухнѣ порядочное количество учениковъ и ученицъ изъ двухъ школъ—вотской и крещено-татарской. Крещеные татары, уже окончившіе курсъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда отвѣчали по русски на мои вопросы, очевидно дѣлали умственное усиліе, такъ какъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и имъ совершенно не съ кѣмъ говорить по русски. Вотяки изъ III-го отдѣленія понимаютъ по русски свободнѣе и отвѣчаютъ свободнѣе крещеныхъ татаръ, такъ какъ живутъ ближе къ селу Ц., гдѣ есть русскіе жители. Ученики I отдѣленія знаютъ по русски лишь отдѣльныя слова, но молитвы на инородческомъ языкѣ знаютъ превосходно. Ученики II отдѣленія хорошо знаютъ священную исторію на инородческомъ языкѣ. Старшіе хорошо отвѣчали по инородчески на вопросы изъ священной исторіи, заданные имъ по русски.

Вообще по русски всѣ знаютъ лучше, чѣмъ ученики К—ской школы, поютъ превосходно, по инородчески отвѣчаютъ необыкновенно сознательно.

Послѣ экзамена дѣти получили отъ меня конфеты, а учителя дружной семьей сѣли чай пить, наполнивъ цѣлую комнату. Приятно было смотрѣть на ихъ веселыя оживленные лица: видно имъ хорошо у о. настоятеля.

Я. снова затѣяла съ батюшкой длинную бесѣду, къ которой присоединился и симпатичный діаконъ, крещеный татаринъ, съ блѣднымъ почти восковымъ лицомъ.

Онъ окончилъ курсъ въ крещено-татарской школѣ въ 1892 году, былъ 9 лѣтъ учителемъ въ одной изъ деревень здѣшняго прихода, а теперь 3-й годъ діаконъ.

О. настоятель за 12 лѣтъ своего служенія въ этомъ приходѣ находить большія перемѣны. Это подтвердилъ и діаконъ, сказавъ, что за это время сильно увеличились въ приходѣ религіозность и обрусѣніе. «Прежде была религіозность языческая, а русскихъ чуждались: теперь подъ вліяніемъ школъ и бесѣдъ на родномъ языкѣ стала религіозность христіанская». Инородцы стали любить и уважать русскій народъ. Отецъ настоятель разсказалъ, что 12 лѣтъ назадъ въ приходѣ часть крещеныхъ татаръ находилась подъ сильнымъ вліяніемъ мусульманъ, а еще раньше, въ 80 годахъ всѣ жители находились подъ ихъ вліяніемъ. Б-скіе были даже готовы къ отпаденію, и пресв. Тихонъ выѣзжалъ ихъ увѣщевать. До 1892 года было нѣсколько отпаденій, хотя мѣры гражданской власти и удерживали крещеныхъ. А съ 1892 года стало проявляться вліяніе школъ и бесѣдъ на родномъ языкѣ, и народъ сталъ укрѣпляться въ христіанствѣ. Изъ Б. многіе ходили портничать къ мусульманамъ, которые, давая имъ у себя на дому работу, первымъ дѣломъ заставляли ихъ снимать кресты. Это требованіе они исполняли приблизительно до 94 года, когда въ Б. была построена церковь—школа и тамъ поселились священникъ и псаломщикъ изъ крещеныхъ татаръ. Теперь Б-скіе, хотя и продолжаютъ портничать у мусульманъ, но ставятъ условіемъ, чтобъ имъ не препятствовали носить кресты и праздновать воскресенье и праздничные дни, а иначе они работу не берутъ. Въ мусульманскую пятницу они работаютъ, на что мусульмане ничего не возражаютъ.

Теперь мусульмане спрашивают портных: «что сегодня съ молокомъ пьешь чай или нѣтъ? а прежде наливали молоко безъ разговора. Иные магометане даже говорятъ крещенымъ: «держите, держите свою вѣру, одинъ Богъ знаетъ, какая вѣра хороша».

Въ селеніи, гдѣ о. діаконъ былъ 9 лѣтъ учителемъ, въ 80-хъ годахъ было нѣсколько лицъ, исполняющихъ магометанскіе обряды, а теперь они ревностные христіане. Они измѣнились подъ вліяніемъ бесѣдъ и чтенія книгъ на родномъ языкѣ.

О. настоятель сначала выписывалъ на свои средства иноодческія книги изъ переводческой комиссіи. Теперь же церковное попечительство рѣшило само выписать эти книги.

12 лѣтъ назадъ всѣ вотяки и черемисы этой мѣстности, въ томъ числѣ и крещеные, держались язычества и читли пятницу. Теперь изъ крещеныхъ черемисъ около $\frac{2}{3}$ еще соблюдаютъ пятницу, но сила язычества очень уменьшилась. Прежде всѣ крещеные черемисы открыто ходили на языческія моленія, а теперь только $\frac{1}{3}$ крещеныхъ черемисъ еще ходитъ съ язычниками на эти моленія. Прежде ходили съ шумомъ, открыто, а теперь тайкомъ. Молятся въ рощахъ (кереметяхъ), но одновременно исполняютъ христіанскіе обряды. Черемисы-язычники мало обращаются въ христіанство, но крещеные черемисы мало по малу укрѣпляются въ христіанствѣ.

Среди вотяковъ 12 лѣтъ назадъ язычество было въ силѣ: открыто приносили жертвы, исполняли всѣ языческіе обряды, за исключеніемъ человѣческихъ жертвъ. Теперь между здѣшними вотяками языческихъ обрядовъ совсѣмъ больше нѣтъ, кромѣ единичныхъ случаевъ поминовенія умершихъ по языческому обряду. Раньше не болѣе трети прихожанъ принимала священника съ крестомъ и образами, остальные прятались за печь. Теперь всѣ поголовно принимаютъ духовенство и слу-

жать молебны, панихиды, исполняютъ всѣ христіанскіе обряды. Всѣ считаютъ долгомъ по убѣжденію приготовить деньги причту, и доходъ прихода за 12 лѣтъ утроился.

Въ общемъ за это время произошли коренныя перемѣны: мусульманство совсѣмъ отошло, язычество ослабло, а сознательное усвоеніе христіанства сильно укрѣпилось.

И все это послѣдствіе школъ, богослуженія, бесѣдъ, пѣній, чтенія, распространенія брошюръ на родномъ языкѣ.

Теперь достигли того, что между христіанами, хотя и разноплеменными, нѣтъ никакой розни, которая существовала прежде. Даже русскіе стали уважать инородцевъ.

Еслибъ не былъ въ употребленіи родной языкъ, татарское вліяніе задавило бы инородцевъ, такъ какъ остальные инородцы отлично знаютъ языкъ татарскій, преобладающій среди инородцевъ. Когда вотьакъ сходитя съ черемисиномъ, они объясняются между собой по татарски.

О. діаконъ разсказалъ, между прочимъ, что, когда онъ былъ маленькій, татары ему говорили, что въ русскихъ книгахъ нѣтъ ничего хорошаго: русскіе признають трехъ боговъ, мать Бога, сына Бога и молятся идоламъ. Крещеные ничего на это не могли возразить.

Къ крещенымъ инородцамъ, укрѣпившимся въ христіанствѣ, татары относятся почтительно, а отпавшихъ любятъ и всячески стараются помогать имъ. Такъ купецъ Юусовъ, выстроивъ новую мечеть, старую пожертвовалъ перешедшимъ въ магометанство вотьакамъ деревни Урясь.

По словамъ отца настоятеля, всего труднѣе насадить христіанство среди черемисъ его прихода, тѣмъ болѣе, что они живутъ очень далеко отъ церкви. Въ деревнѣ Л—вѣ, занимающей центральное положеніе по отношенію къ шести черемисскимъ деревнямъ, давно предположено было выстроить церковь — школу, но черемисы не даютъ потребныхъ на это

2-хъ десятинъ земли. Отецъ настоятель очень желалъ-бы выхлопотать, чтобъ черемисамъ дали нѣсколько десятинъ казеннаго лѣса съ тѣмъ, чтобъ они уступили землю подъ церковь и увѣряетъ, что они охотно согласились-бы. Казенный лѣсъ находится въ 20 верстахъ.

Затѣмъ онъ находитъ, что для усиленія знанія русскаго языка, необходимо было-бы открыть въ приходѣ двухклассную школу. Прежде, когда вятскій миссіонерскій комитетъ имѣлъ стипендіатовъ въ крещено-татарской школѣ, многіе инородцы имѣли возможность тамъ обучаться. Теперь комитетъ отказалъ въ выдачѣ стипендій, такъ что инородцы, даже желающіе продолжать образованіе, принуждены оставаться съ образованіемъ одноклассной школы. Будь своя двухклассная школа, многіе-бы стали туда поступать.

Наша бесѣда затянулась долго. Лошади были запряжены, но шелъ такой проливной дождь, что я не рѣшалась пускаться въ путь. Наконецъ часовъ около 4-хъ дождь какъ будто началъ стихать, и мы стали собираться въ путь. Наши радушные хозяева всячески насъ укутывали, закрывали кожами и плащами и очень волновались, что мы ѣдемъ въ открытой плетенкѣ. Съ сожалѣніемъ рассталась я съ этой развитой и ласковой семьей. Мы обмѣнялись прощальными привѣтствіями, ямщикъ задержалъ возжами, лошади зашлепали по глубокой грязи, и мы выѣхали изъ Ц. подъ безнадежно свинцовымъ небомъ и густой пеленой ровнаго, частаго дожда, за которымъ ступевались и очертанія окрестныхъ холмовъ, и сѣрая масса деревенскихъ крышъ и даже рѣзкій профиль каменной церкви, мимо которой мы проѣзжали. Вотъ миновалъ послѣдній домъ, и передъ нами потянулася унылая, топкая дорога. Порѣдѣвшія, было, тучи снова сгущаются; на прекращеніе ливня нѣтъ, очевидно, никакой надежды.

IX.

На сегодняшний день путь нашъ былъ недалекъ; намъ предстояло проѣхать около 15 верстъ до селенія Карлыганъ смежнаго съ Малмыжскимъ Уржумскаго уѣзда. Сначала тянулась однообразная дорога, потомъ по пути стали попадаться маленькія черемисскія деревушки. На улицѣ нѣтъ ни души; изъ оконъ кое-гдѣ выглядываетъ голова любопытнаго и плечи, покрытыя бѣлой холщевой одеждой съ красной вышивкой у шеи. Въ одной деревнѣ вдоль забора осторожно пробирается черемисска въ остроконечной, маленькой красной кичкѣ, вся въ бѣломъ, хотя это бѣлое скорѣе можно назвать темно-сѣрымъ.

Дождь съ моего непромокаемаго плаща стекаетъ мнѣ на колѣни и я начинаю промокать. Лошади движутся съ трудомъ; сырость насыщающая воздухъ спираетъ дыханіе, и 15 верстъ кажутся мнѣ бесконечно длинными. Наконецъ передъ нами развертывается большое селеніе и мой спутникъ говоритъ, что это Карлыганъ. Мы въѣзжаемъ въ широкую улицу. По обѣ стороны тянутся хорошіе просторные дома; завернувъ за уголъ, мы останавливаемся налѣво у избы средней величины, и кликнувъ, чтобы намъ отворили ворота, медленно въѣзжаемъ во дворъ.

Ямщикъ останавливаетъ лошадей у крыльца налѣво. Мы съ трудомъ выкарабкиваемся изъ плетенки и, спотыкаясь въ сумеркахъ, поднимаемся по скользкимъ ступенямъ. У дверей насъ встрѣчаетъ человѣкъ небольшого роста и вводитъ въ комнату. Я промокла насквозь и, какъ только багажъ внесли въ домъ, удаляюсь въ сосѣднюю комнату, чтобы переодѣться, и только послѣ этого начинаю приходить въ себя, отогрѣваться и оглядывать ту новую обстановку, въ которую я попала.

Изба просторная, въ двѣ комнаты, по обстановкѣ немногимъ лучше крестьянской.

Въ первой проходной комнатѣ у большого стола и на лавкахъ у стѣнъ сидятъ молодые вотяки и вотячки, частью одѣтые въ городское платье, частью въ крестьянскихъ костюмахъ.

Вторая комната уютнѣе; она раздѣлена простой ситцевой занавѣсью на двѣ половины; за занавѣсью нары и груды всякаго домашняго скарба; въ передней «чистой» половинѣ большой диванъ, столъ, шкафъ; въ углу стоитъ затѣйливый кіотъ, выкрашенный въ красную краску, и украшенный текстомъ изъ Свящ. Писанія написаннымъ по-вотски крупными русскими буквами.

Пока я переодѣвалась, хозяинъ распорядился распряжкой лошадей и теперь, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, подошелъ ко мнѣ. Тутъ только я его разглядѣла.

Кузьма Андреевичъ Андреевъ человѣкъ средняго роста, съ рѣдкой русой бородой и русыми волосами.

Выраженіе его лица—особенно глазъ—необыкновенно доброе, просвѣтленное. Зная, что онъ одинъ изъ давнишнихъ тружениковъ въ дѣлѣ просвѣщенія вотяковъ, я подробно объяснила ему цѣль моего пріѣзда и рассказала ему, что я желаю изучить на мѣстѣ инородческій вопросъ, чтобы потомъ отстаивать его, когда будетъ представляться на то возможность. Подвинули меня на дѣло тѣ нападки на инородцевъ и ихъ просвѣтителей, которые раздаются все чаще и чаще.

Лицо Е. А. озарилось какимъ то внутреннимъ свѣтомъ и онъ заговорилъ тихимъ и ровнымъ голосомъ: «На инородцевъ много нападаютъ. Но я надѣюсь на Господа Бога. Онъ кому-нибудь положить на сердце. Когда на правду не было нападений отъ неправды?! Отъ праотца Адама это пошло, отъ Каина и Авеля. Всегда была борьба противъ правды и есть и будетъ такъ до конца. Но Господь не оставитъ, всегда

правда, остается непогасимой; хоть по временамъ истощается, но всегда немного остается и опять вырастаетъ. Какъ во время гоненія христіанъ, кровь мучениковъ была какъ сѣмена для земли».

Б. А. говорилъ съ разстановкой и съ инородческимъ выговоромъ. Но въ его рѣчахъ было что-то глубокое и задумчивое, которое приковывало вниманіе и производило сильное впечатлѣніе. Онъ началъ говорить о своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ и такъ меня заинтересовалъ, что я остановила его, вынула тетрадку и прямо начала съ его словъ записывать. Но насъ вскорѣ прервалъ приходъ его старшей дочери, которая накрыла столъ къ ужину, внесла самоваръ, хлѣбъ и яйца. Мы наскоро закусили, сидя у стола при свѣтѣ небольшой керосиновой лампочки, и какъ только напились чаю, я снова взялась за перо и стала записывать рассказы Б. А. только слегка исправляя его слогъ.

X.

«Лѣтъ 30 тому назадъ», повѣствовалъ Б. А., «въ окрестностяхъ Карлыгана, вотяки вовсе не знали христіанской вѣры; къ духовенству относились очень дурно, потому что видѣли отъ него только ругань и поборы... Когда видѣли въ окно священника, говорили : «вотъ опять шайтаны пришли». Такъ говорилъ, напримѣръ, и мой родитель. Крестный ходъ принимали съ принужденіемъ, кромѣ домохозяина всѣ прятались, особенно женщины. Праздновали пятницу. Обычаи были языческіе: ходили молиться къ киремети, приносили жертвы — лошадей, коровъ, овецъ и птицъ домашнихъ. Изъ праздниковъ знали только Пасху, Покровъ и Петровъ день. Въ церковь вовсе не ходили, говѣли немногіе и то по принужденію.

«Я родился въ 1857 году. Мой отецъ былъ жрецомъ въ куалѣ (куала — молитвенный шалашъ, въ которомъ вотяки со-

вершаютъ домашнія моленія и который находится во дворѣ рядомъ съ хозяйственными постройками). Одного изъ дѣтей захотѣлъ онъ научить грамотѣ, потому что это полезно въ жизни. Желаніе учиться было у меня, но мать была противъ, потому что грамотныхъ вотяковъ было мало, и они были дурные люди, пьяницы, гордецы, занимались писаніемъ росписокъ, жалобъ и, пользуясь этимъ, обирали вотяковъ. Хотя они были грамотные, по-русски отлично читали и говорили, но по христіанству не имѣли никакихъ понятій и исполняли языческіе обряды. Я съ дѣтства хотѣлъ учиться, но мнѣ, указывая на этихъ вотяковъ, говорили, что я буду такой же испорченный, какъ они. Но я все продолжалъ просить; наконецъ меня отпустили и я поступилъ въ Старо-Цепьинскую русскую школу грамоты. Мнѣ было лѣтъ 15. Учился я въ первый годъ 9 недѣль, выучился мало. На другой годъ я поступилъ въ Сардебашскую крещено-татарскую школу, учился 4 мѣсяца, и научился отлично читать и писать, познакомился съ книгами на крещено-татарскомъ языкѣ. Читалъ я хорошо и по-русски, но ничего не понималъ, поэтому я болѣе читалъ крещено-татарскія книги, которыя были мнѣ очень понятны. Больше мнѣ учиться не удалось, такъ какъ меня, какъ старшаго сына, не отпустили изъ дому.

«Въ Сардебашской школѣ я слышалъ, что есть востскія книги. По требованію учителя, я получилъ изъ Казани первыя востскія книги. Какъ я получилъ эти книги,—я не могу выразить своей радости, и потомъ не сталъ читать ни по-русски, ни по татарски, востскія же книги читалъ я до того, что я зналъ ихъ почти наизусть. Потомъ сталъ обращаться къ священникамъ, гдѣ бы ихъ ни встрѣчалъ, и задавать имъ вопросы. Священникъ нашъ сталъ ко мнѣ внимателенъ. Я сталъ къ нему ходить. Потомъ я сталъ хорошо знать христіанскую вѣру и сталъ отказываться посѣщать языческія моле-

нія. Отецъ меня принуждалъ. Чуть кто-нибудь захвораетъ, или бѣда какая-нибудь, нужно было кашу варить или зарѣзать какое-нибудь животное или птицу, и мнѣ нужно было часто замѣнять отца. Однажды захворалъ отецъ, меня послали на ночное моленіе въ баню, нужно было зарѣзать курицу. Я пошелъ съ братомъ и сдѣлалъ все по примѣру отца, но только въ душѣ молился истинному Богу, говоря такъ: «Господи, я ничего не знаю, я только знаю Тебя, Самъ вразуми меня». Такимъ образомъ часто замѣнялъ я отца, но всегда неохотно. Въ это время я разъ сказалъ священнику, что не знаю, какъ быть съ родителями, потому что они сердятся, когда отказываюсь ходить на жертвоприношенія. Священникъ сказалъ: «сердить родителей не нужно; если они очень сердятся, ходи на моленія, но въ душѣ молись истинному Богу».

«Наконецъ родителямъ надоѣло мое сопротивленіе, и они оставили меня въ покоѣ. Въ это время въ нашемъ домѣ и у сосѣдей нигдѣ крестнаго знаменія не творили. Я прочелъ въ букварѣ, что каждое утро нужно молиться съ крестнымъ знаменіемъ. Но я въ первое время молился такъ тайно отъ семьи. Молясь тайно я привыкъ такъ молиться; потомъ сталъ открыто молиться передъ братьями, но родителей боялся. Глядя на меня, стали молиться и братья. Потомъ я сталъ молиться и передъ родителями, которые уже болѣе не запрещали такъ молиться.

«Сталъ я получать новыя вотскія книги, священную исторію и Евангеліе отъ Матвея. Эти книги посылались изъ Казанской учительской семинаріи священникамъ для раздачи. И это я выучилъ наизусть. Когда эти книги узналъ, началъ думать, что еслибъ всѣ вотяки знали такъ, какъ я, то они всѣ бы какъ я отступились отъ старыхъ моленій. Какъ бы сдѣлать все это имъ извѣстнымъ, объяснить имъ все это? Взявъ книгу, я часто въ свободные дни выходилъ на улицу и читалъ имъ книги; и читалъ имъ молитву: «Господи, не лиши меня небесныхъ

Твоихъ благъ». И они слушали съ большимъ интересомъ. Но слова: «во имя Отца и Сына и Святого Духа» я первые дни пропускалъ, потому что непонятно. Такимъ образомъ я провель 3—4 года. Книги съ добрыми и правоучительными словами они очень полюбили. До этого времени о томъ, что въ книгахъ написано, они совсѣмъ не знали. Когда они поняли, у нихъ открылось желаніе научиться читать такъ, какъ я умѣлъ читать, потому что въ книгахъ очень добрыя и назидательныя слова. Когда мнѣ стало извѣстно, что у нихъ есть желаніе учиться, я поѣхалъ въ Казань за вотскими книгами, съ намѣреніемъ купить ихъ на деньги. Тогда я еще не зналъ инородческой учительской семинаріи, не зналъ Николая Ивановича Ильминскаго, только зналъ крещено-татарскую школу и о. Василия Тимофеева. Передъ поѣздкой мѣстный священникъ написалъ обо мнѣ о. Василию, прося его отпустить книги на вотскомъ языкѣ. Приѣхавъ въ Казань, остановился я въ крещено-татарской школѣ. О. Василия не было дома, былъ только старшій сынъ его Алексѣй Васильевичъ. Прочитавъ письмо, онъ сказалъ мнѣ, что книги на вотскомъ языкѣ находятся въ учительской семинаріи. Меня послали въ семинарію. Письмо нашего мѣстнаго священника Алексѣй Васильевичъ вложилъ въ другой конвертъ, на которомъ написалъ адресъ Николаю Ивановичу Ильминскаго. Съ этимъ письмомъ я пришелъ въ семинарію и спросилъ, какъ зайти къ Николаю Ивановичу. Мнѣ указали; я зашелъ. Я увидѣлъ старика, котораго никакъ не могъ принять за директора. Старикъ этотъ, оказавшійся Николаемъ Ивановичемъ, посадилъ меня за столъ, прочиталъ письмо священника и очень заинтересовался мною. Тогда я разсказалъ Николаю Ивановичу, что я хочу купить книги на вотскомъ языкѣ, и хочу по пятницамъ и праздникамъ учить вотяковъ грамотѣ. Я разсказалъ ему о своей жизни. Николай Ивановичъ, послѣ дол-

гаго разговора, разыскалъ вотскій букварь, около 5 экземпляровъ, и общалъ выслать еще. Я такъ не зналъ, что это былъ самъ Николай Ивановичъ, такой большой человекъ, я обрадовался только тому, что книги отпустили бесплатно.

«Эти самыя книги я получилъ и сталъ учить читать по пятницамъ. Учениковъ было 15—20.

«Они научились отлично читать. Такъ провелъ я цѣлый годъ—зиму и лѣто.

«Я былъ недоволенъ своей школой, потому что считалъ, что этого мало; мнѣ вздумалось просить, чтобы открыли школу настоящую, какъ у крещеныхъ татаръ. Чтобы узнать сколько будетъ учащихся, я съѣздитъ въ окрестныя деревни; желающихъ учиться оказалось много. Я написалъ прошеніе, какъ могъ, поѣхалъ къ Николаю Ивановичу, подавъ ему прошеніе; онъ прочиталъ, посадилъ меня за столъ и долго разговаривалъ со мною. Потомъ Николай Ивановичъ сказалъ: «нынче велѣно открывать школы среди инородцевъ, я завтра же твое прошеніе пошлю въ Вятку, къ архіерею, чтобы открыли школу». Когда Николай Ивановичъ это сказалъ, я такъ обрадовался, что сталъ просить его, чтобы назначили учителя изъ вотяковъ; я надѣялся, что и самъ около него буду учиться. Сейчас мнѣ некогда было, но я бы по вечерамъ или еще когда-нибудь сталъ бы учиться. Николай Ивановичъ говоритъ: «нѣтъ, я тебя поставлю учителемъ». Я сталъ отказываться и говорить: «мнѣ самому охота учиться. Только бы изъ вотяковъ кого найти».

«Николай Ивановичъ говоритъ опять: «я тебя поставлю учителемъ, а тебѣ Господь поможетъ тихонько научиться». Не знаю, Николай Ивановичъ забылъ ли послать прошеніе; но школу не открывали цѣлый годъ.

«Николай Ивановичъ написалъ со мною подробно объ открытіи школы письмомъ нашему мѣстному священнику, но его

еще до открытія школы перевели на другое мѣсто. Я очень жалѣлъ объ этомъ, думалъ, что новаго священника я узнаю не скоро, и онъ меня скоро не пойметъ; думалъ, что онъ можетъ быть, вниманія не будетъ обращать на меня. Какъ поступилъ новый священникъ, онъ черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ и спросилъ меня: «ты что ли Б. А. о которомъ писано?» Я сказалъ «да» и удивился, что онъ назвалъ меня по имени. Тогда онъ сталъ разспрашивать меня, какъ я познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ. Я сказалъ ему подробно о своей жизни, потомъ спросилъ его, какъ онъ узналъ меня? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ прочиталъ письмо Николая Ивановича къ бывшему священнику и сказалъ: «я пріѣхалъ къ тебѣ нарочно познакомиться съ тобою. Я тотчасъ по пріѣздѣ напишу письмо въ Вятку о томъ, чтобы поскорѣе открыли школу». Написавъ то письмо, священникъ уѣхалъ въ Казань, зашелъ къ Николаю Ивановичу. При первомъ же свиданіи Николай Ивановичъ началъ говорить ему о мнѣ. Священникъ сказалъ, что онъ уже знаетъ меня по письму, написанному прежнему нашему священнику и прибавилъ: «я уже испыталъ его и написалъ въ Вятку, прося открыть школу».

«По его письму вышло разрѣшеніе открыть школу. Она сначала помѣщалась въ маленькомъ домикѣ, я самъ сдѣлалъ парты и классную доску. Такъ съ 1883 г. 10 октября, началъ учить и первые два года служилъ безъ жалованья.

«Учениковъ было много, на квартирѣ стало тѣсно, поэтому съ новаго года школу перевели на другую квартиру, болѣе обширную. Съ этого времени я сталъ вести бесѣды съ вотяками. Очень хорошо помню, сколько было человѣкъ на первой бесѣдѣ—три или четыре человѣка. Когда я читалъ изъ вотской книги о сотвореніи міра, помню, у меня дрожали руки. Такъ устраивались бесѣды въ школѣ еженедѣльно. На-

роду стало собираться все больше и больше. Очень заинтересовались бесѣдами, радовались душой. Эти бесѣды стали извѣстны въ сосѣднихъ деревняхъ, изъ которыхъ случайно были нѣсколько человекъ на бесѣдѣ. Они рассказали о бесѣдѣ своимъ однодеревенцамъ, и меня стали приглашать въ другія деревни.

«Такимъ образомъ стали устраиваться бесѣды и въ другихъ деревняхъ; бесѣдовалъ я и въ сосѣднемъ приходѣ съ разрѣшенія мѣстнаго священника. Я побывалъ съ бесѣдами во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ (22 деревни). Миссіонерство-валъ я до поступленія на должность епархіальнаго миссіонера, получая за труды только учительское жалованье, сначала по 130 руб., потомъ по 150 руб., потомъ, когда школа стала министерскою, — 300 рублей.

«За эти годы въ моей родной деревнѣ и окрестностяхъ ея начались перемѣны.

- 1) Празднованіе пятницы перемѣнили на воскресенье.
- 2) Потомъ со-спотиха (понемногу) стали соблюдать Великій Постъ.
- 3) Многіе праздники стали соблюдать, которыхъ прежде не знали.
- 4) Начали больше говѣть.
- 5) Не стали вѣрить ворожцамъ (знахарямъ) и стали оставлять языческія моленія.

«Я занимался ученіемъ дѣтей и бесѣдами съ взрослыми, потому что очень люблю православную вѣру, и хотѣлъ, чтобы другіе поняли ее и полюбили ее такъ же, какъ и я, и спаслись бы.

«До 1890 года школа была миссіонерская, и я былъ однимъ учителемъ. Учениковъ не прибавлялось. Съ 1891 года школа стала министерскою и назвалась «центральной»; тогда прислали туда учителя вотяка изъ Казанской учитель-

своей семинаріи. Я остался завѣдующимъ и учителемъ и училъ Закону Божію.

«Кромѣ этого, я занимался и переводами вотскихъ книгъ, не получая за труды другого вознагражденія, кромѣ учительскаго жалованья».

«Одинъ священникъ научилъ меня просить деньги за эти переводы, указывая на то, что другимъ платятъ».

«Когда я пріѣхалъ въ Казань, я долго бесѣдовалъ съ Николаемъ Ивановичемъ и потомъ спросилъ его: «будутъ ли деньги за переводъ?» и прибавилъ: «какъ прочимъ». Николай Ивановичъ вскочилъ со словами: «такъ ты за деньги работаешь? Пшелъ, пшелъ, ступай въ кабакъ», и, схвативъ меня за плечо, вытолкалъ меня изъ комнаты.

«Ночевалъ наверху. Утромъ Николай Ивановичъ все бѣгаетъ по корридору, а я его все прошу: «простите, Николай Ивановичъ».

«Долго не обращалъ вниманія, наконецъ пустилъ меня. Я ему объяснилъ, что я нисколько деньгами не дорожу, и такъ я доволенъ учительскимъ жалованьемъ: ну, онъ простилъ, посадилъ меня чай пить и больше не поминалъ никогда.

«Года черезъ 3, уже послѣ смерти Николая Ивановича, всѣ школьныя постройки были окончены и школа преобразована въ двухъ-классную.

«Тутъ нуженъ былъ завѣдующій священникъ, и архіерей, по завѣщанію Николая Ивановича, предлагалъ мнѣ священство. Но я ему сказалъ, что я недостойнъ. Онъ отвѣчалъ: «да кто-жъ достоинъ?» Я сказалъ, что плохо читаю по-славянски и не понимаю. Тогда онъ спросилъ меня, что я желаю? Я сказалъ: я — молъ очень люблю бесѣдовать съ вотяками о православной христіанской вѣрѣ, и все время занимался этимъ добровольно, безъ особой уплаты. И я спросилъ: нельзя ли меня опредѣлить миссіонеромъ, хоть на одинъ уѣздъ».

съ небольшимъ жалованьемъ? Онъ меня опредѣлилъ исправляющимъ должность инородческаго миссіонера съ 12 іюля 1896 года.

«Я этимъ состоялъ до мая 1903 года, когда на должность епархіальнаго инородческаго миссіонера былъ назначенъ окончившій Казанскую духовную академію и я остался его сотрудникомъ. Съ 1896 года я получаю 600 руб. жалованья и 147 р. разъѣздныхъ. Я очень радъ, что назначили старшаго миссіонера, потому что могу съ нимъ совѣтоваться. Онъ былъ у меня, я ему все разсказалъ, онъ очень внимательно меня слушалъ, поощрялъ меня и сказалъ: ты будешь у меня правой рукой. Онъ слышалъ одну мою бесѣду съ крещеными татарами и потомъ очень меня благодарилъ. Онъ общалъ крѣпко стоять за родной языкъ, призналъ его необходимымъ для занятій въ школахъ.

«Теперь ѣзжу, сколько успѣваю, по всей Вятской епархіи и вездѣ замѣчаю разницу. Гдѣ я много разъ былъ, тамъ язычество оставляется, а гдѣ мало былъ, тамъ язычество еще держится.

«Когда вотяки нисколько не знали христіанства, русскіе относились къ нимъ, какъ къ скотинамъ. Въ своей деревнѣ онъ самый послѣдній русскій человѣкъ, а въ вотской деревнѣ онъ держитъ себя очень высоко, желаетъ чтобы вотяки боялись его, угощали его кумышкой. Поэтому вотяки не любили ихъ.

«Когда вотяки оставили язычество, русскіе стали относиться къ нимъ лучше: многіе вотяки въ религіозномъ отношеніи оказались лучше русскихъ. Вотяковъ-христіанъ русскіе начали уважать, и они стали относиться къ русскимъ хорошо; стали имѣть частыя сношенія, вотяки стали практически изучать народный русскій языкъ, черезъ это они легко рубяють. Для обрусенія инородцевъ первый шагъ: необходимо

объяснять христіанскую вѣру, а чтобы объяснить христіанство, нуженъ родной языкъ. Когда поймутъ христіанство, вотяки начинаютъ любить русскій языкъ и народъ русскій, и за это русскіе больше любятъ ихъ, относятся къ нимъ хорошо. Подати и другіе сборы,—напримѣръ, священникамъ—прежде вотяки платили съ обиженіемъ и даже проклинали. Теперь они платятъ подати съ усердіемъ, сборы священникамъ платятъ усердно. Напримѣръ, въ одномъ приходѣ, за послѣдніе годы доходъ утроился. За послѣднее время вотяки, просвѣщенные христіанствомъ, священникамъ платятъ лучше, чѣмъ платятъ русскіе.

«Я во время своихъ объѣздовъ замѣтилъ, что въ школахъ, гдѣ преподаваніе ведется въ первые годы на родномъ языкѣ учащихся, ученики гораздо развитѣе тѣхъ учениковъ, которыми съ первыхъ же дней преподавали по-русски. Я былъ въ одной земской школѣ, гдѣ учитель, изъ духовной семинаріи, русскій. По Закону Божию занимается онъ же. При мнѣ занимался по Закону Божию. Я просилъ позволенія слушать. Во время урока отвлеченныя понятія безъ родного языка никакъ не могъ объяснить. Ученики по книгѣ отвѣчали, а на вопросы на родномъ языкѣ не могли отвѣчать. Когда же я объяснилъ по-вотски это же самое, поняли хорошо.

«Разъ я встрѣтилъ вотяка, который окончилъ курсъ въ двухъ—классномъ Елабужскомъ училищѣ. Онъ очень хорошо читалъ Евангеліе по-русски. Но на вопросъ, что значитъ «нищіе духомъ», отвѣтилъ, что это нищіе-побирушки, а значенія словъ «блаженіи кротцыи» совсѣмъ не зналъ. Мнѣ пришлось все ему растолковать.

Когда я началъ заниматься школой, ко мнѣ стали изъ всѣхъ окрестностей приходить люди, желающіе креститься. Между прочимъ, разъ прибѣжали за 50 верстъ двѣ дѣвушки вотячки и стали просить крещенія. Я сначала не хотѣлъ

исполнить ихъ просьбы, потому что ихъ деревня была еще не подготовлена, и я боялся крещеніемъ отпугнуть другихъ. Но онѣ такъ плакали, что отецъ Михайлъ совѣтовалъ ихъ крестить. Онѣ говорили мнѣ, что онѣ, пока не крещены, все чувствуютъ, что около нихъ ходятъ шайтаны. Послѣ крещенія онѣ склонили и свою семью принять христіанство. Но въ послѣднюю минуту мать умерла, отецъ женился на отступницѣ, и она не позволила семьѣ креститься. Обѣ дѣвочки продолжали свое образованіе и вышли въ люди».

XI.

К. А. такъ увлекся своими воспоминаніями, что я насилу его остановила. Ему говорить было легко, но мнѣ писать было довольно затруднительно. Съ наступленіемъ темноты изъ бревенчатыхъ стѣнъ избы стали выползать безчисленные полчища клоповъ, которые самымъ беззастѣнчивымъ образомъ нападали на насъ, мирныхъ обывателей, такъ что то и дѣло приходилось вставать и отряхиваться.

При такихъ условіяхъ, ночевать въ избѣ было совершенно невозможно и К. А., посоветовавшись съ моимъ спутникомъ, предложилъ мнѣ идти спать въ клѣть. «Тамъ щели въ стѣнахъ, и воздухъ проходитъ и клоповъ совсѣмъ нѣтъ», объяснилъ онъ мнѣ. Клѣть помѣщалась въ низкомъ строеніи на дворѣ противъ крыльца. К. А. повелъ меня туда, а мой спутникъ понесъ мой багажъ; ночь была темная, все небо было покрыто облаками, дождь лилъ безъ остановки. Хотя пройти надо было лишь нѣсколько шаговъ, я чуть не завязла въ глубокой, топкой грязи и рада была укрыться въ клѣть; она состояла изъ цѣлаго ряда комнатъ, которыя всѣ выходили своими дверями на низкую галлерею, огороженную перилами. Комната, куда привели меня, была наполнена домашнимъ скарбомъ, но на ши-

рокія нары удобно было пристроить перину, а К. А. далъ мнѣ для защиты отъ холода свой овчинный тулупъ. Я съ наслажденіемъ протянула свои усталые члены и вскорѣ заснула подъ звуки соннаго слегка прихрапывающаго чьего то дыханія, которое слышалось изъ сосѣдняго помѣщенія.

Отогрѣвшись подъ полушубкомъ, я спала крѣпко и спокойно, проснувшись утромъ, почувствовала горловую боль и такую тяжесть въ рукахъ и ногахъ, что лишь съ большимъ усиліемъ встала съ постели. Въ кѣлѣти было довольно темно, такъ какъ въ ней не было оконъ, но свѣтъ проникалъ въ щель надъ дверью, и по этому свѣту я заключила, что день снова пасмурный. Дѣйствительно небо было хмуро, хотя дождь былъ менѣе частый, чѣмъ наканунѣ.

Въ домѣ К. А. вся семья была въ сборѣ; старшая его дочь, Дуна, дѣвица лѣтъ 17-ти, одѣтая по городскому въ ситцевую кофту, хлопотала по хозяйству. Младшая его дочь, Оля, только что окончившая курсъ въ Карлыганской центральной школѣ, сидѣла вмѣстѣ съ младшими братьями въ первой комнатѣ.

Кромѣ этихъ дѣтей у К. А. есть сынъ женатый и дочь, которая замужемъ за мѣстнымъ учителемъ.

К. А. овдовѣлъ недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и очень жену оплакиваетъ. Она была добрая, любящая женщина, но изъ неграмотныхъ вотячекъ и потому не поддерживала К. А. въ его дѣятельности. Хотя она была крещеная, но принадлежала къ самому упорному въ язычествѣ семейству, и въ первые годы своего миссіонерства К. А. ни отъ кого не видѣлъ такого сопротивленія, какъ отъ жены. Даже такое новшество, какъ ношеніе русской рубашки, вызывало съ ея стороны протестъ. Она часто плакала и жаловалась говоря: «ни одинъ человѣкъ не живетъ такъ, какъ ты; живи, какъ прочіе». Она обратилась въ христіанство позже всѣхъ

другихъ Карлыганскихъ жителей и остальныхъ домашнихъ, но и послѣ того сопротивлялась многимъ благимъ начинаніямъ К. А. Всѣ ея сѣтованія онъ называлъ «искушеніемъ», а жену свою называлъ иногда: «моя домашняя школа». *).

Напившись чаю съ К. А. и моимъ спутникомъ, я снова принялась «исповѣдывать» К. А.

Мы хотѣли начать день съ визита о. Николаю, священнику вотяку, завѣдующему Карлыганской школой и состоящему усерднымъ сотрудникомъ по переводческой комиссіи, но меня остановилъ дождь, а когда погода стала нѣсколько проясняться, мы увидѣли въ окно спины о. Николая и его матушки, уѣзжающихъ куда то въ плетенкѣ. Оказалось, что они собрались на свадьбу, и я, къ большому моему сожалѣнію, такъ ихъ и не видала.

Такъ какъ мнѣ хотѣлось какъ можно основательнѣе воспользоваться свѣдѣніями К. А., я примирилась съ дождливой погодой и, взявъ въ руки перо, снова стала писать подъ диктовку. Онъ говорилъ, я записывала, а когда моя рука уставала, меня на время замѣнялъ мой спутникъ.

XII

«Вотяковъ—язычниковъ много въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи; они переходятъ въ мусульманство, остальные соблюдаютъ языческую вѣру. Научить соблюдать православную вѣру, много нужно работы. Я больше надѣюсь на тѣхъ, которые отлично соблюдаютъ языческую вѣру, съ ними можно отлично бесѣду вести. А которые отпали въ мусульманство, на тѣхъ уже нельзя надѣяться. А которые соблюдаютъ свою языческую вѣру съ вѣрою и любовью, на тѣхъ я отлично надѣюсь».

*) Свѣдѣнія эти я имѣю отъ близкихъ къ К. А. людей.

«А православную вѣру они не соблюдаютъ, потому что имъ не откуда слышать. Есть между ними, которые шлѣлись работниками или на заводахъ; они крестились по какимъ-нибудь обстоятельствамъ. Такъ по нимъ другіе считаютъ крещеніе униженіемъ, потому что они самые низкіе безнравственные люди. Когда я ѣзжу по Вятской епархіи, по крещенымъ вотякамъ и некрещенымъ, и объясняю имъ о православной вѣрѣ, они говорятъ: «еслибъ намъ объяснили на своемъ языкѣ такъ подробно, когда бы мы не поняли? И наши отцы и дѣды поняли бы. Мы никогда не слышали такого объясненія. А то священники приходятъ и говорятъ: «вы не молитесь Богу, а шайтану, это нехорошо», а почему не такъ молимся — не говорятъ. Они запрещаютъ молиться по нашему, а мы безъ молитвы жить боимся, Богъ прогнѣвается на насъ». У нихъ очень даже есть стремленіе къ Богу и любовь къ Богу, только правильный путь они не знаютъ. Но когда плавно, хорошо имъ объясняешь, они отлично понимаютъ. Въ первой бесѣдѣ не касаюсь ихней вѣры, потому что не вмѣщаетъ ихній умъ, чтобы заваривать.

«Начинаю съ предварительнаго объясненія такого рода: «Всякій человѣкъ, живущій на землѣ, вотякъ ли, черемисъ ли, или другой, имѣетъ душу одинаковую и всѣ желаютъ счастливую жизнь. Счастіемъ я называю душевный покой, и такъ объясняю имъ. Бываетъ человѣкъ богатый, но душа у него неспокойна, и онъ не имѣетъ счастья. Иной бѣдный, да больше имѣетъ душевнаго спокойствія. А найти счастье не всѣ знаютъ, откуда пріобрѣсти его. Потомъ я имъ говорю, что счастье душевнаго покоя даетъ одинъ только истинный Богъ. Истинный Богъ даетъ только тому, который любитъ Бога. Поэтому, кто хочетъ счастливымъ быть, тотъ долженъ любить Бога. Любовь къ Богу не только въ словахъ, но и въ дѣлахъ.

«Примѣръ беру прямо изъ дѣтей. Какъ мы живемъ съ малыми дѣтьми, учимъ ихъ; если ребенокъ любить отца, то старается исполнять его велѣніе. А когда исполняетъ, то отецъ его еще больше любить, чѣмъ дѣти отца любятъ, больше милуетъ. А любимаго награждаетъ, даетъ ему нужное, не прося. И тогда у ребенка жизнь спокойная, счастливая: Такъ и Господь, что намъ нужно, то даетъ не спрося, т. е. даетъ душевную спокойную жизнь. Это и есть счастье.

«Дѣти, которыя не любятъ отца, живутъ безъ вниманія къ отцу. А такому отецъ, хотя и даетъ нужное, но не безъ выговора. И часто ему досадно, и онъ плачетъ. Такъ и Господь не даетъ душевнаго спокойствія тому, кто Его воли знать не хочетъ, не нуждается знаніемъ воли Божіей.

«Намъ нужно жить съ Богомъ такъ, подобно тому мальчику, который слушаетъ волю отца. Такъ намъ надо стараться узнавать волю Бога и просить Его, чтобы Онъ Самъ насъ вразумилъ: «Господи научи насъ жить по Твоей волѣ». Вотъ я пришелъ вамъ объяснить велѣніе Божіе, ученіе Его. И начинаю отъ сотворенія міра. Первое рассказываю имъ про существо Бога, что Онъ вѣченъ, милостивъ, что Онъ сотворилъ міръ во славу Себѣ, говорю кратко, не перечисляю, что каждый день. Потомъ сотворилъ человѣка по образу и подобію Божіему. Потомъ объясняю, что значить по образу и подобію Божію. И выходитъ, что человѣкъ вѣченъ, нашей смертностью жизни не конецъ. Потомъ моя цѣль — Господь много милостивъ и блаженствуетъ. Самъ, и подобно Себѣ давалъ человѣку на первыхъ порахъ такую блаженную жизнь. И потомъ я очень украшаю рай, разными вкусными плодами и цвѣтами и благоговѣйными запахами, чтобъ ихъ трогать, чтобъ имъ жалко было, рая, чтобъ они туда стремились. Потомъ говорю настоящее трудное положеніе, сколько страху, сколько болѣзней, сколько терпимъ, и потомъ умираемъ,

тогда еще труднѣе. И вотъ прошу васъ подумать, почему такъ трудно, почему рай потерянь, и что настоящая жизнь какъ во тьмѣ живемъ, трудно, а послѣ смерти еще труднѣе будетъ. Потомъ рассказываю, откуда трудное положеніе, какъ люди лишились рая.

«Рассказываю про діавола-шайтана, про паденіе ангеловъ, рассказываю про гордость, что пали ангелы отъ гордости, потомъ про адъ. О грѣхопадѣніи распространяю слова: «будете какъ боги». «Если будете, какъ боги, вамъ не нужно будетъ Бога». И это было искушеніе человѣкамъ, они захотѣли быть какъ боги и желали безъ Бога жить. Про плодѣ мало говорю.

«Потомъ судъ Божій рассказывать начинаю; судъ у меня бываетъ такого рода, что во время суда Божія Господь объявлялъ человѣкамъ, что они теперь сдѣлали: «вы хотѣли безъ меня жить, а теперь Я отъ васъ отлучаюсь, живите по своему желанію, безъ Меня значить».

«До этихъ поръ Богъ всегда былъ съ человѣкомъ, а человѣкъ съ Богомъ, и потому была жизнь радостная, блаженная, одна только радость была. И благодати дано было въ землѣ очень много, и хлѣбъ и плоды уродились безъ труда для человѣка. А теперь Господь сказалъ: Я благодать теперь отъ земли возьму (да будетъ проклята земля); когда вы сами хотѣли быть Богомъ, вы сами наложите благодать въ землю своимъ трудомъ. Но теперь будутъ неурожаи великіе, вы будете трудомъ добывать, вы увидите болѣзнь, старость потому тѣло отъ души отлучится, тѣло пойдетъ въ землю, а душа останется подъ властью, кому вы вѣрили, т. е. діавола». Такъ стало извѣстно, что человѣкъ палъ, и стало ему очень горько, и плакали. И тогда показываю милосердіе Божіе, что онъ пожалѣлъ кающихся людей и что Онъ всегда и въ настоящее время кающихся принимаетъ, которые искренно сознаютъ свой грѣхъ (тутъ коротко говорю о таинствѣ исповѣди).

«И Богъ хотѣлъ спасти людей, и общался, и говорилъ слово, что для спасенія васъ пошлю Спасителя. Это считаю самымъ важнымъ мѣстомъ, и распространяю, украшаю это мѣсто, чтобъ было трогательно, какъ Богъ хотѣлъ спасти человѣка.

«Украшеніе бываетъ такого рода, что самое это слово— было спасеніе, т. е. обѣщаніе послать Спасителя, чтобы люди не забывали, а ждали съ вѣрою обѣщаннаго Спасителя. И потому для человѣка самое важное осталось—съ вѣрою и надеждою ждать Спасителя.

«Господь предвидѣлъ, что діаволъ будетъ стараться, чтобы люди забыли обѣщаніе и не поминали объ этомъ, такъ Богъ далъ приказаніе, чтобы для видимаго напominанія приносили жертвы животныхъ. Потомъ изображаю, какъ было повелѣно строить жертвенникъ, что это прообразъ будущаго (12 камней—12 Апостоловъ, дрова—крестъ, кровопролитіе—кровь Христа, дымъ восходящій—воскресеніе и вознесеніе).

«Кто съ вѣрою это приносилъ, того Господь принималъ, и успокоеніе было въ ихъ душѣ. Потомъ я говорю: «вотъ вы, вотяки, приносите жертвы, а не знаете, зачѣмъ приносите. Это—обрядъ, какъ ваши предки дѣлали, а теперь это не нужно, потому что время—прошло, Спаситель пришелъ и кровь Свою уже пролилъ». Я это подробно объясняю, потому что они думаютъ изъ священной исторіи, что жертвоприношеніе было, и самъ миссіонеръ сказалъ, что нужно жертвы приносить. Я говорю подробно, что прежде жертвы нужно было, необходимо было, и что кто жертвъ не приносилъ, тотъ скорбно ходилъ въ душахъ, и одна вѣра въ будущаго Спасителя спасала. И когда я говорю, что хорошо, что предки жертвы приносили съ вѣрою въ будущаго Спасителя, то это для нихъ пріятно, они радуются, въ лицѣ мѣняются, потому что думаютъ, что я оставляю ихъ моленіе съ жертвоприношеніемъ.

«Потомъ говорю: «а теперь вамъ священники и учителя не велятъ?» Они говорятъ: «не велятъ». Я говорю: «не велятъ, потому что теперича не нужно, потому что будущный Спаситель уже былъ на землѣ и кровь пролилъ, подобно кровопролитному животному. Онъ распятъ былъ на крестѣ и умеръ, погребенъ, воскресъ и вознесся, какъ поднимается дымъ отъ жертвы». Это я только предварительно говорю, а потомъ пойдетъ вопросъ кто такой Спаситель былъ.

«Богъ—бездѣльный, только Духъ, но имѣеть Слово, тѣла не имѣеть, но имѣеть Слово. Слово такой же Богъ, какъ Онъ Самъ, и Словомъ сотворилъ сей міръ и все; и обѣщанное слово о будущномъ Спасителѣ есть то же самое Слово. Мнѣ это кажется очень понятно. Это самое Слово есть Богъ истинный, но нераздѣльно отъ Бога. А про Сына я въ началѣ не говорю, это очень, очень преждевременно затрудняетъ, о Сынѣ я говорю, когда дохожу до Благовѣщенія и Крещенія.

«Вотъ это самое Слово. Божіе—Богъ Слово—вочеловѣчился для спасенія челоуѣка. Про это самое и говорилъ Богъ Адаму. Спаситель значить—Исусъ, потомъ прибавляю «Христосъ».

«Вотъ этотъ Исусъ Христосъ есть истинный Богъ, Который сотворилъ міръ и Который вочеловѣчился.

«Мнѣ приходится бесѣдовать съ татарами, такъ и они трогательно-внимательно слушаютъ. Только официально ихъ нельзя собирать. Но они зовутъ чай пить, я иду, и тамъ у насъ бываютъ бесѣды, сраженія. Когда я знаю, что татары хотятъ бесѣдовать, они со стремленіемъ меня приглашаютъ къ себѣ, думаютъ обратить въ магометанство.

«Я никогда не опровергаю, чтобъ ихъ не отталкивать, а слушаю ихъ съ любовью, съ интересью, говорю, что люблю слушать объясненіе о вѣрѣ, мнѣ желательно всякую вѣру узнать, и которую я убѣдусь истинною вѣру, то я готовъ принять. Я никого не боюсь, только Бога.

«Тогда они начинаютъ объяснять съ любовью, съ великою интересью объясняютъ; видятъ что я слушаю, они одушевляются, душа ихъ согрѣвается; а потомъ я начинаю имъ говорить, какъ мы вѣримъ, какъ у насъ объяснено въ бесѣдѣ, и они слушаютъ. И нѣкоторые татары говорятъ: «мы никогда не слыхали такого объясненія о вашей вѣрѣ, мы никогда не будемъ больше говорить, что ваша вѣра неправильная». Они думаютъ, что у насъ идолопоклонство, потому Богъ Отецъ, а Его жена—Божія Матерь, и Сынъ у нихъ, и мы вѣримъ не въ Единого Бога.

«Я съ указнымъ муллою такъ бесѣдовалъ, а со мной былъ ямщикъ—вотьякъ. Когда я началъ говорить, то я увлекался, уже не слышу. А тамъ мулла, муллика и мать муллы, а послѣ ямщикъ мнѣ говорить то, что слышалъ у муллы. Жена муллы говоритъ ему: какъ бы онъ своей бесѣдой не соблазнилъ насъ». А мулла отвѣчаетъ ей: «погоди, дай кончить».

«А иногда я пропускаю, что Богъ велѣлъ приносить жертвы, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ничего не слыхали о православіи. Если это объяснять имъ, это будетъ имъ въ поощреніе. Тогда надо сейчасъ говорить о прекращеніи жертвоприношенія, но тогда они будутъ думать, что я желаю ихнюю вѣру уничтожить. И тогда, ихъ умъ не заваривается. Тогда я, послѣ обѣщанія о Спасителѣ, прямо говорю, что Богъ уже послалъ Спасителя.

«А когда я говорю, что прежде жертвы были нужны, а теперь не нужны, потому что Спаситель уже пришелъ, то объясняю, что жертва теперь замѣняется литургіей.

«Потомъ говорю, что Богъ вочеловѣчился, такъ сами подумайте, «откуда взялось Его тѣло?» Когда время приблизилось, Богъ приготовлялъ Чистую, Святую Дѣву Марію. Она молилась, ждала всегда обѣщаннаго Спасителя, и самъ Богъ—Слово Божіе—вселилось въ нее и создало человѣческое тѣло. Они понимаютъ, что это не мужъ, что Слово есть Богъ, не

тѣлесная сила. Что Слово вселилось и Само создало. Потомъ разсказываю о Благовѣщеніи; они удивляются, говоря: «а мы этотъ праздникъ называемъ «дѣды куштонъ», что значить «выбрасываніе саней». Я объясняю, что мы называемъ Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, какъ сказали ангелъ. Но это не такой сынъ, какъ у насъ бываетъ, отецъ старше, сынъ моложе; это мы такъ только называемъ вочеловѣченіе, а Божество Его тотъ же самый вѣчный Богъ. Человѣчество же, тѣломъ и душой, было для спасенія челоѣковъ.

«Послѣ этого перехожу къ Рождеству Христову. Онъ родился, выросъ и сталъ учить людей, передъ ученіемъ крестился. Онъ училъ людей, главное ученіе Его — любить Бога. Онъ научилъ называть Бога Отцомъ, чтобы мы любили Его, какъ дѣти маленькія любятъ своего отца, и Богъ ихъ любить, какъ любить отецъ своихъ дѣтей и болѣе того; оттого мы называемъ Бога Отцомъ, а Иисуса Христа называемъ Сыномъ по словамъ ангела, и какъ Самъ говорилъ во время крещенія: «Сей есть Сынъ Мой Возлюбленный».

«Во время ученія Иисусъ Христосъ сказалъ: «Я отъ васъ уйду, а вмѣсто Себя пошлю другаго, Духа Святаго, исходящаго отъ Бога Отца». Этотъ Утѣшитель Духъ Божій, такой же Богъ, какъ Богъ Отецъ. Но исходящій Духъ не раздѣляется отъ Бога, подобно огню, отъ котораго исходитъ свѣтъ и теплота, но не раздѣляется. Вотъ такъ Богъ одинъ, а троиченъ: «Въ трехъ лицахъ» я не говорю, это затрудняетъ. О троичности больше не говорю; говорю, что это неностижимо.

«Народъ шелъ за Христомъ; начальники, злые и гордые люди, завидовали, что Его слушаютъ, а не ихъ, и совѣщались; обвинить Его судомъ и убить.

«Когда поспѣло время Спасителю страдать, Онъ Самъ отдался. Здѣсь дѣлаю сравненіе между страданіемъ Спасителя и жертвоприношеніемъ.

«Христа распяли въ пятницу, и вотъ враги Христа радовались. Татары—враги Христа, поэтому они въ такой день радуются, праздную пятницу. Вѣрующіе во Христа плакали, даже пищи не вкушали; въ память этого установленъ постъ.

«Когда тѣло Христа погребли, Его Божество съ человѣческой душою пошло въ адъ—разрушить силу діавола и спасти тѣхъ которые ждали Спасителя съ вѣрой; но умерли не дождавшись. А которые не вѣрили, не ждали, тѣ остались въ аду. Потомъ рассказываю о воскресеніи и вознесеніи.

«Бесѣду заключаю рассказомъ о Страшномъ судѣ. Всѣ воскреснутъ, увидятъ явленіе Христа. Тѣ, которые любили Бога, старались знать волю Божию, потому знали Христа, и Онъ скажетъ: «вы Меня знали, любили, и васъ Я люблю, васъ знаю, придите въ приготовленное для васъ въ блаженное мѣсто». И рассказываю, что тотъ рай гораздо лучше прежняго и украшаю его, чтобы было стремленіе къ нему. Потомъ говорю о грѣшникахъ. Потомъ въ концѣ говорю: «чтобы знать волю Христа, нужно читать Евангеліе».

«Когда я кончу бесѣду, вотяки говорятъ мнѣ, что священники ихъ ругаютъ, но не объясняютъ, почему не надо исполнять языческіе обряды. Они говорятъ: «мы молимся истинному Богу, только обряды исполняемъ, какъ наши предки; а священники воспрещаютъ это, а не говорятъ, почему это не надо, не объясняютъ. Мы не признаемъ ничего противнаго, это только обряды, а молимся мы истинному Богу».

«Русскіе миссіонеры не дѣйствуютъ на народъ: русское только хвалятъ, а языческое осуждаютъ. Не касаясь ихъ вѣры, надо дать имъ точное понятіе о христіанствѣ и потомъ только говорить о язычествѣ. Надо главное говорить имъ, что Іисусъ Христосъ истинный Богъ и вочеловѣчился для спасенія людей, которые остались подъ властью діавола».

XIII.

«Я тоже слышалъ, что русскіе миссіонеры нисколько не вліяютъ на инородцевъ», сказалъ мой спутникъ, прервавъ записываніе словъ К. А-ва. Вотяки, перешедшіе въ магометанство, на проповѣдь миссіонеровъ почти всегда говорятъ: «все хорошо, что вы говорите, и ваша вѣра для васъ хороша, мы ее не осуждаемъ. Но вы опоздали уже съ своею проповѣдью: теперь никакими усиліями, никакими проповѣдями вы насъ не обратите. Идите лучше во-свои, себя не беспокойте и насъ не тревожьте». Иногда вотяки, выведенные изъ терпѣнья навязанными проповѣдями, отвѣчали миссіонерамъ дерзостью или отдѣлывались шутками. Такъ, напримѣръ, на вопросъ: «какой отвѣтъ ты дашь Богу по смерти?» одинъ вотякъ сказалъ: «у меня отвѣтъ короткій, скажу—когда родился, былъ маленькій, а когда умиралъ былъ пьяный—вотъ и все».

Въ половинѣ дня, заботливая Дуня начала собирать намъ обѣдать. К. А. ѣлъ постное, такъ какъ была пятница, но для меня и моего спутника былъ сваренъ отличный бульонъ, и поставлена миска съ накрошеннымъ мясомъ. Мы ѣли деревянными ложками прямо изъ миски, и хотя меня лихорадило и аппетита не было никакого, я пообѣдала довольно основательно, до того все было вкусно. Дуня угостила насъ еще щипеной кашей на молокѣ и яичницей, и мы воспользовались и прекрасными солеными грибами, которые ѣлъ К. А.

Послѣ обѣда погода стала проясняться, дождь почти совсѣмъ прекратился, и мы собрались съ К. А. въ сосѣднюю черемисскую деревню, гдѣ онъ хотѣлъ устроить бесѣду. Пока запрягали лошадей, К. А. рассказывалъ намъ о первыхъ годахъ своей школьной дѣятельности и показалъ намъ большую

трубу изъ толстой бересты, которой онъ въ началѣ своей дѣятельности сзывалъ въ Карлыганѣ народъ на бесѣду. Впослѣдствіи были собраны деньги на колоколъ.

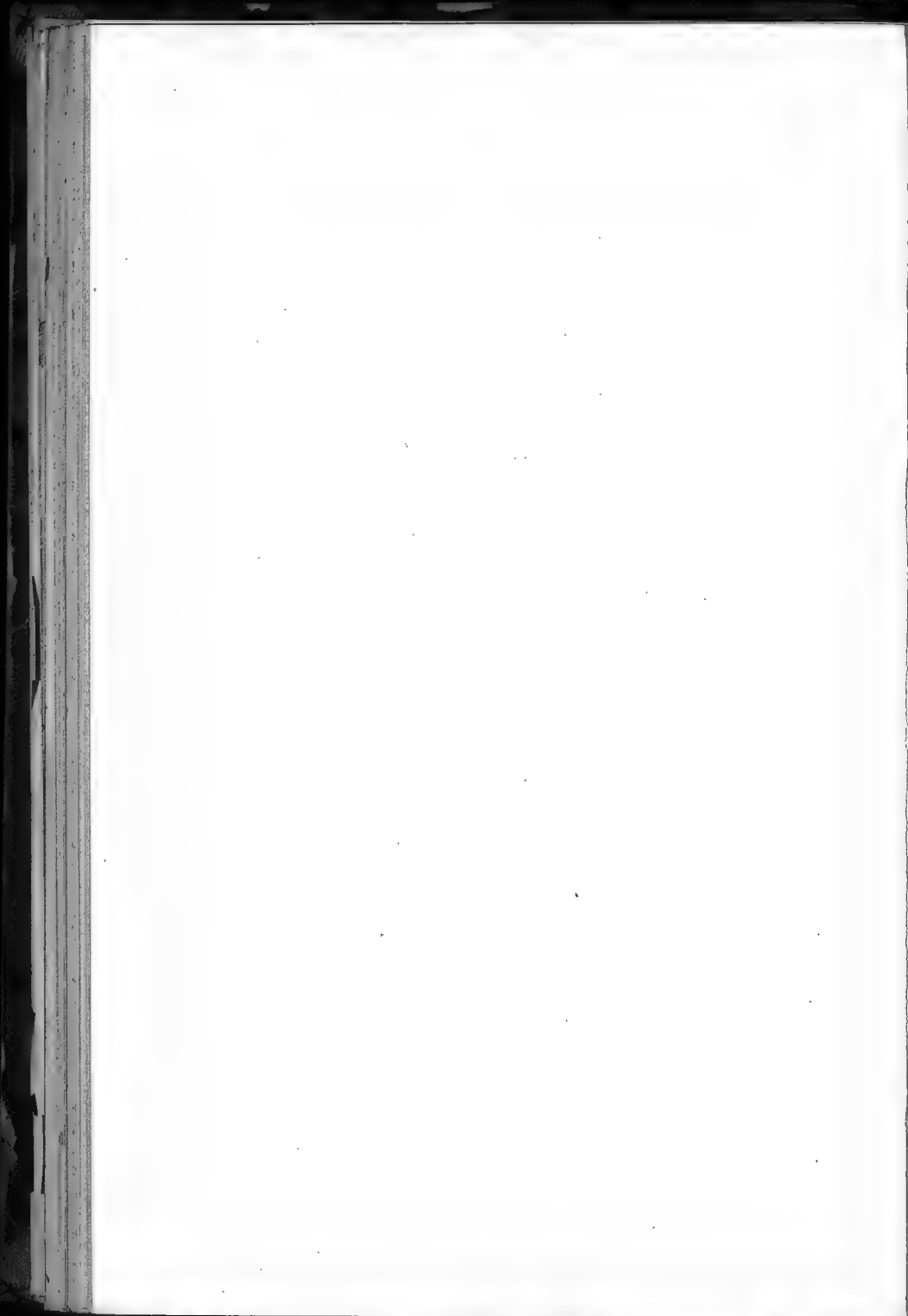
Когда Б. А. вышелъ взглянуть не готовы ли лошади, я подѣлилась съ своимъ спутникомъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое производилъ на меня этотъ человекъ. „Да“, — отвѣтилъ онъ, „я учился Закону Божію у священниковъ, но главные истины вѣры понялъ лишь когда услышалъ о нихъ отъ Б. А.“

Мы двинулись въ путь около 3-хъ часовъ; я ѣхала впереди съ Б. А., мой спутникъ ѣхалъ одинъ за нами. Дождь накрапывалъ только слегка и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ проглянетъ солнце. Мѣстность была живописная; кудрявыя, густыя рощицы — «луды» — ютились по крутымъ пригоркамъ, дорога вилась по овражкамъ, въ воздухѣ пахло осеной и мохомъ. Намъ предстояло проѣхать верстъ 6 и я усердно надѣялась, что дождь окончательно прекратится. Но подозрительныя ключья сѣрыхъ облаговъ снова начали застилать небо, и когда мы пріѣхали въ черемисскую деревню, дождь лилъ самымъ неумолимымъ образомъ.

Эта сырость сильно обострила чувство недомоганія, которое томило меня съ утра. Когда мы вошли въ просторную пустую избу, гдѣ должна была состояться бесѣда, и я увидѣла широкія нары, меня такъ и потянуло повалиться на нихъ и больше не двигаться. Но мой спутникъ, поговоривъ съ черемисами, рѣшилъ, что удобнѣе устроить бесѣду въ другой избѣ, и я поплелась за ними по грязной, тонкой улицѣ. По дорогѣ мы зашли въ 2—3 избы, такъ какъ мнѣ хотѣлось посмотреть, какъ живутъ черемисы. Устройство черемисскихъ домовъ и ихъ обстановка ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ вотскихъ: вездѣ просторная изба въ одну комнату съ печью и котломъ, нары, узкія скамьи и столъ.

Казанские черемисы.

Но специфически затхлый воздухъ, грязь обстановки и одежды, сумрачныя лица, видимая отчужденность отъ русскихъ и какъ бы дикость черемисъ, производить тяжелое впечатлѣніе.

Домъ, гдѣ должна была состояться бесѣда, былъ совсѣмъ новый, недавно отстроенный; нары придѣлать еще не успѣли, такъ что мнѣ для отдыха представились лишь узкія лавки.

Мало по малу сталъ собираться народъ; всѣ съ рыжеватыми волосами и съ удлинненными чертами лица, всѣ одѣтые во все холщевое, бѣлое, съ красными и черными вышивками у ворота, груди и на рукавахъ рубашекъ. Женщинъ не было; онѣ почти всѣ ушли собирать грибы въ хвойные лѣса и лѣса, окружающіе деревню. Въ избу собралось около 18 мужчинъ и нѣсколько маленькихъ мальчиковъ. К. А. велѣлъ зажечь свѣчку передъ образами, что было исполнено съ какой-то благоговѣйной торопливостью; народъ весь обратился лицомъ къ иконамъ, К. А. сталъ передъ ними, перекрестился, и медленнымъ низкимъ голосомъ, подавленнымъ сильнымъ чувствомъ, произнесъ по-вотски «во Имя Отца и Сына и Св. Духа», и приступилъ къ бесѣдѣ.

Онъ говорилъ по-вотски, такъ какъ всѣ черемисы по-вотски называютъ, а онъ хотя знаетъ по черемисски, но говорить не вполне свободно, и какъ онъ мнѣ объяснилъ, — душевно, изъ сердца можно говорить лишь на родномъ языкѣ. Иногда, впрочемъ, онъ вставлялъ нѣсколько словъ по черемисски. Говорилъ увлекательно, горячо, дѣлалъ руками жесты.

Онъ меня предупредилъ заранѣе, что бесѣда будетъ въ родѣ той, которую онъ утромъ изложилъ мнѣ, и я по выраженію его лица и по движеніямъ его рукъ, могла до нѣкоторой степени слѣдить за ея ходомъ. Напримѣръ, когда онъ заговорилъ о распятіи, онъ раскрылъ обѣ руки въ формѣ Креста, и его глаза освѣтились какимъ то особеннымъ кроткимъ сія-

ніемъ. Народъ не опускалъ съ него глазъ. Часто между слушателями поднимался глухой ройнотъ одобренія или изумленія, они переглядывались между собой, иногда говорили нѣсколько словъ, видно было, что они слѣдятъ всей душой.

Когда рѣчь зашла о значеніи празднованія воскреснаго дня, и К. А. сказалъ имъ, что хорошо бы имъ между собой сговориться объ отмѣнѣ празднованія пятницы, они оживленно начали перекидываться отрывочными фразами, видно было, что слова К. А. ихъ задѣли. Одни только маленькіе мальчики, которые стояли между большими, выказывали полное равнодушіе, но и они внимательно всматривались въ говорящаго и только для развлеченія перебирали пальцами своихъ босыхъ ногъ. Одинъ мальчуганъ лѣтъ 4-хъ вздумалъ было вертѣться и порывался убѣжать, но его посадили на полъ, и все снова стихло.

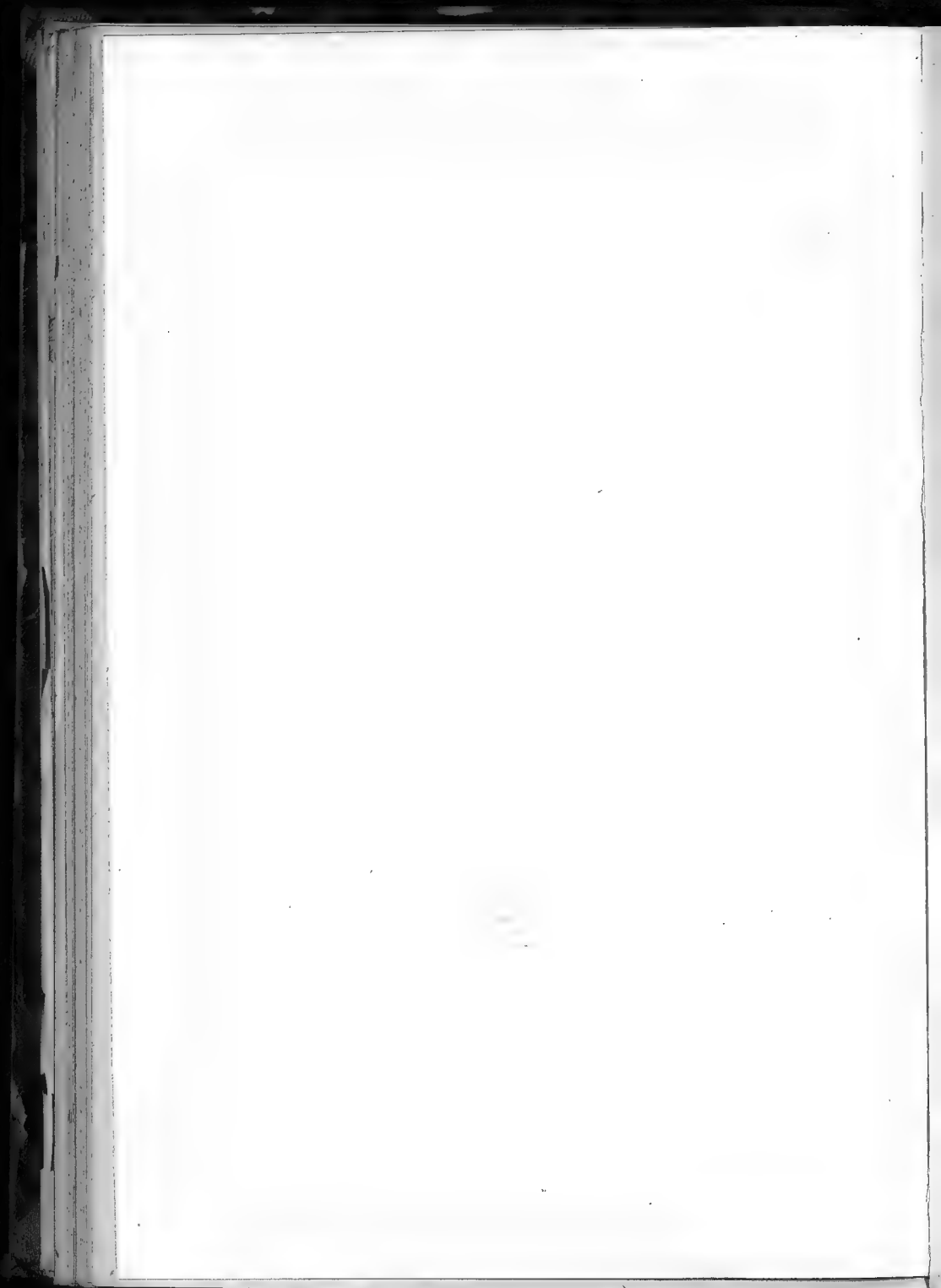
Когда кончилась бесѣда, К. А. повернулся лицомъ къ образамъ и сталъ читать по вотски вечернія молитвы. Такъ и вижу передъ собой эту картину: бременчатая, новыя стѣны, склоненныя всклокоченныя головы черемисъ, маленькая свѣчка, теплящаяся передъ иконами, и тихій голосъ, повторяющій съ глубокимъ чувствомъ: «Инмаре зеч кары, Инмаре зеч кары, Инмаре зеч кары» (то есть Господи помилуй).

Черемисъ въ окрестности Карлыгана 12 деревень, они упорно держатся языческихъ обрядовъ, чѣмъ вотяки, ходятъ въ керемети и приносятъ языческія жертвы. Между ними есть и язычники, но и крещенные черемисы, за рѣдкими исключеніями, живутъ, какъ язычники. Склонности же къ исламу у нихъ нѣтъ.

Дальше въ Уржумскомъ уѣздѣ все живутъ черемисы и всѣ они полуязычествующіе, мало есть между ними оставлющихъ язычество.

Черемисы Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи.

XIV.

По окончаніи бесѣды К. А., мы сѣли снова въ свои плетенки и вернулись въ Карлыганъ. Здѣсь мы по дорогѣ зашли въ нѣсколько домовъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось посмотрѣть внутренній бытъ того селенія, гдѣ уже столько лѣтъ живетъ и работаетъ К. А.

Впечатлѣніе я вынесла самое отрадное: общій видъ селенія зажиточный и культурный; дома большіе, обстановка хорошая. Всѣ жители необыкновенно привѣтливы и гостепріимны; при появленіи К. А. всѣ лица сіяютъ; моего спутника, который когда то здѣсь учительствовалъ и котораго здѣсь знаютъ, встрѣчали чрезвычайно дружелюбно, а меня, какъ гостя К. А-ва, привѣтствовали ласково, можно даже сказать любовно.

Мы посѣтили избы семействъ зажиточныхъ, средняго достатка и бѣдныхъ; у всѣхъ во дворахъ «Куалы», гдѣ прежде люди молились, а теперь только лѣтомъ готовятъ кушанье и объѣдаютъ. Въ законченномъ углу куалы стоитъ пустой коробокъ «воршутъ», въ которомъ въ старину предполагалось присутствіе духа, такъ что къ этому коробку относились съ благоговѣніемъ и страхомъ, никто не смѣлъ его трогать. Теперь тамъ берегутся какія то тряпки и разныя вещицы.

Каждое семейство, которое мы посѣщали, хотѣло насъ чѣмъ-нибудь угостить. Въ одномъ домѣ намъ предложили душистой малины, только что собранной въ лѣсу, въ другомъ соленыхъ грибовъ. Одинъ бѣднякъ повелъ насъ въ свою куалу и, озираясь по сторонамъ съ нѣкоторымъ тревожнымъ смущеніемъ, схватилъ лежащій подъ полотенцемъ хлѣбъ и на-

часть отрѣзать для насъ ломти. Изъ всѣхъ угощеній—это болѣе всего меня тронуло.

Окружающія меня довольныя, сіяющія лица, свидѣтельствовали о томъ, что жизнь этихъ людей настроена хорошо, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывали представленіе о состояніи того же селенія дѣтъ 15 тому назадъ. Невольно напрашивалось сравненіе между Карлыганомъ и только что видѣнной черемисской деревней. При этомъ сравненіи со всею силою своей простоты и задушевности выступала впередъ центральная фигура К. А. и впечатлѣнія, испытанныя во время его бесѣды, слагались въ видѣ представленій о томъ, чѣмъ долженъ быть истинный миссіонеръ, учитель народный.

Вспомнились обычныя въ русскихъ церквахъ проповѣди священниковъ, большей частью непонятныя, а въ лучшемъ случаѣ сводящіяся къ увѣщанію ходить въ церковь, уважать духовенство, ставить свѣчи и подавать нищимъ подѣ угрозой всякихъ несчастій—земныхъ и вѣчныхъ мукъ за гробомъ.

К. А. же идетъ инымъ путемъ; онъ рассказываетъ людямъ жаждущимъ свѣта, тайну искупленія, говоритъ имъ о прекрасномъ раѣ, о милостивомъ Богѣ, о страждущемъ за людей всепрощающемъ Христѣ,—онъ не грозитъ имъ палкой, но влечетъ ихъ души любовью, и въ этомъ весь секретъ его вліянія. Самъ онъ весь исполненъ этой любовью, и въ его глазахъ постоянно свѣтится огонь какой то тихой внутренней радости. Потому не удивительно, что его проповѣдь производитъ въ селеніяхъ цѣлый переворотъ. Поэтому и у меня, видѣвшей въ своей жизни многихъ проповѣдниковъ, сохранилось о К. А. воспоминаніе, какъ объ идеальномъ миссіонерѣ. Какъ всѣ истинные «носители духа», К. А. дѣлаетъ свое дѣло совершенно просто, безъ всякой рисовки и безъ всякой мысли о себѣ лично; онъ видимо убѣжденъ, что дѣлаетъ только то, что обязанъ дѣлать.

XV.

Эта черта особенно ярко бросилась мнѣ въ глаза вечеромъ когда мы снова сидѣли въ задней комнатѣ и, сражаясь съ клопами, слушали рассказы К. А. Мы говорили о переводахъ.

«У меня была разъ исторія съ Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ»,—повѣствовалъ К. А. «Онъ часто совѣтовался со мной о вотскихъ переводахъ. Въ первыхъ переводахъ Св. Духъ былъ переведенъ «Св. дул», а «дул» значить по вотски «душа». И было напечатано «Св. дул».

Я объяснялъ Ильминскому, что это невѣрно, а что нужно переводить «Св. бус». «Бус» можно называть водяной паръ и воздухъ, а если прибавить «святой», то значеніе будетъ другое.

Я говорилъ это Николаю Ивановичу, но прочіе вотяки не соглашались.

Разъ прихожу къ Николаю Ивановичу, а онъ говоритъ: вотъ былъ у меня одинъ вотякъ, и говорилъ, что нельзя «Св. Духъ» перевести «Св. Бус», потому что Бус-паръ—исходить изъ самовара. А я на это ему въ отвѣтъ: Николай Ивановичъ, бус не отъ самовара исходить, а отъ воды. Исходящій отъ воды «бус» такой-же вода, а въ Символѣ Вѣры сказано—Св. Духъ исходить отъ Бога-Отца, а исходящій отъ Бога Отца Духъ такой-же есть Богъ. Николай Ивановичъ обрадовался, захохоталъ, хлопнулъ себя руками и сказалъ: «прямое, ясное доказательство!» и сталъ говорить о другомъ, и такой сталъ веселый, и посадилъ меня чай пить. Послѣ я узналъ отъ священника, что Николай Ивановичъ хотѣлъ мнѣ воспретъ давать, чтобъ я больше объ «бус» не разсуждалъ, какъ напечатано «дул», чтобъ такъ осталось.

Въ новыхъ молитвенникахъ напечатано «бусъ». Еслибъ Николай Ивановичъ былъ живъ, то самъ лично всѣмъ вотягамъ объяснилъ-бы, чтобъ было «св. бусъ». Когда Николай Ивановичъ былъ убѣжденъ и прикажетъ, то никто не смѣлъ противорѣчить. Но онъ умеръ, и вопросъ остался неутвержденнымъ.

Въ новыхъ переводахъ пишутъ «Св. Духъ» по русски. Но я не теряю надежды, хотя мой «бусъ» похороненъ, но онъ воскреснетъ, такое чувство имѣю.

К. А. все болѣе разгорячался во время разсказа, глаза его все болѣе разгорались, а послѣднія слова онъ произнесъ съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Я спросила его, какой терминъ онъ употребляетъ во время бесѣды.

«Я объясняю Вотягамъ во время бесѣды, что Св. Духъ по вотски—«Св. бусъ», отвѣтилъ К. А. «потомъ объясняю, что душа—«дул» по существу тотъ же самый «бусъ». Эти понятія соспотиха прививаются къ языку, и языкъ обогащается».

— «Ну ужъ когда дѣло доходитъ до дула и буса, то К. А-ва унять невозможно»,—сказалъ смѣясь мой спутникъ: «знаете»—обратился онъ ко мнѣ—«разъ К. А. и здѣшній священникъ О. Н. пріѣхали въ Казань къ профессору Машанову. Они пріѣхали на одной повозкѣ, но, несмотря на это, пришедши къ профессору Машанову, тотчасъ заспорили о «бусѣ», совершенно забывъ, гдѣ они находятся».

Профессоръ Машановъ слушалъ ихъ съ изумленіемъ и, провожая ихъ, сказалъ: «вы только не подеритесь дорогой».

К. А. улыбнулся и нѣсколько сконфузился. «Когда я говорю о бусѣ, всегда очень горячусь», сознался онъ.

Въ теплой уютной комнатѣ, при свѣтѣ небольшой керосиновой лампочки, разговоръ нашъ становился все задушев-

нѣе. Мы постепенно вернулись къ той темѣ, которая болѣе всего интересовала Е. А-ва, — къ вопросу о миссіонерствѣ.

«Татары очень сильно вліяють», — сказалъ онъ, — «такъ какъ каждый неграмотный татаринъ является проповѣдникомъ.

«Всѣ они вѣрятъ, что Богъ одинъ, что Магометъ Его пророкъ, самый близкій къ Богу, что нужно въ это вѣрить, по возможности исполнять Его ученіе: соблюдать уразу, подавать милостыню.

«Крещенные своей вѣры не знаютъ и потому отпадаютъ. А гдѣ христіанство хорошо объяснено, крещенные татары могутъ и сами возражать.

«При бесѣдахъ никогда не нужно впадать въ полемическій тонъ и бранить вѣру языческую или мусульманскую.

«Вѣ началъ порокъ ихъ не надо доказывать. Это очень, очень преждевременно, раздражаетъ. Только въ послѣдствіи можно объяснить, гдѣ правильно, гдѣ неправильно.

«Когда язычники очень противъ христіанства, то не надо совсѣмъ о христіанствѣ говорить, если оно имъ противно. О Христѣ тоже не говорить, они думаютъ: Христосъ — крестъ, и это имъ противно. Сначала я говорю «Мозметысь», что значитъ «Спаситель»; и только, когда они совсѣмъ привыкнутъ, говорю, что этотъ «Мозметысь» и есть Иисусъ Христосъ. А если сразу сказать, то они подумаютъ, что ихъ хотятъ обрушить, и это имъ противно. Велю имъ молиться по своему, но въ душѣ истинному Богу.

«Лѣтъ шесть тому назадъ я былъ у вотяковъ Осиенскаго уѣзда Пермской губерніи и Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи. Я ѣздилъ къ бывшимъ ученикамъ Карлыганской школы. Жилъ между ними недѣлю. Между тѣмъ я успѣлъ хорошо познакомиться съ вотяками, которые очень полюбили меня и приглашали въ гости чай пить. Всюду, куда приглашали, я читалъ вотскія книги и молитвы на вотскомъ языкѣ. Это имъ

очень понравилось. Между собой они порядочно распространили про меня, что я читаю и хорошо говорю по вотски нравоученіе. Въ то время, когда я бесѣдовалъ, мнѣ стало извѣстно, что они очень любятъ молиться, конечно по своему, какъ заведено раньше, это ихъ самый любимый предметъ. Когда я узналъ это, я поощрялъ ихъ, заставлялъ молиться только единому Богу, безъ шума, безъ ссоры, тихо, согласно, дружно. Что они часто молятся, я похвалилъ ихъ. Потому они начали меня любить и вѣрить. Такимъ образомъ я былъ въ нѣсколькихъ домахъ и деревняхъ. Когда я жилъ недѣлю, собрался поѣхать домой, а вотяки меня просили остаться, говорили, что дня черезъ три будетъ моленіе изъ пяти-шести деревень: будутъ мужчины, женщины, старики, молодые; и говорили мнѣ еще, что при собраніяхъ вы будете знакомиться съ вотяками, будете читать имъ молитвы, говорить нравоучительныя слова. По ихней просьбѣ, я согласился остаться. Въ теченіе трехъ дней, т. е. до начатія моленія, я еще больше старался больше познакомиться и познакомился. И моленіе настало. Мы пришли съ бывшими учениками Карлыганской школы. Нарѣзано было коня, и поставленъ былъ котелъ, а народу было порядочно, но не всѣ; сказали—еще много соберутся. Въ то время я ознакомился, взглянулъ, что они дѣлаютъ. Но въ то время я замѣтилъ ихняго жреца, котораго они зовутъ попомъ, и замѣтилъ, идетъ народъ табуномъ съ хлѣбомъ въ рукѣ; хлѣбъ ставятъ на землю, а сами подходятъ къ попу, даютъ ему монеты мѣдныя. Попъ кладетъ ихъ въ деревянную чашку, а эти люди не уходятъ отъ нихъ; тутъ же стоятъ. Попъ моетъ монеты въ чашкѣ съ водой, воду выливаетъ, остаются только монеты, кладетъ ихъ на хлѣбъ. Потомъ этотъ хлѣбъ съ монетами беретъ на руки и молится. Я старался около него стоять и слушать его молитвы, и слышалъ. Когда попъ

молитву читаетъ, народъ стоитъ на колѣняхъ безъ шанки, только одинъ попъ въ шанкѣ.

«Въ то время на костръ сварилось, а народъ весь уже собрался. Потомъ знакомые вотяки подходили ко мнѣ, окружили меня и говорятъ: теперь у насъ всѣ собрались, больше не придутъ. Теперича уже читай молитвы, мы будемъ слушать. Я согласился читать. Я сказалъ: если желаете, чтобъ я читалъ молитвы, нельзя ли собрать молодежь, которая играла въ сторонѣ на гармоникѣ и на скрипкахъ. Я велѣлъ имъ прекратить и велѣлъ позвать. Они съ удовольствіемъ исполнили. Передъ чтеніемъ молитвы я объяснилъ, что такое молитва, говорилъ нравоученіе, поощрялъ ихъ моленіе. Теперича будемъ молиться. Всѣ стали на колѣни. Я начиналъ читать молитвы по выбору, которыя для нихъ понятны, содержательны. Слово «Исусъ Христосъ» я пропускалъ, не крестился (Исуса Христа я въ бесѣдахъ называю «Мозметысь», т. е. Спаситель). Въ концѣ молитвы, когда я говорилъ аминь, всѣ молящіеся клали земной поклонъ и повторяли за мной а-м-и-нъ (протяжно). Такимъ образомъ молитву прочиталъ, сказалъ, что молитва кончена, послѣ этого сказалъ еще нравоученіе. Вотяки слушали со вниманіемъ. Товарищи говорили мнѣ что 4 человека плакали; но я разбросался взглядами, то на небо, то на землю, и замѣтилъ только одного, который плакалъ

«Какъ бесѣда эта кончилась, они убѣдительно начали просить, чтобы я пріѣхалъ на будущій годъ къ нимъ, потому что у нихъ будетъ главное моленіе и соберутся вотяки изъ всѣхъ окрестныхъ деревень. «Мы бы тогда сдѣлали тебя попомъ, и ты сталъ бы читать свои молитвы, Мы не знаемъ молиться, какъ ты молишься, очень хорошо». Я наотрѣзъ отказываться не осмѣлился и наотрѣзъ не соглашался, сказалъ, можетъ быть, пріѣду. Такъ и не пріѣхалъ, такъ какъ по Вятской епархіи назначень, и остался съ большимъ сожалѣніемъ, что не могъ быть

у нихъ. Въ настоящее время часто помню ихъ, что они—хорошая, плодородная земля, но не посянная добрымъ сѣменемъ, но растеть сорными травами, т. е. переходять въ магометанство. Есть моя надежда, если побывать часто и бесѣдовать по своему плану систематично, можно бы обратить ихъ на истинный путь.

О мусульманахъ я думаю, что Господь имъ откроетъ св. православную вѣру, когда время придетъ. Но только говорить съ ними надо не официально. Если кто поставленъ между татарами, чтобы они не знали, что онъ для нихъ поставленъ, а будто случайно.

Однажды мнѣ пришлось быть въ отступнической крещено-татарской деревнѣ Кибякъ-Кози, по просьбѣ Николая Алексѣевича ¹⁾. Я пріѣхалъ сначала въ село Тюлячи, нарочно взялъ простую деревенскую одежду и переодѣлся, пошелъ пѣшкомъ, въ карманъ положилъ книгу на крещено-татарскомъ языкѣ: «Акыл биря торган князя» (Извлеченія изъ премудрости Іисуса, сына Сирахова) и молитвенникъ на крещено-татарскомъ языкѣ. Когда я подходилъ къ Кибякъ-Кози, я очень усердно молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ просвѣтить ихъ словомъ Божиимъ. «Отче нашъ» читалъ на всѣхъ языкахъ съ распространіемъ.

Пришелъ въ Кибякъ-Кози, зашелъ въ домъ, сказалъ, что пришелъ издалека, усталъ, просилъ чай пить. Поставили самоваръ. Я старался говорить съ ними ласково, говорилъ, что ищу работу—молотить, дрова колоть. Потомъ говорю квартирному хозяину во время чая: «отъ скуки я читаю, по-русски знаю плохо, а по-татарски хорошо. Но читать про себя не люблю, отъ скуки веселѣе читать вслухъ, точно бесѣдую съ кѣмъ. Позволишь ли читать?» Хозяинъ согласился. Я какъ началъ читать по-татарски, они съ удивленіемъ слушали и

¹⁾ Н. А. Бобровникова.

говорили: «мы никогда не слыхали такого чтенія». Хозяинъ сказалъ нѣкоторымъ сосѣдямъ, что у меня есть какой то человѣкъ. Вечеромъ пришли около 5 мужиковъ—сосѣдей, я тогда опять читалъ имъ ту самую книгу. Потомъ я началъ читать еще молитвы по татарски. Татарамъ я всегда читаю молитву святаго Іоанна Златоуста: «Господи, не лиши меня небесныхъ Твоихъ благъ?»... Но въ этой молитвѣ слово «Исусъ Христосъ» пропускаю. Вечеръ провели, имъ очень понравилось. Бесѣдовалъ въ двухъ домахъ. На другой день побывалъ въ нѣсколькихъ домахъ, искалъ работы но не нашелъ. Хотѣлъ пожить цѣлую недѣлю; они ко мнѣ привыкли бы, я бесѣдовалъ-бы съ сотворенія міра; но сразу бесѣдовать нельзя, слишкомъ рано, они во мнѣ сомнѣвались. Никакой работы не нашелъ, поэтому ушелъ; безъ работы боялся остаться.

Впоследствии я спросила у Н. А. Бобровникова, объясненія, почему онъ послалъ К. А. въ Кибякъ-Кози, и прочла ему соответствующее мѣсто разсказа К. А.-ва.

«Дѣло было лѣтъ 12 назадъ», отвѣтилъ Н. А. Б. «Я послалъ К. А.-ва въ Кибякъ-Кози—главный и закоренѣлый отступническій центръ, чтобы доказать, что среди отступниковъ тогда еще существовали православныя души, лишь увлеченныя къ отпаденію ководами. О существованіи такихъ душъ я зналъ лично во многихъ отступническихъ деревняхъ, и думалъ, что ихъ возможно вернуть въ церковь воздѣйствіемъ такихъ миссіонеровъ, какъ К. А., близко стоящихъ къ народу и знающихъ, какъ на него вліять.

И дѣйствительно К. А. нашелъ между отступниками въ Кибякъ-Козяхъ не мало душъ, еще доступныхъ христіанскому вліянію. Его разсказъ не полонъ; за давностью К. А. очевидно, многое забылъ.

Но я помню, что онъ мнѣ тогда говорилъ, какъ въ одной отступнической семьѣ, старуха по собственному побужденію

приготовила ему постную пищу. Затѣмъ онъ тамъ нашелъ одну неотпавшую семью, крестьянина Исидора, который по бѣдности не имѣлъ своего дома и скитался по чужимъ угламъ. Для этой семьи была построена изба на счетъ благотворителей, а дѣти были взяты въ крещено-татарскую школу. К. А. тогда мнѣ рассказывалъ, что въ одной избѣ дряхлый старикъ услышавъ чтеніе на родномъ языкѣ слѣзъ съ печи и утверждалъ, что миссіонеръ читаетъ мусульманскія книги, что у русскихъ такихъ хорошихъ книгъ нѣтъ.

Но все мое желаніе обратить вниманіе соответственной власти на такія селенія и всѣ мои хлопоты не привели ни къ чему. Вѣра въ дипломированныхъ миссіонеровъ восторжествовала.

Въ частности для привлеченія Кибякъ-Кози къ христіанству ничего не было сдѣлано въ желательномъ и единственно возможномъ направленіи, и теперь мусульманство укрѣпилось тамъ прочно и непоколебимо.

.....
Когда я слушала рассказъ Н. А. Б. и грустный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ «всѣ мои хлопоты не привели ни къ чему, — сдѣлано ничего не было» — въ моей душѣ снова поднялось — такъ часто повторяющееся недоумѣніе: почему отпоръ на такія желанія исходитъ именно изъ той среды, которая по своему сану должна была-бы первой идти имъ на встрѣчу? И вспомнились слова, которыми Кузьма Андреевъ заключилъ свое повѣствованіе въ тотъ второй вечеръ, который я проводила подъ его крышею. «Мнѣ жаль, что я назначенъ по одной только Вятской епархіи; мнѣ хотѣлось-бы проповѣдывать всюду, гдѣ мнѣ это кажется нужнымъ. Пора со спотиха (изподтишка) сѣять доброе сѣмя между мусульманами. У меня желаніе открывается къ Пермскимъ и Уфим-

скимъ вотякамъ, тамъ плодородная земля, но незасѣянная, а сѣятелей нѣтъ.»

Онъ грустно вздохнулъ при этихъ словахъ, видно было, что его отзывчивая душа болѣла о всѣхъ тѣхъ темныхъ людяхъ, которые такъ довѣрчиво и радостно шли къ нему за духовнымъ свѣтомъ. Я смотрѣла на него и думала: «19 вѣковъ тому назадъ было сказано, что жатвы много, а дѣлателей мало, и теперь приходится повторять то же самое». (Ев. Матѣ. 9 гл. 37 ст.),

Оправдываются до сихъ поръ еще и другія слова тогда сказанныя: «Ты утаилъ се отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ». (Ев. Луки 10 гл. 21 ст.).

XVI.

Бесѣда съ К. А. снова затянулась до позднего вечера. Не смотря на сильное недомоганіе, мнѣ ни слова не хотѣлось проронить изъ всего, что онъ говорилъ. Но, вернувшись въ свою кѣтку, я не безъ огромнаго наслажденія протянулась на перинѣ и свернулась подъ полушубкомъ.

Передъ тѣмъ, какъ лечь, я въ дорожное зеркало посмотрѣла свое горло и увидѣла, что у меня ангина; я очевидно простудилась, когда наканунѣ промокла подъ дождемъ. Я заснула не безъ нѣкоторой тревоги за завтрашній день, такъ какъ болѣть при данныхъ обстоятельствахъ было крайне неудобно.

Однакоже все сошло благополучно. Проснувшись на другое утро, я уже въ дверную щель замѣтила, что свѣтитъ солнце.

Было свѣжо, вѣтеръ гналъ по небу остатки вчерашнихъ тучъ, которые летѣли по голубому небу, точно спасаясь отъ преслѣдованія.

Послѣ чая Б. А., мой спутникъ и я вътроемъ отправились осматривать Карлыганскую школу.

Она отдѣлена отъ дома Б. А. лишь оврагомъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ зданій. Самое большое изъ нихъ—школа-церковь. Одинъ изъ классовъ—самый обширный—служить и для учебныхъ занятій—какъ классъ и для молитвы, какъ храмъ. Особая переборка, легко раздвигаемая, закрываетъ иконостасъ на то время, когда помѣщеніе это служить классомъ. Иконостасъ въ храмѣ прекрасный и сдѣланъ по образцу иконостаса церкви Казанской учительской семинаріи. Черезъ дорогу отъ этого зданія находится 3 дома, въ которыхъ помѣщаются общежитіе (мужское и женское), нѣсколько классовъ и квартиры завѣдующаго училищемъ и учителей.

Вся эта группа домовъ расположена близъ деревни на склонѣ холма, который живописно омывается ручьемъ, на которомъ заботливый Б. А. устроилъ отличный прудъ для разведенія рыбы.

Внутренняя обстановка школы весьма бѣдная. Видимо, что, ученики помѣщаются тѣсно, и что на хозяйственный бытъ школы начальство обращаетъ мало вниманія.

Учениковъ въ школѣ я не застала и осмотрѣла лишь письменныя работы учениковъ и ученицъ, сдававшихъ въ Казанской учительской семинаріи.

Работы мнѣ весьма понравились. Русскій языкъ многихъ изъ нихъ совершенно безукоризненъ.

О томъ, какъ исполняютъ свои учительскія обязанности бывшіе Карлыганскіе ученики, я говорила выше уже нѣсколько разъ.

Карлыганская школа была задумана еще покойнымъ Н. И. Ильминскимъ, по образцу Казанской крещено-татарской; селеніе Карлыганъ было выбрано ради мѣстопробыванія тамъ

К. А., который по идеѣ Ильминскаго, долженъ былъ представить изъ себя второго о. Василя Тимофеева. Но Ильминскій умеръ, не успѣвъ исполнить своего намѣренія, и всѣ хлопоты по устройству школы, возведенію построекъ и тому подобное пали на долю новаго директора учительской семинаріи Н. А. Бобровникова, который одно время завѣдывалъ учебнымъ дѣломъ Карлыганской центральной восточной школы также, какъ и другими центральными школами—черемисской Унженской, чувашской Ишатовской и Казанской крещено-татарской.

Но и доселѣ каждый годъ, весной, выпускные ученики трехъ центральныхъ школъ прибѣгаютъ въ Казань въ учительскую семинарію и здѣсь держать экзаменъ.

Экзамены въ крещено-татарской школѣ тоже производятся директоромъ и наставниками семинаріи.

Къ великому моему сожалѣнію, въ Карлыганѣ я застала лишь голыя стѣны. Въ пустыхъ классахъ дѣлали рамчатые ульи; одинъ изъ домовъ былъ запертъ, а ключъ находился у завѣдующаго школой священника, который былъ въ отлучкѣ.

Къ счастью мы застали учителя—симпатичнаго вояку, окончившаго курсъ въ Казанской инородческой учительской семинаріи и женатаго на дочери К. А.

Учитель этотъ служить въ Карлыганѣ уже 12 лѣтъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ первый годъ его службы здѣсь въ Карлыганѣ существовало только одноклассное училище.

Познанія и развитіе учениковъ были крайне ограничены, вниманіе обращалось тогда исключительно на миссіонерскую сторону. Школа преобразована въ двухклассную въ 1895 году. До этого года въ Карлыганѣ священника не было, учительствовали только К. А. и другой учитель.

Съ 1895 года назначенъ былъ помощникъ учителя, а съ 1896 г. завѣдующій священникъ, К. А. же въ 1896 году

былъ назначенъ исполняющимъ должность епархіального миссіонера.

Теперь преподавательскій персоналъ состоитъ изъ заведующаго священника, учителя и его помощника.

Первый выпускъ учениковъ второго класса былъ въ 1896 году; въ 1898 году былъ второй выпускъ учениковъ, которые получили свидѣтельство на званіе инородческаго учителя.

Съ преобразованіемъ въ двухклассное училище, было обращено вниманіе на развитіе и познанія учениковъ по свѣтскимъ предметамъ. При этомъ миссіонерская сторона школы нисколько не пострадала. Съ сентября 1903 года, по приказанію новаго учебнаго начальства, къ родному языку учащихся стали прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, родной языкъ почти выведенъ изъ употребленія.

Учащіеся послѣдняго выпуска (весны 1904 г.), выдержавшіе экзаменъ на званіе учителя, выказали, по свидѣтельству экзаменаціонной комиссіи, весьма хорошее и твердое знаніе по русскому языку и остальнымъ предметамъ курса двухкласснаго училища.

Въ знаніи русскаго языка поражаетъ огромная разница между первыми учениками Карлыганской школы и учащимися послѣдняго времени: первые ученики не въ состояніи были правильно выражать отдѣльныя предложенія, объясняться между собою по русски они совсѣмъ не могли, а теперь свободно объясняются по русски и въ состояніи связно и правильно излагать свои мысли.

Такая перемѣна объясняется во первыхъ тѣмъ, что въ первые годы желающихъ поступить въ Карлыганскую школу было мало, поэтому принимали безъ всякаго экзамена; теперь желающихъ много и принимаютъ только способныхъ. Вторая и главная причина большей успѣшности въ знаніи русскаго

языка та, что теперь къ этому знанію есть уже интересъ среди вотяковъ.

Преподаваніе вплоть до 1903 года велось по системѣ Ильминскаго, что не мѣшало достигнуть отмѣченныхъ выше успѣховъ въ русскомъ языкѣ.

При испытаніяхъ для пріема учениковъ въ Карлыганскую школу замѣтно, что изъ учениковъ чисто-вотскихъ школъ, — учившіеся съ помощью родного языка оказываются болѣе развитыми, чѣмъ учившіеся безъ помощи родного языка.

Между тѣмъ мѣстное учебное начальство кажется не желаетъ принимать къ свѣдѣнію этихъ столь ясныхъ указаній жизни.

Нѣкоторые изъ учителей рассказали мнѣ, что Вятскій директоръ народныхъ училищъ, высказывается нынѣ рѣшительно противъ употребленія родного языка въ школѣ, хотя ранѣе въ издаваемомъ имъ журналѣ печатались статьи въ защиту системы Ильминскаго.

По слухамъ, на засѣданіи учителей и учительницъ въ Уржумѣ осенью 1903 года, тотъ же директоръ народныхъ училищъ опредѣленно высказывался противъ родного языка, говорилъ, что его надо вывести изъ употребленія и ввести натуральный методъ обученія Шельцеля.

Во время преній, какъ мнѣ рассказывали, — многіе учителя очень дѣльно и основательно защищали права родного языка. Иностранцами учителями былъ даже написанъ докладъ въ пользу системы Ильминскаго, но директоръ народныхъ училищъ такъ рѣзко высказался противъ родного языка, что учителя не посмѣли подать этого доклада, тѣмъ болѣе, что и инспекторы народныхъ школъ выражались такъ же, какъ и директоръ; хотя многіе учителя были противъ ограниченія родного языка, съѣздъ постановилъ ввести натуральный методъ Шельцеля во всѣхъ иностранныхъ школахъ, чѣмъ

упраздняется употребленіе родного языка, который допускается только на урокахъ Закона Божія.

Теперь, какъ я слышала, во всемъ Уржумскомъ уѣздѣ въ земскихъ и министерскихъ школахъ родной языкъ выведенъ изъ употребленія, и лишь Законъ Божій первый годъ преподается по вотски, разумѣется тамъ, гдѣ священникъ знаетъ вотскій языкъ.

Только въ Карлыганской школѣ, вопреки постановленію съѣзда, еще держатся родного языка въ преподаваніи, и то лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Къ сожалѣнію между учителями ходятъ слухи о намѣреніи мѣстнаго учебнаго начальства реформировать эту школу по образцу прочихъ двухклассныхъ училищъ, на томъ основаніи, что она будто бы даетъ весьма мало познаній учащимся.

Протоколы экзаменаціонной коммисіи, доказывавшей прекрасные результаты экзаменовъ Карлыгинскихъ учениковъ, мѣстному учебному начальству, очевидно, неизвѣстны.

Такія прискорбныя для дѣла явленія произошли отъ враждебнаго отношенія Казанскаго высшаго учебнаго начальства ко всей системѣ Ильинскаго. Это отрицательное отношеніе высшаго начальства выразилось въ словахъ, сказанныхъ однимъ изъ директоровъ народныхъ училищъ: «Ильминскій былъ человекъ глубоко вѣрующій, полезный въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, но онъ ошибался. Самъ онъ еще могъ вести дѣло, но его преемники оказались совершенно недостойными».

«Недостойство» преемниковъ, по мнѣнію учебнаго начальства, заключается въ томъ, что они, въ противоположность Ильминскому, игнорируютъ русскій языкъ и стремятся создать инородческій сепаратизмъ.

Между тѣмъ всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ исторіей инородческаго просвѣщенія, знаетъ, что при Ильмин-

скомъ главное вниманіе обращалось на миссіонерство, русскій языкъ считался предметомъ второстепеннымъ, и уроки русскаго языка не были приведены въ систему.

Съ тѣхъ поръ же, какъ Казанское инородчество, по выраженію Ильминскаго, было передано имъ его преемнику Н. А. Бобровникову, на русскій языкъ стало обращаться гораздо больше вниманія, Н. А. настаиваетъ на усиленіе знанія русскаго языка въ предѣлахъ возможнаго, привелъ эти уроки въ систему и во всѣхъ центральныхъ школахъ расширилъ программу по этому предмету.

Поэтому всѣ обвиненія, направленные противъ инородческаго просвѣщенія, или противъ нынѣшнихъ просвѣтителей инородцевъ, основаны либо на незнаніи постановки дѣла въ прошломъ, либо на незнаніи его въ настоящемъ.

Мой спутникъ, напимѣръ, сказалъ мнѣ слѣдующее: «система Ильминскаго во всей полности нигдѣ, кромѣ братскихъ школъ, не примѣнялась». Поэтому обвинять ее въ чемъ бы то ни было, нѣтъ никакого основанія.

Систему эту обвиняютъ, между прочемъ, въ томъ, что русскому языку въ начальной школѣ отводится слишкомъ мало мѣста.

Дѣло въ томъ, что 20 лѣтъ тому назадъ, когда инородцы находились на самой низкой ступени умственнаго и религіознаго развитія, когда народъ нуждался не столько въ знаніи русскаго языка, сколько въ религіозномъ просвѣщеніи, въ начальныхъ школахъ главное мѣсто отводилось миссіонерству, а не курсу русскаго языка. «Мои снаряды,» писалъ Николай Ивановичъ, «инородческіе переводы, инородческіе учителя съ инородческимъ причтомъ во главѣ,» и онъ хлопоталъ главнымъ образомъ о правильной постановкѣ переводческаго и школьно-миссіонерскаго дѣла.

Теперь же инородцы стали нѣсколько развитѣе, и рели-

гіозная жизнь ихъ замѣтно подвинулась впередъ. Въ школахъ стала чувствоваться необходимость усилить уроки русскаго языка, что и сдѣлано послѣдователями Николая Ивановича. Напечатаны учебники, руководства для инородцевъ по русскому языку. Поэтому, если послѣдователи Николая Ивановича отступили въ чемъ-либо отъ его завѣтовъ, то лишь въ сторону усиленія русскаго языка.

Во всѣхъ центральныхъ инородческихъ школахъ курсъ русскаго языка повышенъ, и въ начальной школѣ на русскій языкъ обращено болѣе вниманія.

Въ виду того, что я слышала такое мнѣніе уже отъ нѣсколькихъ инородцевъ и что оно существенно отличается отъ всѣхъ, слышанныхъ мною до знакомства съ инородческимъ міромъ ходячихъ обвиненій, которыя доходятъ и до Петербурга, мнѣ пришло въ голову обратиться къ сотруднику переводческой комисіи за справкой, сколько учебниковъ русскаго языка было ею напечатано при жизни Ильминскаго и со времени его смерти.

Въ отвѣтъ мнѣ были сообщены слѣдующія данныя:

При жизни Ильминскаго, при его содѣйствіи было напечатано:

1) *Первоначальныя уроки русскаго языка для татаръ* 5 изданій 1865, 1872, 1873, 1879, 1885.

2) Нѣкоторые свѣдѣнія изъ русской грамматики I изданіе 1872.

3) *Краткій татарско-русскій словарь* 4 изданія 1880, 1882, 1886, 1888.

4) *Книжки для чтенія инородцамъ* 1 изданіе 1873.

5) *Разказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета на русскомъ языкѣ съ обозначеніемъ удареній* 1876.

6) *Начальное чтеніе по русски* 1869

7) *Самоучитель русскаго языка для киргизъ* 1874.

Послѣ смерти Николая Ивановича его преемники усиленно занялись разработкою вопроса о преподаваніи русскаго языка инородцамъ, выработали способы и приемы преподаванія. Конечно, болѣе всѣхъ работалъ и работаетъ въ этомъ направленіи Николай Алексѣевичъ. *) Не измѣняя по существу системы Ильминскаго, онъ старается только усилить преподаваніе въ инородческихъ школахъ русскаго языка. Въ этихъ видахъ изданы переводческой комиссіей въ Казани слѣдующія книги.

1) Первоначальный учебникъ русскаго языка для татаръ 1893, 1894, 1898, 1904.

2) Первоначальный учебникъ русскаго языка для чувашъ 1893, 1894, 1897, 1898.

3) Первоначальный учебникъ русскаго языка для вотяковъ. 1893, 1898, 1904.

4) Первоначальный учебникъ русскаго языка для черемисъ 1897, 1899.

5) Первоначальный учебникъ русскаго языка для мордвы-мокши 1895, 1897.

6) Первоначальный учебникъ русскаго языка для мордвы-эрзи 1895, 1897.

7) Первоначальный учебникъ русскаго языка для пермяковъ 1897.

8) Первоначальный учебникъ русскаго языка для калмыковъ 1903.

9) Первоначальный учебникъ русскаго языка для якутовъ 1895, 1900.

10) Первоначальный учебникъ русскаго языка для корейцевъ 1901 г.

11) Первоначальный учебникъ русскаго языка для сирохалдейцевъ 1900 г.

*) Бобровниковъ.

- 12) Первоначальный учебникъ русскаго языка для аваръ 1898 г.
- 13) Первоначальный учебникъ русскаго языка для адербейжанскихъ татаръ 1897.
- 14) Практическіе первоначальные уроки русскаго языка для башкиръ 1899.
- 15) Словарь русско-татарскій, Воскресенскаго 1894 г.
- 16) Словарь татарско-русскій, Остроумова 1892 г.
- 17) Русско-чукотскій словарь 1899 г.
- 18) Славяно-вотскій словарь 1893, 1897 г.
- 19) Уроки русскаго языка для восточныхъ черемисъ 1899.
- 20) Тоже для луговыхъ черемисъ 1899.
- 21) Учебникъ русскаго языка для арабовъ въ двухъ частяхъ 1898 г.
- 22) Учебникъ русскаго языка для пермяковъ 1898 г.
- 23) Учебникъ русскаго языка для инородцевъ Ислентьева I-е изданіе 1897 г.
- 24) Руководство къ этому учебнику I-е изданіе 1897.
- 25) Русскіе предлоги. Пособіе для татарскихъ школъ 1899.
- 26) Русскіе предлоги. Пособіе для черемисскихъ школъ 1903 г.
- 27) Русскія прописи 1894, 1899 г.
- 28) Разказы изъ священной исторіи В. и Н. Завѣта 1894, 1898, 1899, 1904 г.
- 29) Книжка для чтенія инородцамъ 1893, 1895, 1897, 1898 г.
- 30) Обученіе русскому языку инородцевъ 1893 г.
- 31) Упражненія для выработки правильнаго русскаго произношенія 1893.
- 33) Наглядный русскій букварь для инородцевъ 1904 г.
- 34) Руководство къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку 1904 г.

35) Грамматическія упражненія въ начальной школѣ. 1903 г.

36) Что такое хорошій урокъ (частное изданіе). Въ этомъ трудѣ Н. А. напечатано нѣсколько статей о преподаваніи русскаго языка и Закона Божія инородцамъ.

Въ Оренбургѣ при содѣйствіи другихъ лицъ.

37) Практическіе уроки русскаго языка для киргизъ 1893, 1894.

38) Первоначальный учебникъ русскаго языка для киргизъ 1893, 1894, 1898.

39) Краткій русско-башкирскій словарь 1893, 1894, 1895.

40) Киргизско-русскій словарь 1897.

41) Краткій русско-киргизскій словарь 1893.

Въ Симбирскѣ при содѣйствіи И. Я. Яковлева:

42) Книжка для русскаго чтенія въ чувашскихъ школахъ 1898.

43) Конспекты разговорныхъ уроковъ по русскому языку. Добавленіе къ чувашскому букварю 15-го изданія. 1902 г. *)

Такимъ образомъ цифровыя данныя вполне опровергаютъ тѣ обвиненія въ сепаратизмѣ и въ игнорированіи русскаго языка, которыя мѣстными чинами учебнаго округа, заявляются въ видѣ общихъ намековъ о «недостойнствѣ» послѣдователей Ильминскаго, а затѣмъ переносятся выше, въ министерство, и здѣсь возбуждаютъ страхъ за цѣлость государства.

Это противорѣчіе между фактами и ходячими мнѣніями сначала меня чрезвычайно удивляли, но я скоро убѣдилась,

*) Свидѣнія сообщены И. С. Михеевымъ.

что удивляться нечему: дѣло совсѣмъ просто: противники идеи Н. И. Ильминскаго, будучи не въ состояніи ничего возразить по *существу*, прибѣгаютъ къ личнымъ нападкамъ, и возводятъ эти нападки въ систему.

«Враги системы Ильминскаго» не разъ говорили мнѣ инородцы видать въ Николаѣ Алексѣевичѣ, главный тормазъ ихъ намѣреній все сломать и потому нападаютъ на него совершенно несправедливо и неправильно».

.

XVII.

Мы уѣхали изъ Карлыгана часовъ около 2-хъ. Мы хотѣли направиться обратно въ Казанскую губернію, въ большое село Лызи, отстоящее отъ Карлыгана верстахъ въ 40.

Е. А. намѣревался на другой день—воскресный—устроить тамъ въ церкви бесѣду и потому сопровождалъ насъ, чему я была очень рада.

Мы ѣхали съ нимъ вдвоемъ впереди, а сзади, на одной лошади безъ кучера, ѣхалъ мой спутникъ, но постоянно отставалъ отъ нашей пары, такъ что приходилось его поджидать.

Погода прояснилась, но дорога была очень топкая. Мы проѣхали большое село Мамсинеры, къ приходу котораго принадлежали Карлыганы, и вскорѣ послѣ этого вѣхали въ Казанскую губернію.

Сначала попадались живописные лѣсочки, но чѣмъ больше мы удалялись отъ Вятской губерніи, тѣмъ мѣстность становилась ровнѣе и однообразнѣе.

Въ одной деревнѣ, которую мы проѣзжали, меня приняли за сестру милосердія, потому что моя голова была повязана бѣлымъ платкомъ, нѣсколько людей стали махать руками,

чтобъ меня остановили, и одинъ крестьянинъ схватилъ на руки больного ребенка и бѣжалъ вслѣдъ за нами.

Стыдно и обидно было разочаровывать этихъ бѣдняковъ, объявивъ имъ, что я ничего не знаю и помочь имъ не могу.

Уже вечерѣло, когда мы подъѣхали къ мѣстности, гдѣ недалеко отъ Лызей, находится священное озеро вотяковъ.

Чтобъ добраться до него, мы свернули съ дороги налѣво и направились къ долинѣ, надъ которой тянется краѣ холмовъ; первые пригорки голые, потомъ на нихъ появляется лѣсъ; эти округлые холмы, покрытые кудрявымъ лѣсомъ, чрезвычайно живописны. У ногъ ихъ тянется низкая сырая долина, въ глубинѣ которой извивается узкій ручей, заросшій мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ.

Мы ѣдемъ по травѣ, по едва замѣтному слѣду, затѣмъ пересекаемъ долину, ручей и поднимаемся на противоположный высокій берегъ; здѣсь мы оказываемся на вершинѣ цѣпи холмовъ; еще нѣсколько сажень — и вдругъ налѣво видимъ неподвижно лежащее въ глубокой котловинѣ совершенно круглое озеро.

Берега его крутые, точно края котла, только съ одной стороны холмъ раздѣленъ неглубокой долиной, точно нарочно прорытой.

Видъ этого озера особенно въ сумерки — до такой степени необычаенъ, имѣетъ что-то сказочное, что поражаетъ даже культурнаго человека. Неудивительно, что народное воображеніе поселило въ немъ духа, чтить это озеро, какъ нѣчто священное, и совершаетъ на немъ моленія. Говорятъ, что въ былыя времена этому озеру молились издали даже Карлыганскіе вотяки. Учитель вотякъ И. В. Яковлевъ въ Обществѣ археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ сообщилъ объ этомъ озерѣ слѣдующее: «Легенда повѣствуетъ, что озеро на настоящемъ мѣстѣ появилось недавно.

Раньше вмѣсто озера тутъ была только яма съ небольшимъ количествомъ воды, среди дремучаго лѣса, а озеро находилось не тамъ, гдѣ оно нынѣ, но въ противоположной сторонѣ деревни Большихъ Лызей, около села Малыхъ Лызей, у самаго Сибирскаго тракта. Вотяки и здѣсь совершали жертвоприношенія и моленія. Слѣды бывшаго озера дѣйствительно имѣются и нынѣ въ видѣ котлообразнаго углубленія 8—9 саж. въ діаметрѣ и сажени двѣ глубины. Разъ по тракту проѣзжали цыгане. Одна цыганка въ этомъ озерѣ стала мыть грязныя пеленки. Духъ озера оскорбился такимъ поруганіемъ надъ священнымъ озеромъ и, не желая впредь подвергаться такимъ или другимъ подобнымъ поруганіямъ, рѣшилъ перевести озеро на другое мѣсто, именно на то, гдѣ теперь оно находится и гдѣ раньше была небольшая яма, которую духъ озера, по словамъ вотяковъ, давно уже готовялъ. Переселеніе было совершено ночью во время сильной грозы. Озеро переселялось на быкахъ. Путь переселенія озеру пересѣкла рѣка. Черезъ рѣку оно переправилось съ шумомъ и ревомъ быковъ, остановивъ на время теченіе рѣки.

«По словамъ вотяковъ этотъ шумъ и ревъ слышали многіе обыватели деревни Большихъ Лызей, отъ коихъ впервые и распространился этотъ рассказъ. Переселившись, духъ озера внушилъ вотякамъ совершать моленіе на новомъ уже мѣстѣ. Отъ стараго мѣста до настоящаго озера во всю длину тянется ложбина, вродѣ канавы. Вотяки утверждаютъ, что это остатокъ отъ слѣдовъ переселенія озера.

«Моленіе на озерѣ происходитъ тѣмъ, обыкновенно предъ праздникоиъ св. Петра и Павла. Моленіе съ жертвоприношеніемъ тамъ совершается не ежегодно, а черезъ два года на третій, когда поле, окружающее озеро, бываетъ озимое. Въ другіе два года вотяки на озерѣ жертвъ не приносятъ, совершаютъ только моленіе съ хлѣбомъ. Моленіе съ хлѣбомъ у во-

тяковъ носитъ названіе «вильдон»—а, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ обновленіе (вѣроятно обновленіе моленія). Во время моленія съ жертвоприношеніемъ закалываются три животныхъ: быкъ, телка и баранъ. Животныя покупаются на общественныя деньги, нарочно для этой цѣли собираемыя. Моленіемъ на озерѣ завѣдуетъ одинъ извѣстный родъ. Обязанность эта передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ родѣ. Представитель рода исполняетъ обязанности жреца при жертвоприношеніяхъ. Кстати теперь замѣтить, что названное моленіе менѣе и менѣе посѣщается вотяками, такъ что совершается оно чуть—ли не одними только жрецами въ присутствіи нѣкоторыхъ ревнителей вотскихъ обрядовъ.

«Можно ожидать, что въ непродолжительномъ будущемъ оно совсѣмъ будетъ оставлено и изгладится изъ памяти вотяковъ.

«Странный обрядъ исполнялся лѣтъ 35—40 тому назадъ вотяками при совершеніи моленія на этомъ озерѣ. Объ этомъ обрядѣ мнѣ пришлось слышать отъ одного вотяка деревни Большихъ Лызей. На сѣверѣ около самого озера протекаетъ ручей между двумя возвышеніями, на одномъ изъ которыхъ и находится озеро. На противоположномъ возвышеніи по рассказамъ вотяка, раньше росли большія ели, а нынѣ растутъ только кустарникъ. Во время моленія на озерѣ вотяки на одной изъ елей вѣшали лубяное чучело человѣка. Затѣмъ ударами палокъ это чучело съ ели сбивали на землю, и на этомъ мѣстѣ тотчасъ—же закалывали въ жертву барана. По объясненію рассказчика—вотяка, въ былое время вотяки здѣсь приносили иногда въ жертву человѣка. Затѣмъ, когда приносить въ жертву человѣка стало невозможнымъ, вотяки этотъ обычай замѣнили принесеніемъ въ жертву барана, а въ воспоминаніе прошлаго стали дѣлать чучело человѣка,—обрядъ, въ настоящее время въ свою очередь вышедшій изъ употребленія.

«Но не одни только вотяки Лызинскаго прихода совершаютъ и совершали моленіе на озерѣ, нерѣдко сюда пріѣзжаютъ и окрестные вотяки Малмыжскаго и Мамадышскаго уѣздовъ въ разное время, и по приказанію «туно» (ворожеи) для излѣченія отъ различныхъ болѣзней закалываютъ въ жертву барановъ. «Лозя ты» (Лызинское озеро) вообще среди окрестныхъ вотяковъ пользуется извѣстностью.»

XVIII

Уже темнѣло, когда мы вѣхали въ большое село Лызи. Мы сначала стремглавъ понеслись съ кручи и чуть не вылетѣли изъ плетенки, дальше перебрались черезъ болотистую рѣчку и по длиннымъ улицамъ села добрались наконецъ до хорошенькой церкви и до дома священника. Нашъ неожиданный пріѣздъ всполошилъ мирныхъ его обитателей. Съ шумомъ хлопнулось окно, высунулась косматая голова батюшки, въ домѣ заколыхался огонекъ, а на дворѣ появились двѣ бѣлокурыя барышни, и послѣ визгливаго возгласа: «къ намъ гости пріѣхали,» робкіе голоса спросили: «Вы къ намъ» извините, мы васъ не узнаемъ.»

«Да вы и не можете насъ узнать, потому что никогда насъ не видали,» отвѣтила я, вылѣзая изъ плетенки.

Меня вдругъ охватило чувство робости и смущенія, вмѣстѣ съ большимъ желаніемъ спрятаться за спину К. А—ва, къ которому у меня образовалось совершенно родное чувство.

Скорѣ мы всѣ очутились въ чистенькомъ залчикѣ, въ которомъ весело горѣла лампа.

Мой спутникъ привелъ двухъ учителей, которые проводили лѣто въ Лызахъ.

Одинъ изъ нихъ, его пріятель вотякъ, П. В. Я. окончилъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи и состоитъ теперь

учителемъ въ Елабужскомъ уѣздѣ въ двухклассномъ министерскомъ училищѣ. Онъ очень развитой и преданный дѣлу молодой человѣкъ и передалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о своей школьной дѣятельности.

Между прочимъ онъ разсказалъ, что въ его школѣ въ первомъ отдѣленіи занимается русскій учитель, и занятія идутъ такъ успѣшно, что просидѣвъ въ первомъ отдѣленіи два года, вотяки переходятъ во второе лишь съ умѣніемъ механически читать, но безъ всякаго пониманія читаемаго, такъ что здѣсь они должны сидѣть еще два года. Только на пятый годъ они съ грѣхомъ пополамъ переходятъ въ третье отдѣленіе.

Въ истекшемъ году во второмъ отдѣленіи было 35 учениковъ, изъ нихъ вотяковъ 25 человѣкъ; но большинство изъ нихъ не переведено въ третье отдѣленіе за незнаніемъ русскаго языка. Въ третьемъ отдѣленіи изъ 20 учениковъ только 4 человѣка были вотяки. Въ прошломъ году во II отдѣленіи по незнанію русскаго языка оставлены 15 вотяковъ, а переведены 4.

Въ эту школу поступаютъ вотяки и русскіе приблизительно въ одинаковомъ количествѣ, а между тѣмъ во второмъ классѣ за два года окончили курсъ одинъ вотякъ на 30 человѣкъ русскихъ.

Эти цифровыя данныя ясно доказываютъ, каковы для инородцевъ результаты преподаванія безъ помощи родного языка.

Теперь присутствіе въ школѣ И. В. Я. облегчаетъ дѣло; такъ какъ онъ можетъ прибѣгать къ переводу въ необходимыхъ случаяхъ. Но все-же положеніе школы крайне печальное: вотскихъ книгъ въ ней нѣтъ, Законъ Божій преподается по-русски, молитвы и разсказы изъ священной исторіи заучиваются наизусть, безсознательно.

До поступленія въ эту школу, И. В. былъ учителемъ въ смѣшанной земской школѣ Елабужскаго-же уѣзда. Курсъ былъ

3-хъ годичный, но онъ принималъ вотяковъ однимъ мѣсяцемъ раньше русскихъ и велъ съ ними русскіе разговорные уроки. Черезъ мѣсяцъ они начинали учиться вмѣстѣ съ русскими по русскому букварю, но приходилось изъ-за нихъ замедлять русскіхъ и кромѣ того передъ каждымъ урокомъ давать вотякамъ краткій разговорный урокъ.

Преподаваніе, какъ полагается въ смѣшанныхъ школахъ, И. В. велъ по русски, но вотякамъ переводилъ непонятное на ихъ языкъ. Около половины вотяковъ шли наравнѣ съ русскими и кончали курсъ въ 3 года. Священникъ преподавалъ Законъ Божій по русски, а И. В. во внѣурочное время объяснялъ вотякамъ Законъ Божій по-вотски.

При окончаніи курса вотяки удовлетворительно усвоили русскій языкъ, но И. Я. считаетъ, что если бы преподаваніе шло по системѣ Ильминскаго, дѣло пошло-бы гораздо успѣшнѣе, ученики были бы развитѣе, понятія ихъ шире, и по русски они говорили бы лучше, потому что меньше времени терялось бы на толченіе воды, то есть заучиванье непонятнаго.

И. В. рассказалъ мнѣ при этомъ характерную бытовую картинку. «Въ одной вотской школѣ, гдѣ преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, ученики-вотяки съ большимъ усиліемъ разбирали по русскому букварю русскія слова. Наконецъ они дошли до слова «корка». Вдругъ всѣ лица просіяли. Дѣло въ томъ, что по-вотски «корка» (съ удареніемъ на а) значитъ «домъ», и ребята страшно обрадовались, что наконецъ нашли знакомое слово, и все повторяли «корка́, корка́,» потомъ кучкой собрались у классной доски, написали на ней это слово, и съ восхищеніемъ читали его и перечитывали, думая, что оно означаетъ «домъ»»

Въ связи съ этимъ рассказомъ, я вспомнила видѣнную мною копію съ отзыва одного изъ инспекторовъ въ ревизіон-

номъ журналѣ школы, гдѣ преподаваніе шло безъ родного языка...

«Въ числѣ учащихся есть нѣсколько дѣтей изъ вотяковъ, изъ которыхъ учащіеся въ I отдѣленіи обнаруживаютъ замѣтную отсталость въ успѣхахъ и какое-то какъ будто безучастное и унылое настроеніе».

1904. Февраля 21 дня.

«Безучастное и унылое настроеніе» вотяковъ очевидно ставило въ тупикъ г-на инспектора.

Я сообщила И. В., что по отзывамъ нѣкоторыхъ учителей, родной языкъ усиленно преслѣдуется въ школахъ Елабужскаго уѣзда. «Да», отвѣтилъ онъ, «въ Елабужскомъ уѣздѣ система Ильминскаго не принята ни въ какихъ школахъ».

Тогда я спросила его о Елабужскомъ учительскомъ съѣздѣ.

«Это было два года тому назадъ», — отвѣтилъ онъ, — «на этомъ съѣздѣ, между прочимъ, обсуждали вопросъ о преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ школахъ. На первомъ засѣданіи былъ предложенъ натуральный методъ по руководству Шельцеля.

Такъ какъ на съѣздѣ не было людей, понимающихъ дѣло, это руководство было признано наиболѣе подходящимъ. Руководитель съѣзда, директоръ народныхъ училищъ высказалъ, что лучше, если въ инородческихъ школахъ не будетъ употребляться родной языкъ, а потому нѣтъ нужды въ учителяхъ изъ инородцевъ. На другомъ засѣданіи учителя—инородцы вновь подняли этотъ вопросъ, сказавъ, что безъ родного языка обойтись невозможно. Послѣ преній пришли къ выводу, что родной языкъ во многихъ случаяхъ облегчаетъ занятіе и даетъ лучшіе успѣхи въ школѣ.

Въ результатъ знающіе природный языкъ инородцевъ употребляютъ его, не знающіе не употребляютъ. Инспекторъ же

и другое начальство никакой разницы между инородческой и чисто-русской школами не находятъ.

Изъ этаго разсказа видно, что Елабужскій учительскій съѣздъ два года тому назадъ высказался менѣе враждебно противъ инородческихъ языковъ, нежели недавній Уржумскій.

Другой учитель, съ которымъ я познакомился въ Лысяхъ — Е. И. русскій, здѣшній уроженецъ, но хорошо говоритъ по вотски. Онъ окончилъ курсъ въ Карлыганской школѣ и состоитъ учителемъ церковно-приходской школы въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Тамъ всё сплошь вотяки, и Е. И. ведетъ преподаваніе по вотски, хотя въ школѣ вотскихъ книгъ нѣтъ.

До его поступленія въ школѣ была русская учительница не знающая по вотски, и дѣло шло *очень* плохо. Ученики, когда оставляли школу, по русски совсѣмъ не говорили, и за нѣсколько лѣтъ не было ни одного выпуска.

Вообще въ Сарапульскомъ уѣздѣ, по славамъ Е. И., въ школахъ и земскихъ и министерскихъ, и церковно-приходскихъ система Ильминскаго не введена.

По всей Вятской епархіи ему извѣстны только два священника, О. М. и О. Г., которые выписываютъ для школъ инородческія книги изъ переводческой комиссіи. Въ большинство же школъ Вятской епархіи инородческія книги не выписываются.

Учитель Е. И. разсказалъ мнѣ, что въ одной земской школѣ онъ наблюдаетъ слѣдующее явленіе: ученики были вотяки, а учитель русскій, не знающій по вотски. Ученики, окончившіе курсъ говорятъ по русски плохо и могутъ лишь отвѣтить на вопросы, и то туго; перевести съ русскаго языка на вотскій совершенно не могутъ. Въ старшемъ отдѣленіи Законъ Божій знаютъ только наизусть. При переводѣ съ славянскаго языка на русскій, напримѣръ слово «алавастръ», ученикъ перевелъ

«сосудъ», но когда его спросили по вотски «сосудъ», онъ сказалъ: «камень». Когда по Закону Божию отвѣчаютъ по вопросамъ, то опять таки наизусть. По этому вскорѣ все забывается.

Въ школѣ, гдѣ теперь учительствуетъ Е. И., съ его поступленіемъ туда учителемъ (онъ поступилъ года два тому назадъ) молитвы изучаются по вотски, и къ концу года ученики пѣли пѣснопѣнія. Литургія на вотскомъ языкѣ въ приходской церкви.

Для этого ученики приходили наканунѣ праздниковъ (за 4 версты) и ночевали въ сторожкѣ.

Когда хоръ запѣлъ по вотски, ученики-вотяки сосѣдней земской школы, которые никогда не слыхали молитвъ на вотскомъ языкѣ, съ жадностью слухали пѣніе на родномъ языкѣ, воровали у пѣвчихъ тетради съ молитвами и списывали молитвы.

У учителя имѣлся только одинъ экземпляръ молитвенника, такъ ученики брали его и списывали изъ него молитвы. Е. И. велъ въ школѣ бесѣды на вотскомъ языкѣ, (въ теченіе года было 28 бесѣдъ), на бесѣды приходило человѣкъ 60 мужчинъ и женщинъ.

Жители въ этихъ мѣстностяхъ очень еще пропитаны язычествомъ, по русски не знаютъ, совѣтъ еще не обрусѣли.

Мы легли уже поздно, а на слѣдующее утро я опоздала къ обѣднѣ и вошла въ церковь, когда К. А. уже собирался вмѣсто причастнаго стиха говорить поученіе.

Онъ вышелъ на амвонъ одѣтый въ стихарь, лицо его сіяло тихимъ внутреннимъ свѣтомъ, онъ стоялъ передъ наложнымъ лицомъ къ народу и, помолчавъ немного, началъ говорить. Вотяки, услышавъ родную рѣчь, насторожились и порывисто приблизились къ амвону.

Сначала Б. А. говорилъ тихо, но постепенно все болѣе разгорался, его лицо дѣлалось вдохновеннымъ; видно было, что онъ отрѣшился отъ всего окружающаго и не видитъ, что передъ его глазами происходитъ.

Учителя, съ которыми я бесѣдовала наканунѣ, слушали его жадно, не сводя съ него глазъ.

Видно было, что и они наслаждаются его поученіемъ.

Послѣ обѣдни мы снова всѣ собрались пить чай у ба-тюшки о. Е. Ф., котораго я и стала разспрашивать объ инородческомъ дѣлѣ.

Самъ онъ крещеный татаринъ, окончилъ курсъ Казанской учительской семинаріи въ 1880 году, и до поступленія въ священники 15 лѣтъ состоялъ учителемъ въ приходѣ.

«Здѣсь въ Лызахъ больше русскихъ, чѣмъ вотяковъ», сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на мой вопросъ о составѣ прихода, «но приходскія деревни населены почти сплошь вотяками. Язычниковъ между ними почти нѣтъ. Въ борьбѣ съ язычествомъ братскія школы имѣли большое значеніе.

«Въ Лызахъ есть русская земская школа, по деревнямъ открыты школы братскія, кромѣ одной деревни, гдѣ есть вотская земская школа съ учителемъ вотякомъ изъ учительской семинаріи, и другой деревни, гдѣ открыта церковно-приходская школа грамоты.

«Въ братскихъ школахъ прихода учителя почти всѣ вотяки изъ Карлыганской школы, а одинъ изъ нихъ окончилъ курсъ въ сельской 2-хъ классной школѣ.

«Въ братскихъ школахъ и школѣ грамоты преподаваніе идетъ по системѣ Ильминскаго. Въ земской вотской школѣ тоже употребляется родной языкъ, но земство никогда не высылаетъ никакихъ книгъ на вотскомъ языкѣ. (Это всегда такъ было). Въ нынѣшнемъ году земство выслало для школъ учебники Шельцеля.

«Я всегда самъ добываю вотскія книги.»

«Я нахожу, что школа безъ родного языка не имѣтъ воспитательнаго значенія, и во всякомъ случаѣ даетъ меньше развитія.

«Въ вотской земской школѣ, въ приходской деревнѣ У. была русская учительница, ученіе велось на русскомъ языкѣ; ученики привыкли учиться по русски машинально, и когда священникъ далъ имъ вотскія книги, то они ничего не понимали, прочитають, а рассказать не могутъ, потому что привыкли читать машинально.

«Когда же вотяки учатся сначала на природномъ языкѣ, то они привыкають слѣдить за мыслью».

XIX.

Мы уѣхали изъ Лызей послѣ полудня, оставивъ тамъ нашего друга Б. А.

Погода была ясная и, пока мы ѣхали полями, дорога была хорошая. Но черезъ нѣкоторое время она пошла лѣсомъ и тутъ начались для насъ настоящія мытарства.

Дорога была сплошь изрыта глубокими колеями и ямами, въ которыхъ стояла вода. Колеса нашей плетенки скользили по липкой, глинистой почвѣ, и лошади едва подвигались впередъ. Мы сбились съ дороги, попали на тропинку и чуть не застряли между стволами большихъ деревьевъ. Свернувши назадъ, мы медленно потащились далѣе. У поворота дороги за большими деревьями стоялъ черный одинокій крестъ на насыпи;—здѣсь когда-то кого-то зарѣзали. Нашъ ямщикъ стегнулъ лошадей и пустилъ ихъ рысью. Мы благополучно вынырнули изъ нѣсколькихъ глубокихъ ямъ, но вдругъ что-то хрустнуло, и плетенка наша спереди сильно подалась внизъ.

Оказалось, что сломался желѣзный стержень, такъ называемый сердечникъ, прикрѣпляющій кузовъ плетенки къ переднимъ колесамъ.

Пришлось выѣзжать въ грязь; пока я бродила по краю дороги и старалась отыскать грибы между большими листьями папоротника, еще сырыми отъ недавняго дождя, мой спутникъ помогать ямщику связывать веревкой нашъ поломанный экипажъ. Но усилія ихъ пропали даромъ.

Мы успѣли проѣхать лишь нѣсколько сажень, когда плетенка снова накренилась впередъ, положеніе наше; очевидно, было безнадежнымъ.

Пришлось идти пѣшкомъ. Къ счастью, мы скоро выбрались на открытую поляну, гдѣ было суше, чѣмъ въ лѣсу, и поручили ямщику съѣздить въ ближнюю деревню за новымъ сердечникомъ. Онъ выпрягъ одну изъ лошадей и поскакалъ, а мы стали бродить по полянѣ, на которой были сложены груды дровъ изъ недавно вырубленнаго лѣса, и стали лакомиться лѣсной малиной, которая росла здѣсь въ изобиліи.

Два татарченка лѣтъ 10—12, тоже собирали ее. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно испугавшись насъ, ушелъ впередъ по дорогѣ, а другой постарше подошелъ къ намъ и сталъ рядомъ съ нами собирать малину.

Я заговорила съ нимъ; онъ оказался крещенымъ татаринкомъ изъ сосѣдней деревни. Нынѣшней весной окончилъ курсъ въ школѣ, гдѣ ученіе шло по системѣ Ильминскаго. Я задала ему нѣсколько вопросовъ по Закону Божьему; по славянски онъ, конечно, «каталъ» все наизусть вполне безсознательно, но по крещенски отвѣчалъ съ полнымъ сознаніемъ.

По русски онъ объясняется очень порядочно, что меня удивило, такъ какъ онъ мнѣ сказалъ, что его родная деревня населена одними крещеными татарами.

«А какъ далеко отъ васъ русская деревня?»—спросила.

я его. — «Двѣ версты», отвѣтилъ онъ.

«А ходишь туда?»

«Хожу». «Зачѣмъ туда ходишь?» «Въ кузницу».

«А у васъ кузницы нѣтъ?»

«Нѣтъ».

«А съ русскими ребятами ты играешь?» «Не играю, я съ своими играю».

«Только въ кузницу ходишь?»

«— Въ кузницу». — «Часто?»

«Часто».

Его сравнительно свободное владѣніе русскимъ языкомъ стало мнѣ понятнымъ. Но мысль о кузницѣ, какъ элементъ обрусѣнія, показалаcя мнѣ оригинальной.

Вскорѣ вернулся и ямщикъ съ новымъ сердечникомъ, но онъ оказался коротокъ, и мы пошли пѣшкомъ, а плетенка потащилась за нами. До деревни было не болѣе 2-хъ или 3-хъ верстъ, и мы скоро, стоя у обрусительной кузницы, смотрѣли, какъ русскіе кузнецы—обрусители возились съ нашей злосчастной плетенкой.

Мы съ ними разговаривали. Они рассказали намъ, что недалеко отъ нихъ, въ приходскомъ селѣ, архіерей недавно уволилъ и отрѣшилъ отъ прихода за пьянство крещено-татарскаго священника, но что это было, по ихъ мнѣнію, совершенно несправедливо.

Мужики говорили, что этотъ священникъ окончилъ курсъ въ крещено-татарской школѣ и прежде былъ учителемъ въ ихъ же деревнѣ, поэтому они его знаютъ, очень его любятъ и хвалятъ. По ихъ рассказамъ, жалобу на него подалъ церковный староста, котораго онъ преслѣдовалъ за злоупотребленія, а крестьяне подтвердили жалобу, потому что этотъ церковный староста міроѣдъ и крестьяне у него въ кабалѣ.

«Намъ это было хорошо извѣстно», сказали мужики, «священника осудили совсѣмъ ни за что, но священникъ-крещенинъ всегда оказывается виноватъ».

Мужики говорили съ негодованіемъ, видно было, что они это дѣло считаютъ вопіющимъ.

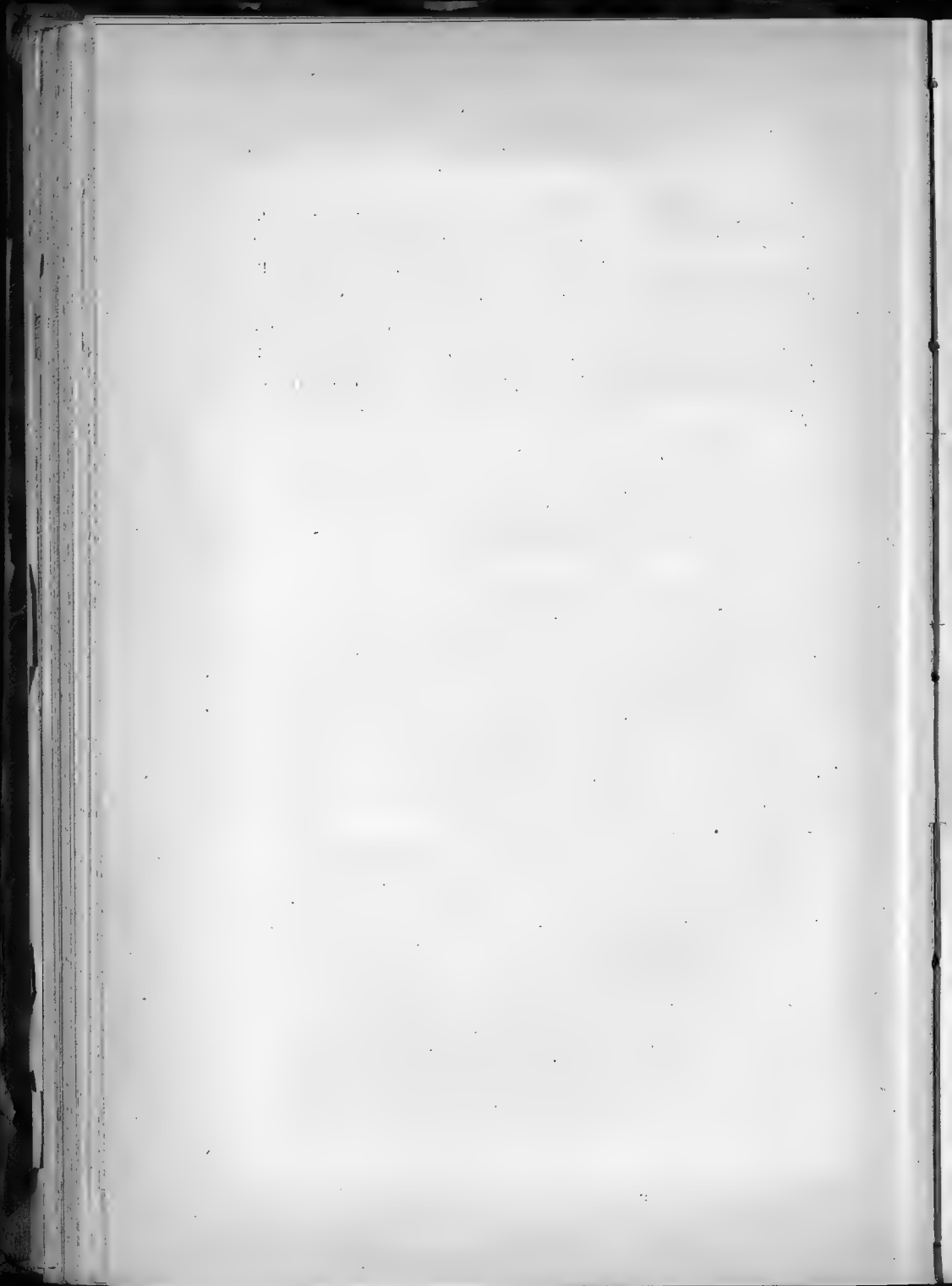
Въ кузницѣ кое-какъ намъ приладили новый сердечникъ, но и онъ оказался коротокъ, и не успѣли мы отѣхать съ версту, какъ онъ снова выскочилъ.

Мы опять стянули плетенку веревкой и благополучно проѣхали еще нѣсколько верстъ, но въ концѣ концовъ все снова разладилось, мы тащились нѣкоторое время шагомъ и наконецъ, добравшись до татарской деревни, наняли новаго ямщика.

Вечерѣтъ! Мы вскачь несемся по ржанымъ полямъ, направо тянется глубокая долина, переходящая въ пологую равнину. Солнце садится, изъ долины вѣтъ прохладой. Мы спускаемся по крутому скату въ большое мусульманское селеніе. Азанча только что прокричалъ призывъ на вечернюю молитву и между перилами минарета мелькнула и исчезла его голова;—значить онъ спустился съ лѣстницы. Сумерки надвигаются, а нашъ ямщикъ забылъ привязать подъ дугу колокольчикъ.

Мы останавливаемся у одной избы, чтобы спросить колоколь, да кстати и узнать дорогу. Пока ямщикъ идетъ въ избу, около насъ собирается нѣсколько татаръ и съ любопытствомъ на насъ поглядываютъ. Выраженіе лицъ сдержанное и недоувѣрчивое, очевидно фуражка съ кокардой моего спутника заставляетъ ихъ подозрѣвать, что передъ ними «начальство», а начальство, вѣдь, дѣло страшное. Вдругъ обладатель этой форменной фуражки, обращается къ толпѣ и начинаетъ говорить съ ними на чистомъ татарскомъ языкѣ. Въ одинъ мигъ выраженіе этихъ людей мѣняется; сіяющая, ра-

достная, изумленная улыбка озаряетъ всё эти лица, которыя только что передъ этимъ были такъ сумрачны. Видно, что они и польщены и удивлены, и благодарны! Всѣ жадно придвигаются къ намъ, всѣ сразу заговариваютъ, всѣ спрашиваютъ извѣстій о войнѣ. Это были другіе люди! Передъ магической силой родной рѣчи въ одно мгновеніе пала раздѣляющая насъ преграда, и выступила изъ-за нея человѣческая душа.

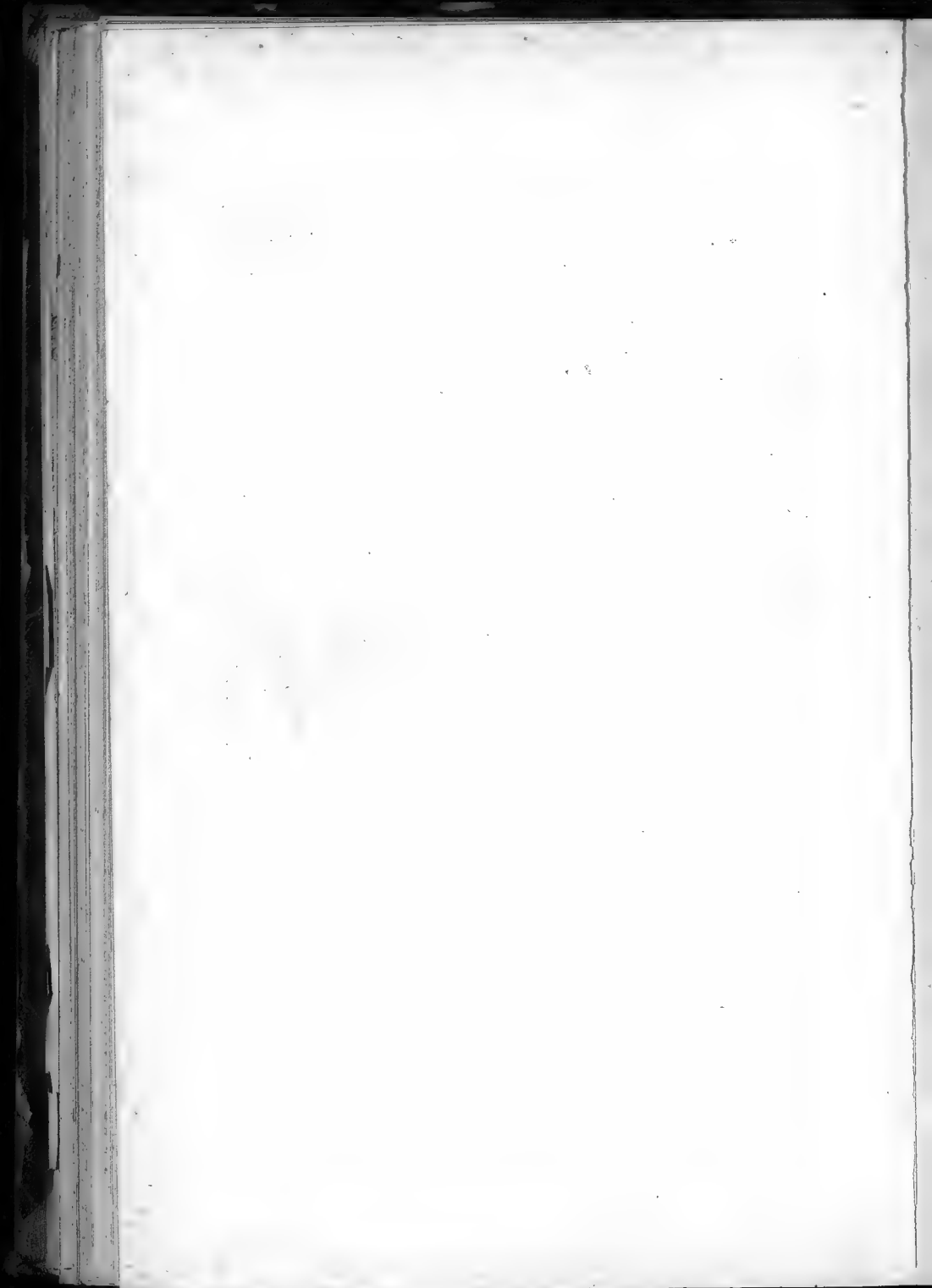
Глава пятая
Чувашскій міръ.

EDWIN S. S. S.

EDWIN S. S. S.

Чушатскія женщины Уфимской губерніи.

ГЛАВА V.

Чувашскій міръ.

При посѣщеніи Казанской учительской семинаріи я познакомилась съ нѣкоторыми дѣятелями и по просвѣщенію чувашъ: наставникомъ этой семинаріи Н. И. Ашмаринымъ, учителемъ К. С. С., священникомъ отцомъ В. К., кандидатомъ богословія Н. В. Никольскимъ и нѣсколькими другими.

Учитель К. С. — чувашинъ; онъ окончилъ курсъ въ Симбирской центральной учительской школѣ въ 1897 году, въ теченіе четырехъ лѣтъ былъ учителемъ при этой-же школѣ, затѣмъ два года былъ учителемъ въ Ядринскомъ уѣздѣ въ училищѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а теперь живетъ въ Казани и готовится къ экзамену на аттестатъ зрѣлости.

Я разговорила съ нимъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ чувашскихъ школахъ и спрашивала его относительно извѣстныхъ ему школъ. К. С. С. сообщилъ мнѣ, что во время его учительства, ввѣренное ему министерское училище велось по системѣ Ильминскаго; оно находится въ чисто - чувашской мѣстности и, хотя отстоятъ только на 7 верстѣ отъ города Ядрина, такъ что ученики при поступленіи имѣютъ нѣкоторое понятіе о русскомъ языкѣ, но по окончаніи курса они все же не могутъ вполне свободно объясняться по русски.

Чувашамъ особенно трудно дается произношеніе согласныхъ: б, д, ж, з, г, ф; б они произносятъ какъ *n*, д какъ *t* и тому подобное; поэтому, при поступленіи дѣтей въ школу, много времени уходитъ на пріученіе ихъ къ правильному произношенію, что нѣсколько отдаляетъ начало изученія русской грамоты.

Б. С. находитъ, что если вести преподаваніе въ школъ съ самаго начала по русски, то у учениковъ не будетъ никакого развитія. Опытъ доказалъ ему, что если начинать прямо съ русскаго языка, то ничего не выйдетъ, результаты достигаются гораздо худшіе, чѣмъ если преподаваніе ведется при помощи природнаго языка дѣтей.

Б. С. находитъ, что развитія учениковъ можно достигнуть только при преподаваніи на природномъ ихъ языкѣ, и что поэтому къ русскому нужно переходить постепенно. Дѣлается это, напримѣръ такъ. Учитель сначала заставляетъ учениковъ описывать картинки на своемъ природномъ языкѣ, когда же они пріучатся къ такому изложенію мыслей, учитель постепенно переходитъ къ изложенію статей на русскомъ языкѣ. Такъ Б. С. дѣлалъ самъ, въ бытность свою учителемъ, и достигалъ того, что ученики втораго отдѣленія въ концѣ года могли писать по русски изложеніе статейъ Толстого, хотя и не безъ ошибокъ.

Б. С. разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ школы, въ которыхъ преподаваніе идетъ съ самаго начала по русски, и замѣтилъ, что ученики такихъ школъ даже не усваиваютъ правильнаго произношенія, потому что для этого нужно нѣкоторое развитіе, которое недостижимо при игнорированіи природнаго языка дѣтей.

На мое замѣчаніе, что противники системы Ильминскаго, ссылаются на большое количество инородческихъ дѣтей, покидающихъ школу до ея окончанія, и указываютъ, что эти

дѣти не пріобрѣтутъ никакого знанія рускаго языка, если начальное преподаваніе ведется на инородческомъ языкѣ. К. С. возразилъ слѣдующее: «въ мѣстностяхъ зажиточныхъ, большинство учениковъ кончаетъ курсъ инородческой школы, въ мѣстностяхъ же бѣдныхъ, дѣйствительно, многіе уходятъ до окончанія курса.

При этихъ условіяхъ, если вести преподаваніе съ самаго начала на русскомъ языкѣ, ученики пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ русскихъ словъ, но по выходѣ изъ школы, слова эти скоро забываются; а такъ какъ при такомъ преподаваніи имъ не дано никакого развитія, то у дѣтей никакого слѣда отъ пребыванія въ школѣ не остается.

Если-же ученики усвоили въ школѣ грамотность на природномъ языкѣ, то вмѣстѣ съ развитіемъ они пріобрѣтаютъ любовь къ грамотности, съ усердіемъ читаютъ чувашскія книги, а затѣмъ, по недостатку такихъ книгъ, обращаются къ русскимъ книгамъ.

Въ прежнія времена, когда въ школахъ не было инородческаго языка, среди чувашъ не замѣчалось никакого стремленія къ грамотности, они коснѣли въ язычествѣ и въ невѣжествѣ. Съ того-же времени, какъ стали основываться школы по системѣ Ильминскаго, среди чувашъ начался сильный подъемъ религіознаго христіанскаго чувства; вездѣ строятся школы, церкви, выстроено нѣсколько монастырей. Вообще въ чувашахъ появилось сильное стремленіе къ религіозной жизни.

Мы заговорили объ обвиненіи чувашъ въ сепаратизмѣ. К. С. возмущенъ. «Я могу рѣшительно утверждать, что у чувашъ нѣтъ никакого сепаратизма», сказалъ онъ съ жаромъ: «если они болѣе развиты, чѣмъ другіе инородцы, то оттого, что во многихъ ихъ школахъ, благодаря бывшему инспектору чувашскихъ школъ И. Я. Яковлеву, система Ильминскаго была примѣнена полнѣе, чѣмъ въ другихъ ино-

родческихъ училищахъ, которыя всецѣло зависѣли отъ очередныхъ инспекторовъ; но сепаратизма нѣтъ никакого. Чуваши никогда не говорятъ «русскій царь», а «нашъ царь». Они горячо интересуются войной, принимаютъ близко къ сердцу каждое дѣйствіе русскаго солдата, считаютъ русскаго царя непобѣдимымъ. Смѣшно даже говорить о сепаратизмѣ чувашъ.

«Чуваши живутъ очень бѣдно; многіе, болыны трахомой; нужно ихъ развить, дать имъ кусокъ хлѣба, а для того, чтобы ихъ развить, необходимъ родной языкъ. Дать развитіе на русскомъ, чуждомъ для нихъ языкѣ, совершенно невозможно.

«Въ Чистопольскомъ, Цивильскомъ, Тетюшскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, въ Симбирскомъ, Буинскомъ уѣздахъ Симбирской и въ нѣкоторыхъ частяхъ Самарской, Уфимской и Саратовской губерній между чувашами есть склонность къ магометанству; эта склонность наблюдается между крещеными и между язычниками. Есть чуваши отпадшіе и есть совѣмъ отатарившіеся, которые ходятъ въ мечети и говорятъ по татарски. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распространена христіанская грамотность на чувашскомъ языкѣ, стремленія къ исламу уже нѣтъ»

II.

Священникъ отецъ В. К. тоже чувашинъ и окончилъ курсъ въ Казанской инородческой учительской семинаріи въ 1894 году. Послѣ этого онъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ былъ учителемъ; а въ 1897 году поступилъ на миссіонерскіе курсы при Казанской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1899 году. Съ начала 1900 года онъ состоитъ священникомъ; первый его приходъ былъ въ Таврической губерніи въ русскомъ

селѣ. Ему пришлось ѣхать въ такую даль, потому-что Казанскій архіепископъ, по словамъ о. В. К., тогда не давалъ мѣста въ своей епархіи инородцамъ. Черезъ 4½ года, при содѣйствіи викарнаго архіерея, о. В. К. былъ переведенъ въ Казанскую епархію въ село Х. Ядринскаго уѣзда, гдѣ и служить теперь.

Село Х. находится въ чисто-чувашской мѣстности; въ приходѣ 4 школы.

Въ церковно-приходской сельской школѣ учительница русская, не знающая по чувашски. По отчетамъ епархіальнаго наблюдателя числится, что школа эта ведется по системѣ Ильминскаго, но на самомъ дѣлѣ преподаваніе ведется по русски. По словамъ о. К. уѣздный наблюдатель требуетъ, чтобы родной языкъ былъ изгнанъ, и хочетъ инородческихъ учителей, которые держатся системы Ильминскаго, замѣнить питомцами второкласныхъ церковныхъ школъ, среди которыхъ сознательно искореняется мысль о необходимости вести школьное преподаваніе на родномъ языкѣ дѣтей, и которые часто даже отрекаются отъ своей народности. Вообще русскіе священники мало сочувствуютъ преподаванію на инородческомъ языкѣ. Отецъ К. слышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ такое заявленіе: «вѣдь Ильминскій былъ чувашинъ, ему нельзя вѣрить».

«Кромѣ церковно-приходской школы, у меня въ приходѣ два двухъ-классныхъ министерскихъ училища и земская школа», повѣствовалъ о. К. «въ обѣихъ министерскихъ школахъ учителя и учительницы—изъ Симбирской чувашской учительской школы, поэтому въ этихъ двухъ министерскихъ школахъ придерживаются системы Ильминскаго. Но инспекторъ народныхъ училищъ (переведенный С. Θ. Спѣшковымъ изъ Рижскаго учебнаго округа и поэтому строго придерживающійся натурального метода) постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы инородческій языкъ употреблялся въ школѣ лишь въ самыхъ

крайнихъ случаяхъ, а при преподаваніи ариметики даже совсѣмъ запрещаетъ къ нему прибѣгать.

«Инспекторъ этотъ весной 1903 года заѣхалъ въ одну земскую школу Ядринскаго уѣзда. Къ экзамену приготовлено было 8 мальчиковъ. Учитель готовилъ ихъ по своимъ предметамъ очень старательно (по Закону Божію онъ не занимался). Послѣ экзамена инспекторъ сказалъ учителю: «по всему видно, что вы злоупотребляли чувашскимъ языкомъ». Учитель возразилъ, что безъ инородческаго языка ничего не подѣлаешь съ чувашлятами, что обучившись на родномъ языкѣ, усвоивъ сознательно школьныя науки, они просвѣщаютъ своихъ сородичей. Инспекторъ не слушаетъ и твердитъ одно: — учите на русскомъ языкѣ, теперь отошла ваша пора: мы имѣемъ циркуляръ, который требуетъ исключительнаго употребленія русскаго языка. Инспекторъ этотъ, въ земскія школы предпочитаетъ назначать русскихъ учителей и учительницъ и надѣется со временемъ видѣть учителями и учительницами во всѣхъ школахъ бывшихъ гимназистовъ и гимназистокъ.

«Въ моемъ приходѣ, въ селѣ Х., былъ экзаменъ для учениковъ и ученицъ, оканчивающихъ курсъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Оказалось, что въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаваніе шло на родномъ языкѣ дѣтей, ученики сдали экзаменъ удовлетворительно.

«Ученицы же школы, гдѣ учительница была русская и преподаваніе велось все время на русскомъ языкѣ, совсѣмъ не могли сдать экзамена.»

Отецъ К. поступилъ въ приходъ послѣ русскихъ священниковъ и нашелъ прихожанъ въ очень печальномъ религіозномъ состояніи. Хотя они всѣ крещены, но придерживаются языческихъ обрядовъ, молятся киреметямъ. Поэтому о. К., пришлось энергично приняться за миссіонерскую дѣятельность.

«Мнѣ хотѣлось устроить христіанское просвѣщеніе своего прихода, наставленіе въ Законѣ Божіемъ взять въ свои руки», сказалъ онъ мнѣ въ поясненіе своего заявленія.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ 150,000 чувашъ, а чувашскихъ священниковъ только двое, поэтому къ отцу К. приходятъ чуваша за 25 верстъ слушать богослуженіе на инородческомъ языкѣ и говѣть. По его словамъ, къ чувашскому священнику о. Даніилу Филимонову приходили за 75 верстъ.

Конечно это возбуждаетъ неудовольствіе русскихъ священниковъ, потому-что инородцы, почувствовавшіе сладость богослуженія на родномъ языкѣ, просятъ и своихъ русскихъ приходскихъ священниковъ совершать богослуженіе на инородческомъ языкѣ.

«Антагонизмъ между русскимъ и инородческимъ духовенствомъ создается искусственно русскимъ», сказалъ мнѣ одинъ образованный инородецъ, котораго я встрѣтила во время своихъ объѣздовъ по деревнямъ.

Объ этомъ недоброжелательствѣ со стороны русскаго духовенства и о горькомъ чувствѣ, которое вызывается въ инородцахъ—этимъ недоброжелательствомъ, я слышала потомъ отъ многихъ инородческихъ священниковъ.

Иные со слезами на глазахъ вспоминали о презрительныхъ выраженіяхъ, которыя къ нимъ прилагались духовнымъ начальствомъ, другіе съ грустью говорили о насмѣшкахъ русскихъ товарищей по службѣ, о томъ, какъ они чуждаются инородцевъ, иногда избѣгаютъ даже знакомства съ ними, чтобы не навлечь неудовольствія начальства.

Мнѣ самой приходилось иногда замѣчать это презрительное отношеніе не только со стороны низшаго духовенства, но и со стороны нѣкоторыхъ архіереевъ.

Я слышала отъ инородческихъ священниковъ, что нѣкоторые благочинные всегда ставятъ русскимъ священникамъ

пятерки—за поведеніе, даже, если они пьяницы, а инородцамъ самаго безупречнаго поведенія ставятъ четверки; архіереи же по такимъ даннымъ составляютъ себѣ понятіе объ инородческомъ духовенствѣ и увѣряютъ, что между ними 60% пьяницъ.

Отъ нѣкоторыхъ русскихъ образованныхъ людей я слышала что русскіе священники иногда нарочно спѣиваютъ священниковъ инородцевъ. Это фактъ—мнѣ даже называли имена.

Я разспрашивала отца К., о результатахъ его трудовъ въ приходѣ. Его отвѣтъ былъ утѣшительнъ. По его словамъ число говѣльщиковъ за послѣднее время очень увеличилось.

При его предшественникѣ, русскомъ священникѣ, знающемъ чувашскій языкъ, но не служившемъ по-чувашски, ихъ было не болѣе 175 душъ, хотя по записямъ числилось гораздо больше. Запись по необходимости не соответствуетъ дѣйствительности, ибо начальство требуетъ отъ священника, чтобы говѣльщиковъ было много, а между тѣмъ священникъ, плохо владѣющій языкомъ своихъ прихожанъ, лишень необходимаго средства для привлеченія ихъ въ церковь.

«Теперь же», прибавилъ отецъ К., «число говѣльщиковъ увеличилось въ 5 или 6 разъ, и надѣюсь, что со временемъ всѣ поголовно будутъ говѣть».

«Я хожу по деревнямъ, убѣждаю прихожанъ и теперь везу для распространенія среди нихъ около 3000 книгъ на чувашскомъ языкѣ изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества. Такія книги дѣйствуютъ очень благотворно. Читающіе ихъ оставляютъ языческіе обычаи; желая выучиться читать книги на родномъ языкѣ, нѣкоторые чуваша идутъ къ грамотѣямъ и просятъ ихъ научить ихъ читать, пріобрѣтаютъ на свои средства буквари на чувашскомъ языкѣ и самоучкой выучиваются читать. Такъ между прочимъ выучился одинъ чувашинъ 40 лѣтъ.

«Научившись читать по чувашски, онъ переходятъ къ русскимъ книгамъ.

«Я въ церкви объясняю прихожанамъ, что на русскомъ языкѣ много книгъ и что, если они будутъ понимать по-русски, то могутъ полностью усвоить христіанство.

«Нѣкоторые чуваша, прочитавъ чувашскія книги, покупаютъ русскія книги, даже такія большія, какъ «Добротолубіе» преосвященнаго Теофана.

Другой изъ видѣнныхъ мною чувашскихъ дѣятелей Н. В. Никольскій, сообщилъ мнѣ по тому же вопросу слѣдующія интересныя выборки изъ записей по его частной библіотекѣ.

«Изъ моей библіотеки брали читать чуваша деревни Юрми-кейкиной, Шуматовской волости, Ядринскаго уѣзда, Казачьей губерніи:

Илья Лукинъ, окончившій курсъ Александровской церковно-приходской школы.

На чувашскомъ языкѣ: 1) О чудотворной иконѣ Божія угодника Николая, 2) О сохраненіи здоровья.

На русскомъ языкѣ: 1) Дивное сказаніе о заступленіи Божіей Матери за обиженную жену, 2) Преп. Серафимъ Саровскій соч. Поселянина, 3) Творенія св. Златоуста т. V и VI изд. СПБ. духовной академіи.

Адріанъ Артемьевъ, не кончилъ курса церковно-приходской школы, но выходѣ изъ школы не бралъ въ руки книги. Позабылъ грамоту совершенно. Въ 1900 г., я далъ ему почитать букварь на чувашскомъ языкѣ. Онъ заинтересовался; сталъ читать мои книги на чувашскомъ языкѣ: священную исторію, «о единой вѣрѣ» и прочее. Затѣмъ перешелъ къ русскимъ книгамъ. Читалъ «Творенія св. Златоуста т. V и VI», «Внутреннее состояніе сердца человѣческаго», «Творенія св. Ефрема Сирина, Дьяченко «Уроки и примѣры христіанской надежды».

Той же волости, деревни Изедеркиной Алексѣй Яковлевъ, лѣтъ 50, ученикъ старой школы (учился 1 годъ), братья у меня для прочтенія книги. Затѣмъ ему кто-то далъ чувашскій букварь; научился читать; захотѣлось большаго. Сталъ покупать въ Казани чувашскія изданія религіозно-нравственнаго содержанія.

У меня братья на чувашскомъ языкѣ: 1) О св. иконахъ, 2) Объ ангелахъ и злыхъ духахъ, 3) Св. Ілія пророкъ Божій, 4) Бесѣды на 10 заповѣдей, 5) Бесѣды на 9 заповѣдей Блаженствъ и молитву Господню, 6) Пустынница, 7) Трахома, 8) Вино—ядъ, 9) Разказы изъ житій святыхъ и прочее—всего 20 названій.

На русскомъ языкѣ: 1) Познаніе добра и зла, 2) О святыхъ иконахъ, 3) Храненіе отъ преткновенія, 4) Святые мѣста, 5) Главные церковные праздники, 6) Бесѣды на псалмы.

Нѣкоторые чуваша имѣютъ собственныя книги на чувашскомъ и русскомъ языкѣ. Такъ мнѣ извѣстны: Казанской губерніи Ядринскаго уѣзда Шуматовской волости деревни Юркейкиной:

1) Адріанъ Артемьевъ. На чувашскомъ языкѣ имѣетъ: «Св. исторію Ветхаго и Новаго Завѣта» Аѳонскаго Агаѳодора; требникъ, Бесѣды на 10 заповѣдей Закона Божія, Бесѣды на 9 заповѣдей блаженствъ и молитву Господню. — Всего 30 названій.

Въ 1902 году онъ сталъ покупать въ Казани чрезъ меня книги религіозно-нравственнаго содержанія на русскомъ языкѣ: «Житіе Адріана и Наталіи». На славянскомъ языкѣ: Требникъ, Служебникъ, Каноникъ, Іерейскій молитвословъ, Часословъ, Октоихъ. Со времени чтенія чувашскихъ книгъ Адріанъ Артемьевъ пересталъ употреблять водку, что прежде случалось часто; сталъ неопустительно посѣщать приходскую цер-

ковъ, чего прежде не было. Ходить ко мнѣ 1 разъ въ мѣсяцъ или въ 2 мѣс.

II) Илья Лукинъ, хотя и окончилъ курсъ церковно-приходской школы въ селѣ Александровскомъ, тѣмъ не менѣе уже 3 года разучился и читать и писать; не бралъ въ руки книгъ. Удалось его заинтересовать чувашскими книгами (по русски онъ не зналъ ни слова). Началъ съ букваря на чувашскомъ языкѣ, потомъ прочиталъ священную исторію Аѳинскаго на томъ же языкѣ, Бесѣды и поученія, Илья пророкъ. Лукинъ разошелся такъ, что сталъ читать непрестанно, да притомъ вслухъ всей семьѣ.

Лѣтомъ онъ нанимался у однодеревенцевъ жать хлѣбъ. Зарабатывалъ по 1 р. 50 коп. и 3 р. Всѣ деньги отдавалъ мнѣ на приобрѣтеніе книгъ на чувашскомъ языкѣ. Имѣеть на чувашскомъ языкѣ: 1) Священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, 2) Евангеліе, 3) Хоровыя пѣсногѣнія, 4) Бесѣды на 10 заповѣдей, 5) Бесѣды на 9 заповѣдей блаженствъ и молитву Господню, 6) О церкви и церковномъ богослуженіи, 7) Часословъ, 8) Объ ангелахъ и злыхъ духахъ, 9) Сошествіе Христа во адъ, 10) Земныя страданія Господа Іисуса Христа, 11) О загробной жизни, 12) Не бойся я съ тобою. Всего—30 названій. На русскомъ языкѣ: Библія, Молитвенникъ.

Постоянное чтеніе этихъ книгъ, сдѣлало изъ него скромнаго, трудолюбиваго, обходительнаго, набожнаго грамотника. Зимой онъ ходитъ въ деревенскую караулку читать народу—старикамъ, божественныя книги.

III) Димитрій Никитинъ, (Для подробныхъ свѣдѣній о немъ смотри мою брошюру «Родной языкъ какъ орудіе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ», стр. 16—18). Чтеніе книгъ на родномъ языкѣ выработало изъ него очень скромнаго обходительнаго челоуѣка, хорошаго семьянина и миссіонера: по зимамъ у него собираются и онъ ходитъ къ однодеревенцамъ

читать и помышлять о Богѣ. Имѣтъ на чувашскомъ языкѣ до 30 названій. На русскомъ и славянскомъ языкахъ: Молитвенникъ, Новый Завѣтъ, Псалтирь, священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта. Всего до 15 названій — всѣ религиозно-нравственнаго содержанія.

Подобныхъ грамотѣвъ—самоучекъ въ деревнѣ до 15 человекъ. Вліяніе ихъ на жителей несомнѣнно: языческихъ обрядовъ теперь не видно, если творять, то старики, да и тѣ тайно. Эти грамоты пользуются каждымъ случаемъ для того, чтобы провести въ среду однодеревенцевъ то, что они вычитали изъ божественныхъ книгъ на чувашскомъ, а затѣмъ и на русскомъ языкѣ. Главнымъ мѣстомъ чтенія книгъ религиозно-нравственнаго характера служитъ караулка, куда въ зимнее время собираются досужіе чуваша.

Вмѣсто сказокъ, шутокъ и т. д., имѣвшихъ мѣсто въ прежнее время, здѣсь теперь раздается голосъ убѣжденной вѣры во Христа и въ церковь, рѣшительнаго осужденія прежняго язычества съ его киреметями и чугами.

Казанской губерніи Ядринскаго уѣзда Чувашско-Сорминской волости деревни Пизиповой чувашинъ Илья Николаевъ, учился въ Аликовскомъ двухъ-классномъ М. Н. Просв. училищѣ. Читалъ чувашскія изданія. Имѣлъ и пріобрѣтаетъ чувашскія книги. Имѣтъ на русскомъ языкѣ полное житіе Серафима Саровскаго, Іоанна Кронштадтскаго, Бриллиантовъ «о загробной жизни» (цѣна 6 рублей), Житіе Николая Чудотворца и прочее. Онъ говоритъ: «Когда скоплю денегъ непременно думаю пріобрѣсти всѣ житія святыхъ». Я порекомендовалъ ему житія новѣйшаго изданія синодальной типографіи на русскомъ языкѣ. Судя по характеру этого человека, онъ выполнитъ однажды сказанное: «На базары вывозятъ сказки, разумѣется на русскомъ языкѣ, и тому подобное. Вмѣсто того, чтобы покупать подобныя книги, вмѣсто того, чтобы попусту

тратить деньги, куплю житія святыхъ и буду услаждать и свою душу и души дѣтей».

Илья Николаевъ одинъ изъ 10 подобныхъ набожныхъ — грамотниковъ, которые имѣются въ деревнѣ Цизиповой.

Казанской губерніи Ядринскаго уѣзда Аликовской волости деревни Озерныя—Тенѣи, въ 1899 году чувашинъ Степанъ Степановъ, 40 лѣтъ отъ роду, узнавъ о содержаніи чувашскихъ книгъ чрезъ мѣстныхъ школьниковъ, пожелалъ выучиться. Самоучкой достигъ желаемого. Читаетъ пока только чувашскія книги. По русски не знаетъ. Но уже недалеко переходъ его къ русскимъ книгамъ. Чтеніе книгъ на родномъ языкѣ выработало изъ него ревностнаго посѣтителя богослуженія, совершаемаго даже на славянскомъ языкѣ, — почитателя христіанскихъ праздниковъ: по воскресеньямъ ни за какія деньги не пойдетъ на работу. читаетъ лишь въ кругу своихъ семейныхъ книги на чувашскомъ языкѣ.

Такихъ самоучекъ въ деревнѣ 6, въ 6 разныхъ домахъ при 240 деревенскихъ домахъ. Есть и грамотные ученики мѣстной школы—грамоты. Объ ихъ миссіонерствѣ не слышно. Слышно лишь одно, что они иногда посмѣиваются надъ вышеупомянутыми 6 самоучками.

III.

Н. В. Никольскій, сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія, принадлежитъ къ числу научно-образованныхъ послѣдователей системы Ильминскаго.

Н. В. Никольскій самъ чувашенинъ, но съ отличнымъ успѣхомъ окончилъ курсъ въ Казанской духовной академіи и оставленъ преподавателемъ на миссіонерскихъ курсахъ, существующихъ при академіи. Онъ специально занимается по

архивнымъ документамъ исторіей просвѣщенія Казанскаго края и извѣстенъ нѣсколькими работами въ этой области.

Помянутый выше наставникъ Казанской учительской семинаріи Н. И. Ашмаринъ, получилъ специальное образованіе въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и затѣмъ заявилъ себя солидными трудами въ области языковѣданія. Ему, между прочимъ, принадлежатъ сочиненія, обратившія на себя вниманіе и въ Европѣ: (особенно въ Венгріи и Даніи).

1) «Матеріалы къ изученію чувашскаго языка», содержащія собственно фонетику и морфологию этого языка.

2) «Синтаксисъ чувашскаго языка».

3) «Словарь чувашскаго языка» — обширная работа, пока еще не напечатанная, объемомъ до 200 печатныхъ листовъ.

4) «Чуваши и Болгары» — изслѣдованія объ отношеніи языковъ этихъ народовъ.

Оба помянутыхъ дѣятеля, являющіеся усердными сотрудниками переводческой комиссіи, не знали лично Ильминскаго, а воспитались, такъ сказать, уже послѣ него, но работаютъ въ полной солидарности съ непосредственными преемниками Николая Ивановича.

Кромѣ нихъ существуетъ значительное число лицъ, быть можетъ нѣсколько менѣе извѣстныхъ въ области научной литературы, но весьма солидно образованныхъ и ревностныхъ хранителей завѣтовъ Ильминскаго, подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго они воспитались.

Съ нѣкоторыми изъ нихъ я состояла уже ранѣе въ перепискѣ.

Первый выпускъ Казанской учительской семинаріи былъ въ 1875 году. Въ этомъ выпускѣ и въ ближайшихъ слѣдующихъ, окончили курсъ Данилъ Филимоновичъ Филимоновъ, Андрей Петровичъ Петровъ, Петръ Васильевичъ Васильевъ, Антонъ Ивановичъ Ивановъ, Іоакимъ Ивановичъ Ивановъ,

которые, вдохновляемые непосредственно Николасмъ Ивановичемъ, являлись усердными сознательными работниками по просвѣщенію чувашъ, а затѣмъ, въ должности учителей и въ санѣ священниковъ, и практическими дѣателями по народному образованію.

Въ частности мнѣ нѣсколько болѣе извѣстна дѣятельность священника о. Даніила Филимонова, такъ симпатично описанная Ильминскимъ въ одномъ изъ писемъ къ К. П. Побѣдоносцеву.

О. Даніилъ Филимоновъ заявилъ себя дѣятельностью во время голода, поразившаго Казанскую губернію въ 1891 году, а затѣмъ, послѣ смерти Ильминскаго, организаціей центральной Ишаковской чувашской школы.

О. Филимоновъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мнѣ представляются настолько интересными, что я нашла полезнымъ напечатать ихъ цѣликомъ въ видѣ приложенія къ настоящей работѣ.

Описанная выше бесѣда съ чувашами уже въ Казани обрисовала мнѣ съ одной стороны, что чувашскій міръ по составу своему шире и разнообразнѣе міра крещено-татарскаго и вотскаго, а съ другой — значительно богаче и дѣателями. Оно такъ и должно быть. Крещеныхъ татаръ нѣсколько болѣе 100,000, вотяковъ нѣсколько болѣе 400,000, а чувашъ около 850,000.

Крещенные татары, составляя изъ себя около 8% всего татарскаго населенія, являютъ различныя ступени удаленія отъ мусульманства и приближенія къ русскимъ.

Весь вопросъ относительно просвѣщенія крещеныхъ татаръ сводится къ тому, сближаться ли имъ съ русскими или съ татарами-мусульманами; каждая отдѣльная крещено-татарская мѣстность представляетъ тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ соотвѣтствіе съ малымъ числомъ крещеныхъ та-

тарь, у нихъ явилось достаточное число учителей, а затѣмъ дьяконовъ и священниковъ, но мало работниковъ по переводамъ; среди нихъ до послѣдняго времени почти вовсе не было людей, способныхъ заниматься научной разработкой вопросовъ, такъ что переводческая работа исполнялась только въ Казанской крещено-татарской школѣ, гдѣ особенно плодотворно работали въ этомъ смыслѣ покойный о. Василій Тимофеевъ.

Научно-образованные работники, трудившіеся надъ просвѣщеніемъ крещеныхъ татаръ, были почти всѣ изъ русскихъ: самъ Н. И. Ильминскій, профессоръ М. А. Машановъ, затѣмъ Н. П. Остроумовъ, составившій татарско-русскій словарь, А. А. Воскресенскій, составившій русско-татарскій словарь и грамматику татарскаго языка; а за послѣдніе 10 лѣтъ профессоръ Н. Θ. Катановъ, воспитанникъ Петербургскаго университета, по смерти В. В. Катаринскаго назначенный членомъ переводческой комиссіи.

Профессоръ М. А. Машановъ, преемникъ Н. И. Ильминскаго по миссіонерскому отдѣленію въ Казанской духовной академіи, является стойкимъ послѣдователемъ его идей, которыя онъ не только отстаиваетъ съ кафедръ и въ печати, но и путемъ практической дѣятельности въ качествѣ работника по Братству, гдѣ онъ лѣтъ 20 былъ дѣлопроизводителемъ. Молодые инородческіе дѣятели, получившіе высшее образованіе, обязаны ему своимъ проникновеніемъ просвѣтительными идеями Ильминскаго. Вслѣдствіе всего этого, а также вслѣдствіе знакомства М. А. Машанова съ исламомъ, арабскимъ и татарскимъ языками, Ильминскій передъ смертію и желалъ его назначенія председателемъ переводческой комиссіи.

А. А. Воскресенскій, при жизни Ильминскаго бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ секретаремъ въ Братствѣ и законоучителемъ въ крещено-татарской школѣ, теперь уже болѣе 10 лѣтъ состоитъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Букеев-

ской ордѣ, гдѣ, примѣняя съ полнымъ успѣхомъ систему Ильминскаго въ устроенныхъ имъ старшинскихъ школахъ, поставленныхъ близко къ народу и отвѣчающихъ его потребностямъ, заслужилъ общую любовь киргизъ къ этимъ школамъ и къ себѣ лично.

Н. П. Остроумовъ, также горячій послѣдователь Ильминскаго, знатокъ киргизскаго и сартскаго языковъ, авторъ многихъ статей по инородческому вопросу, былъ нѣкоторое время преподавателемъ Казанской учительской семинаріи и секретаремъ въ братствѣ св. Гурія; назначенный 26 лѣтъ тому назадъ, по желанію Ильминскаго, директоромъ Ташкентской учительской семинаріи, онъ былъ вскорѣ вытѣсненъ оттуда заботами учебнаго начальства и только недавно возвращенъ захирѣвшей безъ него учительской семинаріи.

Н. О. Катановъ, замѣчательный знатокъ восточныхъ языковъ, оказалъ, какъ мнѣ объяснили члены переводческой комиссіи, существенныя услуги при изданіи переводовъ якутскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ, и своей послѣдней работой: «Опыты изслѣдованія Урянхайскаго языка» научно освѣтилъ отношенія татарскаго языка къ прочимъ тюркскимъ.

Лишь въ самое послѣднее время выступилъ на сцену научно-образованный дѣятель изъ крещеныхъ татаръ:—разумѣю ученика Ильминскаго Р. П. Даулея, между прочимъ сообщившаго мнѣ интересныя данныя, приведенныя въ третьей главѣ.

Вотьяки живутъ въ нѣсколько болѣе разнообразныхъ условіяхъ, чѣмъ крещеные татары: часть ихъ сохранила языческіе устои, часть сближается съ русскими, часть склоняется къ магометанству.

Вотьяки живутъ главнымъ образомъ въ Вятской и Уфимской губерніяхъ, гдѣ нѣтъ такого крупнаго образовательнаго центра, какъ Казань. Вслѣдствіе этого, людей, занимающихся

вотьяками, было вообще мало и почти всѣ они бывшіе ученики Казанской центральной крещено-татарской школы и Казанской учительской семинаріи. Если не считать 3-хъ, 4-хъ лицъ изъ бывшихъ воспитанниковъ этой семинаріи, являющихся исключеніемъ изъ общей массы вотскихъ учителей, то образовательныя силы вотяковъ находятся приблизительно въ такомъ же состояніи, въ какомъ они были у крещеныхъ татаръ 15 лѣтъ назадъ.

Чуваши около 850,000: они живутъ въ 6 губерніяхъ, въ условіяхъ въ высшей степени разнообразныхъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Многія части чувашскаго племени, отдѣленные отъ общей массы чувашъ, представляютъ изъ себя какъ бы особые маленькіе мірки, бытовые и образовательныя условія которыхъ надо изучать особо. Съ другой стороны чуваша, по своей многочисленности и положенію въ Приволжскихъ мѣстностяхъ, всегда обращали на себя большее вниманіе учебнаго вѣдомства.

Бывшій Казанскій попечитель Шестаковъ, совмѣстно съ Ильминскимъ, обратили на просвѣщеніе чувашъ вниманіе еще въ серединѣ 60-хъ годовъ и исхлопотали учрежденіе должности инспектора чувашскихъ школъ въ 1867 году.

Первымъ инспекторомъ былъ назначенъ Н. И. Золотницкій, напечатавшій вскорѣ послѣ своего назначенія первую книгу на чувашскомъ языкѣ, а затѣмъ впослѣдствіи корневой словарь чувашскаго языка.

Уже Н. И. Золотницкому удалось найти нѣсколькихъ симпатичныхъ дѣятелей (между прочимъ учителя, теперь священника, М. Д. Дмитріева), продолжающихъ работать и доселѣ.

Въ Казанской учительской семинаріи чуваша всегда были самыми многочисленными изъ инородцевъ. Такъ ихъ окончило

курсъ въ семинаріи 126 человѣкъ *), а татаръ 104 и вотяковъ 40.

Съ открытіемъ чувашской школы въ Симбирскѣ и съ разрѣшеніемъ приѣма инородцевъ въ духовную семинарію, создакъ довольно многочисленный классъ чувашъ, получившихъ педагогическое или средне—богословское образованіе.

Затѣмъ чуваша стали оканчивать курсъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ настоящее время священниковъ изъ чувашъ около 140 и не мало есть чувашъ съ высшимъ образованіемъ, служащихъ учителями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе всего этого чувашская переводческая и издательская дѣятельность значительно превосходитъ таковую же дѣятельность каждаго изъ прочихъ инородческихъ племенъ.

Бесѣды съ чувашами въ Казани дали мнѣ представленіе о чувашахъ, какъ о племени весьма значительномъ между инородцами, требующемъ внимательнаго и серьезнаго изученія. Составляя въ Казани маршрутъ для поѣздки по чувашамъ, я увидѣла, что для благого обозрѣнія любопытнѣйшихъ мѣстностей только по западному берегу Волги потребуется до 3-хъ недѣль. Къ сожалѣнію, времени у меня было немного и мнѣ пришлось не только отказаться отъ обозрѣнія чувашъ, живущихъ въ Уфимской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, но и значительно сократить поѣздку по чувашскимъ селеніямъ, лежащимъ по западному берегу Волги. Я оказалась вынужденной ограничиться посѣщеніемъ нѣсколькихъ селеній Симбирской губерніи и однимъ лишь селеніемъ Казанской.

*) 32-я годовщина открытія Казанской семинаріи. Казань 1904 стр. 9-я.

IV.

Обозрѣніе чувашскихъ мѣстностей и школъ я начала съ Симбирска. Здѣсь находится чувашская учительская школа и живетъ Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, ближайшій сотрудникъ Ильминскаго по просвѣщенію чувашъ.

Онъ въ 1875 году, по выбору Ильминскаго и Шестакова, былъ опредѣленъ инспекторомъ чувашскихъ школъ тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ. Но И. Я. Яковлевъ уже ранѣе проявилъ свое усердіе къ дѣлу просвѣщенія чувашъ открытіемъ частнаго училища для нихъ въ Симбирскѣ.

И. Я. Яковлевъ происходитъ изъ чувашской крестьянской семьи, окончилъ курсъ въ удѣльномъ, а затѣмъ въ землемѣрномъ училищѣ и поступилъ мѣрщикомъ на удѣльную службу. Приготовившись путемъ усиленнаго труда, 19 лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ 5-й классъ Симбирской гимназіи. Испытавъ на себѣ, какъ трудно чувашскому мальчику получить образованіе, Яковлевъ, будучи ученикомъ 6-го класса гимназіи, открылъ въ Симбирскѣ, при поддержкѣ нѣкоторыхъ своихъ товарищей и добрыхъ русскихъ людей, небольшую школу для чувашъ. Три года спустя эта школа получила пособие отъ казны, сначала незначительное, а съ 1879 года въ 3900 рублей. Кромѣ казеннаго ассигнованія И. Я. Яковлеву удалось пріобрѣсть сочувствіе и денежную поддержку школъ со стороны Миссіонерскаго Общества и нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ Симбирской и Базанской губерній.

Въ 1876 году Министерство Народнаго Просвѣщенія дало 5400 руб. на покупку собственнаго дома для школы. Такимъ образомъ 1876 годъ можно считать началомъ болѣе или мене прочно обезпеченнаго ея существованія. Въ 1879 году

былъ первый выпускъ учителей изъ этой школы, которая по организаціи и постановкѣ преподаванія являлась для чувашъ тѣмъ, чѣмъ была для татаръ Казанская центральная крещено—татарская школа.

Чувашская школа съ тѣхъ поръ непрерывно развивалась и количественно и качественно, и въ искусныхъ и преданныхъ дѣлу рукахъ инспектора И. Я. Яковлева постепенно обратилась въ два учебныхъ заведенія: мужскую и женскую учительскія школы, причемъ первая по программѣ преподаванія и составу учащихся приблизилась къ учительскимъ семинаріямъ, а вторая сдѣлалась женской центральной чувашской школой.

Изъ разговоровъ съ директоромъ Казанской учительской семинаріи и другими дѣятелями по просвѣщенію инородцевъ, я составила себѣ понятіе объ исключительно важномъ значеніи въ дѣлѣ просвѣщенія чувашъ инспектора И. Я. Яковлева и помянутой школы.

Ранѣе я уже знала, что должность инспектора чувашскихъ школъ упразднена и что поэтому И. Я. Яковлевъ отъ завіѣдыванія школами, кромѣ Симбирской, освобожденъ.

Поэтому мнѣ хотѣлось начать свое знакомство съ чувашскимъ міромъ съ поѣздки именно въ Симбирскъ, чтобы изъ бесѣдъ съ И. Я. Яковлевымъ пріобрѣсти свѣдѣнія какъ о развитіи дѣла просвѣщенія чувашъ, такъ и о современномъ его положеніи, особенно послѣ упраздненія должности инспектора.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ я прямо направилась въ чувашскую учительскую школу къ И. Я. Яковлеву. Ученія въ школѣ еще не было и изъ преподавателей я застала тамъ лишь одного законоучителя чувашенина.

Обозрѣвая зданія школы я была поражена ихъ многочисленностью. Кромѣ прекрасно устроенной церкви, школа имѣетъ

4 или 5 помѣстительныхъ домовъ и большое усадебное мѣсто. Особое вниманіе посѣтителя здѣсь привлекаетъ обширное помѣщеніе мастерскихъ, въ которыхъ, между прочимъ, сдѣланъ весьма красивый иконостасъ для школьной церкви. Все это приобрѣтено для школы И. Я. Яковлевымъ путемъ искуснаго веденія хозяйства школы, многолѣтняго личнаго труда и затраты личныхъ средствъ.

Число учащихся, по сообщенію И. Я. Яковлева, въ мужской школѣ достигаетъ 170, въ женской—100 человекъ.

Симбирская школа раздѣлена на 3 класса, изъ которыхъ каждый имѣетъ двухгодичный курсъ, поэтому пріемъ и выпускъ бываетъ въ 2 года одинъ разъ.

Симбирская школа дала большое количество учителей и учительницъ. Многіе изъ учителей впоследствии были рукоположены во священники. За 30 лѣтъ вышло изъ этой школы свыше 450 учителей, священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ.

Я намѣревалась изъ Симбирска проѣхать въ нѣкоторые чувашскія мѣстности; И. Я. Яковлевъ любезно предложилъ проводить меня и лично показать мнѣ нѣкоторые чувашскія сельскія школы.

У.

7 августа, въ 8 часовъ утра, мы выѣхали изъ Симбирска въ село К., Буинскаго уѣзда, родину Ивана Яковлевича. Такъ какъ намъ предстояло проѣхать около 70 верстъ, мы дорогой останавливались нѣсколько разъ, чтобы перемѣнить лошадей и осмотрѣть школы тѣхъ селеній, которыя попадались намъ по дорогѣ.

Первое училище, которое мы видѣли, было министерское,

въ деревнѣ Е., Симбирскаго уѣзда. Это огромное селеніе состоитъ приблизительно изъ 800 дворовъ и очевидно составилось изъ различныхъ отдѣльныхъ обществъ, которыя постепенно слились въ одно огромное селеніе.

Въ одномъ концѣ живутъ крещеные чувашъ; затѣмъ тянется около 400 дворовъ татаръ-магометанъ и чувашъ, отпавшихъ въ 60-хъ годахъ и совершенно отатарившихся.

Подобно мусульманамъ, они бриты и ходятъ въ тюбетейкахъ, такъ что отличить ихъ отъ татаръ нѣтъ возможности.

Двѣ мечети возвышаются въ центрѣ селенія. Мы минуемъ ихъ, проѣзжаемъ нѣсколько улицъ и снова видимъ около домовъ чувашъ безъ тюбетеекъ. Оказывается, что оба края деревни заселены христіанами. Въ этомъ концѣ находится одноклассное министерское училище; оно помѣщается въ небольшомъ деревянномъ зданіи, и рядомъ съ нимъ, въ школьной усадьбѣ, положенъ фундаментъ для новаго болѣе обширнаго дома. Эта постройка была начата И. Я. Яковлевымъ въ бытность его инспекторомъ, съ цѣлью обратить эту школу въ двухклассную церковь-школу, такъ какъ церковь въ пяти верстахъ и народу трудно туда ходить. Но увольненіе И. Я. Яковлева остановило дѣло, и теперь некому имъ заняться. Я побесѣдовала съ учителемъ и разспросила его о положеніи школьнаго дѣла. Учитель окончилъ курсъ въ Симбирской школѣ, получаетъ въ годъ 360 р. (это нормальное жалованье для учителей изъ Симбирской школы) преподаваніе ведетъ по системѣ Ильминскаго. Курсъ въ школѣ 4-хъ лѣтній, приемъ учениковъ производится въ два года одинъ разъ. Учениковъ 65.

Разговорные уроки русскаго языка начинаются послѣ Рождества перваго учебнаго года. Учитель вѣлъ одно отдѣленіе, благодаря чему, хотя онъ преподаваніе русскаго языка начинать поздно, но достигалъ, по его словамъ, очень хорошихъ результатовъ.

Теперь, слѣдуя новому направленію Казанскаго учебнаго округа, введенному попечителемъ С. О. Спѣшковымъ, учитель сталъ раньше бросать чувашскій языкъ и переходить къ русскому.

Я просила учителя собрать мнѣ нѣсколькихъ учениковъ, живущихъ недалеко отъ школы. Вскорѣ явилось 5 учениковъ I-го отдѣленія, проучившихся одинъ годъ, другихъ за недостаткомъ времени не успѣли позвать. Эти 5 мальчиковъ читали по-чувашски не бѣгло, потому что еще не прошли всего букваря. По-русски они читаютъ и понимаютъ маленькія статейки. Запасъ русскихъ словъ у нихъ порядочный, но разговорнаго русскаго языка они еще не понимаютъ.

Я просмотрѣла тетради старшаго отдѣленія, изложенія написаны хорошо, хотя книжнымъ языкомъ. Очевидно дѣтямъ не по силамъ излагать разсказъ собственными словами, и они запоминаютъ книжныя выраженія. Впрочемъ такое явленіе часто встрѣчается и въ школахъ для русскихъ дѣтей. Учитель разсказалъ мнѣ, что чуваша-отступники не отдаютъ дѣтей въ христіанскія школы и обижаются, если ихъ считаютъ чувашами;—они хотятъ числиться татарами. Коренные магометане охотнѣе отдаютъ дѣтей въ христіанскія школы, нежели отступники: магометане желаютъ чтобъ дѣти ихъ учились русскому языку.

У Е-скаго учителя я застала гостя — учителя сосѣдней деревни Р.; мнѣ захотѣлось посмотрѣть и тамошнюю школу.

Пока въ Е. намъ запрягали лошадей, Р-скій учитель поѣхалъ впередъ собирать учениковъ, такъ что мы, пріѣхавъ туда полчася спустя, застали 9 учениковъ и ученицъ, окончившихъ курсъ весной. Я произвела маленькій экзаменъ и была весьма довольна его результатомъ. Дѣти читали по-русски трудныя статьи изъ хрестоматіи Баранова (напримѣръ «потребности человѣка» страница 87) и умѣли передать ихъ со-

держаніе. Дѣти и соображаютъ, и толково отвѣчаютъ. По Закону Божію они хорошо рассказываютъ своими словами по-русски, хотя по чувашски рассказываютъ болѣе бѣгло и сознательно. Вообще отвѣты были очень хорошіе. По-русски дѣти—природные чуваша—понимали все, что я спрашивала, и на все могли отвѣтить. Я увезла съ собой ихъ тетрадки; переложенія написаны по книжкѣ для чтенія Сердобольскаго, и хотя грамматическихъ ошибокъ много, но мысли всѣ изложены вѣрно и толково.

Я съ любопытствомъ стала разспрашивать учителя о методахъ преподаванія, которыми онъ достигъ столь хорошихъ результатовъ и о его собственной педагогической подготовкѣ.

Учитель—чувашинъ, окончившій курсъ въ сельскомъ Аликовскомъ двухъ-классномъ училищѣ, жалованья получаетъ 360 рублей.

Р. заселено одними чувашами, ихъ 119 дворовъ, всѣ они христіане, твердые въ православіи. Ученики, при поступленіи въ школу, по словамъ учителя, не знаютъ по русски ни одного слова.

Школа министерская одноклассная, на ея содержаніе крестьяне вносятъ 85 р., земство даетъ 180 р., а Министерство Народнаго Просвѣщенія—300 рублей.

Учениковъ въ истекшемъ учебномъ году было въ школѣ 38, изъ нихъ окончило курсъ 16.

Школа ведется по системѣ Ильминскаго: курсъ 4-хъ лѣтъ, но отдѣленій только два—младшее и старшее, въ каждомъ обученіе продолжается два года и приемы и выпускъ учащихся бываютъ въ два года одинъ разъ. Такое подраздѣленіе необходимо, потому что въ инородческой школѣ учитель долженъ имѣть болѣе времени для разговора съ учащимися, чѣмъ въ русской. При трехъ отдѣленіяхъ, учитель для русскихъ разговорныхъ уроковъ съ каждымъ изъ нихъ

имѣть весьма мало времени, а безъ разговорныхъ уроковъ научить по-русски очевидно нельзя.

Иностранческія дѣти въ большинствѣ случаевъ поступаютъ въ школу безъ всякаго знанія русскаго языка, а между тѣмъ на усвоеніе этого языка имъ дается только одинъ лишній годъ противъ учениковъ русскихъ школъ; усвоивъ языкъ, они должны пройти одинаковую съ русскими программу.

При такихъ условіяхъ, учителю невозможно вести одновременно три отдѣленія; при раздѣленіи же школы на два отдѣленія, съ приѣмомъ черезъ годъ, учитель имѣетъ одновременно на рукахъ лишь 2-е отдѣленія—въ первый годъ первое и третье, въ слѣдующій годъ второе и четвертое.

Въ виду этого, такое устройство принято въ большинствѣ школъ, которыя ведутся по системѣ Ильминскаго и имѣютъ лишь одного учителя. Въ отношеніи преподаванія, Р-скій учитель также придерживается этой системы.

Въ младшемъ отдѣленіи, т. е. въ первые два года, преподавательскій языкъ чувашскій, на 3-ій годъ обученія—преподавательскій языкъ смѣшанный—русскій и чувашскій, а въ послѣдній годъ преподавательскій языкъ русскій.

Ученики, при поступленіи въ школу, учатся читать по-чувашски, по азбука русская, приспособленная къ фонетикѣ чувашскаго языка путемъ небольшихъ измѣненій.

Когда дѣтми усвоена грамотность на чувашскомъ языкѣ, переходъ къ русской грамотности дается имъ легко, такъ какъ азбука одна и та же. Однако уроки русскаго языка начинаются раньше русской грамоты. Р-скій учитель начинаетъ съ учениками маленькіе русскіе разговорные уроки черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ поступленія въ школу, а русскую книгу ученики начали читать въ концѣ перваго года.

По-чувашски они читаютъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, сначала букварь, потомъ священную исторію, но уроки иностранческаго

языка постепенно уменьшаются, уступая мѣсто урокамъ русскаго языка.

Законъ Божій учитель прочитывалъ по-чувашски, а священникъ (русскій) проходилъ по-русски.

Однако-же, по словамъ Р-скаго учителя, теперь выполненіе программы Ильминскаго встрѣчаетъ большія препятствія. Въ нынѣшнемъ году инспекторъ сталъ требовать, чтобъ инородческимъ языкомъ въ школахъ пользовались не болѣе одного года: «Что было, то прошло,» сказалъ при этомъ инспекторъ «теперь пошли другія требованія».

Не дѣбжая 15 верстъ до села Б., мы остановились въ большомъ селѣ С. Б., гдѣ много лѣтъ служилъ священникомъ о. Баратынскій, бывшій сначала противникомъ, а затѣмъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Ильминскаго.

Мы заѣхали къ волостному старшинѣ Алексѣю Капитоновичу Сусанину, человѣку выдающемуся по уму и развитію.

Родомъ онъ изъ Костромской губерніи, изъ села Коробова, потомокъ Ивана Сусанина; въ дѣтствѣ былъ сосланъ сюда съ отцомъ и другими семьями, за склонность къ сектанству. Теперь онъ уже старикъ, весьма почтеннаго вида, съ окладистой, сѣдѣющей бородой и уже 20 лѣтъ состоитъ въ С. Б. старшиной.

Онъ принялъ насъ очень любезно и радушно угостилъ насъ чаемъ.

Я съ нимъ разговорила и была поражена его бесѣдой. Его разсужденія показывали глубокое пониманіе современнаго положенія крестьянъ и русскаго государства вообще. Алексѣй Капитоновичъ защищаетъ инородческое духовенство и считаетъ его для народа полезнѣе русскаго, такъ какъ оно къ народу ближе. Онъ говоритъ, что лѣтъ 30 тому назадъ въ краѣ было сплошное язычество, а теперь полная перемѣна

подъ вліяніемъ инородческой школы, инородческой книги и инородческаго духовенства.

«Иванъ Яковлевичъ вывелъ нашъ край изъ язычества къ свѣту», сказалъ онъ, указывая на моего спутника.

Сусанинъ находить, что инородческое духовенство безъ всякаго сравненія лучше русскаго. «Мы не знаемъ ни одного нетрезваго чувашскаго священника», сказалъ онъ, «а русскихъ священниковъ спившихся знаемъ много. Да и жадность у русскихъ священниковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у чувашскихъ, хотя къ сожалѣнію и чувашскіе священники начали учиться—этому у русскихъ».

«Бывали случаи, что русскіе священники жаловались архіерею на безсеребрянность чувашскихъ священниковъ, потому что они, жалтя своихъ прихожанъ, дешево берутъ съ нихъ за требы и этимъ «сбиваютъ» доходы.

«Инородческіе священники гораздо ближе къ народу. Вотъ малоземельные крестьяне очень нуждаются въ землѣ; тамъ продавалась земля, крестьянамъ очень хотѣлось ее купить, но управляющій имъ не продавалъ. Русскій священникъ этого села дружилъ съ управляющимъ и могъ-бы помочь дѣлу, но онъ ничѣмъ крестьянамъ не пособіествовалъ.

«Когда же К—скіе крестьяне захотѣли купить землю, — ихъ священникъ—чувашинъ—отецъ Г. А. даже тропку проторилъ къ управляющему, хлопоча о своихъ прихожанахъ, и добился для нихъ покупки земли.

«Нападки на инородческое духовенство—ложь», внушительно сказалъ Сусанинъ, въ заключеніе бесѣды.

Въ виду краткости времени, которое я провела въ С. Б., я успѣла въ бесѣдѣ съ Сусанинымъ коснуться лишь немногихъ вопросовъ. Но я вступила съ нимъ въ переписку и получила отъ него нѣсколько чрезвычайно интересныхъ писемъ. Я не помѣщаю ихъ здѣсь потому, что они касаются общихъ бытовыхъ вопросовъ, а не инородческихъ.

VI.

Мы приѣхали въ К. поздно вечеромъ и заѣхали ночевать къ священнику—чувашиану отцу Г. А., бывшему воспитаннику Симбирской чувашской школы, человѣку очень симпатичному, но къ сожалѣнію, болѣзненному.

На слѣдующій день—было воскресенье. Въ 8-мъ часу утра заблагоговѣстили къ обѣднѣ. Служба совершается на двухъ языкахъ, на славянскомъ и чувашскомъ, преимущественно на послѣднемъ. Хоръ дружно возглашалъ: «эй Тура, сырлахъ» (Господи помилуй), слова знакомыя мнѣ уже нѣсколько лѣтъ и слышанныя мной въ первый разъ въ Самарской губерніи въ сельской чувашской школѣ.

Народу въ церкви было немного, такъ какъ было время уборки хлѣба. Всѣ стояли очень благоговѣйно, даже дѣти: мальчики рядами стояли направо, дѣвочки нѣтъ, никто изъ нихъ не шалилъ, не убѣгалъ, порядокъ полный.

Послѣ обѣдни я говорила объ этомъ съ И. Я. Яковлевымъ. Онъ подтвердилъ замѣченное мною обстоятельство, что инородцы держать себя въ церкви гораздо лучше и сознательнѣе русскихъ, что у инородцевъ во время богослужения не бываетъ ни шалостей, ни разговоровъ.

Приходъ села К. большой: онъ состоитъ изъ села и двухъ деревень, всѣ заселены чувашами.

Дворовъ Мужчинъ Женщинъ

въ К. 185 572 555.

въ Ч. 112 373 367.

въ Т. 47 158 167.

въ приходѣ 344 1103 1089.

Училищъ въ К. два: мужское двухклассное министерское училище и женское одноклассное министерское училище. Въ первомъ 2 учителя изъ Симбирской чувашской школы, во второмъ 1 учительница оттуда-же. Всѣ получаютъ жалованья по 360 рублей.

Число учениковъ въ мужскомъ училищѣ:

I классъ младшее отдѣленіе	— 33.	} 57.
старшее отдѣленіе	— 24.	
II классъ мальчиковъ	— 18.	} 27.
дѣвочекъ	— 9.	

84 всего.

Число ученицъ въ женскомъ училищѣ:

младшее отдѣленіе	— 23.	} 38.
старшее отдѣленіе	— 15.	

На содержаніе этихъ училищъ, село К. и деревня Ч. платятъ по 89 копѣекъ въ годъ съ ревизской души; а остальные селенія волости платятъ по 60 коп.

Школы ведутся по системѣ Ильминскаго, курсъ перваго класса 4-хъ лѣтній, приемъ въ два года разъ.

Изъ церкви я пошла прямо въ мужское училище, гдѣ по моей просьбѣ собралось довольно большое количество учениковъ и ученицъ изъ обѣихъ школъ. Съ помощью священника и учителя я произвела небольшой экзаменъ. Онъ начался съ дружнаго пѣнія молитвъ всѣми наличными учениками и ученицами на чувашскомъ и славянскомъ языкахъ. Это пѣніе глубоко поразило меня своей мелодичностью и задушевностью. Я знала и прежде, что чуваша очень музыкальны, и здѣсь могла еще разъ въ этомъ убѣдиться.

Воспоминаніе объ этомъ пѣніи осталось живо въ моей памяти: вижу передъ собой обширный классъ, ряды черныхъ

партъ, на которыхъ сидятъ группами учащіеся, налѣво старшія отдѣленія обѣихъ школъ, по срединѣ дѣвочки младшаго отдѣленія, направо такіе-же мальчики.

Отецъ Г. А. говоритъ имъ по-чувашски нѣсколько словъ, всѣ тѣснѣе присаживаются другъ къ другу, и, на лету схвативъ заданный тонъ, громко начинаютъ пѣть. Отецъ Г. А. стоитъ передъ ними и регентуетъ: его блѣдное болѣзненное лицо одушевляется, въ темныхъ глазахъ зажигается огонекъ, худыя руки плавно отмѣчаютъ тактъ и вся его фигура проникается какимъ то особымъ вдохновеніемъ. Ученики и ученицы, поднявши головенки, смотрятъ прямо ему въ лицо и поютъ изо всѣхъ силъ; но хоръ выходитъ не крикливый, хотя и звонкій, и я слушаю съ такимъ удовольствіемъ, что долго не рѣшаюсь остановить пѣвцовъ, чтобъ приступить къ экзамену.

Дѣвочки младшаго отдѣленія, проучившіяся одинъ годъ, едва понимаютъ по-русски, но читаютъ хорошо и по-чувашски и по-русски.

Дѣвочки, проучившіяся три года, понимаютъ по-русски очень хорошо. Пишутъ всѣ вполне удовлетворительно.

Мальчики въ общемъ по своимъ знаніямъ ниже дѣвочекъ, мнѣ это объяснили тѣмъ, что учитель мужской школы новый, учить только первый годъ и потому неопытенъ.

Я спросила отца Г. А., какъ онъ ведетъ преподаваніе Закона Божія. Онъ объяснилъ мнѣ, что по Закону Божию первые 3 года школьнаго обученія употребляются на воспитаніе учащихся, на ихъ общее развитіе и усвоеніе ими религіозно-нравственныхъ понятій, съ 4-го же года обращается большее вниманіе на усвоеніе Закона Божія на русскомъ языкѣ. По другимъ предметамъ, центръ тяжести переносится на развитіе знанія русскаго языка уже съ 3-го года обученія. По словамъ отца Г. А., инспекторъ народныхъ школъ Ядринскаго

уѣзда безусловно запрещаетъ въ инородческихъ школахъ употребленіе инородческаго языка.

Рядомъ съ зданіями школъ находится помѣстительный новый домъ для столярной ремесленной мастерской, учрежденной въ К. заботами И. Я. Яковлева, который всячески старается поднять образовательный уровень своей родины.

Я навѣстила ту семью, въ которой Иванъ Яковлевичъ воспитывался въ дѣтствѣ. Слѣпая старушка, сидѣвшая на нарахъ, рассказала, что она главнымъ образомъ объ немъ заботилась. Эта семья живетъ очень хорошо, изба у нихъ большая и чистая, въ нѣсколько комнатъ, и они видимо гордятся, что изъ ихъ дома выйдетъ человѣкъ, пользующійся такой большой извѣстностью.

Я зашла и въ нѣсколько другихъ домовъ. Общій видъ села К. зажиточный, хотя попадаются кое-гдѣ и курныя избы. Посѣтивъ нѣсколько домовъ, хозяева которыхъ неграмотные, я зашла въ избу, принадлежащую грамотному домохозяину и была поражена, насколько обстановка здѣсь культурнѣе. Отецъ Г. А. объяснилъ мнѣ, что пока грамотные крестьяне еще не находятся во главѣ семьи, они не могутъ измѣнить условій ея быта; когда же эти грамотные дѣлаются домохозяевами, то въ домѣ сразу замѣчаются перемѣны.

Отецъ Г. А. окончилъ курсъ въ Симбирской школѣ, затѣмъ былъ тамъ учителемъ въ теченіе 5 лѣтъ, а теперь уже около 10 лѣтъ состоитъ священникомъ въ К.

VII.

Я встрѣтила у о. Т. другого священника, отца К. П. чувашенина, бывшаго воспитанника Симбирской учительской школы, послѣ года учительства въ сельской школѣ, поступившаго въ 4-ый классъ Симбирской духовной семинаріи, въ которой онъ и окончилъ курсъ. Послѣ этого отецъ К. былъ

въ теченіе 5 лѣтъ сельскимъ священникомъ, потомъ овдовѣль и поступилъ въ Казанскую духовную академію. Съ прошлаго года онъ служитъ законоучителемъ въ одномъ среднемъ учебномъ заведеніи и принимаетъ участіе въ переводахъ на чувашскій языкъ. Онъ человѣкъ очень образованный, авторъ нѣсколькихъ въ высшей степени интересныхъ статей объ инородческомъ вопросѣ.

Также, какъ и другіе инородцы—воспитанники духовной семинаріи, онъ съ грустью вспоминаетъ о годахъ ученія въ этомъ учебномъ заведеніи.

По его словамъ, чувашамъ тамъ приходилось жутко. Русскіе семинаристы, при ихъ поступленіи, требовали отъ нихъ денегъ на выпивку. Чуваша были безъ денегъ и не могли ничего дать, да и боялись дать. За это русскіе товарищи перестали съ ними здороваться и стали ихъ всячески притѣснять.

Я спросила отца К. о томъ, много ли русскихъ священниковъ знаютъ чувашскій языкъ.

«Русскому священнику трудно усвоить чувашскій выговоръ», отвѣтилъ отецъ К., «въ чувашскомъ языкѣ есть слова, которыя отъ различія выговора совершенно измѣняютъ свое значеніе».

Напримѣръ, одинъ русскій священникъ, который слылъ знатокомъ чувашскаго языка и считалъ себя миссіонеромъ, говорилъ проповѣдь въ началѣ поста. Онъ хотѣлъ сказать по чувашски: «будемъ говорить о томъ, какъ соблюдать постъ», но вмѣсто того, чтобъ сказать «типе тытасси», сказалъ «тзеце (тибе) тытасси». Типе—постъ, тытасси—водить, ловить, держать. Тзеце—(тибе)—цыплянокъ.

И вышло, что вмѣсто фразы «будетъ говорить о томъ, какъ соблюдать постъ», онъ сказалъ, «будемъ говорить о томъ, какъ водить цыплятъ».

Отецъ К. рассказалъ, что бывшій Симбирскій архіерей

сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ клировыхъ вѣдомостяхъ отмѣчалось, кто изъ причта знаетъ инородческій языкъ; это распоряженіе было понято въ томъ смыслѣ, чтобы возможно больше русскихъ священниковъ было отмѣчаемо знающими инородческій языкъ.

Тогда русскіе священники, освѣдомленные о несочувствіи владыки къ инородцамъ, стали записывать, что они владѣютъ инородческимъ языкомъ, даже если знали всего какихъ-нибудь 10 словъ по-чувашски. Изъ всѣхъ русскихъ священниковъ, которые съ самаго начала живутъ въ чувашскихъ приходахъ, только двое по словамъ о. К. дѣйствительно знаютъ чувашскій языкъ. Но въ силу вышеизложеннаго обстоятельства, въ чувашскіе приходы стали попадать многіе русскіе священники безъ всякаго знанія чувашскаго языка.

Въ чувашскіе приходы посылались такіе священники, которые завѣдомо не знали по-чувашски, но формально числились знающими.

Въ деревнѣ С. (Буинскаго уѣзда) чуваши ждали пріѣзда архіерея: тогда, по разсказу мѣстнаго жителя, приходскій священникъ, который былъ изъ русскихъ, пріѣхалъ въ деревню С. просить прихожанъ, чтобы они сказали владыкѣ, что они понимаютъ славянскую службу и не желаютъ богослуженія на чувашскомъ языкѣ.

Вообще, по мнѣнію о. К., если гдѣ чуваши просятъ о славянскомъ богослуженіи, то или подъ чѣмъ-нибудь давленіемъ, или изъ угодливости тому русскому, который ихъ спрашиваетъ, или вслѣдствіе того, что они не слыхали богослуженія на родномъ языкѣ. Есть лишь очень немногія мѣстности, гдѣ чувашскія селенія разсѣяны между русскими и такъ обрусѣли, что переняли русскій языкъ, русскій костюмъ, и понимаютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Приведенный выше разсказъ о желаніи жителей деревни С. имѣть славянское богослуженіе, былъ мнѣ переданъ болѣе

подробно и другимъ чувашскимъ священникомъ, котораго я встрѣтила въ ту-же поѣздку.

Онъ разсказалъ мнѣ объ этомъ случаѣ слѣдующими словами: «Русскій приходскій священникъ подговорилъ С—скихъ прихожанъ сказать владыкѣ, что они прекрасно говорятъ по-русски. Самъ священникъ не зналъ чувашскаго языка и служилъ по-славянски.

«Когда преосвященный пріѣхалъ въ С. и сталъ раздавать чувашскія книги, тогда нѣсколько чувашъ, заранѣе подготовленныхъ священникомъ, преимущественно изъ солдатъ, сказали владыкѣ: «намъ не нужно чувашскихъ книгъ, мы хорошо говоримъ по-русски». Владыка повѣрилъ и послѣ говорилъ другимъ инородческимъ священникамъ, что С—скіе чувашіи совсѣмъ обрусѣли.

«Съ этого времени всѣ чувашіи этой мѣстности официально стали считаться обрусѣлыми.

«На самомъ же дѣлѣ они еще совсѣмъ не обрусѣли: женщины совсѣмъ по-русски не говорятъ, образъ жизни и образъ мыслей всего населенія совершенно языческіе по сіе время народъ совершаетъ языческія моленія, закалываетъ быковъ, барачовъ, иногда лошадей. Чувашіи, другихъ деревень, строго соблюдающіе предписанія православной церкви, жалуются своему чувашскому батюшкѣ и говорятъ: «вотъ С—скіе считаются обрусѣлыми и мужчины говорятъ по-русски, а между тѣмъ они съ особымъ рвеніемъ совершаютъ всѣ чувашскія моленія, всѣ чувашскіе обряды, и священникъ имъ не препятствуетъ. А вотъ ты намъ говоришь, что нельзя совершать моленія».

«Это попустительство нѣкоторыхъ русскихъ священниковъ всегда для чувашъ самое больное мѣсто. Они указываютъ, что русскій священникъ не препятствуетъ языческимъ моленіямъ, позволяетъ ихъ совершать, стало быть, это не дурно; поэтому имъ непонятно, почему чувашскіе священники — враги

старинныхъ обычаевъ и стараются ихъ выводить, между тѣмъ какъ они должны бы имъ покровительствовать. Русскіе священники потому не борятся съ языческими обычаями, что имъ все равно. Для нихъ «грязный чувашинъ» ничего не значитъ, до его души имъ и дѣла нѣтъ», сказалъ въ заключеніе мой собесѣдникъ, и въ его голосѣ звучала горечь.

«Вотъ и къ намъ русскіе священники относятся презрительно», прибавилъ онъ потомъ, «разъ мнѣ нужно было вѣнчать; невѣста было изъ С—скаго прихода и я послалъ ее къ приходскому священнику для полученія предбрачнаго свидѣтельства.

«Когда женихъ принесъ свидѣтельство, я замѣтилъ, что на немъ значится, что невѣста состоятъ съ женихомъ въ 4-ой степени родства; я ему сказалъ, что при такихъ условіяхъ вѣнчать нельзя, но женихъ возразилъ, что С—скій священникъ выдавая ему это свидѣтельство, сказалъ: «ну, чувашки повѣнчаютъ».

VIII.

Изъ К. намъ предстояло проѣхать верстѣ 50 или 60 до села Р. Путь нашъ шелъ черезъ Буинскъ, гдѣ намъ пришлось перемѣнить лошадей. Буинскъ жалкій городишко, похожій на большое село, но за нимъ тянется холмистая, живописная мѣстность.

Р—скій священникъ, отецъ М., чувашинъ и бывшій воспитанникъ Симбирской чувашской школы, человѣкъ умный и живой. На мои вопросы о положеніи инородческаго дѣла, онъ отвѣтилъ цѣлой бесѣдой, увлекательной по своей жизненности и по той искренности, съ которой о. М. говорилъ. Выписываю наиболѣе интересныя мѣста. «Въ 6—7 верстахъ отъ Буинска есть чувашскія деревни, которыя принадлежали къ городскому приходу», повѣтствовалъ отецъ М. «Этими деревнями завѣдывалъ русскій городской протоіерей. Между тѣмъ эти чувашки

совѣмъ не обрусѣли, а находятся подъ мусульманскимъ вліаніемъ, потому что въ окрестностяхъ много мусульманскихъ деревень. Чуваши деревень Т. А. и Ч. (изъ тѣхъ, о которыхъ говорено выше) празднуютъ пятницу вмѣсто воскресенія, брѣютъ усы по-татарски и до недавняго времени содержали уразу и на смерть напутствовали по-мусульманскому обряду. Деревня С. считается населенной чувашами—христіанами, а между тѣмъ всѣ обычаи и вся внѣшняя обстановка жителей магометанская, народъ соблюдаетъ уразу, входитъ тайно въ мечеть, совершаетъ мусульманскія омовенія.

«Если ихъ обрусить по способу, который предпочитаетъ нашъ городской протоіерей, т. е. посредствомъ миссіонеровъ, то они скоро отпадутъ, и тогда будутъ обязательно врагами не только—церкви, но и государства.

«Весь Буинскъ это знаетъ. О. протоіерей исходатайствовалъ себя третьяго священника—ученаго миссіонера, который прошелъ—миссіонерскіе курсы, но ни по-татарски, ни по чувашски не говорить, и поэтому не можетъ имѣть на народъ никакого вліанія.

«Бухгалтеръ въ управленіи разъ сказалъ, что владыкѣ надо-бы полюбоваться С-скими христіанами и непременно у нихъ побывать. У нихъ костюмъ чисто-татарскій, направленіе враждебное къ христіанству, хотя по русски они говорятъ не хуже другихъ чувашъ, а пожалуй и лучше.

«Если владыка дѣйствительно относится къ инородцамъ сердечно (владыка недавно переведенъ въ эту епархію) и желаетъ ихъ обрусѣнія не только въ костюмѣ, но обрусѣнія ихъ душъ и мыслей, то онъ обратитъ вниманіе на С.

«Татары въ нашихъ мѣстностяхъ имѣютъ очень сильное вліаніе. Вотъ нашъ старшина—татаринъ. Въ волости $\frac{2}{3}$ христіанъ: русскихъ и чувашъ, поэтому по закону старшина долженъ быть христіаниномъ, а между тѣмъ онъ магомета-

нинъ; $\frac{1}{3}$ татаръ руководить—всей волостью, съ ними не могутъ сладить русскіе, а тѣмъ болѣе чувашіи.

«Татары всѣ солидарны и очень сплочены между собой, они считаютъ себя призванными главенствовать и обязанными защищаться отъ русскихъ.

«Разъ волостной ямщикъ мусульманинъ отказался меня везти, хотя ѣхать мнѣ нужно было только за одну версту, но ямщикъ сказалъ, что онъ не обязанъ везти русскаго попа. Я обратился къ старшинѣ, но тотъ остался равнодушнымъ и очень слабо уговаривалъ ямщика.

«Русскіе сами поддерживаютъ въ мусульманахъ это сознаніе своего превосходства; когда къ чиновнику—интеллигентному русскому человѣку, занимающему извѣстное положеніе, приходитъ въ шелковомъ халатѣ и чалмѣ ахунъ, который чувствуетъ, что, онъ оказываетъ честь русскому тѣмъ, что пришелъ, то русскій интеллигентъ сажаетъ его любезно. А если къ нему придетъ священникъ, особенно инородческій, то онъ его и не посадить, и, большей частью, даже руки ему не подастъ.

«Русскій языкъ въ рукахъ неправославныхъ христіанъ очень опасное оружіе, такъ какъ даетъ имъ средство становиться выше крещеныхъ инородцевъ и тѣснить ихъ. Поэтому слѣдуетъ больше всего стараться о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ; за христіанствомъ всегда идетъ патріотизмъ, обязательно, нераздѣльно, такъ что оба они составляютъ двѣ нераздѣлимые духовныя силы.

«Въ Р-скомъ приходѣ лѣтъ 10 служатъ священники чувашіи; и вотъ тамъ въ деревнѣ А., подъ вліяніемъ священниковъ и учителей изъ чувашъ, обнаружился сильный поворотъ въ сторону христіанства и русскаго патріотизма. А въ деревнѣ Т., которая въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ А., и которой вѣдали русскіе священники, христіанскаго вліянія и русскаго духа совсѣмъ мало. Теперь тамъ 4-ый годъ школы, но лишь 2-ой

годъ тамъ учитель—чувашииъ изъ Казанской учительской семинаріи, человѣкъ съ сознаніемъ; онъ борется, но жалуется,— что очень трудно что-либо сдѣлать безъ поддержки священника.

«Меня изумляетъ, что въ Петербургѣ могутъ говорить о сепаратизмѣ чувашъ. Если такъ скажетъ какой-либо русскій сельскій священникъ, то еще понятно, такъ какъ, говоря подобное, онъ прикрываетъ свою бездѣтельность и свое бессиліе. Но меня весьма удивляетъ, что серьезные люди могутъ говорить такую чушь!

«Вѣдь всѣмъ извѣстно, что у чувашъ нѣтъ исторіи, что они только недавно стали сознавать себя людьми, именно съ тѣхъ поръ, какъ стали чувствовать себя христіанами, которые передъ очами Божиими могутъ стать рядомъ съ другими людьми. А такъ какъ христіанство чуваша получили отъ русскихъ, то у нихъ вмѣстѣ съ нимъ является довѣріе, а затѣмъ и любовь къ русскимъ людямъ. Чуваша начинаютъ понимать, что русскіе, давая имъ христіанство, желаютъ имъ добра: поэтому у нихъ является и любовь ко всему русскому, до мелочей.

«Чувашииъ—если онъ искренній христіанинъ, сознаетъ себя вполне русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ сыномъ отечества. А татары-мусульмане твердятъ чувашамъ, что они не русскіе, а чуваша.

«У чувашъ съ христіанствомъ вырабатывается благоговѣніе къ верховной монаршей власти. У нихъ есть поговорка: «такъ угодно Богу и Царю».

«Мои прихожане очень интересуются войной, берутъ у меня газеты, очень желаютъ побѣды «нашимъ». Они не говорятъ «побѣды—русскимъ, а «побѣды нашимъ»—своимъ, собственнымъ. Прежде чуваша говорили «русскіе», точно отдѣляли себя отъ нихъ, а теперь говорятъ про русскихъ «пиррениземъ хаммерниземъ», наши, свои.

«Чуваши азартно спорятъ о войнѣ съ татарами и приходятъ жаловаться: «что-бы дѣлать съ этими татарами, все не то говорятъ, что слѣдуетъ».

«А нѣкоторые татары радуются успѣхамъ японцевъ и ждутъ ихъ къ себѣ сюда.

«Весной два здѣшнихъ пильщика были въ С. и прибѣжали назадъ домой, не докончивъ своей работы, потому что С—скіе татары говорили, а за ними и отатарившіеся чуваша повторяли, что японцы уже недалеко, и что скоро наступитъ время справляться съ гяурами.

«Народъ всполошился, и мнѣ пришлось съ церковной кафедрой разъяснить, что мусульманамъ нечего радоваться успѣхамъ японцевъ, потому что японцы не мусульмане, а язычники, и еще неизвѣстно, примутъ ли они мусульманство.

«А когда я въ церкви рассказывалъ чувашамъ объ епископѣ Николаѣ, который остался ради Христа въ Японіи, то они плакали отъ умиленія. Они тоже плакали на панихидѣ по адмиралѣ Макаровѣ.

«Я служилъ 13 лѣтъ учителемъ въ Уфимской губерніи въ Стерлитамакскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ, видѣлъ мусульманскую пропаганду среди чувашъ.

«Тамъ куда! Тамъ чуваша совсѣмъ не чувствуютъ себя русскими подданными, а считаютъ татаръ главными. Тамъ даже русскіе переселенцы чувствуютъ себя забытыми татарами. Если тамъ чуваша не будутъ поддѣлываться подъ татаръ, то имъ не будетъ житья.

«Каждый мусульманинъ — пропагандистъ и считаетъ своей священной обязанностью проповѣдывать исламъ. Ярые враги дѣлаются друзьями, если затронута честь ислама.

«Чтобъ заслужить уваженіе магометанъ, надо показать имъ, что знаешь коранъ, знаешь духъ ислама и его силу.

«Поэтому надо относиться осторожно къ магометанству, что-

бы не раздражать бесполезно народъ, а не дѣлать, какъ наши ученые миссіонеры. Напримѣръ, въ Буинскѣ миссіонеръ, который ѣздитъ въ С., всегда бранить магометанскую вѣру, этимъ возбуждаетъ противъ себя мусульманъ, и они еще горячѣе пропагандируютъ. Надо о магометанствѣ и язычествѣ говорить съ уваженіемъ, только тогда магометане и язычники будутъ слушать. Если имъ говорить: «вотъ вы дураки и отцы ваши были дураки», то они только сердятся. А надо говорить: «предки ваши были правы, но теперь Христосъ пришелъ и жертвы больше не нужны; и если за нихъ теперь стоять, то это уже упрямство, непокорность волѣ Божіей.

«Только не сразу это открылось, а теперь пришло время и чувашамъ присоединиться къ единому стаду.»

IX.

«А знаете ли почему чувашаи прежде признавали себя отдѣльными отъ русскихъ, не питали къ нимъ довѣрія и любви?» Спросилъ меня о. М., и тутъ же добавилъ: «это потому, что они не знали вѣры, не знали и духа русскаго, не знали тѣхъ идей, которыми—они руководствовались относительно мелкихъ племенъ. Надо имъ говорить, что русскіе и прежде старались просвѣтить чувашъ, но не нападали на вѣрное средство. Теперь же найдено вѣрное средство—языкъ, на которомъ чело-вѣкъ говорить съ младенчества и который дѣйствуетъ на его душу. Только при помощи этого языка чувашенину можно узнать и русскій языкъ, а такъ какъ языкъ есть зеркало души, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ и русскаго чело-вѣка.

«Разъ одинъ русскій священникъ упрекнулъ меня въ томъ, что я будто бы хлопочу о чувашскомъ языкѣ ради чувашской обособленности. Я ему отвѣтилъ: «это еще вопросъ, кто изъ насъ лучше любить Россію—вы или я? Вы въ царскій день

едва молебень служите шиворотъ навыворотъ, а я ни одного царскаго дня не пропущу безъ принесенія безкровной жертвы. Мои чуваша въ царскіе дни всѣ развѣшиваютъ флаги, или платки, а ваши чуваша почему этого не дѣлаютъ? Еслибъ вы любили Россію какъ я, то старались бы выучиться сами чувашскому языку, чтобъ чувашъ просвѣтить и приблизить къ русскимъ».

«Этотъ русскій священникъ былъ очень хорошій человекъ, онъ не только не разсердился на меня за мои слова, но мы даже послѣ этого стали друзьями.

«При бывшемъ Симбирскомъ архіереѣ школы были поставлены въ такомъ направленіи, что неопытнымъ учителямъ не было возможности пользоваться инородческимъ языкомъ. Только учителя старшіе и болѣе развитые могли поставить дѣло по своему.

«Я очень хорошаго мнѣнія объ учителяхъ изъ Казанской учительской семинаріи; тамъ краеугольный камень, и Николай Алексѣевичъ прямой наслѣдникъ Николая Ивановича и все ведетъ, какъ онъ установилъ съ миссіонерскимъ и истинно-христіанскимъ направленіемъ. Выходящіе оттуда учителя имѣютъ миссіонерское направленіе, а когда попадаютъ въ мусульманскіе центры, начинаютъ понимать еще яснѣе необходимость миссіонерскаго направленія и этотъ духъ у нихъ разгорается въ пламя.

«Изъ Бирской учительской школы выходятъ учителя совершенно легкомысленные, безъ всякаго христіанскаго направленія, поэтому у нихъ нѣтъ миссіонерскаго духа.

«Когда я кончилъ курсъ въ Симбирской учительской школѣ, (это было въ 1882 году) во мнѣ еще мало было сознательнаго развитія, но въ школѣ въ меня вложили сильную еще не вполне сознательную любовь ко Христу, къ христіанству, а слѣдовательно и ко всему русскому.

«Я поѣхалъ учителемъ въ Уфимскую губернію и взялъ съ собою первыя книжечки, отдѣльныя Евангелія отъ Маттея и Іоанна—первыя труды Ивана Яковлевича.

«Я попалъ сначала въ деревню Т., Стерлитамакскаго уѣзда, гдѣ было сильное вліяніе мусульманства, и я не могъ видѣть это равнодушно. Я сталъ читать Евангеліе по домамъ и школу велъ на инородческомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ жителей деревни стали сильно проникаться христіанствомъ и стали терпѣть оскорбленія отъ язычествующихъ и магометанствующихъ односельчанъ.

«Я жилъ тамъ 6 лѣтъ и чуваша, которые вначалѣ встрѣтили меня очень недружелюбно, при моемъ отъѣздѣ провожали меня, какъ родного.

«Послѣ меня учителемъ былъ ученикъ Бирской школы; онъ былъ пьяница, по чувашски не умѣлъ читать. Прямое учебное дѣло онъ велъ лучше меня, его ученики лучше говорили по-русски, но это былъ цвѣтокъ безъ запаха, никакого вліянія этотъ учитель не имѣлъ; народъ надъ нимъ смѣялся. Онъ былъ чувашинъ, но не умѣлъ по чувашски ни пѣть, ни говорить.

«Черезъ 6 лѣтъ я опять ѣздилъ туда и увидѣлъ, что за это время христіанское развитіе деревни нисколько не подвинулось.

«Вотъ у меня въ А. есть чувашинъ Михаилъ. Онъ никакого не имѣетъ развитія, въ школѣ поучился маленечко, потомъ дома учился, читаетъ по чувашски хорошо, а писать плохо и по русски едва-ли читаетъ.

«И другой тамъ есть—Петръ Андреевъ—такой-же. По русски они мало говорятъ.

«А между тѣмъ они замѣчательные патріоты, хоть куда ихъ поставь! Они сдѣлались такими, благодаря чувашскимъ книгамъ. Они истинно—русскіе люди, прочные, крѣпкіе, ихъ и татары боятся,—боятся съ ними связываться.

«Въ томъ же А. есть у меня чувашинъ Михаилъ Васильевичъ, который окончилъ курсъ въ прежней удѣльной русской школѣ и отлично читаетъ и говоритъ по русски, а между тѣмъ онъ совсѣмъ не патріотъ и всегда старается вздорить съ властью имущими людьми; онъ никогда добра не дѣлаетъ, очень плохой христіанинъ. Онъ богатый человѣкъ, а когда дѣлали сборъ на красный крестъ, ничего не далъ, сказалъ: «пустъ дають другіе».

«Въ моемъ приходѣ есть и другой чувашинъ, Тимофей М—ковъ, который окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и прекрасно говоритъ и пишетъ по русски. Но онъ ярый врагъ всего русскаго, стоитъ горой за языческія моленія, ни на какое доброе дѣло не способенъ, твердитъ, что чуваша должны оставаться чувашами, а надъ русскими насмѣхается.

«Вотъ это дѣйствіе вышшняго обрусѣнія. Патріотизмъ и истинная «русскость» можетъ привиться къ чувашамъ только черезъ *христіанство*. А христіанство можетъ проникнуть въ душу только черезъ посредство того языка, на которомъ говоришь съ дѣтства.

«Татары относятся очень недружелюбно къ тому, что чуваша крѣпнуть въ христіанствѣ, потому что, при своемъ знаніи татарскаго языка и татарской жизни, чуваша могутъ стать ихъ опасными врагами. Поэтому татары относятся къ инородческому духовенству съ особой ненавистью.

«Ш—скій священникъ, отецъ Ф. разъ встрѣтилъ у себя въ селѣ у татарскаго лавочника, С—скаго муллу.

«Мулла ему сказалъ: «Вы священники говорите, что русскіе не хотятъ насъ, татаръ крестить насильно и сдѣлать насъ русскими людьми, (у татаръ русскій — урус — бранное слово), а факты доказываютъ противоположное: зачѣмъ въ Буинскъ нужно было прислать третьяго священника — миссіонера? Зачѣмъ Р — скій священникъ усердно изучаетъ коранъ и вообще исламъ?»

«Видно, что хотѣть бороться съ исламомъ и насъ обра-
щать, хотя мы этого совсѣмъ не желаемъ. Стало быть съ
намъ нужно бороться. Но едва ли они могутъ что нибудь
съ нами подѣлать.»

«Въ Уфимской губерніи, въ 6 верстахъ отъ Т., гдѣ я былъ
учителемъ, есть, въ селеніи Стерлибашъ, большая мусульман-
ская медреса съ тремя тысячами учащихся. Тамъ открытъ
русскій классъ, но изъ 3000 учениковъ русскій классъ по-
сѣщаетъ только около 50 человѣкъ, а иногда и меньше.
Оканчивающіе тамъ курсъ дѣлаются муллами и уходятъ къ
башкирамъ и къ киргизамъ.

«Тамъ учится масса киргизятъ, и ихъ отцы пригоняютъ
туда цѣлыя табуны лошадей для пищи учениковъ и для по-
дарковъ учителямъ, изъ которыхъ первыми настоящими
считаются муллы—хазреты. Этихъ хазретовъ было въ 1890-хъ
годахъ три замѣчательныхъ брата.

«Стерлибашская медреса питается духомъ Бухары и нахо-
дится въ сношеніяхъ съ Стамбуломъ и Каиромъ.

«Разъ учитель русскаго класса, — татаринъ, чѣмъ-то (вѣ-
роятно отсутствіемъ фанатизма) не понравился хазрету, завѣ-
ствующему медресой. Хазретъ возстановилъ другихъ татаръ,
Стерлибашскихъ учителей, противъ этого учителя, такъ что
онъ не могъ выходить изъ дому, особенно ночью. Обидив-
шись на это, учитель пригрозилъ хазрету, что накажетъ его
за такія дѣйствія, но не сказалъ чѣмъ. А между тѣмъ,
разсчитывая, что хазретъ будетъ наказанъ, онъ донесъ Уфим-
ской полиціи, что у хазрета въ медресѣ употребляется масса
книгъ, недозволенныхъ цензурою и совершенно враждебныхъ
русскимъ началамъ. Но однако, когда явился жандармскій
полковникъ, то нашелъ только нѣсколько брошюръ не рус-
скаго изданія.

«Когда учитель недоумѣвалъ, куда дѣлись остальные книги,

хазретъ ему объяснилъ, что давно знаетъ о его донесеніи. Учитель вывелъ изъ этого, что сама полиція дава знаетъ хазрету о его доносахъ.

«Учитель послѣ этого вскорѣ заболѣлъ и умеръ. А онъ былъ человѣкъ очень дѣльный и съ русскимъ направле-ніемъ.

«Татары говорятъ, что если поднимется Китай, то конецъ будетъ русскимъ; они увѣряютъ, что въ Китай важныя должности заняты мусульманами.

«Сепаратизмъ — то вотъ гдѣ, у мусульманъ!» воскликнулъ — о. М., заканчивая свою долгую бесѣду.

Х.

Изъ Буинскаго уѣзда мы съ И. Я. Яковлевымъ направились въ Тетюшскій уѣздъ Казанской губерніи, чтобы на-вѣстить почтеннаго и заслуженнаго священника отца Р.

Село Б. въ которомъ состоитъ священникомъ о. Р., расположено на одной сторонѣ широкой зеленой долины. По ту ея сторону тянется цѣлый рядъ мусульманскихъ деревень, надъ каждой изъ которыхъ возвышается тонкій шпиль мечети; глазъ сразу охватываетъ ихъ пять или шесть. Этотъ первый взглядъ на мѣстность сразу вводитъ въ исторію села Б. и объясняетъ его особое положеніе.

Отецъ Р. — чувашинъ, родомъ изъ села Е., родственникъ и первый ученикъ И. Я. Яковлева.

Онъ разсказалъ мнѣ свою автобіографію слѣдующимъ образомъ: «по окончаніи сельской школы я жилъ дома 7 лѣтъ, потомъ увидѣлся съ Иваномъ Яковлевичемъ, во время его пріѣзда на родину, и онъ предложилъ мнѣ пріѣхать къ нему. Мнѣ было 19 лѣтъ. Я уѣхалъ изъ дому въ Симбирскъ къ Ивану Яковлевичу. Онъ меня помѣстилъ въ уѣздное училище

и содержалъ на свой счетъ. Жили мы въ квартирѣ Раевскихъ.

«Къ веснѣ Иванъ Яковлевичъ досталъ еще одного чувашленка, съ которымъ занимался самъ и занималась барышня Глазова. Но этого мальчика родители увезли.

«Осенью пріѣхали другіе мальчики—человѣка 3—4. Иванъ Яковлевичъ для насъ нанялъ квартиру; онъ давалъ своихъ денегъ и сталъ просить для насъ помощи отъ Буинскаго земства; собирали деньги и по частной подпискѣ.

«Иванъ Яковлевичъ учился въ гимназій и давалъ частные уроки. Всѣхъ мальчиковъ и вновь прибывшихъ, онъ помѣстилъ въ уѣздное училище; изъ первыхъ учениковъ его были и мордва, и русскіе. Иванъ Яковлевичъ за всѣхъ хлопоталъ. Все это онъ дѣлалъ изъ любви къ народу, какъ самъ вышелъ изъ народа.

«Когда онъ уѣхалъ въ университетъ въ Казань, то насъ стало уже около 10 человѣкъ; меня онъ оставилъ старшимъ.

«Тутъ уже гимназическая корпорація стала дѣлать подписку и помогать, помогало и земство.

«До знакомства съ Ильминскимъ Иванъ Яковлевичъ ничего не зналъ о его системѣ, но въ Казани онъ познакомился съ Ильминскимъ, который обратилъ его въ свою вѣру.

«Когда Иванъ Яковлевичъ вернулся изъ Казани въ Симбирскъ, онъ всю ночь мнѣ рассказывалъ про Ильминскаго, такъ онъ увлекся его системой. Онъ говорилъ: «христіанскимъ просвѣщеніемъ надо заниматься—вотъ что я узналъ у Ильминскаго».

«Съ этого дня онъ отказался отъ прежнихъ своихъ мнѣній, сталъ работать въ духѣ Ильминскаго и сталъ помышлять объ открытіи школы для чувашъ. Казанскій попечитель Шестаковъ сталъ помогать этому дѣлу, Министерство дало—300 р., и Ивану Яковлевичу удалось еще достать денегъ.

«Жили мы очень бѣдно, а годъ кончали дефицитомъ. У Ивана Яковлевича было 2 выигрышныхъ билета съ того времени, когда онъ былъ мѣрщикомъ; такъ мы постоянно ихъ закладывали то заложимъ, то выкупимъ. Много мы доставили Ивану Яковлевичу заботы и горя.

«Я кончилъ курсъ въ Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ. Помню, какъ одинъ разъ мнѣ поставили плохой балъ за поведеніе, потому что на меня прыгнулъ русскій мальчикъ со словами: «чувашская лопатка, будь моя лошадка», а я разсердился, стряхнулъ его и онъ больно ударился о косякъ.

«Я прошелъ и двухгодичные педагогическіе курсы при Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ. Затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ учителемъ въ С.-Т. земской чувашской школѣ, гдѣ я началъ примѣнять систему Ильминскаго.

«Эта школа была открыта въ 40-хъ годахъ Удѣльнымъ Вѣдомствомъ, потомъ всѣ эти удѣльныя школы перенесли въ земство.

«Преподаваніе (до меня) шло на русскомъ языкѣ, ученики обучались тамъ годовъ по шести и все-таки ничего не знали и послѣ окончанія курса, дѣлались, какъ-бы неграмотными.

«Учениковъ было мало; когда я поступилъ учителемъ, было 28 человѣкъ. Я сталъ примѣнять родной языкъ и, по соглашенію съ законоучителемъ, который не зналъ инородческаго языка, самъ занимался Закономъ Божіимъ.

«Учениковъ стало больше и они перестали избѣгать обученія.

«Въ первый же годъ членъ училищнаго совѣта далъ о моей школѣ прекрасный отзывъ и исходатайствовалъ мнѣ награду, а еще черезъ годъ моя школа числилась второй школой въ его районѣ. Я завелъ въ храмѣ чувашское пѣніе, и чувашани стали больше ходить въ церковь.

«Въ сентябрѣ 1874 года я поступилъ учителемъ начальной

чувашиской школы при Казанской учительской семинаріи и служилъ тамъ 8 лѣтъ. Тамъ я лично познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ и его системою. Но доставать дѣтей для этой школы было очень трудно; инородцы совсѣмъ не хотѣли учить дѣтей, приходилось объѣзжать селенія и выпрашивать дѣтей. Теперь же сами инородцы просятъ взять дѣтей, въ школу.

«Николай Ивановичъ былъ просто, доступенъ для всѣхъ, каждый лѣтъ къ нему, инородцевъ онъ любилъ; всякій языкъ развязывалъ... Являлись къ нему учителя братскихъ школъ, онъ всѣхъ спрашивалъ.

«Но Николаю Ивановичу часто некогда было вникать въ подробности, при немъ счета и отчеты учительской семинаріи были запутаны. Напримѣръ, онъ подарилъ мнѣ для моей школы 4 парты и я знаю, что онѣ не записаны въ расходъ. Вся эта путаница перешла къ Николаю Алексѣевичу Бобровникову, а теперь С. О. Спѣшковъ къ нему за это придирается.

«Николай Алексѣевичъ всегда работалъ съ Николаемъ Ивановичемъ, а особенно помогалъ ему въ послѣдніе годы его жизни, онъ тратилъ на семинарію собственные средства, заваленъ дѣломъ и работаетъ, какъ волъ; когда нужно что нибудь сдѣлать, онъ дѣлаетъ скоро, а многіе, которые любятъ тянуть, на это сердятся.

«Николай Алексѣевичъ и Иванъ Яковлевичъ главнымъ образомъ и тянутъ возъ Николая Ивановича, а ихъ всячески всё шпаряютъ, что не такъ везутъ.

«Я занимался переводами и корректурой чувашскихъ книгъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, который тогда въ началѣ былъ студентомъ. Мы это дѣлали подъ руководствомъ Николая Ивановича.

«25-го сентября 1881 года я поступилъ священникомъ въ село Б.

XI.

«Я теперь живу въ этомъ приходѣ 23 года», продолжалъ о. Р. «Когда я пріѣхалъ сюда, церковь пустовала, прихожане только именовались христіанами. Школъ во всемъ приходѣ не было ни одной; праздновали пятницу, исполняли языческіе обычаи, моленія и жертвоприношенія («учук» и «чук»).

«Въ Великій постъ приходилось наряжать прихожанъ говѣть черезъ сельскихъ властей; исполняли только обряды крещенія, вѣнчанія и похоронъ по привычкѣ, потому-что это прежде требовалось и исполнялось насильно, а затѣмъ вошло въ привычку. Грамотныхъ не было; церковь была маленькая, ветхая, холодная и построенная въ 1761 году для новокрещенныхъ тогда инородцевъ: въ первой половинѣ 18-го вѣка были массовыя крещенія по распоряженію Свіяжской новокрещенской канторы.

«По совѣту Николая Ивановича я въ первый-же годъ, 7-го ноября, открылъ въ своемъ селѣ братскую школу на свой счетъ. Николай Ивановичъ далъ для этой школы книгъ и партъ.

«Учитель былъ изъ Симбирской чувашской школы—М. Т.—нынѣ священникъ. Сначала въ эту школу поступали неохотно, учениковъ было 15, потомъ стали поступать охотно, потому что родной языкъ ихъ заинтересовалъ, началось пѣніе и чтеніе въ церкви.

«Потомъ въ приходской деревнѣ была открыта вторая братская школа на счетъ Братства Св. Гурія. Вотъ эти двѣ школы въ началѣ работали хорошо, помогали мнѣ: потомъ первая братская школа преобразовалась въ министерскую и на ея мѣсто открыта еще братская школа. Лѣтъ пять тому назадъ эти двѣ братскія школы преобразованы въ церковно-приходскія.

«Не смотря на это преобразование, я веду ихъ по-своему, то есть по системѣ Ильминскаго. Эти школы всецѣло висятъ на мнѣ, и я ихъ веду по-старому. Вообще въ братскихъ школахъ менѣе формальностей, а въ церковно-приходскихъ требуется выполнение программы. По учебной-же части результаты въ братскихъ школахъ достигаются не худшіе, иногда даже лучше, о чемъ свидѣтельствуетъ преосвященный Іоаннъ, который былъ предѣдителемъ братства и епархіальнаго училищнаго совѣта и ревизовалъ всѣ школы зимой 1892—1893 года.

«Подъ вліяніемъ школъ, въ Б. явилось много грамотныхъ, составилъ прекрасный церковный хоръ.

«Теперь по праздникамъ церковь полна народу, богослуженіе совершается иногда смѣшанное—на чувашскомъ и славянскомъ языкахъ, иногда цѣликомъ по-чувашски, иногда по-славянски, чтобы народъ привыкалъ къ славянской службѣ.

«Теперь празднованіе пятницы и принесеніе жертвъ идоламъ почти совершенно вывелось.

«Здѣсь было сильное вліяніе магометанъ на чувашъ, такъ что чувашіе жертвовали сальныя свѣчи на мечети, приглашали муллъ отчитывать больныхъ. Нынѣ все это вывелось.

«Теперь чувашіе крѣпки въ православіи. Многие изъ окончившихъ курсы въ здѣшнихъ школахъ состоятъ учителями, священниками, діаконами и псаломщиками въ разныхъ епархіяхъ.

«Въ Б.—скомъ приходѣ очень замѣтно, что христіанское просвѣщеніе на родномъ языкѣ соединяетъ инородцевъ съ русскимъ народомъ: чувашіе стали жить чище и обрусѣніе замѣтно въ томъ, что они перемѣняютъ свой костюмъ на русскій и въ жизни стараются подражать—русскимъ, соблюдаютъ посты и начали любить и уважать русскихъ и все русское.

«А прежде старались подражать татарамъ; уважали мусульманство, брили головы, подстригали усы и бороду и не носили пояса^{*)}».

«Нынѣ они стали любить русскихъ, потому что стали христианами. Всему этому помогало и открытіе книжнаго склада съ чувашскими книгами религіознаго содержанія. Складъ официально открытъ Николаемъ Алексѣевичемъ отъ переводческой комиссіи уже послѣ смерти Ильминскаго. При жизни Ильминскаго книги высылались Николаемъ Ивановичемъ частнымъ образомъ, безотчетно. Прежде раздавали книги даромъ, а теперь чуваша покупаютъ много книгъ на деньги.

«Чуваши христіанскую религію называютъ русской вѣрой. «Я живу по-русски» у нихъ значить: «я живу по-христіански.»

«По моему мнѣнію, христіанство между инородцами развито гораздо сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ между русскими.

«Мы всѣ, и Николай Алексѣевичъ, и Иванъ Яковлевичъ и я, мы всѣ считаемъ, что сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ неперемѣнно состоится, но этотъ срокъ еще далекъ, это пойдетъ очень медленными шагами и никакіе Спѣшковы тутъ не помогутъ; на это—нужны столѣтія.

«Однако же наше Казанское учебное начальство этого не понимаетъ. Директоръ народныхъ школъ Казанской губерніи сказалъ мнѣ, что теперь можно уже отмѣнить систему Ильминскаго, потому что ея время миновало. «Мы очень уважаемъ Ильминскаго», прибавилъ онъ (директоръ) «но если-бъ самъ Николай Ивановичъ воскресъ, онъ былъ-бы согласенъ отмѣнить свою систему, потому что инородцы такъ подвинулись въ развитіи и въ знаніи русскаго языка, что теперь

^{*)} Ношеніе поясовъ составляетъ отличительный признакъ православныхъ; какъ только инородецъ склоняется къ мусульманству, онъ—снимаетъ поясъ. Мусульмане поясовъ не носятъ.

можно въ школахъ прямо начинать обученіе на русскомъ языкѣ».

«Но это мнѣніе совершенно ошибочно. Иностранцы по-русски знаютъ еще очень плохо. Только окончившіе курсъ въ сельской школѣ, солдаты, торговцы знаютъ по-русски. Есть и такіе, которые курсъ кончили; а потомъ забыли русскій языкъ».

«Взрослые мужчины немножко говорятъ по-русски, но женщины положительно по-русски не знаютъ, и дѣти при поступленій въ школу по-русски совершенно не понимаютъ».

«Поэтому со времени Николая Ивановича условія совсѣмъ не измѣнились».

«Затѣмъ ратующіе за быстрое обрусѣненіе забываютъ, что въ преподаваніи Закона Божія по закону требуется обоюдное содѣйствіе учителя и законоучителя. То, что священникъ говорилъ на урокъ Закона Божія, учитель потомъ обязанъ прочесть по книгѣ для твердаго заоминанія».

«Если запретить въ школѣ иностранческую грамоту; то на какомъ языкѣ учитель будетъ читать съ учениками Законъ Божій? Русскій языкъ они раньше двухъ лѣтъ не усвоятъ сносно, слѣдовательно—первые два года для Закона Божія пропадутъ».

«В—скій приходъ окруженъ татарскими деревнями, которые отъ приходскихъ чувашскихъ деревень находятся въ разстояніи отъ одной до четырехъ верстъ. Всѣхъ такихъ татарскихъ деревень 6, въ нихъ 9 мечетей и при нихъ 17 муллъ и 9 мектебъ. На такое количество мечетей приходится одна церковь, одинъ священникъ, три христіанскія школы. Въ приходѣ, кромѣ села, 6 приходскихъ деревень,—столько, сколько татарскихъ деревень; а между тѣмъ за послѣднее время приходъ совершенно очистился отъ мусульманскаго вліянія».

«Въ Каирѣ англичане пользуютъ роднымъ языкомъ въ школахъ и у нихъ дѣло идетъ хорошо. Объ этомъ знаютъ

наши татарскіе муллы и указываютъ на это. Здѣсь много уллѣ, которые обучались въ Каирѣ, Меккѣ, Мединѣ арабскому языку и богословію.

«Въ числѣ здѣшнихъ муллъ есть такіе, которые ведутъ оживленную переписку съ Константинополемъ, — это фактъ, и получаютъ газеты изъ Турціи. Всякій шагъ къ просвѣщенію инородцевъ въ духѣ православія извѣстенъ мулламъ и вообще мусульманамъ, они зорко за этимъ слѣдятъ. Они очень недовольны, что есть система Ильминскаго, но думаютъ, что она исходитъ отъ правительства и архіереевъ.

«Нынче зимой я былъ съ молебномъ въ избѣ, вижу татарина въ тюбетейкѣ, бритый, безъ пояса. Послѣ молебна баба ему говоритъ: «что же ты ко кресту не приложишься?» Оказалось, что онъ крещеный чувашинъ изъ С... Онъ сказалъ: — «у насъ такой порядокъ водится, потому что живемъ смѣшано съ магометанами, большинство чувашъ нашей деревни носятъ татарскій костюмъ, соблюдаютъ магометанскую уразу и посѣщаютъ мечеть.»

«Учитель тамъ чувашинъ, но окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и имѣетъ Спѣшковскіе взгляды.»

XII.

Мы съ отцомъ Р. такъ разговорились, что матушкѣ долго не удавалось зазвать насъ пить чай. Мы постепенно затрагивали всѣ жгучіе вопросы инородческой жизни и я записывала все, что высказывалъ о. Р. Рѣчь зашла и о русскомъ духовенствѣ. «Русскіе священники гораздо менѣ отзывчивы къ нуждамъ прихода, чѣмъ инородческіе» сказалъ о. Р. «Вотъ въ 6-мъ участкѣ Тетюшскаго уѣзда 2 священника чувашенина (въ томъ числѣ я) и 8 русскихъ священниковъ.

«Земскій начальникъ, уѣзжая на войну, поручилъ завѣ-

дываніе чайно-читальни и столярной мастерской мнѣ, хотя эти учрежденія не въ моемъ селѣ.

«Большинство изъ русскихъ священниковъ относятся къ инородцамъ свысока, только совершаютъ богослуженіе и требы и больше ничего. Есть и между ними хорошіе, но и они отъ прихожанъ дальше стоятъ, чѣмъ священники инородцы, потому что не интересуются ихъ бытомъ и языкомъ, смѣются надъ чувашскими обычаями, не жалѣютъ чувашъ.

«Есть инородческіе священники пьяницы, но между русскими священниками пьяницъ больше.

«По моему мнѣнію, инородческое духовенство въ общемъ совершенно на высотѣ своего положенія; хотя семья не безъ урода и есть и плохіе.

«Бываютъ и такіе случаи, что среда портитъ. Вотъ случай: русский, окончившій курсъ въ Казанской учительской семинаріи при жизни Ильминскаго, былъ хорошій ученикъ, потомъ былъ около 10 лѣтъ хорошимъ учителемъ сельской школы, сдѣлался діакономъ и черезъ нѣсколько лѣтъ запыль, такъ что пришлось ему запретить діаконое служеніе.

«Процентъ русскихъ священниковъ не окончившихъ курса духовной семинаріи очень великъ. Въ одномъ благочиніи, къ которому принадлежитъ село Б., изъ 17 священниковъ—2 чувашъ, русскихъ съ семинарскимъ образованіемъ 6, и русскихъ не окончившихъ духовную семинарію—9.

«Новый Симбирскій архіерей преосвященный Гурій не ревизуетъ епархію, а изучаетъ ее и помнитъ подробности каждаго прихода. Онъ великій покровитель инородцевъ.

«А нынѣшній Казанскій архіерей *), кажется, не любитъ инородцевъ, къ нему для нихъ и приступа нѣтъ. Онъ стремится посвящать въ священники только окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи. Поэтому, по послѣднимъ епархіаль-

*) Нынѣ переведенный въ Одессу.—Примѣчаніе автора.

нымъ вѣдомостямъ, въ 1 августа (1904 г.) по Казанской епархіи 23 прихода безъ священниковъ.

«Николай Ивановичъ Ильминскій говорилъ: «архіереямъ кажется, что стоитъ только набрать миссіонеровъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ, хотя бы они и не отличались никакими заслугами по миссіонерской дѣятельности, а лишь отличились бы по службѣ—и дѣло пойдетъ прекрасно».

«Такъ поступалъ преосвященный Палладій въ Казани; онъ говорилъ: «у насъ миссіонеровъ нѣтъ, почему и дѣла не идутъ.» (Это напечатано въ епархіальныхъ извѣстіяхъ).

«И преосвященный Арсеній дѣйствовалъ согласно этой мысли и назначилъ особыхъ миссіонеровъ по магометанству и язычеству, и еще особаго по расколу. Онъ тоже жаловался, что у него нѣтъ миссіонеровъ.

«Но плодовъ отъ этихъ миссіонеровъ не видно. Какъ общее явленіе, миссіонеръ пріѣзжаетъ въ село, проситъ священника собрать на бесѣду инородцевъ, а священникъ поручаетъ исполненіе этой просьбы сельскимъ властямъ, которыя и наряжаютъ народъ на бесѣду съ миссіонеромъ.

«Слава Богу, что сектанты до сихъ поръ не догадались перевести на инородческій языкъ свои изданія.

«Намъ работать больше нужно надъ школой. Школа—это великая сила.

«Одинъ наблюдатель церковныхъ школъ сказалъ мнѣ разъ: «у насъ дѣло теперь идетъ хорошо, церковно-приходскія школы полны, церкви полны, вотъ что сдѣлала церковно-приходская школа».

«Я же ему отвѣтилъ: «а я это приписываю системѣ Ильминскаго и влиянію переводовъ. Много ли инородцевъ оканчиваютъ церковно-приходскія школы? Давно ли они открыты? А кто же изъ инородцевъ стремится въ монастыри? Неграмотные мужчины и женщины. Такое стремленіе началось

раньше открытія церковно-приходскихъ школъ. Напримѣръ Михайль-Архангельскій монастырь Козьмодемьянскаго уѣзда открытъ въ 70-хъ годахъ. Коплоушинская община Цивильскаго уѣзда въ 90-хъ годахъ.

«Изъ разговоровъ видно, что русское духовное начальство хочетъ сломать братскія школы, можетъ быть для того только, чтобъ послѣ приписать всѣ достигнутые ими успѣхи къ церковно-приходскимъ.

«Я состоялъ наблюдателемъ братскихъ чувашскихъ школъ съ осени 1898 года до весны 1899 года. Я совершилъ первый объѣздъ по школамъ осенью, открылъ 9 или 10 новыхъ братскихъ школъ, написалъ отчетъ, представилъ его въ братство при особомъ докладѣ и получилъ отъ владыки спасибо.

«Въ концѣ января и началѣ февраля 1899 года я совершилъ вторую поѣздку по школамъ, написалъ второй отчетъ и второй докладъ и тоже представилъ ихъ въ братство черезъ владыку.

«Во второй разъ владыка встрѣтилъ меня въ другомъ настроеніи, чѣмъ въ первый разъ; очевидно кто нибудь на него повліялъ, потому что онъ сказалъ мнѣ: «я твой второй отчетъ и докладъ не прочиталъ, но ты пишешь о нѣкоторыхъ недостаткахъ священниковъ, а не указываешь, кто именно бездѣятельные священники. Такъ ты назови всѣхъ, кто дѣлаетъ упущенія, тогда я ихъ вызову къ себѣ».

«Я отказался ихъ назвать, объясняя владыкѣ, что я не хочу быть донощикомъ.

«Затѣмъ владыка сталъ упрекать меня въ томъ, что я въ чувашскихъ школахъ занимаюсь по Закону Божию первые 2 года по—чувашски, тогда какъ, по его мнѣнію, можно начинать прямо по русски. Владыка согласился только съ необходимостью смѣшаннаго богослуженія.

«Отчетъ и докладъ были прочитаны въ совѣтѣ братства, причемъ протоіерей М. особенно возмущился ими, сказалъ «что пишетъ отецъ Р.,—прямая обида русскому духовенству», и настаивалъ на увольненіе меня отъ должности наблюдателя.

«Послѣ этого засѣданія мнѣ былъ присланъ изъ консисторіи, по распоряженію владыки, запросъ, чтобы я письменно указалъ на бездѣятельныхъ священниковъ, о которыхъ говорится въ докладѣ. Я отказался.

«За этотъ мой отказъ, признанный дерзкимъ, я былъ оптрафованъ 10-ю рублями, а братство, независимо отъ этого, отставило меня отъ должности наблюдателя и даже не сообщило мнѣ объ этомъ; я узналъ объ своей отставкѣ, когда на мое мѣсто былъ избранъ другой священникъ, отецъ С.

«Вотъ Николая Алексѣевича также выжили изъ братства, еще раньше меня.

«Предсѣдатель братства и отцы протоіереи знали, что онъ очень много работалъ въ братствѣ, что всѣ инородческіе священники къ нему льнутъ, и это имъ было непріятно; они и поставили дѣло такъ, что онъ ушелъ изъ братства.

«Они рассказывали про него, будто онъ распоряжается самовольно, будто онъ возбуждаетъ инородческихъ священниковъ противъ архіерея, но это неправда; онъ никогда не дѣйствовалъ помимо архіерея, а инородческихъ священниковъ не только никогда не возбуждаетъ противъ духовнаго начальства, но всегда совѣтуетъ имъ заходить къ архіерею; даже если у нихъ нѣтъ особеннаго дѣла, то хоть за благословеніемъ».

«А теперь изъ братства выжили М. А. Машанова и П. В. Щетинкина», сказала я отцу Р. «П. В. Щетинкинъ такъ давно жертвуетъ на построеніе школъ и церквей въ инородческихъ мѣстностяхъ; онъ и его жена, въ качествѣ попечителей Казанской крещено-татарской школы такъ много для

нея сдѣлать! М. А. Машановъ около 25 лѣтъ работалъ въ братствѣ, ѣздилъ по братскимъ школамъ; содѣйствовалъ развитію системы Ильминскаго, но именно этимъ; онъ и мѣшалъ новому направленію братства! Теперь вытѣснили отсюда и его, и Щетинкина.

«Да, я слышалъ объ этомъ», съ грустью сказалъ о. Р. «нѣтъ уже прежняго братства!»

ХІІІ.

Беседа моя съ о. Р. продолжалась долго. Этотъ живой, умный старикъ, горячо принимающій къ сердцу инородческое дѣло, очевидно много выстрадавшій по этому поводу, глубоко заинтересовалъ меня.

Въ домикѣ его было чисто, уютно и свѣтло, очевидно матушка, симпатичная и радушная русская женщина—берегла свой домикъ, какъ зеницу ока. У стариковъ не было дѣтей и они горько оплакивали недавнюю смерть племянницы, дѣвочки лѣтъ 12, которую они взяли на воспитаніе и которая радовала ихъ своимъ добрымъ нравомъ и хорошими успѣхами въ ученіи.

Мы посѣтили школу, но никого не застали, кромѣ жены учителя.

Я посмотрѣла тетради учениковъ и нашла ихъ вполне удовлетворительными.

По возвращеніи въ домъ священника, мы застали тамъ учителя сосѣдняго села М. Я. Этотъ учитель—М. Д., чувашинъ, окончилъ курсъ въ Симбирской школѣ, а съ 1901-го года состоитъ учителемъ въ селѣ М. Я. въ двухъ—классномъ министерскомъ училищѣ.

По его рассказамъ, ученики этой школы при поступленіи въ нее по русски не понимаютъ; преподаваніе велось до

сихъ поръ по системѣ Ильминскаго, то есть начиналось съ инородческой грамоты, разговорные уроки русскаго языка начались со 2-го года.

Преподавательскій языкъ съ 3-го года смѣшанный, а съ 4-го года русскій. Для Закона Божія прибѣгаютъ и къ чувашскому языку смотря по способностямъ учащихся. Около половины учениковъ выходятъ изъ одноклассной школы до окончанія курса. Въ послѣднее время стало замѣчаться особое рвеніе къ училищу, такъ что не хватаетъ помѣщенія для половины всѣхъ мальчиковъ, желающихъ учиться. Поступившіе весьма аккуратно посѣщаютъ училище; родители говорятъ, что ученики плачутъ, если не пустить ихъ въ училище. Прошлой осенью ихъ поступило 55, а къ веснѣ осталось 54.

М. Д. привезъ мнѣ цѣлую кипу ученическихъ тетрадей I-го и II-го класса. Изложенія и сочиненія каждаго ученика за цѣлый годъ спиты вмѣстѣ и такимъ образомъ можно прослѣдить постепенность усовершенствованія въ русскомъ языкѣ каждаго изъ дѣтей. Эти тетради не оставляютъ желать ничего лучшаго.

По словамъ М. Д. нынѣшней весной былъ полученъ циркуляръ о томъ, чтобъ возможно сократить употребленіе инородческаго языка и обучать русскому языку по натуральному методу.

Теперь неизвѣстно, можно ли при этомъ вести уроки инородческой грамоты, или нѣтъ? При натуральномъ методѣ запрещено употреблять въ школѣ родной языкъ.

М. Д. рассказалъ мнѣ, что въ Чистопольскомъ уѣздѣ въ одной школѣ учителю было приказано вести обученіе по натуральному методу. Ученики, учившіеся такимъ образомъ, бойко отвѣчали по русски и могли разсказывать содержаніе статей, но очевидно дѣлали это совершенно механически; при повѣркѣ посредствомъ перевода оказалось, что ученики со-

вершенно не понимали смысла того, что они читали и только повторяли слова.

Мое прощаніе съ отцомъ Р. было самое сердечное. Уже лошади стояли у крыльца, а мы все еще бесѣдовали.

«Инородцы считаютъ, что Ильминскаго замѣняютъ Николай Алексѣвичъ и Иванъ Яковлевичъ», сказалъ онъ мнѣ. «Чуваши большею частью обращаются къ Ивану Яковлевичу, а всѣ остальные инородцы, а также многіе чуваши—къ Николаю Алексѣвичу.

«Дѣло Николая Ивановича не погибло, оно разростается, онъ людей оставилъ. Вотъ Николай Алексѣвичъ и Иванъ Яковлевичъ трудятся, мы на нихъ только и висимъ; но имъ трудно приходится изъ за насъ, грызутъ ихъ, они за насъ должны отбиваться.»

Настоящее положеніе инородческаго дѣла при вреждебности—архіерея и попечителя внушало отцу Р. глубокія, горькія опасенія.

«Что будетъ съ нами? Я иногда думаю, что наше дѣло совсѣмъ затрутъ, что враги одолѣютъ», сказалъ онъ съ грустью, а потомъ прибавилъ: «вѣдь намъ мало кто сочувствуетъ; вотъ я съ вами наговорился, мнѣ легче стало» и старикъ благословилъ меня на прощаніе.

Лошади тронулись, а отецъ Р. долго смотрѣлъ намъ въ слѣдъ, застилая ладонью глаза отъ солнца. Его сѣдая голова и старческая фигура ясно отдѣлялись на зеленомъ фонѣ деревьевъ, окружающихъ его домъ. Мы завернули за уголъ. Домъ отца Р. уже не былъ виденъ, но горькія слова старика священника все еще звучали у меня въ сердцѣ и какъ бы толкали меня на борьбу съ невѣжественными гонителями инородческаго просвѣщенія.

XIV.

Верстахъ въ 40 или 50 отъ Б., по обѣимъ сторонамъ глубокаго, извилистаго развѣтвляющагося по разнымъ направленіямъ, оврага лежитъ большое село Ч. И.; оно составилось изъ трехъ различныхъ обществъ, сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, отсюда и двойное названіе села.

Въ первомъ обществѣ: татарь-магометанъ болѣе 180 дворовъ.

Во второмъ > чувашъ-христіанъ > 67 >

> > > чувашъ-отпавшихъ > 8 >

Въ третьемъ > чувашъ-христіанъ > 120 >

Отпавшіе 8 дворовъ чувашъ окончательно перешли въ магометанство въ 1865, году подѣ влияніемъ пропаганды татаръ. Особенно пропагандировали исламъ два татарина Хасяновъ и Бешировъ, окончившіе курсъ въ медресахъ.

Послѣдніе годы къ нимъ присоединился чувашскій крестьянинъ Иванъ Васильевъ, который окончилъ курсъ въ земской-удѣльной школѣ первымъ ученикомъ и прекрасно говорилъ и писалъ по-русски. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго почтеннаго дѣятеля-Бурундукскаго священника о. Баратынскаго, который состоялъ законоучителемъ въ удѣльной школѣ. У Хасянова и Беширова Иванъ Васильевъ научился магометанству, арабскому языку, корану. Вернувшись въ семью, Васильевъ сталъ усиленно пропагандировать и имѣлъ рѣшающее вліяніе на отпаденіе Ч-скихъ чувашъ.

Онъ ходилъ по всѣмъ отпавшимъ чувашамъ Симбирскаго, Буинскаго и Тетюшкаго уѣздовъ и пропагандировалъ. Наконецъ его изловили и сослали въ Сибирь.

Такихъ случаевъ было нѣсколько; на примѣръ около города Буинска деревня Буинка вся отпала въ магометанство подѣ влияніемъ своего-же крещенаго чувашина.

Мы приѣхали въ Ч. въ 8-мъ часу вечера и зашли прямо къ священнику, отцу М. К.; онъ чувашинъ, въ 1879 году окончилъ курсъ въ Симбирской чувашской школѣ, а съ 87-го года священствуесть въ Ч.

Отецъ М. К. блѣдный, худой человѣкъ, на видъ очень болѣзненный, но живой и горячій. Онъ съ большимъ воодушевленіемъ началъ разсказывать мнѣ о жизни своего прихода и о всѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми ему пришлось столкнуться во время своей 16-ти лѣтней дѣятельности.

Церковь, по словамъ отца М. К., существовала здѣсь съ 1839 года, удѣльная школа также, но священники и учителя были русскіе и не имѣли на приходъ никакого вліянія. Въ школѣ преподаваніе шло исключительно на рускомъ языкѣ. Когда отецъ М. поступилъ въ приходъ, все село было склонно къ отпаденію въ мусульманство; въ церковь не ходили, соблюдали уразу, брили усы и отчасти голову, многіе одѣвались въ татарскій костюмъ, носили тюбетейки, но крестовъ не носили, въ большинствѣ домовъ не было иконъ, такъ что преосвященный Варсонофій въ 1887 году выдалъ отцу М. 500 иконъ для раздачи по домамъ.

Отца М. прихожане встрѣтили очень враждебно, думали, что онъ, какъ русскіе священники, будетъ деньги брать, но учить не будетъ. О. М. засталъ 15 паръ невѣнчаныхъ, никто въ приходъ не говѣлъ. Русскіе священники даже мало совершали богослуженіе, приходъ считался самымъ плохимъ, сюда посылали какъ въ ссылку.

О. М. началъ богослуженіе на чувашскомъ языкѣ, бесѣды по чувашски въ церкви и по домамъ.

Въ школу съ 1885 года поступилъ учитель-чувашинъ, а отецъ М. началъ преподавать Законъ Божій на чувашскомъ языкѣ. Постепенно народъ сталъ ходить въ церковь; ихъ привлекъ родной языкъ и то обстоятельство, что священникъ

училъ ихъ на понятномъ имъ языкѣ; 15 невѣнчанныхъ паръ онъ повѣнчалъ даромъ.

Въ началѣ было очень трудно, народъ запирался отъ священника, теперь за 16 лѣтъ все измѣнилось: народъ оставилъ язычество и магометанство, молодое поколѣніе очень ревностные христіане, старое поколѣніе менѣе ревностно, но исполняетъ христіанскія обязанности.

Заинтересовавшись разсказомъ отца М. я попросила его проводить меня по селу. Было около 8 часовъ вечера, на дворѣ темнѣло. Мы быстро шли по широкимъ, заросшимъ травой улицамъ. Люди, узнававшіе въ потемкахъ отца М., низко ему кланялись, и въ этихъ поклонахъ отражалось отношеніе къ нему народа: христіане привѣтствовали его почитательно и привѣтливо, какъ своего, близкаго имъ человѣка; татары тоже кланялись низко, съ видимымъ уваженіемъ. Мы сначала прошли по улицѣ, заселенной чувашами-христіанами и вступили въ татарскій кварталъ. Перейдя мостикъ, перекинутый черезъ глубокой оврагъ, мы очутились у мечети, съ полверсты шли по татарской улицѣ, спустились до половины оврага, перешли еще черезъ мостъ, поднялись на крутой склонъ, и, завернувъ налѣво по узкому переулку, оказались въ другой, христіанской части села. Здѣсь впережку съ чувашами-христіанами живутъ и чувашаи отпавшіе. Налѣво отъ насъ возвышался двухэтажный домъ, изъ котораго лился веселый яркій свѣтъ на темную улицу; внизу помѣщалась мелочная лавка, наверху жилье.

На зовъ священника, изъ лавки вышелъ молодой человѣкъ, бритый, въ тюбетейкѣ, на видъ татаринъ. Его зовутъ Шайдула Абдуловичъ, это сынъ того Ивана Васильева, который игралъ видную роль въ отступническомъ движеніи Ч. и былъ сосланъ.

Я объяснила Шайдулѣ, что знаю какъ живутъ христіане,

и хочу посмотрѣть какъ живутъ отступники. Я спросила его, чувашинъ ли онъ. Онъ очень увѣренно и весело отвѣчалъ: «нѣтъ мы татары». Онъ съ гордостью хозяина показалъ мнѣ свою лавку, гдѣ я изъ любезности купила конфетъ, а затѣмъ повелъ меня наверхъ въ жилое помѣщеніе. Обстановка чисто-татарская; жена Шайдула повязывается платкомъ по-татарски (т. е. не косынкой, а связывая подъ подбородкомъ оба рядомъ лежащіе угла платка). Хозяева приняли меня привѣтливо, но упорно называли себя татарами.

Мы пошли дальше, захвативъ съ собой мужика—проводжатаго; священникъ не рѣшался прямо входить въ дома отпавшихъ, боясь возбудить въ нихъ подозрѣніе.

На улицѣ было темно, огни почти во всѣхъ избахъ были потушены, мы подходили къ домамъ, гдѣ еще свѣтились огоньки.

Сначала зашли въ домъ православныхъ, пропустивъ впереди себя проводжатаго, чтобъ возвѣстить о нашемъ приходѣ и просить позволенія зайти. Оказалось, что часть семьи уже спала, но всѣхъ разбудили и насъ впустили.

Изда чистая, въ углу образа, хозяева привѣтливы и ласковы, несмотря на то, что мы ихъ потревожили. Самъ хозяинъ говорилъ по-русски, хотя не бѣгло.

Его сынъ, юноша 19 лѣтъ, вышедшій изъ 2-го отдѣленія школы (какъ единственный сынъ онъ былъ нуженъ дома) говорилъ по-русски плохо.

Священникъ утверждалъ что и окончившіе курсъ въ школѣ скоро забываютъ русскій языкъ, если имъ дома не съ кѣмъ говорить по-русски.

Мы снова вышли на улицу и, увидавъ на той сторонѣ домъ отступника, гдѣ еще видѣлся свѣтъ, послали проводжатаго спросить хозяина, пустить ли онъ къ себѣ особу изъ Петербурга, которая хочетъ изучить бытъ отступниковъ.

Изба крайне бѣдная, дверь въ задней стѣнѣ и выходитъ не въ сѣни, а прямо на дворъ, печь налѣво около двери. Обстановка нищенская, хозяинъ бритый и въ тюбетейкѣ смотритъ на насъ изъ подлѣбья. На нарахъ спать лѣти. Рядомъ съ ними сидятъ двѣ женщины съ растрепанными волосами, очевидно только что вставшія со сна, и тупо смотрятъ передъ собой.

Спрашиваю хозяина: «вы чуваши?»

«Мы татары» — говоритъ онъ убѣжденно.

«Да вѣдь здѣсь татаръ нѣтъ, здѣсь чуваши, татары живутъ отдѣльнымъ обществомъ», возражаю я ему.

«Мы тата-а-ры», повторяетъ онъ протяжно, и въ его голосѣ звучитъ затаенная злоба.

«Да вѣдь твой дѣдъ былъ чувашинъ»? настаиваю я.

«Если я татаринъ, то и дѣдъ мой былъ татаринъ», повторяетъ чувашинъ уперно. Я мѣняю разговоръ, спрашиваю, какъ они живутъ, на прощаніе даю ему копейекъ 40; онъ очень озадаченъ и колеблется принять эти деньги. Священникъ ему объясняетъ, что это за доставленное ему безпокойство. Тогда онъ сжимаетъ деньги въ рукѣ и горячо благодарить.

На обратномъ пути мы заходимъ еще въ одинъ домъ православныхъ чувашъ. Услышавъ наши шаги, собака на дворѣ заливается громкимъ яростнымъ лаемъ и бросается къ воротамъ. Нашъ проводникъ, хозяинъ этого дома, идетъ впередъ и привязываетъ собаку, но она не можетъ успокоиться, и когда мы проходимъ черезъ дворъ — кидается въ нашу стѣну, рычитъ и злобно грызетъ свою веревку.

Изба веселая, хозяева привѣтливые, на отца М. смотрятъ очень дружелюбно, бабы, какъ вездѣ, по-русски не говорятъ. Въ семьѣ есть солдатъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вернувшійся съ военной службы. Онъ по-русски говоритъ плохо и

хотя отчеканивается «точно такъ», но вести разговора не можетъ. Отецъ М. говоритъ, что солдаты, какъ придутъ домой, такъ скоро забываютъ русскій языкъ, несмотря на то, что имѣли практику въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ избѣ есть и мальчикъ,—ученикъ мѣстной школы, онъ по-русски говорилъ нѣсколько лучше.

У насъ завязывается съ этой семьей оживленный разговоръ по-русски и по-чувашски. Вспоминаются прежніе мусульманскіе нравы. „Теперь батюшка насъ учитъ“, говорятъ хозяева, объясняя происшедшую въ нихъ перемѣну, прежде бывало пойдутъ въ церковь, возьмутъ стеариновую свѣчку, зажгутъ, поставятъ передъ образомъ, дадутъ немного погорѣть и несутъ къ другой иконѣ, чтобъ никому изъ святыхъ не было обидно. А теперь всѣ христіанскіе обряды хорошо исполняютъ».

Разговоръ оживленный, несмотря на поздній часъ, хозяева ласково поглядываютъ на священника, видно, что между нимъ и прихожанами отношенія хорошія. Мы снова выходимъ на воздухъ. Собака рычить, съ яростью бросается въ нашу сторону и долго еще лаетъ намъ вслѣдъ: очевидно она безутѣшна, что не можетъ насъ съѣсть.

Идемъ назадъ по улицѣ; до дому священника будетъ съ версту. Отецъ М. рассказываетъ, какъ трудно было вначалѣ. „Я много душой скорбѣлъ первые 3 года“, говоритъ онъ, „даже часто плакалъ, не зналъ, что съ ними дѣлать, какъ на нихъ вліять. Кромѣ того, приходъ плохой, жить нечѣмъ, а у меня семья большая. Иногда бѣжать хотѣлось, но очень ужъ жалъ ихъ (прихожанъ), изъ за нихъ остался. Теперь, слава Богу, они совсѣмъ перемѣнились».

Мы быстро шли по тихой улицѣ; была совсѣмъ ночь, луна взошла надъ селомъ и свѣтила ровнымъ мягкимъ свѣтомъ. Собаки, завидѣвшія насъ, начинали лаять, другія отзывались во дворахъ. Прошелъ какой то татаринъ, пристально сталъ въ

насъ вглядываться и, узнавъ отца М., радостно его привѣтствовалъ и отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Недалеко отъ церкви мы встрѣтили караульнаго, безшумно и медленно двигавшагося по улицѣ. Направо засверкали огни въ окнахъ батюшкинаго дома.

У священника было свѣтло и тепло и, несмотря на убогую обстановку, уютно. Вся семья пила чай у большого стола; старшій сынъ отца М. способный юноша, окончившій курсъ въ гимназiи, состоитъ теперь студентомъ Петербургскаго историко-филологическаго института, — а затѣмъ слѣдуетъ куча дѣтей всѣхъ возрастовъ.

Насъ накормили вкуснымъ ужиномъ и помогли намъ достать свѣжихъ лошадей.

Въ первомъ часу ночи мы приѣхали въ село Н. А. Большой домъ священника съ мезониномъ былъ ярко освѣщенъ, у батюшки въ гостяхъ были два сосѣднихъ священника. Къ моему удивленiю, не смотря на позднiй часъ, всѣ три были совершенно трезвы.

Намъ было совѣстно, что мы прервали ихъ празднество но мы были рады, что хозяева не спали и предложили намъ у нихъ ночевать.

XV.

Село Н. А. Симбирскаго уѣзда состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 200 домовъ, и заселено чувашами; въ приходѣ есть еще одна русская деревня и одна чувашская деревня С. А., въ которой болѣе 70 домовъ.

Церковь въ Н. А. построена въ 1897 году, священникъ отецъ В. Д. чувашинъ, окончилъ курсъ въ Симбирской чувашской школѣ, потомъ 3 года учился въ духовной семинаріи и въ Н. А. священствуетъ съ 1898 года. По его рассказамъ,

село Н. А. заселено старо-крещеными чувашами, но подвергалось некоторому мусульманскому влиянію. Теперь тамъ народъ ревностные хрістіане, въ церковь ходятъ исправно, усердно посятся.

Мальчики посѣщаютъ школу въ С. А., а въ Н. А. открыта женская школа.

Я просила отца В. Д. проводить меня по домамъ, но за недостаткомъ времени успѣли зайти лишь въ два дома. Сначала мы навѣстили богача, бывшаго церковнаго старосту; онъ неграмотный, по-русски говорить довольно плохо, рассказываетъ, что прежде здѣсь всѣ соблюдали языческіе обычаи, а теперь любятъ церковь. Но мужикъ этотъ говорилъ мало; по виду онъ съ хитрицей и не очень высказывается.

Мы были и въ домѣ чувашенина средняго достатка. Хозяинъ, человекъ высокаго роста, худой, съ длинной бородой съ просѣдью. Онъ рассказалъ, что учился въ русской школѣ: по-русски онъ говоритъ недурно.

«Мы учились по-русски ничего не понимали, ни одного слова», сказалъ онъ мнѣ на мой вопросъ о школьномъ обученіи, „праздновали пятницу, рѣзали быковъ. Русскій священникъ ничего намъ не объяснялъ, онъ насъ не понималъ, мы его не понимали.

«Когда пошли у насъ чувашскіе учителя, они стали намъ рассказывать, только тогда мы стали понимать.

«Учитель ходилъ по домамъ, народъ собиралъ, читалъ, мы слушали.

«Потомъ ребята стали приносить домой чувашскія книги и читать, съ этого у насъ пошли перемѣны. Потомъ батюшка сталъ учить насъ тоже по-чувашски. Теперь мы всѣ языческіе обычаи оставили».

Изъ Н. А. мы, въ сопровожденіи отца В. Д. и двухъ другихъ гостившихъ у него священниковъ, поѣхали за 2—3

версты въ С. А. Жители этой деревни были крещены въ 1857 году по приказанію начальства. Имъ было обѣщано за это освобожденіе отъ податей на 3 года и освобожденіе отъ рекрутчины. Ихъ окрестили насильно, и они нисколько не исполняли христіанскихъ обрядовъ, такъ что они собственно изъ открытыхъ язычниковъ непосредственно перешли въ отпавшихъ. Прежде они были почти чистые язычники, но послѣ ихъ крещенія, мусульмане стали приманивать ихъ тѣмъ, что у мусульманъ нѣтъ насильственнаго крещенія, и тогда они стали постепенно перенимать много мусульманскихъ обычаевъ.

Теперь они носятъ татарскія имена, празднуютъ пятницу поясовъ не носятъ, многіе бръются, дѣтей не крестятъ, не вѣнчаются. Теперь у нихъ смѣсь язычества съ магометанствомъ. У нихъ есть языческія жертвоприношенія, общественно, моленіе „учукъ“ передъ паровой пашней, закалываніе быковъ барановъ, гусей. Есть много моленій въ домахъ. Передъ каждымъ важнымъ дѣломъ и послѣ него, варятъ кашу, пекутъ особаго рода лепешки. Существуютъ и священныя мѣстности—биремети, но теперь народъ ходить туда рѣдко; только послѣ нѣкоторыхъ моленій отвозятъ туда кости жертвъ. Во время отпаденія С. А., 4 дома уцѣлѣло въ православіи, остальные—же официально числятся отпавшими въ язычество.

По словамъ священника отца В. Д., когда онъ пріѣхалъ, только въ одномъ изъ 4-хъ православныхъ домовъ соблюдали христіанскіе обряды и обычаи, въ остальныхъ же трехъ домахъ исполняли ихъ очень туго. Дѣтей крестили черезъ 2—3 года по рожденіи, вѣнчались уже послѣ продолжительнаго сожителства. Теперь же, по словамъ священника, эти 3 дома укрѣпились въ православіи. Дома раздѣлились, что увеличило ихъ число и 8 домовъ присоединились къ христіанамъ. Теперь, по вычисленіи священника, православныхъ домовъ всего 17, а отпавшихъ около 53.

Школа была открыта съ 1878 года, сначала миссіонерская потомъ министерская. Учителя были чуваші, преподаваніе шло по системѣ Ильминскаго. Зимой наканунѣ каждаго праздника въ школѣ совершается всенощная; на которую приходятъ грамотные и частью неграмотные язычники. На народѣ дѣйствуютъ главнымъ образомъ книги и пѣніе на родномъ языкѣ.

Родители—язычники охотно пускаютъ дѣтей въ школу, и они учатся очень хорошо и исполняютъ все, что требуется отъ учениковъ—христіанъ, исполняютъ всѣ молитвы, только не творятъ крестнаго знаменія.

По мнѣнію священника, еслибъ преподаваніе въ школѣ шло на русскомъ языкѣ, никакого христіанскаго вліянія не было бы. Теперь же въ деревнѣ 30 % грамотныхъ мужскаго пола; молодое мужское поколѣніе почти все грамотно и сильно тяготеетъ къ христіанству. Ихъ удерживаютъ въ прежнихъ вѣрованіяхъ только старики.

По пріѣздѣ въ С. А., мы зашли сначала въ школу. Зданіе очень просторное, есть ночлежная для учениковъ приходящихъ изъ Н. А.

Затѣмъ мы пошли по домамъ, зашли сперва къ отпавшему, въ домѣ котораго прежде помѣщалась школа, видѣли внука одного изъ главныхъ пропагандистовъ, который толкалъ односельчанъ къ отпаденію. Его внукъ—малый лѣтъ 30, одѣтый въ синюю рубашку, и бритый; недурно объясняется по-русски.

Онъ учился у чувашскаго учителя въ школѣ, гдѣ преподаваніе шло на чувашскомъ языкѣ, и умѣетъ читать по-русски и по-чувашски.

Онъ сказалъ намъ, что молодое поколѣніе хотѣло-бы перейти въ христіанство, но старики не пускаютъ. По словамъ этого малаго, языческая вѣра падаетъ, а безъ вѣры жить нельзя, потому ему хочется перейти въ христіанство.

Я спросила его, молятся ли язычники о чемъ—нибудь и о чемъ они молятся.

Онъ отвѣчалъ: «Богу молимъ, просимъ, чего нужно».

Язычники больше молятся дома, но у нихъ есть и общественныя моленія.

Около двери на задней стѣнѣ избы видно мѣсто, прожженое свѣчами. Малый намъ объяснилъ, что это слѣды поминальныхъ свѣчей, и рассказалъ намъ, какъ 2 раза въ году поминаютъ покойниковъ. Берутъ одну большую деревянную чашку съ пивомъ, другую съ хлѣбомъ, ставятъ ихъ на нары. Для каждаго предка, начиная съ прадѣда, для каждаго родственника—покойника зажигаютъ свѣчку, прилѣпляютъ ее къ стѣнѣ и поминаютъ покойниковъ, говоря: «вотъ тебѣ хлѣба, вотъ тебѣ пива, будь доволенъ, ѣшь и пей, а насъ не безпокой.» Подъ конепъ ставятъ еще одну свѣчку и говорятъ: «и ты безродный сирота ѣшь и пей и будь доволенъ. Тебя некому помянуть, такъ вотъ мы тебя поминаемъ».

И. Я. Яковлевъ на это замѣтилъ, что Ильминскій говорилъ, что у чувашъ сиротѣ лучше всѣхъ, потому что всѣ его поминаютъ.

Въ другомъ домѣ отпавшихъ мы застали отца и сына лѣтъ 20-ти. Такъ какъ они, подобно прочимъ жителямъ Н. А. отпали въ язычество, а не въ мусульманство, то они не считаютъ себя татарами, а считаютъ себя чувашами и даже презираютъ татаръ. Все же сынъ бритый.

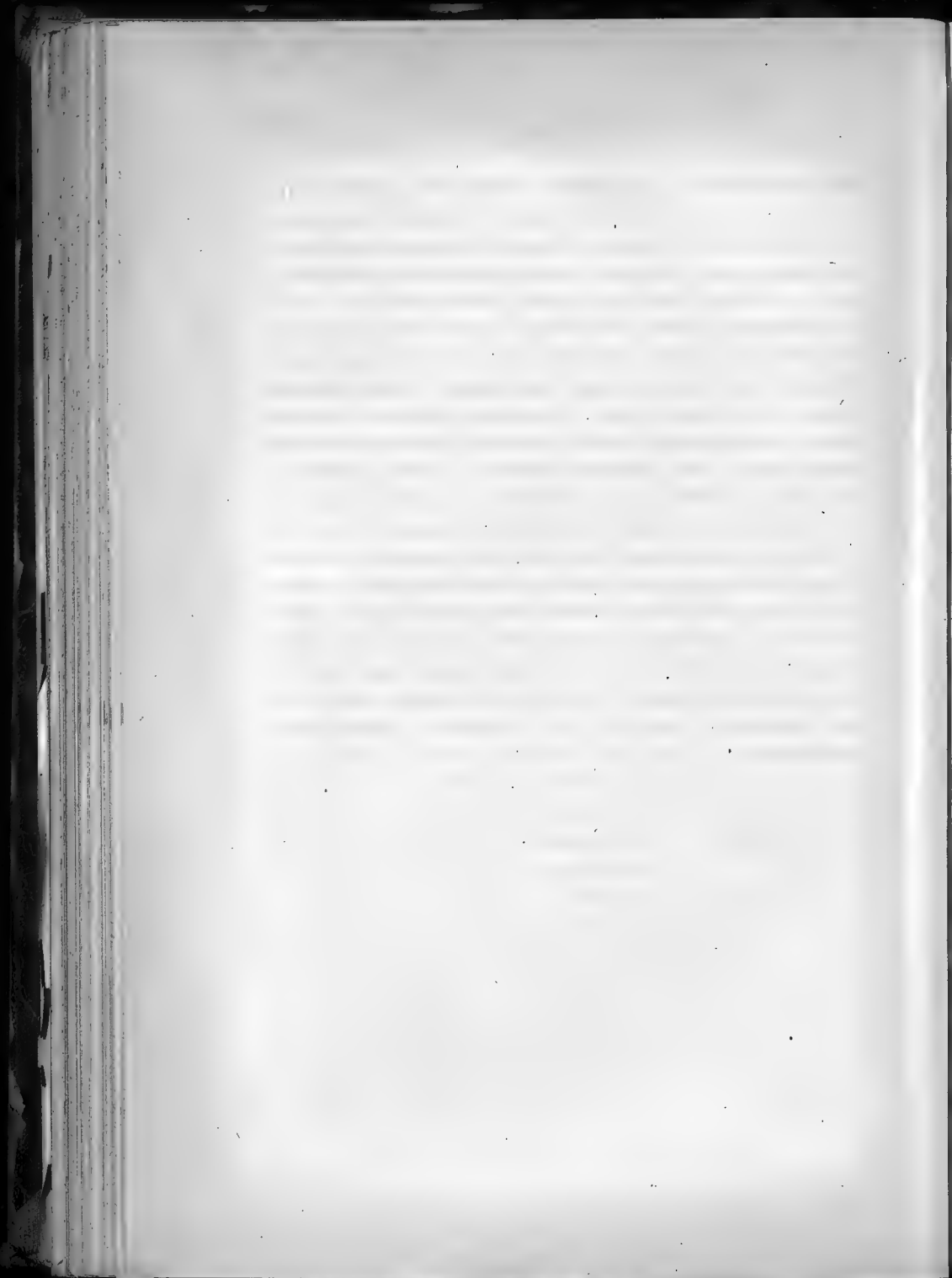
Онъ учился у чувашскаго учителя въ школѣ по системѣ Ильминскаго, читаетъ по-чувашски и по-русски, выписываетъ «Сельскій Вѣстникъ», но по-русски понимаетъ не все и очень желалъ бы, чтобъ «Сельскій Вѣстникъ» былъ переведенъ на чувашскій языкъ. Онъ даже спросилъ И. Я. Яковлева, нѣтъ ли такого изданія на чувашскомъ языкѣ.

Мы зашли еще въ одинъ домъ, жители котораго крести-

лись нынѣ лѣтомъ. Дома застали только бабу съ ребенкомъ на колѣняхъ. Она рассказала намъ по-чувашски (по-русски бабы не говорятъ), что ея сыновья, учившіеся въ школѣ, приносили домой чувашскія книги и помощью чтенія этихъ книгъ перетянули семью на сторону христіанства.

Пока мы шли по улицѣ, мнѣ удалось побесѣдовать съ священниками. Одинъ изъ нихъ, отецъ И. М. рассказаль, что онъ самъ учился въ русской школѣ, зубрилъ Законъ Божій, который ему, какъ чувашенину, давался особенно трудно, не понималъ ни слова, отвѣчалъ только наизусть, а законоучителю это «катаніе» наизусть очень правилось. Отецъ И. М. прибавилъ съ улыбкой: «я въ школѣ изъ-за Закона Божія цѣлый годъ простоялъ у притолки».

Всѣ три священника утверждали, что нынѣшнее учебное начальство требуетъ уничтоженія въ школѣ родного языка, хотя Симбирскій директоръ народныхъ училищъ гораздо лучше относится къ инородцамъ, чѣмъ Казанское и Самарское учебное начальство. При бывшемъ преосвященномъ было со стороны духовного вѣдомства гоненіе на инородческій языкъ, но при нынѣшнемъ епископѣ, Гуріѣ, ожидается совсѣмъ иное направленіе.

Заключеніє.

Заключение.

Зимой, 1899-го года, мнѣ пришлось принять участіе въ работѣ по организаціи помощи голодающему населенію Самарской губерніи. Для успѣшнаго выполненія этого дѣла, я обращалась за содѣйствіемъ къ сельскому духовенству, такъ какъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ комъ либо иномъ, встрѣчала готовность принять на себя хлопоты по устройству столовыхъ и раздачи народу продовольственной помощи.

При этомъ особенно сердечное участіе къ голодающимъ и обстоятельное знаніе степени нужды каждой семьи выказали священники изъ инородцевъ. (Первые инородческіе священники, съ которыми я познакомилась, были чуваши).

Когда мнѣ приходилось обращаться къ нимъ, то я встрѣчала въ нихъ не только желаніе содѣйствовать мнѣ всѣми силами, но и сердечную радость при видѣ людей, пришедшихъ на помощь къ ихъ прихожанамъ; казалось, что дѣло идетъ не о номинальныхъ, а о дѣйствительныхъ духовныхъ дѣтяхъ священника, о близкихъ и дорогихъ ему людяхъ.

Прихожане изъ инородцевъ съ своей стороны относились къ священникамъ—соплеменникамъ, какъ къ своимъ дѣйствительнымъ пастырямъ и отцамъ.

Такія отношенія священниковъ и прихожанъ меня весьма заинтересовали.

По окончаніи работы въ Самарской губерніи, у меня сохранилось знакомство съ нѣкоторыми изъ священниковъ—

инородцевъ, а черезъ нихъ у меня завязалась переписка и съ другими священниками. Всѣ они старались заинтересовать меня постановкой дѣла инородческаго просвѣщенія, въ особенности школы системы Ильминскаго. Имя Ильминскаго впервые стало мнѣ извѣстнымъ лишь за нѣсколько лѣтъ до этого, изъ статьи К. П. Побѣдоносцева.

Постепенно мое знакомство съ этимъ дѣломъ расширилось и я начала сознавать, что вопросъ объ духовенствѣ среди инородцевъ и объ инородческой школѣ есть не узкій, мѣстный вопросъ, а большой общерусскій.

Обогащенію моихъ познаній въ этой области весьма много содѣйствовало мое знакомство съ родственникомъ и бывшимъ сотрудникомъ Н. И. Ильминскаго, — С. В. Смоленскимъ, который въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, состоялъ наставникомъ и учителемъ пѣнія въ Казанской учительской семинаріи и какъ выдающійся знатокъ русскаго церковнаго пѣнія, принималъ дѣятельное участіе въ переложеніи православныхъ церковныхъ напѣвовъ, для приспособленія ихъ къ инородческимъ текстамъ.

Онъ познакомилъ меня и съ И. А. Износковымъ, служившимъ теперь въ Петербургѣ, но ранѣе много работавшимъ съ покойнымъ просвѣтителемъ инородцевъ.

Они стали снабжать меня обширными печатными матеріалами — сочиненіями самаго Ильминскаго и его лучшаго біографа и исторіографа П. В. Знаменскаго, а также большимъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ книгъ и брошюръ по инородческому вопросу.

Своими личными воспоминаніями объ Ильминскомъ, С. В. Смоленскій и И. А. Износковъ дали мнѣ возможность представлять Николая Ивановича, какъ цѣлую живую личность и, подъ влияніемъ этихъ разсказовъ, я постепенно какъ бы сроднилась съ дѣятельностью Ильминскаго и полюбила начатое имъ дѣло.

Въ началѣ моего знакомства съ инородческой школой, мнѣ пришлось работать почти исключительно съ чувашами; которые мнѣ поѣтому были болѣе извѣстны, но въ ту поѣзду, которую я описала въ послѣдней главѣ, я не могла посвятить много времени обзорѣнїю чувашскихъ школъ, и мнѣ удалось видѣть лишь небольшой уголокъ чувашскаго міра. Такъ я почти вовсе не видѣла ни чувашъ Казанской губерніи, въ которой ихъ 543 тысячи, ни чувашъ Самарскихъ, ни Уфимскихъ.

Поѣтому то, что я рѣшаюсь здѣсь высказать относительно просвѣщенія чувашъ, основано или на моихъ прежнихъ наблюденіяхъ, или на сообщеніи мѣстныхъ дѣтелей и печатныхъ данныхъ.

Изъ всѣхъ чувашъ, въ послѣднее время наиболѣе подвинулись въ отношеніи средствъ къ духовному просвѣщенію, чуваша Самарскіе.

Единственно только въ Самарской епархіи система Ильминскаго была проведена широко, послѣдовательно и на-стойчиво.

Не могу по этому поводу не преклониться передъ дѣятельностью въ этой епархіи преосвященнаго Гурія. Преосвященный Гурій, начавшій свое архіерейское служеніе на Дальнемъ Востокѣ, епископомъ Камчатскимъ, болѣе 10 лѣтъ занималъ кафедрѣ Самарской епархіи и недавно только переведенъ въ Симбирскъ.

Религіозное состояніе Самарскихъ чувашъ и средства къ ихъ просвѣщенію были, до вступленія преосвященнаго Гурія на кафедрѣ Самарской епархіи, еще ниже состоянія чувашъ Симбирскихъ, которое изображено, на примѣръ, въ выпискѣ изъ лѣтописи церкви села Рунги (см. Приложение № 13).

Преосвященный Гурій, какъ истинный миссіонеръ, держался въ своей дѣятельности тѣхъ главныхъ основъ, посред-

ствомъ которыхъ просвѣтителѣ всѣхъ временъ и народовъ, достигали существенныхъ успѣховъ.

Онъ направилъ свою неутомимую энергію на открытіе среди инородческаго населенія приходовъ съ инороческимъ духовенствомъ и школъ съ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ.

Когда онъ принялъ въ свои руки Самарскую епархію, въ ней былъ всего одинъ священникъ-инородецъ, а когда онъ ее покинулъ, священниковъ-инородцевъ было болѣе 70.

За это же время преосвященный Гурій содѣйствовалъ открытію не менѣе 50—60 инородческихъ школъ, церковныхъ и миссіонерскихъ.

Мало того, онъ возбудилъ среди инородческихъ священниковъ своей епархіи усердіе къ переводческой дѣятельности и организовалъ въ Самарѣ печатаніе брошюръ на чувашскомъ языкѣ.

Дозволяю себѣ привести отрывки изъ прощальнаго адреса, въ которомъ самарскіе священники инородцы благодарили покидавшаго ихъ преосвященнаго Гурія за его неустанная заботы объ ихъ соплеменникахъ.

< ...Позвольте намъ, нашъ дорогой благодѣтель и просвѣтитель, выразить Вамъ нашу сердечную благодарность и сыновнюю признательность за Ваши великіе труды по христіанскому просвѣщенію инородцевъ Самарской епархіи... На святое дѣло христіанскаго просвѣщенія темныхъ инородцевъ Вы употребили лучшія свои духовныя силы, всю свою энергію, всю свою любовь... Съ первыхъ-же дней своего вступленія на Самарскую кафедру, Вы начали предпринимать продолжительныя миссіонерскія поѣздки по инородческимъ селеніямъ епархіи, стали посѣщать самыя глухія деревушки инородцевъ, входили съ ними въ непосредственныя сношенія... Въ Самарской епархіи нѣтъ ни одного инородческаго селенія, гдѣ инородцы не видѣли-бы Васъ, не получили-бы Вашего архипастырскаго

благословенія, назиданія, и не полюбили-бы Васъ всей душой... Чтобы Ваше слово спасенія было понято, Вы, Ваше Преосвященство, пользовались языкомъ инородцевъ, — Ваши бесѣды и поученія всегда переводились на родной для нихъ языкъ.

Въ продолженіе болѣе десятилѣтняго служенія Вашего на Самарской кафедрѣ, чрезъ Архіерейское рукоположеніе Вашего Преосвященства свыше полсотни инородцевъ получили благодать священства; подъ Вашимъ мудрымъ и опытнымъ руководствомъ они научились трудиться на миссіонерскомъ поприщѣ по просвѣщенію своихъ сородичей и были предметомъ Вашей особенной любви и отеческихъ заботъ... Заботами Вашего Преосвященства во всѣхъ инородческихъ селеніяхъ Самарской епархіи открыты церковныя школы, въ коихъ десятки тысячъ дѣтей инородцевъ получаютъ первоначальное образованіе; во многихъ инородческихъ селеніяхъ построены новые храмы, открыты приходы съ причтами, которые Вашими-же стараніями и обеспечены; во всѣхъ храмахъ инородческихъ приходовъ нынѣ совершается христіанское богослуженіе и проповѣдуется слово Божіе на понятномъ родномъ языкѣ инородцевъ; при Вашемъ-же Архипастырскомъ содѣйствіи изданы и распространены среди инородцевъ сотни тысячъ экземпляровъ книжекъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія на мѣстныхъ языкахъ. Все это тѣ способы и мѣры, которые выработаны приснопамятнымъ Н. И. Ильминскимъ, и которыми только и возможно удержатъ въ лонѣ православной церкви нетвердыхъ еще въ вѣрѣ нашихъ разноплеменныхъ инородцевъ» ..

Адресъ подписанъ 76-ю священно-церковнослужителями инородческихъ приходовъ *).

Во время моего путешествія по школамъ Симбирской губерніи,

*) Признательность паствы къ Архипастырю Симбирскъ 1905.

И. Я. Яковлевъ высказалъ мнѣніе, что преосвященный Гурій вообще очень много сдѣлалъ для Самарской епархіи.

До него она была, по словамъ И. Я. Яковлева, весьма распущена. Священники болѣе занимались сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей. Многие священники дѣлали громадныя посѣвы хлѣба, иногда до 500 десятинъ, и эти заботы естественно всецѣло поглощали ихъ вниманіе.

Преосвященный Гурій сталъ требовать отъ духовенства, чтобы оно прежде всего заботилось о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, и особенно, чтобы оно занималось школами.

Для того, чтобы достигнуть этого, священниковъ—сельскихъ хозяевъ, преосвященный Гурій часто переводилъ изъ одного прихода въ другой и всячески ихъ подтягивалъ, что, конечно, возбуждало среди нихъ ропотъ и враждебность. Но, по выраженію И. Я. Яковлева, Преосвященный Гурій за 10 лѣтъ совершенно переродилъ всю епархію.

Къ числу мѣръ улучшенія состоянія духовенства, И. Я. Яковлевъ относитъ хлопоты и заботы преосвященнаго Гурія о постройкѣ для духовенства казенныхъ (приходскихъ) квартиръ.

Проѣздомъ черезъ Симбирскъ я имѣла случай два раза видѣть преосвященнаго Гурія и съ нимъ бесѣдовать.

Онъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ за систему Ильминскаго, находя что она представляетъ единственное вѣрное средство къ просвѣщенію инородцевъ и къ сближенію ихъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи.

Въ подтвержденіе этого преосвященный Гурій разсказалъ мнѣ два случая изъ жизни Самарской епархіи.

Въ Бугульминскомъ уѣздѣ, въ деревни Сурметѣ, была сильная склонность къ исламу среди крещеныхъ и некрещеныхъ чувашъ.

Преосвященный Гурій хотѣлъ открыть тамъ школу, но народъ ни за что не соглашался, боясь, что будутъ крестить.

Въ срсѣднемъ селѣ была открыта школа по системѣ Ильминскаго; успѣхи учениковъ очень понравились Сурметскимъ чувашамъ и они стали просить, чтобъ и у нихъ открыли школу.

Школа была открыта, а учителемъ въ нее былъ назначенъ окончившій курсъ крещено-татарской школы, и въ нѣсколько лѣтъ жители совершенно укрѣпились въ православіи.

Въ томъ же Бугульминскомъ уѣздѣ вотяки, которые собирались отпасть въ исламъ и не хотѣли принимать къ себѣ священника, года въ 3 или 4 совершенно преобразились подвліяніемъ инородческаго священника о. Л., окончившаго курсъ въ Казанской учительской семинаріи.

Преосвященный Гурій глубоко возмущается толками о сепаратизмѣ инородцевъ, будто бы создаваемымъ системой Ильминскаго.

Объ инородческомъ духовенствѣ преосвященный Гурій отзывался съ большою похвалою. Оно, по мнѣнію владыки, стоитъ близко къ народу и весьма заботится о его просвѣщеніи.

Преосвященный Гурій находитъ, что инородцы, прошедшіе даже лишь начальную школу по системѣ Ильминскаго, являются очень полезными дѣятелями, и даже священниками, и отлично вліяютъ на своихъ соплеменниковъ.

Въ поясненіе этого, преосвященный Гурій называетъ нѣсколькихъ священниковъ, прошедшихъ Казанскую учительскую семинарію или Симбирскую чувашскую школу и являющихся не только весьма полезными приходскими священниками, но и выдающимися работниками на учебно-административномъ поприщѣ.

Между прочимъ владыка отзывался съ горячей похвалою

о священникахъ Антоніи Ивановѣ, Александрѣ Михайловѣ и Данилѣ Филимоновѣ.

Преосвященный Гурій высказалъ, что русское духовенство признаетъ добрыя качества инородческихъ священниковъ, что выразилось, между прочимъ, избраніемъ въ помощники благочиннаго въ одномъ уѣздѣ священника изъ чувашъ, бывшаго воспитанника Казанской учительской семинаріи.

Владыка говоритъ, что самъ онъ иногда поручалъ инородческимъ священникамъ производство дознаній и слѣдствій и находить, что они исполняли эти порученія, какъ по существу дѣла, такъ и по языку и формѣ доклада, иногда даже лучше русскихъ. Формальный образовательный цензъ, по мнѣнію владыки, мало опредѣляетъ то, что представляютъ изъ себя въ дѣйствительности священники—инородцы, такъ какъ они всегда много работаютъ надъ самообразованіемъ и не жалуются на покупку книгъ.

По достиженіи священническаго сана, инородцы обыкновенно сознаютъ недостаточность своей подготовки и стремятся восполнить ее путемъ настойчивой и энергичной дѣятельности.

Въ примѣръ этого, владыка привелъ священника—инородца, который въ короткое время благотворно повліялъ на уничтоженіе въ своемъ приходѣ языческихъ моленій и устроилъ тамъ новую церковь.

Относительно обвиненія инородческаго духовенства въ нетрезвости преосвященный Гурій держится мнѣнія, что инородческое духовенство трезвѣе русскаго.

Я позволила себѣ занести въ свой дневникъ и привести здѣсь мнѣнія преосвященнаго Гурія, потому что мои бѣглыя наблюденія привели меня къ подобнымъ же мыслямъ, и высоко—авторитетныя, основанныя на продолжительномъ опытѣ сужденія іерарха, посвятившаго всю свою жизнь миссіонерству и школѣ, придадутъ въ глазахъ читателя нѣкоторый вѣсъ и моимъ скромнымъ наблюденіямъ.

Мнѣ лично эти сужденія преосвященнаго Гурія доставили чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія.

За послѣдніе годы нападки на инородческое духовенство сдѣлались въ средѣ духовнаго начальства такой же модой, какъ среди учебнаго начальства обвиненіе инородцевъ въ сепаратизмъ.

По моимъ наблюденіямъ, и тѣ, и другіе толки одинаково не обоснованы. Со стороны духовнаго начальства нѣкоторыхъ епархій раздаются жалобы на переполненіе епархій инородческими священниками, и на принижающее будто-бы вліяніе этого обстоятельства на культурный уровень всего духовенства. За послѣдніе годы доступъ инородцамъ къ священству, напримѣръ въ Казанской епархіи, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Между тѣмъ статистическія данныя показываютъ слѣдующее: *).

Въ Казанской епархіи къ 1-му января 1904 года состояло 743 священника *); изъ нихъ 68 было инородцевъ. По уѣздамъ духовенство распределяется такъ:

Всего священниковъ. Въ томъ числѣ инородцевъ.

Казань	65	1
Казанскій уѣздъ	57	2
Бозомодьянскій	53	4
Лаишевскій	58	3
Мамадышскій	43	15
Свияжскій	52	1
Спасскій	60	2
Цивильскій	60	15

*) «Инородческое духовенство и богослуженіе на инородческихъ языкахъ въ Казанской епархіи».—Н. Бобровникова, Казань 1905.

*) Справочная книга по Казанской епархіи. Казань, 1904 г.

Тетюшскій	50	5
Царевококшайскій	35	4
Чебоксарскій	53	8
Чистопольскій	93	4
Ядринскій	64	4
Всего	743	68

Для того, чтобы судить, въ какой степени инородческое населеніе обезпечено единоплеменными ему священниками, способными близко стоять къ народу и понимать его духовные запросы, приведемъ свѣдѣнія о числѣ инородцевъ и инородческихъ священниковъ по уѣздамъ, при чемъ возьмемъ во вниманіе только православныхъ инородцевъ:

Правосл. инородцы въ уѣздахъ *) Свящ. инородцы.

Казанскій уѣздъ	10,589	2
Бозомодемьянскій	94,365	4
Лаишевскій	13,751	3
Мамадышскій	27,473	14
Свияжскій	2,689	1
Спасскій	23,197	2
Цивильскій	151,559	15
Тетюшскій	41,899	5
Царевококшайскій	63,987	4
Чебоксарскій	111,384	8
Чистопольскій	61,821	4
Ядринскій	149,214	4
Всего	751,928	66

*) Обзоръ Казанской губерніи: Казань 1904 г.

Чтобы судить о значеніи этихъ цифръ, надо принять во вниманіе, что общее число православныхъ жителей въ деревняхъ и селеніяхъ Казанской губерніи равно 1,479,928, а вмѣстѣ съ городами 1,674,407, что даетъ на одного священника около 2,250 человекъ. Изъ предыдущей же таблицы видно, что одинъ священникъ-инородецъ приходится въ большинствѣ уѣздовъ на 10—15 тысячъ инородцевъ, а въ Ядринскомъ уѣздѣ даже на 35 тысячъ. Отсюда очевидно, что приходы съ инородческимъ населеніемъ обслуживаются русскимъ духовенствомъ.

По племенамъ инородческое духовенство и православныя инородческія племена распредѣляются такъ:

Крещенныхъ татаръ и мещеряковъ	47,044	27
Чуваншъ	543,391	30
Черемисъ	128,183	10
Вотяковъ	7,764	1
Мордвы	26,179	
Всего инородцевъ	752,561	68

Въ какой степени распространено въ Казанской епархіи Богослуженіе на инородческихъ языкахъ, опредѣленно сказать нельзя, такъ-какъ съ одной стороны въ губерніи имѣется нѣкоторое число русскихъ священниковъ, знающихъ инородческіе языки, а съ другой—не всѣ инородческіе священники имѣютъ возможность совершать Богослуженіе по-инородчески. Возможность этого въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ состава прочаго причта: если псаломщикъ русскій то понятно невозможно навѣрное рассчитывать встрѣтить въ такомъ приходѣ ни чтенія, ни пѣнія по инородчески. Оно дѣлается возможнымъ лишь въ случаѣ наличія въ приходѣ одного, двухъ учителей изъ инородцевъ. Оставляя въ сторонѣ двухъ инородческихъ священниковъ, проживающихъ въ городѣ,—одного

въ Казани, другого въ Мамадышѣ, мы находимъ, что изъ остальныхъ священниковъ-инородцевъ лишь 23 имѣетъ таковаго-же псаломщика. Такимъ образомъ лишь одному изъ 3-хъ наличныхъ инородцевъ-священниковъ обеспечена возможность надлежащимъ образомъ отправлять Богослуженіе на инородческомъ языкѣ. Конечно, для населенія является благодѣяніемъ уже священникъ инородецъ, такъ-какъ онъ можетъ говорить поученія и исповѣдывать на понятномъ языкѣ. Итакъ на 750 тысячъ православныхъ инородцевъ имѣется лишь 23 перкви, въ которыхъ обеспечена возможность богослуженія на инородческомъ языкѣ.

Въ тѣхъ-же приходахъ, въ которыхъ служатъ инородцы-священники, состоитъ 22 діакона, изъ нихъ 19 русскихъ, и 3 инородца.

При такомъ состояніи епархіи, говорить о «переполненіи ея» инородческимъ духовенствомъ по меньшей мѣрѣ преждевременно.

Поразительнѣе всего то, что духовныя лица, не сочувствующія достиженію инородцами духовнаго сана, въ то-же время считаютъ себя истинными послѣдователями Ильминскаго, забывая, что «инородческій приходъ, съ инородческимъ причтомъ во главѣ» есть одна изъ главныхъ основъ его системы.

Противники инородческаго духовенства обыкновенно ссылаются на то, что священники, не окончившіе курса духовной семинаріи, каковы большинство инородцевъ, не могутъ быть хорошими священниками.

Вотъ таблица священниковъ Казанской епархіи по образовательному цензу:

Окончившихъ духовную академію 23 (23 *).

» » » » духовную семинарію 452

*) Всѣ служатъ въ г. Казани.

Не окончившихъ духовной семинаріи . . .	86
Окончившихъ духовное училище. . . .	27
Не окончившихъ духовнаго училища. . . .	28
Окончившихъ курсъ учительской семинаріи и затѣмъ на миссіонерскихъ курсахъ. . .	7
Окончив. курсъ казанской учит. семинаріи.	44
» » » Крещено-тат. школы и миссіонерскихъ курсовъ	3
Окончив. курсъ духовнаго училища и мисс. курсы . . .	3
Домашняго образованія и мисс. курсы	12
Окончив. курсъ началн. сельск. уч. и мисс. курсы. . .	1
» » » крещено-татарской школы	12
» » » городск. уѣздн. училища	12
» » » городск. уѣздн. учил. и мисс. школы . . .	6
» » » Симбирской чувашской учит. школы. . .	4
Не окончившихъ курсъ уѣздн. учил.	1
Окончившихъ гимназію и реальное училище.	3
Не окончившихъ курса историко-филологич. института .	2
Не окончившихъ военную школу	1
Домашняго образованія	5

Изъ этой таблицы видно съ одной стороны, что число священниковъ, не окончившихъ курса духовной академіи и семинаріи, превышаетъ почти въ 4 раза общее число инородческихъ священниковъ, а съ другой, что по формальному образовательному цензу инородческое духовенство, которое въ большинствѣ вышло изъ Казанской учительской семинаріи, Казанской крещено-татарской школы или Симбирской учительской школы, и частью восполнило это образованіе на миссіонерскихъ курсахъ и въ духовной семинаріи, не является послѣднимъ въ средѣ духовенства Казанской епархіи *).

*) Инородческое духовенство и богослуженіе на инородческихъ языкахъ въ Казанской епархіи. Н. Бобровниковъ, Казань, 1905.

Большинство изъ этихъ инородческихъ священниковъ получило духовный санъ при жизни Ильминскаго или въ первые годы послѣ его смерти.

«Пусть священники изъ инородцевъ не будутъ учеными богословами и мыслителями», писалъ Н. И. Ильминскій К. П. Побѣдоносцеву, «но пусть обладаютъ они сердцемъ теплымъ, любящимъ Бога, вполне преданнымъ христіанской религіи и стремящимся къ благу своихъ соплеменниковъ: они люди простые, но пламенѣющіе огнемъ вѣры въ Бога и любви къ своимъ ближнимъ, принесутъ пользы болѣе многихъ богослововъ и, подобно апостоламъ, которые, до просвѣщенія ихъ божественнымъ свѣтомъ, были людьми простыми и невѣдующими, далеко разнесутъ Евангельское ученіе по своему племени».

Дѣйствительно люди, считающіе, что каждый пастырь долженъ быть богословомъ, забываютъ, что апостолы, основавшіе христіанскую церковь, не имѣли даже семинарскаго образованія.

II.

Въ предшествующихъ главахъ я пыталась съ возможной точностью записать видѣнное и слышанное мною въ тѣхъ инородческихъ деревняхъ, которыя мнѣ удалось посѣтить.

Я рѣшилась представить эти записки вниманію читающей публики, потому что пришла къ убѣжденію, что восточно-инородческій вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе для міроваго положенія Россіи.

Жителю центральной Россіи можетъ казаться, что вопросъ объ образованіи инородцевъ—вопросъ небольшой и притомъ чисто-мѣстный, но это существенная ошибка. Вотъ циф-

ровыя данныя объ инородческихъ племенахъ, обитающихъ въ Восточной и Юго-Восточной Россіи. *)

1. Киргизъ вмѣстѣ съ каракиргизами, каракалпаками, тюрками, таранчами. 4,886,946.
2. Татаръ 3,737,627.

3. Среднеазиатскихъ инородцевъ:

- а) узбековъ 726,534
- б) сартовъ 968,655
- в) туркменовъ 281,357

а всего 1,976,546

4. Башкиръ 1,439,136
5. Грузинъ, имеретинцевъ, мингрельцевъ 1,336,448
6. Армянъ 1,173,096
7. Мордвы 1,023,841
8. Чувашъ 843,755
9. Чеченцевъ, аваровъ, даргинцевъ, кюринцевъ, казакумовъ 819,576
10. Калмыковъ и бурятъ 479,311
11. Татовъ и таджиковъ 445,453
12. Вотяковъ 420,970
13. Черемисъ 375,439
14. Финновъ и кореловъ 351,169
15. Курдовъ и осетинъ 271,665
16. Зырянъ и пермяковъ 258,309
17. Якутовъ 227,384
18. Тюрковъ 208,822
19. Кабардинцевъ и абхазцевъ 170,672

*) Изъ изданія «Краткія общія свѣдѣнія по Имперіи. Распределеніе населенія обоюго пола по главнѣйшимъ оселовіямъ, вѣроисповѣданіямъ, родному языку и нѣкоторымъ занятіямъ» подъ редакціей Н. А. Тройницкаго. 1905 г.

20. Бумыковъ и ногойцевъ	147,488
21. Тунгузовъ	66,270

Всего въ Россіи 20,659,923

Свѣдѣнія эти относятся къ 1897 году. Съ тѣхъ поръ населеніе Россіи возросло на 15 %. Поэтому нынѣшнее число восточныхъ и юго-восточныхъ инородцевъ должно превосходить 24 милліона. Эти инородческія племена частью находятся въ тѣснѣйшихъ родственныхъ, торговыхъ и бытовыхъ отношеніяхъ съ племенами, обитающими въ Китаѣ, Афганистанѣ, Персіи и Турціи. Отсюда понятно, что то или иное отношеніе ихъ къ Россіи можетъ имѣть, особенно въ эпоху угрожающаго наступленія на насъ желтой расы, серьезное значеніе для всего русскаго государства. Между тѣмъ, мои бѣглыя наблюденія убѣдили меня, что мы почти ничего не сдѣлали для того, чтобы сблизить съ собой даже тѣ инородческія племена, которыя находятся подъ нашею властью болѣе 300 лѣтъ. Почти единственный памятникъ нашего вниманія къ духовному развитію инородцевъ есть: «Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ», напечатанный въ 1869 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по инициативѣ Ильминскаго и Шестакова, въ этомъ Министерствѣ возникла мысль о необходимости принять мѣры къ просвѣщенію восточныхъ инородцевъ. Спрошены были по этому поводу нѣкоторые мѣстные лица и учрежденія, и затѣмъ создано было въ Петербургѣ особое Совѣщаніе. Къ сожалѣнію, въ этомъ Совѣщаніи приняли участіе исключительно попечители учебныхъ округовъ и чины Департамента Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе этого, вопросъ получилъ (позволю себѣ употребить это избытое нынѣ слово) чисто бюрократическое разрѣшеніе: были составлены и утверждены правила, извѣстныя подъ именемъ

Правилъ 26 марта 1870-го года, но на этомъ Министерство и успокоилось: до того, кѣмъ и какъ будутъ исполняться и проводиться они въ жизнь, ему, повидимому, не было дѣла.

Эти правила, которыя до сихъ поръ нормируютъ пользованіе инородческимъ языкомъ въ начальномъ обученіи, были привѣтствованы Ильминскимъ, Шестаковымъ и болѣе развитыми инородцами, какъ начало новой эры, открывающей возможность стремиться, при обученіи инородцевъ, къ воспитательнымъ цѣлямъ. Инородцы; по случаю опубликованія этихъ Правилъ, радовались безконечно и служили молебны о здравіи Государя.

Что-же давали эти правила? Они устанавливали, что орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть родное его нарѣчіе, а учителя инородческихъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени инородцевъ и притомъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтственнымъ инородческимъ нарѣчіемъ. Въ мѣстностяхъ съ необрусѣвшимъ еще населеніемъ, первоначальное преподаваніе должно совершаться на инородческихъ нарѣчіяхъ. Для облегченія инородцамъ перехода къ изученію русскаго языка, книги печатаются на инородческомъ нарѣчій русскими буквами... Въ тоже время дѣти, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, обучаются русскому разговорному языку посредствомъ нагляднаго обученія, и затѣмъ, какъ только усвоятъ себѣ довольно значительный запасъ русскихъ словъ и выраженій, начинаютъ обучаться русской грамотѣ... Съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ. За это время развитіе учебнаго дѣла у инородцевъ было оставлено почти всецѣло на произволъ судьбы. Министерство Народнаго Просвѣщенія весьма долго имъ почти не интересовалось и довольствовалось принятіемъ отъ времени до времени частныхъ мѣръ: открытіемъ изрѣдка

по мѣстнымъ ходатайствамъ начальныхъ училищъ и улучшеніемъ положенія существующихъ.

Высочайше утвержденныя Правила 26 марта 1870 года, часто совершенно игнорировались учебнымъ начальствомъ и проводились въ жизнь почти лишь тамъ, гдѣ случайно оказывался человѣкъ, ознакомленный съ системой Ильминскаго и имѣющій возможность вліять на ея примѣненіе, а инородцы, по малому своему развитію не умѣли ни просить, ни требовать исполненія этихъ правилъ. Русское общество, по незнанію дѣла, или подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ печатныхъ органовъ, ставящихъ себѣ недостойною цѣлью натравливаніе центра на окраины, много говорило о патріотизмѣ, о національных задачахъ, а къ инородцамъ относилось то съ полнымъ равнодушіемъ, то даже съ пренебреженіемъ. Мы любимъ кричать о гуманности, а въ отношеніи мелкихъ подвластныхъ намъ племенъ держимся иногда крѣпостническихъ взглядовъ.

Характернымъ примѣромъ пренебрежительнаго отношенія къ инородческому вопросу является слѣдующій фактъ:

Въ «Трудахъ особаго Совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ» напечатано сообщеніе П. Н. Лупова объ инородцахъ, обучающихся въ церковныхъ школахъ восточной половины Россійской Имперіи. Къ этому сообщенію добавлено, въ видѣ сноски, слѣдующее примѣчаніе: «Прилагаемыя свѣдѣнія выбраны изъ именныхъ списковъ церковныхъ школъ за 1899 годъ, въ коихъ былъ обозначенъ и племенной составъ учащихся. Позднѣйшихъ свѣдѣній по этому вопросу въ Статистическомъ Отдѣлѣ не имѣется... Начиная съ 1902 года, свѣдѣнія о церковныхъ школахъ по Имперіи собираются по новой программѣ, въ коей вопросъ о племенномъ составѣ не значится».

Какой удобный способъ справляться съ вопросомъ? вмѣсто того, чтобъ изучить потребности инородцевъ, дѣлаютъ

видѣ, что инородцевъ совсѣмъ нѣтъ, и снимаютъ вопросъ съ очереди.

За истекшіе 35 лѣтъ положеніе инородцевъ постепенно измѣнилось: съ одной стороны они лишены, вслѣдствіе своей обособленности, возможности пріобрѣтать необходимыя для жизни познанія, значительно обѣднѣли, а съ другой, — въ нѣкоторыхъ изъ нихъ создались настроенія, отчасти несимпатичныя въ отношеніи Россіи. Впрочемъ, иначе и не могло быть, разъ цѣлыя значительныя племена были оставлены почти безъ всякихъ образовательныхъ средствъ.

Назову для примѣра курдовъ на Кавказѣ: ихъ около 250 тысячъ. За время, которое они находятся въ подданствѣ Россіи, можно было воспитать цѣлое новое поколѣніе полезныхъ гражданъ; вмѣсто этого они за это время еще болѣе одичали и, вооружившись усовершенствованнымъ оружіемъ, сдѣлались весьма опаснымъ элементомъ для русской власти на Кавказѣ.

Авары, число которыхъ достигаетъ 230 тысячъ и которые, представляя обособленное племя на Кавказѣ, могли бы удобно быть приобщены къ русской культурѣ, — оставлены совсѣмъ безъ вниманія.

Калмыки, живущіе на Волгѣ, бѣднѣютъ и чахнутъ съ каждымъ годомъ, но сохраняютъ полную обособленность, учатся въ своихъ хурулахъ, а за высшимъ образованіемъ ѣздятъ въ Ургу и Тибетъ.

Башкиры за это время сильно подвинулись къ полному отатариванію; татары магометане создали огромную литературу и настолько развили самобытныя школы, что числомъ учащихся превосходятъ русскихъ.

Киргизы, чуть-чуть затронутые нашей школой, стали въ большемъ числѣ учиться въ школахъ татаръ-мусульманъ.

Андижанское возстаніе показало отношеніе къ намъ тузем-

цевъ Средней Азіи, которыхъ прошло черезъ нашу школу самое ничтожное количество. Такъ, черезъ Ташкентскую учительскую семинарію, единственную для всей Средней Азіи, прошло за все время нашего владычества въ краѣ 39 человѣкъ туземцевъ. Съ 1879-го года по 1904 годъ въ этой семинаріи окончилъ курсъ 254 человѣка; изъ нихъ туземцевъ 39 человѣкъ, преимущественно киргизъ. *) Сколько окончилъ курсъ туземцевъ иныхъ, кромѣ киргизскаго, племень, въ отчетѣ не сказано, но, вѣроятно, не болѣе 6—8 человѣкъ. Думать такъ заставляеть то обстоятельство, что за 25 лѣтъ существованія семинаріи туда поступило:

русскихъ	348	чел.
киргизъ	54	
сартовъ	9	
татаръ	3	
туркменъ	1	
		} 13 чел.

Всего инородцевъ поступило 67 человѣкъ; окончилъ курсъ 39, т. е. 58 %. По расчету этого процента, за 25 лѣтъ киргизовъ должно было окончить курсъ 32 человѣка, а прочихъ инородцевъ 7. Сарты и туркмены такимъ образомъ, можно сказать, вовсе не затронуты учительской семинаріей.

Отношеніе учебнаго вѣдомства къ дѣлу было чисто-канцелярское. Интересъ къ духовнымъ запросамъ народа, необходимость воздѣйствія на него въ томъ или иномъ направленіи, нигдѣ не проглядываетъ въ дѣйствіяхъ учебной администраціи. Она строго занята своимъ учебнымъ (?) дѣломъ, понимаемомъ въ смыслѣ заботъ о томъ, да не будетъ нарушенъ какой-нибудь параграфъ какой-нибудь инструкціи. Забота объ открытіи новыхъ училищъ предоставлена усмотрѣ-

*) Отчетъ Туркестанской учительской семинаріи, Ташкентъ 1904 г., страница 200.

нію мѣстныхъ учреждений. Денегъ на это не отпускается до самыхъ послѣднихъ лѣтъ почти ни копейки.

Характернымъ образчикомъ тогдашнихъ отношеній Министерства можетъ служить слѣдующій фактъ.

Въ 1901 году изъ Казани поступаетъ ходатайство объ открытіи школы для практическаго изученія восточныхъ языковъ. Ходатайство мотивируется подробными соображеніями культурнаго и политическаго положенія Россіи въ Азіи и предугадываетъ возможность столкновеній, подобно переживаемому теперь на крайнемъ Востокѣ. Министерство, продержавъ проектъ полгода, вернуло его при бумагѣ, въ которой буквально сказано, что школа эта «не отвѣчаетъ учебнымъ цѣлямъ Министерства».

Эта фраза есть истинное торжество канцеляризма, который живетъ въ искусственно созданной атмосферѣ своихъ интересовъ и не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительными потребностями жизни страны. Министерство занято *своимъ* дѣломъ, а къ нему лѣзутъ съ разсужденіями о томъ, что, пренебрегая образованіемъ окраинъ, Россія можетъ потерять ихъ. Хотя бы отвѣтили: «проектъ плохо разработанъ», или «денегъ нѣтъ» (обычный отвѣтъ Министерства на большинство ходатайствъ по учебной части), а то откровенно создаются въ отсутствіи интереса къ существу самаго вопроса.

Свѣтлымъ явленіемъ въ этомъ, можно сказать, темномъ царствѣ просвѣщенія, является Ильминскій, поставившій цѣлью своей школы пользу самихъ инородцевъ, положившій въ основу своей системы заботу о духовномъ и нравственномъ ихъ развитіи, и видѣвшій пользу и честь Россіи въ томъ, чтобы приязнать инородцевъ къ русскимъ и Россіи путемъ любви.

Система Ильминскаго, узаконенна въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ 1870 году. Благодаря сочувствію къ этой системѣ К. П. Побѣдоносцева, который со времени за-

нятія имъ поста оберъ прокурора Св. Синода поддерживалъ Ильминскаго и его дѣло, помянутая система принята была въ 1899 г. и для школъ духовнаго вѣдомства.

Говоря объ этомъ, нельзя не упомянуть объ И. А. Износковѣ, который въ 1871 году былъ единственнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ во всей Казанской губерніи, а затѣмъ директоромъ народныхъ училищъ той-же губерніи (съ 1874 по 1889 годъ). Мѣстный дворянинъ, съ дѣтства близко знакомый съ народной жизнью, изученію которой онъ посвятилъ значительное время, что видно изъ его печатныхъ трудовъ по этнографіи и исторіи просвѣщенія Казанскаго края, И. А. Износковъ, все время своей службы въ Казани, являлся искреннимъ и горячимъ сторонникомъ системы Н. И. Ильминскаго. Это обстоятельство весьма облегчило Ильминскому открытіе въ Казанской губерніи значительнаго количества инородческихъ училищъ и направленіе ихъ соотвѣтствующимъ образомъ. Н. И. Ильминскій высоко цѣнилъ И. А. Износкова, считалъ его въ числѣ своихъ самыхъ искреннихъ и преданныхъ друзей и глубоко сожалѣлъ, когда И. А. -чу пришлось оставить дирекцію народныхъ училищъ. Но и послѣ этого, И. А. всегда поддерживалъ Н. И. Ильминскаго лично и его систему, особенно въ качествѣ члена Братства Св. Гурія. Послѣ смерти Николая Ивановича, когда настали для начатаго имъ дѣла тяжелыя времена, и когда многіе отвернулись отъ того знамени, за которымъ они шли при жизни незабвеннаго основателя дѣла просвѣщенія казанскихъ инородцевъ, И. А. Износковъ остался вѣренъ прежнему направленію и горячо отстаивалъ, какъ систему Н. И. Ильминскаго, такъ и сотрудниковъ его, насколько это было въ его возможности и силахъ. Привлеченный, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ильминскаго, на службу по Духовно-учебному вѣдомству, И. А. Износковъ добился здѣсь признанія системы Иль-

минскаго единственно правильной и обязательной для всѣхъ церковныхъ и инородческихъ школъ.

Поэтому, описанная много выше практика этихъ школъ, отступающая отъ помянутой системы, является уклоненіемъ отъ того, что для нихъ установлено, уклоненіемъ, вызваннымъ мѣстными условіями и обстоятельствами.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о результатахъ примѣненія системы Ильминскаго.

Они особенно замѣтны у крещеныхъ татаръ.

Въ 1887 году Н. И. Ильминскій издалъ книгу «Казанская Центральная крещено-татарская школа» «изживеніемъ», какъ сказано на заглавномъ листѣ, «попечителя школы Казанскаго І-й гильдіи купца П. В. Щетинкина».

Въ этой книгѣ напечатаны всѣ документы, относящіеся къ открытію Казанской крещено-татарской школы и къ первымъ годамъ ея существованія.

Между прочимъ здѣсь напечатано представленіе Казанскаго вице-губернатора Розова объ отпаденіи крещеныхъ татаръ и «дневникъ старо-крещенаго татарина.» (Василія Тимошеева).

Эти два документа даютъ точную картину того положенія, въ которомъ были крещеные татары въ началѣ 60-хъ годовъ.

Крещеные татары тогда представляли совершенно темную массу и являлись среди сельскаго населенія губерніи самыми отсталыми. Часть крещеныхъ татаръ отпала въ магометанство и тамъ съ тѣхъ поръ, повидимому, окончательно потонула, другая часть готовилась отпасть, и лишь небольшое количество крещеныхъ татаръ не проявляло желанія послѣдовать за отпавшими,—но это было обусловлено не привязанностью къ христіанству, а преданностью язычеству, которое,

какъ-бы подъ покровомъ христіанства, сохранилось среди крещеныхъ татаръ отъ временъ Грознаго и въ свою очередь сохранило крещеныхъ отъ магометанства.

Изъ крещеныхъ татаръ не было ни одного человѣка, учившагося далѣе начальной школы, но и такихъ было лишь нѣсколько единицъ.

Въ той-же вышепоименованной книгѣ мы находимъ, что къ 1887 году изъ татаръ, бывшихъ воспитанниковъ крещено-татарской школы было 31 священникъ, 4 діакона и 231 учитель и учительница, служившіе не только среди крещеныхъ татаръ Казанскаго края, но среди другихъ инородческихъ племенъ, которыя знаютъ татарскій языкъ, или языкъ которыхъ близокъ къ татарскому языку.

Съ 1887-го года число крещеныхъ татаръ, получившихъ образованіе, значительно возросло. Такъ въ отчетѣ Казанской крещено-татарской школы мы находимъ, что со времени основанія этой школы до 1904-го года въ ней окончило курсъ 468 мальчиковъ и 186 дѣвочекъ, преимущественно крещеныхъ татаръ. Въ Казанской учительской семинаріи ихъ окончило курсъ за 32 года ея существованія 104. Затѣмъ немало крещеныхъ татаръ прошли или проходятъ—среднія духовно-учебныя заведенія; я имѣла случай познакомиться и съ нѣсколькими крещеными татарами, получившими высшее образованіе.

Если принять во вниманіе, что въ Казанской губерніи, которая главнымъ образомъ дала перечисленный контингентъ людей, крещеныхъ татаръ лишь 47 тысячъ, и что всѣхъ вообще крещеныхъ татаръ въ настоящее время не болѣе 110.000, то сдѣлается очевиднымъ, что система Ильминскаго разбудила ихъ отъ вѣковаго сна. Посѣщеніе крещено-татарскихъ деревень убѣдило меня, что эта система не только выдвинула отдѣльныя единицы, но умственно подняла и массу

народа. Доказательствомъ этого служатъ храмы, которые нынѣ наполнены народомъ, пріемные экзамены въ Казанскую крещено-татарскую школу и учительскую семинарію, къ которымъ является въ десять разъ болѣе желающихъ поступить, чѣмъ имѣется мѣстъ; это же видно въ каждой деревнѣ по относительной зажиточности крещеныхъ татаръ, по знанію многими изъ нихъ русскаго языка, по видимому ихъ радушію въ отношеніи къ русскимъ, наконецъ по тому, что крещеные татары стали пользоваться уваженіемъ въ волостяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, часто избираются въ волостные старшины, церковные старосты и т. п.

Въ отношеніи крещеныхъ татаръ, которые образуютъ маленькій замкнутый міръ, особенно замѣтна одна существенная сторона просвѣтительной дѣятельности Ильминскаго. Онъ, повидимому, стремился почти исключительно къ тому, чтобы привлечь къ образованію *массу* народа. Школы, которыя открывалъ самъ Ильминскій, были маленькія, всѣмъ доступны школы съ самымъ ограниченнымъ курсомъ: съ Закономъ Божіемъ, инородческой грамотой и начатками русскаго языка, при чемъ послѣдній ставился такъ, чтобы онъ отнюдь не могъ вредить воспитательному воздѣйствію школы. Не вырывать изъ деревни отдѣльныхъ даровитыхъ людей, а пробуждать во всей массѣ народа любовь къ образованію, показать ему путь къ нравственному усовершенствованію—вотъ какъ бы единственная цѣль школы.

Ильминскій не придавалъ большого значенія формальному образовательному цензу при рекомендаціи крещеныхъ татаръ во священники. Искреннюю религиозную настроенность, стремленіе къ самоусовершенствованію, желаніе отдавать себя на служеніе ближнимъ, трудолюбіе, скромность, онъ ставилъ выше спеціальнаго богословскаго образованія. Эти качества въ глазахъ Ильминскаго покрывали даже и недочеты въ русской грамотѣ и рѣчи.

По моимъ наблюденіямъ, Ильминскій былъ безусловно правъ. Священники, побывавшіе только въ крещено-татарской школѣ, Казанской учительской семинаріи или Симбирской чувашской школѣ, мнѣ казались даже иногда симпатичнѣе священниковъ, получившихъ среднее богословское образованіе. Первые всегда цѣльные типы; это люди простые, близкіе народу, въ большинствѣ идейные. Побывавшіе же въ духовныхъ семинаріяхъ значительно отходятъ отъ народа, дѣлаются какъ бы двойственными: сохраняя многія черты своего народнаго характера, они пріобрѣтаютъ иногда, отъ долгаго пребыванія среди русскаго духовнаго сословія, и нѣкоторыя его особенности, его вкусы и потребности.

Несомнѣнно лица, получившіе сравнительно высокое образованіе, имѣютъ свои достоинства, между прочимъ потому, что могутъ являться вполне самостоятельными работниками, дѣйствующими по собственной инициативѣ, но къ непосредственному служенію народу они какъ будто менѣе способны.

Причина здѣсь лежитъ конечно не въ образованіи, а въ бытѣ духовно-учебныхъ заведеній, который удаляетъ воспитанниковъ отъ народа. По наблюденіямъ одного образованнаго инородца, г. Н., близко знающаго инородческія школы, современные второклассныя школы, курсъ которыхъ ниже курса учительскихъ семинарій, тоже часто создаютъ изъ инородцевъ лицъ, свысока смотрящихъ на соплеменниковъ. Г. Н. говорилъ мнѣ, что питомцы тѣхъ изъ этихъ школъ, среди которыхъ старательно искореняется мысль о родномъ языкѣ, лишенные прочнаго и правильнаго духовнаго развитія, стремятся къ выѣзности, отдѣляются отъ народа и чуждаются своихъ: въ то время, какъ учителя изъ крещено-татарской школы въ деревнѣ нельзя отличить отъ крестьянина, воспитанникъ второклассной школы стремится походить на барина, и ни нахать, ни косить не поѣдетъ.

Поэтому мнѣ представляется съ одной стороны, что давать священническія мѣста только тѣмъ инородцамъ, которые получили специальное духовное образованіе, значить кореннымъ образомъ расходиться съ системой Ильминскаго, а съ другой, что инородцы, получающіе средне-духовное образованіе, или прошедшіе курсъ второклассныхъ школъ, должны бы имѣть руководителей изъ числа хорошо образованныхъ инородцевъ, способныхъ воздѣйствовать на молодежь въ воспитательномъ отношеніи.

Чуваши почти въ десять разъ многочисленнѣе крещеныхъ татаръ; поэтому они должны бы имѣть, при одинаковыхъ условіяхъ, въ десять разъ болѣе и священниковъ и учителей изъ чувашъ. Этого однако нѣтъ. Такъ, священниковъ изъ крещеныхъ татаръ въ Казанской епархіи 27, а священниковъ изъ чувашъ 30, хотя по послѣднимъ свѣдѣніямъ первыхъ въ губерніи 47 тысячъ, а вторыхъ 543 тысячи *).

Вслѣдствіе значительнаго, сравнительно съ крещеными татарами, разнообразія въ мѣстныхъ условіяхъ, чуваша представляютъ большое разнообразіе и со стороны средствъ образованія и отношенія къ нему. На ряду съ мѣстностями, гдѣ чуваша, подъ вліяніемъ правильно поставленной школы, видимо развиваются и умственно и матеріально (напримѣръ, въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ), существуетъ цѣлый рядъ селеній, которыя только еще начинаютъ пробуждаться отъ вѣкового умственного сна (напримѣръ, чуваша чисто-польскіе) или притомъ находятся и въ самыхъ дурныхъ матеріальныхъ условіяхъ. И. Я. Яковлевъ мнѣ указывалъ на цѣлые раіоны, населеніе которыхъ бѣднѣетъ и вырождается.

Главная масса чувашъ въ числѣ 585 т. душъ, по даннымъ переписи 1897 г., проживаетъ въ мѣстности между Свягою и Сурою и частью по лѣвому берегу ея. Центромъ

*) Обзоръ Каз. губ. за 1903 г. Казань 1904, вѣдомость № 4.

чувашскихъ поселеній можно считать Ядринскій уѣздъ Казанской губерній, кругомъ котораго расположены уѣзды съ меньшимъ процентомъ чувашъ. Вотъ эти уѣзды:

	Общее число чувашъ.	% чувашъ въ общемъ числѣ жителей.
Ядринскій Казан. губ.	140409	90,9
Цивильскій »	131277	80
Чебоксарскій »	84703	437207 66,6
Козмодемьянскій »	49943	47,3
Тетюшскій »	30875	16,6
Буинскій Симбир. губ.	80663	45
Курмышскій »	41321	25,7
Симбирскій »	16745	7,4

Всего по переписи 1897 г. 584936

Число этихъ чувашъ въ настоящее время должно превосходить 650 т.

Культурный уровень этой группы чувашъ несомнѣнно ниже культурнаго уровня не только русскаго, но и татарскаго населенія. Грамотныхъ среди чувашъ:

Мужч. Женщ.

Въ Казанской губ. 13,22% 1,05%

Въ Симбирской 15,6% 1,3%

Въ той и другой губерніи, по числу грамотности, чуваша занимаютъ послѣднее мѣсто. Грамотныхъ по-русски изъ общаго числа грамотныхъ чувашъ въ Казанской губерніи только 13,84%. Такимъ образомъ, изъ сотни чувашскаго населенія грамотныхъ вообще 13 человекъ, а изъ сотни послѣднихъ 14 человекъ знаютъ и русскую грамоту. Отсюда выходитъ,

что на сотню человекъ чувашскаго населенія русскую грамоту знаютъ не болѣе двухъ. Число чувашь грамотныхъ и по-русски въ Симбирской губерніи неизвѣстно, но въ виду сходственности бытовыхъ условій, въ которыхъ живетъ чувашское населеніе, перечисленныхъ выше уѣздовъ Симбирской губерніи, число грамотныхъ тамъ по-русски чувашь не можетъ существенно разниться отъ приведеннаго.

Низкій культурный уровень чувашь наглядно видѣтъ изъ числа слѣпыхъ. Въ Казанской губерніи слѣпыхъ чувашь 6279, т. е. изъ 80 человекъ чувашь 1 слѣпой. Правда, весьма значительно число слѣпыхъ и среди русскихъ (1 на 384 ч.) и татаръ (1 на 160 ч.), но пальма первенства принадлежитъ казанскимъ чувашамъ. Курная изба, грязь, совершенное незнакомство съ требованіями гигиены являются главнѣйшею причиною этого печальнаго явленія.

Изъ этихъ данныхъ видна необходимость дать чувашамъ книгу на родномъ языкѣ, потому что ждать, пока они выучатся читать русскую книгу, — значитъ обрекать ихъ на продолжительныя матеріальныя бѣдствія. Язычниковъ среди этой части чувашскаго населенія немного (въ Казанской губ. 1093, въ Симбирской губ. 371), но и крещеные чуваша по міросозерцанію и образу жизни во многомъ еще остаются язычниками и не могутъ ими не быть, такъ какъ христіанство только недавно стало являться имъ въ видѣ ученія на понятномъ языкѣ. Но на этомъ пути предстоитъ сдѣлать еще весьма много, такъ какъ священниковъ изъ чувашь для этой массы населенія имѣется 56 человекъ, въ томъ числѣ въ Казанской губерніи на 437 т. душъ населенія 28 человекъ, и въ Симбирской губерніи на 147 т. душъ тоже 28 человекъ. Означенная выше мѣстность есть старинное мѣстожительство чувашь.

Послѣ водворенія русскаго владычества на всемъ про-

странствѣ нынѣшней Европейской Россіи и Сибири, часть чувашъ переселилась на востокъ и югъ. Главнѣйшія изъ этихъ поселеній расположены на востокъ отъ Волги, въ той мѣстности, гдѣ сходятся границы губерній Казанской, Уфимской и Самарской, главнымъ образомъ въ бассейнахъ рѣкъ Черемшана, Шенны и Сока. Здѣсь проживаютъ, по даннымъ переписи 1897 г. 214405 ч. чувашъ, а именно въ слѣдующихъ 11 смежныхъ уѣздахъ:

1) Чистопольскомъ, Казан. губ.	49,563
2) Спасскомъ „ „	23,882
3) Бугульминскомъ, Самар. губ.	25,406
4) Бугурусланскомъ „ „	34,832
5) Бузулукскомъ „ „	12,556
6) Ставропольскомъ „ „	11,018
7) Самарскомъ „ „	7,923
8) Белебейскомъ, Уфим. губ.	31,443
9) Стерлитамакскомъ „ „	23,882
10) Мензелинскомъ „ „	3,154
11) Уфимскомъ „ „	2,058

Эта группа чувашъ широко расселилась между другими инородческими племенами и потому частью подверглась ихъ вліянію.

Чуваши Чистопольскаго и Спасскаго уѣздовъ Казанской губерніи почти не коснулась школа системы Ильминскаго; религиозное состояніе ихъ весьма печально, и язычниковъ между ними 5,659 человекъ. Священниковъ изъ чувашъ въ этихъ уѣздахъ, на 62 т. чувашскаго населенія, только 4.

Въ Уфимской губерніи наибольшій % въ общей массѣ населенія чуваша составляютъ: въ Белебеевскомъ уѣздѣ—7,26% и Стерлитамакскомъ—7,3%, въ которыхъ башкиры и татары: въ первомъ—65%, во второмъ—41% всего населенія. Есте-

ственно, что въ этихъ уѣздахъ чуваша должны были подвергнуться сильному влиянію этихъ двухъ народностей. Въ остальныхъ двухъ уѣздахъ Уфимской губ. число чувашъ не достаётъ 1% населенія. 1 $\frac{1}{2}$ % уфимскихъ чувашъ при переписи объявили себя магометанами и столько же язычниками.

Покойный Уфимскій преосвященный Діонисій, бывшій ранѣе епископомъ Якутскимъ, обратилъ серьезное вниманіе на религіозное состояніе уфимскихъ чувашъ, устроилъ нѣсколько церквей въ чувашскихъ мѣстностяхъ и назначилъ къ нимъ священниковъ изъ чувашъ. Священниковъ этого племени въ Уфимской губ. при 60 т. ч. чувашъ, въ настоящее время 22 ч., что есть по отношенію къ числу жителей, почти въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ губерніи Казанской.

Для просвѣщенія чувашъ Самарской губерніи особенно много сдѣлалъ преосвященный Гурій, нынѣ епископъ Симбирскій. Въ Самарской епархіи, при 91,735 ч. чувашъ, священниковъ изъ чувашъ 57. Но принятыя преосвященными Гуріемъ и Діонисіемъ мѣры не могли еще, по краткости времени, оказать полное свое влияніе ни въ Уфимской, ни въ Самарской епархіи.

Язычниковъ чувашъ въ Самарской губерніи, по переписи 1897 г. 2780 ч. По послѣднимъ частнымъ свѣдѣніямъ число это значительно сократилось.

Кромѣ этихъ двухъ группъ чувашскихъ поселеній, существуютъ менѣе значительныя ихъ поселенія въ южной части губерніи Симбирской и въ губерніяхъ Саратовской, Оренбургской и въ Сибири,—именно: Въ южной части Симбирской губерніи (въ уѣздахъ: Корсунскомъ, Сенгилеевскомъ и Сызранскомъ) проживаетъ 20,361 чувашъ, въ Саратовской (въ уѣздахъ: Вольскомъ, Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ)—14,346; въ Оренбургской (въ уѣздѣ Орскомъ)—2,095. Небольшое число чувашъ проживаетъ въ губерніяхъ Томской и Тобольской.

Есть основаніе думать, что на просвѣщеніе всѣхъ этихъ чувашъ обращено нѣкоторое вниманіе. Такъ извѣстно, что въ означенныхъ мѣстностяхъ имѣется духовенство изъ чувашъ—именно въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ—Симбирской губерніи 2 священника, въ Саратовской губерніи 3, въ Томской одинъ.*)

Вотъ лишь въ послѣдніе годы, уже послѣ смерти Ильминскаго, затронуты школами его системы, такъ что у нихъ подъ влияніемъ школъ только еще начинается совершаться то пробужденіе, которое крещеные татары пережили 20—30 лѣтъ назадъ.

Вышеизложенныя данныя показываютъ, что дѣло просвѣщенія инородцевъ только еще начато, и что впереди предстоитъ еще много и много работы.

Тѣмъ отраднѣе оглянуться назадъ на пройденный путь и подсчитать итоги.

Изъ брошюры «32-я годовщина открытія Казанской учительской семинаріи» мы узнаемъ, что всего учительская семинарія и Казанская крещено-татарская школа съ ихъ основанія выпустили 1422 учителя и 186 учительницъ. Многіе изъ этихъ учителей впослѣдствіи приняли духовный санъ. Симбирская чувашская школа съ своего основанія выпустила свыше 450 учителей, священниковъ и діаконовъ. Если прибавить къ этому число учителей и учительницъ, окончившихъ курсъ въ Бардыганской, Унжинской и Ишаковской центральныхъ школахъ, въ двухъклассныхъ училищахъ и второклассныхъ школахъ, то наличность педагогическихъ силъ, работавшихъ или работающихъ среди населенія Приволжскихъ губерній представляется весьма значительной. Эти скромные дѣятели, несущіе просвѣщеніе въ самые глухіе углы инородческихъ мѣстностей, исполняютъ дѣло огромной важности и со-

*) Изложенныя выше свѣдѣнія мною заимствованы изъ ненапечатанныхъ работъ Н. А. Бобровникова и Н. В. Никольскаго.

дѣйствуютъ, сами того иногда не подозрѣвая, упроченію мірового положенія Россіи.

Тѣ изъ этихъ дѣятелей, которые воспитались въ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ Ильминскимъ и его послѣдователями, приносятъ съ собой и вкладываютъ въ свое дѣло тотъ духъ уваженія къ личности каждаго темнаго инородца, который составлялъ одну изъ существенныхъ чертъ характера великаго основателя инородческаго просвѣщенія. Это уваженіе къ чужой личности, это признаніе въ каждомъ человѣкѣ свободной воли и свободного сердца, должно, по убѣжденію Ильминскаго, простираться не только на тѣхъ инородцевъ, которые соединены съ нами одной общей вѣрой, но и на всѣхъ людей—безъ различія вѣроисповѣданія и племени. Поэтому всѣ вообще, послѣдователи Ильминскаго, присоединяясь къ нему въ горячемъ желаніи возбудить во всѣхъ инородцахъ любовь къ христіанству, должны прежде всего основывать свою дѣятельность на духъ широкой терпимости, которымъ проникнуты были всѣ начинанія Ильминскаго, и который подвигнулъ его къ заботѣ и о язычникахъ и о киргизахъ-магометанахъ.

Никого не принуждать, мало того—никому ничего не навязывать, видѣть брата во всякомъ человѣкѣ, магометанинѣ ли онъ, ламаитѣ или язычникѣ, уважать особенности каждаго и стремиться быть для всякаго братомъ—вотъ тѣ начала, которыя могутъ соединить въ служеніи общему отечеству всѣ населяющія Россію разноплеменные и разновѣрные народности.

И да не упрекаютъ насъ магометане въ нетерпимости. Мы относимся и впредь готовы относиться къ нимъ, какъ къ равноправнымъ братьямъ, если они готовы отвѣтить намъ такими—же отношеніями.

Есть почва, на которой всѣ люди могутъ сойтись. Ста-

немъ первые смѣло на эту почву, и инородцы всѣхъ племенъ и вѣроисповѣданій «сами придутъ къ намъ по любви».

III.

Въ маѣ настоящаго года я имѣла честь присутствовать на засѣданіяхъ Совѣщанія, созваннаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазовымъ для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, и здѣсь выслушала доклады мѣстныхъ дѣятелей, приглашенныхъ къ участию въ работѣ Совѣщанія.

Изъ этихъ докладовъ я вынесла убѣжденіе, что цѣлыя значительныя инородческія племена не только не воспользовались тѣми льготами, которыя даны были Правилами 26 Марта 1870 года, но и остались почти безъ всякихъ средствъ къ образованію. Когда я слушала помянутыя сообщенія, мнѣ казалось, что надъ областями, населенными инородцами, лежитъ что-то тяжелое и давящее. Исключительныя заботы о томъ, чтобъ черезъ школу не проникло чего-нибудь вреднаго для русскаго государства и власти; вѣчныя опасенія, чтобъ не появились инородческія литературы, не создался сепаратизмъ и проч.... Никакой заботы объ отношеніи народа къ школѣ и школы къ народу, почти ни слѣда мысли о томъ, чтобы поднимать черезъ школы матеріальное благосостояніе народа, улучшать его бытъ.....

Политика и такъ называемые государственные интересы какъ бы заставляютъ мѣстную учебную администрацію забыть коренную цѣль школы: содѣйствовать поднятію нравственнаго и умственнаго уровня населенія.

Общественную инициативу въ этой области, и безъ того численно столь слабую, администраторы всячески стараются ограничить, мѣстныхъ дѣятелей по возможности отъ дѣла от-

странить. Чрезвычайно характернымъ является въ этомъ смыслѣ исторія Казанскаго благотворительнаго общества-Братства Гурия.

Оно было архіепископомъ Антоніемъ и Н. И. Ильминскимъ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія организовано, какъ свободное общественное учрежденіе. Во главѣ Братства стоялъ предсѣдатель и совѣтъ, избираемые на годъ общимъ собраніемъ общества, вступленіе въ которое пріобрѣталось взносомъ трехъ рублей и ни для кого не было обязательно. Предсѣдатель и большинство членовъ совѣта были свѣтскія лица, вносившія въ общество безкорыстную любовь къ просвѣщенію, обширныя спеціальныя познанія и независимыя убѣжденія. Общее развитіе бюрократическихъ началъ вызвало рядъ реформъ и въ Братствѣ. Прежде всего ему былъ данъ обязательный предсѣдатель *) въ лицѣ епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи. Откуда бы ни прибылъ сей послѣдній и какой короткій срокъ пребыванія въ Казани ему ни былъ бы предназначенъ (Чебоксарскій викаріатъ представляется вновь рукоположеннымъ епископамъ, — притомъ обычно на самый короткій срокъ), этотъ викарій являлся обязательнымъ и властнымъ руководителемъ старыхъ мѣстныхъ дѣятелей. Эта реформа сразу уменьшила у членовъ Братства чувство ответственности за дѣло, а столкновенія, неизбежныя между незнакомымъ съ краемъ, но имѣющимъ, по сану и положенію, власть предсѣдателемъ съ одной стороны и старыми членами общества съ другой, охладили ревность послѣднихъ къ дѣлу. Нѣкоторые изъ нихъ формально вышли изъ Братства (П. Д. Шестаковъ, Н. А. Бобровниковъ), другіе отстранились отъ активнаго участія въ дѣлахъ, въ веденіи которыхъ стали пріобрѣтать значеніе общія нормы, а не мѣстныя данныя. Это охлажденіе интереса членовъ общества къ дѣ-

*) М. Машановъ. Обзоръ дѣятельности Братства г. Казань 1902 г.

ламъ его было косвенной причиной и растраты кассы его въ 1895 году. Затѣмъ удлинень былъ срокъ службы членовъ совѣта и установлено, что предсѣдатель и половина членовъ совѣта назначаются мѣстнымъ архіереемъ, а членами Братства состоятъ всѣ служащіе по духовному вѣдомству и все духовенство. Такимъ образомъ Братство стало казеннымъ учрежденіемъ,—участіе въ немъ—службой, повинностью, совѣтъ же братства, обязанный представлять свои постановленія на утвержденіе, подчиненнымъ архіерею органомъ. вмѣстѣ съ этимъ изъ Братства исчезъ, разумѣется, интересъ къ дѣлу, и мѣсто его занялъ карьеризмъ и личные счеты. Современное печальное состояніе Братства отлично обрисовано въ статьѣ М. А. Машанова *) изъ которой я позволю себѣ выписать слѣдующее заслуживающее вниманія почитателей Н. И. Ильминскаго сообщеніе:

«Упадокъ Братства начинается съ первой поправки, внесенной при архіепископѣ Палладіи въ уставъ Братства. Въ 1883 году, на общемъ собраніи Братства, архіепископомъ Палладіемъ предположено измѣнить уставъ Братства въ томъ смыслѣ, чтобы предсѣдатель Братства пересталъ быть избираемымъ, а былъ всегда Казанскій викарій. Одинъ изъ братчиковъ такъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ собраніи.

«Я пріѣхалъ на это засѣданіе съ покойнымъ Н. И. Ильминскимъ, но сидѣлъ вдали отъ него въ галлѣ. Когда архіепископъ сдѣлалъ помянутое предложеніе, взоры всѣхъ обратились къ Николаю Ивановичу, но онъ смотрѣлъ въ землю и ничего не говорилъ. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія архіепископъ сказалъ, что въ виду отсутствія возраженій, онъ считаетъ его предложеніе принятымъ. Когда мы съ Николаемъ Ивановичемъ по закрытіи засѣданія сѣли на извозчика и поѣхали домой, въ семинарію, Николай Ивановичъ говорить:

*) М. А. Машановъ: «Отвѣтъ на докладъ чрезвычайной ревизіонной комиссіи».

«И что это никто не возразилъ преосвященному?»

Я объяснилъ Николаю Ивановичу, что всё на него смотрѣли.

«Никогда не умѣю, сказалъ на это Николай Ивановичъ, во время сказать, что нужно. Добра изъ этой мѣры не будетъ.»

Эти слова были пророческими“.

Русская печать и русское общество въ теченіи долгихъ лѣтъ совершенно не интересовались внутренней жизнью, религіозными и культурными запросами народностей, отданныхъ исторіей подъ русское господство. Печатныхъ работъ по этому отдѣлу русской жизни такъ мало, что ихъ всё, можно перечислить на одной страницѣ. Поэтому вниманіе, обращенное Министромъ Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазовымъ на важный вопросъ объ образованіи инородцевъ, выразившееся сначала въ командировкѣ члена совѣта Министра А. С. Будиловича для ревизіи инородческихъ учебныхъ заведеній восточной Россіи, глубоко и радостно взволновало всёхъ инородцевъ, какъ предвѣстникъ лучшаго будущаго. Я получила множество писемъ отъ инородцевъ съ выраженіемъ именно этой мысли.

Созывъ затѣмъ вышеупомянутаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ того же А. С. Будиловича, еще болѣе укрѣпилъ эти надежды. Знакомые мнѣ инородцы основаніе для надежды на лучшее будущее находятъ въ личности предсѣдателя и въ составѣ Совѣщанія.

Высокая ученость А. С. Будиловича являлась гарантіей, что Совѣщаніе не будетъ руководствоваться односторонними модными увлеченіями въ родѣ „натуральнаго метода“ и не будетъ разсматривать школу, какъ орудіе для достиженія узкополитическихъ цѣлей.

Затѣмъ, во время ревизіонной поѣздки Антона Семеновича, инородцы успѣли узнать въ немъ человѣка, ставящаго въ основу учебнаго дѣла прежде всего бытовыя условія и потреб-

ности инородцевъ и ихъ дѣйствительные интересы, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ расходиться съ интересами русскими, правильно понимаемыми.

Составъ Совѣщанія выгодно отличаетъ его отъ Совѣщанія, которое создало Правила 26 Марта 1870 года. Въ послѣднемъ засѣдали почти исключительно администраторы, знающіе школу лишь по отчетамъ подчиненныхъ имъ лицъ; тогда не удостоился приглашенія даже самъ Н. И. Ильминскій, какъ человѣкъ недостаточно чиновный.

Совѣщаніе нынѣшняго года было составлено исключительно изъ педагоговъ работниковъ и притомъ таковыхъ, которые всѣ до единого заявили о своемъ интересѣ къ дѣлу или печатными трудами, или личной инициативой въ области именно начальной инородческой школы.

Объ упомянутыя особенности настоящаго Совѣщанія, счастливо отличающія его отъ предшествующаго, показываютъ, что со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ В. Г. Глазова измѣнилось отношеніе Министерства къ школѣ.

Хочу надѣяться, что это направленіе, которое въ отличіе отъ прежняго, административнаго, можно назвать педагогическимъ и которое основано на заботѣ о материальныхъ интересахъ всѣхъ многочисленныхъ народностей, населяющихъ нашу общую дорогую родину, будетъ началомъ новаго періода въ исторіи начальной школы, не только инородческой, но и русской.

Лишь такое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія укрѣпить въ инородцахъ вѣру, сѣмена которой посеяны Ильминскимъ, что русскіе люди и русское правительство суть ихъ истинные друзья и покровители, желаютъ только ихъ счастья и въ видахъ этого хлопочуть о сближеніи инородцевъ на почвѣ культуры и образованности съ великимъ русскимъ народомъ.

Лишь подобное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія поставитъ на должную высоту и русскую школу, въ которой программа, аттестаты и навязанные посторонними воспитательно-учебному дѣлу соображеніями шаблоны часто идутъ въ разрѣзъ съ духовными и матеріальными запросами населенія, погашаютъ духъ учителя, обезличиваютъ школу и являются причиной того, что она приноситъ иногда населенію такъ мало пользы.

Съ давнихъ поръ имѣю убѣжденіе, что въ широкой и правильной постановкѣ начальнаго образованія кроется единственное вѣрное средство къ избавленію народа отъ гнетущей его темноты, которая парализуетъ дремлющія въ немъ духовныя силы и лишаетъ его умѣнія бороться съ бѣдностью, болѣзненностью, нетрезвостью и всѣми другими нравственными и матеріальными язвами крестьянской жизни.

Приложенія.

1911

Прошлой зимою я обратилась къ нѣкоторымъ священникамъ и учителямъ, служащимъ въ инородческихъ мѣстностяхъ, съ просьбой сообщить мнѣ свѣдѣнія о результатахъ дѣйствія среди инородцевъ просвѣтительной системы воспитанія и обученія Н. И. Ильминскаго за 12 лѣтъ со времени его смерти, т. е. съ 1891-го года до 1903—1904 учебнаго года. При этомъ я просила ихъ доставлять эти свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

1. Количество и составъ населенія русскаго и инородческаго по племенамъ въ данной мѣстности: губерніи, или уѣздѣ, или волости, епархіи, или благочиніи, или приходѣ, (названіе данной мѣстности) въ 1891 году и въ настоящее время.

Изъ инородческаго населенія сколько крещеныхъ и сколько некрещеныхъ, магометанъ или язычниковъ, и сколько отпадшихъ въ магометанство?

Если въ данной мѣстности всѣ инородцы крещенные, то въ какомъ разстояніи отъ данной мѣстности находятся селенія некрещеныхъ инородцевъ, магометанъ, язычниковъ, или отпавшихъ въ магометанство?

2. На какомъ языкѣ совершается православное богослуженіе въ церквахъ среди инородческаго населенія?

Если на инородческомъ языкѣ, то отчасти, или сполна, съ какого времени и въ какомъ количествѣ церквей?

Если богослуженіе на инородческомъ языкѣ прекратилось, то когда, по какимъ причинамъ и во всѣхъ-ли церквахъ?

3. Въ числѣ священниковъ инородческихъ приходовъ и остальныхъ членовъ причта, сколько инородцевъ и сколько русскихъ?

Русскіе члены причта знаютъ ли мѣстные инородческіе языки?

Устраиваютъ ли въ школахъ для инородцевъ религіозно-нравственныя чтенія и бесѣды и на какомъ языкѣ?

Какъ относится инородческое населеніе къ богослуженію на инородческомъ языкѣ?

4. Сколько въ данной мѣстности инородческихъ и смѣшанныхъ (т. е. гдѣ вмѣстѣ съ инородцами учатся и русскіе) школъ различныхъ типовъ (типа Ильминскаго и общаго типа) и принадлежащихъ къ различнымъ Вѣдомствамъ, и съ какого времени онѣ открыты?

Имѣетъ ли обслѣдуемая мѣстность достаточное число школъ и если нѣтъ, то въ какихъ селеніяхъ нужно открыть новыя школы?

5. Въ числѣ учителей и учительницъ инородческихъ школъ сколько инородцевъ и сколько русскихъ?

Знаютъ ли русскіе учителя мѣстные инородческіе языки, ведутъ ли обученіе на этихъ языкахъ или на русскомъ?

Вообще съ какою подготовкою (т. е. окончившіе курсъ въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ) и какіе учителя, русскіе или инородцы, успѣшнѣе ведутъ обученіе въ инородческихъ школахъ?

6. На какомъ языкѣ ведется преподаваніе въ инородческихъ школахъ, на русскомъ или мѣстномъ, и въ теченіи какого времени на томъ и на другомъ?

Въ какомъ числѣ школъ на русскомъ и въ какомъ на мѣстномъ языкѣ?

Преподаваніе на инородческомъ языкѣ за 12 лѣтъ расширилось ли или сократилось отдѣльно въ каждой школѣ и по какимъ причинамъ?

7. Какого типа, т. е. типа Ильминскаго или общаго типа (т. е. гдѣ все преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ) каждая школа въ данной мѣстности и въ чьемъ вѣдѣніи она находится (Министерства Народ. Просв., Земства, Духовнаго Вѣд., Братства)?

Длится ли курсъ обученія 3 или 4 года.

Не было ли въ данной мѣстности школы съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ раньше открытія здѣсь школы типа Ильминскаго?

Если да, то сколько было учениковъ въ послѣдній годъ существованія школы общаго типа (т. е. гдѣ все преподаваніе на русскомъ языкѣ), сколько ихъ было въ первый годъ открытія школы по системѣ Ильминскаго и сколько ихъ въ настоящее время?

8. Сколько за 12 лѣтъ поступило учениковъ въ каждую школу?

Сколько вышло изъ школы до окончанія курса?

Сколько окончило курсъ, и изъ числа окончившихъ курсъ сколько осталось дома, сколько поступило въ другія учебныя заведенія для продолженія образованія, и сколько поступило въ учителя и въ какія школы?

Сколько грамотныхъ русскихъ и инородцевъ было въ данной мѣстности въ 1891 году, и сколько ихъ въ настоящее время?

Если за всѣ 12 лѣтъ свѣдѣній не имѣется, то желательно имѣть свѣдѣнія хоть за послѣдніе годы.

9. Каково отношеніе инородческаго населенія къ обученію на мѣстномъ или на русскомъ языкѣ, съ учителемъ или учительницей изъ инородцевъ или изъ русскихъ?

Какія требованія предъявляетъ населеніе къ школамъ?

Желааетъ ли, чтобъ обученіе начиналось прямо съ русскаго языка и чтобъ ученики пріобрѣтали знанія, полезныя въ крестьянскомъ быту, или желаетъ, чтобъ они знакомились съ русскимъ языкомъ постепенно, съ помощью инородческаго языка, научившись сперва грамотѣ, Закону Божію, молитвамъ и пѣнію на инородческомъ языкѣ?

Возрастаетъ ли стремленіе населенія къ школьному обученію?

Увеличивается ли желаніе учиться по-русски, или съ помощью школьнаго обученія укрѣпляться въ православной вѣрѣ?

Въ какой степени владѣютъ русскимъ языкомъ, окончившіе курсъ въ школахъ типа Ильминскаго или общаго типа съ учителемъ или учительницей изъ инородцевъ или изъ русскихъ?

10. Каково вліяніе школы на инородческое населеніе?

Каково было религіозное и нравственное состояніе населенія при открытіи школы по системѣ Ильминскаго или школы общаго типа, и каково оно въ настоящее время?

На сколько развились за эти 12 лѣтъ въ населеніи религіозность и христіанскій образъ жизни?

Какая школа (типа Ильминского или другая) влияет въ этомъ отношеніи сильнѣе?

11. Какъ влияетъ школа съ обученіемъ на инородческомъ языкѣ и школа общаго типа (т. е. гдѣ все преподаваніе на русскомъ языкѣ) на обрусѣніе населенія?

Можно ли положительно утверждать, что школа типа Ильминского больше сближаетъ инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, больше развиваетъ въ инородцахъ любовь ко всему русскому, чѣмъ школа общаго типа?

Или же наблюдались случаи отчужденія инородцевъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія послѣ обученія ихъ на мѣстномъ инородческомъ языкѣ?

Каковы въ данной мѣстности успѣхи обрусѣнія населенія за послѣдніе 12 лѣтъ въ смыслѣ усвоенія русскаго языка и русскихъ обычаевъ?

12. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы христіане и язычники живутъ вблизи магометанъ или отступниковъ, каковы были успѣхи мусульманской пропаганды за 12 лѣтъ и въ чемъ выразилась борьба съ ними инородческой школы?

Оказала ли школа вліяніе на уменьшеніе отпаденій и если да, то въ какой степени?

Какая школа (типа Ильминского или общаго типа) оказывала большее вліяніе въ этомъ отношеніи и при какомъ учителѣ, русскомъ или инородцѣ?

Примѣчаніе. Если кромѣ изложеннаго въ этихъ вопросахъ, лица доставляющія свѣдѣнія, имѣютъ сообщить еще что-либо о просвѣщеніи инородцевъ въ данной мѣстности, то такія дополнительныя свѣдѣнія весьма желательны. Напр.: желательно знать, стали ли больше приносить пользу населенію бывшія братскія школы послѣ передачи ихъ въ вѣдѣніе Училищнаго Совѣта?

Въ отвѣтъ я получила много интересныхъ матеріаловъ. Печатаю здѣсь нѣкоторые изъ нихъ въ видѣ приложеній.

Приложение № 1.

Село Янцовары Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи.

1. Въ селѣ Янцоварахъ къ 1-му января 1892 г. количество душъ было: русскихъ мужского пола 122, женскаго пола 140 д., старокрещеныхъ татаръ муж. пола 454, жен. пола 545.

Къ 1-му января 1905 года было: русскихъ муж. пола 101, жен. пола 114, старокрещеныхъ татаръ муж. пола, 512 жен. пола 526.

Въ селѣ Янцоварахъ всѣ православные, раскольниковъ и отпадшихъ въ магометанство не имѣется. Между старокрещеными татарами есть склонность къ магометанству лишь въ трехъ семействахъ, которыя занимаются отхожимъ ремесломъ между магометанами. Приходскому священнику приходится видѣть ихъ очень рѣдко, поэтому весьма трудно познакомить ихъ съ истинами христіанской вѣры. Въ районѣ села Янцоваръ есть слѣдующія магометанскія селенія; Аланка въ 4-хъ верстахъ, Сауши въ 5-ти в. и Шатки въ 6-ти в.

2. Богослуженіе совершается на славянскимъ и татарскимъ языкахъ. Богослуженіе, поученія и бесѣды на татарскомъ языкѣ народу очень нравятся. Когда начинаешь говорить поученіе на татарскомъ языкѣ, прихожане подходятъ ближе къ священнику и слушаютъ съ большимъ усердіемъ.

Многіе мои прихожане изъ русскихъ говорятъ, что инородцы нынѣ совсѣмъ другіе стали: бывало ихъ рѣдко увидишь въ церкви, а нынче ихъ почти столько же, сколько русскихъ.

3. Въ селѣ Янцоварахъ священникъ и псаломщикъ изъ старокрещеныхъ татаръ, а діаконъ изъ русскихъ, татарскаго языка не знаетъ, поэтому инородцамъ рѣдко приходится слышать эктениі на родномъ языкѣ.

Въ учебное время, начиная съ 1-го октября до Вербнаго во-

скресеня, въ мѣстной братской школѣ священникъ ведетъ собесѣдованія на татарскомъ языкѣ.

4. Въ селѣ Янцоварахъ двѣ школы — мужская и женская, обѣ школы братскія. Въ обѣихъ школахъ занятія ведутся по системѣ Н. И. Ильминскаго. Мужская школа существуетъ съ 1868 года, а женская съ 1884 года. Въ минувшемъ учебномъ году учащихся было: въ мужской школѣ русскихъ 15, крещенныхъ татаръ 45, въ женской школѣ русскихъ 5, крещ. татарокъ 7.

5. Учителя и учительница изъ старокрещенныхъ татаръ, образованіе получили въ Казанской центральной крещено-татарской школѣ.

Для инородческихъ школъ учителя должны быть изъ инородцевъ, а если изъ русскихъ, то должны знать мѣстный инородческий языкъ. При чтеніи русскихъ книгъ, каждое слово нужно перевести на татарскій языкъ и объяснять; безъ перевода на родной языкъ, машинальное заучиваніе уроковъ, особенно по закону Божію, совершенно бесполезно.

Покойный Н. И. Ильминскій просилъ и требовалъ, чтобы ученики прежде всего основательно знали молитвы и уроки изъ священной исторіи на родномъ языкѣ, это для нихъ самое необходимое знаніе.

6. Въ школахъ братства св. Гурія преподаваніе ведется въ младшемъ отдѣленіи на родномъ языкѣ, а въ старшемъ на русскомъ языкѣ. Заучиваніе словъ и разговорные уроки по русскому языку ведутся съ 1-го отдѣленія.

Въ первыхъ годахъ, какъ только открылись школы братства св. Гурія, занятія шли больше на родномъ языкѣ, а въ послѣдніе годы начали заниматься больше на русскомъ языкѣ. Многие изъ начальствующихъ желаютъ, чтобы преподаваніе велось на русскомъ языкѣ, а занятія на родномъ языкѣ прекратить. Такія лица къ сожалѣнію сильно ошибаются и хотятъ отнять у инородцевъ кусокъ хлѣба, данный намъ добрыми людьми. Слышать стройное пѣніе и внятное чтеніе на родномъ языкѣ, это, кажется, величайшее удовольствіе для инородца.

7. Въ школахъ братства св. Гурія пока держится система Н. И. Ильминскаго. Курсъ обученія длится 3 года. До открытія братскихъ школъ, въ селѣ Янцоварахъ и въ приходѣ его школъ не было. Первая школа была открыта въ 1862 году.

Учащихся было 25 человекъ. Въ минувшемъ учебномъ году учащихся было въ мужской школѣ 60 м., въ женской 12 дѣв.

8. Сколько за 12 лѣтъ поступило учениковъ и ученицъ за всѣ года неизвѣстно, но ежегодно поступаютъ около 20 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, а окончившихъ курсъ съ 1891 года по настоящее время 73 мальчика и 15 дѣвочекъ.

До окончанія курса продолжаетъ ученіе только 4-я часть. Изъ окончившихъ курсъ въ янцоварскихъ школахъ 2 священника, 1 діаконъ, 2 псаломщика, 5 учителей и 2 учительницы.

До открытія братскихъ школъ въ селѣ грамотныхъ было мужскаго пола около десяти, а женскаго пола ни одного человека. Въ настоящее время во многихъ домахъ по 2 и по 3 человека грамотныхъ.

9. При поступленіи въ школу, ученики изъ инородцевъ не знаютъ на русскомъ языкѣ, можно сказать, ни слова, поэтому для нихъ весьма пріятно слышать изъ устъ учителя своего первыя слова на родномъ языкѣ. Первое ласковое слово на родномъ языкѣ, или разсказъ объ чемъ нибудь заставляеть ученика любить учителя.

Родители учениковъ желаютъ, чтобы дѣти ихъ умѣли читать и писать, знали молитвы и познакомились съ русскимъ языкомъ. Часто высказываютъ желаніе, чтобы дѣти ихъ знали церковное пѣніе. Число учащихся увеличивается. Всѣ желаютъ, чтобы дѣти ихъ были грамотные, но мало желающихъ отдавать дѣтей своихъ въ другія учебныя заведенія, кромѣ сельской школы.

Ученики старшаго отдѣленія начинаютъ объясняться по русски и разсказывать на русскомъ языкѣ событія изъ Св. Исторіи.

10. Школы имѣютъ большое вліяніе на инородцевъ; въ семидесятыхъ годахъ въ селѣ Янцоварахъ много было склонныхъ къ магометанству, нѣкоторые изъ нихъ соблюдали магометанскіе посты. По открытіи школъ число склонныхъ начало уменьшаться, въ настоящее время замѣтна склонность только въ 3-хъ семействахъ, которыя постоянно занимаются отхожимъ ремесломъ между магометанами.

11. Ученики изъ инородцевъ, которые до открытія братскихъ школъ учились въ русскихъ школахъ, заучивали молитвы и уроки изъ Св. Исторіи только машинально, безъ всякаго поня-

тія. По приїзді изъ Казанской школы, когда мы имъ начали читать и рассказывать изъ св. Исторіи по татарски, они слушали съ удивленіемъ. Многіе изъ русскихъ говорятъ, что крещенные татары нынче совсѣмъ другіе стали—обрусѣли. Особенно обрусѣніе очень замѣтно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ инородцы не были склонны къ магометанству. Инородцы отъ русскихъ не отчуждаются, а напротивъ, годъ отъ году и сами обрусѣваютъ. При моей бытности въ селѣ Янцоварахъ, въ теченіе 13 лѣтъ, многіе крещенные татары начали ходить въ русскомъ костюмѣ.

Обрусѣнія крещенныхъ татаръ трудно ожидать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они окружены магометанами и гдѣ они занимаются отхожимъ ремесломъ между магометанами.

12. Живя среди отпадшихъ и склонныхъ къ отпаденію, я замѣчалъ, что каждый магометанинъ какъ только зайдетъ въ домъ крещенина, начинаетъ бесѣдовать о вѣрѣ. Особенно они нападаютъ на иконопочитаніе, называютъ насъ идолопоклонниками. Поэтому склонные къ отпаденію держатъ въ своихъ домахъ небольшія иконки, или крестики, и закрываютъ ихъ пологенцемъ, или скатертью.

Многихъ учителей братскихъ школъ, живущихъ среди склонныхъ къ магометанству, оставляютъ въ школахъ и на лѣто, чтобы они ходили по домамъ и бесѣдовали съ народомъ о вѣрѣ.

Дѣти склонныхъ къ отпаденію изъ многихъ селеній окончили курсъ въ Казанской учительской семинаріи и крещено-татарской школѣ, занимаютъ хорошія должности, и имѣютъ большое вліяніе на своихъ родственниковъ. Школы много принесли пользы для укрѣпленія крещенныхъ татаръ въ христіанской вѣрѣ.

Если бы не положилъ начала просвѣщенію инородцевъ Н. И. Ильминскій, въ настоящее время мало осталось бы ихъ въ православіи. Хотя многіе находятъ систему его бесполезной и устарѣвшей, но никто не могъ имѣть такого вліянія на инородцевъ и никто не могъ наставить ихъ на путь истины, какъ незабвенный Н. И. Ильминскій. 1905 года 1-го мая.

Священникъ села Янцоваръ Назарій Герасимовъ. (Изъ старокрещенныхъ татаръ).

Село Никифорово Мамадышского уезда Казанской губернии.

1. Деревня Никифорово была переименована въ село лишь въ 1895 году, когда здѣсь, благодаря щедрому пожертвованію Казанскаго купца П. В. Щетинкина была, устроена и освящена деревянная церковь. До этого времени Никифорово принадлежало къ приходу села Тавелей.

Населеніе села Никифорова старо-крещенные татары. Исключеніемъ являются 2 дома отпадшихъ въ 1866 г. въ исламъ, да одинъ домъ русскихъ. Болѣе точныя свѣдѣнія о количествѣ и составѣ мѣстнаго населенія можетъ дать слѣдующая таблица *).

	старо-кр. татарь		русскихъ		отпадшихъ	
	мущ.	женщ.	мущ.	женщ.	мущ.	женщ.
Въ 1891 г. въ Ник. были:	364	329	одинъ домъ.		2 дома	
1896	402	377	3	2	11	9
1897	408	391	4	4	10	8
1898	404	389	4	4	10	8
1899	417	394	4	4	10	8
1900	427	402	4	5	10	8
1901	446	404	4	5	10	6
1902	442	423	4	5	10	5
1903	447	420	одинъ домъ		2 дома	

Ближайшія къ Никифорову деревни Сартыкъ (1 $\frac{1}{3}$ вер.), Ишкеево (3 вер.) и Чаксы (4 вер.) населяютъ исключительно мухаммедане, русскіе же живутъ въ разстояніи шести верстъ въ селѣ Тавеляхъ.

2. Христіанская религіозно-нравственная жизнь обитателей Никифорова загорѣлась лишь въ 1866 г., когда впервые, тру-

*) Свѣдѣнія за 1866—1902 г. получены изъ клировыхъ вѣдомостей, а за 1891 и 1903-й гг. извлечены изъ архива мѣстнаго училища.

дами незабвенныхъ Н. И. Ильминскаго и В. Т. Тимофеева, появилась на свѣтъ Божій мѣстная братская школа. Подъ кровлею этого училища скоро зазвучали первые удары небольшого колокола и раздались первые звуки богослужебнаго чтенія и пѣнія на родномъ для жителей языкѣ.

Въ 1995 г. сбылась давняя мечта никифоровцевъ — въ ихъ деревнѣ появилась церковь, съ открытіемъ которой крещенные татары Никифорова получили большую возможность слышать слова богослужебнаго чина на родномъ и понятномъ для нихъ языкѣ. Говоримъ большую возможность, потому что о полномъ богослуженіи на крещено-татарскомъ языкѣ не можетъ быть рѣчи даже и по настоящее время: какъ извѣстно по настоящее время на этотъ языкъ не переведены еще апостолъ, многія пѣснопѣнія и чтенія Минеи, Тріоди и т. д.

Въ теченіи всего времени съ появленія въ с. Никифоровѣ церкви богослуженіе совершалось по инородчески, въ извѣстные періоды времени въ большей, а въ другіе въ меньшей степени.

Причины такого явленія различны; главная изъ нихъ, неодновременное появленіе переводовъ различныхъ частей богослуженія на татарскій языкъ.

Другою причиною является составъ мѣстнаго причта и его взгляды на инородческое просвѣщеніе.

3. Первымъ священникомъ никифоровской церкви былъ (съ Мая 1895-го г. до Ноября того же года) Игнатій Тимофеевичъ о. Тимофеевъ изъ старо-крещеныхъ татаръ.

При немъ богослуженіе и требы совершались почти исключительно на инородческомъ языкѣ. На томъ же языкѣ онъ говорилъ при каждомъ богослуженіи и живыя жизненныя поученія.

Съ 1895 г. и до 1901 г. въ Никифоровѣ іерействовалъ о. Николай Приклонскій, русскій, почти ничего не знающій по татарски. Тѣмъ не менѣе онъ старался вводить въ богослуженіе инородческій элементъ: поощрялъ мѣстнаго учителя къ составленію хора изъ татаръ — воспитанниковъ и къ пѣнію въ церкви на родномъ языкѣ, даже самъ старался произносить эктениі, возгласы и читать св. Евангеліе на татарскомъ языкѣ, только, къ великому огорченію, часто даже до непонятности искалѣченнымъ. Всѣ требы о. Николай совершалъ на церковно-славян-

скомъ языкѣ *) на немъ же онъ постоянно говорилъ и церковныя поученія.

Послѣ о. Приклонскаго съ 1901 г. и по настоящее время іереемъ никифоровскаго прихода состоитъ Сергій Глѣбовичъ о. Ляпидовскій. Его дѣятельность нужно раздѣлить на два рѣзко отличныхъ періода. О. Сергій русскій, но прекрасно говорить по татарски. До конца 1903 г. онъ обильно пользовался знаніемъ языка своихъ прихожанъ: на немъ онъ совершалъ большую часть богослуженія, на немъ же изрѣдка говорилъ и церковныя поученія. Съ конца 1903 г. **) и до послѣднихъ дней онъ часто во время богослуженія ни одного слова не произноситъ по инородчески. Мало того онъ совершенно запретилъ прочитывать по татарски шестопсалміе, каѣзмы и другія части богослуженія, запретилъ пѣть поочередно на инородческомъ и церковно-славянскомъ языкахъ: блаженны, иже херувимы, величитъ душе моя, Господа и т. д. и почти совершенно пересталъ произносить поученія.

Псаломщиками никифоровской церкви были двое, оба изъ русскихъ, но знающіе по инородчески. Ихъ дѣятельность вполне гармонировала съ требованіями іереевъ, при которыхъ они служили.

Небезынтересны для насъ и результаты, которые получились отъ дѣятельности въ томъ и другомъ родѣ.

Прежде всего коснемся того, какъ относилось мѣстное населеніе къ богослужебнымъ чтенію и пѣнію въ школѣ съ 1892-го г. и до открытія церкви ***). На приглашеніе училищнаго колокола къ молитвѣ и поученію, никифоровцы толпами спѣшили въ помѣщеніе училища и туго—туго набивались въ него. Крещенные татары съ особенною любовію относились къ поученію. Причина этого была главнымъ образомъ въ совершенномъ непониманіи ими богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ, а отчасти въ отдаленности ихъ деревни отъ приходской церкви (6 верстъ).

*) Впрочемъ, нѣкоторыя требы совершались по инородчески, это въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствовалъ мѣстный учитель съ питомцами.

**) То есть вскорѣ послѣ занятія кафедры Казанской епархіи преосвященнымъ Димитріемъ—нынѣ архіепископомъ Одесскимъ (прим. издательницы).

***). Свѣдѣнія мы даемъ только съ 1892 года, в. ч. только ихъ мы проверили со словъ учителя и сельскихъ сторожилъ.

Еще болѣшій подъемъ религіозной жизни сталъ замѣчаться среди никифоровскихъ татаръ со времени построения у нихъ церкви и церковнаго богослуженія съ постояннымъ поученіемъ на своемъ родномъ языкѣ. Особенно это нужно сказать о тѣхъ моментахъ религіозной жизни никифоровцевъ, когда въ богослужебной практикѣ употреблялся почти исключительно ихъ родной языкъ. Ряды пѣвцовъ быстро пополнялись и возрастали. Число богомольцевъ также быстро возрастало. Количество поминаній и поставленныхъ свѣчей все увеличивалось и увеличивалось. Такъ, напр., во время краткаго священствованія въ Никифоровѣ о. Игнатія, въ церковь ходили всѣ (исключенія были рѣдки), при о. Николаѣ уже значительно менѣе, при началѣ іерейства о. Сергія снова замѣчается усиленная жизнь духа, но съ переломомъ въ его дѣятельности опять сильный упадокъ. Конечно, замѣтенъ переходъ паствы изъ рукъ о. Игнатія подъ жезлъ о. Николая, но особенно замѣтенъ онъ въ дѣятельности о. Ляпидовскаго до перелома и послѣ него. Церковь, когда то «биткомъ набитая» народомъ, замѣтно опустѣла; пѣвцы разбѣжались; количество поминаній сократилось на $\frac{2}{3}$ противъ прежняго. О свѣчахъ уже и не говоримъ. Для примѣра сошлемся хоть и на всенощную предъ мѣстнотимымъ праздникомъ Казанской Богоматери (8 Іюля); всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви было человекъ до 10-ти, въ томъ же числѣ священникъ, псаломщикъ, учитель, учительница и сторожа. При этомъ надо замѣтить, что въ это время не было рѣшительно никакихъ работъ по сельскому хозяйству, могущихъ удерживать отъ посѣщенія церкви. Приблизительно такое же число богомольцевъ держится и въ остальное время за вечернимъ и утренимъ богослуженіемъ. Въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться, неожиданно пріѣхавъ къ вечернему (наканунѣ воскресенія) богослуженію. Къ литургіи ходитъ нѣсколько болѣе: отъ 20 до 25-ти человекъ.

Сильное охлажденіе никифоровцевъ къ церкви сказывается еще въ уменьшившемся количествѣ говѣльщиковъ и причастниковъ: число ихъ за послѣдній годъ особенно сократилось.

4. Въ с. Никифоровѣ существуютъ 2 инородческія школы — мужская и женская. Первая была открыта Братствомъ Св. Гурія въ 1866 г., а потомъ въ 1884 г. преобразована въ земскую,

но съ нособіемъ отъ Братства. Женская братская школа открыта въ 1867 г., въ вѣдѣніи Братства она находится и по настоящее время. Школа эта въ нѣкоторые годы прекращала свое существованіе, но вскорѣ опять открывалась. Обѣ никифоровскія школы типа Н. И. Ильминскаго. Такъ какъ весь никифоровскій приходъ состоитъ изъ одного только села, то существующихъ уже школъ вполне достаточно для него.

5. За весь періодъ времени существованія обѣихъ школъ въ нихъ учительствовали исключительно инородцы и инородки, получившіе образованіе въ Казанской центральной крещено-татарской школѣ.

6. Орудіемъ обученія въ мужской никифоровской школѣ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ четырехгодичнаго курса является татарскій языкъ, а въ послѣдніе 2 года русскій, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда учащіеся затрудняются понять объясненія на послѣднемъ, снова обращаются къ помощи родного для учащихся языка.

За послѣдніе 9 лѣтъ преподаваніе на рускомъ языкѣ значительно усилилось въ никифоровской школѣ. Это особенно замѣтно на письменныхъ работахъ учащихся. Такъ, напримѣръ въ настоящее время ученики упражняются въ рускомъ языкѣ не только въ чистописаніи и диктовкѣ, какъ это было прежде, но кромѣ этого пишутъ еще: „изложенія“, практически упражняются въ правописаніи и рѣшеніи ариѣметическихъ задачъ съ письменными объясненіями. Причина указаннаго явленія кроется въ преобразованіи прежняго 3-хъ годичнаго курса въ 4-хъ лѣтній.

Въ никифоровскомъ мужскомъ училищѣ со времени перваго выпуска учениковъ (въ 1875 г.) окончило курсъ 104. Въ настоящее время въ селѣ нѣтъ ни одного дома, гдѣ не было бы грамотныхъ. Изъ никифоровскихъ мужчинъ, имѣющихъ возрастъ до 45 л., почти всѣ грамотны. Совсѣмъ другое нужно сказать о женскомъ поколѣніи, въ которомъ грамотныхъ не болѣе 30%.

Получивъ образованіе въ мѣстной школѣ, никифоровцы стремились еще вкусить свѣта и истины въ какомъ либо болѣе высшемъ учебномъ заведеніи. Стремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ увѣнчалось желаннымъ результатомъ. Такъ, напр., намъ извѣстно, что въ Казанской учительской семинаріи и крещено-та-

тарской школѣ въ различное время училось и учится въ общемъ до 30-ти никифоровскихъ мальчиковъ и 11-ти дѣвочекъ. Большинство изъ нихъ закончило курсъ упомянутыхъ заведеній. Находились и такіе, которые искали еще большаго образованія и съ этою цѣлью поступали на Казанскіе миссіонерскіе курсы (2 челов.) и даже въ духовные училище и семинарію.

Полученныя въ одномъ изъ указанныхъ заведеній свѣденія не пропадали даромъ, никифоровцы при первой же возможности спѣшили дѣлиться своими знаніями со своими сородичами. Такъ въ различное время до 10-ти человекъ изъ нихъ учительствовали и учительствуютъ въ инородческихъ земскихъ и Братства св. Гурія школахъ, а также школахъ грамоты, до 11 человекъ священствовали и пребываютъ іереями въ инородческихъ приходахъ Казанской, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Вятской и другихъ епархіяхъ, а одинъ діаконовствуетъ.

9. У мѣстнаго населенія съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ желаніе учиться грамотѣ и даже—получить по возможности высшее образованіе въ одномъ изъ указанныхъ нами учебныхъ заведеній. Такое стремленіе вызывается сознаніемъ, что неграмотному нынѣ плохо живется.

Родители—никифоровцы съ любовью относятся къ своему училищу, потому что „ученіе своихъ дѣтей считаютъ полезнымъ особенно въ смыслѣ познанія православной вѣры и грамоты инородческой и русской“ *). Высказывая подобныя стремленія, мѣстное населеніе вовсе не касается того метода, которымъ достигаются тѣ или другіе результаты, а на предложенный вопросъ: на какомъ языкѣ они желали бы обучать своихъ дѣтей на инородческомъ или русскомъ отвѣчали: дѣло не въ языкѣ, а въ вѣрѣ; пусть нашихъ дѣтей научатъ вѣрѣ Христовой да жизни доброй, а не одному лишь русскому языку... Вѣдь и среди знающихъ русскій языкъ есть „коштаны, мірѣды, а ихъ то намъ и не надо“. Конечно, нужно инородцамъ чтобы ихъ дѣти знали по русски для житейскихъ цѣлей, но для нихъ главнѣе всего то, чтобы они могли читать имъ божественныя книги.

*) Заявленіе мѣстнаго учителя со словъ никифоровцевъ.

Приобрѣтая въ школѣ типа Н. И. Ильминскаго главное, т. е. элементарное познаніе св. вѣры Христовой и умѣнье толково читать и рассказывать прочитанное на своемъ родномъ языкѣ, школьники въ тоже время приобретаютъ знаніе русскаго языка, достаточное для житейскихъ потребностей, приобретаютъ и знаніе русской грамоты, которое многіе изъ нихъ поддерживаютъ по выходѣ изъ школы чтеніемъ русскихъ книгъ, больше всего религіознаго содержанія, затѣмъ, по народовѣднью, исторіи русской, географіи, а также охотно читаютъ различные рассказы и повѣсти. Знаніемъ русскаго языка и грамоты, приобретенными своими дѣтьми въ школѣ, никифоровцы очень довольны и какихъ либо большихъ требованій по этому пункту не высказывали и не высказываютъ.

10. Религіозно-нравственная жизнь никифоровцевъ быстро мѣняется своею прежнюю, полуязыческо-мухамеданскую окраску. Намъ думается, что все это производится дружнымъ и совмѣстнымъ вліяніемъ церкви, пастырства и школы, при чемъ послѣдняя играетъ въ этомъ дѣлѣ роль учрежденія подготавливающаго инородцевъ къ пониманію церковнаго богослуженія. Для характеристики благотворнаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія школы на обитателей Никифорова, считаемъ не излишнимъ сослаться на слѣдующее обстоятельство. Крещенные татары этого села особенно стали интересоваться рассказами изъ житій святыхъ.

Между никифоровцами есть такіе, которые уже довольно обстоятельно знаютъ до 30-ти житій святыхъ. Многіе изъ нихъ читаютъ Евангеліе, смущаются его кажущимися разнорѣчіями и спѣшатъ получить разъясненіе отъ мѣстнаго учителя, при пособіи различныхъ печатныхъ руководствъ и толкованій. Что это какъ не развитіе жизни религіознаго духа подъ школьнымъ вліяніемъ?

11. Оказывая громадное вліяніе на христіанское религіозно-нравственное состояніе никифоровцевъ, мѣстная школа важна и въ дѣлѣ ихъ обрусѣнія. Искоренія ихъ мухаммедано-языческія взгляды и убѣжденія и замѣняя ихъ христіанскими, школа устраняетъ внутренній и при томъ главный тормазъ къ упомянутому обрусѣнію.

Благодаря ей работѣ и знаніе русскаго языка все усиливается въ мѣстномъ населеніи, при чемъ русскій языкъ лучше знаютъ обучавшіеся въ школѣ. Такъ напр., изъ мужчинъ по русски знаютъ почти всѣ, исключеніе составляютъ какихъ нибудь 10 человѣкъ. Совсѣмъ другое нужно сказать о женской половинѣ, которая, думается намъ, сильно тормозитъ успѣшное дѣйствіе школы въ этомъ отношеніи.

Сильно препятствуетъ болѣе быстрымъ успѣхамъ школы въ указанномъ отношеніи отсутствіе постоянныхъ сношеній съ русскимъ населеніемъ (село Никифорово, какъ мы уже видѣли, исключительно крещенское, и русскіе живутъ на довольно значительномъ разстояніи), а вмѣстѣ съ ними отсутствуетъ постоянная практика въ русскомъ языкѣ.

Гораздо труднѣе прививаются къ инородцамъ русскіе обычаи и костюмъ. Привычка, завѣщанная отцами, вѣдь вторая натура, трудно и не скоро подвергающаяся измѣненію. Все же и въ этомъ отношеніи есть уже шагъ впередъ, хотя и не особенно большой.

Мухаммедано - татарскія безрукавки - чекменъ, войлочные шляпы, рубашки-длиннушки съ оригинальнымъ откиднымъ воротомъ уже не пользуются монополіей; кафтаны съ длинными рукавами, пиджаки, фуражки, ситцевыя рубашки съ прямымъ воротомъ да яркимъ поясомъ, сапоги съ мушками—вотъ настоящій идеаль костюма крещенскаго, никифоровскаго парня, только идеаль часто за неимѣніемъ средствъ остающийся лишь въ мечтѣ. Правда, татарская мѣховая шапка „бюрек.“ все еще на головѣ никифоровца, но она теперь уже утратила въ его глазахъ свое мухаммеданское значеніе и мила хозяевамъ по своей практичности при защитѣ отъ холода. И котель по прежнему у никифоровцевъ вмазанъ въ горнушку и по прежнему снабжаетъ ихъ огромныя семьи большимъ количествомъ каши съ лукомъ и саломъ, но изгонять его невозможно, а желать удаленія бессмысленно. Хозяйка привыкала къ котлу и лучше съ нимъ справляется чѣмъ съ горшкомъ, соответствующей потребностямъ семьи величины. Затѣмъ, къ чему никифоровцу на горшки, да ухваты тратиться, когда у него все это, хотя и другой формы, досталось по наслѣдству. Вѣдь, не за картузы,

кафтаны съ борами, да косоворотки, а тѣмъ болѣе горшки, нашь называютъ русскими.

12. Ближайшими къ Никифорову поселками, какъ мы уже видѣли, являются двѣ мухаммеданскія деревни. Конечно, нельзя сказать, что это сосѣдство совершенно не вліяетъ на никифоровцевъ, но это вліяніе весьма ослабѣло. Крещенные, благодаря просвѣщенію по системѣ Н. И. Ильминскаго, уже не считаютъ себя братьями мухаммеданъ, а заявляютъ „мы крещен“ и въ силу этого холодны къ мусульманамъ. Время, когда послѣдніе были самыми почетными гостями и учителями уже минуло. Мало этого, вліяніе мусульманъ теперь значительно ослабѣло и на портныхъ изъ крещенъ, которые большую часть времени года проводятъ среди первыхъ. Даже среди неученыхъ изъ крещенъ теперь замѣчается оппозиція исламу: они, не зная чѣмъ доказать превосходство своей новой вѣры, указываютъ послѣдователю ислама на свой крестъ и разговоръ о религіи считаютъ поконченнымъ. Постепенно подъ вліяніемъ просвѣщенія по той же системѣ исчезаютъ и различные мухаммеданскіе и языческіе обряды. Такъ, напр., за послѣдніе 10 лѣтъ съ корнемъ вырвался обычай устраивать жертвоприношенія и совершать подаваніе курами и пѣтухами родственникамъ, чтимаго мѣстными мухаммеданами „Кальпъ“. Этотъ „Кальпъ“ считается послѣдователями ислама святымъ. Среди магометанъ существуетъ легенда, что, когда срубъ могилы упомянутаго святого сгніетъ, тогда послѣдуетъ второе пришествіе. Первое слово протеста противъ этихъ обрядовъ опять мы видимъ со стороны просвѣщенныхъ свѣтомъ Христовымъ въ школахъ и церкви. Эти молодые послѣдователи Христа подняли на смѣхъ своихъ родныхъ жертвоприносителей и щедрыхъ жертвователей и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказались отъ всякаго въ этомъ участія.

Свѣдѣнія доставилъ кандидатъ Богословія, бывшій студентъ Казанской духовной академіи, Павелъ Памфиловъ (изъ крещеныхъ татаръ).

Арзаматовская инородческая школа, открытая Мин.
Народн. Просвѣщенія въ 1893 году.

(Доставлено игуменомъ Анастасіемъ).

1. Въ д. Арзаматовой Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи язычниковъ черемисъ насчитывается около 900 душъ обоого пола. Крещенныхъ черемисъ одно семейство.

4. Въ Арзаматовской школѣ черемисы учатся вмѣстѣ съ русскими.

5. Учитель инородецъ, окончившій курсъ въ Казанской учительской семинаріи; помощница его, окончившая курсъ въ двухклассномъ М. Н. П. училищѣ, не владѣющая черемисскимъ языкомъ.

6. Преподаваніе съ инородцами въ 1-й годъ обученія ведется на ихъ родномъ языкѣ, а въ слѣдующіе годы на русскомъ, при чемъ и въ эти годы нельзя обойтись безъ родного языка.

7. Курсъ обученія трехгодичный. Въ д. Арзаматовой до 1893 года школы не было. Въ первый годъ открытія было учащихся 32 чел., а въ настоящее—64 чел.

8. Съ 1893 г. по 1904 годъ поступило учащихся 262 чел. Вышло до окончанія курса 185 чел., а по окончаніи—77 чел. Въ другія учебныя заведенія не поступали. Грамотныхъ инородцевъ до открытія школы было 3 чел., а въ настоящее время 98 чел. (Вышедшихъ изъ младшаго отдѣленія я не считаю грамотными).

9. Инородцы предпочитаютъ преподаваніе на родномъ языкѣ съ переводомъ на русскій языкъ, съ учителемъ знающимъ ихъ языкъ, и желаютъ, чтобы ихъ дѣти усвоили въ школѣ русскій языкъ.

10. Религіозное и нравственное состоянія населенія послѣ открытія школы замѣтно улучшается. Одинъ ученикъ изъ вѣр-
ренной мнѣ школы принялъ православную вѣру.

11. При преподаваніи на одномъ русскомъ языкѣ невоз-
можно достигнуть тѣхъ результатовъ, какіе достигаются на род-
номъ съ переводомъ на русскій языкъ, а посему любовь въ ино-
родцахъ ко всему русскому развивается больше при преподава-
ніи на ихъ родномъ языкѣ. Не замѣчалось ни одного случая
отчужденія инородцевъ отъ русскихъ послѣ обученія ихъ на
родномъ языкѣ.

Послѣ открытія школы въ Арзаматовой, черемисы, обуча-
шіеся въ ней, больше усвоили русскій языкъ и больше сблизи-
лись съ русскими обычаями.

12. До открытія школы былъ одинъ случай отпаденія язык-
ника въ магометанство, а въ настоящее время такихъ случаевъ
нѣтъ. Обучавшіеся въ школѣ черемисы чуждаются магометан-
ства больше, чѣмъ необучавшіеся.

Православная вѣра среди черемисъ здѣшняго края, по мо-
ему мнѣнію, процвѣтаетъ не раньше, какъ будетъ закономъ вве-
дено всеобщее обученіе съ 4-хъ годичнымъ курсомъ. Всѣхъ дѣ-
тей инородцевъ въ школѣ слѣдуетъ воспитывать въ духѣ пра-
вославной вѣры, а для этого необходимо при каждой школѣ
имѣть побольше книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.
Теперь же, сколько я знаю, школъ разныхъ категорій: Мини-
стерскихъ, земскихъ и даже духовнаго вѣдомства, всѣ онѣ въ
этомъ страдаютъ: имѣются: Евангеліе, псалтирь, часословъ и
рѣдко 10—15 названій разныхъ книгъ духовнаго содержанія.
1905 г. 8 марта.

Учитель *Гр. Нисскій.*

Бирюбашское черемисское училище Бирского уѣзда
Уфимской губ.

(Доставлено игуменомъ Анастасіемъ).

3. Религіозно-нравственныя чтенія и бесѣды не устраиваются.

4. Бирюбашское училище инородческое — черемисское, открыто въ 1890 году.

5. Учитель изъ горныхъ черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губерніи, окончившій курсъ Бирской учительской школы.

6. Обученіе ведется на русскомъ языкѣ въ продолженіе всего курса, за исключеніемъ 4—6 недѣль, когда занятія съ новичками ведутся на ихъ родномъ языкѣ; кромѣ того родной языкъ употребляется при прохожденіи Закона Божія въ продолженіе всего курса для лучшаго усвоенія.

За 12 лѣтъ преподаваніе на родномъ языкѣ не могло расширяться, такъ какъ оканчивающіе курсъ сельской школы подвергаются испытаніямъ по всѣмъ предметамъ на русскомъ языкѣ.

7. Училище вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; курсъ ученія въ немъ длится три года.

8. За 12 лѣтъ въ училище поступило 167 мальчиковъ и 44 дѣвочки, всего—211 дѣтей. До окончанія курса выбыло 112 мальчиковъ и 34 дѣвочки, всего 146 учащихся.

Окончило курсъ 55 мальч. и 10 дѣв., всего . . . 65 чел.

Осталось дома 52 „ „ 10 „ „ всего . . . 62 »

Для продолженія образованія поступило 3 мальч., изъ нихъ 1, окончивъ курсъ учительской школы, поступилъ учителемъ русско-татарской школы. Два мальчика учатся въ 2 кл. училищѣ.

Грамотныхъ до открытія училища было не болѣе 5 человѣкъ въ школьномъ районѣ (въ 3 деревняхъ).

Грамотныхъ черемисъ въ настоящее время 67 чел. т. е. 65 окончившихъ курсъ и 2 научившихся на военной службѣ. Но изъ этого числа нѣкоторые совершенно позабыли грамоту, а 1 умеръ.

9. Къ обученію на родномъ или русскомъ языкѣ отношеніе безразличное.

Опредѣленныхъ требованій къ школѣ населеніе не предъявляетъ, относясь ко всему равнодушно; оно желаетъ, чтобы дитя научилось, читать, писать и считать, но особеннаго стремленія къ школьному обученію не проявляетъ.

По причинѣ незнанія истинъ православной вѣры не только не замѣтно желанія при помощи обученія укрѣпляться въ православной вѣрѣ, но и отношеніе къ ней равнодушное и даже большей частью враждебное (слово „крещеный“ среди черемисъ употребляется какъ оскорбительное).

Успѣшно окончившіе курсъ въ школахъ русскимъ языкомъ владѣютъ удовлетворительно.

10. Особыхъ перемѣнъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи со времени открытія школы по настоящее время не замѣтно; изъ окончившихъ курсъ ни одинъ не перешелъ въ православную вѣру.

Такъ какъ черемисы язычники, то о ихъ христіанскомъ образѣ жизни не можетъ быть и рѣчи.

11. Школа даетъ ученику знаніе читать и писать, но не научаетъ понимать литературнаго „книжнаго“ языка изъ-за недостатка времени (три года); почему окончившіе курсъ совершенно не интересуются самообразованіемъ и приходятъ въ состояніе безграмотности.

Итакъ школа съ обученіемъ на русскомъ языкѣ мало вліяетъ на обрусеніе инородцевъ, мало способствуетъ сближенію съ русскими.

По системѣ Н. И. Ильминскаго просвѣщеніе, посредствомъ котораго можно достигнуть прочнаго сближенія инородцевъ съ русскими, должно быть религіозное, нравственное и умственное, а орудіемъ школьнаго образованія непременно долженъ быть родной языкъ, чтобы воспринимаемая учениками понятія

религіозныя, нравственныя и научныя сдѣлались ясны и опредѣленны для ихъ ума и имѣли благотѣльное вліяніе на ихъ сердце и нравственное чувство. На основаніи этихъ положеній и школьной практики положительно можно утверждать, что школа типа Н. И. Ильминскаго болѣе сближаетъ инородцевъ съ русскимъ населеніемъ.

Отчужденія же инородцевъ въ смыслѣ племеннаго обособленія не замѣтно.

Въ данной мѣстности почти все мужское населеніе владѣетъ русскимъ языкомъ, а изъ женскаго пола только рѣдкія объясняются кое-какъ на русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Знаніе русскаго языка черемисами объясняется, вѣроятно, смѣшаннымъ составомъ населенія. Несомнѣнно знаніе это весьма незначительно. Подъ грамотными въ пунктѣ 8-мъ разумѣются, по смыслу пункта 11-го, лишь кончившіе курсъ или учившіеся въ школѣ, а не дѣйствительно знающіе грамоту въ настоящее время. Издательница.

Приложение № 5.

Село Табурданово, Цивильскаго уѣзда, Казанской губернии.

1. Въ 1891 г. въ Табурдановскомъ приходѣ было русскихъ 51, чувашъ 3,370 душъ обоихъ половъ. Въ 1903 году русскихъ 50, чувашъ 4441 человекъ обоего пола.

Среди инородческаго населенія прихода магометанъ и язычниковъ нѣтъ.

Въ окрестностяхъ прихода некрещенныхъ чувашъ находится въ Старо-Тябердинскомъ приходѣ въ 8 верстахъ отъ Табурданова—9 дворовъ, въ 15 верстахъ въ Кошелейскомъ приходѣ въ деревнѣ Три-Избы приблизительно дворовъ 15, въ 17 верстахъ, въ Ново-Чурашевскомъ приходѣ, приблизительно дворовъ 20; въ 22 верстахъ въ Подгоринскомъ приходѣ тоже есть некрещенные чуваша.

Татары—магометане живутъ въ 14 верстахъ отъ Табурданова въ деревнѣ Чутеево, въ 16 верстахъ въ деревнѣ Урмаево и въ 20 верстахъ въ деревнѣ Токаево.

2. Въ другихъ церквахъ, какъ служатъ, не знаю, а въ Табурдановѣ богослуженіе совершается на славянскомъ и чувашскомъ языкахъ; когда въ церкви народу мало, служба идетъ по-славянски, когда много,—большею частью по-чувашски. Когда служба идетъ съ діакономъ, который по-чувашски не знаетъ, эктенія читается и «Господи помилуй» поется по-славянски; возгласы, часы и псалмы читаются по-чувашски.

О томъ, что прекратилось ли вообще богослуженіе на чувашскомъ языкѣ, и съ какого времени, трудно сказать, потому что служить никто изъ начальниковъ не запрещаетъ, но служить или не служить зависитъ больше всего отъ личнаго

взгляда священника—настоятеля, отъ личного состава причта и учителя, управляющаго хоромъ.

Въ нашей церкви, напимѣръ, до 1898 года по-чувашски служилось чаще и больше, а когда послѣ этого стали поступать діаконы не умѣющіе говорить и читать по-чувашски, служить на чувашскомъ языкѣ стали меньше.

3. Въ Цивильскомъ уѣздѣ знаю священниковъ изъ чувашъ 12, священниковъ изъ крещеныхъ татаръ—3; діаконѡвъ: 6 чувашъ, 1 татаринъ; псаломщиковъ: 3 чувашъ, 2 татарина.

Изъ справочной книги Казанской епархіи видно что въ Цивильскомъ уѣздѣ: 1 протоіерей, 57 священниковъ, изъ нихъ 15 священниковъ инородческихъ; діаконѡвъ 23, изъ нихъ 7 инородцевъ; псаломщиковъ 54, изъ нихъ 5 инородцевъ.

О томъ, знаетъ ли вообще духовенство инородческой языкъ, утвердительно не могу сказать, потому что я не всѣхъ знаю лично, но около нашего села почти всѣ знаютъ инородческой языкъ.

Если служить на инородческомъ языкѣ съ благовѣніемъ, внятно, неторопливо, то замѣтно, что весьма трогательно для нихъ, а если служить торопливо, невнятно, неясно, во время чтеніе и пѣнія сливать слова, дѣлать гнусливо, то для нихъ безразлично, что по-русски, что по-чувашски, стоятъ сонливо, недѣйственно.

4. Сколько въ уѣздѣ школъ каждаго типа въ отдѣльности и всего—достоверно не могу знать. Говорятъ, что въ Цивильскомъ уѣздѣ болѣе ста школъ церковныхъ и кажется около сорока земскихъ и двѣ министерскихъ.

Не знаю, гдѣ еще нужно имѣть школы, но въ нашемъ приходѣ во всѣхъ селеніяхъ есть школы: въ селѣ земское, въ 5 деревняхъ одна школа братства св. Гурія и 4 школы грамоты.

5. Сколько по всему уѣзду учителей и учительницъ русскихъ и инородцевъ незнаю, но въ нашемъ приходѣ всѣ изъ чувашъ, кромѣ одного, поступившаго въ прошломъ году, и діакона въ школѣ грамоты. Этотъ учитель не знаетъ чувашскаго языка, но училъ по учебникамъ на чувашскомъ языкѣ въ младшемъ отдѣленіи со второклассниками, а въ старшемъ училъ на русскомъ языкѣ.

Учителями въ школахъ грамоты состоятъ: діаконъ кончившій курсъ въ духовномъ училищѣ, другой въ Ишаковской двухклассной школѣ, а остальные кончили курсъ во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Но какіе учителя успѣшнѣе ведутъ обученіе не могу сказать, потому что успѣхъ зависитъ отъ знанія способа преподаванія и личнаго усердія учителя.

Такъ какъ у русскаго учителя, назначеннаго въ прошломъ году въ школу грамоты, ученики разбрелись, въ продолженіи всей зимы учащихся осталось отъ 6 до 8, а по списку 12 только, то онъ за неусердіе нынче отдѣленіемъ уволенъ и назначенъ на его мѣсто изъ чувашъ Чебоксарскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Бичуринскомъ двухклассномъ министерскомъ училищѣ.

6. Преподается въ первые два года Законъ Божій на инородческомъ языкѣ, остальные предметы на русскомъ языкѣ, а въ старшемъ отдѣленіи преподаваніе ведется только на русскомъ языкѣ.

Что же касается того, расширилось ли или сократилось за 12 лѣтъ преподаваніе на инородческомъ языкѣ, скажу, что формально не существуетъ сокращенія; начальство церковныхъ школъ какъ будто официально требуетъ, чтобъ строго придерживались программы Ильминскаго, но въ сущности, на дѣлѣ, выходитъ не то, что прежде было: прежде русскій языкъ рассматривался какъ предметъ преподаванія наравнѣ съ другими предметами, русскій языкъ изучался съ помощью разговора на чувашскомъ языкѣ, но нынче русскій языкъ обратился въ орудіе преподаванія: разъ русскій языкъ изучается, то не употребляется, не допускается употребленіе чувашскихъ словъ.

Раньше довольствовались тѣмъ, если ученикъ даже при окончаніи курса сѣмѣетъ разсказать Законъ Божій на родномъ языкѣ, но нынче требуютъ, чтобъ ученики третьегодники обязательно разсказывали только по-русски. Раньше къ русскому чтенію или къ ознакомленію съ русскимъ алфавитомъ приступали во второй половинѣ втораго года, нынче переходятъ въ первой половинѣ перваго года. Въ слѣдующій годъ учитель земскаго училища съ новичками хочетъ начать прямо съ русскаго алфавита, потому что въ прошлую зиму инспекторъ при обзорѣ

ваніи школы 12 декабря разсердился на учителя за то, что онъ до сихъ поръ не приступалъ къ русскому чтенію.

7. Курсъ обученія въ инородческихъ школахъ длится 4 г. Съ 1845 до 1854 года въ нашей мѣстности была волостная школа. За 9 лѣтъ ея существованія, учениковъ было очень немного, всего не больше 10 человѣкъ грамотныхъ во всемъ приходѣ изъ учившихся въ этой школѣ.

Сколько было учениковъ въ первый годъ открытія школы по системы Ильминскаго неизвѣстно, но нынче на тотъ же районъ учащихся во всѣхъ 6 школахъ—153 мальчика и 33 дѣвочки.

9. Народъ больше желаетъ имѣть учителя, чѣмъ учительницу, потому что учительница слабо держитъ учениковъ, а народъ любитъ, чтобъ ученики не шалили.

Назначенъ ли учитель русскій или инородецъ въ большія школы, напримѣръ въ земскія, для народа безразлично, но по отношенію къ маленькимъ школамъ замѣтно, что народъ хочетъ, чтобъ учитель былъ изъ чувашъ. Напримѣръ, нѣкоторые ученики Ново-Урюмской школы грамоты, гдѣ учитель былъ русскій и не зналъ почувашки, ушли учиться въ сосѣднюю деревню въ Ново-Бурженерскую братскую школу, и многие мнѣ жаловались на то, что ихъ учитель по-чувашки говорить не умѣетъ, и ученики бросили учиться.

Относительно требованій, которыя населеніе предъявляетъ къ школѣ, нужно сказать, что требованія бываютъ разныя, Богатые хотятъ учиться скорѣе по русски, а болѣе бѣдные, которые хотятъ учить дѣтей не для житейскаго интереса, желаютъ больше преподаванія на чувашскомъ языкѣ.

Желаніе учиться возрастаетъ. Но увеличивается ли желаніе учиться по русски или помощью обученія укрѣпляться въ православной вѣрѣ—этого опредѣлить нельзя. Такого различія во взглядахъ инородцевъ не можетъ быть, до такого взгляда они не дошли. Еслибы у нихъ было желаніе укрѣпиться въ православной вѣрѣ, то тогда пастыри не нуждались бы въ выборѣ изъ разныхъ типовъ школъ.

Вообще ученики земскихъ и министерскихъ школъ по русски говорятъ лучше, чѣмъ ученики церковныхъ и братскихъ школъ, но это можетъ быть оттого, что учителя братскихъ и церков-

ныхъ школъ сами мало подготовлены къ учительской должности; а учителя церковныхъ школъ даже безъ всякаго взгляда на учительскую обязанность, занятія свои обращаютъ очень въ механическую сторону и любятъ форсить своимъ учительскимъ званіемъ и чувствуютъ себя бариномъ.

10. Вообще учившіеся развитіе другихъ людей неучившихся, языческіе темные взгляды оставляются, есть и такіе люди, которые совершенно портятся, дѣлаются кляузниками и дерзкими. До открытія школы инородцы были подобны язычникамъ, отъ язычниковъ ничѣмъ не отличались, послѣ открытія школы образовались, стали исполнять христіанскія обязанности, оставили языческіе обычаи. Внѣбрачное сожителство стало прекращаться, перестали праздновать пятницу, ходить къ юзямъ, приносить языческія жертвы; стали говѣть, соблюдать посты, посѣщать храмъ Божій.

Въ этомъ отношеніи школа типа Ильминскаго вліяетъ сильнѣе

11. Какъ вліяетъ школа съ обученіемъ на инородческомъ или на русскомъ языкѣ на обрусѣніе населенія? безразлично. Вліяніе одинаково. Все равно женятся на чувайкахъ и чувайки выходятъ за мужъ за чувашъ, и въ семейномъ кругу говорятъ на своемъ языкѣ, одежда не мѣняется. Впрочемъ грамотные и неграмотные нынче начали носить пиджаки.

Можно ли утверждать, что школа типа Ильминскаго больше сближаетъ инородцевъ съ русскимъ населеніемъ, чѣмъ школа общаго типа?

На этотъ вопросъ отвѣчать трудно, но думается, что система Ильминскаго больше сближаетъ инородцевъ съ русскими и вселяетъ въ нихъ любовь къ русскимъ за то, что черезъ русскихъ инородцы удостоились выбраться изъ мрака невѣдѣнія, за то, что русскіе объ нихъ заботятся, какъ о своей меньшей братіи.

Относительно успѣховъ обрусѣнія населенія въ смыслѣ усвоенія русскаго языка и русскихъ обычаевъ можно сказать слѣдующее: три чувашенина женились на русскихъ, одинъ неграмотный чувашинъ женился на чувайкѣ грамотной, и между собой въ семейномъ кругу говорятъ по русски, дѣтей родѣваютъ въ русскій костюмъ и съ дѣтьми говорятъ по русски, одѣваются въ поддевку и пиджакъ, обуваются въ онучи. А прочіе стали

избы строить по бѣлому, полъ моютъ почище, въ комнатѣ почище.

12. Въ приходѣ отпадшихъ и магометанъ нѣтъ. Бывшія братскія школы послѣ передачи ихъ въ вѣдѣніе училищнаго совѣта стали пользы приносить не больше, а пожалуй поменьше: учителя стали чувствовать независимость отъ приходскаго священника, стали ему менѣе покорны, чѣмъ прежде, и приходскій священникъ не сталъ чувствовать себя хозяиномъ школы и руководить учителемъ такъ, какъ ему хочется.

Подъ видомъ неимѣнія средствъ, братство чувашскихъ книгъ для школъ мало пріобрѣтаетъ, но по моему мнѣнію теперь въ братствѣ денегъ даже больше, чѣмъ прежде, потому что при архіепископѣ Арсеніи и по его предписанію обязались со всей епархіи подпиской вносить въ братство: каждый священникъ 3 руб., діаконъ, кажется, 1 р. 50 к. и псаломщикъ, кажется 1 руб. въ годъ. Эти деньги вносятся, но они больше идутъ на содержаніе епархіальныхъ и уѣздныхъ миссіонеровъ.

Приносятъ ли эти миссіонеры пользу? Я убѣжденъ, что отъ нихъ пользы нѣтъ, а вреда много. Я, будучи убѣжденъ въ безполезности ихъ, задалъ вопросъ уѣздному миссіонеру: „и къ чему эти миссіонеры, какая польза отъ нихъ?“ Онъ отвѣтилъ: „какъ нѣтъ пользы, отъ нихъ польза громадная!“ Я спросилъ: „напримѣръ, въ чемъ же выразилась польза?“ Онъ указалъ прямо на массовое крещеніе язычниковъ въ Подгорныхъ Тимяшахъ, которыхъ крестилъ епископъ Іоаннъ въ третьемъ году. Но это массовое крещеніе не результатъ подвиговъ формальнаго миссіонера, а результатъ апостольскихъ трудовъ приходскихъ священниковъ, проникнутыхъ миссіонерскимъ духомъ, каковы особенно ученики Ильминскаго. Еслибы эти крестившіеся массой не были ими подготовлены къ принятію христіанства, миссіонеры ничего бы не могли подѣлать, даже ни одного бы не крестили. Тоже есть миссіонеръ въ Казани (фамиліи не знаю), который раньше былъ діаконъ, а теперь за то, что обратилъ сотни язычниковъ въ христіанство, то есть собиралъ чувашъ и татаръ въ разныхъ приходахъ и увозилъ въ Казань, гдѣ просвѣщалъ ихъ святымъ крещеніемъ, сдѣлался формальнымъ миссіонеромъ, какъ ревностный миссіонерскій дѣятель; но онъ только пожинаетъ плоды другихъ дѣятелей, миссіонерскимъ

духомъ проникнутыхъ сельскихъ пастырей. Если бы приходскіе священники не подготовили ихъ непосредственно ли, черезъ школу ли, то онъ ни одного язычника не могъ бы увести въ Казань для просвѣщенія святымъ крещеніемъ.

Даже можно ли похвалиться массовымъ крещеніемъ въ Подгорныхъ Тимяшахъ?

Оно, напротивъ, не разстроило ли труды приходскихъ священниковъ надъ подготовленіемъ крещаемыхъ? Говорили, что подготовлено къ крещенію въ одномъ пунктѣ (въ Подгорныхъ Тимяшахъ) человекъ 80, послѣ слышно было, что многіе не явились, нѣкоторые передъ самымъ крещеніемъ разбѣжались, едва-едва крестили 30-ли 18-ли; и это будто-бы очень огорчило старавшихся крестить въ одномъ пунктѣ. Безъ собиранія ихъ на одинъ пунктъ и безъ этихъ формальныхъ миссіонеровъ всѣ эти 80 человекъ крестились бы; коль скоро они подготовлены трудами приходскихъ дѣятелей, даже крестился бы изъ нихъ не 30 или 18, а всѣ 80 человекъ. Значитъ нужно заботиться не объ учрежденіи формальныхъ, сухихъ миссіонеровъ, а объ учрежденіи ревностныхъ, миссіонерскимъ духомъ проникнутыхъ сельскихъ пастырей, проникнутыхъ идеей въ духъ Ильминскаго.

Ильминскій не былъ формальнымъ миссіонеромъ, а онъ на дѣлѣ первѣйшій миссіонеръ. Дѣло не въ названіи, а въ сущности. Еще слово о миссіонерахъ: начали они разыскивать какую то ересь „Собесѣдниковъ“. Что это за ересь? Собираются мужики въ одну избу, читаютъ книги на чувашскомъ языкѣ поютъ духовныя пѣснопѣнія, поютъ, спѣваются. Въ этомъ находятся ересь, гонять, преслѣдуютъ ихъ, даютъ нагоняй приходскимъ священникамъ, зачѣмъ они это допускаютъ, зачѣмъ не руководятъ своими духовными пасомыми. Прежде все это поощрялось, въ этомъ находили источникъ массоваго движенія въ пользу христіанства среди въ язычествѣ пребывающихъ чувашъ, отличавшихся косностью и пребывающихъ въ умственномъ застоѣ. Въ доказательство того, что такіа явленія преслѣдуются, приведу слѣдующій случай, о которомъ сейчасъ идетъ переписка. Въ Шихозановскомъ приходѣ, въ деревнѣ Мокры, одинъ чувашенинъ въ крестьянской избѣ съ охотниками пѣнія производилъ чтеніе и пѣніе. Онъ въ приходской церкви захотѣлъ пѣть со

своими пѣвчими, священники запретили-ли, просто-ли не допустили ихъ пѣть, можетъ быть согналъ ихъ съ клироса, запрещаая имъ пѣть, но этотъ мужикъ подалъ архіерею жалобу на священника въ томъ, что онъ запретилъ пѣть въ церкви съ своимъ хоромъ.

Къ священнику былъ запросъ, зачѣмъ онъ запретилъ. Священникъ объяснилъ, что мужикъ производитъ собранія въ своей деревнѣ, въ крестьянской избѣ поютъ, читаютъ, толкуютъ Священное Писаніе отъ своего ума, и этимъ распространяютъ ересь „Собесѣдниковъ“. Посланъ былъ архіереемъ уѣздный миссіонеръ разузнать объ этомъ дѣлѣ.

Миссіонеръ доложилъ, что ничего дурнаго не нашелъ, поютъ стройно, очень хорошо; архіерей не довольствуясь этимъ, предписалъ вторично изслѣдовать и предложить жителямъ этой деревни выстроить въ своей деревнѣ моленный домъ, чтобы чтеніе и пѣніе не производилось въ простой „порочной“ избѣ, какъ жалобщикъ и самъ въ своемъ прошеніи говорить, что онъ обучалъ пѣнію въ порочной избѣ,

Должно быть жалобщикъ хотѣлъ сказать въ прошеніи въ порожней избѣ, но по незнанію правильного русскаго произношенія, написалъ вмѣсто „порожній домъ“ — „порочный домъ“.

Архіерей въ своей резолюціи не одобрилъ желанія пѣвать пѣть въ церкви отдѣльно, не сливаясь въ общій хоръ, назвалъ это „самоувереніемъ, гордостью, раздоромъ, отдѣленіемъ отъ церкви потому что въ церкви нужно молиться едиными устами, единымъ сердцемъ, сказалъ, что если слѣпецъ слѣпца ведетъ, то оба падаютъ въ яму, и мужикъ, такой несвѣдущій и малограмотный человѣкъ, не долженъ производить собранія и руководить другими, отъ этого же и происходятъ раздоры и ссоры“.

Что касается усиленнаго требованія русскаго языка въ сельскихъ школахъ, это уже требуютъ во всѣхъ школахъ, кромѣ братскихъ, но приходится замѣчать слѣдующее печальное явленіе. Формально обученіе ведется будто-бы какъ быть должно: даже по расписанію занятій ежедневно только 5 часовъ, а по субботамъ 4 часа. А на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ: мѣрятъ учениковъ день и ночь. Утромъ ученики приходятъ въ школу часовъ въ 7, безъ горячаго завтрака, днемъ на обѣдъ домой не уходятъ, грызутъ только черствый хлѣбъ, домой распускаютъ

только въ сумеркахъ, ночью при лампахъ опять бываютъ вечернія занятія съ учителемъ. Даже на приготовленіе заданныхъ уроковъ нѣтъ времени. Морятъ учениковъ день и ночь въ теченіе всего учебнаго года, и не одного учебнаго года, а цѣлыхъ четырехъ. Это для чего? Для того, чтобы учителямъ показать своихъ учениковъ передъ начальствомъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Успѣхи судятся начальниками только по знанію русскаго языка. Только для русскаго языка морятъ учениковъ, убиваютъ молодыя силы, въ концѣ концовъ навѣрно изведется весь человѣческій родъ изъ-за ученія. Нѣтъ никакой жалости къ этимъ этимъ маленькимъ хрупкимъ существамъ. Сколько шуму о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ будто-бы отъ непосильнаго труда происходитъ нервное ослабленіе и переутомленіе силъ. Но тамъ занятія гораздо регулярнѣе. Утромъ позавтракаютъ, какъ слѣдуетъ, обѣдаютъ горячей пищей и ужинаютъ тоже горячей; классныя занятія продолжаются 5 часовъ, а то и 4, на вечернія занятія для приготовленія уроковъ употребляется только 4 часа. А въ сельскихъ школахъ морятъ и день, и ночь на черствомъ хлѣбѣ, даже ужинать ученикамъ приходится безъ горячей пищи, потому что у Чувашъ щи варятся только одинъ разъ, около 10 часовъ утра, къ обѣду, а вечеромъ довольствуются холодной пищей; капустой, огурцами. Но для облегченія участи учениковъ сельской школы никто не поднимаетъ голоса...

Священникъ Села Табурданова, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи. *Василій Ефремовъ.* (изъ чувашъ).

Чепкасъ—Николаевскій приходъ Симбирскаго уѣзда и губерніи.

1. Въ Чепкасъ—Николаевскомъ приходѣ числится русскихъ обоюго пола 118 душъ, инородцевъ обоюго пола 2419 душъ, изъ коихъ крещеныхъ чувашъ 1419 душъ обоюго пола, магометанъ—некрещеныхъ татаръ 964 души обоюго пола и отпадшихъ чувашъ въ магометанство обоюго пола 36 душъ; приходъ окружонъ со всѣхъ сторонъ, татарами, но язычниковъ не имѣется въ приходѣ.

2. Православное богослуженіе въ названномъ приходѣ совершается на чувашскомъ языкѣ сполна съ 1887 года, то есть со времени поступленія моего въ сей приходъ.

3. Священникъ изъ чувашъ, псаломщикъ былъ изъ русскихъ, но 27 Августа уволенъ за незнаніе чувашскаго языка *), причтъ состоитъ только изъ двухъ членовъ.

Религіозныхъ бесѣдъ и чтеній не бываетъ въ школахъ, а они ведутся въ церкви священникомъ на чувашскомъ языкѣ. Чуваша къ богослуженію на чувашскомъ языкѣ относятся съ уваженіемъ и любовью; такъ какъ чуваша моего прихода очень плохо владѣютъ русскимъ языкомъ, а изъ церковныхъ богослуженій ничего не понимаютъ, то къ богослуженію на русскомъ языкѣ относятся безъ сердечныхъ чувствъ.

4. Въ Чепкасъ—Николаевскомъ приходѣ три (3 ш.) чувашскихъ школы, изъ коихъ одна земская для мальчиковъ, другая министерская для дѣвочекъ и третья школа грамоты для мальчиковъ и дѣвочекъ. Земская существуетъ съ 1839 года, а прочія двѣ—съ 1897 года. Этотъ приходъ не нуждается въ открытіи школы.

*) Послѣ занятія Симбирской каведры преосвященнымъ Гуріемъ, бывшимъ Самарскимъ (примѣчаніе издательницы).

5. Въ названныхъ школахъ всѣ три учителя изъ чувашъ, изъ коихъ одинъ окончилъ курсъ въ Симбир. чувашской учительской школѣ, а двое выдержали экзаменъ на получение званія учителя въ Казанской учительской семинаріи, изъ нихъ учитель школы грамоты ведетъ обученіе успѣшнѣ первыхъ двухъ, что объясняется его энергіей къ дѣлу.

6. Въ земской школѣ ведется преподаваніе на чувашскомъ языкѣ съ 1887 года, т. е. со времени моего поступленія въ сей приходъ, а въ другихъ двухъ школахъ—со времени открытія ихъ, т. е. съ 1897 года.

7. Всѣ три школы типа Ильминскаго, изъ которыхъ земская находится въ вѣдѣніи земства, министерская—въ вѣдѣніи министерства и школа грамоты—въ вѣдѣніи Духовнаго вѣдомства. Въ каждой школѣ курсъ обученія длится 4-е года. Въ земской школѣ до моего поступленія обученіе по всѣмъ предметамъ велось на русскомъ языкѣ, но сколько было учащихся въ послѣдній годъ—мнѣ неизвѣстно, такъ какъ школьное зданіе и бібліотека сгорѣли въ 1885-году и ученики обучались и докончили курсъ обученія въ школахъ сосѣднихъ селъ. Въ первый годъ (1897 г.) открытія школъ по системѣ Ильминскаго въ двухъ школахъ обучалось 27 учащихся, а въ настоящее время обучается 56 учащихся, изъ коихъ 26 дѣвочекъ и 30 мальчиковъ, а въ земской школѣ состоитъ на лицѣ 28 учащихся, а всего въ трехъ школахъ обучается 84 человѣка.

За 6-тъ лѣтъ (за остальные годы въ земской школѣ неимѣется никакихъ свѣдѣній) поступило учениковъ въ каждую школу: въ земскую мужскую—60 учениковъ, въ министерскую женскую—40 дѣвочекъ и въ школу грамоты—45 учащихся, а всего поступило 145 учащихся, изъ коихъ вышло изъ школы до окончанія курса 49 учащихся, окончило курсъ 96 учащихся. Изъ этого числа осталось дома 87 человѣкъ, а 9 поступило въ другія учебныя заведенія, а по окончаніи курса поступили въ учителя земскихъ и церковныхъ школъ. Въ данномъ приходѣ въ 1891 г. было грамотныхъ русскихъ 3, грамотныхъ чувашъ 38, а въ настоящее время грамотныхъ русскихъ 33, а грамотныхъ чувашъ 274 человѣка.

9. Чуваши требуютъ: 1) чтобы обученіе дѣтей ихъ было на понятномъ языкѣ съ учителемъ въ мужской школѣ, и съ учи-

тельницей въ женской школѣ изъ чувашъ, 2) чтобы въ школѣ было хорошее пѣніе молитвъ на чувашскомъ языкѣ и 3) чтобы предметъ по пѣнію былъ-бы обязательнымъ для учителей земской и министерской школѣ моего прихода и дѣти пѣли-бы въ церкви подъ руководствомъ учителя или учительницы. Но къ большому сожалѣнію, въ земской и министерской школахъ моего прихода учителя не занимаются по пѣнію, находя, по своему мнѣнію, этотъ предметъ не обязательнымъ, на что на родъ представляеть большое неудовольствіе. Народъ желаетъ, чтобы обученіе дѣтей начиналось не прямо съ русскаго языка, а знакомились съ нимъ постепенно, съ помощью чувашскаго языка, научившись сперва грамотѣ, Закону Божію, молитвамъ и пѣнію на чувашскомъ языкѣ. Стремленіе чувашъ возрастаетъ къ школьному обученію и увеличивается желаніе путемъ школьнаго обученія укрѣпляется въ православной вѣрѣ. Окончившіе курсъ въ школахъ типа Ильминскаго съ учителемъ изъ чувашъ хотя на русскомъ языкѣ объясняются не такъ хорошо, но хорошо понимаютъ и говорятъ сознательно, а окончившіе курсъ въ школахъ типа общаго съ русскимъ учителемъ плохо понимаютъ и говорятъ и на русскомъ языкѣ не сознательно и въ силу чего нравственно-религіозность не прививается къ нимъ.

10. Земская школа, открытая въ 1839 году, гдѣ священникъ и учитель обученіе дѣтей начинали прямо съ русскаго языка до моего поступленія, не имѣла полезнаго вліянія на нравственно-религіозность чувашъ моего прихода, что выразилось въ отпаденіи (1865 г.) части чувашскаго населенія въ магометанство числомъ около 15 человекъ обоего пола; въ этомъ числѣ былъ нѣкто Иванъ Митрофановъ (по тат. Ибраимовъ), который окончилъ курсъ въ земской школѣ общаго типа первымъ ученикомъ и ушелъ въ бытъ; когда онъ пришелъ въ совершеннолѣтіе, родители женили его на крестьянской дѣвицѣ.

Спустя много времени, онъ приобрѣлъ татарскія книги, изучилъ магометанство, прежде склонилъ къ этому своихъ родителей и дѣтей, а затѣмъ сталъ проповѣдывать объ исламѣ между чувашами своего общества, въ коемъ нѣкоторые повѣрили его ученію и отпали въ исламъ вмѣстѣ съ Иваномъ Митрофановымъ; онъ могъ совратить всѣхъ чувашъ дер. Ильмете вой, но объ этомъ дано было знать Правительству и по распо-

ряженію начальства его сослали на вольное поселеніе. Изъ этого видно, что нравственно-религіозность народа находилась на низкой ступени до открытія школъ по типу Ильминскаго.

11. Школа съ обученіемъ на чувашскомъ языкѣ хорошо вліяетъ на обрусѣніе Чувашъ моего прихода въ смыслѣ усвоенія русскихъ обычаевъ, но школа общаго типа плохо вліяетъ въ этомъ смыслѣ на чувашъ и они остаются тѣми же язычниками, ибо курсъ обученія проходитъ несознательно. Положительно можно утверждать, что школа типа Ильминскаго больше сближаетъ чувашъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, больше развиваетъ въ чувашахъ любовь ко всему русскому, чѣмъ школа общаго типа. Послѣ обученія ихъ на чувашскомъ языкѣ случаи отчужденія чувашъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія не наблюдались, а напротивъ много случаевъ было такихъ, гдѣ чуваша женились на природныхъ русскихъ дѣвцахъ. Самый языкъ русскій скоро забывается грамотными чувашами, но русскіе обычаи быстро усваиваются ими и исполняются, что особенно рѣзко замѣчается между бывшими солдатами, прослужившими 3—4 года на военной службѣ. По возвращеніи изъ службы они порядочно объясняются на русскомъ языкѣ, но пробывъ на родинѣ въ средѣ своихъ чувашскихъ семействъ 2—3 года, совершенно забываютъ русскій языкъ, но обычаи русскіе, усвоенные на службѣ, остаются въ нихъ.

12. Въ составѣ Чапкасъ—Николаевскаго прихода, какъ я выше прописалъ, входятъ христіане православные и отпадшіе, живущіе вблизи магометанъ, гдѣ мусульманская пропаганда прежде имѣла большую силу, что выразилось въ отпаденіи Чувашъ въ магометанство, но въ настоящее время она совсѣмъ ослабла, что доказалось въ веденіи чувашами христіанскаго образа жизни, обученіи дѣтей въ школахъ, въ прекращеніи отпаденія чувашъ и, наконецъ, въ обращеніи нѣкоторыхъ отпадшихъ чувашъ въ православіе, а именно: Григорія Егорова (Якупа Ахметова) и Агафеи Федоровой (Биби-Асмы Ахмеровой). Григорій Егоровъ живъ, а Агафья Феодорова умерла. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи оказывали школы типа Ильминскаго съ учителемъ изъ чувашъ.

Дополнительныя свѣдѣнія о нравственно-религіозности моихъ прихожанъ назадъ тому 16 лѣтъ и какова она въ настоящее время.

Я поступилъ въ Чепкасъ—Николаевскій приходъ въ 1887 году 21-го ноября и началъ аккуратно совершать церковныя богослуженія на чувашскомъ языкѣ, но народъ не ходилъ въ церковь по разнымъ причинамъ, которыхъ я не зналъ. Хорошо помню, что въ день Введенія во храмъ Божіей Матери продано было церковныхъ свѣчъ только на 13 коп., что меня разстроило до глубины души. Храмъ былъ холодный, съ наружными только рамами, украшеній никакихъ не было, кромѣ 1½ яруснаго иконостаса, стѣны были не проконопачены, а потому въ зимнее время послѣ бурана приходилось выметать изъ церкви по 2—3 воза снѣгу, но народъ не думалъ о ремонтѣ храма, ибо онъ не нуженъ былъ ему; хотя церковь основана была въ 1839 году. Вполнѣ я узналъ своихъ прихожанъ послѣ хожденія по домамъ по всему приходу съ крестомъ на Николу, съ святой водой на Крещеніе и св. иконами на Святую Пасху. Въ прихожанахъ я замѣтилъ слѣдующее: 1) отвращеніе къ храму Божію и духовенству (многіе не приняли съ молебнами), 2) сильное стремленіе къ магометанству, что видно было въ неношеніи шейныхъ крестиковъ и въ неимѣніи св. иконъ въ домахъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ хотя и были иконы, но не замѣтно было св. ликовъ, 3) неисполненіе православныхъ постовъ, что видно было изъ того, что на св. Николу у многихъ на столѣ было мясо и даже приходилось видѣть конину, 4) неношеніе усовъ, хожденіе безъ поясьевъ и въ татарскомъ костюмѣ, 5) рѣзаніе скота и птицъ татарами, говоря, что мясо татарскаго колотья слаще, 6) поминовеніе умершихъ по языческому и магометанскому обрядамъ, 7) празднованіе пятницы, какъ татары, 8) избѣжаніе платить духовенству за требо-исправленіе и за другія церковныя службы, 9) преданіе покойниковъ землѣ безъ гробовъ, какъ магометане, 10) освященіе вновь выстроенныхъ домовъ по обряду язычества, 11) хожденіе въ случаѣ хвори кого

либо изъ членовъ семьи къ ворожеямъ (юзямъ), 12) совершение нѣкоторыми изъ нихъ конокрадства у крестьянъ окрестныхъ селеній 13) развитіе между прихожанами распутства (15 паръ жили невѣнчанными). Узнавъ всѣ пороки прихожанъ, я былъ возмущенъ и совершенно палъ было духомъ, думая, что во мнѣ не хватитъ силъ исправить нравственно-религіозность народа. Принимая во вниманіе всѣ недостатки прихожанъ, я рѣшилъ было перепроситься въ другой приходъ, но меня уговорилъ покойный благочинный Баратынскій оставаться въ этомъ приходѣ на нѣсколько лѣтъ и работать въ пользу чувашъ, хотя мнѣ очень трудно было жить матеріально по бѣдности прихода и малочисленности. Рѣшившись работать на нивѣ просвѣщенія чувашъ, я подробно сообщилъ о состояніи прихода покойному благочинному Баратынскому, который совѣтовалъ мнѣ лично передать объ этомъ владыкѣ Варсонофію, по распоряженію котораго мнѣ выдано было изъ Всѣсвятской церкви болѣе 400 иконъ для выдачи по домамъ моихъ прихожанъ, неимѣющихъ иконъ, что я исполнилъ немедленно, хотя нѣкоторые чуваша неохотно приняли иконы. Затѣмъ въ скоромъ времени приняты были мною слѣдующія мѣры противъ магометанства и язычества: 1) всѣ церковныя богослуженія совершались мною на чувашскомъ языкѣ, 2) отпѣваніе умершихъ какъ взрослыхъ, такъ и младенцевъ совершалось тоже на чувашскомъ языкѣ, 3) велись бесѣды и произносились поученія нравоучительнаго и катихизическаго характера въ церкви на чувашскомъ языкѣ послѣ каждой службы, 4) открылъ двѣ школы: въ деревнѣ Ильметевой министерскую для дѣвочекъ, въ которой около 500 душъ обоюго пола были склонны къ отпаденію въ магометанство и въ деревнѣ Байдераковой школу грамоты для обоюго пола, въ которыхъ обученіе дѣтей идетъ по системѣ Ильминскаго, 5) въ школы принималъ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ школьнаго возраста, 6) устроилъ изъ грамотныхъ и неграмотныхъ парней и дѣвочекъ церковный хоръ, который пѣлъ воскресную и праздничную службу на чувашскомъ языкѣ, 7) въ недѣлю по два раза по вечерамъ собиралъ прихожанъ въ школу и бесѣдовалъ объ истинѣ христіанской вѣрѣ, 8) незаконно живущихъ всѣхъ моего прихода повѣнчалъ бесплатно, чтобы они не служили для другихъ соблазномъ, 9) за требы довольствовался добро-

хотнымъ даяніемъ отъ прихожанъ и 10) холодный храмъ предположено было обратить въ теплый, но средствъ къ этому никакихъ не было. Принятые мною мѣры вполне оправдались, такъ что чуваша по истеченіи 6—7 лѣтъ начали аккуратно ходить въ храмъ Божій, ставить свѣчи предъ иконами, стали говѣть въ Великомъ постѣ и вообще начали вести христіанскій образъ жизни, забывая магометанство и язычество. Такимъ образомъ мнѣ удалось удержать отъ отпаденія въ магометанство болѣе 500 душъ обоюго пола. Въ дѣлѣ просвѣщенія чувашъ мнѣ особенно помогли бесѣды нравоучительнаго характера на чувашскомъ языкѣ и школы типа Ильминскаго, въ которыхъ курсъ обученія проходится на чувашскомъ языкѣ, а въ концѣ курса преподается и на русскомъ языкѣ. Чуваша моего прихода весьма благодарны Ильминскому за то, что онъ придумалъ для нихъ самый легкій методъ преподаванія. Чуваша говорятъ, что если бы метода Ильминскаго не было, то мы остались бы всѣ неграмотными и язычниками, но благодаря системѣ Ильминскаго, мы увидѣли свѣтъ Христовой вѣры. Бывшіе удѣльные ученики, окончившіе курсъ обученія въ школахъ типа общаго, говорятъ, что ихъ не учили, а мучили, что они приняли массу тѣлесныхъ наказаній, но пользы никакой не получили и вышли изъ школъ ничего не понимая, къ числу такихъ отношусь и я. Насъ поступило 33 мальчика въ школу, гдѣ священникъ и учитель были изъ русскихъ и ничего не знали изъ чувашскаго языка; обученіе шло на русскомъ языкѣ; года чрезъ два насъ осталось только 12 мальчиковъ, благодаря непонятному преподаванію многіе не могли учиться и разошлись по домамъ. Въ концѣ 4-го года насъ осталось только 6 человекъ, изъ которыхъ четверо вышли съ свидѣтельствами, а прочіе ушли съ пустыми руками. Въ 1899 году прихожане моего прихода холодный храмъ обратили въ теплый; благоустроили его, на что истратили изъ своихъ средствъ около 3000 рублей. Въ нынѣшнемъ году прихожане мои заказали новый иконостасъ на свои мѣстныя средства, но утварь и ризница очень бѣдная за неимѣніемъ средствъ.

Въ настоящее время какъ нравственность, такъ и религіозность чувашъ моего прихода находятся на высокой ступени, благодаря чтенію чувашскихъ книгъ, легкой системѣ Н. Иль-

минскаго, который умеръ, но память о немъ сохранится вѣчно между чувашами моего прихода и они никогда не забудутъ возносить о немъ молитвы предъ Богомъ.

Церковныя богослуженія на чувашскомъ языкѣ понятны не только чувашамъ, но и русскимъ, хорошо знающимъ чувашскій языкъ. При мнѣ служилъ церковнымъ старостой 6-тъ лѣтъ крестьянинъ изъ русскихъ Теодоръ Ивановъ. Много разъ онъ лично мнѣ говорилъ, что церковную службу на славянскомъ языкѣ плохо понимаетъ, а на чувашскомъ языкѣ онъ хорошо понимаетъ, особенно ему нравится Евангеліе на чувашскомъ языкѣ, во время чтенія котораго у него въ глазахъ являются слезы.

Вообще мною положено много трудовъ въ этомъ приходѣ но къ сожалѣнію, я матеріально всегда нуждался и нуждаюсь по малочисленности и малоодоходности прихода.

Священникъ *Михаилъ Кузьминъ*. (изъ чувашъ).

Очень много трудовъ мне дедушка
раскрывавъ сочувство и дружбу

теперь еще съ женою и дѣтьми

Путешествіе изъ У. А. С. С. Р. с. Обреш

Историческаго района Арс. Губа

Арс.

Абрамъ

Приходъ села Большой Аксы, Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

1. Приходъ села Большой Аксы состоитъ изъ трехъ селеній: деревни Ештебеновой, Чувашской Бездны и села Большой Аксы. Село Большую Аксу и деревню Ештебеново можно считать за одинъ населенный пунктъ, такъ какъ между ними нѣтъ никакого разстоянія. Деревни Чувашская Бездна и Ештебеново исключительно населены чувашами, село-же Большая Акса чувашами и татарами. Въ 1904 г. чувашъ 1390, татаръ-магометанъ 67 и отпавшихъ 31. Въ 2 верстахъ отъ села Аксы есть деревня Старые Татарскіе Чукалы, населенная татарами магометанами. Въ деревнѣ болѣе 2 тысячъ душъ. Въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ деревни Чувашской Бездны—деревня Татарская Бездна съ 2 тысячнымъ населеніемъ татаръ магометанъ.

2. приходъ села Большой Аксы образованъ 24 ноября 1891 г. До этого-же времени онъ входилъ въ составъ прихода села Городищъ. Со дня основанія прихода богослуженія совершаются на чувашскомъ языкѣ. Богослуженія на языкѣ чувашскомъ не прекращались, такъ-какъ причтъ всегда состоялъ изъ инородцевъ-чувашъ, и только съ 3 октября 1903 года псаломщикомъ назначенъ окончившій курсъ духовной семинаріи изъ русскихъ, но знающій довольно удовлетворительно разговорный богослужебный языкъ прихожанъ, а поэтому его назначеніе не внесло измѣненій въ направленіе богослуженій. Не внесетъ существенныхъ измѣненій въ богослуженіе даже назначеніе псаломщика совсѣмъ не понимающаго языка прихожанъ и это потому, что учителя мѣстныхъ училищъ неопустительно являются къ богослуженіямъ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Они принимаютъ въ богослуженіяхъ самое живое участіе и пѣнѣмъ и чтеніемъ на чувашскомъ языкѣ; мало того—училища за время своего суще-

ствования успѣли приготовить чтецовъ и пѣвцовъ изъ самаго народа и организовать пѣвческіе хоры изъ учившихся и учащихся. Храмъ села Большой Аксы есть собственно церковь—школа, а поэтому желательно, чтобы обязанности псаломщика были возложены на учителя. Учитель церкви—школы, по нашему разумѣнію, органически связанъ съ церковью, а поэтому отстранять его отъ церкви, какъ члена причта, не только ошибка, но прямая несправедливость. Отдѣльный псаломщикъ при церкви—школѣ чуждъ школьной жизни, равно учитель не псаломщикъ апатично отнесется къ интересамъ церкви, а что крайне нежелательно: вредить дѣлу.

3. Настоящій составъ причта таковъ: священникъ инородецъ, псаломщикъ русскій, но знающій и разговорный и богослужебный языкъ прихожанъ настолько удовлетворительно, что поетъ и читаетъ въ храмѣ. Религіозно-нравственныя чтенія при училищахъ устраиваются и ведутся на языкѣ чувашскомъ. Населеніе живо интересуется чтеніями, бесѣдами, а особенно богослуженіями на его языкѣ, а поэтому не встрѣтите ни праздно-зѣвающихъ, ни дремлющихъ или скучающихъ. Здѣсь все-вниманіе, все-слухъ. Обратное настроеніе замѣчается въ слушателяхъ, а въ слушательницахъ тѣмъ паче, когда чтеніе ведется на русскомъ языкѣ или богослуженіе совершается на языкѣ славянскомъ: сонъ, дрема, утомленіе и плоти и духа, равнодушіе и подавленность. Такое настроеніе массы заразительно дѣйствуетъ даже и на тѣхъ, кто понимаетъ. Скажемъ болѣе: не свободенъ отъ этой заразы ни чтець, ни даже совершитель богослуженія. Чувствуется, что это не служеніе, а служба; чувствуется, что ты не служитель, а службистъ, хотя и исправный, точный и пунктуальный, но въ тоже время жалкій и убогій.

4. Въ приходѣ три училища: въ селѣ Большой Аксѣ мужское одноклассное М. Н. Просвѣщенія и такое же женское, въ приходской деревнѣ Чувашской Безднѣ смѣшанное одноклассное того же вѣдомства. Въ училищахъ исключительно обучаются дѣти чувашъ. Больше-аксинское училище открыто въ 1886 г. Безднинское въ 1892, а Больше-аксинское женское въ 1898. Училище для обслѣдуемой мѣстности вполне достаточно. Желательно, однако, чтобы Больше-аксинское было преобразовано въ двухклассное, это потому, что умственные запросы населенія

растутъ и одноклассныя училища этимъ запросамъ не удовлетворяютъ.

5. Учащіе во всѣхъ училищахъ—инородцы. Учителями и учительницами училищ Большой Аксы и деревни Бездны со времени ихъ открытія были воспитанники и воспитанницы Симбирской чувашской учительской школы. Съ 1-го же сентября 1903 года въ Безднинское и 1 сентября 1904 г., въ Аксинское мужское назначены окончившіе курсъ въ Казанской учительской семинаріи. Оба инородцы. Учителя и учительницы, получившіе воспитаніе въ Симбирской учительской школѣ, всѣ—сколько ихъ не было—съ честью, съ полнымъ сознаниемъ своихъ обязанностей и искренней преданностью, правили порученное имъ дѣло. Ни одинъ изъ нихъ, ни одна изъ нихъ не заслужили укора или порицанія, и мнѣ—какъ ихъ сотруднику, какъ соучастнику ихъ труда, —ничего не осталось сказать имъ, какъ только: „спасибо вамъ сердечное, честные работники и работницы! Да будетъ благословенъ трудъ вашъ на другихъ мѣстахъ и на другихъ поприщахъ служенія родному народу и дорогой отчизнѣ!“

О настоящихъ учителяхъ умолчимъ: нельзя судить о людяхъ, взявшихся за дѣло лишь вчера. Надѣмся, однако, что и они окажутся достойными своихъ предшественниковъ; надѣмся потому, что Казанская учительская семинарія и Симбирская учительская школа—двѣ родныя и кровныя дочери Н. И. Ильминскаго; надѣмся и потому, что ихъ первые и робкіе шаги направлены по желательной для дѣла дорогѣ.—Хотя и не было примѣра, чтобъ въ училищахъ были учителями изъ русскихъ и вели обученіе на русскомъ языкѣ, мы—тѣмъ не менѣе—на основаніи личныхъ наблюденій, а также на основаніи отзывовъ самихъ учителей изъ русскихъ, рѣшительно утверждаемъ, что въ инородческихъ училищахъ учителя инородцы обученіе ведутъ успѣшнѣй учителей изъ русскихъ, хотя бы послѣдніе и были нѣсколько знакомы съ языкомъ инородцевъ.

6. Преподаваніе въ первый годъ обученія исключительно ведется на родномъ языкѣ учащихся, со втораго года—на русскомъ, но и на 2-й годъ, особенно въ началѣ учебнаго года, онъ не занимаетъ господствующаго положенія. 3 и 4 года все преподаваніе ведется на языкѣ русскомъ, къ родному же языку учащихся прибѣгается какъ къ языку вспомогательному.

7. Училища находятся въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но по постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла они примыкають къ типу школъ Н. И. Ильминскаго. Курсъ обученія 4 лѣтній. До 1886 года обслѣдуемый районъ не имѣлъ никакой школы. Съ 1 сентября 1886 года Министерствомъ Н. Прос. открыто въ селѣ Аксѣ первое училище. Учащихся въ первый годъ было 32, а въ настоящее время 74.

8. За 12 лѣтній періодъ въ Больше-аксинское мужское и женское поступило 403, изъ нихъ окончило курсъ 179. Изъ числа окончившихъ курсъ осталось дома 169, для продолженія образованія въ другія учебныя заведенія поступило 9. Четверо изъ нихъ учителями, одинъ, по выслушаніи курса духовной семинаріи, священствуетъ, трое обучаются въ Симбирской учительской школѣ, одинъ въ Казанскомъ рѣчномъ училищѣ, одинъ же, подготовившись, сдалъ экзаменъ на учителя начальнаго училища и нынѣ учительствуетъ. До окончанія курса выбыло 224. Выбываютъ болѣе дѣвочки.—За этотъ же періодъ времени въ Безднинское училище поступило 254. Окончило курсъ 73. Изъ числа окончившихъ только одна дѣвочка поступила для дальнѣйшаго образованія въ Симбирскую чувашскую школу, гдѣ и обучается, остальные же 72 остались дома. До окончанія курса выбыло 181. Здѣсь замѣчается то же явленіе, что и въ Аксинскомъ училищѣ: дѣвочекъ выбываетъ болѣе. Какъ велико было число грамотныхъ въ 1891 году—точного числа, за неимѣніемъ данныхъ, дать не можемъ. По нашему подсчету не болѣе 30—35 человекъ, въ настоящее же время свыше 650; много самоучекъ. Въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ грамотнаго. Самоучки очень хорошо читають по-чувашски и недурно по-русски. Есть самоучки 8 человекъ—которые засѣли за грамоту въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Научились они читать прежде всего на своемъ языкѣ.

9. Симпатіи населенія на сторонѣ учителей инородцевъ, но не отнесется оно съ недружелюбіемъ и къ учителю изъ русскихъ, если онъ основательно знаетъ его языкъ и будетъ примѣнять его въ училищѣ. Народу желательно, чтобы школа научила его дѣтей и языку русскому, но отнюдь не начинала обученія на немъ и съ него. Населеніе требуетъ и требуетъ настойчиво научить дѣтей его прежде всего читать на родномъ языкѣ. Чѣмъ вызывается это требованіе? Тѣмъ, что семья же-

ласть послушать читаемое ученикомъ, это—разъ, второе—семья желаетъ знать, чему учить школа. Населеніе не безучастно къ жизни школы. Въ глазахъ народа та школа хороша и полезна, которая научила его дѣтей закону Божію, молитвамъ, научила читать и пѣть церковное. Скажемъ болѣе: гордится народъ школой, поставившей его дѣтей на клиръ и такимъ образомъ сдѣлавшей ихъ участниками богослуженія. На знаніе русскаго языка народъ смотритъ чисто съ практической стороны.

10. Вліяніе училищъ на населеніе благотворно. До открытія училищъ религіозное и нравственное состояніе народа было плачевнымъ. Это—во истину—было царство язычниковъ. Весь толкъ-то и смыслъ полагался въ неукоснительномъ и тщательномъ исполненіи всѣхъ подробностей и мелочей языческихъ обычаевъ. Съ открытіемъ училищъ началось разложеніе язычества. За 12 лѣтній періодъ времени въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ населеніе ушло впередъ. Ни одно селеніе прихода не справляетъ уже утку (такъ называется общественное жертвенное моленіе) на которомъ приносились въ жертву животныя и испрашивались у „невѣдомаго бога“ „благораствореніе воздуха и обиліе плодовъ земныхъ“. Умычки дѣвушекъ, сопровождавшіяся „насиліемъ“, дракой, обманомъ и заканчивавшіяся нерѣдко судебнымъ процессомъ,—нынѣ явленіе рѣдкое. Дѣвушка и женщина возводится на степень человѣка, за ней признается право свободнаго выбора. Родители оставляютъ уже самовольно распоряжаться судьбой дѣвушки и выдавать ее за того, кто больше уплатитъ вѣно. Праздники приняли характеръ праздниковъ христіанскихъ. А не такъ давно было, когда населеніе совершенно не почитало праздниковъ христіанскихъ, но зато твердо помнили день пятницы. Въ весеннюю пору молодежь не водить, какъ это было, хороводовъ вечеромъ подъ праздникъ. Поминовенія усопшихъ отправлялись по обрядамъ язычества въ нарочито установленные самимъ язычествомъ дни—нынѣ же отправляются установленные церковью дни и, по чину, принятому церковью. Скоть—богатство и капиталъ крестьянина. Чтобы отвратить отъ него „морозное повѣтріе“,—онъ прогонялся сквозь ровъ и дымъ курящихся около рва костровъ, запаленныхъ огнемъ, добытымъ путемъ тренія дерева о дерево. Нынѣ обычай этотъ оставленъ и замѣненъ служеніемъ водосвятнаго молебна. А по-

стигла кара, пришла бѣда на дворъ,—народъ не мечется, не бѣжить къ знахарямъ и коноваламъ, а ищетъ помощи у ветеринарнаго врача или фельдшера. То же самое замѣчается и въ случаяхъ заболѣванія людей: помощи ищутъ у Господа и врача, а ужъ никакъ не у знахарей, ворожей, шептуновъ, выросшихъ на почвѣ народнаго невѣжества. Не можемъ здѣсь не отмѣтить слѣдующаго факта. Населеніе села Аксы и деревни Ештебеновой 5 лѣтъ тому назадъ приговоромъ постановило: „въ виду того, что помѣщеніе церкви—школы за тѣснотой не можетъ вмѣстить всѣхъ молящихся, устроить новый храмъ и собрать съ населенія на сооруженіе его въ теченіе 10 лѣтъ 7 тысячъ“. Собрано уже 3 тысячи. Безднинское же общество приговоромъ постановило: „устроить въ деревнѣ храмъ и собрать на сооруженіе его 5 тысячъ въ теченіе 10 лѣтъ. Собрано 1½ тысячи. Это, замѣьте, постановленія вчерашняго коснаго, неподвижнаго и ко всему религиозно-просвѣтителю равнодушнаго населенія. Чѣмъ это вызвано? Кто это вызвалъ? Кто пробудилъ спящихъ и дремлющихъ? На всѣ три вопроса одинъ отвѣтъ—училища, гдѣ живетъ духъ незабвеннаго Н. И. Ильминскаго. Намъ, предвижу, возразятъ, что это скорѣй успѣхи церкви, чѣмъ училищъ. Нѣтъ. Этотъ успѣхъ—результатъ совѣстнаго труда церкви и училищъ. Думается, что школа другаго типа и при другой системѣ большаго бы не сдѣлала. Вспомнимъ удѣльныя школы, гдѣ съ перваго же дня все обученіе велось на русскомъ языкѣ, гдѣ и учителя-то были „русскіе-перерусскіе“. Подведите итоги этихъ школъ и вы увидите, что онѣ въ массу населенія внесли не очень-то много. Вотъ два образчика результатовъ удѣльной школы: Въ Аксѣ былъ крестьянинъ Е. Андреевъ, (померъ 5 лѣтъ тому назадъ) прошелъ удѣльную школу въ теченіе 7 лѣтъ. Человѣкъ набожный до ханжества и занимался лѣченіемъ лошадей. Однажды спрашиваю: „Ты, Андреичъ, слышно, лошадокъ мастеръ лѣчить. Какъ ихъ ты лѣчишь-то?“—„А я, батюшка, какъ вотъ и ты—молитвы читаю“, сказалъ Андреичъ. Признаюсь, я былъ удивленъ, что онъ лѣчитъ лошадей чрезъ чтеніе молитвъ, и попросилъ его рассказать и посвятить меня въ его искусство.—„А вотъ какъ, началъ Андреичъ:“ беру въ чашку воды и читаю, глядя въ чашку, три раза „Богородице Дѣво, радуйся“, а потомъ въ правое ухо больной лошади шепочу

томъ прочитываю „Вѣрую“, а въ лѣвое—„Отче нашъ“... послѣ этого выливаю воду на лошадь и говорю: „аминь Тура“.—„Ну и выздоравливаетъ лошадь-то?“—спрашиваю. „Всяко, случается: иногда выздоравливаетъ, а другой разъ околѣетъ“.—„И деньги тебѣ за это платятъ?“—„Немного. Когда мнѣ—не деньги, а почетъ, уваженіе“, отвѣтилъ Андреичъ. А вотъ и еще. Иду въ Бездну заниматься въ училищѣ. На встрѣчу 5—6 безднинскихъ мужичковъ. „Здравствуйте! Куда ходили?“—„Въ Бездну къ татарамъ,—быка покупать“, отвѣчаютъ.—„Дѣло. Хорошо быкъ-то? Дорого дали?“ спрашиваю. Мужички опѣшили, переминаются, другъ на друга поглядываютъ, а отвѣчать—не отвѣчаютъ. Видать, что растерялись. Выступилъ одинъ и отвѣтилъ: „вять рублей“.—„Что такъ дешево?“—„Да намъ батюшка, не на племя, а для уткука, послѣдовалъ отвѣтъ. Точно ножемъ рѣзнуло меня: когда я увидѣлъ, что отвѣтившій мнѣ былъ грамотный изъ удѣльныхъ и при томъ даже солдатъ въ чинѣ унтеръ-офицера. Въ училище заниматься не пошелъ: предо мной стояли дѣти 50—60 лѣтняго возраста и одинъ изъ нихъ съ гордостью могъ сказать: „унтеръ не былъ бы когда бѣ грамотъ не зналъ“.

11. Наша почти 30 лѣтняя практика въ инородческихъ училищахъ рѣшительно убѣдила насъ, что школа, гдѣ обученіе ведется по системѣ Н. И. Ильминскаго, болѣе сближаетъ инородцевъ съ русскимъ народомъ. Никакого племенного обособленія нѣтъ и быть не можетъ. Чуваша хорошо понимаютъ, что они члены одной и той же великой русской семьи, а поэтому и стремятся и желаютъ жить въ союзѣ мира и любви съ этой семьей. Неграмотная масса стремится къ этому инстинктивно, грамотная—съ нѣкоторымъ уже сознаниемъ, небольшая же группа интеллигенціи ясно и отчетливо сознаетъ, что внѣ умственныхъ, религіозныхъ и политическихъ идеаловъ русскаго народа нѣтъ жизни инородческимъ племенамъ.

12. Пропаганды со стороны магометанства среди христіанскаго населенія не замѣчалось, въ средѣ же отступниковъ она имѣла мѣсто, такъ: 3—4 года тому назадъ татары—отступники участвовали въ коллективной подачѣ прошенія на Высочайшее имя о дозволѣніи имъ окончательно присоединиться къ магометанству и исповѣдывать его официально.

Дѣти отступниковъ ни нашихъ училищъ, ни татарскихъ

мектебе при мечетяхъ деревни Старыхъ Татарскихъ Чукалъ не посѣщаютъ. Вновь отпаденій не было, а напротивъ 6 лѣтъ тому назадъ два семейства, сильно склонныхъ къ отпаденію, снова примкнули къ христіанству. Сыновей поженили, на чувашскихъ дѣвушкахъ изъ христіанскихъ семействъ, младенцевъ крестятъ, исповѣдываются и причащаются. Въ домахъ ихъ не было иконъ. Пришли сами къ намъ и попросили иконъ.

Священникъ В. Тѣняевъ. (изъ чувашъ).

Приходъ села Нижней Ивановки (Никольскаго), Самарскаго уѣзда и губерніи.

1. Составъ населенія прихода села Нижней Ивановки, Екатериновской волости, Самарскаго уѣзда и губерніи, состоитъ изъ русскихъ и инородцевъ чувашъ. Въ 1890 г. въ приходѣ жителей было: русскихъ 810 д. м. п. 914 д. ж. п., чувашъ крещенныхъ 348 д. м. п. 323 д. ж. п., итого 1158 д. м. п. 1237 д. ж. п. Въ 1902 году было: русскихъ 624 д. м. п. 625 д. ж. п., чувашъ 383 д. м. п. 345 д. ж. п.; итого 1007 д. м. п. 970 д. ж. п. Число русскихъ уменьшилось вслѣдствіе того, что одна русская приходская деревня—Купино была приписана къ другому приходу.

Чуваши живутъ въ самомъ селѣ, а русскіе въ приходскихъ деревняхъ: Григорьевкѣ, Висловкѣ, Дмитріевкѣ и Кіевкѣ.

Раскольниковъ въ приходѣ (въ д. Григорьевкѣ) 69 д. м. п. 68 д. ж. п. Среди чувашъ ни раскольниковъ, ни язычниковъ и ни отпадшихъ въ магометанство нѣтъ: всѣ чуваша села Н. Ивановки просвѣщены св. крещеніемъ въ 1830 году, Филаретомъ, архіепископомъ Казанскимъ.

Вблизи села Нижней Ивановки нѣтъ ни язычниковъ, ни магометанъ, ни отпавшихъ, здѣшніе чуваша кругомъ окружены одними русскими, находятся, можно сказать, въ центрѣ болѣе или менѣе просвѣщеннаго русскаго народа, недалеко отъ Волги (7 верстъ), желѣзной дороги (5 вер.) и губернскаго города (40 в.); въ четырехъ верстахъ отъ с. Ивановки находится большое богатое торговое село Екатериновка. Вообще, Ивановскіе чуваша живутъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для скорѣйшаго просвѣщенія и обрусенія.

2. Православное богослуженіе до 1898 года совершалось исключительно на церковно-славянскомъ языкѣ; только съ 1898 года начали употреблять при богослуженіи чувашскій языкъ, при чемъ, на первыхъ порахъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ русскіе прихожане были противъ употребленія чувашскаго языка. Съ 1898 года чувашскій языкъ отчасти употребляется до сего времени; въ полномъ видѣ богослуженіе на чувашскомъ языкѣ въ этомъ приходѣ совершается весьма рѣдко, напр. великимъ постомъ одну недѣлю, во время общественныхъ молебствій. Требы христіанскія для чувашъ совершаются на чувашскомъ языкѣ.

3. До 1894 года здѣсь не было священноцерковнослужителей, умѣющихъ говорить по чувашски; съ 1894 по 1898 годъ священникъ и псаломщикъ были русскіе, умѣющіе говорить по чувашски, но они знаніемъ своимъ чувашскаго языка никогда не пользовались ради миссіонерскихъ цѣлей. Въ 1898 году въ село Ивановку былъ опредѣленъ діаконъ изъ чувашъ, который началъ употреблять чувашскій языкъ и въ школѣ, и въ церкви. Въ 1899 году всѣ члены причта были чувашами; первымъ священникомъ изъ чувашъ былъ я; я служилъ здѣсь съ 1899 по 1902 г.; послѣ меня поступилъ священникъ Дмитрій Дмитріевъ, тоже изъ чувашъ. Религіозно-нравственныя чтенія и бесѣды устраивались въ школѣ на чувашскомъ языкѣ; бесѣды эти привлекали много чувашъ и приносили имъ большую пользу.

Ивановскіе чуваша къ богослуженію, совершаемому на ихъ родномъ языкѣ, относились и теперь относятся весьма сочувственно. Они сами просили преосвященнаго, чтобы въ храмѣ ихъ совершалось богослуженіе на понятномъ для нихъ, родномъ языкѣ. Владыко уважилъ ихъ просьбу и послалъ къ нимъ священника и псаломщика изъ чувашъ. О христіанскомъ богослуженіи, совершаемомъ на чувашскомъ языкѣ, сами чуваша отзываются такъ: „Мы раньше въ церковь не ходили потому, что ничего не понимали, что тамъ пѣли и читали; теперь намъ охота въ церковь ходить, мы слышимъ богослуженіе и проповѣдь на своемъ родномъ языкѣ и все понимаемъ; да намъ очень пріятно, когда въ церкви читаютъ и поютъ наши дѣти. Въдъ раньше наши дѣти въ церкви никогда не пѣли и не читали; мы думали, что въ церкви могутъ пѣть и читать только одни

русскіе, а чуваші не могутъ". Нѣкоторые изъ чувашъ нѣрѣдко высказывали свое удивленіе по поводу того, что дѣти ихъ хорошо научились читать и пѣть въ церкви. Стараніемъ учителя-инородца церковной школы былъ организованъ очень хорошій хоръ, въ которомъ участвовали всѣ учащіеся дѣти и взрослые, всего около 60 человѣкъ. Хоръ этотъ исполнялъ церковныя пѣснопѣнія годичнаго круга на славянскомъ и чувашскомъ языкахъ весьма стройно. Пѣніемъ этого чувашскаго хора удивлялись многіе русскіе прихожанѣ и благодарили псаломщика—учителя. Они говорили, что раньше у нихъ никогда такого пѣнія въ церкви не было.

4. Въ приходѣ с. Нижней Ивановки двѣ школы, обѣ находятся въ с. Н. Ивановки рядомъ. Одна школа земская, общаго типа, открыта въ 1888 году, другая школа церковная, типа Ильминскаго, открыта въ 1895 году.

Для прихода с. Н. Ивановки этихъ двухъ школъ достаточно.

5. Въ земской школѣ всѣ учителя были русскіе, не умѣющіе говорить по чувашски; обученіе они вели исключительно на русскомъ языкѣ. Учителя земской школы получили образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ.

Въ инородческой церковной школѣ первый учитель псаломщикъ былъ русскій, неумѣющій говорить по чувашски; онъ прослужилъ здѣсь съ 1895 по 1898 г.; образованіе получилъ въ духовной семинаріи (изъ 4 класса); остальные учителя были всѣ чуваші, получавшіе образованіе въ Симбирской чувашской учительской школѣ. Первый учитель занимался на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, а остальные учителя занимались на чувашскомъ и русскомъ языкахъ, по системѣ Н. И. Ильминскаго.

Въ инородческихъ школахъ успѣшнѣе ведутъ обученіе учителя изъ инородцевъ.

6. Въ Ивановской земской школѣ общаго типа со времени ея открытія и до настоящаго времени преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ, чувашскій языкъ здѣсь никогда не употреблялся и чувашскихъ учебниковъ въ школѣ никогда не было.

Въ Ивановской церковной школѣ типа Ильминскаго преподаваніе съ 1895 по 1898 г. велось на русскомъ языкѣ, а съ

1898 и по настоящее время на чувашскомъ и русскомъ языкахъ, по системѣ Н. И. Ильминскаго.

Преподаваніе на чувашскомъ языкѣ за 6 лѣтъ въ Ивановской церковной школѣ не расширилось и не сократилось.

7. Школа земская находится въ вѣдѣніи земства, а церковная—духовнаго вѣдомства. Въ обѣихъ школахъ курсъ обученія длится четыре года. (Во всѣхъ земскихъ школахъ Самарскаго уѣзда ведется четырехлѣтній курсъ обученія).

Въ селѣ Н. Ивановѣ, до открытія школы типа Ильминскаго, существовала школа земская общаго типа, которая открыта за 8 лѣтъ раньше школы типа Ильминскаго.

Въ школѣ земской общаго типа учениковъ изъ чувашъ было очень мало, ежегодно обучалось въ ней по 3—5 учениковъ изъ чувашъ. Со времени открытія ея и до сего времени, т. е. за 16 лѣтъ, въ ней обучалось изъ чувашъ 20 мальчиковъ, окончило курсъ со свидѣтельствомъ 2 м. Многіе мальчики, проучившись въ школѣ мѣсяцъ, оставляли ея и больше не ходили учиться.

Дѣвочки вовсе не обучались.

Въ церковной школѣ типа Ильминскаго въ первый годъ открытія было 22 м.

Въ 1898/99 учебномъ году, когда обученіе начали вести по системѣ Н. И. Ильминскаго, учащихся было 33 м. 7 д.; въ этомъ году въ земской школѣ общаго типа учениковъ изъ чувашъ было 3. За послѣднія пять лѣтъ въ ней никто изъ чувашскихъ дѣтей не обучается.

8. За 12 лѣтъ въ школу земскую общаго типа поступило учиться до 200 м. и до 60 дѣв. русскихъ, 13 м. чувашъ. Въ школу же типа Ильминскаго за время ея существованія (1895—1903) поступило учиться до 150 м. и до 30 д.; въ первой школѣ окончило курсъ 65 м. русскихъ и 2 м. чувашъ. Изъ нихъ никто никуда не поступилъ для дальнѣйшаго образованія, всѣ остались дома. Во второй школѣ окончило курсъ изъ чувашъ 17 м. 4 д.; изъ нихъ двѣ дѣвочки поступили учиться въ Екатерининскую женскую двухкласную (русскую) школу Мин. Нар. Просв., остальные остались дома. Грамотныхъ русскихъ въ 1891 году было 127 м. 17 ж. чувашъ 12 м.; въ настоящее время грамотныхъ русскихъ до 400 чел., чувашъ до 150.

9. Мѣстное чувашское населеніе къ обученію на мѣстномъ чувашскомъ и русскомъ языкахъ съ учителемъ изъ инородцевъ относится много сочувственнѣе, чѣмъ къ обученію исключительно на русскомъ языкѣ. Это видно изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ. Въ инородческой школѣ учитель инородецъ, посредствомъ обученія инородческихъ дѣтей на ихъ родномъ языкѣ, достигаетъ лучшихъ результатовъ, какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и въ воспитательномъ, чѣмъ учитель русскій, обучающій на русскомъ языкѣ, поэтому такая школа пользуется большимъ сочувствіемъ со стороны инородцевъ.

Инородцы требуютъ отъ школы, чтобы она давала дѣтямъ ихъ прежде всего христіанское воспитаніе, умѣнье пѣть и читать въ храмѣ Божіемъ за богослуженіемъ, знаніе въ законѣ Божіемъ, а затѣмъ полезныя знанія, необходимыя въ крестьянскомъ быту.

Чуваши села Н. Ивановки на опытѣ убѣдились, что обученіе прямо на русскомъ языкѣ очень трудно для ихъ дѣтей, не знающихъ русскаго языка, а потому они не могутъ усваивать преподаваемое и изъ школы выходятъ съ плохими познаніями, обученіе же на понятномъ родномъ языкѣ легко и весьма полезно въ воспитательномъ отношеніи; въ виду этого они желаютъ, чтобы обученіе велось на родномъ и русскомъ языкахъ учителемъ изъ чувашъ, т. е. по системѣ Н. И. Ильминскаго. Чувашскія дѣти, обучавшіяся въ земской школѣ общаго типа, гдѣ преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ, не умѣютъ читать книги на чувашскомъ языкѣ, не знаютъ молитвъ, священной исторіи и христіанскаго вѣроученія, въ церкви не читаютъ и не поютъ, а потому родители такое обученіе считаютъ бесполезнымъ. Напротивъ, обучавшіяся въ церковной школѣ типа Ильминскаго, довольно твердо знаютъ христіанское вѣроученіе, хорошо могутъ читать книги на своемъ родномъ языкѣ, участвуютъ въ церкви при богослуженіи, въ чтеніи и пѣніи, что весьма радуетъ родителей ихъ; они всегда отзываются хорошо объ школѣ и объ учителѣ. Въ Ивановской церковной школѣ занимался псаломщикъ изъ чувашъ безвозмездно; когда онъ былъ переведенъ въ другой приходъ, то чуваше Ивановскіе выдали ему, въ благодарность за его труды, 20 руб. изъ общественныхъ суммъ.

Что же касается русскаго языка, то ученики усваиваютъ его вполне достаточно и въ школѣ типа Ильминскаго.

Здѣсь я считаю не лишнимъ привести приговоръ чувашъ с. Н. Ивановки, свидѣтельствующій объ ихъ отношеніи къ школѣ общаго типа, а также въ школѣ типа Ильминскаго. Географія сохраняется.

„Приговоръ“ № 27, 1901 года Августа 19 дня. Мы ниже подписавшіеся крестьяне собственники села Никольскаго, Екатериновской волости. Самарскаго уѣзда и губерніи, отъ 120 домохозяевъ имѣющихъ право голоса въ мирскихъ дѣлахъ, на личныхъ 82 человѣка бывъ сего числа въ общемъ собраніи на полномъ сельскомъ сходѣ созванномъ по распоряженіи нашего мѣстнаго сельскаго старосты Сибаторова, гдѣ въ его присутствіи имѣли сужденіе о лучшей постановкѣ дѣла начальнаго образованія нашихъ дѣтей. Въ селѣ нашемъ существуютъ двѣ школы: земская и церковная. Первая открыта въ 1888 году и содержится отъ общества двухъ селеній, нашего села Никольскаго и дер. Григорьевки; мы отъ себя на содержаніе ея ежегодно собираемъ 95 руб. между тѣмъ въ ней изъ нашихъ дѣтей окончило курсъ только двое и обучалось всего 15 человѣкъ за все время ея существованія, за послѣдніе три года никто изъ нашихъ дѣтей въ ней не обучался. Церковная же школа открыта въ 1895 году и въ ней обучаются дѣти наши на понятномъ родномъ языкѣ, почему число учащихся въ ней съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ что въ 1900 году обучалось 50 человѣкъ и окончило курсъ 13 человѣкъ. Съ открытіемъ этой школы грамотность среди нашего чувашскаго населенія начала распространяться и мы были поражены до глубины души, когда первый разъ увидѣли и услышали дѣтей нашихъ поющихъ, и читающихъ въ церкви на нашемъ родномъ языкѣ и на славянскомъ. Это именно благодаря нашей церковной школѣ. Школа по крайнему прискорбію нашему до сего времени помѣщалась тѣсно въ низкомъ, темномъ и грязномъ помѣщеніи и содержалась на весьма скудныхъ средствахъ мѣстнаго церковнаго попечительства, а обучали нашихъ дѣтей священникъ и псаломщикъ бесплатно. Въ настоящемъ году священникомъ нашимъ о. Ивановымъ безъ всякой матеріальной помощи съ нашей стороны выстроено для церковной школы новое обширное и удоб-

ное зданіе, на содержаніе котораго онъ проситъ наше общество отпускать ежегодно небольшую сумму. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что наши дѣти въ земской школѣ не обучаются, посему сборъ на содержаніе ея съ нашего общества является совершенно излишнимъ и бесполезнымъ для насъ, и что церковная школа, гдѣ наши дѣти получаютъ первоначальное образованіе на нашемъ родномъ языкѣ и которая является разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія нашего темнаго народа, пребывающаго до сихъ поръ во многихъ языческихъ заблужденіяхъ, весьма бѣдно обставлена, мы съ общаго насъ согласія постановили: на основаніи указа 2 Департамента Правительствующаго Сената отъ 14 Сентября 1895 г. за № 11752, коимъ разъяснено, что, на основаніи п. 8 ст. 51 общаго положенія о крестьянахъ, сельское общество имѣетъ законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности содержанія церковно-приходской школы вмѣсто земской, существующей сборъ съ нашего общества, въ количествѣ 95 руб. на содержаніе земской школы, съ настоящаго года полностью обратитъ на содержаніе нашей церковно-приходской чувашской школы, сумму эту обязуемся собирать какъ и прежде съ ревизскихъ душъ вмѣстѣ съ казенными и мирскими сборами передавать завѣдующему школою, которой ежегодно долженъ представлять отчетъ объ израсходованіи этой суммы, о чемъ и составили настоящій приговоръ, какой и имѣемъ честь представить чрезъ наше мѣстное Екатериновское волостное правленіе Его Высочайшему Господину Земскому Начальнику 9 участка Самарскаго уѣзда, на зависящее распоряженіе, въ чемъ и подписуемся "... Къ приговору подписалось 82 чел.

Среди инородцевъ—чувашъ с. Н. Ивановки стремленіе къ школьному обученію ежегодно возрастаетъ, а также увеличивается желаніе учиться по русски, а главнымъ образомъ, укрѣпляться въ православной вѣрѣ!

Окончившіе курсъ въ школѣ типа Ильминскаго, съ учителямъ изъ инородцевъ, русскимъ языкомъ владѣютъ вполне достаточно.

10. Вліяніе школы Н. И. Ильминскаго на мѣстное чувашское населеніе громадно. До открытія школы Ильминскаго и до назначенія въ село Ивановку учителя и священника изъ

чуваши. Ивановскіе чуваші никогда не слышали проповѣди слова Божія на своемъ родномъ языкѣ, а потому по жизни были истые язычники, за исключеніемъ двухъ трехъ семействъ. Первому священнику изъ инородцевъ стоило очень большихъ трудовъ бороться съ язычествующими чувашами с. Нижней Ивановки. До него дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ находилось въ полномъ забытіи. Не смотря на то, что со времени крещенія Ивановскихъ чувашъ прошло болѣе 70 лѣтъ и что они все время жили среди сплошнаго русскаго населенія, постоянно обращались съ русскими, хорошо говорили по русски, они до послѣдняго времени оставались такими же, какими были до крещенія. Русская жизнь туго прививалась къ нимъ, русскіе обычаи мало принимались ими, слѣдовъ вліянія христіанства было мало замѣтно, христіанство дало имъ лишь имена, а не ознакомило ихъ съ ученіемъ Христа и съ богатствомъ содержанія православнаго богослуженія. Отсюда, остается въ нихъ полное невѣдѣніе о томъ, что кроется подъ внѣшней формой христіанскихъ обрядовъ; въ исполненіи христіанскихъ обрядовъ требъ и богослуженій, они скорѣе усматривали гражданскую подкладку, чѣмъ религіозную, а на требы и богослуженія смотрѣли какъ на гражданскіе акты, требуемые правительствомъ только для правильной общественной жизни, а въ лицѣ священника они видѣли не столько пастыря, пекущагося о спасеніи душъ пасомыхъ своихъ, сколько администратора. Такимъ образомъ христіанство въ своихъ обрядахъ и молитвахъ являлось для нихъ совершенно чуждымъ и не имѣвшимъ никакого вліянія на ихъ внутреннюю жизнь. Отсюда становится понятнымъ отсутствіе въ жизни ихъ христіанскихъ обычаевъ, холодность къ церкви, къ исполненію св. долга исповѣди, преданность къ язычеству, къ языческимъ обычаямъ, что яснымъ образомъ обнаруживалось въ праздникѣ, совершаемомъ ежегодно послѣ Св. Троицы. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшніе русскіе относились къ чувашамъ очень холодно, смотрѣли на нихъ очень сурово, называли не иначе, какъ „чувашская лопатка“, „нехристь“, „орда“, „поганые“ и др. Видя такое непріязненное отношеніе со стороны русскихъ, чуваші, конечно, старались избѣгать столкновенія съ ними и вели замкнутую жизнь. А главное чуваші не могли питаться словомъ

Божимъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, не слышали проповѣди Слова Божія и богослуженія на понятномъ родномъ языкѣ, не научились истинамъ христіанской религіи, а оставались по жизни язычниками.

Съ началомъ примѣненія (1898 г.) системы Н. И Ильминскаго въ приходѣ с. Ивановки, Ивановскіе чуваші стали оставлять свои языческія вѣрованія, стали навѣщать храмъ Божій, соблюдать установленія св. церкви христіанской и сознать пагубность языческой вѣры и спасительность Христовой вѣры. До введенія системы Ильминскаго въ приходѣ было незаконно-сожительствующихъ до 50 паръ, посты и долгъ исповѣди исполняли не болѣе пяти семействъ; съ введеніемъ системы незаконное сожительство стало сильно уменьшаться, исполняющихъ долгъ исповѣди стало ежегодно увеличиваться, такъ что въ 1902 г. христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія исполнили до 70 семействъ, что раньше никогда не бывало, потребность въ чтеніи духовно-нравственныхъ книгъ увеличивалась, отношеніе къ священнику измѣнилось, а также измѣнилось отношеніе къ русскимъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что школа типа Ильминскаго вліяетъ на инородцевъ много сильнѣе, чѣмъ школа общаго типа.

Въ этомъ я убѣдился въ приходѣ с. Н. Ивановки. Здѣсь школа общаго типа существовала болѣе 15 лѣтъ, но тѣмъ не менѣе она никакого благотворнаго вліянія на мѣстное чувашское населеніе не оказала; школа же типа Ильминскаго произвела на чувашъ грамадное вліяніе въ 5—6 лѣтъ, хотя эта школа была (на первыхъ порахъ) съ внѣшней стороны весьма убогая, въ сравненіи съ существующей рядомъ земской школой, богато обставленной во всѣхъ отношеніяхъ.

11. На обрусѣніе инородческаго населенія школа Ильминскаго вліяетъ больше, чѣмъ школа общаго типа. Положительно можно утверждать, что школа типа Ильминскаго больше сближаетъ инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, больше развиваетъ въ инородцахъ любовь ко всему русскому, чѣмъ школа общаго типа. *Въ этомъ я убѣдился вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось служить.* Нигдѣ мнѣ не приходилось наблюдать случаевъ отчужденія инородцевъ отъ русскихъ въ смыслъ племеннаго

обособленія, послѣ, обученія ихъ на мѣстномъ инородческомъ языкѣ.

Инородцы с. Ивановки, получивъ образованіе въ школѣ Ильминскаго, стремились сближаться съ русскими и не чуждались ихъ; многія дѣвочки, обучавшіяся въ инородческой школѣ, носили русскія платья, ходили играть къ русскимъ дѣвочкамъ, говорили съ нимъ по русски, старались изучить русскій языкъ. Напротивъ русскіе чуждались чувашъ, смотрѣли на нихъ какъ на язычниковъ. Русскія дѣти не любили чувашскихъ дѣтей, а потому послѣднія не ходили въ земскую школу учиться.

12. Чуваши села Н. Ивановки мусульманской пропагандѣ не подвергались, они совершенно незнакомы ни съ татарскимъ языкомъ, ни съ мусульманской религіей.

Что здѣсь сказано о чувашахъ села Н. Ивановки, тоже самое можно сказать и о чувашахъ селъ: Луговой Александровки, Покровскаго и Чувашскихъ Липяговъ, Самарскаго уѣзда.

Бугульминскій уѣздный наблюдатель, священникъ *А. Ивановъ*.

(Изъ чувашъ).

Приходъ села Стюхина Бугурусланскаго уѣзда Самарской губерніи.

I. Въ составъ прихода входятъ: 1) Село Стюхино, деревни 2) Старо-Ганькина, 3) Рысайкина, 4) Султангулова и 5) Тергала. Населеніе въ означенныхъ селеніяхъ въ 1891 составляли и въ настоящее время (въ 1904 году) составляютъ инородцы чуваші, за исключеніемъ дер. Тергалы, гдѣ населеніе чисто русское. Инородцы чуваші по вѣроисповѣданію подраздѣляются на православныхъ и язычниковъ, изъ числа послѣднихъ есть и мусульмане—чуваші. Количество населенія прихода с. Стюхина къ 1-му Января 1904 года:

	муж.	жен.
1) село Стюхино: чувашъ православныхъ .	814 д.	808 д.
2) д. Старо—Ганькина: чувашъ православ. 630 „	614 „	„
„ „ язычниковъ	370 „	362 „
„ „ мусульманъ	7 „	3 „
3) д. Рысайкина: чувашъ православныхъ .	348 „	323 „
„ „ язычниковъ	426 „	479 „
въ числѣ язычниковъ мусульманъ	(21 „	26 „)
4) д. Султангулова: чувашъ православныхъ 478 „	472 „	„
5) д. Тергала: русскихъ православ.	126 „	149 „

II. Въ приходѣ села Стюхина православное богослуженіе до 1-го Марта 1894 года совершалось исключительно на славянскомъ языкѣ, а съ означеннаго времени совершается и понынѣ на инородческомъ и славянскомъ языкахъ, такъ какъ въ приходѣ, кромѣ чувашъ, имѣются русскіе прихожане. При этомъ нужно сказать, что служба на чувашскомъ языкѣ болѣе совер-

шается въ воскресные дни, а въ праздники приходится служить на славянскомъ языкѣ, т. к. службы на праздники, кромѣ Св. Пасхи, не переведены на чувашскій языкъ.

Русскіе прихожанѣ села Стюхина (жители дер. Тергалы) къ инородческому богослуженію относятся благосклонно: нисколько не гнушаются и не выражаютъ неудовольствія, какъ это бываетъ въ другихъ смѣшанныхъ инородческихъ приходахъ. Мнѣ неоднократно приходилось отъ нихъ слышать: „что намъ гнушаться чувашскимъ богослуженіемъ? Мы рады, что чуваша стали ходить въ церковь, а то прежде бывало ихъ и въ церковь не загонишь, все возились съ своими „киреметями“ (священные рощи). (Примѣчаніе. „Русскіе киреметями называютъ священные рощи чувашъ язычниковъ, но это неправильно, „киреметъ“ собственно духъ, равный духу „Туръ“—Богъ. Богъ—„Туръ“—всемогушій, вездѣсущій, вседержитель... а „киреметъ“ духъ, имѣющій определенное мѣстопребываніе, напр. роща или оврагъ, отдѣльное дерево, пустынь или котловина“).

Въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1 Марта 1894 года) Тергалинскимъ было два раза предложено перейти приходомъ въ русское село Кротково, при этомъ имъ указывалось, что въ Стюхинѣ служба больше совершается на чувашскомъ языкѣ, а въ Кротковѣ, на русскомъ языкѣ. Они категорически отказались оба раза, про богослуженіе говорили: „развѣ мы понимаемъ славянскую службу, все равно стоимъ въ церкви и ничего не понимаемъ, знаешь только: „Господи помилуй“, И такъ русскіе крестьяне не чуждаются ни чувашъ, ни чувашскаго богослуженія. Между тѣмъ сельская русская интеллигенція (какъ-то: волостные и сельскіе писаря) относятся къ чувашамъ съ пренебреженіемъ; про богослуженіе на чувашскомъ языкѣ отзываются прямо кошунственно.

III. До 1 Марта 1894 года въ селѣ Стюхино священникъ и остальные члены причта были русскіе. Въ концѣ Февраля 1894 года въ Стюхино былъ назначенъ первый священникъ изъ инородцевъ—чувашъ, а въ концѣ Ноября 1896 года назначенъ второй священникъ изъ чувашъ Андрей Сенчуковъ. Съ назначеніемъ священника изъ чувашъ остальные члены причта тоже были замѣнены инородцами.

Въ настоящее время—съ открытіемъ самостоятельныхъ при-

ходовъ съ Января 1904 года въ д. Старо-Ганькинѣ и Рысайкинѣ въ селѣ Стюхино состояли: одинъ священникъ, одинъ диаконъ и одинъ псаломщикъ, въ д. Старо-Ганькинѣ одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ, въ д. Рысайкинѣ: одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ. Всѣ означенные члены причта изъ чувашъ; окончили курсъ въ Симбирской чувашской учительской школѣ, за исключеніемъ псаломщика въ д. Рысайкинѣ: послѣдній окончилъ курсъ во второ-классной школѣ.

Въ школахъ, какъ для школьниковъ, такъ и для взрослыхъ инородцевъ, въ осеннее и зимнее время устраиваются религіозно-нравственныя чтенія на чувашскомъ языкѣ, въ недѣлю отъ одного до 2 разъ.

Инородцы чуваша богослуженіе на родномъ языкѣ любятъ, такъ какъ оно имъ понятно и дѣйствуетъ на сердце.

IV. Въ 1870-хъ годахъ въ селѣ Стюхино было Бугурусланскимъ уѣзднымъ земствомъ открыто земское училище, которое существовало лѣтъ 5, но впослѣдствіи, за неимѣніемъ учащихся, училище было закрыто. Въ 1885 году въ селѣ Стюхино была открыта церковно-приходская школа. При моемъ поступленіи въ приходъ с. Стюхина (конецъ Февраля 1894 года) учащихся было около 50 человѣкъ. По открытіи школы обученіе велось исключительно на русскомъ языкѣ русскими учителями; такъ какъ учащіеся поступали въ школу не зная ни слова по русски, а русскіе учителя не знали чувашскаго языка, то въ 1887 году былъ приглашенъ переводчикъ чувашинъ, учившійся въ Стюхинскомъ земскомъ училищѣ. Только благодаря такой постановкѣ дѣла число учащихся постепенно увеличивалось и въ 1893—1894 учебномъ году достигло до 50 человѣкъ. При этомъ долженъ сказать, что половину этого количества учащихся составляли деревенскіе, въ томъ числѣ были русскіе изъ деревни Тергалы.

Въ началѣ 1894—1895 учебного года мною были открыты школы грамоты въ деревняхъ: Старо-Ганькинѣ, Рысайкинѣ и Султангуловѣ.

Въ 1896—1897 уч. году открыта школа грамоты въ деревнѣ Тергалѣ.

Въ 1897—1898 учеб. году открыта женская школа въ селѣ Стюхино, но къ сожалѣнію Бугурусланское уѣздное отдѣленіе от-

неслось сурово къ женской школѣ, оно закрыло ее въ 1903 году, хотя учащихся дѣвочек доходило до 30 человѣкъ.

Съ 1894—1895 учебнаго года во всѣхъ инородческихъ школахъ прихода примѣнялась (и теперь примѣняется) система Н. И. Ильминскимъ.

За десять лѣтъ (1894—1904 г.) произошли слѣдующія перемѣны: въ 1901 году Стюхинская одноклассная церковно-приходская школа, согласно желанію жителей села Стюхина, преобразована въ двухклассную и посвящена памяти Н. И. Ильминскаго. Въ томъ же году Старо-Ганькинская школа грамоты закрыта вслѣдствіе открытія въ этой деревнѣ однокласснаго Мин. Нар. Просв. училища.

Въ 1904 году Бугурусланское отдѣленіе закрыло Тергадинскую школу грамоты, за неимѣніемъ средствъ.

В. Какъ было указано выше, съ введеніемъ въ инородческихъ школахъ (1894—1895 учебный годъ) системы Н. И. Ильминскаго, русскій учитель (въ Стюхинской) былъ замѣненъ инородцемъ, а во вновь открытыя школы приглашены были учителями инородцы, за исключеніемъ Рысайкинской школы, куда былъ допущенъ русскій, прекрасно владѣющій чувашскимъ языкомъ. Образованіе первыхъ учителей чувашъ ограничивалось начальной школой. Причиной этого были недостатокъ кандидатовъ учителей, а главное не было средствъ.

Въ 1894—1895 учебномъ году школы: Старо-Ганькинскую, Рысайкинскую и Султангуловскую пришлось содержать исключительно на свои личныя средства, только благодаря преосвѣщенному Гурію, епископу Самарскому изъ Самарскаго епархіальнаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества 3 учителямъ было выдано 85 рублей.

Въ 1903—1904 учебномъ году учителями были:

1) Въ Стюхинской двухъ-классной церковной школѣ: а) Максимъ Клавдіевъ изъ чувашъ, б) псаломщикъ Максимъ Яковлевъ изъ чувашъ, оба окончили курсы въ Симбирской чувашской учительской школѣ.

2) Въ Старо-Ганькинскомъ Мин. Нар. Просв. училищѣ—Василій Ивановъ, изъ чувашъ, окончилъ курсъ въ Симбирской чувашской учительской школѣ.

3) Въ Рысайкинской одноклассной церковно-приходской

школъ Иванъ Сенчуковъ, изъ чувашъ, изъ старшаго (3-го) класса Симбирской чувашской учительской школы.

4) Въ Султангуловской школѣ грамоты: Иванъ Сосинъ, изъ русскихъ, окончилъ курсъ въ Стюхинской двухклассной школѣ, хорошо знаетъ чувашскій языкъ.

5) Тергалинской школѣ грамоты (русская школа) учительница Анна Морозова, изъ русскихъ, окончила курсъ во второй-классной школѣ.

Обученіе въ инородческихъ школахъ (при инородческихъ учительскихъ школахъ) идетъ успѣшнѣе, такъ какъ инородческіе учителя болѣе привлекаютъ дѣтей-инородцевъ въ школу, чѣмъ русскіе учителя. Подобный фактъ извѣстенъ мнѣ самому. Въ 1889 году, по окончаніи курса въ Симбирской чувашской учительской школѣ, я былъ въ Октябрѣ назначенъ учителемъ въ деревню Альшихово Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, во вновь открытое земское училище. Въ Альшихово я прибылъ 9 Октября, а 11 Октября началъ занятія. Въ сосѣдней деревнѣ Рунгѣ (чрезъ рѣчку Карлъ) существовала второй годъ церковно-приходская школа, гдѣ учителемъ былъ русскій, нѣкто Германовъ. Въ Рунгинской школѣ учились дѣти изъ деревень Альшиховой и Тингашъ. Занятія велись въ этой школѣ на русскомъ языкѣ, такъ какъ учитель Германовъ не зналъ чувашскаго языка. Въ Альшиховѣ я началъ заниматься по системѣ Н. И. Ильминскаго. Чрезъ недѣлю ученики Рунгинской школы изъ деревни Альшиховой всѣ перешли въ мою школу, за ними послѣдовали ученики изъ Тингашъ, а чрезъ 2—3 недѣли перешли въ мою школу нѣкоторые ученики изъ деревни Рунги, такъ что Рунгинскую школу пришлось закрыть чрезъ 3 мѣсяца за неимѣніемъ учащихся. Сначала изъ учениковъ Рунгинской школы образовалось 2-ое отдѣленіе, но въ концѣ учебнаго года (съ Февраля мѣсяца) пришлось ихъ соединить съ первымъ отдѣленіемъ (первогодними), потому что ученики Рунгинской школы были забиты и утомлены настолько, что мои ученики (Альшиховской) обогнали ихъ въ чтеніи, письмѣ и счисленіи.

VI: Обученіе съ 1894—1895 учебнаго года въ инородческихъ школахъ прихода ведется по системѣ Н. И. Ильминскаго, то есть первый годъ на чувашскомъ языкѣ, въ концѣ второго

учебнаго года постепенно переходять къ русскому языку, а 3 и 4 года преподаваніе идетъ на русскомъ языкѣ.

По отношенію къ церковнымъ школамъ (Стюхинской, Рысайкинской и Султангуловской), благодаря преосвященному Гурію, епископу Самарскому, нынѣ Симбирскому, система Н. И. Ильминскаго примѣнялась цѣликомъ безъ всякихъ сокращеній и прибавленій. Тоже можно сказать и по отношенію Старо-Ганькинскаго Мин. Нар. Пр. училища, хотя замѣтно стремленіе къ замѣнѣ системы Ильминскаго системою общаго типа, но пока сохраняется благодаря инспектору народныхъ училищъ, Бугурусланскаго уѣзда, Веретенникову.

VII и VIII. Какъ было сказано выше въ приходѣ села Стюхина существовала одна церковная школа, преподаваніе велось на русскомъ языкѣ, учащихся было до 50 человекъ. Въ 1894—1895 учебномъ году были открыты школы въ деревняхъ прихода и была введена система Ильминскаго. Съ открытіемъ новыхъ школъ увеличилось и количество учащихся, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

За 1895—1896 учебный годъ.

1) Стюхинская церковно-прих. школа . . .	58 м.	и	1 д.
2) Старо-Ганькин, школа грамоты . . .	40	"	4 "
3) Рысайкинская школа грамоты . . .	31	"	5 "
4) Султангуловская школа грамоты . . .	32	"	7 "
Итого . . .	161	"	17 "

За 1896—1897 учебный годъ.

1) Стюхинская церков. приход. школа . . .	42 м.	9 д.
2) Старо-Ганькинская школа грамоты . . .	33	" 2 "
3) Рысайкинская школа грамоты . . .	24	" 4 "
4) Султангуловская школа грамоты . . .	27	" 5 "
5) Тергалинская школа грамоты . . .	23	" 12 "
Итого . . .	149 м.	32 д.

За 1901—1902 учебный годъ.

пріемъ повычковъ	Стюхинское двухклас. церк. прих. школа . . .	85 м. — д.
	Стюхинская женская школа грамоты . . .	" " 18 "
	Старо-Ганькинское М. Н. П. училище . . .	39 " 12 "
	Рысайкинская школа грамоты . . .	50 " 11 "
	Султангуловская школа грамоты . . .	22 " 8 "
	Тергалинская школа грамоты . . .	12 " 5 "
Итого . . .		208 м. 54 д.

Въ 1901 году окончило курсъ—32 мальчика и 12 дѣвоч.

За 1902—1903 учебный годъ.

пріема повычковъ нѣтъ.	1) Стюхинская двухклас. церковн. школа . . .	69 м. — д.
	2) Стюхинская жен. шк. грам. (былъ пріемъ). . .	" " 29 "
	3) Старо-Ганькинское М. Н. П. училище . . .	30 " 12 "
	4) Рысайкинская школа грамоты . . .	40 " 5 "
	5) Султангуловская школа грамоты . . .	18 " 6 "
	6) Тергалинская школа грамоты (былъ пріемъ). . .	12 " 9 "
Итого . . .		169 м. 61 д.

Въ 1903 году окончили курсъ 48 мальч. и 4 дѣвочекъ

За 1903—1904 учебный годъ.

былъ пріемъ.	1) Стюхинская двухклас. цер. школа . . .	85 м., 13 л.
	2) Старо-Ганькинское М. Н. П. училище . . .	39 " 7 "
	3) Рысайкинская церков. приходская школа (преобразована изъ школы грамоты) . . .	47 " 16 "
	4) Султангуловская школа грамоты . . .	48 " 10 "
	5) Тергалинская школа грамоты . . .	8 " 9 "
Итого . . .		227 м. 55 д.

Въ 1904 году окончило курсъ 11 мальчиковъ изъ II класса Стюхинской школы.

Опредѣлить сколько выбываетъ изъ школы до окончанія курса нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но опытъ показываетъ, что почти половина выбываетъ до окончанія курса.

Изъ числа окончившихъ курсъ въ школахъ прихода поступило (за 10 лѣтъ) въ Симбирскую чувашскую учительскую школу 8 мальчиковъ и 1 дѣвочка, окончили тамъ курсъ 1 мальчикъ,

учатся 1 мальчикъ и 1 дѣвочка, было до окончанія курса 6 мальчиковъ. Поступило и учатся во второклассныхъ церковныхъ школахъ 7 мальчиковъ; въ Самарскую школу телеграфистовъ поступило 3, два изъ нихъ поступили на мѣста; въ сельскохозяйственную школу поступилъ 1 мальчикъ; выдержали испытаніе на званіе учителя 3 ученика, изъ которыхъ одинъ псаломщикомъ и учителемъ въ Ерилкинской церковно-приходской школѣ; другой состоитъ учителемъ школы грамоты, а третій еще не получилъ мѣста, такъ какъ испытаніе выдержалъ только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1904 года.

Число грамотныхъ въ 1891 году было весьма незначительно, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ едва набирается до сотни, а въ настоящее время грамотныхъ превышаетъ тысячу (1059—человѣкъ).

Въ 1903—1904 учебномъ году въ деревняхъ Старо-Ганькинѣ и Рысайкинѣ открываются вечерніе курсы для взрослыхъ. Возрастъ учащихся отъ 10 до 45 лѣтъ, количество учащихся было: въ Старо-Ганькинѣ 64 мужчинъ и 14 женщинъ, а въ Рысайкинѣ 27 мужчинъ и 5 женщинъ. Занятія съ взрослыми происходятъ каждый вечеръ съ 6 до 9 часовъ вечера.

IX) Инородцы, а главнымъ образомъ инородческія дѣти любятъ учителя изъ инородцевъ, а такъ же и обученіе на инородческомъ языкѣ. Обученіе на родномъ языкѣ дѣтямъ понятно и интересно, совсѣмъ не то, когда обученіе ведется прямо на русскомъ языкѣ. Почему любятъ учителей инородцевъ—объясняется очень просто: какъ-бы не былъ преданъ русскій учитель своему дѣлу, онъ все-же будетъ относиться къ инородцу свысока, все инородческое для русскаго учителя не хорошо и часто преслѣдуется...

Инородцы уважаютъ болѣе учителей, чѣмъ учительницъ, они говорятъ: дѣвушкѣ не ребятамъ учить, а у очага глядѣть и дѣтей „рожать“ (переводъ съ чувашскаго языка).

Въ послѣднее время инородцы чуваша стали сознавать пользу школьнаго обученія. Чуваша желаютъ, чтобы дѣти хорошо знали Законъ Божій и усвоили русскій языкъ для обыденной жизни, насколько они соприкасаются съ русскимъ населеніемъ. Весьма характерно выраженіе самихъ чувашъ; „пусть дѣти учатся, (разумеютъ христіанское ученіе) пусть не будутъ какъ мы, (разу-

мѣють тѣмъ, непросвѣщенность) пусть забудутъ (бросаютъ) чувашскую (языческую) вѣру". Окончившіе курсы въ школахъ, гдѣ обученіе ведется по системѣ Н. И. Ильминскаго, усваиваютъ русскій языкъ настолько, что понимаютъ содержаніе довольно большихъ разсказовъ, излагаютъ письменно довольно правильно прочитанную статью, а по диктовкѣ не уступаютъ ученикамъ русскихъ школъ. Для незнакомыхъ съ дѣломъ обученія инородцевъ покажется страннымъ мое нижеслѣдующее заключеніе, но я говорю изъ дѣйствительной жизни инородцевъ, въ чемъ я убѣдился при пріемѣ учениковъ въ Стюхинскую двухклассную школу изъ другихъ школъ, гдѣ не примѣняется система Н. И. Ильминскаго. Ученики, обучавшіеся по системѣ Н. И. Ильминскаго, въ знаніи и основательности превосходятъ учениковъ, обучавшихся въ школахъ общаго типа при русскомъ учителѣ. Первые предметы начальной школы усваиваютъ сознательно, а потому и помнятъ дольше, а вторые заучиваютъ механически, а потому скоро и забываютъ.

Х. Система Н. И. Ильминскаго имѣетъ сильное вліяніе на религиозно-нравственное воспитаніе инородцевъ, никакая другая школа не можетъ сравняться въ этомъ отношеніи со школою типа Ильминскаго.

XI. Положительно можно утверждать, что школа типа Ильминскаго больше сближаетъ инородцевъ съ русскимъ населеніемъ, она развиваетъ въ инородцахъ любовь ко всему русскому. Тому ручательство—самая психологія чувашъ и другихъ инородцевъ. Инородцы съ понятіемъ православной христіанской вѣры тѣсно связываютъ понятіе о національности—русской. Сдѣлаться настоящимъ православнымъ христіаниномъ—значитъ быть настоящимъ русскимъ. Въ школѣ при помощи родного языка незамѣтно, но сознательно чуваша усваиваютъ православную христіанскую вѣру и вмѣстѣ съ симъ русскія понятія и воззрѣнія на все окружающее. Нигдѣ не было и нѣтъ случая отчужденія инородцевъ—чувашъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія послѣ обученія въ школѣ на родномъ языкѣ.

Относительно того, насколько успѣшно идетъ обрусѣніе инородцевъ въ смыслѣ усвоенія русскаго языка и русскихъ обычаевъ—можно сказать: ученики лучше говорятъ по-русски, инородцы стали вступать въ бракъ съ русскими, чего не было при мѣра до введенія системы Н. И. Ильминскаго въ школы.

XII. Тамъ, гдѣ примѣняется система Ильминскаго, не бываетъ случаевъ отпаденія христіанъ-инородцевъ въ мусульманство. Такъ въ приходѣ села Стюхина одно православное семейство (въ Рысайкинѣ), совсѣмъ отпавшее въ мусульманство (въ 1880—1890 г.), только благодаря вліянію сына, ученика Рысайкинской школы, вернулось обратно въ православіе и въ настоящее время это семейство является образцово христіанскимъ семействомъ въ деревнѣ Рысайкиной. (Семейство Якова Николаева). Въ той-же деревнѣ православное семейство (Михаила Тимофѣева), перешедшее въ мусульманство въ 1880—1890 г., въ началѣ 1895 года убѣжало изъ Рысайкина въ Оренбургскую губернію, откуда часть семейства была вернута, а часть семейства убѣжала въ Турцію. Вернушіеся члены семейства въ настоящее время оставили мусульманство и присоединились къ православію.

Въ общемъ на православное населеніе прихода въ настоящее время мусульмане татары никакого вліянія не имѣютъ, и опасность отпаденія въ мусульманство крещеныхъ чувашъ прихода села Стюхина миновала. Въ опасности перехода въ мусульманство остаются пока язычники чуваша деревни Старо-Ганькина и Рысайкиной, но среди молодежи язычниковъ—чувашъ замѣчается отвращеніе отъ мусульманства и татарства.

Священникъ села Старо-Ганькина,
бывшій священникъ села Стюхина,
Александръ Михайловъ (изъ чувашъ).

Приходъ Христорождественской церкви села Туармы, Бугульминскаго уѣзда, Самарской епархіи.

I. Въ приходѣ села Туармы въ 1891 году было жителей: русскихъ и крещеныхъ инородцевъ 3025 муж. пола и 3090 жен. пола, язычниковъ изъ чувашъ 426 муж. пола и 442 жен. пола, а всего 3451 м. п. и 3532 ж. пола; число жителей по народностямъ не было показано. Въ 1903 году состоитъ прихожанъ: русскихъ 43 муж. пола и 48 жен. пола, инородцевъ — чувашъ крещеныхъ 2771 муж. пола и 2684 жен. пола, мордвовъ крещеныхъ 539 муж. пола и 588 жен. пола, татаръ крещеныхъ 22 муж. пола и 18 жен. пола, язычниковъ изъ чувашъ 446 муж. пола и 425 жен. пола, а всего 3821 муж. пола и 3763 жен. пола. — Въ настоящее время изъ инородческаго населенія прихода крещеныхъ 6622 обоого пола, некрещеныхъ (чувашъ) 871 обоого пола, изъ послѣднихъ фактически (но неофициально) отпавшихъ въ магометанство 2 семейства. Язычники живутъ въ 4-хъ селеніяхъ прихода, смѣшенно съ крещенными; эти 4 селенія находятся отъ приходскаго села: 1-е—въ 12 верстахъ, 2-е и 3-е—въ 8 верстахъ и 4-е—въ 9 верстахъ, а отъ сосѣднихъ магометанскихъ деревень—1-е, 2-е и 3-е—въ 3-хъ верстахъ, 4-е—въ 9 верстахъ.

II. Православное богослуженіе въ церкви села Туармы совершается на инородческомъ языкѣ и отчасти на славянскомъ языкѣ, съ 1891 года безпрерывно.

III. Въ числѣ священниковъ и другихъ членовъ причта села Туармы въ настоящее время 2 священника изъ русскихъ, 1 священникъ изъ чувашъ, 2 псаломщика изъ чувашъ. Русскіе члены причта оба прекрасно знаютъ мѣстный (чувашскій) языкъ и хо-

рошо знакомы съ бытомъ и религіозными воззрѣніями инородцевъ.—Во всѣхъ 10 школахъ прихода устраиваются для инородцевъ религіозно-нравственныя бесѣды и чтенія на мѣстномъ языкѣ и совершаются церковныя Богослуженія на томъ же языкѣ, въ отдаленныхъ же деревняхъ во время Великаго поста совершается въ школьномъ зданіи литургія на переносномъ антиминѣ.—Инородцы относятся къ богослуженію на своемъ языкѣ съ любовью и благодарностью; слушаютъ его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Вотъ фактъ: прежде не было требника на чувашскомъ языкѣ, требы отправлялись по-словянски, чуваша при богослуженіи на непонятномъ языкѣ стояли апатично, а во время браковѣчанія производили въ церкви даже шумъ своимъ разговоромъ; когда же требы начали совершать на мѣстномъ языкѣ, инородцы стали совершенно другіе; во время брака въ церкви полная тишина; во время отпѣванія умершихъ, инородцы умиляются и плачутъ слезами.

IV. Въ приходѣ 10 инородческихъ школъ, изъ нихъ 1 смѣшанная, въ которой учатся дѣти русскихъ, чувашъ и мордвовъ; всѣ школы устроены по типу Ильминскаго и состоятъ въ Духовномъ вѣдомствѣ. Одна школа—въ селѣ Туармѣ—открыта въ 1879 году, 1 школа въ дер. Аксаковой—въ 1890 году, школы въ деревняхъ Баландаевой, Ново-Сережкиной, Старо-Сережкиной и старо-Аеонькиной, всего 4 школы, открыты въ 1891 году, въ деревняхъ Нижней Туармѣ и Тимяшевой—въ 1892 году, въ дер. Четырлѣ и селѣ Туармѣ—въ 1893 году. Число школъ въ приходѣ достаточно; въ селѣ 2 школы (одна церковно-приходская и одна школа грамоты), въ въ каждой изъ приходскихъ деревень по одной школѣ грамоты. Желательно, даже необходимо, школу грамоты въ с. Туармѣ преобразовать въ женскую школу съ особой учительницей, а церковно-приходскую школу—въ двухъ-классное училище, но отсутствіе средствъ изъ мѣстныхъ источниковъ не позволяетъ осуществить это желаніе.

V. Учителя въ школахъ прихода по происхожденію: 1 изъ русскихъ и 9 изъ чувашъ. Обученіе въ первые два года ведется на мѣстномъ языкѣ, въ тоже время изучается русскій языкъ путемъ разговорныхъ уроковъ и чтенія, затѣмъ два года—на русскомъ языкѣ, но въ нужныхъ случаяхъ и въ это время приходится прибѣгать къ помощи мѣстнаго языка. Учителя въ школахъ по подготовкѣ: 2 изъ Ишаковской 2-хъ классной школы

Братства Св. Гурія, 5 изъ Шенталинской второклассной цер. пр. школы, 2 изъ Симбирской чувашской школы и 1 изъ Казанской Учительской Семинаріи. Практика показываетъ, что учителя изъ единоплеменниковъ успѣшнѣ ведутъ дѣло обученія въ инородческихъ школахъ; малоразвитое инородческое население болѣе питаетъ довѣрія къ учителямъ изъ своего племени, а русскихъ чуждается или скорѣе боится ихъ.

VI. По моимъ наблюденіямъ, преподаваніе на инородческомъ языкѣ въ извѣстныхъ мнѣ школахъ, за 12 лѣтъ нѣсколько сократилось, вслѣдствіе требованія ревизоровъ, которые стали требовать отъ школы, во имя якобы скорѣйшаго обрусѣнія инородцевъ, болѣе всего подготовки учениковъ по русскому языку къ выпускному экзамену, чѣмъ основательнаго и глубокаго утвержденія ихъ въ христіанскихъ религіозно-нравственныхъ понятіяхъ и православно-русскихъ навыкахъ путемъ школьнаго воспитанія на родномъ языкѣ; Н. И. Ильминскій требовалъ отъ инородческихъ (а равно и отъ русскихъ) школъ главнымъ образомъ послѣдняго, т. е. основательнаго христіанскаго воспитанія.

VII. Всѣ школы прихода села Туармы организованы по типу школъ Братства Св. Гурія, находятся онѣ въ вѣдѣніи епархіальнаго училищнаго совѣта. Обученіе въ нихъ продолжается 4 года. Въ селѣ Туармѣ до 1874 года существовала школа съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, въ которой обучалось отъ 6 до 9 учениковъ ежегодно; учитель и законоучитель въ ней были изъ русскихъ. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ церкви с. Туармы за 1874 годъ сказано: «нынѣ школа закрыта потому, что неполнѣ сознающіе пользу грамотности прихожане — инородцы отказались посылать дѣтей своихъ въ школу для занятій». Въ 1879 году въ октябрѣ мѣсяцѣ открыта одна миссіонерская школа по типу Ильминскаго на весь Туарминскій приходъ. Въ первый годъ открытія ея число учениковъ было 30 мальч., въ настоящее время въ ней обучается 58 челов. Прочія 9 школъ грамоты открыты въ 1890—1893 годахъ.

VIII. За 12 лѣтъ въ 10 школахъ прихода обучалось въ слѣдующемъ количествѣ: поступило 1005 челов. (793 м. и 212 д.), вышло до окончанія полнаго курса 809 (617 м. и 192 д.), кончило курсъ со свидѣтельствомъ о знаніи начальнаго курса 196 человѣкъ (176 м. и 20 д.), изъ послѣднихъ осталось дома 157 чел.

(139 м. и 18 д.); поступило въ учебныя заведенія для дальнѣйшаго образованія 21 мал.; поступило въ учителя школъ грамоты 18 чел. (16 м. и 2 жен. пола). До 1879 года въ приходѣ села Туармы было грамотныхъ: русскихъ 16 чел., инородцевъ 11; въ 1891 году—русскихъ 32, инородцевъ 303; въ настоящее время: русскихъ 86 и инородцевъ 1255 челов.

IX. Инородцы къ обученію на своемъ языкѣ относятся съ любовью, имъ, особенно женщинамъ—чувашкамъ, весьма нравится обученіе дѣтей на своемъ, понятномъ языкѣ. Ученики дома читаютъ буквари и др. хорошія книжки на инородческомъ языкѣ, родители слушаютъ ихъ съ большимъ интересомъ и радуются. Русское чтеніе такъ не интересуетъ ихъ, потому что они не понимаютъ читаемаго: но инородцы желаютъ, чтобы дѣти ихъ учились и русскому языку. Они говорятъ: „знаніе русскаго языка намъ необходимо и въ торговомъ дѣлѣ, и на военной службѣ, и въ другихъ житейскихъ дѣлахъ“. Когда въ школѣ ученіе начинается сразу по русски, то оно идетъ туго, большинство учащихся бросаетъ ученіе, не по ненависти къ русскому языку, а вследствие трудности и неестественности постановки учебнаго дѣла; въ подобныхъ случаяхъ родители учениковъ ропщутъ на школу и на учителя. Инородцы питаютъ довѣріе болѣе къ учителямъ изъ своего племени, но были единичные случаи, что они съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ относились и къ учителямъ изъ русскихъ, если послѣдніе хорошо знали ихъ языкъ, не гнушались ими и не надсмѣхались надъ особенностями ихъ быта.

Инородцы требуютъ отъ школы, чтобы она, кромѣ чтенія, письма и др. полезныхъ знаній, научила дѣтей ихъ разуму и чтобы они были въ послѣдствіе хорошими людьми: основательными, честными, добрыми и богобоязненными и не чуждались бы своего рода—племени. Инородцы желаютъ, чтобы дѣти ихъ знакомились съ русскимъ языкомъ постепенно, съ помощью родного языка, научившись сперва грамотѣ, Закону Божию, молитвамъ и церковному пѣнію на инородческомъ языкѣ. За послѣднія 15—20 лѣтъ стремленіе инородцевъ къ школьному обученію возрастаетъ весьма замѣтно. Школа прежде всего привлекаетъ ихъ православнымъ въроученіемъ, чтеніемъ и церковнымъ пѣніемъ на понятномъ языкѣ; чрезъ что открывается имъ цѣлый духовный міръ, до сихъ поръ имъ невѣдомый, несравненно высшій, чѣмъ ихъ свой—

языческой; но инородцы желаютъ учиться въ школѣ и русскому языку и другимъ полезнымъ, нужнымъ предметамъ школьнаго обученія.—Кончившіе курсъ въ школахъ типа Ильминскаго и общаго типа владѣютъ русскимъ языкомъ, можно сказать, въ одинаковой степени, но на основаніи опыта и многочисленныхъ наблюденій моихъ могу заявить, что въ школахъ перваго типа ученики усваиваютъ русскій языкъ болѣе сознательно и знаютъ его болѣе основательно.

X. Вліяніе школъ типа Ильминскаго на инородцевъ очень значительно; эти школы за послѣднія 12 лѣтъ оказали на инородческое населеніе такое религіозное воздѣйствіе, какого не могли произвести на него никакія распоряженія и мѣропріятія прежнихъ просвѣтителей инородцевъ въ продолженіе 2-хъ столѣтій.

При открытіи школъ типа Ильминскаго въ приходѣ с. Туармы религіозно-нравственное состояніе инородцевъ-прихожанъ было совершенно языческое и частью полумагометанское. Въ деревняхъ Ново-Сережкиной и Старо-Аеонькиной не только язычники, но многіе крещенные чувашіи жили по магометанскимъ обрядамъ, язычники же были на краю гибели, т. е. отпаденія въ магометанство. Школа общаго типа существовала въ приходскомъ селѣ съ давнихъ поръ, но она не имѣла никакого религіознаго вліянія на инородческое населеніе.

Въ настоящее время, благодаря школамъ по программѣ Ильминскаго, почти всѣ крещенные инородцы бросили языческое заблужденіе и стали жить по христіански; во всемъ приходѣ не болѣе 20 домовъ, живущихъ по языческимъ обрядамъ.

XI. Школа съ обученіемъ на инородческомъ языкѣ вліяетъ на обрусѣніе инородцевъ гораздо глубже и основательнѣе, чѣмъ школа общаго типа; школа перваго типа перерождаетъ и обновляетъ инородца не только внѣшне, но внутренне; она вѣдряетъ въ сознаніе инородцевъ русскій духъ, вливаетъ самый сокъ русской духовной жизни, укореняетъ въ инородцахъ русское православное міровоззрѣніе и тѣмъ даетъ имъ новыя духовныя основныя мысленія; школа же втораго типа даетъ инородцамъ только внѣшнюю русскую оболочку, или жалкое обезьянство, безъ внутренняго религіозно-нравственнаго перерожденія. Можно положительно утверждать, что школа типа Ильминскаго больше сближаетъ инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, больше развиваетъ въ инородцахъ любовь ко всему русскому, чѣмъ школа

общаго типа.—Случаи отчужденія инородцевъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія послѣ обученія ихъ на мѣстномъ инородческомъ языкѣ никогда не наблюдались, да этого и быть не могло. Какъ же они могутъ еще обособляться отъ русскихъ, когда они жили до послѣдняго времени совершенно особняками отъ русскихъ въ смыслѣ племенномъ, благодаря своимъ особымъ религіознымъ вѣрованіямъ и обычаямъ, даже и тѣ, которые прекрасно знаютъ по русски? Племенные особенности инородцевъ зиждутся на языческихъ или магометанскихъ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ, составляющихъ фундаментъ для существованія ихъ въ видѣ особыхъ племенъ. Если разрушенъ фундаментъ, то зданіе само собой разрушится. Школа Ильминскаго направлена прежде всего къ разрушенію фундамента инородческихъ племенъ; она сливаетъ инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ не въ языкъ только, но въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ.—Въ приходѣ с. Туармы успѣхи обрусенія населенія за 12 лѣтъ въ смыслѣ усвоенія русскаго языка и русскихъ обычаевъ весьма значительны, что подтверждаютъ сами русскіе, живущіе около инородцевъ.

XII. Пропаганда магометанъ среди единоплеменнаго населенія (въ деревняхъ Старо-Аеонькиной, Старо- и Ново-Сережкиныхъ) происходитъ непрерывно съ давнихъ поръ, но, благодаря вліянію школы, она теперь не имѣетъ здѣсь успѣха; за послѣднія 12 лѣтъ она значительно ослабѣла. До открытія школы въ означенныхъ деревняхъ не только язычники, но и многіе крещенные чуваші были склонны къ отпаденію въ магометанство. Миссіонерскія школы съ учителями изъ мѣстныхъ инородцевъ, организованныя по типу школы Ильминскаго, оказали такое сильное воздѣйствіе на инородцевъ, что крещенные чуваші поняли и полюбили христіанскую, или, какъ они говорятъ, русскую вѣру и воспріяли ее цѣликомъ. Магометанскіе и чувашско-языческіе обряды и обычаи они оставили совершенно.—Школьные учителя въ приходѣ с. Туармы за послѣднее время были почти исключительно изъ инородцевъ—чувашъ. 1904 г. 20 Октября.

Священникъ с. Туармы

Даніиль Филимоновъ (изъ чувашъ).

Письмо инородческаго священника.

Вы пишете, что поразило Васъ число дѣтей, проучившихся въ школахъ Туарминскаго прихода, а именно: вышло изъ нихъ до окончанія курса 80%, на что именно и указываетъ Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, говоря о школахъ Ильминскаго. Если Е. Попечитель, на основаніи этого явленія въ школахъ типа Ильминскаго, дѣлаетъ выводъ, что „всѣ эти 80%, уходя изъ школы, совсѣмъ не знаютъ по русски“, то онъ, смѣю рѣшительно заявить, жестоко ошибается. И вотъ почему:

1) Въ инородческихъ школахъ Ильминскаго русскій языкъ — изучается не въ 4-й годъ только, какъ утверждаетъ Попечитель, а съ перваго-же года обученія; преподаваніе же школьныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ начинается въ 3-й годъ обученія, когда дѣти достаточно усвоили не только читать и писать по русски, но и говорить устно.

2) Я увѣренъ, что такой же 80% (80) неоканчивающихъ курсъ долженъ быть (если только еще не болѣе) въ земскихъ и министерскихъ начальныхъ инородческихъ школахъ, въ коихъ школьное преподаваніе начинается прямо по русски, потому что громадное большинство обучающихся въ нихъ тоже бросаютъ школу до окончанія курса. Обратимся къ прошлому опыту. Въ 40-хъ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Н. И. Ильминскій такъ самоотверженно и смѣло работалъ надъ изученіемъ жизни и положенія инородцевъ Казанскаго края и тщательно искалъ почвы для основанія правильной инородческой системы, въ нѣкоторыхъ чувашскихъ селеніяхъ Цивильскаго, Ядринскаго и другихъ уѣздовъ Казанской губ. существовали открытыя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ начальныя училища

для обученія чувашскихъ дѣтей русской грамотѣ. Изъ обучавшихся въ этихъ школахъ чувашлятъ ни одинъ не кончилъ курса, хотя въ нихъ преподаваніе велось исключительно по русски. Мало того, изъ обучавшихся въ нихъ чувашскихъ мальчиковъ вышли самые уродливые въ нравственномъ смыслѣ люди. Неужели Г. Попечителю не извѣстно сіе прошлое изъ жизни инородческой школы? Стоить-ли теперь опять возвращаться къ сему прошлому печальному опыту? На основаніи этого опыта, въ то время русскіе дѣятели изъ духовенства составили даже мнѣніе, что инородцы неспособны къ воспріятію русскаго образованія по бѣдности своей духовной природы. Явился въ Приволжскомъ краѣ Н. И. Ильминскій и доказалъ, что это мнѣніе ихъ совершенно ошибочно. За послѣднія 15—20 лѣтъ инородцы, по крайней мѣрѣ извѣстные мнѣ чуваші, благодаря школьной системѣ Ильминскаго, по распространенію между ними знанія русскаго языка, такъ много подвинулись впередъ, что этого и представить нельзя было прежде.

3) Среди инородцевъ достаточно владѣють русскимъ языкомъ не только тѣ, которые окончили курсъ начальной школы общаго типа или 4-хъ годичный курсъ школы Ильминскаго, но многіе и изъ тѣхъ, которые вышли изъ школы Ильминскаго до окончанія курса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно пожить между инородцами и сравнивать тѣхъ и другихъ по знанію русскаго разговорнаго языка. Бываетъ и то, что окончившій курсъ начальной школы инородецъ, живя въ захолустѣ, забываетъ русскій языкъ, а неокончившій—путемъ чтенія книгъ и сношенія съ русскими людьми—самостоятельно совершенствуется въ русскомъ языкѣ. Мнѣ извѣстны факты, что обучавшіеся въ школахъ Братства Св. Гурія инородцы, вышедшіе изъ нихъ до окончанія курса, поступали въ уѣздныя училища и въ 1-й классъ Учительской Семинаріи. По моему убѣжденію, основанному на непосредственныхъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ, заявленіе Г. Попечителя о томъ, что 80% инородческихъ дѣтей, уходя изъ школы, будто бы совсѣмъ не знаютъ по русски, представляется совершенно несправедливымъ.

и 4) Н. И. Ильминскій въ своихъ школахъ обращалъ главное вниманіе на христіанско-религіозное воспитаніе инородцевъ. Для него дороже всего было прочное утвержденіе инородцевъ,

посредствомъ школьнаго обученія и воспитанія, въ русской православной вѣрѣ и возбужденіе въ нихъ стремленія къ русскому образованію, въ томъ числѣ и русскому языку и прочей внѣшности русской культуры,—дабы инородцы 1) не оставались въ своей языческой косности, обособляющей ихъ отъ кореннаго русскаго народа и 2) не уклонялись въ магометанское зловѣріе т. е. не сдѣлались добычею татаризаціи. Онъ теоретически разработалъ и практически установилъ такой типъ инородческой начальной школы, до котораго прежде никто не додумался. Школа его глубоко задѣла за самыя искреннія и живыя стороны инородческой души и завоевала себѣ небывалое расположеніе со стороны инородцевъ. Школы его системы, открытыя въ инородческихъ селеніяхъ, переполнялись учащимися до невозможности, чего прежде никогда не было. Тамъ, гдѣ прежде обучалось 10—15 мальчиковъ, теперь стало 60 и болѣе учащихся, не мальчиковъ только, но и дѣвочекъ. Видя многочисленность учениковъ въ школахъ типа Ильминскаго, представители сельской интеллигенціи въ недоумѣніи спрашивали: „Почему инородцы такъ усердно стали учить своихъ дѣтей? Чѣмъ объяснить это? Прежде вѣдь этого не было. Мы учимъ своихъ дѣтей по нуждѣ, намъ нельзя безъ ученія, а инородцамъ вовсе нѣтъ нужды учиться“. Въ 1894 году въ г. Чебоксарахъ докторъ С. М. Вишневскій разсказывалъ мнѣ: „по обязанности члена Уѣзднаго Училищнаго Совѣта, я посѣщаю сельскія школы; чувашскія школы биткомъ набиты учащимися, въ школахъ же русскихъ (въ русскихъ селеніяхъ) учится гораздо меньше учениковъ“. — Учителю школы Ильминскаго не было никакой возможности готовить всѣхъ многочисленныхъ учениковъ своихъ къ экзамену на льготу IV разряда, тѣмъ болѣе, что сами инородцы не особенно дорожатъ этою льготою; школьное христіанское образованіе они цѣнили и цѣнятъ больше всего со стороны внутренняго содержанія, открывающаго имъ особый духовный міръ, до сихъ поръ имъ невѣдомый, гораздо высшій, чѣмъ ихъ свой—языческій. Да и самъ Николай Ивановичъ не гонялся за числомъ оканчивающихъ курсъ со свѣдѣтельствомъ на льготу IV разряда, а старался болѣе всего, чтобы инородцы усвоили вѣру Христову и всей душой стремились ко всему русскому—хорошему, доброму и полезному.

Въ школахъ нашего Туарминскаго прихода за 12 лѣтъ оказалось 80⁰/₁₀₀ неокончившихъ курсъ дѣтей. Оно такъ и должно было быть. Дѣло въ томъ, что изъ 10 школъ прихода 9 были школами грамоты; въ коихъ учителями состояли неспособныя лица съ жалованьемъ 35 руб. въ годъ, обученіе дѣтей продолжалось по 2 или по 3 года; желающіе окончить полный курсъ начальной школы переходили изъ школъ грамоты въ старшее отдѣленіе Туарминской одноклассной цер.-пр. школы, а тѣ, кой обучались только въ школахъ грамоты, получали удостовѣренія объ окончаніи сихъ школъ. Въ своихъ отвѣтахъ на Ваши вопросныя пункты я не включалъ число послѣднихъ въ разрядъ окончившихъ курсъ. Начиная съ 1900 года, въ школахъ грамоты учительскія мѣста постепенно замѣщены правоспособными лицами съ увеличеннымъ жалованьемъ, а потому число оканчивающихъ курсъ въ школахъ нашего прихода въ будущемъ должно увеличиться.

Затѣмъ позволяю себѣ нескромность высказать Вамъ нѣсколько словъ о дѣятельности гг. Попечителя въ отношеніи къ образованію инородцевъ вѣреннаго ему округа.

Еще въ прошломъ году писали мнѣ изъ казанской губерніи, что онъ всѣми мѣрами старается уничтожить или, по крайней мѣрѣ, искалѣчить систему Ильминскаго, для чего собираетъ нужныя ему статическія и другія свѣдѣнія и приглашаетъ инспекторовъ, директоровъ, народныхъ училищъ на совѣщаніе. Тому назадъ лѣтъ около 10 онъ служилъ здѣсь Помощникомъ Попечителя, и тогда еще обнаруживалъ свое нерасположеніе къ школамъ Ильминскаго, вслѣдствіе чего сталкивался съ лицами, давно благотворно трудящимися по завѣтамъ Николая Ивановича. Я видѣлъ его только одинъ разъ, въ 1898 году, въ покоехъ казанскаго архіепископа. И вотъ онъ теперь самъ сдѣлался главнымъ начальникомъ этого округа, населеннаго разноплеменными и разновѣрными инородцами, которыхъ онъ, разумѣется, знаетъ очень поверхностно и слѣдовательно, судить объ нихъ правильно не можетъ. Надо полагать, что онъ, при всемъ своемъ высокомъ образованіи, имѣетъ понятіе объ инородцахъ чисто кабинетное, одностороннее или какое то предвзятое, однимъ словомъ—неправильное. Если бы онъ хорошо зналъ инородцевъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы идти про-

тивъ школы Ильминскаго. Были-же здѣсь до него Попечители: Шестаковъ, Масленниковъ, Потаповъ, Поповъ, которые вполнѣ одобряли эту систему; а этотъ какъ только занялъ свой высокій постъ, такъ и началъ передѣлывать все по своему. Къ его услугамъ въ Казани не мало лицъ враждебныхъ системъ Ильминскаго, особенно среди высшаго и сильнаго духовенства. Если Попечитель своими дѣйствіями по отношенію къ инородческимъ школамъ хотѣлъ доказать Правительству и обществу, что онъ умнѣе и патріотичнѣе своихъ предшественниковъ, равно и Н. И. Ильминскаго, то онъ затѣялъ очень плохую игру.

Попечитель округа въ провинціи—очень большая величина. По его ошибкѣ можетъ впасть въ ошибку и Центральное Управленіе. Если онъ захочетъ сдѣлать что ему желательно, къ его услугамъ готова громадная сила въ лицѣ директоровъ, инспекторовъ и учителей начальныхъ народныхъ школъ, которые ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ противъ желанія своего мѣстнаго высшаго Начальника. Если бы даже видѣли нецѣлесообразность въ его мѣропріятіяхъ. Быть можетъ Попечителю удастся окончательно вывести употребленіе мѣстнаго языка изъ инородческихъ школъ и удалить единоплеменныхъ учителей, но эта мѣра его должна дать нехорошія послѣдствія. Какъ мало не развиты инородцы, они все-таки поймутъ, что въ чемъ-то подозреваютъ ихъ, а всякое подозрѣніе безъ видимыхъ основаній принимается какъ обида, а всякая обида служить источникомъ вражды и озлобленія. Прежде всего въ народѣ будутъ спрашивать: почему въ школѣ учитель не объясняетъ нашимъ дѣтямъ (ничего не знающимъ по русски), на понятномъ языкѣ? Почему прежде не запрещали объяснять на мѣстномъ языкѣ, а теперь запрещаютъ? и т. п. Скажите, пожалуйста, какъ? Вы будете отвѣчать имъ на подобные вопросы? А татарамъ—магометанамъ сіе недоумѣніе инородцевъ будетъ въ пользу: они найдутъ въ немъ благоприятную почву для усиленія и успѣховъ своей пропаганды среди язычествующихъ и крещеныхъ инородцевъ.

Н. И. Ильминскій имѣлъ въ виду прочно сблизить инородцевъ съ кореннымъ русскимъ народомъ духовными узами въ интересахъ русско-государственныхъ. Несомненно, что и Попе-

читель подкрѣпляетъ свои доводы тѣми же интересами. У того и другого цѣль одна—обрусѣніе инородцевъ, но точка зрѣнія на постановку дѣла и способы дѣйствованія различныя. Ильминскій начинаетъ дѣло съ внутреннихъ религіозныхъ началъ—фундамента міросозерцанія инородцевъ и ведетъ дѣло къ цѣли постепенно, путемъ естественнымъ, мирнымъ; Попечитель и другіе подобные ему дѣятели находятъ нужнымъ начать дѣло со внѣшнихъ признаковъ русской образованности—съ верхнихъ архитектурныхъ украшеній зданія, чѣмъ и хотятъ сразу обрусить инородцевъ, не обращая вниманія ни на какія мѣстныя условія и требованія. Ильминскій своей системой возбуждаетъ въ инородцахъ искреннюю любовь къ русскому образованію, такъ что послѣдніе сами охотно и радостно стремятся ко всему русскому; Попечитель предлагаетъ такіа обрусительныя мѣры, которыя должны вызвать въ массѣ инородцевъ противоположныя чувства и обратное движеніе. Ильминскій прежде, чѣмъ установить свою систему, всесторонне изучилъ духовную природу, жизнь и положеніе инородцевъ; Попечитель не знаетъ инородцевъ въ такой степени, онъ освѣдомленъ объ нихъ лишь изъ отчетовъ и рапортовъ и дѣйствуетъ въ вопросѣ инородческаго образованія подъ вліяніемъ воззрѣнія, сложившагося у него независимо отъ дѣйствительной жизни инородцевъ. Поволжья. Ильминскій принимаетъ инородцевъ какъ людей живыхъ съ разнообразными духовными особенностями, нуждами и запросами, ясно представляетъ положеніе и взаимныя отношенія ихъ среди воинствующихъ магометанъ; Попечитель смотритъ на инородцевъ какъ на объектъ, не имѣющій почти никакого своеобразнаго духовно-нравственнаго содержанія и внѣ всякихъ мѣстныхъ условій и вѣяній и т. д.

Мнѣ кажется, что русскіе истинно просвѣщенные люди современнаго уровня высшихъ христіанскихъ общечеловѣческихъ понятій должны бы признать болѣе разумной и во всѣхъ отношеніяхъ полезной систему Н. И. Ильминскаго. Мы, русскіе, часто судимъ пристрастно и хорошенько не знаемъ того, съ кѣмъ нужно намъ имѣть дѣло, вслѣдствіе чего не мало бываетъ въ нашей жизни разныхъ недоразумѣній и несчастій.

Разсматривая исторію о передачѣ образованія народамъ—

высшей культуры народамъ и племенамъ мало-культурнымъ, Николай Ивановичъ писалъ, между прочимъ слѣдующее:

„Бываютъ въ жизни народовъ такія эпохи, когда они, познакомившись съ чужою жизнью и образованіемъ, увлекаются этими послѣдними и въ тоже время разочаровываются въ собственномъ своемъ образованіи и формахъ и основахъ своей жизни; однимъ словомъ въ сознаніи народа падаютъ свои отечественные идеалы и на ихъ мѣсто становятся идеалы чужіе. Въ это время охотно принимаются не только чужія понятія и чужая культура, но и внѣшнія принадлежности быта. Съ другой стороны встрѣчаются и такія явленія, что слишкомъ быстрое и крутое введеніе чужихъ внѣшнихъ принадлежностей быта, въ интересахъ тѣснѣйшаго сближенія съ народомъ высшей культуры или удобнѣйшаго усвоенія чужого превосходнѣйшаго образованія, производитъ непріятное впечатлѣніе на народъ, вызываетъ въ немъ открытую или затаенную вражду ко всему чужому и препятствуетъ усвоенію и лучшихъ, благороднѣйшихъ сторонъ чужого образованія. Всякая внѣшняя переменна, какъ сразу бросающаяся въ глаза, требуетъ большей со стороны народа подготовки къ мирному принятію ея, нежели понятія, которыя, какъ нѣчто невидимое, могутъ входить въ народъ и овладѣть имъ незамѣтно ¹⁾).

Мы видимъ, что система Ильминскаго незамѣтно разрушаетъ самобытные отечественные идеалы инородцевъ и замѣняетъ ихъ новыми русско-христіанскими; система же г. Попечителя и его единомышленниковъ должна вызвать въ инородцахъ явленія другой категоріи.

Священникъ Д. Филимоновъ. (изъ чувашъ).

¹⁾ Переписка по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань. 1883 г.

Къ характеристикѣ системы Ильминскаго.

(письмо).

Н. И. Ильминскій всю свою жизнь трудился надъ духовнымъ возрожденіемъ разноплеменныхъ инородцевъ Поволжья. Это дѣло его цѣликомъ основывалось на христіанскихъ началахъ въ духѣ русскаго православія и патріотизма. Ильминскій въ своей неутомимой дѣятельности стремился къ тому, чтобы крещенные, язычествующіе или могометанствующіе инородцы были христіанами не по имени только, но по духу и жизни своей. Н. И. Ильминскій такъ много сдѣлалъ добра для инородцевъ, что послѣдніе никогда не забудутъ его. Мы, бывшіе воспитанники его, свято чтимъ память этого удивительнаго просвѣтителя и благодѣтеля инородцевъ, возлюбившаго ихъ всею силою своего чуднаго сердца, поработавшаго для нихъ всею силою своего огромнаго образованнаго ума и неутомимаго трудолюбія. Онъ съ любовью думалъ о тѣхъ, о комъ никто такъ не думалъ прежде; онъ вспомнилъ тѣхъ, которые сами о себѣ забыли; богатствомъ своей чистой благородной души онъ возбуждалъ въ инородцахъ христолюбивое стремленіе и тѣмъ доставилъ имъ великую радость и утѣшеніе. Желая вывести инородцевъ изъ духовной темноты и показать имъ истинный свѣтъ Христова ученія, онъ не побрезгалъ ими, а спустился до уровня инородцевъ и работалъ для нихъ не въ роскошныхъ палатахъ, а въ подвальныхъ помѣщеніяхъ и убогихъ хижинахъ. Будучи профессоромъ духовной академіи, онъ облачается въ инородческій сѣрый чапанъ, на голову надѣваетъ малахайку и въ такомъ видѣ путешествуетъ по инородческимъ захолустьямъ, проникаетъ въ самыя сокровенныя стороны внѣшняго и внутрен-

ниго быта ихъ и видить дѣйствительную жизнь ихъ со всѣми нуждами ея, во всей наготѣ ея; при этомъ собственная жизнь его не разъ подвергалась опасности.

Н. И. Ильминскій своимъ дѣломъ далъ сильный толчекъ духовной жизни закоснѣлыхъ инородцевъ и подвинулъ ихъ впередъ по пути сближенія съ кореннымъ русскимъ православнымъ народомъ, что можетъ подтвердить всякій русскій безпристрастный наблюдатель жизни инородцевъ. Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ.

На дняхъ я бесѣдовалъ съ однимъ русскимъ челоѣкомъ — позолотчикомъ Н. С. Щегловымъ (изъ крестьянъ с. Чистовки Самарск. уѣз.), работающимъ въ настоящее время въ нашемъ селѣ. Онъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ: „20 лѣтъ тому назадъ здѣсь я работалъ иконостасъ для деревянной церкви. Въ то время здѣшніе чуваші были совсѣмъ другіе: въ церковь они не ходили, русскихъ боялись и почти вовсе не умѣли говорить по русски, а женщины и дѣти прятались отъ русскихъ; а теперь, батюшка, ужъ не то; не только взрослые мужчины, но и дѣти понимаютъ по-русски, держатъ себя свободно и при встрѣчѣ кланяются; а въ церкви народу бываетъ у васъ столько, сколько и у русскихъ, пожалуй, не бываетъ. Бывало, прежде чуваші жрали конину, постовъ не соблюдали, а теперь они, какъ я вижу, постятся не хуже русскихъ; вотъ мы хотя русскіе, а постовъ не соблюдаемъ. Вотъ какъ мѣняются времена-то!“

Позолотчикъ Щегловъ, конечно, не знаетъ истинной причины той перемѣны, какая за послѣднія 20 лѣтъ произошла въ житіи — бытѣ крещеныхъ инородцевъ; а причина то заключается въ томъ, что здѣсь съ 1890 года система Н. И. Ильминскаго дѣйствуетъ въ полномъ ходу и даетъ желаемые результаты. Въ приходѣ 10 церковныхъ школъ, организованныхъ по системѣ Ильминскаго.

Мы хорошо помнимъ состояніе крещеныхъ инородцевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія, непосредственно видимъ въ инородческой жизни тѣ добрые плоды, какіе производятъ инородческія школы Ильминскаго. Дѣло его совершенно доброе христіанское, положительно русское и полезное; тѣмъ не менѣе оно, какъ и всякое доброе дѣло, прививается очень

туго и принимается далеко не вездѣ, благодаря тормозамъ со стороны какъ чиновниковъ М. Н. Пр., тамъ и многихъ духовныхъ дѣятелей въ инородческихъ сельскихъ приходахъ. Враги у Н. И. Ильминскаго были и при его жизни, но они боялись выступить противъ него: онъ пользовался полнымъ довѣріемъ въ высшихъ сферахъ, равно въ русскомъ образованномъ обществѣ и былъ человѣкъ необыкновенной чистоты и праведной жизни. Противъ его дѣла возстаютъ обыкновенно тѣ, которые не понимаютъ и не желаютъ понять его или же тѣ, которые по своей односторонности въ каждомъ полудикомъ неразвитомъ инородцѣ, не умѣющему говорить по русски, расположены видѣть врага русскаго народа и государства. Нападая на систему Ильминскаго, допускающую употребленіе инородческихъ языковъ въ начальныхъ сельскихъ школахъ и при церковномъ богослуженіи и посвященіе въ священный санъ лицъ изъ мѣстныхъ инородцевъ, они имѣютъ въ виду, мнѣ кажется, какъ можно рельефнѣе выставить свой пламенный патріотизмъ и необыкновенную, будто имъ только свойственную преданность интересамъ русскаго народа и отечества. Фактическія же данныя ясно и убѣдительно свидѣтельствуютъ, что христіанское образованіе инородцевъ по системѣ Ильминскаго не только сплачиваетъ ихъ съ русскимъ народомъ внутренними духовными узами, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ ихъ и ко внѣшнему обрусѣнію.

До введенія системы Ильминскаго школъ для образованія инородцевъ было очень мало; онѣ были заведены въ 40-хъ годахъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Удѣльнымъ вѣдомствомъ. Въ этихъ школахъ учебно-воспитательное дѣло было поставлено плохо; въ нихъ инородческихъ дѣтей сажали прямо за русскій букварь, мѣстный языкъ не допускался; инородцы отказывались отдавать своихъ дѣтей въ школу, но ихъ брали насильно. Въ Цивильскомъ уѣздѣ Казанс. губ. на всю Чуратчинскую волость была одна такая школа—въ селѣ Именевѣ. Въ 1865 году пріѣхали въ нашу деревню волостной заสѣдатель и учитель Именевскаго училища и записывали дѣтей въ школу, въ томъ числѣ записали и мою сестру. Когда мой отецъ отнесъ записывающимъ 2 рубля, мою сестру вычеркнули изъ списка. Тѣмъ же способомъ освободили своихъ дѣтей отъ школы и другіе чуваші нашей деревни. Въ то время

въ Именевскомъ училищѣ обучались больше всего русскія дѣти, какъ-то: дѣти мельничныхъ содержателей, лѣсныхъ объѣдчиковъ, кузнецовъ, кабатчиковъ и тому подобныхъ разночинцевъ; чувашскихъ же дѣтей обучалось весьма мало; послѣднія спасались отъ школы бѣгствомъ или поднесеніемъ, кому слѣдуетъ, подарковъ.

Я поступилъ въ школу въ 1867 году. Насъ училъ священникъ, который объяснялъ все по русски. Въ школѣ учениковъ было около 15 человѣкъ. Въ теченіе года мы кое-какъ научились читать по-русски—по складамъ. Въ половинѣ 2-го года начали заучивать наизусть „Начатки“ и прошли ихъ отъ корочки до корочки, но совершенно не понимали никакого смысла. Въ 1869 году прислали въ нашу школу новаго учителя изъ чувашъ М. Д. (нынѣ священника с. Мало-Яушева Ядринс. уѣзда), который приготовился къ учительству въ Казани при Братствѣ св. Гурія. Этотъ учитель сразу расположилъ къ себѣ не только своихъ учениковъ, но и взрослыхъ инородцевъ. Черезъ мѣсяцъ въ нашей школѣ стало около 40 учениковъ, чего прежде никогда не бывало. Разказы этого учителя о сотвореніи міра и человѣка, потопѣ, Іосифѣ и т. д., также пѣніе церковныхъ молитвъ на чувашскомъ языкѣ дѣйствовали на инородцевъ поразительно. Будучи самъ изъ инородцевъ, онъ не чуждался своихъ единоплеменниковъ, ходилъ къ нимъ запросто и разсказывалъ о христіанской вѣрѣ. Инородцы такъ полюбили его, что память о немъ жива среди населенія и до сего времени.

Въ 70 и 80-хъ годахъ въ инородческихъ селеніяхъ Цивильскаго Чебоксарскаго и Ядринскаго уѣздовъ возникло значительное количество школъ братскихъ, земскихъ, церковныхъ и министерскихъ. Почти во всѣхъ инородческихъ школахъ Цивильскаго уѣзда обученіе велось по указаніямъ Ильминскаго, въ послѣднихъ же двухъ уѣздахъ система Ильминскаго дѣйствовала только въ нѣкоторыхъ школахъ. Школы, устроенныя по системѣ Ильминскаго, завоевали себѣ полное довѣріе и расположеніе инородцевъ, перепополнялись учащимися дѣтьми. Чтеніе религиозныхъ книгъ и пѣніе церковныхъ молитвъ на понятномъ языкѣ оказывали громадное христіанское вліяніе на окружающее инородческое населеніе. Поклонники киремети стали оставлять свои языческія заблужденія и жить по христіански, или, какъ они го-

ворятъ, по-руски. Въ то же время Братствомъ св. Гурія было открыто, по мысли Ильминскаго, много школъ для крещеныхъ татаръ: Мамадышскаго, Пайшевскаго и Чистопольскаго уѣздовъ. Вліяніе этихъ школъ на инородцевъ было тоже, необыкновенно благотворное. Съ появленіемъ ихъ среди крещеныхъ татаръ, массовое отпаденіе послѣднихъ въ магометанство прекратилось, между ними началось сильное стремленіе къ христіанству. Благотворное дѣйствіе школьнаго обученія по системѣ Н. И. Ильминскаго на крещеныхъ инородцевъ восточной половины Россіи можно бы было неопровержимо доказать статистическими данными, но мы не имѣемъ никакой возможности собрать нужныя цифровыя данныя по сему дѣлу.

Противники Н. И. Ильминскаго заявляютъ, будто инородческія школы его не даютъ достаточнаго знанія русскаго языка и отчуждаютъ чувашъ отъ русскихъ. Это заявленіе ихъ крайне несправедливо. Во-первыхъ, инородческія дѣти, проучившись 3—4 года въ школѣ, вполне достаточно усваиваютъ русскій языкъ, могутъ правильно читать и понимать русскія книги, писать и говорить по-руски безъ грубыхъ ошибокъ, хотя съ сильнымъ своеобразнымъ акцентомъ. Болѣе этого какихъ еще успѣховъ можно требовать отъ нихъ, когда они не слышатъ ни одного русскаго слова въ своей деревнѣ? Въ инородческихъ школахъ Ильминскаго, послѣ Закона Божія, русскій языкъ занимаетъ первое мѣсто; на изученіе сего предмета отводится самое большее число уроковъ. Во-вторыхъ, ученики-инородцы школъ Ильминскаго всѣми силами души стремятся ко всему русскому; они воспринимаютъ не только русскую православную вѣру, но внѣшнія стороны русскаго быта. Въ настоящее время въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Пермской и другихъ нѣсколько сотъ инородцевъ изъ учениковъ Ильминскаго трудятся на поприщѣ образованія своихъ одноплеменниковъ въ качествѣ сельскихъ учителей, псаломщиковъ, діаконовъ и священниковъ. Посмотрите на жизнь ихъ и Вы увидите, что у нихъ ничего своего національнаго (самобытнаго) не осталось. У большинства ихъ дѣти даже совершенно не умѣютъ говорить на языкѣ своихъ сородочей и чуждаются послѣднихъ. Тѣ инородцы, которые по окончаніи сельской школы остаются дома, продолжаютъ говорить на своемъ

языкъ, русскимъ языкомъ они пользуются только въ нужныхъ случаяхъ; склонные же къ мироѣдству, кляузничеству послѣ школы самостоятельно совершенствуются въ русскомъ разговорномъ языкѣ и достигаютъ отличныхъ успѣховъ. Въ третьихъ, сближеніе инородцевъ съ русскимъ народомъ зиждется не на знаніи русскаго языка, а на взаимномъ искреннемъ братскомъ уваженіи и на превосходствѣ нравственныхъ началъ и безупречной жизни русскихъ людей.—Въ инородческомъ селѣ Трехъ-Балтаевѣ, Бунинскаго уѣзда, Симбирс. губ., въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX столѣтія въ школахъ обучали инородческихъ дѣтей исключительно на русскомъ языкѣ. Болѣе даровитыя крещено-татарскія дѣти научились вполне свободно владѣть русскимъ языкомъ и весь катихизисъ знали по-русски наизусть. Но въ послѣдствіи эти татары отпали отъ православія; наиболѣе обрусѣлые изъ нихъ были главными руководителями отступническаго движенія. Въ этомъ селѣ и теперь живетъ отступникъ, который прекрасно говоритъ по русски, хорошо знаетъ молитвы и катихизисъ на русскомъ языкѣ, до отпаденія въ магометанство онъ 5 лѣтъ исполнялъ обязанности пономаря при церковномъ богослуженіи. Въ дер. Тенѣевой Цивильскаго уѣзда, Казан. губ., язычникъ изъ чувашъ 80 лѣтній старикъ Саласкаевъ въ молодости учился въ уѣздномъ училищѣ, по русски знаетъ отлично, но сердце его далеко отъ русскихъ.—Въ селѣ Пролейкѣ Самарскаго уѣзда и губер. крещенные чуваша живутъ вмѣстѣ съ русскими болѣе 150 лѣтъ, составляютъ одно съ ними сельское общество, какъ мужчины, такъ и женщины говорятъ по-русски довольно сносно, но до конца прошлаго столѣтія они чуждались своихъ русскихъ односельчанъ, жиди особнякомъ, поклонялись киремети и, несмотря на то, что кругомъ Пролейки на 40 верстъ нѣтъ чувашскихъ селеній, не роднились съ русскими.

Инородцы, обучающіеся въ школахъ Ильминскаго, воспитываются въ чувствахъ вполне дружелюбныхъ къ русскому народу и получаютъ понятіе о русскихъ, какъ о носителяхъ высшихъ христіанскихъ идей, какъ о своихъ просвѣтителяхъ и благодѣтеляхъ и какъ о людяхъ добрыхъ, братски благожелательныхъ къ нимъ. Эти чувства ихъ и понятіе о русскомъ народѣ сохраняются и укрѣпляются навсегда, если какая либо явная несправедливость со стороны русскихъ лицъ на житейскомъ рынкѣ

не разочаруетъ ихъ и не дастъ имъ повода отзываться о русскихъ неодобрительно. Дѣло въ томъ, что русскіе простолюдины въ приволжскихъ селеніяхъ, съ которыми инородцы имѣютъ житейскія сношенія, не могутъ похвалиться высокими нравственными качествами и благочестіемъ. При Волгѣ очень много нравственно-испорченнаго русскаго люда; къ тому же среди этого люда немало раскольниковъ и разныхъ сектантовъ. Инородцы все это видятъ и замѣчаютъ. Въ русскихъ мужикахъ особенно сильно поражаетъ инородцевъ то, что у нихъ у самихъ считается крайне позорнымъ, именно: сквернословіе, нахальство, неудержимое пьянство, распутство и насмѣшки надъ инородцами. Вліяніе такихъ русскихъ крестьянъ на инородцевъ не можетъ быть признано благотворнымъ. Отрицательныя стороны ихъ скорѣе прививаются къ инородцамъ, чѣмъ стороны положительныя. Настоящіе русскіе крестьяне живутъ въ отдаленныхъ отъ инородцевъ мѣстностяхъ, инородцы не видятъ ихъ. Для русскаго простолюдина, живущаго среди инородцевъ, все, что не подходитъ подъ его мѣрку (языкъ, обычай инородцевъ), представляется „ордой“, что много препятствуетъ культурному сліянію инородцевъ съ русскими. Такіе малоразвитые, мирные и трудолюбивые инородцы, какъ чувашіи, черемисы и вотяки, которые дальше своихъ лѣсовъ и полей ничего не знаютъ, жизнь и нравы русскихъ простолюдиновъ принимаютъ за дѣйствительное отраженіе русской культурности и не сближаются съ послѣдними. Когда въ этихъ инородцахъ внѣдрится убѣжденіе, что русскіе мужики по своей нравственной жизни выше и лучше ихъ, и что полное пріобщеніе къ жизни простого русскаго крестьянства можетъ быть для нихъ полезнымъ и душеспасительнымъ, то они сами будутъ стараться слиться съ русскими, потому что у полуязычествующихъ крещеныхъ инородцевъ нѣтъ никакой: ни національной, ни исторической, ни религіозной вражды къ русскимъ. Желательно, чтобы русскіе крестьяне Поволжья относились къ инородцамъ не съ презрѣніемъ и насмѣшками, а по-братски и съ нѣкоторымъ довѣріемъ.

Кстати замѣчу, что совсѣмъ другое явленіе представляютъ татары-магометане среди инородцевъ Камско-Волжскаго края.

Крещеные инородцы, получившіе образованіе въ болѣе высшихъ школахъ Ильминскаго, какъ-то: въ Крещено-татарской

школъ, въ Казани, Инородческой Учительской Семинаріи и другихъ, совершенно оставляютъ все свое самобытное — инородческое; они женятся, большею частью, на русскихъ и дѣлаются русскими вполне. Дѣти ихъ не знаютъ даже языка инородческаго, о чемъ я уже сказалъ выше. Живя среди своихъ единоплеменниковъ, въ качествѣ учителей и священниковъ, они всѣми силами стараются приобщить къ русскому образованію и своихъ сородичей; при этомъ они возвращаются въ русское общество и никакой вражды не питаютъ къ этому обществу, которое въ селахъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ духовенства, мелкихъ помѣщиковъ, купцовъ и чиновниковъ, или волостныхъ писарей. Отъ окружающей русской среды инородцы усваиваютъ все: и хорошія, и дурныя черты. Вражда тутъ замѣчается скорѣе со стороны русскихъ представителей общества къ инородцамъ, а именно со стороны сельскаго духовенства.

Духовенству, изстари привыкшему смотрѣть на своихъ пасомыхъ инородцевъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на людей низшей расы, а на себя какъ на высшее образованное сословіе, невозможно было равнодушно взирать на вторженіе въ свою среду (хотя и образованныхъ, но) простыхъ инородцевъ, которые чужды коренному русскому духовенству и по образованію, и по происхожденію. Оно не могло, и теперь не можетъ безъ сопротивленія примириться съ этимъ новымъ явленіемъ, которое сильно задѣло его самолюбіе и матеріальныя интересы. По случаю рукоположенія крещенаго татарина Василія Тимофеева въ священный санъ, духовенство Казан. епар. выражало ропотъ и говорило: „нынѣ и водовозовъ ставятъ во священники“. Когда я посвящался во священника (въ Іюнь 1882 г.), въ консисторіи одинъ іерей сказалъ мнѣ: „куда, вы, чуваша, лѣзете? Вы отнимаете у нашихъ дѣтей кусокъ хлѣба“.

Инородцы, по выходѣ изъ школъ Ильминскаго, перестаютъ говорить на своемъ языкѣ, а мыслятъ и говорятъ по-русски. Они вступаютъ на служеніе церкви и школъ съ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія къ русскому духовенству, но впоследствии это чувство въ нихъ ослабѣваетъ. Среди русскихъ сельскихъ священниковъ есть и сторонники Ильминскаго, горячо сочувствующіе инородческимъ священникамъ и учителямъ, но ихъ немного. На одномъ благочинническомъ съѣздѣ инородче-

скій священникъ выразился по-русски не совсѣмъ правильно, и за это онъ сдѣлался предметомъ насмѣшки всего духовенства округа. Въ Цивильскомъ уѣздѣ одинъ волостной писарь изъ интеллигентныхъ говорилъ; „какъ не учи чувашина, но изъ свиньи не сдѣлаешь бобра“.

При такомъ отношеніи русскаго общества къ инородцамъ, на душѣ послѣднихъ получается какое-то жгучее мучительное чувство; подъ вліяніемъ этого чувства инородецъ начинаетъ думать, что признаніе общечеловѣческихъ правъ въ практической жизни не простирается на инородцевъ, которые сами себя считаютъ и чувствуютъ русскими, но коренными русскими они не признаются за таковыхъ и, что на инородцевъ смотрятъ какъ на пасынковъ. Когда мордвинъ или чувашинъ, облеченный въ духовный санъ, открыто указываетъ на несправедливое отношеніе къ себѣ со стороны русскаго духовенства, то про него говорятъ, что онъ враждуетъ противъ русскихъ.

Вражда къ системѣ Н. И. Ильминскаго между чиновниками Министерства Народнаго Просвѣщенія до начала нынѣшняго столѣтія, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, не замѣчалась; *она рѣзко начала проявляться не болѣе 2-хъ лѣтъ тому назадъ, когда въ личномъ составѣ учебнаго начальства Казанскаго округа произошла значительная перемѣна.*

Противъ враговъ инородческой системы Н. И. Ильминскаго никакихъ особенныхъ мѣръ не принималось до сего времени; врагамъ только указывали на тѣ факты, которые такъ ясно говорятъ о благотворности системы Ильминскаго. Скромные инородческіе и русскіе труженики изъ воспитанниковъ Ильминскаго своимъ смиренномудріемъ и добрыми плодами своей дѣятельности сами доказываютъ цѣлесообразность, разумность и благотворность этой системы. Враги могутъ изучить и узнать это дѣло на мѣстѣ—въ инородческихъ приходахъ; оно совершается у всѣхъ на виду, открыто. Но бѣда въ томъ, что они имѣютъ какіе-то предразсудки и предубѣжденія относительно дѣла Ильминскаго.

Мы уповаемъ, что „не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ“, и что Русь и теперь богата такими свѣтлыми, необыкновенно благородными личностями, какимъ былъ незабвенный и дорогой учитель и благодѣтель нашъ Н. И. Ильминскій, который какъ

магнить притягиваль къ себѣ немудрыхъ инородцевъ, а чрезъ себя привораживаль ихъ и ко всему русскому доброду, хорошему и честному.

Въ заключеніе разскажу Вамъ слѣдующій фактъ. Въ 1896 г. близъ села Абызова Ядринскаго уѣзда, Казан. губ., нѣсколько малограмотныхъ чувашскихъ дѣвушекъ основали монашескую общину и при ней женскую миссіонерскую школу для обученія дѣвочекъ. Съ помощью нѣкоторыхъ богатыхъ чувашъ, оставившихъ языческія вѣрованія, эти простыя дѣвушки создали на отведенномъ мѣстѣ необходимыя постройки, завели маленькое хозяйство, собрали около 8 тыс. руб. денегъ пожертвованіями и приступили къ постройкѣ церкви. По частному порученію покойнаго архіепископа Казанскаго Владиміра, я принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ этой общины. Въ 1897 году въ октябрѣ мѣсяцѣ Викарій Казанскій Преосвященный Антоній (нынѣ Епископъ Волынской) назначилъ начальницей сей общины старую монахиню изъ природныхъ чувашекъ м. Маргариту, которая была ученицей преподобнаго Серафима Саровскаго (съ 1828 года по 1831 годъ). Жизнь сестеръ въ общинѣ подъ руководствомъ старицы Маргариты пошла прекрасно. Въ числѣ первыхъ сестеръ была одна русская Елена Тихонова, затѣмъ сестры приняли еще 3 русскихъ дѣвицъ, чтобы научиться русскому языку. Пожертвованія сыпались въ общину отъ инородцевъ со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе старческой немощи м. Маргариты, въ началѣ 1899 года возникла мысль о назначеніи ей помощницы. 3-го февраля Преосвященный Арсеній Казанскій архіепископъ лично сообщилъ мнѣ, что онъ выбралъ помощницей начальницы монахиню Смарагду. Чрезъ 2 недѣли послѣ этого случилось то, что старицу Маргариту совсѣмъ удалили изъ общины и на мѣсто ея водворили монахиню Смарагду, — женщину очень ловкую, сравнительно молодую, энергичную, богатую и красивую, но, къ сожалѣнію, совершенно не знающую инородцевъ чувашъ и ихъ языка. 27 марта чувашіе — строители общины заявили мнѣ, что м. Смарагда запрещаетъ своимъ сестрамъ читать вечернія и утреннія молитвы на чувашскомъ языкѣ и церковныя службы велить совершать исключительно по-славянски. Въ тотъ же день я написалъ м. Смарагдѣ горячее, откровенное, искреннее письмо, въ которомъ выразилъ ей жела-

ніе, чтобы въ общинѣ со школой религіозно-воспитательное дѣло было поставлено обязательно по системѣ Ильминскаго. Но мои совѣты м. Смарагдою были отвергнуты съ негодованіемъ. Строители общины чуваші и сестры-основательницы (въ томъ числѣ и Елена Тихонова) возбудили предъ Епархіальнымъ Начальствомъ ходатайство—дать имъ прежнюю начальницу или другую, которая знала бы чувашскій языкъ и матерински, сердечно относилась бы къ чувашкамъ. Въ отвѣтъ на сіе ходатайство со стороны Епархіальнаго Начальства послѣдовало распоряженіе объ удаленіи старшихъ сестеръ изъ общины. Такъ какъ эти сестры созданную ими общину считали своимъ дѣтищемъ и отказались уйти изъ нея добровольно, то, по требованію о. благочиннаго монастырей игумена Димитрія, была прислана въ общину полицейская команда. Но сестры не поддались и дѣйствию полиціи, за что Епархіальнымъ Начальствомъ онѣ были преданы суду. Дѣло кончилось тѣмъ, что Казанская Судебная Палата приговорила 9 сестеръ изъ чувашекъ къ тюремному заключенію: 1) за неисполненіе распоряженія Епархіальнаго Начальства и 2) за сопротивленіе полиціи.

Этотъ фактъ нѣкоторыми лицами изъ русскихъ былъ истолкованъ какъ выраженіе вражды инородцевъ къ русской націи, а на окружающихъ инородцевъ онъ подѣйствовалъ очень нехорошо. Чуваші, идолопоклонники радовались изгнанію чувашекъ изъ общины, а тѣ, которые положили начало основанію общины плакали и говорили: „Мы приготовили пищу для себя, но скушали ее другіе“. Горячее сочувствіе къ общинѣ со стороны инородцевъ-христіанъ остыло и притокъ пожертвованій прекратился.

1904 года, юля 15 дня.

Священникъ Д. Филимоновъ (изъ чувашъ).

Извлечение из дѣтописи Александро-Невской церкви села
Рунги, Буинскаго уѣзда, Симбирской епархіи.

I.

Происхождение селеній, входящихъ въ составъ прихода и религиозное состояніе прихожанъ до открытія прихода.

Приходъ Александро-Невской церкви села Рунги въ настоящее время состоитъ изъ двухъ селеній: Рунги и Алшихова. Оба эти селенія прежде входили въ составъ прихода Буинскаго собора. При постройкѣ церкви въ деревнѣ Рунгѣ предполагалось присоединить къ ней еще двѣ деревни изъ Буинскаго прихода: Тиньгаши и Чураково, на что обыватели этихъ деревень изъявляли свое согласіе, но по окончаніи постройки церкви они сами же отказались отъ причисленія къ Рунгинской церкви. Чуваши дер. Тиньгашъ, какъ мнѣ извѣстно, мотивировали свой отказъ тѣмъ, что весной во время разлитія рѣки Карлы, находящейся между Рунгой и Тиньгашами, мѣсяца на три прекращается всякое сообщеніе между означенными деревнями. Но это была совершенно пустая отговорка. Справедливость требуетъ сказать, что въ весеннее время сообщеніе между Рунгой и Тиньгашами хотя и не совсѣмъ удобно, но тѣмъ не менѣе возможно. Сообщеніе совершенно прекращается только дня на два, когда по рѣкѣ проходитъ ледъ. Чѣмъ мотивировали свой отказъ Чураковскіе крестьяне, мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, они сослались на то, что до Буинской церкви имъ ближе (4 версты), чѣмъ до Рунгинской (5 верстъ). На самомъ же дѣлѣ, какъ Тиньгашскіе,

такъ и Чураковскіе крестьяне, отказались отъ присоединенія къ Рунгинской церкви изъ боязни, что имъ въ новомъ приходѣ на первыхъ порахъ придется потерпѣть большія матеріальныя издержки, какъ-то: на устройство домовъ для причта, на устройство ограды, караулки при церкви и т. п. Сознать и оцѣнить вполне то великое значеніе, какое будетъ имѣть для нихъ Рунгинская церковь съ богослуженіемъ на ихъ родномъ языкѣ, они, конечно, были не въ состояніи. Коснувшись вопроса о составѣ прихода, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о происхожденіи входящихъ въ составъ прихода селеній Рунги и Алшихова.

Старожилы рассказываютъ, что основателями деревень Рунги, Алшихова и Тиньгашъ были три брата чувашъ: Рунгъ, Алшикъ и Тиньгешъ. Выселились они изъ дер. Рунги, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи. Рунгъ поселился на правой сторонѣ рѣки Карлы, а другіе два брата на лѣвой сторонѣ. Первому, какъ старшему, отдана была вся земля, находящаяся по правую сторону рѣки, а послѣдніе получили землю по лѣвую сторону рѣки. Они пользовались ею сначала совмѣстно, но потомъ вздумали раздѣлить ее. При дѣлѣжѣ между ними возникъ споръ относительно участка земли, находящагося теперь между д. д. Алшиховымъ и Тиньгашами. Чтобы положить конецъ этому спору, они сдѣлали между собой такой уговоръ: выпить вдвоемъ четверть вина и кто послѣ этого сможетъ залѣзть на дерево, того и будетъ спорная земля. И вотъ, они сѣли подъ одной большой сосной и стали пить вино изъ двухъ ковшей. Тиньгешъ исполнилъ уговоръ въ точности и по доброй совѣсти, но Алшикъ былъ хитеръ и, когда Тиньгешъ угощался по всѣмъ правиламъ, онъ незамѣтно выливалъ вино въ рукавъ кафтана. Въ результатъ оказалось то, что Алшикъ свободно залѣзъ на сосну, а Тиньгешъ не могъ и съ земли подняться. Такимъ образомъ спорный участокъ остался въ пользу Алшика. Послѣ этого всѣ три брата стали жить отдѣльно и ихъ потомки образовали три селенія: Рунгу, Алшихово и Тиньгаша. Чрезъ сколько-то времени въ этихъ деревняхъ поселились новые выходцы-чуваша изъ дер. Кашлаушъ Цив. же уѣзда. Чуваша и теперь еще различаютъ, какія семьи произошли отъ первоначальныхъ основателей этихъ селеній, и какія отъ Кашлаушскихъ выходцевъ.

Говорятъ, что деревни Рунга и Кашлауши въ Цив. уѣздѣ существуютъ и теперь.

Прежняя вѣра чувашъ, поселившихся въ деревняхъ Рунгѣ, Алшиховѣ и Тиньгашахъ, была языческая, или вѣрнѣе шаманская. Они, какъ и всѣ чуваша, признавали одного верховнаго Бога, обитающаго на небѣ и множество подчиненныхъ Ему низшихъ божествъ, добрыхъ (ыры) и злыхъ (киремети). Попеченію ихъ поручены разныя мѣстности и урочища и даже различныя статьи хозяйства. Человѣкъ поставленъ въ полную зависимость отъ этихъ невидимыхъ и могучихъ существъ, неотразимо дѣйствующихъ на него, беззащитнаго. Ихъ можно умиловать только жертвами (чуками) и заклинаніями, по указанію шамановъ-ѣмзей, которые одни изъ всего народа таинственно, но непосредственно сносятся съ невидимыми существами и узнаютъ ихъ желанія. Кромѣ жертвъ, приносимыхъ въ экстренныхъ случаяхъ, какъ-то въ случаѣ болѣзни или другой какой-нибудь бѣды, чуваша въ теченіе года въ опредѣленные сроки разнымъ богамъ приносили особыя жертвы. Верховному Богу совершалось послѣ семика великое моленіе о дождѣ и урожаѣ, съ принесеніемъ въ жертву быка, барановъ, гусей и утокъ. По внѣшней церемоніи всѣ эти моленія и жертвоприношенія довольно интересны, но всѣ они крайне скудны по внутреннему содержанію. Ихъ молитвы заключали въ себѣ благодареніе богамъ за оказанныя благодѣянія или прошеніе о дарованіи земныхъ благъ и избавленіи отъ нужды и болѣзней. Благодареніе и прошенія выражались ими въ нѣсколькихъ только краткихъ словахъ и при томъ такъ, какъ кто сможетъ. Особо выработанныхъ, общихъ молитвъ у нихъ не было. Яснаго понятія о грѣхѣ у нихъ не было, хотя и существовало нѣкоторое представленіе о томъ, что хорошо и что худо. Этимъ и объясняется отсутствіе въ ихъ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ прошенія о прощеніи грѣховъ. Представленіе о загробной жизни было у нихъ своеобразное. Загробная жизнь мало отличается отъ земной. Послѣ смерти человѣкъ продолжаетъ тѣ же занятія, также нуждается въ пищѣ и питъѣ, въ увеселеніяхъ и пиршествахъ. Поэтому къ покойнику въ гробъ клали они качадыкъ (орудіе, которымъ плетутъ лапти), трубку съ табакомъ; на поминкахъ плясали подъ скрипку, пѣли пѣсни, приговаривая, чтобы и ему тамъ было весело, лили

въ особую посуду для покойника пиво, вино, туда же крошили блины, яичницу и другія кушанья, когда поминки происходили въ домѣ, а когда на кладбищѣ, то все это выливалось и бросалось на могилѣ, также съ пѣснями и пляской подъ скрипку. На могилу же оставлялось бѣлье, которое носилъ покойникъ при жизни. Не успѣвалъ родственники-поминальщики отойти отъ могилы, какъ туда стаями бросались собаки и моментально уничтожали всѣ кушанья, которыя оставлялись для покойника.

Почти никакой перемены не произошло въ религіозномъ состояніи мѣстныхъ чувашъ и послѣ крещенія. По всей вѣроятности, крещеніе ихъ состояло въ одной внѣшней формальности. Къ какому времени оно относится, въ точности неизвѣстно. Старики говорятъ, что здѣшнихъ чувашъ окрестили тому назадъ сто лѣтъ, что, можетъ быть, приблизительно и вѣрно. Я съ своей стороны склоненъ думать, что ихъ крестили въ XVIII столѣтіи, именно въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, когда въ Казанскомъ краѣ крестили инородцевъ цѣлыми десятками тысячъ. Сохранилось преданіе о томъ, какъ ихъ крестили. Приѣхалъ, говорятъ, одинъ какой то большой баринъ со священникомъ, собралъ всѣхъ алшиховскихъ и рунгинскихъ чувашъ къ рѣкѣ Карлѣ и объявилъ имъ, что пришелъ указъ, коимъ предписывается всѣхъ чувашъ окрестить и въ силу котораго и рунгинскіе чуваша съ алшиховскими должны принять христіанскую вѣру. Кто крестится, тому будутъ дарованы особая льготы, а кто не крестится, тѣхъ возьмутъ въ солдаты или заставятъ исполнять тяжелыя работы. Чуваша, трусливые по природѣ, не сопротивлялись и всѣ отъ мала до велика вошли въ рѣку Карлу. Священникъ прочиталъ надъ ними молитвы, положенныя при крещеніи; надѣли на нихъ кресты, дали имъ христіанскія имена и велѣли разойтись по домамъ, предоставивши судьбѣ ихъ дальнѣйшее просвѣщеніе христіанской религіей. Нашлось только нѣсколько храбрецовъ изъ дер. Алшихова, которые, узнавши, что ихъ желаютъ крестить, пустились бѣжать и спрятались, кто гдѣ могъ. Они такъ и остались некрещеными. Такимъ образомъ въ Алшиховѣ долгое время вмѣстѣ съ крещеными чувашами жили некрещеные, язычники. Ихъ окрестили уже въ позднѣйшее время, кажется, въ 1857 году. Крещеніе ихъ было также нисто формальное, внѣшнее. Изъ этихъ новокре-

щенцевъ нѣкоторые живы еще и теперь. Ихъ чувашъ зовутъ прежними, языческими именами: Ильмусь, Улендей, Ильдепхинь, Абдулла и т. п. Христіанскимъ именемъ ихъ никто не зоветъ. Среди прихожанъ они отличаются особенной темнотой.

Изъ вышеизложеннаго ясно видно, что христіанство, такимъ образомъ принятое здѣшними чувашами, не могло внести въ ихъ внутреннюю, религіозную жизнь ничего новаго. Ихъ заставили креститься, и они крестились, крестились безъ надлежащей подготовки, безъ предварительнаго наученія вѣрѣ, да и послѣ крещенія они предоставлены были своему собственному произволу. Ихъ воззрѣнія, ихъ обряды и суевѣрія остались во всей цѣлости и неприкосновенности. Явилось двоевѣріе. Съ формальной точки зрѣнія они были христіане, но по жизни ничѣмъ не отличались отъ язычниковъ. Въ церкви у богослуженія, за исключеніемъ рѣдкихъ, никто почти не бывалъ, не бывали, вѣроятно, потому, что, во первыхъ—не близко было имъ до церкви, а во вторыхъ—они ничего изъ службы, да и самаго христіанскаго ученія не понимали.

„Конечно, мы, батюшка, народъ темный, ничего не понимаемъ“,—приходилось пишущему эти строки нерѣдко слышать отъ прихожанъ, „въ церкви мы рѣдко бывали, да и пойдемъ, бывало, стоишь только у порога, ничего изъ службы не слышишь; вѣдь тамъ господъ стоятъ, съ ними рядомъ не встанешь, не хорошо (а въ глазахъ чувашъ всякій мѣщанинъ или торговецъ въ пальто—господинъ), да если бы и слышали, ничего не поняли бы“. Кромѣ обязательныхъ требъ: крещенія, вѣнчанія и погребенія, они ни какихъ не знали. Да и къ этимъ требамъ относились совершенно халатно. Крестить младенцевъ не торопились, многіе держали мѣсяца по два некрещеными. Нерѣдко поэтому младенцы умирали безъ крещенія, и совѣсть нисколько не мучила родителей этихъ младенцевъ, лишь бы имъ удалось какъ нибудь обмануть священника. Вѣнчаться тоже не торопились, жили незаконно по нѣсколько мѣсяцевъ, а то и по нѣсколько лѣтъ. Тогда только начинали торопиться, когда у сожительницы появлялся признаки беременности. Нерѣдко вѣнчались, приживши уже незаконныхъ дѣтей. Постовъ не соблюдали, сроду не говѣли, не исповѣдывались не причащались. Многіе не умѣли дѣлать на себѣ крестное знаменіе, не носили на

себѣ крестовъ. Въ домашней жизни ихъ не замѣтно было ничего христіанскаго. Встаютъ съ постели или ложатся спать—не перекрестятся, садятся за столъ, встаютъ изъ-за стола,—не молятся. Воскресенье, или какой нибудь другой праздникъ, они съ утра принимаются за работу. При мнѣ уже, въ первый годъ моего служенія, были два случая, когда въ ночь на двенадцатые праздники (разъ въ ночь на Рождество Христово, а другой разъ на Вознесение Господне) вплоть до самой утрени играли свадьбу (конечно посвоему). Постоянно также случалось, что не только въ воскресные дни, но и въ двенадцатые праздники во время литургіи чуваши мылись въ банѣ. Въ полной силѣ были языческіе обряды: моленіе о дождѣ съ принесеніемъ въ жертву быка, гусей и барановъ; чукляніе (моленіе) водяному, домовому, йириху, скотскому богу, гусиному богу и т. п. Покойниковъ поминали также по языческому обряду, съ пѣснями, пляской и скрипкой. Въ такомъ печальномъ состояніи находились здѣсь чувашіе до открытія школы и самостоятельнаго прихода. Въ религіозномъ отношеніи они казались мнѣ младенцами. Бывало, стоятъ въ церкви и смотрятъ на волостного писаря. Писаремъ тогда былъ человѣкъ русскій, усердный къ церкви, не пропускавшій ни одной службы. Онъ въ церкви обыкновенно стоялъ у лѣваго клироса, на виду всего народа. Народъ только и смотрѣлъ на него, когда онъ перекрестится, когда онъ поклонится. Перекрестится писарь, за нимъ начинается креститься весь народъ; поклонится писарь, за нимъ кланяется весь народъ. Въ первый годъ къ говѣнію приходилось гонять народъ чрезъ сельскихъ старостъ, ходили десятники по дворамъ и объявляли, чтобы шли говѣть и приобщаться. Придутъ въ первый разъ къ вечернѣ, постоятъ, а потомъ послѣ вечерни соберутся около церкви и разсуждаютъ между собой: „что это намъ батюшка ничего не давалъ, говорили, что причастіе дать“. На исповѣди обнаруживалось полнѣйшее отсутствіе сознанія грѣховности. Бывало спросишь: „Какіе грѣхи помнишь за собой?“ А онъ отвѣчаетъ: „Какіе грѣхи?—У меня, чай, и нѣтъ грѣховъ: чужого не бралъ, съ чужой бабой не гулялъ, какіе же еще могутъ быть грѣхи?“ Начинаешь говорить ему: „а вотъ это развѣ не грѣхъ? это развѣ не грѣхъ?“ „Э, отвѣчаетъ онъ, эдакъ-то и не знай сколько найдется грѣховъ“. Каждый шагъ, всякую

мелочь нужно было имъ объяснять во время говѣнія, предупредить заранѣе. Разъ не догадался я предупредить ихъ что до литургіи не слѣдуетъ вкушать пищи. Они къ литургіи, за которой должны были причаститься, пришли позавтракавши. На первыхъ порахъ нѣкоторые не отличали св. Даровъ отъ теплоты съ антидоромъ: когда, бывало, не догадаешься предупредить, нѣкоторые не приобщившись св. Таинъ, прямо подходят къ теплотѣ и, принявъ последнюю, уходятъ домой въ полной увѣренности, что они приобщились св. Таинъ. О христіанскомъ поминовеніи: усопшихъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Послѣ первой всенощной совершенной въ Рунгѣ, мнѣ нужно было послать въ Буинскъ за просфорами, такъ какъ своей просфорни еще не было. Я спросилъ бывшихъ въ церкви стариковъ: много-ли здѣсь берутъ просфоры? „А развѣ намъ можно брать просфоры? У насъ только писарь беретъ, мы не беремъ“, отвѣтили они. Въ родительскія субботы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые въ первый разъ приходили въ церковь поминать усопшихъ, возьмутъ, бывало, глядя на другихъ, просфору, а то и три-четыре просфоры и положить ихъ на блины, и не подумавши о томъ, что нужно подать ихъ священнику для вынутія частицъ. Нерѣдко подавали поминанія съ совершенно бѣлыми листами. Разъ на родительскую субботу моя жена, предъ обѣдней дала одной бѣдной чувашкѣ маленькую булочку. Чувашка, оказывается, всю обѣдню съ благоговѣніемъ держала ее у груди на ладоняхъ, сложенныхъ крестообразно, думая, что это какая нибудь святыня. Въ первый годъ моего служенія было три такихъ случая. Въ мое отсутствіе приходитъ чувашинѣ на мою квартиру и заявляетъ, что у него умеръ такой-то, нужно бы его похоронить. Матушка говоритъ, что батюшки дома нѣтъ, нужно ѣхать за сосѣднимъ священникомъ, а онъ начинаетъ упрашивать ее, чтобы она сама отпѣла по койника. Матушка начинаетъ убѣждать, что она не можетъ отпѣвать. Мужикъ не вѣритъ, начинаетъ сулить ей денегъ. А потомъ, видя, что матушку не уговоришь, идетъ къ псаломщику и просить его о томъ же. На первыхъ порахъ нѣкоторые бабы подходили къ матушкѣ подѣ благословеніе. Это факты. Подобныхъ фактовъ можно бы указать много, но ограничимся этими. Они достаточно характеризуютъ религіозное состояніе прихожанъ до открытія школы и прихода. Только послѣдніе 10—15

лѣтъ до постройки церкви въ д. Рунгѣ стала замѣтна нѣкоторая перемѣна въ религіозной жизни чувашъ. Они нѣсколько охладѣли къ прежней языческой вѣрѣ. Такъ напр. празднованіе пятницы ко времени моего поступленія въ этотъ приходъ многими чувашами было уже оставлено. Нѣкоторые чуваша по большимъ праздникамъ стали ѣздить въ церковь (Буинскую). Число почитаемыхъ ими киреметей значительно уменьшилось. Ко времени моего прибытія у Рунгинскихъ было 2 киремети. Одна представляла изъ себя небольшую рощу, въ верстѣ отъ Рунги по Ново-Байтѣряковской дорогѣ, а другая—не особенно большой дубъ около лѣса по Буинской дорогѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рунгинская и тиньгашская дороги сходятся вмѣстѣ. У алишховскихъ была одна киреметь—большая старая ветла, находящаяся недалеко отъ прежняго русла р. Карлы, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Рунги. Въ настоящее время эта ветла уже переломилась и отъ страшной киремети остались одни только гнилые обломки. Но какой-то почитатель ея около нея посадилъ молодое деревцо, вѣроятно, для увѣковѣченія памяти о старой киремети. Едва-ли только эта молодая киреметь унаслѣдуетъ всю славу своей предшественницы. Шалуны-чувашлята, ученики мѣстной школы, не боятся уже ея и, проходя мимо нея, только посмѣиваются надъ ней. Число чукляній (моленій) тоже значительно сократилось до моего поступленія, Мелкія чуклянія, какъ то: домовому, водяному, йириху и т. п. многими уже были оставлены. Но, всетаки, мѣстные чуваша въ религіозномъ отношеніи были весьма еще темны. Въ ихъ жизни много еще оставалось языческаго и ничего пока не замѣчалось христіанскаго. Почва была почти нетронутая. Нужно было усиленно и неустанно сѣять на ней сѣмя—слово Божіе. Буинскій причтъ при всемъ своемъ желаніи едва-ли могъ-бы что-нибудь сдѣлать, съ одной стороны вслѣдствіе незнанія родного языка населенія, а съ другой стороны потому, что у него были свои заботы о городскихъ прихожанахъ. Другое дѣло было-бы, если бы хоть у здѣшнихъ чувашъ была школа, но и ея у нихъ не было, этой вѣрной помощницы церкви. Послѣ всего вышеизложеннаго справедливость требуетъ сказать, что великое дѣло сдѣлали тѣ люди, которымъ принадлежить инициатива открытія и самое устройство въ д. Рунгѣ церкви и школы.

II.

Религіозно - нравственное состояніе прихожанъ
послѣ открытія прихода.

Со времени открытія школы и самостоятельнаго прихода съ 1894 года, въ религіозномъ состояніи здѣшнихъ чувашъ произошла значительная перемѣна. Прихожане постепенно привыкають ходить въ церковь, гдѣ слышать богослуженіе на родномъ языкѣ. Въ церкви изъ поученій и бесѣдъ своего священника они знакомятся съ сущностью христіанской религіи, со всѣми ея установленіями и обрядами. Постепенно узнають пустоту и ложность прежнихъ своихъ вѣрованій и сознательно начинаютъ исполнять обряды христіанской вѣры. Теперь болѣе половины прихожанъ соблюдаютъ Великій Постъ, говѣютъ, исповѣдываются и приобщаются Св. Таинъ; въ минувшемъ (1891) году около 50-ти человѣкъ говѣло Успенскимъ постомъ, а въ текущемъ году — около 70-ти человѣкъ. Другихъ постовъ пока еще не соблюдаютъ. Въ первый годъ мнѣ разными мѣрами удалось привлечь Великимъ Постомъ къ говѣнію около 200 человѣкъ изъ 1500 душъ обоого пола. Во второй годъ говѣло болѣе 400 человѣкъ, въ настоящемъ (1898) году говѣло уже болѣе 700 человѣкъ. Умершихъ болѣе половины прихожанъ поминають уже по христіанскому обычаю. Въ родительскіе дни бываетъ теперь полна церковь народу. Усердными помощниками священника въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія прихожанъ являются ученики. Это общее явленіе: когда изъ темной семьи мальчуганъ начинаетъ ходить въ школу, то эта семья скоро дѣлается христіанскою. Это бываетъ благодаря тому, что ученикъ, какъ только выучится толково читать, беретъ у учителя или священника книжки ре-

лигіознаго содержанія на чувашскомъ языкѣ и читаетъ ихъ вслухъ своей семьѣ. Семейные не на радуются, глядя на своего мальчугана, и незамѣтно интересуются содержаніемъ книжки. Смотришь—мальчуганъ несетъ обратно прочитанную книжку и проситъ: дай, батюшка, другую книжку, такую же хорошую. Эти юные просвѣтителіи вліяютъ часто не только на своихъ семейныхъ, но и на сосѣдей, которые въ свободный вечерокъ тоже приходятъ послушать чтеніе; чрезъ этихъ же учениковъ часто выучиваются грамотѣтакіе, которые почему нибудь не могли поступить въ школу. Эти самоучки еще съ большимъ рвеніемъ принимаютъ за чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и становятся еще болѣе усердными христіанами.

Выдающимся зломъ въ жизни прихожанъ, съ которымъ приходится священнику бороться, является въ настоящее время языческій обрядъ—общественное моленіе о дождѣ съ принесеніемъ въ жертву Верховному Богу быка, барановъ, гусей. Это моленіе особенно живуче потому, что съ нимъ связываются народная гулянка продолжающаяся нѣсколько дней. Въ первый же годъ своего служенія въ Рунгѣ я хотѣлъ приняться за уничтоженіе этого обычая, но близкіе ко мнѣ старики—чувашіи посоветовали мнѣ подождать. Народъ не былъ еще подготовленъ для такого рѣшительнаго шага. Въ случаѣ, если-бы въ это лѣто установилась продолжительная засуха, то чувашіи непременно возобновили-бы это жертвоприношеніе. Въ виду этого я рѣшилъ постепенно измѣнить сначала ихъ убѣжденія и воззрѣнія и съ этой цѣлью въ разное время преимущественно предъ приобщеніемъ Св. Таинъ во время говѣнія и въ Вел. Пятницу, выяснялъ имъ всю неосновательность и несообразность этого жертвоприношенія. Теперь постепенно увеличивается число чувашъ, несочувствующихъ этому обряду. Со временемъ этотъ обычай самъ собой долженъ перейти въ область преданія.

Другимъ зломъ въ жизни прихожанъ являются незаконныя сожительства. Свадьба у чувашъ устраивается обыкновенно украдкой, самокруткой: женихъ уговорится съ невѣстой и тихонько отъ ея родителей увозитъ ее въ какую нибудь другую деревню къ родственнику, наскоро сдѣлаетъ свадьбу по своему обычаю и заживетъ вмѣстѣ, по-супружески. Родители

невѣсты погорячатся, побранятся и волей неволей должны бѣвають мириться съ совершившимся фактомъ, потому что дѣвушка послѣ этого считается опозоренной и никакой порядочный женихъ не возьметъ ее замужъ. Начинаются переговоры относительно калыма, т. е. платы отъ жениха за невѣстую родителямъ. Пока идутъ эти переговоры, проходитъ двѣ—три недѣли, а то и нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, приходятъ къ соглашенію, сойдутся на калымъ, который бываетъ отъ 10 до 100 рублей и болѣе, глядя по состоянію. Женихъ или его родные начинаютъ собирать деньги, продаютъ весь хлѣбъ, какой только имѣется, занимаютъ деньги у людей, гдѣ только можно занять. Только послѣ этого идутъ уже къ родителямъ невѣсты за предбрачными свѣдѣніями. Пока идетъ эта процедура, священникъ не одинъ разъ увѣщаетъ жениха, чтобы онъ поскорѣе повѣнчался. Одинъ отвѣтъ священнику: „рады-бы, батюшка, вѣнчаться, да обыска не дають вѣдь безъ обыска ты не будешь вѣнчать“. Зло это сильное и повсемѣстное у чувашъ и не скоро оно выведется. Все таки теперь здѣшніе чуваше не очень долго живутъ безъ вѣнчанія. Нѣкоторые дня черезъ три или четыре являются вѣнчаться. Прежде же, когда Буинскій причтъ не могъ слѣдить за ихъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ, многіе по нѣскольку лѣтъ жили безъ вѣнчанія. При моемъ поступленіи въ этотъ приходъ оказалось 21 пара невѣнчанныхъ.

Третье зло-это вліяніе на прихожанъ магометанъ. Приходъ со всѣхъ сторонъ окруженъ чисто татарскими и чувашско-татарскими деревнями. Въ самомъ приходѣ (въ д. Альшиховѣ) имѣется болѣе 50-ти дворовъ татаръ-магометанъ. Чуваше, имѣя постоянное сношеніе съ ними, издавна подпали подъ ихъ вліяніе. Бога чуваше часто называютъ полутатарскимъ получувашскимъ именемъ „Туръ-бабай“ (Богъ—дѣдушка). Первое слово чувашское, второе татарское. Предъ началомъ всякаго дѣла говорятъ: „бисмилле“ вмѣсто „Господи благослови“. Больныхъ, особенно младенцевъ, часто возятъ къ мулѣ, который читаетъ надъ ними молитвы. Этотъ обычай до того укоренился, что и до сихъ поръ соблюдается нѣкоторыми. Изъ среды чувашъ есть явно склонные къ магометанству, которые всячески стараются вредить церкви и школѣ и противоdѣйствовать христіанскому движенію чувашъ.

III.

1901 годъ.

Послѣ Пасхи пошли непривѣтливые дни: сначала веоны, а потомъ и лѣта: часто дули такіе вѣтры, что изъ-за рѣки Карлы неслись цѣлыя тучи песку, а пыль на улицѣ скрывала противоположный рядъ домовъ; это все происходило отъ того, что весной мало было дождей, но травы и хлѣба вначалѣ все-таки вошли въ ростъ и обѣщали хорошій урожай. Съ половины-же мая дожди совсѣмъ прекратились и засуха продолжалась до 11 августа. Солнце каждый день вставало какъ огромный огненный шаръ безъ всякаго ласкающаго блеска, и жгло немилосердно; все, что росло и зеленѣло, постепенно стало увядать, ростъ хлѣбовъ и травъ прекратился. Лягушки и тѣ уже не кричали въ своихъ болотахъ и озерахъ. Не переставали только все время кричать хороводы чувашскихъ дѣвушекъ и парней; между тѣмъ отцы и матери ихъ начали вздыхать сильнѣе и сильнѣе, все ниже и ниже опускаая головы. Наконецъ въ народѣ стали ходить разные рассказы о сновидѣніяхъ. Народъ громче и громче сталъ рѣшать вопросъ: отчего это стали такъ часто повторяться голодные годы, отъ чего это въ прежнее время лучше родился хлѣбъ и народъ такъ не страдалъ. Среди многихъ причинъ выступила, наконецъ, главная, по мнѣнію народа, причина этого явленія,—это измѣнившійся образъ жизни чувашъ, принятые ими новые обычаи и порядки. Образовалась сильная языческая партія, воспользовавшаяся народнымъ разслабленіемъ и придумавшая, что нужно все не—чувашское отбросить немедленно и возстановить старые дорогіе порядки. Скоро послѣ такихъ толковъ началось и исполненіе принятаго рѣшенія: чувашскіе мальчишки, парни и дѣвки стали на берегу рѣкъ и озеръ совершать малыя моленія о дождѣ. Собирали по селу крупу, масло и яйца и варили кашу и ѣли, а затѣмъ бѣгали по улицѣ съ ведрами и кувшинами, обливая всѣхъ водой. Если находились такіе, которые запирались въ избахъ и амбарахъ,

то толпа не задумывалась разбивать окно, срывать двери и все-таки добиваться своего. Не щадили никого, особенно тѣхъ, которые до того времени отличались любовью къ церкви и всему русскому, т. е. христіанскому. Такія моленія повторялись нѣсколько разъ и каждый разъ участниковъ становилось болѣе. Разъ толпа съ ведрами и кувшинами прибѣжала на ту улицу, гдѣ мой священническій домъ, и съ крикомъ и шумомъ начала врываться въ домъ напротивъ меня. Чувствовалось, что имъ хотѣлось-бы особенно облить меня, священника, какъ главнаго виновника народныхъ бѣдствій. Я не разсуждая выбѣжалъ на улицу. Едва раздался мой годось и нѣкоторые увидели меня, какъ вся толпа разсыпалась и стала разбѣгаться въ разныя стороны, при чемъ нѣкоторые парни даже, а не только мальчишки, побросали ведра и кувшины и мокрые штаны, которыми они хлестали обливаемыхъ. Затѣмъ до меня дошли слухи о томъ, что народъ рѣшилъ совершить и большее чувашское моленіе—уй-чукъ, и при томъ въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ уже давно не бывало, со всѣми нескромными игрищами молодыхъ и пьянствомъ и буйствомъ старыхъ. Я призывалъ ихъ молиться вмѣстѣ со мною съ выносомъ св. иконъ въ поле, нѣсколько разъ ходилъ съ молебнами, какъ въ Рунгѣ, такъ и въ Альшиховѣ. Человѣкъ 10 мужчинъ, человѣкъ 15 женщинъ, да дѣтей, можетъ быть, еще человѣкъ 25—ходили со мной, а остальные мужчины и женщины только издѣвались надъ нами. Наконецъ, я слышу, что въ народѣ ходятъ такія разсужденія: «ну, что попъ ходить съ лопатами по полю, какой толкъ отъ этого; много поповъ ходить и ходило, да мало толку отъ этого получилось, а еще самъ онъ чувашинъ. Пусть бы ходили русскіе попы, тѣмъ больше дѣлать нечего. А мы чуваше въ этомъ не нуждаемся: купимъ хорошаго быка, заколемъ его и помолимся и знаемъ напередъ, что тотчасъ-же и дождь пойдетъ. Когда бывало раньше Кайровскіе русскіе вдоволь находятся по полямъ съ своимъ попомъ, а дождя не выпросятъ, то бывало придутъ къ намъ-чувашамъ, да и скажутъ: нѣтъ, не беретъ наше, дождя Богъ не даетъ, молитесь скорѣе по своему, Богъ васъ лучше слушаетъ. Ну, соберемся бывало и заколемъ не только быка или телку, но и лошадь-жеребца и тотчасъ-же Богъ давалъ дождя...

Въ ближайшій воскресный день при службѣ въ церкви я старался убѣдить моихъ прихожанъ не возвращаться къ языческимъ обычаямъ. Но послѣ этого — 8 июня въ пятницу, съ обѣда слышно было, какъ шумитъ народъ на главной улицѣ у пожарнаго сарая. То шумѣла сходка, на которой ревнители язычества старались убѣдить народъ совершить уй-чукъ, а другая кучка, съ сѣдскимъ старостой во главѣ, противилась этому, говоря, что христіанамъ не подобаеъ дѣлать ничего подобнаго. Шумъ все усиливался, наконецъ, покрылъ собою все село. Незадолго передъ закатомъ солнца вдругъ прибѣгаетъ церковный сторожъ — Петруха и взволнованно говорить мнѣ, что народъ бросился бить старосту и его единомышленниковъ за то, что они не только не покупаютъ быка, но и денегъ на это совсѣмъ не даютъ. Надѣвъ скорѣе рясу и взявъ въ руки трость, я не пошелъ, а понесся къ мѣсту происшествія. Завидя меня, нѣкоторые изъ главныхъ коноводовъ, стали уходить и скрываться; но нѣкоторые остались и ждали меня, частью по собственному желанію, частью удержанные старостою. Тутъ я повторилъ въ болѣе энергичной формѣ тоже, что говорилъ уже раньше въ церкви съ добавленіемъ, что я рѣшилъ не пускать ихъ на это безчинство. Тогда одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Степанъ Афанасьевъ, сказалъ народу: „я вамъ давно говорю, что не слѣдъ намъ слушать того, что говоритъ и дѣлаетъ батюшка, не его дѣло это, пойдемъ и совершимъ!“. Я подозвалъ Степана поближе и спросилъ его, крещеный онъ или нѣтъ, — есть на немъ знакъ того, что онъ христіанинъ или нѣтъ? Онъ отвѣтилъ, что крещеный, вынулъ и показалъ шейный свой крестъ. Хорошо, отвѣтилъ я, скинь и возврати мнѣ крестъ, который ты не въ правѣ носить, не затѣмъ тебѣ данъ былъ при крещеніи крестъ, чтобы ходить съ нимъ на языческія безчинства. Крестъ твой я представлю съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла епископу, отъ котораго уже и будетъ зависѣть дальнѣйшее, а ты безъ креста можешь идти куда угодно, а также и тѣ, которые пойдутъ за тобой. Такой оборотъ дѣла, видно было, ошеломилъ бунтовщиковъ и всѣ сразу присмирѣли. Степанъ Афанасьевъ растерялся совсѣмъ и держа крестъ рукой, не зная, что дѣлать, вопросительно поглядывая на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня. Я тоже стоялъ передъ нимъ съ протянутой рукой, которой намѣревался было

уже принять отъ него крестъ. Черезъ нѣкоторое время Степанъ какъ-бы опомнился и, спрятавъ скорѣе крестъ за рубашку, сталъ пятиться назадъ, говоря мнѣ: „нѣтъ, батюшка, креста я не скину изъ за уй-чука, какое мнѣ одному дѣло до него. Да я не пойду, если другіе пойдутъ, коль скоро это дѣйствительно нельзя, какъ говоришь ты“. Тогда, отвѣтилъ я, и крестъ твой остается при тебѣ“. Когда я замолчалъ, одинъ почтенный старикъ подошелъ ко мнѣ и скрестивши руки произнесъ: „благослови батюшка, я убѣдился, что мнѣ остается только домой идти и ни о какомъ уй-чукѣ не заботиться“. Я благословилъ его, а за нимъ стали подходить и другіе, и получивъ благословеніе по двое по трое уходили домой и такъ разошлись всѣ.

Прошла ночь, наступилъ день—суббота, жаркій, сухой съ вѣтромъ. Земля высохла совсѣмъ. Приближался вечеръ... Вдругъ съ сѣверозападной стороны неба, стала подниматься черная, густая туча и приближаться къ намъ. Думали,—сильный дождь идетъ, но вдругъ съ неимоверною силою разразилась сухая буря,—такая страсть, какой я никогда еще не видывалъ за свою почти 40-лѣтнюю жизнь. Но ни во время бури, ни послѣ не пало ни единой капли дождя. Когда буря прошла, солнце опять выглянуло громаднымъ краснымъ шаромъ. Многимъ крестьянамъ буря эта понадѣлала бѣдъ: повалила заборы, ворота, сараи и проч. Когда стало темнѣть, у пожарнаго сарая стали слышаться сначала отдѣльные голоса, а затѣмъ поднялся оттуда сплошной шумъ и гулъ, и черезъ нѣкоторое время улица, ведущая къ уй-чуку, наполнилась народомъ, который бѣгалъ по улицѣ и неистово кричалъ, причемъ съ моего крыльца видно было, что народъ былъ вооруженъ, кто дубинами, а кто желѣзными вилами. Потомъ весь этотъ кричащій и бѣгущій людъ кинулся на огороды и оврагъ, пролегающій за волостнымъ правленіемъ. По моей просьбѣ туда же кинулся волостной писарь съ своими помощниками и писцами. Писарь черезъ нѣкоторое время возвратился и разъяснилъ намъ, въ чемъ дѣло: кто-то собравшейся у пожарнаго сарая по дѣлу уй-чука толпѣ сказалъ, что передъ бурей одинъ послушный попу дуракъ, навѣрное дескать, по его, попа, наущенію, пробѣжалъ на мѣсто уй-чука затѣмъ, чтобы свалить столбы съ перекладинами, на которыхъ вѣшаются котлы и варится жертвенное мясо, отъ чего дескать и

произошла эта страшная буря, Богъ прогнѣвался на народъ и наказаль его. И вотъ всѣ кинулись, чтобы надлежащимъ образомъ наказать дерзкаго кошунника и непочитателя этого любимаго Богомъ мѣста. Всѣ кричали: убейте его негодяя, гдѣ онъ; куда скрылся, убить его, убить! А челоуѣкъ этотъ стоялъ все время со мною около церкви и говорилъ, что онъ и не думалъ ходить на мѣсто уй-чука, тѣмъ болѣе, что столбы тамъ поставлены такіе, что ихъ одному челоуѣку не повалить. Когда совсѣмъ стемнѣло, народъ кинулся обратно на улицу, а оттуда опять на мѣсто всегдашняго сборища—пожарному сараю. Я направился въ волостное правленіе сказать, чтобъ они уняли бунтующій народъ или сами, или обратились за содѣйствіемъ къ уѣздной полиціи. Правленіе ограничилось тѣмъ, что командировало на мѣсто сборища одного писца, чувашина Рунгинскаго, съ порученіемъ слушать и передавать въ правленіе все, что тамъ будутъ говорить и дѣлать, а также замѣтить главныхъ коноводовъ. Черезъ нѣкоторое время прибѣжалъ въ правленіе староста и заявилъ, что онъ тихонько убѣждалъ съ этого сборища, куда его, старосту, приволокли изъ дому насильно, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ успѣли уже и избить, потаскать по землѣ и все это за то, что они крѣпко стоятъ противъ уй-чука и не велятъ ему, старостѣ, давать денегъ на быка. „Я же,—добавилъ староста, объявилъ старикамъ, что тогда только дамъ денегъ на этотъ расходъ, когда получу на то разрѣшеніе и приказъ земскаго начальника, куда и велѣлъ обратиться ревнителямъ уй-чука; такъ какъ это подняло бурю, то я и пришелъ сюда, чтобъ скрыться“,—докончилъ староста. Скоро мы узнали, что сборище пишетъ на меня (священника) и старосту прошеніе. Я обвинялся въ томъ, что поднялъ такую страшную бурю съ мѣста уй-чука по случаю запрещенія совершить моленіе и буря эта много причинила убытковъ, которые они и намѣревались будто-бы теперь взыскать съ меня. Убытки эти высчитывались ими въ нѣсколько сотъ рублей. Сообщили намъ и то, что послали будто-бы въ село Протопопово десятика съ донесеніемъ обо всемъ приставу и просьбой пріѣхать въ село для составленія акта или протокола на меня, священника. Было-ли на самомъ дѣлѣ что-либо подобное, не знаю до сего времени. На другой день, въ воскресенье, пошелъ утромъ

въ церковь съ тяжелымъ сердцемъ и казалось, что остался я одинъ одишенекъ. Но къ кѣ моему изумленію въ церкви было и молилось народа несравненно болѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни. Во время обѣдни поднялась тучка и прошелъ дождичекъ. Это было конечно очень пріятно сердцу. Не утерпѣлъ я и высказалъ все это присутствующимъ, причемъ плакалъ и я, плакали и мои пасомые. Послѣ обѣдни мы опять подняли иконы и пошли молебствовать на мѣсто уй-чука. Послѣ молебна и окропленіи мѣста св. водой, староста и ревнители христіанства заявили, что теперь это мѣсто святое, никакихъ признаковъ язычества тутъ не должно быть, что тутъ они постараются поставить часовню, а потомъ принялись при помощи желѣзныхъ лопатъ и ломовъ, откуда-то явившихся, вырывать столбы и заваливать ямы и очаги, на которыхъ варились жертвенныя мяса, при чемъ меня просили подождать уходомъ до окончанія дѣла. Столбы и перекладины, которыя были все дубовыя бревна, доставили къ церкви на дрова. Послѣ этого уже все стихло и только нѣкоторыя изъ нетерпѣливыхъ бабъ бранили меня за то, что я прогналъ уй-чука, который по ихъ рассказамъ ушелъ въ лѣсъ, то въ видѣ огненного шара, то бѣлой коровы и т. д. Нѣкоторыя старухи видѣли во снѣ, какъ плакалъ уй-чука и жаловался на обрусѣлыхъ чувашъ. Но я былъ теперь уже спокоенъ. Татары, должно полагать, и въ борьбѣ моей изъ-за уй-чука удружали мнѣ. Мнѣ подлинно извѣстно, какъ одинъ альшиховскій татаринъ говорилъ альшиховцамъ, почему они не совершаютъ уй-чукъ. Онъ общался принять въ этомъ участіе и дать чувашамъ крупы на кашу и муки на салму. Тоже самое онъ говорилъ на Рунгинскомъ сборищѣ, убѣждая, что не слѣдъ имъ, чувашамъ, оставлять отцовскіе обычаи.

Вотъ кстати и текстъ самого прошенія, поданнаго на меня изъ-за уй-чука. «9-го числа сего іюня мѣсяца общество наше по древнему обычаю собралось въ отдаленное мѣсто для поклоненія Богу по чувашскому обычаю и древняго обряда, куда собралось все общество, а затѣмъ является уже при закатѣ солнца священникъ нашего села Рунги, который также „изъ чувашъ“ вмѣстѣ съ сельскимъ старостой нашего села Тимошеемъ Семеновымъ Мулыгѣевымъ и началъ возбуждать принципъ противу обычая чувашъ и религіи

и вошелъ въ озарть спрашивать всѣхъ, есть-ли на васъ кресты; всѣ, конечно, не отрицая вѣры Христовой, показывают на груди кресты. Священникъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ меня, имѣю ли я крестъ, я показалъ ему крестъ и священникъ снимаетъ съ меня крестъ, а староста держитъ меня за плечо. Въ защиту, между прочимъ сотникъ Егоръ Ефремовъ Самаркинъ сказалъ священнику, что крестъ не Вашъ, отдайте ему т. е. мнѣ, при чемъ были очевидцами десятники того же села Рунги Степанъ Андреевъ Куриновъ, Павелъ Константиновъ, Степанъ Петровъ Давыдкинъ и цѣлое общество и священникъ добавилъ, что ты не русскій, а татаринъ и дай Богъ, чтобы не было 5 лѣтъ дождя, молился и чтобы небо обратилось внизъ, а земля въ верхъ."

"Затѣмъ на второй день т. е. 10-го числа пошли въ поле съ образами просить Всевышняго Бога о дождѣ, зашли и на это мѣсто, гдѣ было вставлено 5 столбовъ и эти столбы были выдерганы помощникомъ волостнаго писаря податной части Василюемъ Михайловымъ Бурундуковскимъ, Θεодоромъ Васильевымъ Волковымъ и другими, и священникъ всѣ столбы взялъ себѣ на дворъ".

"Объяснивъ о вышеизложенномъ, я, вынужденнымъ себя нашелъ обжаловать обстоятельство настоящаго дѣла Духовной Консistorіи: въ виду того, что священникъ снялъ съ меня крестъ, чѣмъ отчуждаетъ отъ меня Вѣру Православія, какъ пастырь своихъ овецъ и крестъ воспретилъ мнѣ носить назвавъ меня татаринѣмъ и оскорбилъ явно. Прошу Консistorію поступить съ виновными по закону Духовному. 1901 г. іюня 14 дня къ сей руку приложилъ своеручно Степанъ Афанасьевъ. Просьба это написана на имя Симбирской Духовной Консistorіи отъ крестьянина села Рунги Степана Афанасьева".

IV.

1902 годъ.

26-го Сентября ночью поднялся сильный вѣтеръ. Утромъ 27-го числа все это оказалось сильнѣйшимъ бураномъ, который навалилъ цѣлые сугробы снѣга, какъ зимой, чуть не на равнѣ съ изгородами. Снѣгъ этотъ уже не растаялъ совсѣмъ, потому что не было тепла во весь октябрь. Зима началась, такимъ образомъ, очень рано.

Религіозная жизнь нашихъ Рунгинцевъ въ этомъ году текла спокойно. На мѣстѣ уй-чука въ Духовъ день заложили каменную часовню, которая и была затѣмъ сложена изъ кирпича на пожертвованныя добродѣтельно прихожанами деньги, собранныя нѣкоторыми изъ тѣхъ ревнителей христіанства, которымъ въ прошломъ году пришлось потерпѣть за это и побои и страхи. Я объявилъ прихожанамъ, что съ этого года въ каждый Духовъ день будемъ совершать къ этой часовнѣ крестный ходъ. Объ уй-чукѣ теперь уже никто не заикался и народъ, видимо сталъ мириться съ мыслью, что у нихъ теперь уже никогда не будетъ уй-чука.

V.

1903 годъ.

Въ прошедшій Великій Постъ былъ особенный подъемъ духа у прихожанъ. Они исполнили долгъ исповѣди и Св. Причастія въ такомъ количествѣ и съ такимъ усердіемъ, какъ не бывало еще со дня моего поступленія. Особенно усердно отнеслись они къ чтеніямъ-бесѣдамъ между службами: на первой недѣлѣ я имъ читалъ „Катакомбы“ или „Фабіюла“ изъ книжки для церковно-приходскихъ школъ. Когда я утомлялся до того, что у меня и голоса не оставалось, да и время часто было уже позднее, они просили продолжать. Увлеченіе же прихожанъ книгами видно изъ того, что нѣкоторыя женщины, матери многихъ дѣтей и хозяйки дома, не въ шутку, кажется, помышляли о томъ, чтобы самимъ начать учиться грамотѣ. Онѣ были въ восторгѣ отъ типа Сирь, выступающей въ этой повѣсти и готовы были сдѣлать себя Сирами. Это съ одной стороны было курьезно, но съ другой—прекрасно.

Религиозное состояніе инородцевъ до распространенія среди нихъ просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго.

Огромное большинство инородцевъ Казанскаго края было обращено въ христіанство въ первой половинѣ XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, громадное большинство крестилось не въ силу убѣжденія въ истинности христіанства и лживости прежней вѣры, а по житейскимъ разсчетамъ: или изъ желанія воспользоваться правительственными льготами (освобожденіемъ на извѣстное число лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности), или для полученія награды въ видѣ денегъ, кафтановъ и обуви. Предъ принятіемъ крещенія инородцы не были надлежащимъ образомъ наставлены въ истинахъ христіанства. Для многихъ изъ нихъ обращеніе въ христіанство означало только перемѣну имени (языческаго на христіанское) да и христіанское-то имя употребляли они только въ официальныхъ случаяхъ, а въ обращеніи между собою многіе изъ нихъ продолжали пользоваться прежними языческими именами. Нѣкоторые даже и вовсе забывали свое христіанское имя или передѣлывали его на свой ладъ до неузнаваемости. Въ существѣ дѣла изъ купели крещенія инородцы выходили тѣми же язычниками или мусульманами, безъ малѣйшаго знанія христіанскаго ученія и съ очень слабымъ и смутнымъ представленіемъ даже обрядовой стороны новой религіи. Масса просмотрѣннаго мною историческаго и этнографическаго матеріала, относящагося къ XVIII вѣку (труды Лепехина, Миллера, Палласа, Георги, Рычкова, Фирсова, Можаровскаго, Луппова и мн. др.) свидѣтельствуетъ о печальномъ состояніи крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края въ

религіозномъ отношеніи. Преосвящ. Амвросій, архіепископъ Казанскій, въ донесеніи своемъ Синоду въ концѣ XVIII в., пишетъ: „Обращая вниманіе по долгу своего служенія на епархію, мнѣ ввѣренную, нахожу, что живущія въ оной непросвѣщенные племена Чувашъ и Черемись не имѣютъ не только достаточнаго, но и малаго понятія объ истинахъ вѣры, къ которой приведены они св. крещеніемъ безъ предварительнаго истолкованія имъ догматовъ оныхъ“. Этотъ же архипастырь свидѣлствуетъ что крещенные инородцы къ богослуженію идутъ только по принужденію и уклоняются отъ богослуженія, котораго не понимаютъ по незнанію не только славянскаго языка, но и русскаго, думая, что ихъ принуждаютъ ходить въ церковь только для того, чтобы молиться за русскихъ.¹⁾

Въ то время, когда крещено-инородческая масса была окутана мракомъ религіознаго невѣжества, мусульманство въ Казанскомъ краѣ успѣло вполне окрѣпнуть. Татары, ко времени покоренія Казани бывшіе полумухаммеданами и полушаманистами, къ концу XVIII в. успѣли превратиться въ фанатичныхъ послѣдователей Мухаммеда. Въ то время, какъ православныя церкви среди инородческаго населенія отстояли на разстояніи 30—50 верстъ одна отъ другой, каждая татаро-мухаммеданская деревня имѣла мечеть, а иногда и 2—3 мечети. Каждая мечеть имѣла муллу. Каждый мулла считалъ нравственнымъ долгомъ обучить хоть нѣсколько человѣкъ мусульманской грамотѣ. Въ то время, какъ на языкѣ крещеныхъ инородцевъ не было ни одной христіанской книги, среди татаръ-мухаммеданъ были распространены тысячи книгъ на арабскомъ и татарскомъ языкахъ. Все это способствовало тому, что мусульманство въ Казанскомъ краѣ къ началу XIX в. успѣло окончательно окрѣпнуть, и уже не только не уступало своихъ послѣдователей православно-русской церкви, но, напротивъ, само стало стремиться къ пріобрѣтенію новыхъ прозелитовъ изъ среды крещенаго инородческаго населенія. Условія для этого были благоприятствующія: чуваші, черемисы и вотяки, хотя-бы и крещенные, по своимъ симпатіямъ были ближе къ татарамъ-мусульманамъ, чѣмъ къ русскимъ.

Въ виду того, что крещено-инородческая масса въ Казанскомъ

¹⁾ См. Прав. Соб. 1858 г., ч. III, стр. 479—480.

краѣ по прежнему продолжала коснѣть во тѣмъ языческихъ заблужденій, а усилившееся мусульманство грозило опасностью поглотить эту темную массу, русское правительство въ началѣ XIX в; нашло нужнымъ перемѣнить направленіе миссіонерскаго дѣла въ Казан. краѣ: оно стало заботиться теперь главнымъ образомъ не о приобрѣтеніи новыхъ членовъ Церкви изъ инородцевъ, какъ это было въ предшествовавшіе вѣка, а объ утвержденіи въ христіанствѣ инородцевъ, крещеныхъ раньше, и объ огражденіи ихъ отъ мусульманской пропаганды. Поводомъ къ тому послужило отступническое движеніе среди крещеныхъ татаръ Нижегородской, а отчасти и Казанской губерній въ началѣ XIX вѣка. Съ этого времени начинается рядъ мѣръ, направленныхъ къ утвержденію крещеныхъ инородцевъ въ христіанствѣ; переводы христіанскихъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки, учрежденіе кафедръ инородческихъ языковъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, учрежденіе должностей спеціальныхъ миссіонеровъ для наставленія крещеныхъ инородцевъ въ христіанствѣ, открытіе школъ въ крещено-инородческихъ селеніяхъ. Но всѣ эти мѣропріятія оказались на практикѣ или мало полезными, или вовсе неэффективными. Переводы христіанскихъ книгъ, изложенные на неправильномъ, ломаномъ и уродливомъ инородческомъ языкѣ, не могли сдѣлаться популярными среди инородцевъ и остались лежать въ бібліотекахъ учебныхъ заведеній или въ пыльных архивахъ сельскихъ приходскихъ церквей. Кафедры инородческихъ языковъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ полстолѣтіе не могли приготовить почти ни одного священника, который могъ бы свободно поучать свою паству на томъ или иномъ инородческомъ языкѣ. Спеціальныя миссіонеры, совершенно не подготовленные къ навязанной имъ дѣятельности, ограничились только формальнымъ выполненіемъ врученной имъ инструкціи, и своими періодическими и кратковременными наѣздами въ инородческія селенія не только не оказали никакой пользы, но учинили даже нѣкоторую долю вреда, послуживъ невольной причиною возникновенія нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій въ средѣ приходскаго духовенства (см. факты у г. Можаровскаго) и подорвавъ этимъ авторитетъ приходскихъ священниковъ въ глазахъ инородцевъ. Школы также оказались весьма мало полезными.

Вслѣдствіе неправильной постановки въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла, онѣ не только не оказали благотворнаго вліянія на инородцевъ, но даже значительно задержали естественное развитіе школьно-просвѣтительнаго дѣла среди инородцевъ, т. к. инородцы, прошедшіе черезъ эти школы, оказались въ жизни нравственно искалѣченными людьми, чѣмъ только увеличивали нерасположеніе инородцевъ къ школѣ.

Само собою понятно, что, при несостоятельности просвѣтительныхъ средствъ, въ религіозно-нравственномъ состояніи инородцевъ не могло произойти замѣтной перемены. Въ 50-хъ годахъ XIX в. преосвящ. Григорій, архіеп. Казанскій, въ бесѣдахъ своихъ съ духовенствомъ указываетъ на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о весьма слабой привязанности чувашъ, черемисъ и вотяковъ къ христіанству и о сильной приверженности ихъ къ старой языческой вѣрѣ.¹⁾ Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія одинъ священникъ инородческаго прихода доносить своему епархіальному начальству: „Не смотря на то, что прошло много времени съ той поры, какъ чуваша и черемисы Казан. губ. были крещены, христіанская религія мало привилась къ нимъ, слѣдовъ ея вліянія почти вовсе незамѣтно ни въ ихъ домашней и общественной жизни, ни въ ихъ религіозной жизни. Какими они были въ язычествѣ, почти такими же остались и по принятіи христіанства: тѣ же языческія суевѣрія, тѣ же религіозныя воззрѣнія и та же полу-замкнутая полудикая жизнь.“²⁾ Таково было состояніе и другихъ инородцевъ Казанскаго края, погруженныхъ во мракъ языческихъ суевѣрій. Крещенные татары были еще хуже въ религіозномъ отношеніи. По этнографическимъ изслѣдованіямъ и описаніямъ г-на и г-жи Фуксъ, г. Сбоева, г. Пуришинскаго, г. Можаровскаго, Н. И. Ильминскаго, И. А. Износкова, свящ. В. Т. Тимофеева, прот. В. П. Вишневскаго, свящ. Н. Каменскаго, свящ. А. И. Иванова, г. Луппова и многихъ другихъ, труды которыхъ появлялись въ разное время отдѣльными изданіями или въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, религіозное состояніе инородцевъ Казан. края въ первой

1) См. Бесѣды съ духовенствомъ Каз. епархіи Григорія, архіеп. Каз. СПБ. 1855 г., стр. 15—25.

2) Обзоръ дѣят. Братства св. Гурія за 25-лѣтіе его существованія.

половинѣ XIX вѣка, вплоть до введенія и распространенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Крещенные инородцы, числясь христіанами только номинально, продолжали жить по старой своей вѣрѣ. Въ церкви они бывали обыкновенно только три раза въ жизни: когда ихъ крестили; когда вѣнчали и когда отпѣвали. Въ священникахъ они видѣли доносчиковъ, враговъ, преслѣдователей своихъ и самыя законныя дѣйствія ихъ перетолковывали по своему, давали имъ совсѣмъ другой смыслъ. Епархіальное начальство постоянно получало донесенія отъ своего духовенства и проповѣдниковъ, что крещенные инородцы не умѣютъ креститься, молитвъ не творятъ, къ св. иконамъ почтенія не имѣютъ, въ церковь не ходятъ, устраиваютъ языческія мольбища, дѣтей не крестятъ, больныхъ не напутствуютъ, умершихъ часто погребаютъ безъ отпѣванія, живутъ часто безъ вѣнчанія, за побужденія ихъ къ содержанію христіанской вѣры чинятъ они со священниками и церковными служителями частыя ссоры и драки и т. д. Духовное начальство вынуждалось часто просить свѣтское начальство указами объявить всѣмъ крещенымъ инородцамъ, чтобы они прежнія свои заблужденія оставили и съ некрещеными общенія отнюдь не имѣли, а содержали бы христіанскую вѣру твердо и непоколебимо, и хотя бы научились самонужнѣйшимъ молитвамъ христіанскимъ, а для того священнослужителей въ дома свои пускали бы безпрепятственно и никакого оскорбленія имъ не дѣлали. Равнымъ образомъ и священнослужителямъ посылались неоднократныя и строжайшія подтвержденія, чтобы они имѣли наиприлежнѣйшее стараніе объ наученіи и наставленіи инородцевъ въ христіанской вѣрѣ, не требуя за то отъ нихъ ни малѣйшаго вознагражденія, подъ угрозой изверженія ихъ изъ священнаго сана. Напуганные грознымъ указомъ, священники принимались учить крещенныхъ инородцевъ молитвамъ. Благочинные отъ времени до времени ѣздили по приходамъ и спрашивали, знаютъ-ли крещенные инородцы молитвы. Женихъ и невѣста должны были являться къ благочинному на экзамень, гдѣ спрашивали ихъ о знаніи молитвъ. Конечно, такое строгое примѣненіе указа вызывало среди инородцевъ не мало недоразумѣній и наводило ихъ на необходимость подставлять на экзамень

вмѣсто однихъ лицъ другія или откупаться подарками. Иногда заставляли инородцевъ даже клятвенно зарекаться въ томъ, что они не будутъ совершать языческихъ моленій. Но, само собою разумѣется, никакія клятвы и никакія угрозы не могли удерживать инородцевъ отъ соблюденія ими обычаевъ и обрядовъ старой вѣры.

Тамъ, гдѣ крещенные инородцы усвоили хоть часть обрядовой стороны христіанства, явилось двоевѣріе; странное смѣшеніе христіанства съ язычествомъ. Уже въ XVIII вѣкѣ княземъ Щербатовымъ было замѣчено, что инородцы по грубости своей почитаютъ данный имъ при крещеніи крестъ талисманомъ, образъ (икону) чтутъ за идола. Въ вотскихъ шалашахъ (чумахъ), по словамъ г. Луппова, на полкахъ вмѣстѣ съ идолами хранились иногда христіанскія иконы или же онѣ приносились сюда изъ домовъ на время. Христіанскіе праздники слились съ языческими, напр.: Пасха—съ Мунъ-кунъ или Калымъ-кунъ, Троица съ Семикомъ (у чувашъ). Принадлежности христіанскаго богослуженія смѣшались съ обрядами шаманизма. Напр., чуваша во дни поминовенія усопшихъ крошили хлѣбъ и др. кушанья у двери избы, лили пиво и водку въ честь усопшихъ родственниковъ, и въ тоже время зажигали на стѣнѣ около двери христіанскія свѣчи по числу поминаемыхъ. Самое понятіе о Богѣ и Его святыхъ угодникахъ было усвоено инородцами съ примѣсью шаманскаго элемента. У мордвы, напр. понятіе о Богѣ слилось съ понятіемъ о Чамъ-Пасѣ—о богѣ боговъ, понятіе о Божіей Матери—съ понятіемъ объ Ангѣ-Патяй, св. Николай угодникъ отождествлялся съ богами Мастыръ-пасомъ и Назаръ-пасомъ. У всѣхъ вообще крещенныхъ инородцевъ святыя угодники представлялись если не Богомъ въ собственномъ смыслѣ, то по меньшей мѣрѣ существами или добрыми началами (у чувашъ—ырасем), близкими къ Божеству, въ противоположность злымъ началамъ—киреметямъ. Св. Николай угодникъ, особенно извѣстный крещенымъ инородцамъ, назывался у чувашъ не иначе, какъ богомъ Николаемъ (Микула—Тура). Съ именемъ Георгія Побѣдоносца и Иліи пророка у чувашъ стало соединяться понятіе о Пигамбарѣ, существѣ, сообщающемъ пророческія вѣдѣнія и раздающемъ душевныя дарованія. Прежнее понятіе чувашъ о „Султи Тура Амаше“ (матери небеснаго Бога) было перенесено на Пресвятую

Богородицу. Вотяки, по словам г. Луппова, на полях своих приносили въ жертву Иліи-пророку хлѣбъ, пиво, кумышку, иногда быка, жеребенка, барана и гуся, коихъ кости съ частію прочихъ жертвъ, скрывали въ землю для употребленія пророкомъ въ пищу.

О религіозномъ состояніи крещеныхъ татаръ въ XIX вѣкѣ, до введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго, распространяться не буду: слабое усвоеніе ими христіанства и сильная приверженность ихъ къ мусульманству неоднократно доказывались ихъ отступническимъ движеніемъ, которое нѣсколько разъ повторялось въ первой половинѣ XIX в., а въ 60-хъ годахъ проявилось въ такихъ большихъ размѣрахъ, что сильно встревожило и подняло на ноги представителей какъ церковной, такъ и свѣтской власти.

Таково въ общихъ чертахъ религіозное состояніе инородцевъ до введенія и распространенія среди нихъ просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго.

Скажу еще нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи чувашъ на моей родинѣ, въ с. Ново-Ильмовомъ Кустѣ, Буинскаго уѣзда. Чуваши здѣсь приняли христіанство въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII в. Церковь построена въ 1861 г. Съ 60-хъ годовъ существуетъ здѣсь земская школа. Но вплоть до половины 80-хъ годовъ, когда впервые стали доходить сюда новые переводы христіанскихъ книгъ на чувашскомъ языкѣ, почти ничего христіанскаго не было замѣтно въ жизни здѣшнихъ чувашъ. У общества были свои киремети (урочища или мѣста обитанія злыхъ духовъ), внушавшія страхъ какъ взрослому, такъ и молодому поколѣнію. Ежегодно совершалось обществомъ большое моленіе (Уй-чук) съ принесеніемъ въ жертву Богу быка, барановъ, гусей и утокъ. Въ 3-4 года разъ совершался цѣлымъ обществомъ обрядъ „Прохожденія въ земляныя ворота“ для предохраненія отъ эпидемій и др. общественныхъ бѣдствій. Каждой семьей отдѣльно въ теченіи года аккуратно выполнялся цѣлый ритуаль домашнихъ языческихъ моленій. Наша семья принадлежала не къ числу темныхъ; дѣдушка мой былъ грамотный, сносно говорил по-русски, зналъ нѣсколько славянскихъ молитвъ, хотя совершенно не понималъ ихъ, имѣлъ самоваръ, носилъ ситцевыя рубахи. Но, тѣмъ не менѣе, и въ жизни нашей семьи не-

замѣтно было ничего христіанскаго. Въ церкви никто изъ нашей семьи не бывалъ, кромѣ отца, да и онъ бывалъ только 4 раза въ годъ: въ зимнюю Николу, въ Рождество и Крещеніе и на Пасху, да и то кажется, только у заутрени. Дѣдушка, кажется, и въ эти дни не ходилъ въ церковь. Творить крестное знаменіе предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, предъ сномъ и послѣ сна, никому не приходило и въ голову. Кажется, только тетка (солдатка), потушивъ лучину, предъ сномъ украдкой, тайно отъ семейныхъ, дѣлала крестное знаменіе и при этомъ произносила молитву, представлявшую какую-то странную смѣсь словъ съ языческими, мусульманскими и христіанскими понятіями: „песмелле, Сусті Хрести, сирлахъ Тура, аи парлахъ Тура“ (бисмилля, І. Христе, помилуй Богъ, не остави, Боже), Домашнихъ языческихъ моленій совершалось въ нашей семьѣ очень много: по окончаніи полевыхъ работъ—благодарственное моленіе Богу за урожай, послѣ закола гусей—покровителю гусей о здоровіи домашняго скота—„карта патти“ (кардовая каша), моленіе водяному духу, домовому, домашнему „Иириху злой Киремети, живущему въ урочищѣ „Иелме—хава“, Сутри ирасене (добрымъ духамъ, живущимъ въ урочищѣ „Суть“) *). Самый обрядъ моленій совершала преимущественно бабушка, а иногда дѣдушка. Бабушка моя считалась большимъ знатокомъ обрядностей, касающихся этихъ моленій и къ ней нерѣдко ходили совѣтоваться по этому дѣлу сосѣдки. Большинство этихъ моленій совершалось въ кругу только своей семьи, но на нѣкоторыя моленія (напр. благодарственное моленіе Богу за урожай) приглашались родственники и сосѣди. Сезонъ этихъ моленій, продолжавшійся 3—4 недѣли, для насъ, дѣтей, былъ большимъ праздникомъ: каждый день бѣгали мы на эти моленія, то въ тотъ, то въ другой домъ, гдѣ угощали насъ полбенной кашей, обильно пропитанной масломъ или саломъ, и вкусными лепешками. Только къ концу обученія въ начальной школѣ, когда стали проникать въ наше село христіанскія книги на чувашскомъ языкѣ, мы, школьники, начали уже уклоняться отъ участія въ языческихъ моленіяхъ.

*) Особыя моленія совершались по случаю болѣзни того или другого члена семьи.

Христіанскій долгъ исповѣди до 80-хъ годовъ почти никѣмъ изъ чувашъ въ нашемъ приходѣ не исполнялся. Говѣли только двѣ семьи: семья кузнеца изъ д. Старога Ильмоваго (русская) и семья моего крестнаго отца Ефрема Кустова (онъ учился въ сельско-хозяйственной удѣльной школѣ, женатъ на русской, а также и его сыновья). Въ то время, какъ я началъ себя помнить, въ нашемъ приходѣ существовалъ такой обычай. На Страстной недѣлѣ чувашинъ-домохозяинъ обязанъ былъ придти въ церковь, исповѣдываться и внести въ причтовую кружку за себя и за другихъ членовъ семьи „тюн укси“ (душевыя деньги, выкупъ души). Такъ назывался особый сборъ въ пользу духовенства въ размѣрѣ 2-хъ коп. съ души, какъ мужской, такъ и женской. Онъ, вѣроятно, установленъ былъ духовенствомъ взаменъ того дохода, который долженъ былъ поступить въ его пользу во время говѣнія. Чувашинъ-домохозяинъ являлся въ церковь, исповѣдывался безъ всякой подготовки, безъ предварительнаго говѣнія, расплачивался за себя и за семью и спокойно отправлялся домой. Другіе приходили въ церковь только за тѣмъ, чтобы внести двухкопѣчный съ души сборъ вмѣсто говѣнія и уходили домой не исповѣдывавшись. А большинство прихожанъ, особенно деревенскіе, вовсе не являлись въ церковь и вносили „тюнъ укси“ (выкупъ души) на Пасхѣ, когда духовенство ходило по приходу съ молебнами. Впослѣдствіи я узналъ, что такой порядокъ „расплачиваться за исповѣдь“ существовалъ не только на моей родинѣ, но и во многихъ инородческихъ приходахъ Буинскаго уѣзда. Такимъ образомъ, духовенство не оставалось въ проигрышъ отъ того, что прихожане его не говѣли. Кстати о крестныхъ ходахъ. Я, когда учился въ сельской школѣ, два года на Пасхѣ сопровождалъ духовенство во время крестнаго хода: носилъ иконы или ведро съ яйцами. Не придавая никакого значенія крестнымъ ходамъ, взрослые чуваше въ рѣдкихъ домахъ сами встрѣчали духовенство съ крестомъ, а поручали это молодежи, а сами нарочно предъ приходомъ духовенства уходили въ гости къ сосѣдямъ или роднымъ. Молодежи же поручали родители расплачиваться съ духовенствомъ. За молебенъ брали 20 коп., но вмѣстѣ съ этимъ многимъ приходилось тутъ же расплачиваться и за говѣніе, платить „тюнъ укси“. Если въ какомъ нибудь домѣ не хватало денегъ, то свя-

щенникъ посылалъ дѣтей разыскивать хозяина дома, и духовенство сидѣло въ этомъ домѣ до тѣхъ поръ, пока не явится хозяинъ дома и не уплатитъ ему всѣхъ денегъ за молебень и двухкопѣеннаго сбора. Въ нѣкоторыхъ домахъ сидѣли по полчаса и болѣе. Въ случаѣ, если хозяинъ не находилъ денегъ, часто бабы и дѣвушки вынуждались отрѣзывать съ туалетныхъ своихъ принадлежностей серебряныя монеты.

На моей родинѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, чувашъ праздновали вмѣсто воскресенія пятницу. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, священникъ иногда приказывалъ сельскимъ властямъ не пускать народъ въ поле. И вотъ, сотскіе и десятскіе начинали скакать по полямъ и отнимать серпы у ослушниковъ, которые (серпы) потомъ выкупались за полштофъ водки. Оштрафованный такимъ образомъ чувашинъ въ слѣдующее воскресенье не рѣшался уже итти въ поле на жнитво, но и въ церковь не ходилъ, сидѣлъ дома, да ругалъ попа. А пятницу всетаки праздновали. Такимъ образомъ, чувашъ въ самую жаркую рабочую пору, когда для мужика дорогъ каждый часъ, вынуждались праздновать 2 дня въ недѣлю: одинъ—по своей волѣ, другой—по принужденію. Такіе порядки практиковались во многихъ мѣстахъ Буинскаго уѣзда и, само собою разумѣется, пользы не приносили, а приносили только вредъ, озлобляя чувашъ противъ духовенства. Священникомъ въ нашемъ селѣ былъ русскій. Говорятъ, что онъ немного зналъ чувашскій языкъ, но я ни одного чувашскаго слова не слыхалъ отъ него ни въ церкви, ни въ школѣ. А онъ прослужилъ въ нашемъ селѣ болѣе 20 лѣтъ. Ни одного поученія въ церкви, ни на русскомъ, ни на чувашскомъ языкѣ, я не слыхалъ отъ него. Я началъ учиться въ сельской школѣ въ 1881 году. Учителемъ тогда въ нашей школѣ былъ В. И. Русановскій, сынъ мѣстнаго діакона. Говорятъ, онъ тоже немного понималъ чувашскую рѣчь, но я и отъ него не слыхалъ ни одного чувашскаго слова. Когда я учился въ среднемъ отдѣленіи, онъ одинъ разъ роздалъ было намъ, ученикамъ, чувашскія книги: священную исторію и, кажется, Евангеліе отъ Іоанна. Радости нашей не было предѣловъ, но на другой же день книги были отобраны назадъ и больше намъ не давали уже ихъ. Очевидно, это учитель сдѣлалъ по приказанію законоучителя. Послѣдній, какъ я узналъ впоследствии, держался

крайних руссификаторскихъ убѣжденій и всей душой противился употребленію инородческаго языка въ школѣ и церкви. Конечно, мы вышли бы изъ сельской школы такими же язычниками-хиреметниками, какими были наши отцы и дѣды, но, къ счастью, мы узнали, гдѣ печатаются чувашскія книги и отъ кого можно ихъ получить.

Мы узнали, что въ Симбирскѣ есть нѣкто Иванъ Яковлевичъ, чувашинъ, что онъ открылъ тамъ чувашскую школу, что онъ печатаетъ чувашскія книги и всякому, кто только побываетъ у него, даромъ даетъ чувашскія книги, вдобавокъ еще и покормить кашей. Жилка была открыта. Каждый ученикъ, когда отецъ его отправлялся въ городъ продавать хлѣбъ, слезно упрашивалъ отца зайти къ Ивану Яковлевичу и взять отъ него чувашскихъ книгъ. И Ив. Яковлевичъ, дѣйствительно, всѣхъ являющихся къ нему снабжалъ христіанскими книгами на чувашскомъ языкѣ, которыя съ жадностью и съ великою радостью прочитывались нами школьниками, вслухъ предъ своими домашними. Въ школѣ мы «зубрили», больше безсознательно, русскія книги, а дома, бывало, сидимъ по вечерамъ въ кругу семьи и читаемъ чувашскія книги. Въ то время всѣ почти дома, гдѣ были ученики, представляли изъ себя нѣчто вродѣ народной аудиторіи. Ко мнѣ ходило нѣсколько человѣкъ, а два старика, Захаръ и Никаноръ, бывали почти каждый вечеръ по зимамъ. У меня, тринадцатилѣтняго мальчика, завязалась съ ними даже нѣкотораго рода дружба: когда я поступилъ для продолженія ученія въ Симбирскую Чувашскую Школу, они, по ихъ собственнымъ словамъ, скучали даже обо мнѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали каждый разъ моего приѣзда и жаждали бесѣдовать со мной, равно съ севастопольскимъ героемъ. Замѣчу кстати: у себя дома я могъ вести чтенія и религіозныя бесѣды только въ присутствіи постороннихъ людей, а безъ постороннихъ я никогда не начиналъ съ своими домашними разговоры по религіознымъ вопросамъ. Не хватало смѣлости. Мнѣ какъ-то неловко казалось *учить своихъ родителей* и взрослыхъ членовъ своей семьи.

Но, само собою разумѣется, когда я читалъ или бесѣдовалъ въ присутствіи постороннихъ людей, мои слова доходили и до слуха моихъ домашнихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что языческія моленія въ нашей семьѣ постепенно и незамѣтно были

оставлены еще при жизни дѣдушки и бабушки, хотя они въ церкви не бывали до конца своей жизни (дѣдушка умеръ въ 1889 г., а бабушка—въ 1890 году). Надо замѣтить, что на моей родинѣ даже тѣ чувашки, которые уже сильно пошатнулись въ своихъ языческихъ убѣжденіяхъ и, благодаря чувашскимъ книгамъ, сильно склонились въ сторону христіанства, долгое время не отличались особеннымъ усердіемъ къ церкви и церковному богослуженію, очевидно потому, что богослуженіе совершалось на непонятномъ для нихъ славянскомъ языкѣ. Знаю по себѣ, какъ скучно было стоять за богослуженіемъ, когда ничего не понималъ: я изъ того, что читалось и пѣлось въ церкви. Въ 80-хъ годахъ въ сосѣднемъ селѣ Старыхъ Алгашахъ, съ назначеніемъ туда священника и діакона изъ чувашъ, богослуженіе стали совершать на чувашскомъ языкѣ. Изъ нашего села каждый праздникъ отправлялись туда толпы чувашъ послушать чувашскую службу. Теперь на моей родинѣ священникъ изъ чувашъ, но, къ сожалѣнію, ему за службой приходится говорить по-чувашски только возгласы, мало назидательные для чувашъ, а эктеньи произносятся по-славянски, и требы совершаются по-славянски, т. е. діаконъ и псаломщикъ не знаютъ чувашскаго языка, хотя діаконъ служить въ нашемъ селѣ около 40 лѣтъ.

Религіозное состояніе инородцевъ въ настоящее время.

На моихъ глазахъ, на моей памяти въ религіозномъ состояніи чувашъ произошла громадная перемѣна. Прежде сознаніе чувашина всецѣло было заполнено неясными, туманными, крайне сбивчивыми понятіями языческой и мусульманской религіи. Считаясь официально послѣдователемъ Христа, чувашинъ не только не имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ понятій о Христѣ и о христіанской религіи, но не могъ даже болѣе или менѣе правильно назвать имя Іисуса Христа (на моей родинѣ чувашки называли І. Христа „Сюсти Хрести“). Теперь по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ мужчинъ и добрая половина женщинъ изъ чувашскаго населенія знакомы съ главнѣйшими фактами изъ жизни Спасителя, имѣютъ болѣе или менѣе ясныя понятія объ ангелахъ, о загроб-

ной жизни, о главнѣйшихъ христіанскихъ праздникахъ, о жизни христіанъ первыхъ вѣковъ и о главнѣйшихъ святыхъ восточной и русской церкви. Домашняя и общественная жизнь чувашъ постепенно приобрѣтаетъ христіанскій характеръ. Языческія моленія почти повсемѣстно уже оставлены. Въ настоящее время только главное языческое моленіе „Уй-чук“ совершается въ рѣдкихъ чувашскихъ селеніяхъ, да въ рѣдкихъ чувашскихъ семьяхъ совершаются малыя языческія моленія (чуки) по случаю болѣзни того или другого члена семьи, а всѣ прочія моленія отошли въ область преданія. Емзи (ворожеи и шаманы), имѣвшіе прежде громадное вліяніе на религіозную жизнь чувашъ, почти повсемѣстно потеряли свой престижъ. Никто уже теперь не вѣритъ въ ихъ сверхъестественную силу, въ ихъ сношенія съ таинственнымъ міромъ злыхъ и добрыхъ духовъ. Молодое грамотное поколѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиняетъ даже сатирическія пѣсни, въ которыхъ высмѣиваются емзи-шаманы и чуваша поддающіеся ихъ обману. Одна изъ такихъ пѣсенъ напечатана въ чувашскомъ календарѣ за текущій годъ. Нѣкоторые изъ емзей сами уже обратились къ христіан, вѣрѣ и изъ ярыхъ язычниковъ стали усердными членами церкви. Упорные же изъ емзей, не поддающіеся христіанскому вліянію, потерявшіе уже почти всѣхъ своихъ прежнихъ адептовъ и лишившіеся чрезъ это доходной статьи, въ видѣ разныхъ приношеній въ благодарности за ворожбу, безсильно злобствуютъ на тѣхъ чувашъ, которые отказались отъ вѣры отцовъ своихъ, а при всякомъ удобномъ случаѣ, напр. во время засухи, спѣшаютъ поглумиться надъ юными христіанами-чувашами, въ родѣ того, что „много-ли-де вы выиграли отъ того, что приняли русскую вѣру, надѣли красные рубахи да русскіе шаровары, вотъ-де Господь и наказываетъ васъ за то, что вы пренебрегли вѣрой отцовъ своихъ!..“ Такого рода глумленія емзи и „старовѣры“—чуваша подкрѣпляютъ еще иногда слѣдующими доводами и доказательствами; „Богъ произвелъ 77 языковъ, 77-ми языкамъ далъ 77 вѣръ: особую вѣру русскимъ, особую вѣру татарамъ, особую вѣру чувашамъ, и каждому народу велѣлъ жить своей вѣрой“, или „Богъ велѣлъ расти въ лѣсу и дубу, и березѣ, и липѣ, и осинѣ, точно также Богъ велѣлъ быть на землѣ и русскому, и татарину, и чувашину, и каждому велѣлъ жить своей вѣрой“. Такого рода глумленія и ум-

ствования емзей иногда сильно смущают чувашъ, еще не успѣвшихъ окрѣпнуть въ христіанствѣ. Бывали случаи, когда чувашъ, болѣе 10 лѣтъ не совершавшіе общественнаго языческаго моленія „Уй-чук“, въ годы засухи опять начинали совершать это жертвоприношеніе. Большимъ испытаніемъ для чувашки, подпавшей уже подъ христіанское вліяніе, является болѣзнь дѣтей или мужа. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ чувашки не выдерживаютъ внутренней душевной борьбы и опять обращаются къ помощи емзи, оправдывая русскую поговорку: утопающій за соломинку хватается. У меня въ приходѣ у одной женщины, усердной христіанки, заболѣлъ мужъ „падучей“ болѣзнію. Она отслужила въ церкви молебень, но когда это не подѣйствовало, она, какъ призналась послѣ мнѣ сама, обратилась сначала къ емзѣ, а потомъ за 12 верстъ возила мужа къ татарскому муллѣ. Въ концѣ концовъ она опять обратилась ко мнѣ. Въ томъ же году въ приходской деревнѣ Алшиховѣ такой же болѣзнію захворала одна чувашка, тоже изъ семьи, подпавшей подъ христіанское вліяніе. Прежде чѣмъ обратиться къ священнику ¹⁾, она, какъ зывается, обращалась сначала къ мѣстному емзѣ, а потомъ тихонько отъ мужа ѣздила къ муллѣ въ д. Бикмурасть. Когда и мулла не помогъ ей, она поѣхала за 20 верстъ въ дер. Новыя Алгаши къ знаменитой русской знахаркѣ. Но всѣ эти явленія, свидѣтельствующія о шатаніяхъ и колебаніяхъ юной христіанской вѣры чувашъ, явленія только временныя. Пройдетъ еще 10—15 лѣтъ, повымрутъ емзи, сойдутъ со сцены нынѣшніе старики и тогда само собою настанетъ конецъ шатаніямъ чувашъ отъ язычества къ христіанству, и отъ христіанства къ язычеству.

Въ домашней и общественной жизни чувашъ произошли слѣдующія перемѣны. Въмѣсто пятницы чувашъ почти повсемѣстно стали праздновать воскресенье. Предъ посѣвомъ въ церковь приносятъ сѣмена для освященія. Почти вездѣ служатъ теперь весной молебень на выгонъ стада. Во время засухи также совершаютъ молебень на поляхъ. Пустовавшіе прежде храмы ино-

¹⁾ Въ случаяхъ заботѣнія „падучей“ болѣзнію чувашъ обыкновенно обращаются за помощью не къ тѣлеснымъ врачамъ, а къ духовнымъ: къ священнику, муллѣ, къ ѣзизъ-ворожѣй, предполагая въ такихъ больныхъ присутствіе злыхъ духовъ.

родческихъ приходоѡ теперь бывають полны молящимися въ воскресные и праздничные дни, особенно зимой и весною. Число говѣющихъ ежегодно увеличивается, причемъ нѣкоторые говѣють два раза въ годъ; въ Великій и Успенскій посты. Постепенно приучаются чуваша соблюдать христіанскіе посты. Въ настоящее время въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ по меньшей мѣрѣ ^{4/5} чувашскаго населенія соблюдаетъ Великій постъ, около половины—Успенскій постъ и небольшая часть чувашъ соблюдаетъ Рождеств. и Петровскій посты. Встрѣчаются иногда такіе ревнители христіанскихъ постовъ, которые на Страстной недѣлѣ по нѣсколько дней ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Въ 1897 году двое изъ моихъ прихожанъ въ Великій Четвергъ причастились Св. Таинъ, съѣли по просфорѣ и послѣ этого вплоть до перваго дня Пасхи не брали въ ротъ ни крошки хлѣба, ни капли воды. Предъ сномъ и послѣ сна, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда чуваша теперь творять крестное знаменіе. Когда починають каравай хлѣба, чуваша предварительно на караваѣ хлѣба ножомъ дѣлають изображеніе креста, произнося при этомъ слова: „Господи, благослови“. Также дѣлають предъ рѣзаніемъ скотины. Слова „Господи, благослови“, чуваша произносятъ теперь предъ началомъ всякаго дѣла, при чемъ мужчины преимущественно говорятъ ихъ по-русски, а женщины по-чувашски, а прежде вмѣсто этого чуваша предъ началомъ дѣла произносили мусульманское слово „бисмилля“. Въ воскресенье и праздничные дни во многихъ чувашскихъ домахъ теплится теперь предъ образами лампада, да и самыя образа содержатся теперь въ чистотѣ и опрятности. Прежде чуваша на божницу не обращали ни малѣйшаго вниманія. Обыкновенно въ божницѣ находилась единственная икона, да и та до такой степени покрывалась пылью, копотью и паутиной, что невозможно было разглядѣть на ней ликъ. Тутъ же въ божницѣ рядомъ съ иконой зачастую можно было видѣть бабы веретена, кочедыкъ (инструментъ для плетенія лаптей) и дѣтскія игрушки. Теперь во многихъ чувашскихъ домахъ подъ божницей можно видѣть шкатулку, въ которой хранятся Евангеліе и другія божественныя книги на чувашскомъ языкѣ. Прежде большое мученіе представляло для духовенства хожденіе по приходу съ крестомъ и иконами. Я въ дѣтствѣ два года сопровождалъ духовенство во время крестнаго хода по селу.

и посмотрѣлся тогда на чувашъ. Входимъ въ одну избу—посреди избы стоитъ лохань съ мѣсивомъ и предъ лоханью—корова съ телятами. Входимъ въ другой домъ—тамъ полна изба пьяныхъ гостей; начинается страшная суматоха; потомъ кое-какъ водворяется порядокъ и священникъ начинаетъ читать Евангеліе (остальная часть молебна обыкновенно пѣлась на улицѣ, на ходу), а пьяные чуваша начинаютъ поддакивать ему: „такъ, такъ, аминь, такъ, алиллуй, аминь“. Священникъ, кое-какъ окончивъ чтеніе Евангелія, начинаетъ ругать ихъ, а они: „виновать, пачка, (вмѣсто батюшка), не свини (вмѣсто извини), ни сналъ, такъ, аминь“. Идемъ дальше, входимъ въ третій домъ—почти пустая изба: на печкѣ лежитъ и крихтитъ семидесяти или восьмидесятилѣтній старикъ, а на нарахъ сидятъ или ползаютъ босоногіе ребятишки, которые, завидѣвъ священника и иконы, поднимаютъ неистовый ревъ. „Гдѣ семья?“ грозно спрашиваетъ священникъ. „Большіе въ гостяхъ, а молодые играютъ на улицѣ“,—отвѣчаетъ старикъ. Идемъ дальше, подходимъ къ четвертой избѣ, но въ нее почти невозможно войти: изба курная (съ печью безъ трубы), печь только что затоплена, по всей избѣ стоитъ густой и ѣдкій дымъ съ потолка почти до поверхности стола. Всѣ наклоняемся, насколько возможно. Священникъ кое-какъ, „съ пято-на-десято“ прочитываетъ Евангеліе, и шествуемъ далѣе, и т. д. въ такомъ же родѣ. Такъ какъ обыкновенно хозяева не выходили встрѣчать насъ, то почти на каждомъ дворѣ, прежде чѣмъ проникнуть въ избу, намъ приходилось вести болѣе или менѣе продолжительную войну съ собаками. Да, были времена и недавно, но, благодареніе Богу, эти времена канули уже въ Лету. Теперь во время крестныхъ ходовъ къ приходу духовенства вся семья бываетъ въ сборѣ. Изба заранѣе вычищена, убрана. Предъ иконами теплится лампада, въ крайнемъ случаѣ—копѣчная свѣчка. На столѣ—скатерть, или чистое полотенце. Домохозяинъ встрѣчаетъ духовенство у воротъ, а по окончаніи молебна провожаетъ его также до воротъ. Конечно, бываютъ исключенія, напоминающія времена минувшихъ дней, но именно какъ исключеніе, а не какъ общее явленіе.

Трогаетъ меня и такая картина, нерѣдко встрѣчающаяся теперь среди чувашъ. Утромъ, первый разъ послѣ сна, выходитъ чувашинъ на улицу, снимаетъ шапку, истово крестится, кла-

няется на всѣ четыре стороны, а потомъ идетъ на гумно за кормомъ для скота или принимается за какое нибудь другое дѣло. Все это, конечно, мелочи, но для меня и для всякаго другого инородческаго священника эти мелочи дороги въ томъ отношеніи, что изъ этихъ мелочей создается общій обликъ чувашина-христіанина, обликъ, сознательно или безсознательно копируемый имъ со старшаго брата о Христѣ, русскаго крестьянина.

Прежде чуваша не торопились крестить новорожденного младенца. Многіе держали младенцевъ некрещеными по нѣсколько мѣсяцевъ, а нѣкоторые даже болѣе года. Нерѣдко младенцы умирали безъ крещенія. Братъ въ 40-й день послѣ рожденія младенца очистительную молитву чувашкамъ-роженицамъ не приходило и въ голову. Теперь чуваша спѣшатъ крестить младенцевъ въ первые же дни послѣ рожденія и дѣлаютъ это не изъ страха предъ священникомъ, а по сознанію важности таинства. Въ 40-й день по рожденіи младенца почти всѣ чувашки приходятъ въ церковь для очистительной молитвы и для воцерковленія младенца. Если у кого нибудь случится умереть младенцу до крещенія, то это повергаетъ родителей въ большое горе и они стараются успокоить свою совѣсть исповѣдью и епитиміей. Бываютъ, конечно, исключенія. Когда я служилъ въ Рунгѣ, былъ такой случай. Я прослышалъ, что въ приходской деревнѣ Алшиховѣ въ домѣ чувашина Улендея (онъ былъ крещеный, но носилъ языческое имя) третій мѣсяцъ держать младенца безъ крещенія. При первомъ удобномъ случаѣ, когда случилась треба въ этой деревнѣ, я зашелъ къ этому Улендею и сталъ уговаривать его поторопиться крещеніемъ младенца, и между прочимъ, указалъ ему на то, что на родителяхъ будетъ большой грѣхъ, если ребенокъ ихъ умретъ безъ крещенія. Въ отвѣтъ на свои убѣжденія я услышалъ отъ Улендея такую философію: „будетъ ли грѣхъ или нѣтъ, этого я не знаю, да и вообще, что „грѣхъ“, что „не грѣхъ“, этого и я не знаю, и ты не знаешь, никто не знаетъ достоверно,—знаетъ только Богъ на небѣ, да царь на землѣ¹⁾; не знаю, знаетъ-ли архіерей, онъ,

1) Царь у чувашей вообще считается существомъ, близкимъ къ Божеству, почти полубогомъ.

можетъ быть, тоже знаетъ, а мы съ тобою не можемъ знать этого, а крестить-то младенца надо, это я и самъ знаю, а то какъ бы не было кляузъ; ладно, ладно, придемъ“. Но проходить послѣ этого еще недѣли двѣ, а Улендей все еще не везетъ младенца крестить. При слѣдующемъ случаѣ я постарался повліять на мать ребенка, и только послѣ этого ребенокъ былъ окрещенъ.

Похороны и поминки чувашъ вплоть до 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія носили чисто языческій характеръ, сопровождааясь пѣснями, плясками, возжиганіемъ костровъ и разныхъ другихъ языческихъ обрядностей. Въ послѣднее десятилѣтіе въ Симб. и Буинск. уѣздѣ болѣе половины крещеныхъ чувашъ стали совершать похороны и поминки „по-русски“ т. е. по христіански. Надъ покойникомъ читаютъ Псалтирь, а прежде, когда не были Псалтири на чув. языкѣ, читали Евангеліе или книжку „О загробной жизни“. Во время отпѣванія родственники покойника стоять со свѣчами въ рукахъ. Въ 40-й день и въ годовщину заказываютъ по покойникѣ обѣдню или, въ крайнемъ случаѣ, панихиду. Во всѣхъ домахъ появились теперь книжки „Поминанія“. Нѣкоторые старики, приверженцы старины, предъ смертію завѣщаваютъ своимъ дѣтямъ хоронить и помянуть ихъ непременно по старинному, по чувашски. Предсмертная воля завѣщателя, конечно, исполняется его дѣтьми.

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ среди инородцевъ сильно стало развиваться паломничество. Ежегодно десятки тысячъ инородцевъ являються въ Казань на поклоненіе св. мощамъ Гурія и Варсонофія и Казанской чудотв. иконѣ Божіей Матери, въ Свіязскѣ—къ мощамъ св. Германа, въ с. Ишаки—къ чудотворной иконѣ свят. Николая Мирликійскаго, въ с. Фролово—къ чудотв. иконѣ вмч. Пантелеймона, въ с. Промзино (Симб. губ.)—къ чудотворной иконѣ свят. Николая чудотворца. Въ послѣдніе два года тысячи чувашъ и друг. инородцевъ совершили паломничество къ мощамъ прп. Серафима Саровскаго. Отдѣльныя личности (тоже не малое количество) бывають въ Москвѣ, въ Соловецкой обители, въ Сергіевской лаврѣ, въ Кіевской лаврѣ, на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ. Въ монастыряхъ Волжско-Камскаго края среди монаховъ и послушниковъ можно видѣть сотни крещеныхъ инородцевъ: татаръ, чувашъ, черемисъ и вотяковъ. Отдѣльныхъ

личностей изъ инородцевъ можно встрѣтить среди монашествующихъ во всѣхъ извѣстныхъ русскихъ обителяхъ, а также на Афонѣ и въ Палестинѣ. Всѣ эти монашествующіе инородцы настолько успѣли обрусѣть, что развѣ только тонкій наблюдатель можетъ отличить ихъ (по лицу и акценту языка) отъ русскихъ монаховъ.

Паломничество по святымъ мѣстамъ русской земли имѣетъ огромное воспитательное значеніе для крещеныхъ инородцевъ. Помимо своего общаго значенія, какъ средства, способствующаго сильному подъему религіознаго духа, религіозн. чувства, по отношенію къ инородцамъ паломничество имѣетъ еще особенное значеніе, какъ сильнѣйшаго фактора въ дѣлѣ духовнаго сближенія ихъ съ кореннымъ населеніемъ русскаго государства. Герои вѣры, герои духа, каковы: святители Московскіе, святители Казанскіе, Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, Сергій Радонежскій, Серафимъ Саровскій и др., становятся общимъ духовнымъ достояніемъ для русскаго и инородческаго населенія, и инородцы тѣмъ сильнѣе привязываются къ русскимъ святымъ, что въ историческомъ прошломъ не имѣютъ ни одного героя духа. Кіевъ, Москва, Сергіевъ-посадъ, Соловки, Саровъ не менѣе дороги теперь для сердца крещенаго инородца, чѣмъ для русскаго. А это, по моему глубокому убѣжденію, не малый плюсъ въ дѣлѣ сближенія инородцевъ съ чувашами.

Когда у инородцевъ одна вѣра, одни убѣжденія, одни симпатіи съ русскимъ народомъ, различіе въ языкѣ, въ костюмѣ, въ бытѣ не имѣетъ существеннаго значенія. Былъ-бы у инородцевъ одинъ духъ съ русскими, а духъ самъ уже создаетъ себѣ „тѣло“, т. е. внѣшній обликъ, выражающійся въ костюмѣ, въ бытовыхъ обычаяхъ.

Внѣшнее обрусѣніе инородцевъ—это только вопросъ времени. Уже теперь, въ 15—20 лѣтъ со времени введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго ¹⁾ стали замѣтны значительные успѣхи въ этомъ направленіи. Изъ изложеннаго выше видно,

1) Въ Буин. и Симбир. уѣздахъ эта система стала распространяться настоящимъ образомъ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ И. И. Яковлевъ началъ выпускать изъ своей школы дѣятелей по образованію чувашъ и усиленно печатать и распространять въ народѣ религіозно-нравственныя книги на чувашскомъ языкѣ.

что большинство чувашъ усвоило уже русско-христіанскіе обычаи и обряды. А религіозные обычаи и обряды составляютъ, какъ извѣстно, добрую половину изъ всѣхъ вообще обычаевъ и обрядовъ, изъ которыхъ создается внѣшній бытъ челоуѣка. Слѣдовательно, въ дѣлѣ усвоенія чувашами русскаго быта добрая половина дѣла уже сдѣлана.

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ стали замѣтны нѣкоторыя измѣненія даже въ костюмѣ чувашъ. Прежде чуваша-мужчины носили длиннополую рубаху, достигавшую почти до колѣнъ, съ прямымъ прорѣзомъ на груди у воротника, на подобіе татарской мужской рубахи. Теперь въ нашей мѣстности всѣ мужчины, за исключеніемъ стариковъ, носятъ русскія рубахи. Прежнія чисто чувашскія кальсоны (синіе штаны съ бѣлыми ширинками и красные праздничные штаны съ синими ширинками и съ гашниками) замѣнились теперь русскими кальсонами и русскими шароварами. Татарскія шляпы, какія прежде носили чуваша, замѣнились картузами. Сравнительно упорнѣе держится пока обычай носить татарскія шапки и татар. чулки (изъ бѣлаго сукна), но и въ этомъ отношеніи въ послѣднее время стала замѣчаться сильная тенденція къ русскимъ сапогамъ и къ русскимъ валенкамъ. Прежніе чулки и лапти молодежь надѣваетъ теперь только во время работы. Вообще теперь чувашская молодежь по своему костюму мало отличается отъ русской. Не такъ скоро, вѣроятно, произойдетъ перемѣна въ наиболѣе характерномъ костюмѣ чувашской женщины, особенно замужней, но, мнѣ кажется, и въ этомъ отношеніи время возьметъ свое. Въ праздничное время чувашки начали теперь носить ботинки. Въ сѣверо-восточной части Буин. уѣзда чувашскія дѣвушки начали повязывать платокъ на головѣ по-русски (узелъ платка дѣлать спереди подъ подбородкомъ, а не на затылкѣ, какъ дѣлалось раньше). Нѣкоторыя замужнія чувашки начинаютъ ходить безъ сурбана¹⁾. Такое явленіе я наблюдалъ въ нынѣшнемъ году въ д. Чакилдымъ и въ окрестностяхъ этой деревни. Во многихъ мѣстахъ мнѣ приходилось наблюдать такое явленіе. Чувашекъ теперь сильно

¹⁾ Данное подотеніе съ красной каймой, которымъ замужнія чувашки обматываютъ голову, т. е. по убѣжденію чувашъ женщина не должна показывать волюсь мужчинамъ.

смущаетъ вопросъ, не грѣхъ-ли носить на головѣ и на груди серебряныя монеты?²⁾ Поэтому нѣкоторыя совсѣмъ оставили обычай носить украшенія съ монетами, а другія хотя носятъ ихъ въ обыкновенное время, обязательно снимаютъ ихъ, когда идутъ въ церковь или отправляются на богомолье къ чудотворн. иконамъ и къ св. мощамъ. Въ Сенгилеевскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ Симбирской губ., чувашки давно уже бросили свой національный костюмъ и всеуже щеголяютъ въ русскихъ сарафанахъ.

Большіе успѣхи стали замѣтны въ послѣднее время и въ отношеніи усвоенія чувашами русскаго языка. Правда, домашнимъ языкомъ у чувашъ служить родной языкъ; дѣти въ большинствѣ случаевъ до поступленія въ школу не знаютъ ни единого русскаго слова; большинство женщинъ также не понимаетъ русскаго языка; среди стариковъ не мало встрѣчается такихъ, которые или вовсе незнакомы съ русскимъ языкомъ, или знаютъ его весьма слабо. Но все мужское населеніе чувашъ моложе 40 лѣтъ, за исключеніемъ дѣтей, умѣетъ уже болѣе или менѣе сносно говорить по-русски. Конечно, число чувашъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Успѣшному распространенію русскаго языка среди чувашъ, помимо школьнаго преподаванія и обыкновенныхъ житейскихъ сношеній съ русскими, много способствуютъ, между прочимъ, чувашскія книжки. На первый взглядъ это, м. б., покажется парадоксальнымъ, но на самомъ дѣлѣ это такъ. Черезъ чтеніе книгъ на родномъ языкѣ у чувашъ вырабатывается любовь къ чтенію. А разъ выработалась у чувашъ любовь къ чтенію, онъ уже не ограничивается чтеніемъ только чувашскихъ книжекъ, а начинаетъ брать у священника или у учителя русскія книжки, сначала житія святыхъ и небольшіе историческіе и бытовые рассказы свѣтскаго характера, изложенные простымъ удобопонятнымъ языкомъ, а потомъ болѣе трудныя для пониманія инодцевъ книжки сельско-хозяйственного и гигиеническаго содержанія. Въ послѣднее время нѣкоторые чуваші стали уже выписывать „Биржевыя Вѣдомости“ и „Сельскій Вѣстникъ“, а въ Казан. губ. въ послѣдніе два года чуваші съ жадностью набро-

²⁾ Туалетныя принадлежности чувашекъ обыкновенно украшаются серебряными монетами.

сились на чтеніе „Казанской Земской Газеты“. Последняя даже распространилась будто среди чувашъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ среди русскихъ крестьянъ. Объ этомъ мнѣ заявилъ въ прошломъ году самъ редакторъ „Каз. З. Газ.“ Онъ удивлялся, откуда и какимъ образомъ выработалась у чувашъ такая любознательность къ чтенію? Мнѣ кажется, что такая любознательность выработалась у чувашъ чрезъ чтеніе чувашскихъ книжекъ.

Чуваши—большіе любители церковнаго пѣнія. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходили русскихъ. Въ русскихъ селахъ нерѣдко на клиросѣ поетъ одинъ псаломщикъ, а среди чувашъ нѣтъ теперь ни одного села, гдѣ не было бы церковнаго хора изъ учениковъ мѣстной школы. Въ нѣкоторыхъ чувашскихъ селахъ, кромѣ ученическаго хора, имѣется любительскій хоръ, состоящій изъ бывшихъ учениковъ, изъ неграмотныхъ мужиковъ и дѣвушекъ. Какъ ученическіе, такъ и народные любительскіе хоры умѣютъ пѣть и по-чувашски, и по-славянски, т. е. по установившейся практикѣ во всѣхъ инородч. приходахъ богослуженіе совершается не исключительно на инородч. языкѣ, а на половину на славянскомъ и на половину на инородческомъ языкѣ. Кромѣ церковныхъ пѣснопѣній разучиваютъ и свѣтскія пѣсни; русскія гимны и народныя русскія пѣсни. Въ нѣкоторыхъ селахъ имѣются до того хорошо организованные хоры, что слава о нихъ распространилась далеко за предѣлы прихода. Я знаю случаи, когда въ русскія села на освященіе храма приглашали пѣвчихъ изъ инородческихъ приходовъ за 20 и болѣе верстъ. Въ с. Среднихъ-Тимурянахъ, Симб. уѣзда, имѣется прекрасный любительскій хоръ, состоящій преимущественно изъ неграмотныхъ чувашъ и организованный чувашиною В. Максимовымъ, окончившимъ курсъ въ мѣстной сельской школѣ. Эти пѣвчіе-любители путешествовали разъ въ Казань для поклоненія мощамъ казан. святителей. Проѣздомъ туда они пропѣли въ Симбирскѣ обѣдню при архіерейск. служеніи, въ Казани пѣли обѣдню при архіепископскомъ служеніи. Какъ въ Симбирскѣ, такъ и въ Казани они, говорятъ, произвели фуроръ своимъ мастерскимъ пѣніемъ. Мнѣ самому два раза приходилось слышать ихъ пѣніе въ рус. селѣ Еделевѣ, Буин. у. Въ первый разъ они были вызваны сюда моимъ тестемъ пѣть на бракосочетаніи моей сестрицы. Не малый восторгъ и удивленіе вызвали въ слушате-

ляхъ пропѣтые имъ въ церкви два концерта при встрѣчѣ жениха и невѣсты, пѣніе прокимна „Положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы“ изъ чина вѣнчанія, пѣніе „Исаіе, ликуй“, тройного „Господи помилуй“ и „Отче нашъ“, но еще большій восторгъ и удивленіе вызвали они въ слушателяхъ, когда во время свадебнаго пиршества въ домѣ тестя пропѣли они до десяти русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ на нѣты. „Вотъ такъ чувашки! Вотъ такъ Василии Иванычи!.. вѣдь за поясъ заткнули нашихъ Захаръ Захарычей!..“¹⁾ невольно восклицали слушатели. Въ слѣдующемъ году они были вызваны сюда богатымъ русскимъ крестьяниномъ С. Ивановымъ къ свадьбѣ его внуки. Въ прошломъ году они же пѣли на бракосочетаніи дочери Еделевского помѣщика О. О. Ульянова.

Таковы въ общихъ чертахъ успѣхи русско-христіанской миссіи среди инородцевъ, успѣхи, достигнутые, по моему убѣжденію, только благодаря просвѣтительной системѣ Н. И. Ильминскаго. Когда я писалъ осовременномъ религіозномъ состояніи инородцевъ, я преимущественно имѣлъ въ виду чувашъ Буинск. и Симбирскаго уѣздовъ. Но то, что сказано о буинск. и симбир. чувашахъ, можетъ цѣликомъ относиться и ко всѣмъ крещенымъ инородцамъ Казанскаго края. Я не одинъ разъ бывалъ въ Свіяжскомъ, Тетюшескомъ, Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ Казан. г., бывалъ и въ Самарской губ.,—вездѣ приходилось мнѣ наблюдать сильное движеніе среди инородцевъ въ сторону христіанства и большіе успѣхи въ смыслѣ усвоенія ими русскаго быта и русской гражданственности.

Нѣкоторые русскіе „патріоты“ заподозриваютъ систему Н. И. Ильминскаго въ томъ, что она, предоставляя слишкомъ широкій просторъ инородческимъ языкамъ, въ ущербъ государственному русскому языку, въ результатѣ должна вызвать узко-національное, сепаратическое направленіе въ жизни инородцевъ. Несомнѣтельность такого рода опасеній и подозрѣній доказывается уже тѣмъ, что сказано мною выше по вопросу о современномъ состояніи крещеныхъ инородцевъ, среди которыхъ практикуется просвѣтительная система Н. И. И. Прошло уже болѣе 30-ти

¹⁾ Въ нашей мѣстности каждого мужика-чувашина зовутъ иронически Василии Иванычемъ, а русскаго мужика—Захаръ Захарычемъ.

лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣло просвѣщенія волжско-камскихъ инородцевъ начали вести по системѣ Н. И. И., но въ жизни инородцевъ не было ни одного факта, свидѣтельствующаго о сепаратическихъ ихъ стремленіяхъ. Напротивъ, всякій безпристрастный наблюдатель можетъ указать массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ русско-христіанскомъ движеніи среди всѣхъ крещеныхъ инородцевъ. Если-бы на самомъ дѣлѣ были факты, указывающіе на сепаратическія ихъ тенденціи, они не укрылись-бы отъ взора мыслныхъ представителей русской власти: земскихъ начальниковъ, предводителей дворянства и губернаторовъ, которые не преминули-бы донести объ нихъ высшимъ властямъ. Въ прошломъ году г. Краснодубровскій ¹⁾ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ силился доказать сепаратизмъ крещеныхъ инородцевъ, которые у него какимъ-то образомъ угодили въ одинъ лагерь съ татарами-мусульманами, указаніемъ на такіе факты, что будто инородцы игнорируютъ русскій языкъ, что будто жены многихъ священниковъ-инородцевъ не знаютъ порусски. Но несостоятельность такихъ голословныхъ обвиненій прекрасно была разобрана и доказана въ свое время г. Даулеемъ и профессоромъ Каз. Дух. Акад. М. А. Машановымъ. Поэтому я считаю излишнимъ возвращаться къ этому вопросу.

Священникъ *К. Прокопѣвъ*,
(изъ чувашъ)

1) Бывшій инспекторъ народныхъ школъ Мамадышскаго уѣзда.

Вліяніе христіанскаго богослуженія, совершаемаго на родномъ языкѣ, на инородческое населеніе.

Что богослуженіе нужно совершать на родномъ языкѣ народа, эта истина была высказана еще апостоломъ языковъ, св. Павломъ (1 Кор. 14 гл.). Въ Казанскомъ краѣ эта истина была сознана тоже давно. Въ концѣ XVIII в., по инициативѣ архіеп. каз. Амвросія, была переведена литургія на черемисскій языкъ; къ сожаленію, не была она напечатана. Въ началѣ XIX в. отпаденіе крещ. татаръ Нижегородской губ. указало на настоящую нужду совершенія богослуженія на родномъ языкѣ инородцевъ. Крещенные татары на производившемся по этому поводу дознаніи показали, что христіанскаго богослуженія, совершаемаго на славянскомъ языкѣ, они непонимають, что имъ крайне скучно стоять въ храмѣ, что къ богослуженію, совершаемому на непонятномъ языкѣ, они сердечнаго возбужденія и усердія не имѣють, магометанскія же молитвы, съ арабскаго языка на татарарскій переводимыя абызами, имъ-де чувствительнѣе и побудительнѣе. Отсюда начинается рядъ переводовъ христіанскихъ книгъ, вообще, богослужебныхъ въ частности, на инородческіе языки. Къ сожалѣнію, переводы были сдѣланы неудачно: для татарскихъ переводовъ былъ принятъ учено-книжный татарскій языкъ, избылиующій арабскими, персидскими и турецкими словами, а переводы на др. инородч. языки были изложены на неправильномъ, ломанномъ, уродливомъ языкѣ, вслѣдствіе несоблюденія основныхъ законовъ конструкціи инородч. языковъ. И тѣ и другіе переводы были непонятны для народа, а потому

не могли оказать никакого влияния на крещеных инородцев. Покойный Н. И. Ильминский созналъ на практикѣ ошибки прежнихъ переводовъ и началъ переводить христіанскія книги на живой народный языкъ инородцевъ. Христіанскія богослужебныя книги, изложенныя на правильномъ инородческомъ языкѣ, явились въ его рукахъ и въ рукахъ его учениковъ могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ. Въ сотняхъ разныхъ книгъ и брошюръ, касающихся просвѣщенія инородцевъ, можно видѣть массу фактовъ, указывающихъ на то громадное и неотразимое влияние, какое оказываетъ на инородцевъ христіанское богослуженіе, совершаемое на ихъ родномъ языкѣ. „Какія хорошія молитвы у васъ“—говорили мнѣ иногда чуваши,—„до самой глубины души доходятъ у насъ такихъ мотивъ нѣтъ; мы раньше думали, что русскіе священники молятся въ церкви только за русскихъ и насъ заставляютъ молиться за русскихъ, а оказывается, въ церкви молятся за всѣхъ за весь міръ: у васъ не забыты и больные, и путешествующіе на сушѣ, и плавающіе по водѣ, и удрученныя горемъ: у васъ, вотъ, молятся и объ урожаяхъ, о хорошей погодѣ и о томъ, чтобы не было пожаровъ, войнъ, взаимныхъ ссоръ, губительныхъ болѣзней; ничто не забыто у васъ въ молитвѣ“.

Я даже думаю, что богослуженіе, совершаемое на родномъ языкѣ, оказываетъ большее влияние на инородцевъ, чѣмъ бесѣда священника въ храмѣ или въ школѣ. Бесѣды болѣе вліяютъ на умъ чловѣка, но мало вліяютъ на чувство; а богослуженіе, наоборотъ, преимущественно задѣваетъ сердце инородца, хотя, конечно, оказываетъ нѣкоторое влияние и на развитіе его умственного кругозора.

Я уже указывалъ выше, что чуваши изъ с. Ново-Ильмоваго Куста, пока къ нимъ не былъ назначенъ священникъ изъ чувашъ, ходили часто въ праздники въ сосѣднее село Ст. Алгаши послушать службу на родномъ языкѣ. Это явленіе не единичное, а повсемѣстное. Я отъ многихъ священниковъ—чувашъ слышалъ, что къ нимъ часто ходятъ въ церковь чуваши изъ сосѣднихъ приходовъ съ русскимъ духовенствомъ. Когда я служилъ въ селѣ Рунгѣ, въ мою церковь ходили чуваши изъ деревни Савалеевки, Протопоповскаго прихода, и изъ дер. Бѣлой Вопожки, Тайбинскаго прихода, хотя имъ до своей приходской церкви было вдвое—

второе ближе. Въ великомъ постѣ иногда чуваша изъ указанныхъ деревень приходили ко мнѣ говѣть и исповѣдываться, ссылаясь на то, что въ своей церкви они не понимаютъ службы и не могутъ должнымъ образомъ настраиваться. Я указывалъ имъ на то, что я не имѣю права исповѣдывать ихъ, т. к. по закону священники могутъ совершать требы для чужеприходныхъ только въ случаѣ болѣзни или отлучки мѣстнаго священника, а также указывалъ имъ и на то, что они, исповѣдуясь у чужого священника, причиняютъ и себѣ нѣкоторое неудобство, т. к. въ исповѣдныхъ росписяхъ своего прихода не будутъ отмѣчены говѣвшими. Но они со своей стороны заявляли мнѣ, что они для исполненія формальности будутъ говѣть и въ своемъ приходѣ.

Руссификаторы говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами инородцы требуютъ, чтобы богослуженіе совершалось исключительно на славянскомъ, а не на родномъ языкѣ. Не знаю есть ли доля правды въ этихъ словахъ, или нѣтъ. Мнѣ лично, да и ни одному инородческому священнику не приходилось слышать отъ своихъ прихожанъ, что они не любятъ службы на родномъ языкѣ и что имъ желательно, чтобы богослуженіе совершалось исключительно на славянскомъ языкѣ. Въ Казанской епархіи я знаю многихъ священниковъ, знающихъ чувашскій языкъ и совершающихъ богослуженіе на этомъ языкѣ, но никогда мнѣ не приходилось слышать отъ нихъ, что ихъ прихожанамъ не нравится чувашская служба. Въ Буинскомъ уѣздѣ я знаю наперечетъ всѣхъ русскихъ священниковъ, служащихъ въ чувашскихъ приходахъ. Только одинъ изъ нихъ свободно владѣетъ чувашскимъ языкомъ и служитъ на чувашскомъ языкѣ. Всѣ же остальные или вовсе не знакомы съ чувашскимъ языкомъ или же знаютъ его настолько плохо, что не могутъ ни служить, ни учить своихъ прихожанъ на этомъ языкѣ. Вотъ отъ такихъ-то священниковъ и приходится слышать заявленіе, что нѣтъ необходимости совершать богослуженіе для чувашъ на ихъ языкѣ, что чуваша-де сами не желаютъ совершенія Богослуженія на ихъ языкѣ.

Но, я думаю возможны все-таки такіе рѣдкіе случаи, когда чуваша на самомъ дѣлѣ заявляли своимъ священникамъ, что они не желаютъ, чтобы богослуженіе у нихъ совершалось на чувашскомъ языкѣ. Чуваша не могли незамѣтить несочувствія русскихъ священниковъ къ инородческому богослуженію. Воз-

можно, что изъ желанія угодить и польстить своему батюшкѣ, чувашѣ, никогда не слыхавшіе богослуженія на родномъ языкѣ, скажутъ ему: „намъ не надо чувашской службы, мы желаемъ быть русскими“. Но, по моему твердому убѣжденію, чувашинъ, хоть разъ слышавшій богослуженіе на родномъ языкѣ, никогда не согласится сказать такую неправду, что ему не нравится богослуженіе на чувашскомъ языкѣ.

Мнѣ кажется, если всегда и во всѣхъ инородческихъ приходахъ богослуженіе будетъ совершаться на инородческомъ языкѣ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ инородцы превзойдутъ русскихъ въ отношеніи сознательнаго усвоенія христіанства вообще и пониманія христіанскаго богослуженія—въ частности.

Безспорно, русскіе сильно привязаны къ христіанству, любятъ всей душой христіанское богослуженіе, но любятъ его, такъ сказать, только стихійно, инстинктивно, а не сознательно. Смѣло можно сказать, что русскій народъ двухъ третей христіанскаго богослуженія не понимаетъ. Неграмотная часть русскаго народа, да и многіе изъ грамотныхъ нѣкоторыхъ молитвъ и пѣснопѣній не понимаютъ совершенно, а изъ другихъ молитвъ и пѣснопѣній понимаютъ только отдѣльныя выраженія. Напр., каждая русская женщина знаетъ молитву „Достойно есть“; „Отверзу уста моя“, но, безъ преувеличенія можно сказать, 99 челоѣкъ изъ сотни необъяснить вамъ ни одного выраженія изъ этихъ пѣснопѣній. Инородцы же понимаютъ каждое слово, каждое выраженіе изъ богослуженія, изложеннаго на живомъ разговорномъ языкѣ ихъ. Недавно свящ. с. Шемурши, Буин. у., Ф. И. Ивановъ сообщилъ мнѣ такой фактъ. Его приходъ состоитъ изъ русскихъ и чувашъ, при чемъ русскіе отлично понимаютъ чуваш. языкъ. Съ поступленіемъ въ этотъ приходъ о. Иванова богослуженіе стало совершаться у нихъ наполовину по русски, наполовину на чуваш. языкѣ. Русскіе будто неоднократно высказывали о. Иванову, что они теперь только, чрезъ чувашское богослуженіе, начали понимать церковную службу.

Когда богослуженіе въ инородческихъ приходахъ совершается на инородческомъ языкѣ, даже неграмотные инородцы, часто посѣщающіе храмъ, незамѣтно запоминаютъ и заучиваютъ то или другое пѣснопѣніе изъ богослуженія. Въ моемъ бывшемъ приходѣ, въ с. Рунгѣ, многіе неграмотныя дѣвушки знали наизусть такіа пѣс-

нопѣнія, какъ, напр. „Блаженъ мужъ“, „Благослові душе моя Господи“, „Хвалите имя Господне“, „Отверзу уста моя“, „Прійдите поклонимся“, „Святой Боже“, „Тѣло Христово пріимите“ и др., хотя этимъ молитвамъ ихъ никто не училъ. Одинъ разъ въ с. Рунгъ я былъ свидѣтелемъ въ такого факта. Мальчуганъ лѣтъ шести ѣдетъ въ поле верхомъ и довольно мелодично поетъ великопостное пѣснопѣіе „Господи силъ съ нами буди“. Думалю, въ послѣднее время подобные факты не рѣдки въ ино-родческихъ приходяхъ, гдѣ богослуженіе совершается на родномъ языкѣ прихожанъ.

Священникъ К. Прокопьевъ.
(изъ чувашъ)

Вліяніе татаръ—мусульманъ на чувашъ.

Въ Симбирской губ. вліяніе мусульманства на крещеныхъ инородцевъ проявилось не въ такой сильной мѣрѣ, какъ въ Казанской губ., однако не малые успѣхи имѣла мусульманская пропаганда и здѣсь. Въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ есть деревни, гдѣ крещеные чуваша не только перешли въ мусульманство, но и совершенно отатарились, такъ что уже и говорить, и одѣваются по татарски. Изъ такихъ селеній лично мнѣ извѣстны слѣдующія деревни: Буинка, Сиушево, Чепкасы, Ильметево, Чакилдымъ, Дуваново, Шаймурзино и с. Трехбалтаево. Д. Буинка отатарилась вся цѣликомъ, а въ остальныхъ селеніяхъ—болѣе или менѣе половины жителей. Во время неоднократныхъ отступническихъ движеній въ Казанской губ. чуваша указанныхъ селеній всегда присоединялись къ ходатайству, казанскихъ крещеныхъ татаръ объ officialномъ разрѣшеніи имъ исповѣдывать мусульманскую вѣру. Но такого разрѣшенія не дано имъ, кажется и до сего времени. Въ посемейныхъ спискахъ (въ волостныхъ правленіяхъ), а также и во всѣхъ officialныхъ документахъ они значатся теперь подъ мусульманскимъ именемъ, а до 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія они писались двоякими христіанскимъ и мусульманскимъ именами. Мечетей у нихъ нѣтъ до сего времени, но въ каждой деревнѣ имѣется молитвенный домъ, съ неофициальнымъ муллою, который называется у нихъ „пятивременнымъ муллою“, т. е. муллою, совершающимъ пятикратныя суточныя моленія.

Для совершенія требъ они обращаются къ указнымъ мулламъ сосѣднихъ деревень. Они ревниво оберегаютъ себя отъ всякаго русско-христіанскаго вліянія и отличаются даже боль-

шимъ фанатизмомъ, чѣмъ коренные татары—мусульмане. Въ бытность мою священникомъ с. Рунги въ Рунгинскомъ волостномъ правленіи помощникомъ старшины состоялъ нѣкто Хасянъ Московъ, отатарившійся чувашинъ изъ д. Буинки. Одинъ разъ волостной писарь въ шутку называлъ его прежнимъ христіанскимъ именемъ Иваномъ Никитичемъ. Хасянъ до того разсвирѣпѣлъ что чуть не пырнулъ тогда писаря перочиннымъ ножомъ. Въ 1897 году, когда производилась всеобщая перепись, земскій начальникъ назначилъ было меня счетчикомъ въ д. Буинку. Услыхавъ объ этомъ, буинкинскіе татары (бывшіе чуваша) серьезно приготовились „раздѣлаться“ со мной при первомъ же моемъ появленіи къ нимъ. Въ виду этого я отказался отъ этой деревни. вмѣсто меня потомъ туда назначили моего прихожанина, хитраго и дипломатичнаго чувашина, кончившаго курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Но и ему большихъ трудовъ стоило переписать жителей этой деревни. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ счетчиковъ изрядно поколотили тогда.

Во всѣхъ указанныхъ выше селеніяхъ, за исключеніемъ д. Буинки, имѣются теперь школы, гдѣ обучаются дѣти чувашъ, не успѣвшихъ отатариться. Можно уже теперь вполнѣ ручаться за то, что эти чуваша не поддадутся въ будущемъ мусульманскому вліянію, т. е. въ послѣдніе годы, благодаря вліянію школы и христіанскихъ книжекъ на чуваш. языкъ, ихъ убѣжденія и симпатіи безусловно перешли въ сторону христіанства. Въ послѣднее время среди чувашъ, какъ въ указанныхъ выше деревняхъ, такъ и въ другихъ чувашско-татарскихъ селеніяхъ стало замѣчаться стремленіе къ обособленію отъ татаръ. Чтобы не имѣть съ татарами никакихъ общихъ дѣлъ, во многихъ чувашско-татарскихъ селеніяхъ чуваша въ послѣдніе годы возбуждали ходатайства о выдѣлѣ ихъ въ отдѣльныя отъ татаръ общества въ административномъ и земельномъ отношеніяхъ. Такіе факты, насколько мнѣ извѣстно, имѣли мѣсто въ деревняхъ: Чакилдымъ, Чурапановъ, Тиньгашахъ, Алшиховъ и Бѣлой Воложкѣ.

Среди крещеныхъ чувашъ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ вліяніе мусульманства достаточно уже парализовано, благодаря практикующейся здѣсь просвѣтительной системѣ Н. И. Ильинскаго, но въ убѣжденіяхъ и образѣ жизни чувашъ до сихъ поръ еще замѣтны нѣкоторые слѣды мусульманской пропаганды и татарскаго вліянія. Въ приходѣ с. Рунги, гдѣ я служилъ свя-

щенникомъ въ 1894—1899 гг., мнѣ пришлось замѣтить слѣдующіе факты татарскаго вліянія на чувашъ.

Большинство прихожанъ до моего поступленія въ этотъ приходъ праздновало вмѣсто воскресенья пятницу. Предъ началомъ дѣла большинство прихожанъ вмѣсто „Господи, благослови“ употребляло мусульманское слово „бисмилля“, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ этого слова примѣнительно къ чувашской фонетикѣ „песмелле“. Бога чуваша называли „Тура-Бабай“ = Богъ-Дѣдушка: „Тура“—чувашское слово, „Бабай“—татарское слово. Каждый чувашинъ зналъ почти столько же татарскихъ пѣсень, сколько своихъ, чувашскихъ. Лѣтомъ 1899 г. я завѣдывалъ въ Рунгѣ „яслями“, гдѣ ежедневно призѣвалось отъ 60 до 100 чел. дѣтей. Одинъ разъ, во время игры, я скомандовалъ дѣтямъ: „спойте, дѣтки, какую-нибудь пѣсню“. Къ моему удивленію дѣти запѣли татарскую пѣсню“. Я заинтересовался этимъ и началъ допытываться, кто изъ нихъ сколько татарскихъ пѣсень знаетъ. Оказалось, каждый мальчуганъ 4—5 лѣтъ зналъ уже нѣсколько татар. пѣсень. Больныхъ „падучей“ болѣзнию и слабыхъ дѣтей съ признаками англійской болѣзни мои прихожане возили часто къ муллѣ, который читалъ надъ ними главу изъ Корана и мусульманскія молитвы. Въ приходской д. Алшиховѣ было болѣе 10 домохозяевъ, явно склонныхъ къ мусульманству. Въ церковь они никогда не ходили, крестовъ на себѣ не носили; дружа съ татарами и бывая часто у нихъ въ гостяхъ, они не брезговали ѣсть конину. Своими интригами они всячески старались уронить авторитетъ церкви и школы въ глазахъ прихожанъ, старались парализовать всякое доброе начинаніе священника и учителя. Къ прискорбію, въ бытность мою священникомъ с. Рунги, въ д. Алшиховѣ оба сельскіе старосты—Николай Ефремовъ и преемникъ Ѳеодоръ Павловъ—были изъ партіи чувашъ, приверженной къ мусульманству. Ѳ. Павловъ въ одно время дошелъ даже до того, что открыто началъ показывать свои симпатіи къ мусульманству и нерасположеніе къ христіанству. Одинъ разъ онъ надъ покойникомъ читалъ татарскія молитвы. Въ другой разъ онъ явился въ домъ, гдѣ лежалъ при смерти чувашинъ Вас. Ефремовъ, бывший усерднымъ христіаниномъ. Ѳ. Павловъ и надъ нимъ хотѣлъ читать татарскія молитвы, но домашніе больного выгнали Павлова. Въ томъ же году былъ въ одинъ

изъ зимнихъ вечеровъ такой случай: болѣе 20 человекъ чувашъ собралось въ одинъ домъ, гдѣ грамотѣй—самочка по вечерамъ читалъ народу религіозно-нравств. книжки на чуваш. языкѣ. Является туда сельскій староста Ѳ. Павловъ и начинаетъ разгонять чувашъ, ругая ихъ всячески, при чемъ позволилъ себѣ даже кошунствовать надъ Иисусомъ Христомъ. Я хотѣлъ тогда начать противъ него дѣло, но удержался въ виду того, что указанныя выходки Ѳ. Павловъ позволилъ себѣ въ нетрезвомъ видѣ. Но важно то, что этими поступками онъ явно обнаружилъ свои симпатіи и убѣжденія. Въдѣ у пьянаго что на умѣ, то и на языкѣ.

Отъ своихъ прихожанъ мнѣ приходилось слышать такіа сужденія. У каждого человека на лобной кости имѣется надпись съ обозначеніемъ какой смертью онъ долженъ умереть и куда долженъ идти послѣ смерти, въ рай или адъ. Послѣ смерти человека заставляютъ переходить черезъ мостъ, тонкій какъ остріе ножа и перекинутый на подобіе радуги черезъ огненное озеро; грѣшный человекъ не успѣваетъ дойти и до середины моста и падаетъ въ огненное озеро, а праведный человекъ, поддерживаемый ангелами проходитъ до конца моста и вступаетъ въ рай. Въ этихъ сужденіяхъ чувашъ нельзѣ не видѣть явныхъ слѣдовъ мусульманскихъ вѣрованій въ безусловное предопредѣленіе и ученія о мостѣ Сыратѣ.

Когда у чувашина завязывается бесѣда съ татаринѣмъ на религіозную тему, татаринъ не пропуститъ случая, чтобы не поглотиться надъ христіанскимъ ученіемъ о Троицѣ и надъ иконопочитаніемъ, приблизительно въ такомъ родѣ. „По вашему, Богъ живетъ не одинъ, а съ цѣлой семьей: у него есть хозяйка Мардымъ (Марія), имѣется Сынъ Айса (Иисусъ), котораго Богъ родилъ вмѣстѣ съ Своей хозяйкой; вонъ, какія несуразныя вещи говорите вы про Бога“. Или: „вы кланяетесь деревяннымъ богамъ кланяетесь лопатѣ“ (про запрестольную икону Божіей Матери). Или: „вы во время молитвы только машете руками, ровно мухъ гоняете“. Подобныя глумленія татаръ конечно, сильно смущаютъ еще не успѣвшее окрѣпнуть религіозное чувство чувашъ. Нѣкоторые изъ прихожанъ моихъ обращались ко мнѣ съ просьбой разъяснить имъ, какъ имъ слѣдуетъ отвѣчать татарамъ въ подобныхъ случаяхъ.

Священникъ *К. Проконцевъ*.
(изъ чувашъ).

О натуральномъ методѣ—изъ письма священника.

Я обѣщалъ написать Вамъ еще по нѣкоторымъ вопросамъ, но едва-ли въ состояніи буду исполнить свое обѣщаніе, т. к. къ прежнимъ дѣламъ прибавилось у меня еще дѣло: Преосвященный Гурій поручилъ мнѣ проредактировать и приготовить къ печати двѣ рукописи на чувашскомъ языкѣ: 1) переводъ Церк. Исторіи К. П. Побѣдоносцева и 2) бесѣды на символъ вѣры (около 150 листовъ рукописныхъ). На это дѣло придется потратить очень много времени.

Мнѣ хотѣлось много сказать по вопросу объ изученіи русскаго языка въ инородческ. школахъ, но за неимѣніемъ свободного времени ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Какъ Вамъ извѣстно, въ последнее время инородческимъ школамъ для изученія русск. языка стали навязывать недавно вошедшій въ моду натуральный методъ Берлица, совершенно исключающій пользованіе роднымъ языкомъ. Мы, инородцы, не сочувствуемъ этому методу, не можемъ принять его со всѣми его крайностями (нѣкоторые полезные приемы этого метода мы уже приняли и пользуемся ими въ школахъ), и желаемъ въ преподаваніи школьныхъ предметовъ вообще и въ изученіи русскаго языка—въ частности—держаться тѣхъ методовъ и приемовъ, какіе употребляли намъ Н. И. Ильминскимъ и которые практикуются у насъ болѣе 30 лѣтъ. Насъ за это обвиняютъ въ сепаратизмъ, въ противленіи всему „русскому“ и въ стремленіи къ развитію и удержанію національнаго языка. Такое обвиненіе, естественно, вызываетъ въ насъ горькое и обидное чувство. Если мы хотимъ удержатъ родной языкъ въ школѣ и не можемъ принять метода Берлица,

то на это имѣются и насъ серьезныя основанія. Во 1-хъ родной языкъ нуженъ намъ въ школахъ въ цѣляхъ воспитательныхъ. Мы хотимъ сдѣлать инородца русскимъ не только по языку но и по духу, по убѣжденіямъ и симпатіямъ, и сдѣлать его не только русскимъ, но и христіаниномъ. А развѣ можно реформировать внутреннее „я“ инородца при преподаваніи школьныхъ предметовъ на чужомъ языкѣ, съ тѣмъ жалкимъ запасомъ словъ, какой можно получить при помощи метода Берлица въ теченіе не 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, а даже 6-ти, 7—лѣтъ, хотя-бы даже при опытномъ и умѣломъ преподавателѣ. Это — аксіома, очевидная для всякаго не предубѣжденнаго человѣка, а потому не стану на ней останавливаться. Во 2-хъ, даже *только въ цѣляхъ изученія языка* методъ Берлица оказывается не такъ-то хорошъ, какъ онъ казался на первыхъ порахъ въ періодъ увлеченія имъ, какъ модной новинкой. Въ послѣднее время начали уже сознавать его крайности и недостатки. Я интересовался давно этимъ вопросомъ и внимательно слѣдилъ за его литературой. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстны по этому вопросу слѣдующія книги и брошюры; 1) А. Трескинъ. Книжка—бесѣда для нач. обученія русск. языку въ инородч. школахъ, ч. I и II.; 2) Цѣли и приемы преподаванія русск. языка въ инород. школахъ Ривесманъ; 3) Я. Гогешавили. Разборъ учебн. руковод. по русск. языку; 4) „Образованіе“ 1900 г., декабрь, въ хроникѣ—„Преобразование школъ въ нѣмецк. колоніяхъ“; 5) Н. Бобровниковъ. Что такое хорошій урокъ? (см. о натуральн. методѣ стр. 112); 6) натуральн. методъ преподаванія иностран. языковъ, В. Фармаковского, въ ж. „Образов.“ за 1894 г., № 4; 7) О первонач. препод. „иностран. языковъ“, П. Огороковой, въ ж. „Семья и школа“ за 1873 г., № 9; 8) Примѣненіе „естественнаго“ метода новыхъ языковъ во Франціи: методы Гуяна и Гаррѣ. Д-ра Гартмана, перев. Валлинга; 9) Распространеніе „естеств.“ метода изученія языковъ въ Америкѣ и значеніе америк. метода для Россіи. П. Мижуева, въ ж. „Русск. Шк.“ за 1894 г., № 4; 10) ж. „Гор. и Сельск. учитель“ за 1898 г., вып. II; 11) Вѣстн. Воспит. 1902, май; 12) ж. „Духовн. Вѣстн. Грузин. экзархата 1902, №№ 21—22; 13) Ушинскій Собр., педагог. соч., СПб. 1875., стр. 202, 207, 379, 214, 380; 14) Миропольскій Задачи, планъ и основа устр. народн. шк. СПб. 1884 г., стр. 52—53, 115, 168; 15) Педагог. Сборн.,

1904, сент. и окт. (прекрасная статья Житомирского), 16) Отчеты Киевск. Коммерч. Училища за 1898—9 и 1899—1900 уч. годы. Ознакомившись съ указанной литературой, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что 1) методъ Берлица хорошъ только для дѣтей, 5—8 лѣтъ (а въ нашихъ школахъ учатся дѣти 8—13 лѣтъ), 2) что онъ м. б. примѣнимъ только при сообщеніи дѣтямъ конкретныхъ понятій, и не годится для сообщенія отвлеченныхъ (а какъ намъ въ миссіонерско-иностранческихъ школахъ можно обходиться безъ отвлеченныхъ понятій?). 3) что при помощи натур. метода можно сообщить ученикамъ только весьма ограниченный запасъ словъ, т. к. часто на объясненіе двухъ—трехъ словъ приходится убивать цѣлый часъ времени, тогда какъ достаточно было-бы на это двухъ минутъ, если перевести эти непонятныя слова на родной языкъ; 4) что и по натуральному методу успѣшно можетъ преподавать чужой языкъ только тотъ учитель, который самъ основательно знаетъ языкъ своихъ учениковъ, т. к. въ противномъ случаѣ онъ не въ состояніи контролировать, вѣрно-ли поняли его ученики, или нѣтъ. Заслуги лицъ, занимавшихся разработкой натур. метода, заключаются въ томъ, что они первые разъяснили весь вредъ и непригодность того метода изученія иностр. языковъ, какой практиковался и практикуется въ средн. учебн. заведенияхъ. М. Н. Пр., т. е. изученія языковъ при помощи грамматики и словаря. Но мы въ иностранч. школахъ и безъ того обучали и обучаемъ учениковъ русск. языку не посредствомъ грамматики и словаря, а практически, путемъ устныхъ упражненій въ русск. разговорн. языкѣ и черезъ чтеніе русскихъ книгъ, т. е. такимъ методомъ который очень близко подходитъ къ натуральному. Разница нашего метода отъ натурального состоитъ лишь въ томъ, что мы при чтеніи русскихъ статей и во время упражненій въ устномъ разговорн. языкѣ непонятныя слова и выраженія объясняемъ не при помощи русск. языка, т. к. это требуетъ слишкомъ много времени, а иногда и совершенно невозможно (отвлеч. понятія), а черезъ переводъ на родной языкъ. Дѣлаемъ мы такъ, конечно, не потому, что не желаемъ обучить своихъ учениковъ русск. языку (въ такомъ случаѣ мы вообще противились-бы введенію русск. языка въ наши школы), а потому, что 30-ти лѣтняя практика убѣдила насъ въ томъ, что этимъ путемъ можно достигъ лучшихъ успѣховъ въ русск. языкѣ. А я

убѣжденъ, что мы въ школахъ достигаемъ несравненно большихъ успѣховъ, въ русск. языкѣ чѣмъ—учителя, преподающіе иностр. языки по натур. методу. У насъ чувашленокъ, изучавшій въ школѣ русск. языкъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, при окончаніи курса въ состояніи бываетъ сносно объясняться на русск. языкѣ и болѣе или менѣе правильно излагать свои мысли на бумагѣ (по русски); русскія книжки, изложенныя на простонарод. языкѣ, отлично могутъ понимать всѣ чуваші, кончившіе курсъ въ школѣ. Такихъ успѣховъ пока еще не достигали поклонники натурального метода.

Священникъ *К. Прокопѣвъ*.
(изъ чувашъ).

О чувашах Ядринскаго уѣзда, Казанской губ.

Почти всю территорию Ядринскаго уѣзда занимают чувашеинородцы. Мрачна и жалка жизнь этих чувашъ. Жилищемъ большинства ихъ являются убогія, тѣсныя, темныя избенки съ соломенными крышами, а то и безъ крышъ, съ одной или двумя дырами вмѣсто оконъ. Внутри ихъ особой запахъ копоти, міазмы, которые въ нихъ сгущаются вслѣдствіе скученности отъ людей, телятъ, ягнятъ, цыплятъ и проч.; въ переднемъ углу закоптѣлая икона съ ликомъ какого-либо святаго, о которомъ обитатели ничего не знаютъ; вдоль стѣнъ узкія скамьи, впереди немудрачій столикъ; черный полъ, покрытый грязью и всякаго сорта навозомъ; по стѣнамъ безчисленные тараканы, а въ щеляхъ стѣн клопы. — На дворѣ плохая телѣга, сани, ковырялка—соха и борона съ деревянными зубьями, упряжь, сплетенная изъ веревокъ, рѣдко кожаная; одна, у немногихъ двѣ—три худыя заморенныя и слабенькія лошаденки и такія же коровы съ 5—6 овечками. Въ моей родной деревнѣ Мунъ-Ялахъ 92 домохозяина. Изъ нихъ около 17 домохозяевъ коровъ вовсе не имѣютъ, а 6—7 домохозяевъ не имѣютъ лошадей; $\frac{3}{4}$ жителей не имѣетъ возможности прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. Питаются больше однимъ ржанымъ хлѣбомъ и картофелемъ, если таковой уродится; у рѣдкихъ иногда появляется на столѣ мясо въ небольшомъ количествѣ. Масло, яйца, картофель, капуста, идутъ въ продажу для уплаты податей. Благодаря этому у насъ въ деревнѣ недоимокъ нѣтъ. Ремеслъ вовсе не знаютъ. Неотразимыя потребности голодной жизни многихъ заставляютъ добывать матеріальныя средства нечестнымъ путемъ—воровствомъ. Нынче

лѣтомъ, въ бытность мою въ деревнѣ, у мужика Ефима Григорьева въ продолженіе двухъ ночей утащили пять курицъ; у двоихъ зарѣзали барановъ; прошлою зимою ночью у крестьянина Ивана Григорьева разломали двери вѣтрянки, находящейся на краю деревни, и увезли нѣсколько пудовъ муки; меня нынче никто изъ родственниковъ не пригласилъ къ себѣ по обыкновенію въ гости для свиданія, не имѣя, какъ выразился одинъ изъ нихъ, чѣмъ угостить меня.

Вслѣдствіе полуголодной и грязной жизни является необычайное развитіе внутреннихъ и кожныхъ заболѣваній и ужасающая смертность дѣтей. Трахома въ каждомъ домѣ. Въ нашей деревнѣ въ послѣдніе два—три года ослѣпли болѣе 10-ти женщинъ и въ томъ числѣ моя бабушка. Докторовъ боятся и избѣгаютъ. Лѣчутся у юмзей. Въ нашей деревнѣ три юмзи. Одна изъ нихъ *Анна агай* пользуется величайшимъ авторитетомъ. Къ ней, прѣзжаютъ чувашіи изъ-за 50—60 верстъ просить у нея совѣта, помощи и указаній въ случаѣ заболѣваній и вообще домашняго неблагополучія.

Вѣчно занятые тревожными вопросами желудка, ядринскіе чувашіи, кажется, незамѣтно но постепенно вымираютъ, духовная жизнь ихъ падаетъ. Вѣрнѣйшимъ признакомъ этого служитъ постепенное исчезновеніе пѣсенъ у Ядринскихъ чувашъ.

Всѣ чувашіи Ядринскаго уѣзда носятъ христіанское имя, но все же людей съ болѣе или менѣе истинными христіанскими представленіями между ними очень мало. Есть чувашіи, которые въ храмъ Божіемъ бываютъ не болѣе 6—7 разъ въ своей жизни, именно: при своемъ крещеніи, женитьбѣ, при крещеніи своихъ дѣтей и смерти ихъ. Христіанская вѣра по понятіямъ большинства чувашъ вѣра чужая, а христіанскіе святыи и изображеніе ихъ—боги чужіе, не добрые. Напримѣръ Св. Николая Чудотворца чувашки называютъ „русскій Богъ, капризный Богъ, злой Богъ“. На исповѣдь, на похороны, крещеніе, бракъ большинство еще продолжаетъ смотрѣть какъ на эксплуатацію духовныхъ лицъ. Послѣдніе по представленію чувашъ Ядрин. у. ни больше, ни меньше какъ чиновники и притомъ капризные и жадные, которыхъ надо содержать на общественныя приходскія средства. Наши чувашіи говорятъ: „поповскіе глаза—погребѣ отверстіе“ (жадные).

Многіе изъ молодого поколѣнія чувашъ, воспитавшіеся въ народныхъ училищахъ на церковно-христіанскихъ началахъ системы Ильминскаго, чужды такихъ невѣрныхъ взглядовъ, но въ общей массѣ неграмотныхъ вовсе они незамѣтны. Напротивъ громадное большинство дѣтей школьниковъ по выходѣ изъ школы многое изъ воспринятаго забываютъ и даже подъ вліяніемъ старшихъ членовъ родной семьи воспринимаютъ традиціонныя вѣрованія и обычаи родного язычества. Такъ изъ восьми моихъ товарищей, учившихся со мною въ школѣ, всѣ живутъ какъ прочіе чуваше, исполняютъ языческіе обряды и обычаи. Это объясняется съ одной стороны отсутствіемъ чувашскихъ книгъ для внѣшкольнаго чтенія, а русскія имъ не понятны за недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, который въ четыре зимы отрывочныхъ занятій дѣйствительно (физически) невозможно усвоить и сдѣлать орудіемъ мысли. Не малую роль играетъ здѣсь и то обстоятельство, что въ Ядринскомъ уѣздѣ почти всѣ священники русскіе, и церковное богослуженіе ими совершается на славянскомъ языкѣ, который не одинъ чувашенинъ не понимаетъ.

Учитель П. (изъ чувашъ).

Девлезеркинское инородческое (чувашское) училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи.

1.

Село Девлезеркино.

Село Девлезеркино находится въ Костюнькинской волости, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи, на границѣ Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи. Село Девлезеркино населено русскими и чувашами. Русскіе поселились послѣ освобожденія крестьянъ, а до этого времени русскихъ въ селѣ не было.

Число жителей въ селѣ Девлезеркинѣ было:

1818 году:	88 дворовъ	442 д. м. п.	437 д. ж. п.	} чувашъ.
1850 "	118 "	472 " " "	482 " " "	
1880 "	234 "	796 " " "	825 " " "	} чувашъ и русскихъ.
1890 "	273 "	926 " " "	929 " " "	
1902 "	312 "	953 " " "	967 " " "	} чувашъ.
	35 "	110 " " "	134 " " "	
				русскихъ.

Ближайшія села и деревни слѣдующія: въ Бугульминскомъ уѣздѣ: 1) деревня Лашманкино—въ 5 верстахъ, чуваши; 2) село Петровское (8 вер.)—русскіе; 3) деревня Полянки (8 в.)—русскіе; 4) Васькино (9 в.)—чуваши; 5) Артюшкино (9 вер.)—русскіе и чуваши; 6) Старо-Урметево (8 вер.)—чуваши православныя, язычники и мордва. Чистопольскаго уѣзда: 1) деревня Аделяково въ 5 вер.—чуваши; 2) село Челно-Вершины въ 6 вер.—русскіе, чуваши и татары-магометане; 3) село Ток-

макла въ 8 вер.—русскіе и чуваші; 4) село Седѣлькино въ 12 вер. русскіе, мордва и чуваші.

Вообще, кругомъ села Девлезеркинѣ живутъ чуваші и русскіе; магометанѣ и язычниковѣ немного.

Приходъ въ селѣ Девлезеркинѣ открытъ въ 1757 году; первый храмъ построенъ въ 1757 г.; второй, на мѣсто перваго—1787 г.; третій, на мѣсто втораго—въ 1899 году заложенъ. Первые два храма были деревянныя, послѣдній каменный.

Священноцерковныя служители.

До 1882 года всѣ священники въ селѣ Девлезеркинѣ были русскіе, не знающіе чувашскаго языка. Богослуженіе совершалось исключительно на церковно-славянскомъ языкѣ; проповѣдь Слова Божія на родномъ языкѣ чувашъ никогда не говорилась. Съ 1882 года въ с. Девлезеркино священники назначались изъ инородцевъ-чувашъ.

Послѣдній священникъ изъ русскихъ былъ о. Воронцовъ, изъ духовной семинаріи. Онъ скончался въ 1881 году. Первый священникъ изъ чувашъ былъ Гавріилъ Іоанновичъ Перепелкинъ, изъ учителей Симбирской чувашской школы; онъ служилъ въ с. Девлезеркинѣ съ 1882 г. по 1893 г.

Послѣ о. Перепелкина въ селѣ Девлезеркинѣ служили слѣдующіе священники изъ чувашъ: Антоній Семеновъ Ивановъ, питомецъ Н. И. Ильминскаго; онъ служилъ съ 1893 по 1899 г. Владиміръ Константиновъ, воспитанникъ Симбирской чувашской школы; Михаилъ Степановъ, воспитанникъ Н. И. Ильминскаго; Михаилъ Никитинъ и Даніилъ Филипповъ, воспитанники Симбирской чувашской школы.

Псаломщиками до 1896 года служили русскіе, незнающіе говорить по чувашски, а съ 1896 г. служатъ чуваші.

Религіозно-нравственное состояніе чувашъ села Девлезеркина.

Чуваші села Девлезеркина просвѣщены св. крещеніемъ лѣтъ 150 тому назадъ. Язычниковъ среди нихъ нѣтъ. Храмъ въ селѣ

имѣется около 150 лѣтъ. Нужно-бы ожидать, что чуваша с. Девлезеркина давнымъ давно утверждены въ христіанствѣ, давнымъ давно оставили все языческое, не христіанское. На самомъ-же дѣлѣ до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго 19 столѣтія ничего подобнаго не было; какими они были до принятія св. крещенія, такими они и оставались. Почти совершенное незнаніе главныхъ истинъ исповѣдуемой ими христіанской вѣры, машинальное исполненіе нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, холодность къ церковному богослуженію и исполненію долга исповѣди и св. причастія, несоблюденіе церковныхъ праздниковъ и постовъ, незаконное сожителство, открытое совершеніе языческихъ моленій—вотъ что замѣчалось въ чувашахъ с. Девлезеркина лѣтъ 25—30 тому назадъ. Они, какъ разсказываютъ теперь сами чуваша, мало проявляли видимыхъ дѣлъ христіанскаго ученія: язычество было во всей своей силѣ, кругомъ селенія было нѣсколько кереметей (священныя роши), гдѣ чуваша открыто совершали свои языческія жертвоприношенія, въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ обращались къ своимъ ворожцамъ и по совѣту ихъ дѣлали „чуклеме“, т. е. моляны разнымъ злымъ духамъ. Браки и похороны совершались по языческому обычаю. Вообще, въ нихъ не было ничего христіанскаго, христіанами считались только по имени, христіанскія обязанности исполняли формально, безъ всякаго пониманія важности и спасительности ихъ. Причиной такого ихъ невѣжества и холодности къ христіанской религіи, главнымъ образомъ служило отсутствіе въ селѣ школы, гдѣ бы чуваша могли просвѣщаться и слушать проповѣди о христіанской вѣрѣ на ихъ родномъ языкѣ; затѣмъ отчужденіе ихъ отъ русскаго населенія, ихъ несообщительность съ русскими, ихъ незнаніе русскаго языка и холодное отношеніе къ нимъ русскаго народа и русскаго духовенства. Русскіе чувашъ презирали, чуваша русскихъ не любили и боялись ихъ. Мѣстное духовенство о христіанскомъ просвѣщеніи чувашъ нисколько не заботилось, да оно и не могло просвѣщать ихъ, такъ какъ не понимало чувашскаго языка. Нѣкоторые члены причта служили въ селѣ Девлезеркинѣ болѣе 25—35 лѣтъ, между тѣмъ не знали ни одного чувашскаго слова. Безъ знанія языка инородцевъ, невозможно просвѣщать ихъ и вывести изъ языческаго заблужденія. Пастырю церкви знаніе языка своихъ пасо-

мых совершенно необходимо. Пастырь церкви, не зная языка и жизни своих пасомых, не может входить въ тѣсное духовное общеніе съ своими пасомыми, а потому и не может оказывать на нихъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія. Иностранцы, благодаря полной духовной обособленности и отчужденности отъ своихъ пастырей остаются по душѣ такими-же язычниками, какими они были до крещенія. Вотъ почему чуваші села Девлезеркина, несмотря на свою долготѣтную принадлежность къ христіанской вѣрѣ, оставались по жизни язычниками.

Съ открытіемъ въ с. Девлезеркинѣ школы и назначеніемъ священника изъ природныхъ чувашъ, дѣло христіанскаго образованія и просвѣщенія чувашъ было поставлено по системѣ Н. И. Ильминскаго. Въ настоящее время религіозно-нравственное состояніе чувашъ с. Девлезеркина совершенно другое, — христіанское, ничего незамѣтно языческаго. О своихъ прежнихъ языческихъ заблужденіяхъ они вспоминаютъ съ сожалѣніемъ. Они иронически спрашиваютъ: „что мы дѣлали и кому мы служили лѣтъ 25—30 тому назадъ?“ И отвѣчаютъ: „служили мы не Богу, а діаволу“.

2.

Девлезеркинское инородческое М. Н. П. училище.

Девлезеркинское одноклассное инородческое М. Н. П. училище открыто въ 1871 году. До открытія этого училища года за три въ селѣ Девлезеркинѣ была открыта въ церковной сторожкѣ школа грамоты, гдѣ дѣтей обучалъ мѣстный псаломщикъ Іона Виноградовъ. Учащихся въ этой школѣ было немного, человекъ 8—15. Псаломщикъ этотъ не имѣлъ педагогическаго образованія, совершенно не зналъ чувашскаго языка, въ школѣ занимался весьма неохотно, по принужденію начальства, а потому не могъ достигнуть никакихъ результатовъ.

До открытія Девлезеркинскаго инородческаго училища нигдѣ вблизи не имѣлось училища, кромѣ Седѣлькинскаго земскаго училища, Чистопольскаго уѣзда. Это было первое училище на все окрестное инородческое населеніе Бугульминскаго уѣзда, первый разсадникъ христіанскаго образованія и просвѣщенія

среди темного, невѣственного, грубаго языческаго населенія. Въ распространеніи свѣтлыхъ лучей христіанства среди чувашъ Бугульминскаго уѣзда Девлезеркинское училище сдѣлало весьма много и продолжаетъ дѣйствовать. Его питомцы всюду въ своихъ домахъ и даже далеко за предѣлами своего села распространяютъ полученныя свѣдѣнія среди своихъ сородичей чувашъ. Съ распространеніемъ школъ, грамоты въ деревняхъ, питомцы Девлезеркинскаго училища съ чувашскою книгою въ рукахъ и со Христомъ въ сердцахъ появились за 100—150 верстъ отъ своей родины.

Кто же постарался открыть въ селѣ Девлезеркинѣ училище? Сами ли чуваши, или ихъ пастырь? По свидѣтельству современниковъ, эта благая мысль пришла пастырю Церкви о. Воронцову. Сами чуваше къ этому добродѣлю относились холодно. Чуваше мало заботились объ ученіи своихъ дѣтей грамотѣ; на грамотность смотрѣли они не какъ на средство къ просвѣщенію, какъ теперь смотрятъ, а какъ на условіе къ полученію должности сельскаго писаря. Это вполне понятно. Пренія школы, школы общаго типа, инородцамъ не давали христіанскаго воспитанія, просвѣщенія и образованія, отъ нихъ они не видѣли никакой пользы для себя. Чуваше с. Девлезеркина, обучавшіеся въ преніихъ русскихъ школахъ, были первые *міропыды*, *каштаны*, первые язычники по жизни. Тогда чуваше говорили, что имъ грамотность совсѣмъ не нужна, потому что грамотность, по ихъ мнѣнію и наблюденію, *портитъ людей*. Притомъ же грамотность давалась имъ не легко. Объ образованіи дѣвочекъ чуваше не имѣли положительно никакого понятія.

Такъ смотрѣли чуваше на грамотность; они въ школы не нуждались, а потому и къ открытію ея относились холодно. Такое отношеніе къ школамъ хорошо характеризуетъ ихъ приговоръ, данный ими при открытіи нынѣ существующаго училища. Вотъ этотъ приговоръ (ореографія сохрѣнена):

„1871 года ноября 5 дня мы нижеподписавшіеся Самарской губерніи, Бугульминскаго уѣзда, Костюнькинской волости села Девлезеркина Государственные крестьяне бывъ на единовременной мірской сходкѣ въ присутствіи мѣстнаго священника и г. Инспектора училищъ Самарской губерніи и снашей стороны депутата, старшины Андрея Яковлева въ слѣдствіе предложенія

г. Инспектора а) желаемъ ли мы имѣть у себя казенное училище, съ общаго нашего согласія изъявили полное желаніе имѣть у себя училище, а чтобы Правительство зря не тратило для нашей же пользы деньги, обязуемся съ своей стороны чтобы тѣхъ мальчиковъ которые будутъ записаны ходили бы въ училище обязательно безъ пропущенія исключая времени съ 15 апрѣля по 15 мая и съ 29 іюня по 1 сентября б) не желаемъ ли продать подъ училище церковную караулку: съ общаго нашего согласія мы продали г. Инспектору караулку за 90 руб., но стѣмъ чтобы церковные сторожа жили бы въ ней до постройки новой караулки въ чемъ и даемъ этотъ приговоръ г. Инспектору училищъ. Далѣе подписи крестьянъ. Чтобы взятъ этотъ приговоръ, инспектору и мѣстному священнику долго пришлось убѣждать чувашъ въ пользу школы, они долго не соглашались имѣть у себя школу.

Въ этомъ приговорѣ ни объ отводѣ земли подъ училище, ни о пособіи со стороны общества, не только деньгами, но и натурою, какъ, напр. доставка матеріаловъ при постройкѣ училищнаго зданія, не говорится. Бѣдное училище кое-какъ пріютилось на церковной площади, рядомъ съ церковью (въ 10 саженьяхъ), безъ всякой матеріальной помощи со стороны общества. Изъ всего этого можно заключить, что общество къ открытію новаго училища отнеслось несочувственно. Если бы было нѣкоторое сочувствіе, то общество бы: 1) пришло на помощь казнѣ: а) единовременнымъ пособіемъ, б) ежегодною ассигновкою на содержаніе училища и в) могло бы взять на себя натуральную повинность; 2) отвело бы землю подъ училище, установленную закономъ въ положеніи о двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищахъ и 3) могло бы старую сторожку отдать даромъ.

Вотъ среди какихъ обстоятельствъ и какого люда открылось Девлезеркинское Министерства Народнаго Просвѣщенія училище. Девлезеркинское общество не принимало никакого участія при постройкѣ школьнаго зданія и не расходовало на содержаніе его ни одной копѣйки, всю заботу по постройкѣ школьнаго зданія и по его содержанію Правительство приняло на себя. Эта забота Правительства продолжается и до настоящаго времени, какъ со стороны матеріальной поддержки, такъ и со стороны

обезпеченія болѣе правильной, болѣе разумной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ.

Почему первое инородческое училище въ Самарской губерніи открыто въ с. Девлезеркинѣ, а не въ другомъ какомъ-нибудь инородческомъ селѣ? За неимѣніемъ никакихъ документальныхъ данныхъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить. Есть предположеніе, что инородцы другихъ селеній, гдѣ Правительство предполагало имѣть инородческую школу, совершенно отказались открыть школу, а чувашіи села Девлезеркина дали свое согласіе на открытіе школы, но только съ тѣмъ, чтобы съ нихъ на постройку и содержаніе этой школы ничего не требовали, ничѣмъ ихъ не беспокоили.

Къ постройкѣ училищнаго зданія было приступлено, какъ нужно полагать, лѣтомъ 1872 года и окончено къ началу 1872—1873 учебнаго года.

Училищное зданіе небольшое. Въ первые годы существованія школы, когда въ ней обучалось не болѣе 30—35 человѣкъ, это зданіе было вполне достаточное и удовлетворительное въ гигиеническомъ отношеніи. Въ настоящее же время въ немъ положительно невозможно заниматься: оно тѣсное, грязное, весьма ветхое и грозитъ паденіемъ.

Теперь въ с. Девлезеркинѣ строится новое училищное зданіе, но когда оно будетъ готово, трудно сказать, такъ какъ сумма, отпущенная на его постройку, совершенно недостаточна.

Подъ постройку новаго школьнаго зданія чувашіи с. Девлезеркина приговоромъ отвели вполне достаточное количество земли. Приговоръ былъ написанъ еще въ 1899 году.

Учащіе.

Первымъ учителемъ былъ, какъ говорятъ, Тимофей Петровичъ (фамилія неизвѣстна), тихо и мирно скончавшійся въ стѣнахъ этого училищнаго дома. Онъ сдѣлался жертвою страшной болѣзни — чахотки. Онъ былъ изъ чувашъ, но гдѣ получилъ образованіе, неизвѣстно. Дѣятельность свою онъ не могъ проявить по слабости здоровья и краткаго пребыванія въ училищѣ — всего около 1½ года. Но онъ среди народа сохранилъ добрую память чловѣка тихаго, любезнаго.

Вторымъ учителемъ былъ Иванъ Самойловичъ Бѣлонуховъ, сынъ священника. Онъ пробылъ учителемъ совсѣмъ не долго, приблизительно мѣсяцевъ пять.

Послѣ Бѣлонухова Девлезеркинское училище года 2—4 находилось безъ учителя, подъ завѣдываніемъ мѣстнаго священника о. Воронцова.

Въ началѣ сентября 1877 г. былъ назначенъ учителемъ Прокопій Михайловичъ Михайловъ, изъ инородцевъ-чуваши, сынъ крестьянина с. Аликова, Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи. Онъ окончилъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи; учителемъ опредѣленъ по окончаніи курса 8 сентября 1877 г. Періодъ его учительства обнимаетъ съ 8 сентября 1877 г. по 8 августа 1883 г. Изъ его дѣятельности мало что извѣстно. Учениковъ при немъ наибольшее количество достигало 50 человекъ, окончилъ курсъ на льготу IV разряда по отбываніи воинской повинности 15 мальчиковъ. Но при немъ училище показало себя народу, хотя далеко и не полно.

Послѣ П. Михайлова съ 1883 по 1893 г. Девлезеркинское училище въ стѣнахъ своихъ видѣло многихъ тружениковъ. Этотъ періодъ обнимаетъ дѣятельность шести учителей. Хотя въ этотъ періодъ была частая перемѣна учителей, но зато періодъ этотъ весьма плодотворный. Въ это время Девлезеркинское училище вполне соответствовало своему назначенію. На помощь школамъ въ этихъ годахъ появилось множество весьма цѣнныхъ чувашскихъ изданій, привлекавшихъ вниманіе чувашъ. Появились специально подготовленные учителя и даже священники и діаконы изъ инородцевъ—воспитанники Казанской учительской семинаріи и Симбирской чувашской учительской школы. Такимъ образомъ, между чувашами стало дѣйствовать живое слово двумя путями: на молодое поколѣніе чрезъ школу, а на взрослыхъ—съ церковной кафедры.

Въ 1882 году въ село Девлезеркино во священники поступилъ природный чувашинъ о. Гавріиль Перепелкинъ, который очень горячо взялся за дѣло просвѣщенія мѣстныхъ инородцевъ и принесъ не малую пользу св. Церкви. А въ 1883 году, какъ бы ему на помощь, поступилъ учителемъ въ Девлезеркинское училище Феодоръ Никифоровичъ Никифоровъ, только что окончившій курсъ въ Симбирской чувашской учительской школѣ.

Какъ человекъ молодой и со свѣжими силами, онъ горячо принялся за дѣло и имѣлъ блестящій успѣхъ.

Въ продолженіи одного года изъ учениковъ онъ устроилъ прекрасный церковный хоръ. Здѣсь чуваша впервые вобщемъ увидѣли и услышали своихъ дѣтей прекрасно поющими предъ св. алтаремъ. Это открыло имъ глаза и они впервые убѣдились въ несомнѣнной пользѣ школы. Съ этого времени начинается наплывъ учащихся. Съ этого же времени Девлезеркинское училище загремѣло въ окрестности. Со всѣхъ сторонъ устремились чуваша въ с. Девлезеркино послушать церковную службу на своемъ родномъ языкѣ, а, главное, послушать пѣніе чувашлятъ. Приходили изъ-за 100—150 верстъ. Велика была радость у чувашъ и у ихъ дѣтей! Чуваша какъ бы проснулись отъ глубокаго духовнаго сна.

Теодоръ Никифоровъ въ с. Девлезеркинѣ былъ учителемъ только одинъ годъ. Онъ поступилъ учиться въ Симбирскую духовную семинарію, а потомъ въ Московскую духовную академію; окончилъ курсъ высшихъ богословскихъ наукъ въ Казанской духовной академіи. Въ настоящее время онъ состоитъ преподавателемъ въ Казанской инородческой учительской семинаріи. Преимениками Ѳ. Никифорова были:

1) Филиппъ Семеновичъ Каташевъ—воспитанникъ Симбирской чувашской учительской школы; онъ былъ съ 1 сентября 1884 г. по 4 декабря того же года.

2) Петръ Александровичъ Александровъ, изъ чувашъ, съ 4 декабря 1884 г. по 19 августа 1886 г.

3) Θεопемтъ Анисимовичъ Сергѣевъ (русскій), съ 1 октября 1886 г. по 20 сентября 1888 г.

4) Яковъ Петровичъ Петровъ, изъ чувашъ, съ 20 октября 1888 г. по 1 сентября 1891 г.

5) Александръ Семеновичъ Михайловъ, воспитанникъ Симбирской чувашской учительской школы, изъ чувашъ, съ 1 сентября 1891 г. по 1 января 1894 г.

6) Григорій Алексѣевичъ Алексѣевъ, воспитанникъ Симбирской чувашской учительской школы, изъ чувашъ, съ 1 августа 1894 г. по настоящее время. Съ 1 января 1894 г. до конца учебнаго года въ школѣ по всѣмъ предметамъ занимался законоучитель свящ. А. Ивановъ.

Учителя Яковъ Петровъ и Александръ Михайловъ въ настоящее время служатъ священниками.

Такимъ образомъ въ Девлезеркинскомъ училищѣ съ начала его существованія до настоящаго времени было 10 учителей. Всѣ учителя занимались въ школахъ весьма усердно, преемники Ѳ. Никифорова продолжали начатое имъ дѣло—дѣло веденія церковнаго пѣнія, которое здѣсь поставлено весьма хорошо.

При школахъ имѣется хоръ, въ которомъ участвуютъ всѣ учащіяся и много взрослыхъ. Пѣніе этого хора производитъ своей оригинальностью сильное впечатлѣніе не только на сердца самихъ чувашъ, дѣти, которыхъ участвуютъ въ хорѣ, но и на людей, для которыхъ дѣло просвѣщенія язычниковъ свѣтомъ истины Христовой дорого. Въ этомъ случаѣ нельзя не упомянуть тѣхъ радостныхъ чувашъ и той благодарности, какую высказалъ преосвященный Самарскій Гурій, при посѣщеніи имъ храма въ с. Девлезеркинѣ, въ 1893 г., когда онъ впервые услышалъ стройное гармоничное пѣніе чувашлятъ на ихъ національномъ нарѣчій. Въ благодарность за такое по истинѣ рѣдкое явленіе, преосвященный Гурій удостоилъ посвященіемъ въ стихарь двоихъ руководителей хора пѣвчихъ: учителя мѣстнаго училища Александра Михайлова и крестьянина с. Девлезеркина Илью Діомидова. Послѣдній въ настоящее время служитъ псаломщикомъ въ с. Ново-Якушкинѣ, Бугурусланскаго уѣзда.

Тотъ же преосвященный, во вниманіе къ засвидѣтельствуванію священника с. Девлезеркина А. Иванова объ усердномъ занятіи церковнымъ пѣніемъ, при добромъ поведеніи, учителя Девлезеркинскаго училища Григорія Алексѣева, преподавалъ ему, свое архипастырское благословеніе съ грамотой апрѣля 20 дня 1898 г. за № 5219.

Изъ всѣхъ учителей Девлезеркинскаго училища больше всѣхъ трудился и трудится настоящій учитель Григорій Алексѣевъ. Онъ окончилъ курсъ въ Симбирской чувашской учительской школѣ въ 1879 году; сначала онъ былъ учителемъ около десяти лѣтъ въ Туарминской церковно-приходской школѣ, Бугульминскаго уѣзда, гдѣ онъ весьма много потрудился и оставилъ по себѣ добрую память. Потомъ онъ былъ учителемъ въ Симбирской губерніи; съ 1 августа 1894 г. состоитъ учите-

лемъ въ с. Девлезеркинѣ. Несмотря на свое болѣе двадцатипятилѣтнее служеніе въ должности сельскаго учителя, онъ не утратилъ интереса къ занятію съ учениками и весьма преданъ своему дѣлу. Чтобы быть болѣе 25 лѣтъ учителемъ въ инородческомъ селеніи, среди невѣжественнаго и бѣднаго инородческаго населенія и не потерять подъ бременемъ непосильной тяжести интереса къ своему дѣлу—нужно имѣть твердую волю и желѣзное здоровье. Вообще, жизнь сельскаго учителя, въ особенности инородческаго, устлана терніями, положеніе не гарантировано, участь его не красна, будущность безнадежна, старость его ждетъ со всеми ея невзгодами и лишеніями. Прошедшая жизнь съ грязной обстановкой школьной и домашней квартиры, при бѣдности матеріальнаго обезпеченія, при множествѣ нравственныхъ страданій, не представляетъ ничего отраднaго; будущая—грозитъ всеми невзгодами нищенской жизни, безъ средствъ, безъ пріюта. Несмотря на все это, учитель Алексѣевъ занимается въ школѣ съ любовью, нисколько не тяготясь своимъ положеніемъ. Онъ поставилъ школу въ учебно-воспитательномъ отношеніи весьма хорошо. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ число учившихся и окончившихъ при немъ курсъ и ревизіонныя замѣтки г.г. ревизоровъ.

До 1880 года по Закону Божію занимались сами учителя, что видно изъ одной бумаги г. инспектора Ивана Яковлева. Первый законоучитель былъ свящ. о. Воронцовъ; онъ назначенъ законоучителемъ 16 января 1880 года. Почему его раньше не назначали—неизвѣстно. Онъ былъ изъ русскихъ, по чувашски не зналъ, занимался по Закону Божію только въ старшемъ отдѣленіи, а въ младшемъ занимались учителя. Остальные законоучителя-священники села Девлезеркина всѣ были изъ чувашъ.

Священники и учителя изъ инородцевъ пользовались и пользуются среди чувашъ с. Девлезеркина полнѣйшимъ уваженіемъ и искреннею любовью. Когда одинъ изъ инородческихъ священниковъ с. Девлезеркина былъ переведенъ въ другой приходъ, то чуваша с. Девлезеркина отправили въ Самару депутацію съ прошеніемъ объ оставленіи священника. Въ этомъ прошеніи они выражали свою глубокую скорбь по случаю разлуки съ любимымъ пастыремъ и просьбу оставить его опять въ

приходѣ. „До него прихожане нашего села“, писали, между прочимъ, чуваши, „не имѣли такого пастыря. При немъ не было у насъ бѣдныхъ, потому что бѣднымъ даромъ полученное, даромъ и давалось. Прощаясь съ нимъ, мы плачемъ, плачутъ старики наши, женщины и дѣти“.

Учащіеся.

Обратимся теперь къ статистикѣ учившихся и окончившихъ курсъ въ Девлезеркинскомъ училищѣ.

Сколько человѣкъ обучалось въ училищѣ, въ первые годы его существованія, неизвѣстно; такъ какъ нѣтъ никакихъ документовъ. Нужно думать, что обучалось не болѣе 25—35 человѣкъ ежегодно. Съ 1880 г. число учащихся ежегодно увеличивается и иногда доходитъ до 70, хотя школьное помѣщеніе не позволяетъ принимать болѣе 30—40 человѣкъ. Въ школѣ страшная тѣснота! Въ 1893—1894 учебномъ году къ приему явилось 64 человѣка, но принято было только 34 человѣка, а остальнымъ въ приемъ отказано.

Для наглядности прилагаю нижеслѣдующую вѣдомость. До 1893-го года въ этой вѣдомости чуваши и русскіе обозначены въ одной графѣ.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ обучавшихся и окончившихъ
курсъ въ Девлезерканскомъ М. Н. П.
училищѣ съ 1878 г.

Г о д ы.	Обучавшихся.				Окончившихъ.			
	Русскихъ.		Чувашъ.		Русскихъ.		Чувашъ.	
	М.	Д.	М.	Д.	М.	Д.	М.	Д.
1878	»	»	28	»	»	»	»	»
1880	»	»	»	»	»	»	6	»
1881	»	»	44	5	»	»	5	»
1882	»	»	49	5	»	»	4	»
1883	»	»	52	5	»	»	»	»
1884	»	»	»	»	»	»	4	»
1886	»	»	56	2	»	»	8	»
1887	»	»	37	2	»	»	»	»
1888	»	»	»	»	»	»	6	1
1890	»	»	45	3	»	»	»	»
1891	»	»	54	10	»	»	9	»
1893	6	2	56	6	2	1	13	»
1894	5	2	53	4	»	»	»	»
1895	9	»	61	1	»	1	24	2
1896	9	»	52	1	»	»	»	»
1897	7	»	59	5	4	»	19	»
1898	7	»	39	4	»	»	»	»
1899	7	»	52	7	3	»	19	1
1900	8	1	42	5	»	»	»	»
1901	7	1	52	9	4	»	15	2
1902	8	3	46	7	»	»	»	»
1903	10	3	44	14	3	1	22	»
1904	10	3	37	7	»	»	»	»
И т о г о.	93	15	958	102	16	3	154	6

До 1893 г. свѣдѣнія о числѣ учившихся и окончившихъ курсъ имѣются не за всѣ годы, при томъ свѣдѣнія не точныя, съ 1893 года по настоящее время свѣдѣнія точныя.

До 1894 года по имѣющимся свѣдѣніямъ окончившихъ курсъ было 57 м. 2 д. Это почти за двадцать пять лѣтъ существованія школы. Быть можетъ, окончило курсъ и больше, но нѣтъ данныхъ. Чѣмъ объяснить такое малое количество окончившихъ курсъ со свѣдѣтельствами въ Девлезеркинскомъ училищѣ въ первые двадцать пять лѣтъ его существованія? Это можно объяснить тѣмъ, что 1) чуваші, при обученіи дѣтей стараются ограничиться меньшимъ, т. е. тратить времени какъ можно меньше (одинъ или два года), 2) частою переменою учителей, 3) отсутствіемъ занятій въ школѣ въ 1874—1876 гг., 4) чуваші на первыхъ порахъ мало были проникнуты сознаниемъ посылать дѣтей въ школу неопустительно и дать имъ время и возможность кончить курсъ и 5) дѣтей не отпускали, чтобы не лишиться помощника въ домѣ. Последнее, конечно, ничѣмъ не оправдывается. Какъ помощникъ въ занятіяхъ родителей 10—12 лѣтній мальчикъ очень плохой. Въ послѣднее-же время чуваші с. Девлезеркина прониклись большимъ сознаниемъ въ несомнѣнной пользѣ школы и стали посылать дѣтей въ школу неопустительно. За послѣднія десять лѣтъ, при учителѣ Алексѣевѣ (1894—1904), въ школѣ окончило курсъ: русскихъ 14 м. 2 д., чувашъ 99 м. 5 д., итого 113 м. 7 д., ежегодно по 12 чело-вѣкъ. А всего окончило курсъ 170 м. 9 д. Въ дѣйствительности окончившихъ курсъ должно быть больше.

При разсматриваніи статистики учившихся и окончившихъ курсъ опять возникаетъ вопросъ: „почему мало обучалось и окончило курсъ дѣвочекъ?“. Отвѣтъ: „потому что чуваші на образованіе женщинъ не обращаютъ еще серьезно вниманія и не находятъ въ этомъ особенной нужды. Дѣвочки обучаются въ школѣ одинъ или два года, потомъ оставляютъ школу, такъ какъ онѣ дома нужнѣе бываютъ, чѣмъ мальчики. Чуваші нянекъ не имѣютъ, няньками являются у нихъ 9—12 лѣтнія дѣвочки; съ 12 лѣтъ дѣвочки пріучаются къ хозяйству и исполняютъ всѣ легкія домашнія работы.

Вліяніе Девлезеркинскаго училища на мѣстное население.

Благодаря Девлезеркинскому училищу, среди чувашъ грамотность съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. При открытіи училища трудно было найти въ селѣ пять-шесть человѣкъ грамотныхъ, умѣющихъ мало-мальски читать и писать, а теперь число грамотныхъ доходитъ до 500 человѣкъ, не считая школьниковъ. По исповѣднымъ вѣдомостямъ въ с. Девлезеркинѣ грамотныхъ было:

въ 1890 г. 68 м. 7 ж. 75 обоого пола:

" 1896 " 135 " 26 " 161 " "

" 1900 " 391 " 86 " 477 " "

Свѣдѣнія эти неточныя и недостаточно правильныя.

Изъ числа окончившихъ курсъ нѣкоторые занимаютъ довольно видное положеніе въ обществѣ. По имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается: трое священниками, пятеро псаломщиками и учителями; обучаются: въ Казанской учительской семинаріи—2, въ Симбирской чувашской учительской школѣ—3, во второклассной школѣ—6.

Школа дѣлаетъ свое дѣло; она не только заботится объ умственномъ развитіи учащихся, но и о нравственномъ усовершенствованіи ихъ. Приучая учениковъ посѣщать церковь, школа развиваетъ въ нихъ любовь къ Богу, любовь къ христіанской вѣрѣ и отечеству. Главное вниманіе въ школѣ обращалось на религіозно-нравственное развитіе учащихся, что достигается посредствомъ чтенія книгъ священныхъ и религіозно-нравственного содержания и пѣнія молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній на родномъ языкѣ. Стройное хоровое пѣніе на родномъ языкѣ привлекало и привлекаетъ большое число вѣрующихъ въ храмъ Божій. Благодаря церковному пѣнію и богослуженію на родномъ языкѣ, число посѣщающихъ храмъ Божій въ воскресные и праздничные дни все увеличивается и усердіе къ исполненію христіанскихъ обязанностей видимо растетъ.

"Вотъ, лучшая иллюстрація пользы школы и церкви", писалъ одинъ изъ учителей Девлезеркинскаго училища въ 1893 г.

„Когда я только прибылъ въ село Девлезеркино, часа черезъ два пришла ко мнѣ въ школу чувашка, уже не молодая, размѣняя двугривенный на мелочь. Я размѣнялъ ей, и, не подозрѣвая ничего, спросилъ ее: „на что тебѣ мелочь? не къ ворожеѣ-ли собираешься идти?“ По ея лицу видно, что она моимъ вопросомъ обидѣлась и, послѣ непродолжительной паузы, выразилась: „ступай самъ!“ и ушла. Это меня очень удивило. Когда же въ послѣдствіи узналъ о религиозно-нравственномъ состояніи мѣстныхъ чувашъ, то убѣдился, что женщина эта отвѣтила справедливо, ибо разные вопросы, Киремети (священные роши, и др. такъ недавно почитаемыя мѣстными чувашами, отходятъ въ область преданія, легендъ и анекдотовъ“.

14 іюня 1895 года село Девлезеркино посѣтилъ преосвященный Гурій, епископъ Самарскій и Ставропольскій. Онъ въ своей проповѣди, обращенной къ мѣстнымъ чувашамъ, между прочимъ, говорилъ: „Я вотъ пріѣхалъ къ вамъ второй разъ (первый разъ онъ былъ въ 1893 г.). Что же меня побудило пріѣхать къ вамъ второй разъ? Я слышалъ о вашемъ усердіи къ храму Божию, о вашей вѣрѣ, и пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами помолиться Господу Богу, чтобы Онъ помогъ вамъ въ вашемъ спасеніи“.

Сущестующій деревянный храмъ въ с. Девлезеркинѣ давно не вмѣщалъ всѣхъ молящихся. Въ 1899 году чуваша села Девлезеркина заложили новый каменный храмъ, на постройку котораго отвели 300 десятинъ отличной земли. Въ настоящее время храмъ этотъ отстроенъ; по красотѣ и обширности онъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ сельскихъ храмовъ во всемъ Бугульминскомъ уѣздѣ.

Таковы плоды вліянія на инородцевъ системы приснопамятнаго просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго, система котораго во всемъ объемѣ употреблялась въ с. Девлезеркинѣ съ 1882 года.

Девлезеркинское училище, въ лицѣ своихъ преподавателей, знакомя учащихся съ истинами христіанской вѣры на родномъ языкѣ, старалось постепенно ознакомить ихъ и съ русскимъ языкомъ. Русскій языкъ въ школѣ всегда былъ поставленъ вполне удовлетворительно, дѣти изучали его охотно. Окончившіе курсъ русскимъ языкомъ владѣютъ хорошо, они свободно объясняются съ русскими, свободно поступаютъ учиться въ

учебныя заведенія. Девлезеркинскихъ чувашъ по знанію русскаго языка, сразу можно отличить отъ чувашъ другихъ сосѣднихъ селеній. Теперь они совсѣмъ не чуждаются русскихъ, какъ чуждались раньше, нѣкоторые окончившіе курсъ женились на русскихъ и совершенно обрусѣли.

Объ удовлетворительной постановкѣ въ училищѣ русскаго языка неоднократно свидѣтельствовали ревизующія училища лица. Приведу здѣсь нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ.

1) 4 декабря 1897 года инспекторъ народныхъ училищъ Веретенниковъ писалъ:

„Ученики средняго отдѣленія обнаруживаютъ умѣніе къ довольно свободному чтенію, съ объясненіемъ содержанія прочитаннаго, письмо значительнаго большинства учениковъ поддиктовку можно признать весьма удовлетворительнымъ какъ въ орфографическомъ, такъ и въ каллиграфическомъ отношеніи. Преподаваніе въ младшемъ отдѣленіи ведется пока на чувашскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ начальнаго обученія. Въ этомъ году младшіе обучались первый годъ, а средніе третій годъ.

Объ успѣхахъ этихъ же учениковъ 5 марта 1899 года тотъ же инспекторъ писалъ:

2) „Старшее отдѣленіе читаетъ свободно, съ сознательнымъ пониманіемъ предмета чтенія; изъ просмотрѣнныхъ мною 15 письменныхъ работъ учениковъ старшаго отдѣленія 12 работъ могутъ быть признаны весьма удовлетворительными (въ стилистическомъ, орфографическомъ и каллиграфическомъ отношеніи) и 3 работы удовлетворительными. Обученіе учениковъ церковному пѣнію ведется учителемъ училища г. Алексѣевымъ по моему мнѣнію весьма успѣшно“.

3) 8 марта 1901 г. онъ же писалъ:

„Ученики старшаго отдѣленія съ желательнымъ успѣхомъ выполняютъ самостоятельныя письменныя работы, имѣютъ навыкъ къ успѣшному производству умственнаго счета на 4 арифметическія дѣйствія надъ числами въ предѣлѣ 1,000; ученики старшаго отдѣленія читаютъ свободно, съ сознательнымъ пониманіемъ предмета чтенія“.

4) 27 ноября 1901 г. школу посѣтилъ мѣстный о. благочинный, свящ. Г. Орѣшниковъ и провѣрилъ успѣхи по Закону Божію. Онъ писалъ: „Ученики обоихъ отдѣленій изъ пройден-

наго рассказывали хорошо — средние по-русски, младшие по-чувашски. Молитвы знают твердо“.

5) Въ 1901—1902 учебномъ году инспекторомъ Веретенниковымъ успѣхи по русскому языку найдены хорошими.

6) 6 ноября 1902 г. училище посѣщено инспекторомъ Мазунинымъ.

Онъ писалъ: „Ученики младшаго отдѣленія съ удовлетворительнымъ успѣхомъ читаютъ по-русски и обнаруживаютъ достаточный навыкъ къ производству умственнаго счета въ предѣлѣ 100. Ученики старшаго отд. читаютъ по-русски довольно свободно и сознательно, толково пересказываютъ содержаніе прочитаннаго и съ замѣтною выразительностью читаютъ выученное наизусть. По церковно-славянски читаютъ ученики старшаго отдѣленія достаточно правильно и осмысленно переводятъ церковно-славянскій текстъ на русскій языкъ. Самостоятельныя письменныя работы по изложенію прочитаннаго выполняются учениками съ достаточнымъ успѣхомъ въ каллиграфическомъ, орфографическомъ и стилистическомъ отношеніи... Съ успѣхомъ весьма удовлетворительнымъ обучаются ученики церковному пѣнію.

7) Въ 1903 году тѣмъ-же инспекторомъ Мазунинымъ успѣхи по всѣмъ предметамъ въ обоихъ отдѣленіяхъ найдены весьма удовлетворительными. Онъ, между прочимъ, писалъ: „Вообще трудъ учителя Р. А. Алексѣева по обученію и воспитанію имѣющихъ Девлезеркинскаго училища заслуживаетъ одобренія.

Приведенныхъ отзывовъ достаточно. Остальные отзывы также хороши. Изъ нихъ видно, что успѣхи изъ русскаго языка въ училищѣ весьма удовлетворительны: статьи читаютъ свободно, бѣгло и вполне сознательно, прочитанное могутъ передавать связно и толково, диктовку и изложеніе статей пишутъ весьма удовлетворительно, по Закону Божію по-русски и по-чувашски отвѣчаютъ хорошо. Все это достигнуто благодаря постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла по системѣ Н. И. Ильминскаго.

Въ школахъ Ильминскаго инородческія дѣти воспитываются въ христіанскомъ духѣ, и въ то-же время, незамѣтно для насъ, *обрусѣютъ*, по душѣ становятся русскими. Здѣсь обрусѣніе происходитъ не насильственное, а добровольное. Инородцамъ не возбраняется говорить въ школѣ на своемъ родномъ языкѣ, рус-

ский языкъ имъ не насильно навязывается, а они сами, безъ всякаго принужденія, охотно его изучаютъ, а потому его и любить. Посредствомъ родного языка инородцы воспитываются, развиваются, укрѣпляются въ истинахъ христіанской вѣры съ самыхъ малыхъ лѣтъ и въ то-же время легко, свободно и скоро усваиваютъ русскій языкъ и воспринимаютъ русскую культуру. Совсѣмъ не то было, когда въ школѣ не употреблялся родной языкъ инородцевъ, когда обученіе велось съ первыхъ-же дней поступленія дѣтей въ школу на русскомъ языкѣ. Дѣтей, совершенно не умѣющихъ говорить по-русски, прямо сажали за русскій букварь и заставляли ихъ заучивать русскія слова и говорить по-русски. Такое обученіе было совершенно бесполезное, бессознательное, слишкомъ трудное для учителей и для учениковъ и не давало никакого развитія послѣднимъ..

Учитель Девлѣзеркинскаго училища Григорій Алексѣевъ, обучавшійся въ прежней школѣ, пишетъ: «про себя могу сказать, что на своей родинѣ я ходилъ четыре зимы въ сельскую школу, гдѣ учительствовалъ свящ. о. В. и вышелъ изъ школы безъ ничего, т. е. какимъ поступилъ, почти такимъ же вышелъ. Читалъ монотонно, безъ всякаго пониманія, писалъ, не зная даже никакихъ элементарныхъ правилъ, а про каллиграфію говорить стыдно, четыре ариѳметическія дѣйствія не усвоилъ надлежащимъ образомъ и, конечно, не могъ рѣшать самыя простыя задачи. Законъ Божій учили на зубрежку; что вызубрено сегодня, то дня черезъ два—забыто. Монотонное и бессознательное чтеніе отражалось у меня и при дальнѣйшемъ ученіи и отвыкнуть отъ этого было весьма трудно.

Теперь скажу нѣсколько словъ о Туарминской школѣ, куда я былъ опредѣленъ учителемъ первый разъ. До меня въ Туармѣ была земская школа, но она закрылась, потому что не оказывала никакихъ результатовъ. До меня въ Туармѣ грамотныхъ было только двое, и ихъ нельзя было назвать грамотными; они ходили въ школу не по своей волѣ, а по принужденію—съ плачемъ и воемъ. Прежде дѣтей отдавали въ школу какъ въ солдаты, а теперь дѣти сами бѣгутъ въ школу. Это явленіе нельзя объяснить ничемъ инымъ, какъ переимѣной прежней мертвой системы на систему живую, систему Ильминскаго. Школа Ильминскаго, какъ я понимаю, преслѣдуетъ двѣ

цѣли—воспитать инородца въ христіанскомъ дѣхѣ и развивать въ немъ чувство стремленія ко всему русскому. Я въ своей двадцатипятилѣтней практикѣ именно преслѣдовалъ эти двѣ цѣли; думаю, что и другіе учителя—инородцы тоже дѣлали. Эти цѣли я почти всегда достигалъ довольно удовлетворительно: къ окончанію курса учащіеся приучались читать довольно бойко, правильно, сознательно и удовлетворительно владѣть русскимъ языкомъ, порядочно связно излагать свои мысли, чуваши оканчиваютъ курсъ ничѣмъ не хуже русскихъ, развѣ только у чувашъ нѣсколько страдаетъ русскій языкъ.

Эта истина болѣе рельефно видна въ смѣшанныхъ школахъ, гдѣ чуваши и русскіе оканчиваютъ курсъ съ одинаковымъ успѣхомъ». (Письмо отъ 28 марта 1904 г.).

Такъ пишетъ инородческій сельскій учитель, болѣе двадцати пяти лѣтъ трудившійся надъ дѣломъ христіанскаго образованія своихъ соплеменниковъ. Тоже самое скажутъ и другіе учителя изъ инородцевъ.

Въ системѣ Н. И. Ильминскаго заключается живая сила, привлекающая темныхъ инородцевъ къ церкви, школѣ и русскому народу, возбуждающая въ нихъ любознательность и интересъ къ просвѣщенію и образованію, выводящая ихъ отъ вѣковой косности и глубокой тьмы язычества, такъ долго облежавшей надъ ними. За послѣднія тридцать лѣтъ въ жизни инородцевъ произошла громадная перемѣна, которую нельзя не замѣтить, живя среди инородцевъ. Не говоря объ инородцахъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр. въ Казанской учительской семинаріи, Симбирской чувашской учительской школѣ, духовныхъ семинаріяхъ, и вполнѣ обрусѣвшихъ, многіе окончившіе курсъ, или даже обучавшіеся въ сельскихъ школахъ типа Ильминскаго, *обрусѣли*, сдѣлались истинными христіанами и патриотами.

Когда я только что закончилъ эти строки, является ко мнѣ одинъ молодой солдатъ—ученикъ Девлезеркинскаго училища изъ чувашъ. Онъ возвращается съ войны раненый. Я съ нимъ бесѣдовалъ очень долго и удивился его толковому, связному и правильному разсказу на русскомъ языкѣ о бояхъ при Ляоянѣ, только акцентъ свидѣтельствовалъ о его принадлежности къ чувашской націи. По его разсказамъ, онъ былъ въ бояхъ семь

разъ, послѣдній разъ былъ раненъ и его отпустили домой. Онъ не высказалъ ни одного слова ропота на тяжелую жизнь на войнѣ; только говорилъ: „жизнь на войнѣ не легкая, но что же дѣлать! вѣдь защищать отечество отъ враговъ наша обязанность, которая заставляетъ забыть всѣ тяжести трудной службы на войнѣ; идемъ противъ врага, кругомъ трупы лежать, смерть неминуемая, а никакого страха не чувствуешь. Слава Богу, что Господь привелъ быть на войнѣ и остаться живымъ».

Не могу не привести здѣсь выдержки изъ письма одной солдатки—чувашки с. Девлезеркина, мужъ который въ настоящее время находится на войнѣ. Письмо написано лѣтомъ 1904 г. въ Т. Бугульму, гдѣ въ то время находился мужъ ея и готовился отправиться на Дальній Востокъ. Письмо мужъ оставилъ у меня. Она пишетъ: „о себе увѣдомляемъ, что мы живы и здоровы. Хлѣба у меня нѣту, занятый у Микиша весь вышелъ а сей часъ остаюсь безъ куска. Пашню я спалахала, наняла, продала полдесятину земли, себе осталось 32 сажени. Горюю какъ страда убирать, время стоитъ сырое почти каждый день дожди бываютъ, но Господь какъ нибудь поможетъ, а *ты не горюй и не безпокойся о домашнемъ*, Богъ поможетъ опять вернешся домой и тогда все поправится, а о бо мнѣ не сомневайся я буду молиться Богу и Богъ тебя не оставитъ». (По всѣй вѣроятности, письмо написано однимъ изъ бывшихъ учениковъ Девлезеркинскаго училища; ореографію я сохранилъ).

У этой солдатки мужа зовутъ: Григорій Θεодотовъ, самое Θεодосія Емельянова, дѣтей Елена, Агапія и Анисимъ.

Вѣдная солдатка—чувашка съ тремя малыми дѣтьми находится въ тяжеломъ положеніи: нѣтъ у ней ни хлѣба, ни средства къ жизни, остается безъ куска, между тѣмъ ни слова ропота на свое горькое положеніе. Она всю надежду возлагаетъ на Господа Бога и ни сколько не сомнѣвается, что Онъ не оставитъ ее и мужа ея; утѣшаетъ мужа, общается за него молиться Богу, говорить ему: «ты не горюй, не печалься, не безпокойся, терпѣливо переноси посланное испытаніе».

Какая рѣдкая женщина! Кто ей далъ такое воспитаніе? Не школа ли Н. И. Ильминскаго? Да именно, подъ благотворнымъ вліяніемъ школы Ильминскаго, имѣющейся въ с. Девлезеркинѣ, она воспиталась. Читаль и читаю я много писемъ солдатъ—

чувашь, находящихся на Дальнемъ Востоку, нѣкоторые солдаты письма свои присылаютъ мнѣ; во всѣхъ этихъ письмахъ отражается глубокое патриотическое чувство, искренняя преданность Царю и отечеству.

Враги системы Н. И. Ильминскаго не видятъ всего этого, они видятъ какой то совершенно несуществующій вредъ отъ этой системы, инородцевъ, обучавшихся въ школахъ Ильминскаго, подозреваютъ въ сепаратизмъ. Какое наивное подозрѣніе! Они хотятъ инородцевъ сразу обрусить, сразу уничтожить родной языкъ инородца, совершенно устранивъ его изъ инородческихъ школъ. Вотъ и въ Девлезеркинскомъ инородческомъ училищѣ, со времени передачи его въ руки новыхъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ инородческимъ дѣломъ,*) родной языкъ дѣтей, болѣе тридцати лѣтъ употреблявшійся въ училищѣ, совершенно, устраненъ.

Горько и тяжело за преслѣдуемую систему великаго просвѣтителя инородцевъ Казанскаго края Николая Ивановича Ильминскаго, всю жизнь и всю свою ученость посвятившаго на это святое дѣло.

Такими печальными строками заканчиваю свой краткій очеркъ о Девлезеркинскомъ инородческомъ училищѣ. Да принесетъ онъ долю пользы святому дѣлу христіанскаго просвѣщенія и образованія моихъ соплеменниковъ—чувашь.

Священникъ А. Ивановъ.

1905 г. Марта 18 дня.

*) Т. е. съ переменою высшаго начальства въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Мало-Яльчиковское двухъ-классное Министерства
Народнаго Просвѣщенія училище Тетюшскаго уѣзда,
Казанской губерніи.

Въ нашемъ селѣ два училища; 1) одно Министерское, открытое въ 1878 г. и съ 1 сент. 1901 года преобразованное изъ однокласснаго въ двухъ-классное и 2) женское училище Братства св. Гурія съ 1 сент. 1902 г. Эти училища своею вмѣстимостью не удовлетворяютъ всѣхъ; $\frac{1}{3}$ дѣтей остается внѣ школъ вследствие тѣсноты.

Въ двухъ-классномъ училищѣ 1 учитель и 1 учительница изъ чувашъ. Русскимъ учителямъ по ихъ собственнымъ заявленіямъ, безъ знанія языка учениковъ весьма трудно заниматься. Въ инородческихъ школахъ дѣло успѣшнѣе могутъ вести учителя инородцы, получившіе спеціальную подготовку въ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ. Учителю—инородцу лучше извѣстна до школьная жизнь дѣтей, ихъ мировоззрѣніе, сообразно чему онъ и направитъ свой трудъ. Мало-Яльчиковское училище типа Ильминскаго и курсъ ученія 4 года въ 1 классѣ и 2 года во 2-мѣ.

Преподаваніе въ первый годъ ведется исключительно на чувашскомъ языкѣ, проходитъ родная азбука. Попутно бываютъ русскіе разговорные уроки, что увеличиваетъ запасъ русскихъ словъ, приучаетъ сознательно употреблять ихъ въ рѣчи. Въ концѣ 1-го года ученики знакомятся съ русской азбукой. Далѣе по мѣрѣ развитія учениковъ употребленіе родного языка постепенно ограничивается, и въ концѣ курса 4-го года ученики доводятся до того, что понимаютъ преподаваніе на русскомъ языкѣ и сами достаточно владѣютъ этимъ языкомъ. Однако, въ случаѣ надоб-

ности, напр. для проверки сознательности, для выяснения слишком отвлеченных понятий (любовь, гнѣвъ, ненависть, искренность и т. п.), для сокращения времени—учитель безпрепятственно можетъ прибѣгать къ помощи родного языка учащихся. Учениковъ къ цѣли слѣдуетъ вести кратчайшимъ и легчайшимъ путемъ. Что касается 2-го класса, то разумеется, что здѣсь возможно преподаваніе вести исключительно на русскомъ языкѣ.

За 12 лѣтъ въ Мало-Яльчиковское училище поступило 420 мальч. 127 дѣвоч. До окончанія курса оставили школу 242 мал. и 81 дѣв. Окончило курсъ 178 мал. 46 дѣв.

Изъ бывшихъ учениковъ данной школы въ настоящее время 2 священника, 1 псаломщикъ, 1 преподаватель женской гимназіи, 7 учителей и 2 учительницы начальныхъ школъ. Кромѣ того изъ числа окончившихъ во 2-мъ классѣ въ 1903 году продолжаютъ самообразование въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ 13 мальчиковъ и 3 дѣвочки.

Инородческое населеніе сочувственно относится къ такой школѣ, гдѣ на первой ступени обучаютъ на понятномъ родномъ языкѣ съ учителемъ—ницей изъ инородцевъ.

Стремленіе къ школьному обученію съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Желаютъ, чтобы дѣти научились говорить по русски, знали бы о вѣрѣ, и приобрѣтали бы знанія, полезныя въ крестьянскомъ быту: умѣнье писать, считать, что важно какъ для торговли, такъ и общественной службы.

При открытіи училища народъ былъ несравненно суевѣрнѣе съ грубыми языческими обрядами и обычаями, а теперь все это уже отходитъ въ область преданія. Народъ аккуратно посѣщаетъ Божій храмъ, сознательно исполняетъ свои христіанскія обязанности. Въ этомъ отношеніи во всякомъ случаѣ на чувашъ сильнѣе вліяетъ школа типа Ильминскаго, какъ ближе стоящая къ миссіонерской цѣли, посредствомъ книгъ на родномъ языкѣ, сознательно проводящая въ темный народъ идеи православной религіи. Не даромъ весь Казанскій инородческий край съ благодарностью чтитъ память незабвеннаго Н. И. Ильминскаго. Среди чувашъ во многихъ книжкахъ для поминаенія усопшихъ можно встрѣтить имя „Николая Ильминскаго“.

Можно положительно утверждать, что школа типа Ильминскаго въ отношеніи обрусенія инородцевъ сдѣлала большой ус-

пѣхъ. Такъ прежде чуваша чуждались русскихъ, боялись и прятались отъ священниковъ, чиновниковъ, — теперь же свободно входятъ съ русскими въ торговые и дружескія сношенія, при удобномъ случаѣ не прочь даже съ русскими и породниться. Во многомъ стараются подражать русскимъ.

Напр. у молодежи замѣтно стремленіе перенимать у русскихъ костюмъ, пѣсни и игры. Женскій полъ старается перенимать кулинарное искусство. Чуваша чѣмъ богаче, тѣмъ болѣе стараются походить на русскихъ, между ними даже есть много такихъ, которые чистотой и вообще домашней обстановкой далеко превосходятъ русскихъ крестьянъ, и прямо приближаются къ интеллигентамъ. Конечно много и такихъ чувашъ, которые живутъ въ нищетѣ, грязи и въ болѣзняхъ. Отсюда видно, что для того чтобы инородцевъ тѣснѣе сблизить съ русскими нужно всячески стараться поднять ихъ благосостояніе, а для этого необходимо все учить, учить и учить, усовершенствовать способы веденія разныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства.

Слѣдуетъ замѣтить, что если чувашскій парень выучился говорить по-русски, надѣлъ пиджакъ, взялъ въ ротъ папироску и ходить съ гармоникой по улицѣ, распѣвая русскія пѣсни, и знать не хочетъ своихъ — то это далеко не утѣшительное обрусѣніе! Школа типа Ильминскаго тѣмъ и дорога, что она нравственно сближаетъ инородцевъ съ русскими, утверждаетъ ихъ въ вѣрѣ, посредствомъ чтенія книгъ знакомитъ съ малолѣтства съ русскимъ бытомъ, исторіею, землею и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ причастными къ русской культурѣ, а ослучаяхъ отчужденія инородцевъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія не можетъ быть и рѣчи: это можетъ развѣ мерещиться воображенію досуживъ людей, незнакомыхъ какъ съ инородцами, такъ и съ постановкой дѣла обученія въ инородческихъ школахъ. Доводить въ теченіе 3—4 зимъ полудикихъ 7—8 лѣтнихъ малышей до знанія русскаго языка и Закона Божія и др. предметовъ на практикѣ далеко не одно и то же, что теоритически разсуждать о племенномъ обособленіи чувашъ! Девизомъ школы, какъ типа Ильминскаго, такъ и всякой другой Россійской школы служить: „Вѣра, Царь и Отечество“. Недаромъ сами чуваша говорятъ: „На небѣ Богъ, а на землѣ Царь“.

Въ селѣ Малыхъ Яльчикахъ священникъ и псаломщикъ изъ чувашъ. Богослуженіе на родномъ языкѣ чувашамъ всѣмъ нравится, что видно изъ ихъ отзывовъ: „прежде мы жили, какъ въ темномъ лѣсу, въ церкви пѣли и читали только по-славянски, такъ что все это пролетало мимо нашихъ ушей. Возвратившись домой, мы опять принимались за свои языческіе обряды.

Не то теперь; богослуженіе совершается на нашемъ родномъ, понятномъ языкѣ, батюшка объясняетъ, какъ намъ жить по-христіански, а наши дѣти, благодаря школѣ, дома прочитываютъ намъ божественныя книги на чувашскомъ языкѣ, или переводятъ съ русской книги. Вслѣдствіе всего этого о прежнихъ нашихъ языческихъ обрядахъ и помину нѣтъ. Слава Богу, большое спасибо Царю и начальникамъ нашимъ за ихъ стараніе о нашемъ «черномъ народѣ».

Учитель М. Даниловъ. (изъ чувашъ).

Отзывъ чувашскаго священника объ инородческой школѣ.

Мнѣ самому не приходилось ни учиться ни учить въ школѣ общаго типа (то есть гдѣ преподаваніе ведется все время на русскомъ языкѣ), но я увѣренъ въ томъ, что едва ли благоразумно и педагогично учить неизвѣстному на неизвѣстномъ языкѣ. Ученіе такимъ способомъ едва ли можетъ понравиться учащимся; не вызоветъ ли оно, напротивъ, даже ненависть къ наукамъ?

Школа типа Ильминскаго самая цѣлесообразная для инородцевъ, самая испытанная на дѣлѣ. Противъ этого могутъ возражать только люди, пишущіе свои приказы и совѣты изъ кабинета и никогда оттуда не выходящіе, чтобы узнать, хороши-ли ихъ совѣты, примѣнимы ли они къ дѣлу, или хотя бы исполняются ли эти приказы.

Отчужденія инородцевъ отъ русскихъ въ смыслѣ племеннаго обособленія, послѣ обученія ихъ на природномъ языкѣ, не наблюдалось, а наблюдалось, что болѣе или менѣе развитые инородцы стараются ближе сойтись съ русскими: заводятъ съ ними знакомство, женятся на русскихъ.

Самое вѣрное звено, соединяющее инородцевъ съ русскими—это православная вѣра; вѣра одна—значить братья; но ей можно научиться только въ школѣ типа Ильминскаго.

Священникъ села Ерилкина, Байтугановской волости,
Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи.

Отрывки изъ писемъ Н. В. Никольскаго.

Живя въ Ядринскомъ уѣздѣ, я наблюдалъ слѣдующія явленія. 8 августа я былъ въ церкви села Юсь-Касовъ, Ядринскаго уѣзда. Служба происходила на чувашскомъ языкѣ, но прихожане не понимали въ ней ровно ничего: священникъ изъ русскихъ коверкалъ слова до неузнаваемости.

Послѣ службы нѣсколько человѣкъ подошли ко мнѣ. Поблагодарили за проповѣдь на чувашскомъ языкѣ и при этомъ съ отѣнкомъ большой скорби высказались такъ: „плачемъ мы о своемъ невѣжествѣ, тяжело за свою будущность за гробомъ. И кто насъ выведетъ на свѣтъ Божій? Проповѣдей такихъ, какую ты говорилъ, намъ никто не говоритъ. Порывается учитель церковной школы, да батюшка не велитъ. Служба у насъ идетъ больше по-славянски. Священникъ и усерденъ и богомоленъ, но не знаетъ языка нашего, а мы его. Ни исповѣдываться у него не можемъ какъ слѣдуетъ, ни учиться“.

Юсь-Касы расположены при большой дорогѣ, школа церковно-приходская открыта лѣтъ 5 тому назадъ — одновременно съ церковью села. Мѣстность темная; въ уѣздѣ есть и другіе такіе же темные приходы.

Относительно чувашъ, какъ плательщиковъ повинностей, я могу сообщить то, что они, исправный народъ: не платятъ меньшинство, приблизительно $\frac{1}{4}$ часть, да и то потому только, что не изъ чего платить: рожь, которую они могли запродать, чтобы выручить необходимую для уплаты податей сумму, у нѣкоторыхъ сѣдена на корню: въ продолженіе зимы $\frac{1}{3}$ часть нашихъ Ядринскихъ чувашъ сѣдаетъ и то, что выручено, и

часть того, что выростеть. Средній приходъ у такихъ чувашъ въ годъ 30 рублей. Расходъ 30—35 рублей. Средняя чувашская семья въ годъ имѣетъ приходу отъ 50—80 р., расходу столько-же. 4% населенія приобрѣтаютъ 200 р., тратятъ 100—150 рублей.

Такихъ деревень, въ которыхъ было бы лишь 2—3 полубубка, я не знаю. Тулупы у чувашъ Ядринскаго уѣзда имѣются лишь какъ исключеніе, въ деревнѣ 2—5 овчинныхъ тулуповъ Полубубковъ 30—50% (приблизительно).

Ежедневная пища чувашина хлѣбъ и картофель. Иная семья сварить сразу котелъ, поѣсть экономно, оставить на слѣдующій разъ—такъ денька на 2—3. На 2-й и 3-й день картофель, — уже погнившій, и все-таки ѣдятъ. — Это въ бѣдныхъ семьяхъ. Ёдятъ по большей части свѣжее. Мясной пищи чувашинъ употребляетъ мало — зажиточная семья съ 1 пудъ въ годъ, а бѣдная о мясѣ лишь вздыхаетъ.

Скота у большинства Ядринцевъ имѣется: лошадь, корова и 2—3 овечки. Лошадь заморена — бѣжить въ часъ 4—5 верстъ, самое большее 6, можетъ везти поклажи до 15 не болѣе пудовъ. 50-верстное разстояніе до Чебоксаръ, я проѣзжаю на чувашскихъ лошадяхъ въ 12—15 часовъ, не считая приваловъ на дорогѣ для кормежки лошади. 17 лѣтъ ѣздилъ на такихъ подводахъ, да и теперь случается. Если чувашскую лошадь запречь въ плугъ, понадобятся не 2 лошади, а 3 или 4. Поэтому у насъ плугъ въ уѣздѣ не встрѣчается.

О чувашахъ, негодныхъ къ военной службѣ, я слышалъ, и наблюдалъ такое явленіе. Родившіеся въ годъ неурожая и послѣ голоднаго года, бываютъ неспособны къ военной службѣ. Въ Ядринскомъ уѣздѣ есть чувашская примѣта: „въ годъ хорошаго урожая ячменя дѣти рождаются хорошими; рожденные въ тотъ годъ дѣти мужского пола бываютъ годны для солдатства Бога и Царя, бываютъ дюжими“.

Случается и такъ. Въ иной годъ всѣ деревенскіе парни освобождаются отъ службы за негодность, въ другой годъ, наоборотъ, всѣ уходятъ, какъ вышедшіе въ мѣру. Статистики сейчасъ не могу Вамъ дать, но какъ-нибудь хотѣлось бы вывести и цифровыя данныя.

Кое-что еще о податяхъ. Одна чувашская сказка Ядринскаго

лимъ. Все свободное время, а иногда и самое горячее, напри-
мѣръ нынѣшнимъ лѣтомъ, посвящаетъ распространенію книгъ
на чувашскомъ языкѣ, бываетъ въ районѣ 900 квадратныхъ
верстъ. Спрашиваю его: „что за цѣль тебѣ ходить и распро-
странять эти книги“, т. е. изданія переводческой комиссіи
Православнаго Миссіонерскаго Общества на чувашскомъ языкѣ.
Онъ отвѣчаетъ: „ахъ, какъ ты не ладно говоришь, кабы ты
зналъ духовную нужду многихъ чувашъ, живущихъ среди насъ,
даже и татаръ, ты бы не спрашивалъ-бы. Болитъ душа, когда
видишь, что чуваша киремети почитаютъ, юмзей не остав-
ляютъ. А татары? О, они, (живущіе около насъ) и молиться не
умѣютъ. Хочется и ихъ научить. Молитвенниковъ надо бы по-
везти и къ нимъ“. Все это я выслушалъ отъ Давида Никифо-
рова въ началѣ мая, приблизительно около 3 числа. Онъ увезъ
изъ Казани для своихъ цѣлей на 40 рублей книгъ, переводче-
ской комиссіи на чувашскомъ и часть на татарскомъ языкѣ,
экземпляровъ около 800.

Подобный же чувашинъ—Иванъ Андреевъ, живетъ въ селѣ
Маломъ-Яушевѣ Ядринскаго уѣзда. Ради занятія распростране-
ніемъ книгъ на родномъ языкѣ, а среди знающихъ русскій
языкъ и книгъ на рускомъ языкѣ, Иванъ Андреевъ не хотѣлъ
даже обзаводиться семьей. Только убѣжденія мѣстнаго учителя,
отчасти и мой заочный совѣтъ ему, склонили его къ браку.
Примѣрный семьянинъ, добрый христіанинъ, Иванъ Андреевъ и
по сѣ время продолжаетъ свою миссію. Районъ его дѣятель-
ности—30 X 30 верстъ.

Эти два дѣятеля работаютъ единственно изъ желанія ду-
ховной помощи своимъ сородичамъ. Личные интересы у нихъ
всегда на заднемъ планѣ. Ни стужа, ни жара, ни пурга, ни
слякотъ не въ состояніи остановить ихъ отъ путешествій по
чувашскимъ домамъ съ котомкой книгъ.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Пикшикъ живетъ чу-
вашскій семьянинъ Матвѣй Никифоровъ, грамотный. Учился въ
мѣстной земской школѣ. Тогда въ ней не было гоненія на род-
ной языкъ.

Получивъ образованіе, вдохновившись религіозно-назидатель-
ными книгами на родномъ языкѣ, М. О. Никифоровъ сталъ за-
ниматься просвѣщеніемъ своихъ однодеревенцевъ. Доселѣ его

можно иногда видѣть и въ оградѣ церковной и въ караулкѣ деревенской, съ книгой на чувашскомъ языкѣ изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества, окруженнымъ толпой чувашъ слушателей *). Ярые руссификаторы въ этомъ видятъ сектантство, сепаратизмъ, ну, словомъ, все худое, но отнюдь не православно-христіанское препровожденіе времени, направленное не къ расколу или сектѣ, а исключительно къ просвѣщенію соплеменниковъ въ духѣ православія и русской народности.

М. Ѳ. Никифоровъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ показываетъ примѣръ христіанской жизни и русскаго патріотизма. Онъ аккуратно ходитъ въ храмъ, подаетъ милостыню, принимаетъ нищихъ и странниковъ. Монахи и монахини, сборщики на монастырскія нужды, находятъ у него всегда радушный пріемъ. И прокормить и обогрѣть, и даже постарается высушить одежду и обувь—(онучи и лапти) своихъ посѣтителей. При этомъ не дѣлается различія между русскимъ посѣтителемъ и чувашинномъ.

„У русскихъ и чувашъ вѣра одна потому ладятъ“, говорилъ чувашинъ Аликовской волости, Ядринскаго уѣзда:

Тотъ же чувашинъ убѣдительно говорилъ мнѣ о томъ, что татары нехристи, не любятъ ни русской вѣры, ни русскаго царя. „Христа“, говорилъ онъ, „они называютъ сыномъ дѣвы, но разумѣя по своему, русскаго царя мыслятъ чуждымъ себѣ“.

Деревни Сесѣмеръ, Ядринскаго уѣзда, чувашинъ Михаилъ Никифоровъ молится за Царя, на слѣдующемъ основаніи. Привожу буквальный переводъ его словъ. „Молюсь Богу за Царя, содержащаго земной міръ. Онъ сталъ Царемъ по повелѣнію Божію. Нашему Царю пусть будетъ покойно совершать путешествіе между Востокомъ и Западомъ; всѣхъ враговъ пусть топчетъ подъ ногами. Нашему Царю Богъ да поможетъ силою Креста. Да подастъ тишину. Если все спокойно, Царю хорошо жить. Молюсь за родъ Царскій, родственниковъ, хранителей Царя. Такъ молиться меня научили чтѣцы чувашскихъ книгъ и о Филимоновъ, когда былъ въ Ишакахъ“.

*) Въ домѣ М. Ѳ. Никифорова: картины изданія Фесенко-религіозныя, кплги на чувашскомъ и русскомъ языкѣ, на славянскомъ языкѣ: псалтирь, часословъ... На русскомъ: „внутреннее состояніе сердца человѣческаго, объ Іоаннѣ Крестителѣ и другіе.

Хотѣлось бы безъ конца говорить о религіозно-нравственныхъ нуждахъ края, объ увеличеніи фонда на печатаніе книгъ на инородческихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, переводческая коммиссія располагаетъ всего на всего какими-нибудь 5500 р., ассигнуемыми ей Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ, а между тѣмъ переводить и печатать нужно на 24 языка.

Хотѣлось бы слезно просить о томъ, чтобы инородческіе языки по возможности поощрялись въ школахъ и церквахъ мѣстностей съ инородческимъ населеніемъ.

У меня постоянно въ головѣ мысль объ инородцахъ такая. Если чувашіи и татары за всю свою исторію не утратили своего языка и живутъ религіозно-національною жизнью, то не есть ли ужъ это особое указаніе Промысла Божія о религіозной миссії Россіи на Востокъ чрезъ посредство этихъ инородцевъ, какъ болѣе сродныхъ съ Азіатскимъ населеніемъ Россіи по языку и болѣе близкихъ къ нимъ по характеру?.. Не богословы же, въ самомъ дѣлѣ, съ дипломатами совершаютъ эту миссію, а простачки-мужики—(чувашіи, татары, черемисы...), воспитанные на религіозныхъ началахъ путемъ книгъ на родномъ языкѣ, какъ въ началѣ христіанской эры оказались сильными миссіонерами не фарисеи и саддукеи, не „дипломированные“ курсомъ наукъ Гамалиила богословы Іудеи, а простые рыбаки, сильные духомъ, не испорченные „аѳинейскимъ“ суемудріемъ и хитросплетеніемъ“—апостолы.

Приведу еще нѣсколько фактовъ изъ жизни чувашъ.

1) Ядринскаго уѣзда, въ деревнѣ Актай сходка. Чувашіи разсуждаютъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ стали выходить книги на чувашскомъ языкѣ, народъ сталъ понятливъ, стали весьма благодарить книгопечатниковъ. Умные люди, слушающіе чтеніе на родномъ языкѣ, молятся за переводчиковъ и ихъ поощрителей. Это очень хорошее дѣло, для насъ очень дорогое. Слушатели плачутъ при чтеніи божественныхъ книгъ: „простить ли намъ Богъ прежнее невѣдѣніе, мы жили очень испорчено“, говорятъ старики чувашіи. „Спасибо за открытіе училищъ, научающихъ нашихъ дѣтей добру. За это мы благодаримъ Царя, вышшихъ начальниковъ“.

Это же чувство благодарности ощущаемъ и мы, интеллигентные чувашіи.

2) Казанской губерніи Ядринскаго уѣзда, деревни Мадинъ чувашинъ Тимоей Максимовъ говорилъ: „если чувашскихъ книгъ не будетъ, то какъ намъ стать правовѣрующими. Я въ дѣтствѣ читаль книги на чувашскомъ языкѣ; очень помогло, и въ сердцѣ засѣло“. Тоже самое было и съ моимъ товарищемъ дѣтства— Козьмой Максимовымъ. Онъ хотя зналъ грамоту, но только русскую. Ходилъ на „чуки“ съ язычествующими. Я ему говорю: „вотъ тебѣ книга на чувашскомъ языкѣ, почитай. Потомъ скажи, что лучше? Жить ли по моему, или по язычески?“. Онъ взялъ, прочиталъ и говоритъ: „какъ написано въ твоей книгѣ, (т. е. на чувашскомъ языкѣ) такъ-то жить лучше. Больше не буду ходить во слѣдъ язычниковъ—тамъ грѣхъ, а здѣсь свѣтъ. Когда въ темную комнату проскользнетъ свѣтъ, освѣщаетъ ее, такъ и книга на чувашскомъ языкѣ, будучи понята, оставляетъ внутри души что-то отрадное. Отъ души радуешься, что видишь истинный свѣтъ“.

Тимоей Максимовъ выписываетъ газеты; „Сельскій Вѣстникъ“, „Казанская Газета“, Читаетъ святоотческія творенія на русскомъ языкѣ. Книги на чувашскомъ языкѣ заставили его изучить и русскую рѣчь и нѣсколько русскихъ книгъ.

3) Ядринскаго уѣзда, деревни Юрмикейкиной, чувашинъ Адрианъ Артѣмьевъ говорилъ: „До чтенія чувашскихъ книгъ“, (книгъ изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на чувашскомъ языкѣ), „я выпивалъ, тратилъ порядкомъ денегъ. Теперь не пью; то, что прежде тратилъ на водку, теперь трачу и буду тратить на божественныя книги, какъ бы ни были онѣ дороги“.

Дѣйствительно, онъ не скупится на книги. Въ одно лѣто онъ приобрѣлъ: Іерейскій молитвословъ—стоитъ 1 рубль слишкомъ. Каноникъ—стоитъ 50 копеекъ. Требникъ, Октоихъ—все это на славянскомъ языкѣ.

4) Деревни Сесьмеръ, Ядринскаго уѣзда, 68 лѣтній чувашинъ Михаилъ Никифоровъ говорилъ: „въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ „Каратъ“ собралось 8 чувашъ съ цѣлью основать монастырь и молиться Богу. (Монастырь основанъ въ 1903 году). Услыхавъ, что они тамъ живутъ, я пошелъ и провѣль съ ними одну зиму. Когда я жилъ тамъ, то воспринялъ все то, что читалось на чувашскомъ языкѣ изъ Евангелія. По-

русски я не знаю. Не достало силъ, вернулся домой. Были советники, которые говорили: если здѣсь не будетъ монастыря и ты возвратишься домой, дѣти твои скажутъ: пока у тебя была сила, ты жилъ въ монастырѣ, потерявъ силы, вернулся домой. Возвратись ты домой, сдѣлай комнату и вотъ въ ней-то вдали отъ людскихъ взоровъ, молись утромъ и вечеромъ. Эта молитва для тебя будетъ равносильна монастырской. Потому этотъ же советникъ добавилъ: ты молись за нашего Царя, за черныя людъ, за живущихъ въ монастыряхъ, за Царское войско, за всѣхъ живыхъ и умершихъ. Вспоминая извѣстныхъ тебѣ святыхъ, молись. Святые наши заступники“.

У Михаила Никифорова есть цѣлая молитва о Царѣ, Царскомъ семействѣ, служащихъ, родственникахъ, начальникахъ и прочее и прочее. Ее онъ читаетъ ежедневно. Текстъ ея очень длинный. Листа 2½ обыкновенныхъ. Частичка изъ рѣчей Михаила Никифорова записана мной во время ваката сего 1904 года.

„Я читать не умѣю. Тогда только беру въ толкъ, когда слышу чтеніе на чувашскомъ языкѣ и богослуженіе на чувашскомъ языкѣ...“

„Подобно о. Филимонову, развѣ нельзя всѣмъ священникамъ по-чувашски творить молитвы для насъ? Почему это? Развѣ Богъ не повелѣлъ ужъ читать молитвы на чувашскомъ языкѣ? Въ монастыряхъ говорятъ: игумену нельзя служить по-чувашски, архіерею нельзя, а простымъ священникамъ можно. Правда ли это?“

„Когда въ селѣ Ишакахъ былъ батюшкой Даніилъ Филимоновичъ, онъ много далъ мнѣ ума. До этого времени я въ церковь ходилъ въ мѣсяцъ одинъ разъ, въ два мѣсяца одинъ разъ, а въ Ишакахъ о службѣ о. Филимонова впередъ справлялся, когда онъ служить и уже ходилъ туда каждый разъ.“

„Въ нашемъ приходѣ о. Ямбиковъ старается говорить по-чувашски, да что-то въ толкъ не возьму его рѣчей. Оттого-ли, что онъ русскій, не поддается ему наша рѣчь. Учить-то онъ учитъ каждый праздникъ, говорить по чувашски, и такихъ учителей усердныхъ вблизи теперь нѣтъ. Стараются слушать его. Нѣкоторыя слова входятъ въ уши. Спасибо и на томъ. Надо его рѣчи усваивать и жить по нимъ“.

4) Въ Тетюшскомъ уѣздѣ, деревни Малой-Шемякиной многіе чуваша покупаютъ картины изданія Фесенко и Сытина — Спа-

сителя, Божію Матерь, имянныхъ святыхъ и изображенія Августѣйшей Семьи. Это явленіе у чувашъ повсемѣстное.

5) Чуваша той же деревни на вопросы о прежнемъ духовенствѣ отвѣчаютъ: что и говорить объ этомъ, и батюшка былъ русскій, и посѣщающихъ богослуженіе было мало. На Пасху, или другіе какіе-либо праздники, принимающихъ иконы въ дома было мало. Да и батюшка говорилъ: зачѣмъ входить въ каждый домъ, дайте мнѣ денегъ и я пойду дальше. Обрадовавшіеся чуваша говорили другъ другу: давайте скорѣй соберемъ, проворнѣй проводимъ ихъ“.

Теперь же чуваша деревни Малой-Шемякиной принимаютъ иконы усерднѣе, чѣмъ ихъ русскіе-однодеревенцы. Въ деревнѣ 200 домовъ, 100 русскихъ и 100 чувашскихъ.

Въ 1904 году изъ русскихъ приняло иконы 25 домовъ, а изъ чувашскихъ приняло иконы свыше 60 домовъ.

Усердно прошу чувашскихъ священниковъ и учителей о присылкѣ матеріаловъ. Но они боятся писать; по ихъ мнѣнію въ нынѣшнія времена опасно описывать вещи, противныя взглядамъ округа и епархіальной власти. Лучше молчать и дѣло дѣлать.

Преподаватель миссіонерскихъ курсовъ

1904 г. Н. В. Никольскій,
Зима 1905 г. (изъ чувашъ).

О добромъ учителѣ.

Въ Казанской губерніи, въ той мѣстности, гдѣ сходятся уѣзды Тетюшскій, Свияжскій и Цивильскій, по рѣчкамъ Кубнѣ и Урюму, находится нѣсколько деревень, заселенныхъ крещеными татарами. Въ концѣ 60-хъ годовъ нѣкоторые изъ этихъ татаръ отпали въ магометанство, да и оставшіеся въ христіанствѣ были заражены духомъ ислама; только правительственныя распоряженія, запрещающія переходъ въ магометанство, удерживали крещеныхъ татаръ отъ отпаденія.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, въ названной мѣстности открыто было нѣсколько школъ Братства Св. Гурія и одна отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эта послѣдняя была открыта въ деревнѣ Молькеевой Цивильскаго уѣзда, и учителемъ въ нее назначенъ былъ крещеный татаринъ Тимофей Ивановичъ Тимей.

Тимей былъ человѣкъ съ малымъ образованіемъ: онъ какимъ-то образомъ съ помощью стараго дьячка запомнилъ буквы русскаго алфавита, и подъ руководствомъ того же церковника заучилъ нѣсколько молитвъ на русскомъ языкѣ; дьячку же онъ отплачивалъ за заслуги тѣмъ, что помогалъ ему въ его хозяйствѣ: рубилъ дрова, зимой расчищалъ снѣгъ со двора и т.д.

Тимей обладалъ впечатлительной натурой: церковная служба, съ пѣніемъ, рассказы стараго дьячка о святыхъ, о чудесныхъ событіяхъ изъ жизни угодниковъ Божіихъ глубоко западали въ его душу; молодой парень сталъ задумываться, а затѣмъ ушелъ изъ дома, не смотря на то, что семья, которая лишилась въ немъ рабочей силы, можетъ быть провожала его съ проклятіями.

Тимей гдѣ-то научился слесарному ремеслу, и ходилъ онъ

по деревнямъ годъ и два, въ то же время продолжая заниматься грамотой.

Это было въ концѣ 60-хъ годовъ, въ то самое время, когда просвѣтительныя заботы властей, особенно въ Казанскомъ краѣ, стали обращаться на инородцевъ, когда было уже признано, что для просвѣщенія ихъ необходимы дѣятели изъ среды самихъ инородцевъ. Знаменательный примѣръ представляетъ крещеный татаринъ Тимей: онъ стремится къ свѣту, ищетъ чего-то, самъ ясно не зная чего, и съ этой цѣлью разстается съ роднымъ домомъ, странствуетъ по деревнямъ, довольствуясь грошевымъ заработкомъ, несмотря на то, что въ своей деревнѣ онъ могъ бы зарабатывать гораздо больше.

Тимей случайно узналъ, что крещеный татаринъ, по имени Василій, такъ же какъ и онъ понимающій немного по-русски и знающій нѣскольکو церковныхъ молитвъ, поселился въ Казанскомъ монастырѣ. И вотъ Тимей сталъ мечтать о томъ, чтобы разыскать своего родича и наговориться съ нимъ вдоволь по душѣ; Тимей въ это время еще плохо говорилъ по-русски, такъ что онъ не могъ выражать на русскомъ языкѣ всего, что наполняло его душу.

Тимей явился наконецъ въ Казань и скоро разыскалъ крещенаго татарина Василя Тимоеева. Къ этому времени Василій Тимоеевъ (впослѣдствіи священникъ крещено-татарской школы въ Казани, умеръ въ 1895 г.), уже вышелъ изъ монастыря, познакомился съ Н. И. Ильминскимъ и состоялъ учителемъ въ школѣ, открытой Ильминскимъ въ Казани для крещеныхъ татаръ. Для этой школы была нанята маленькая квартира въ Академической слободкѣ и человекъ съ десятокъ татарчатъ обучались грамотѣ, счету и пѣли церковныя молитвы на татарскомъ языкѣ. Школа приняла Тимея весьма радушно; самъ учитель Василій Тимоеевъ, а въ его отсутствіе ученики наперерывъ рассказывали пришельцу о своей школьной жизни. Тимей поражаюсь успѣхами учениковъ, обучившихся какихъ нибудь двѣ зимы; самъ онъ столько времени трудился и, несмотря на свое необыкновенное усердіе къ ученію и зрѣлый возрастъ, не зналъ всего того, что узнали его новые знакомые пятнадцатилѣтніе татарчата. Однако Тимей скоро понялъ секретъ достигнутой его молодыми пріятелями книжной мудрости,

и съ рвеніемъ набросился на переведенныя съ русскаго языка на татарскій книги; въ нѣсколько дней онъ выучилъ много молитвъ, прочиталъ священную исторію на татарскомъ языкѣ, скоро прислушался къ пѣнію ребятъ и самъ сталъ участвовать въ хорѣ.

Василій Тимоѣевъ представилъ Тимея Ильминскому; этотъ послѣдній обрадовался гостю какъ настоящей богатой находкѣ. Разъ другой поговорилъ съ нимъ Ильминскій и понялъ новичка вполне; увидѣлъ весь пылъ съ которымъ этотъ деревенскій странникъ готовъ идти на служеніе ближнему. Нужно было поспѣшить образованіемъ Тимея; ему нечѣмъ было, какъ ученикамъ. Василія Тимоѣевича, медленно проходить школу, вѣдь онъ жаждалъ знанія, искалъ его, и вотъ наконецъ нашель. Время было опасное: цѣлыя деревни крещеныхъ татаръ переходили въ мусульманство, и Ильминскому нужны были люди.

Ильминскій проводилъ цѣлые дни въ своей крещено-татарской школѣ, и хотя онъ готовилъ въ учителя всѣхъ учениковъ, но особенное вниманіе его на этотъ разъ привлекъ Тимей; имъ-то Ильминскій, главнымъ образомъ, занялся.

Въ это самое время, по ходатайству Ильминскаго и на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія открыта была школа въ деревнѣ Молькеевой, Цивильскаго уѣзда; учителемъ въ эту школу Ильминскій назначилъ ученика своего Тимея. Съ благожеланіями добраго наставника отправился Тимей въ Молькеево. Онъ помнилъ уроки Ильминскаго о школьных занятіяхъ; но дороже всего былъ для него свѣтлый образъ Ильминскаго, который съ перваго взгляда располагалъ къ себѣ своей прямою и любовью.

Самъ Ильминскій указалъ и на добраго мужика въ деревнѣ Молькеевой, у котораго учитель могъ-бы поселиться. Скоро Тимей приступилъ къ дѣлу. Онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ заговорить съ мужиками и расположить ихъ въ пользу школы. Миссія его удалась: къ зимѣ собралось нѣсколько мальчиковъ; онъ приложилъ необыкновенное усердіе и за зиму организовалъ хоръ изъ учениковъ. Родители ихъ не безъ удивленія замѣчали успѣхи ребятъ, видѣли, что учитель дѣйствительно желаетъ имъ добра, и стали относиться къ

нему съ довѣріемъ, стали навѣщать его въ его квартирѣ, иные приглашали его къ себѣ какъ гостя-собесѣдника.

Прошла зима; давно въ школахъ прекратились занятія, но у Тимея учебный годъ еще продолжается; у него даже замѣчается въ школѣ большее оживленіе, нежели зимой. Съ учениками онъ выходитъ на улицу, сидитъ гдѣ нибудь на завалинкѣ, и они хоромъ поютъ церковныя молитвы; сходится народъ и Тимей начинаетъ разъяснять слушателямъ смыслъ церковныхъ молитвъ.

Черезъ годъ въ деревнѣ Молькеевой выстроили и помѣстительный домъ для училища. Тогда Тимей начинаетъ новый родъ дѣятельности: наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, а иногда въ самые дни праздниковъ, онъ созываетъ народъ въ школу для собесѣдованій. Для сбора людей звонили въ колоколъ и одинъ мужикъ той же деревни изъявилъ желаніе купить колоколъ на свой счетъ, что и было сдѣлано.

Самыя собесѣдованія Тимея носили своеобразный характеръ: когда собирался народъ, учитель зажигалъ лампадку предъ иконами въ классной комнатѣ, ставились свѣчи, и одинъ изъ учениковъ прочитывалъ вечернія молитвы; затѣмъ хоръ учениковъ пѣлъ молитвы изъ всенощнаго бдѣнія; учитель прочитывалъ канонъ на татарскомъ языкѣ и обращался къ народу съ поученіемъ, объяснялъ воскресное Евангельское чтеніе, или рассказывалъ о праздникѣ. Вліяніе этихъ занятій оказалось громаднымъ; учитель постепенно разъяснялъ значеніе хожденія въ церковь, раскрывалъ смыслъ церковныхъ службъ. На утро Тимей вмѣстѣ съ учениками отправлялся въ церковь къ обѣднѣ. Смотря на учителя, привлекаемый его уроками и личнымъ примѣромъ, народъ тоже сталъ приучаться къ церкви.

Въ деревнѣ Молькеевой многіе были въ то время склонны къ магометанству, и даже готовы были перейти въ исламъ; остальная же часть жителей названной деревни коснѣла въ грубомъ язычествѣ. Но школа сдѣлала свое дѣло и въ двадцать слишкомъ лѣтъ Тимей совершилъ въ деревнѣ коренной переворотъ; жители деревни Молькеевой уже чувтъ подъ собою твердую почву христіанства, и хотя вотъ уже девять лѣтъ, какъ умеръ Тимеей Ивановичъ (умеръ онъ въ 1894 г.) но благодарная память объ немъ не изглаживается изъ памяти молькеевцевъ.

Дѣло Тимея не заглохло и посѣянное имъ доброе сѣмя принесло добрые плоды: тѣ самые крещенные татары деревни Молькеевой, которые, при поступленіи Тимея учителемъ, помогались официальнаго признанія ихъ мусульманами, въ настоящее время представляютъ изъ себя примѣрныхъ христіанъ; тѣ, которые когда то проявляли рвеніе къ мечети, стали усердно заботиться о постройкѣ храма Божьяго.

Теперь у нихъ построена церковь и въ ней возносится не одна теплая молитва о труженикѣ на нивѣ христіанскаго просвѣщенія—рабъ Божіемъ Тимоевъ.

Романъ Даулей,
(изъ крещенныхъ татаръ).

Извлечение из дневника-отчета и. д. епархіального
инородческаго миссіонера Космы Андреева за 2-ю
половину 1897 года

Мнѣ доставленъ обширный отчетъ—дневникъ К. А. Андреева по его миссіонерской дѣятельности. Позволяю себѣ напечатать изъ него два отрывка, характеризующіе вотяковъ и черемисъ. Дневникъ этотъ написанъ К. А. Андреевымъ по—вотски и кѣмъ-то изъ его друзей переложенъ на русскій языкъ; поэтому печатаемые отрывки по слогу существенно отличаются отъ рѣчей К. А. Андреева, приведенныхъ въ IV-й главѣ.

I.

1, 2 и 3 Іюля 1901 г. Вечеромъ 1 Іюля я отправился въ языческую съ вотскимъ населеніемъ деревню Варкледъ-Бодья Шармадинскаго прихода. Въ числѣ 55 дворовъ здѣсь только одно семейство новокрещенные, а остальные язычники. Прибывъ въ деревню, я по обыкновенію справился о казенной квартирѣ. Вотякъ хозяинъ этой квартиры и нѣсколько другихъ вотяковъ, находившихся тутъ, приступили ко мнѣ съ распросами, кто я и что меня заставило пріѣхать къ нимъ. На мой отвѣтъ, что я миссіонеръ и пріѣхалъ чтобы бесѣдовать съ ними, они недовѣрчиво заявили: „какой ты миссіонеръ? Къ намъ пріѣзжалъ миссіонеръ съ большимъ крестомъ на груди, въ долгой одеждѣ и съ долгими волосами, важный такой; онъ насъ уговаривалъ креститься, но мы не хотимъ“.

Я коротко сообщилъ имъ, что посѣтившаго ихъ о. миссіо-

нера, я знаю и прѣхалъ къ нимъ по его предложенію, что я вотякъ и назначенъ для бесѣды по всей губерніи. Такъ какъ по случаю празднованія вотяками памяти Св. Апостоловъ Петра и Павла „Петрова дня“ въ теченіе нѣсколькихъ дней жители и здѣсь были большей частью пьяны, то я намѣревался отпривиться дальшѣ, но вотяки, выслушавъ меня о томъ, что я миссіонеръ и изъ вотяковъ, стали увѣрять, что завтра утромъ всѣ они будутъ трезвы и охотно послушаютъ мою бесѣду. Я остался. Утромъ дѣйствительно собралось къ моей квартирѣ много народу, всѣ были совершенно трезвые. Приступая къ бесѣдѣ, я сказалъ имъ:

— „Я имѣю обыкновеніе предъ бесѣдой всегда помолиться Богу по вотски; гдѣ бы вы желали, чтобы я и теперь помолился, читая молитвы на вотскомъ языкѣ?“. „Мы когда молимся всей деревней, молимся всегда въ нашей будзымъ куа (общественный шалашъ)“, въ одинъ голосъ отвѣчали они, „и ты молись тамъ, мы будемъ молиться съ тобой“. „Помолился бы я съ вами въ шалашъ“ — отвѣтилъ я, — „но васъ собралось такъ много, что всѣмъ намъ тамъ не помѣститься“. Рѣшили молиться на площади предъ шалашемъ. Затѣмъ я сказалъ, что я, какъ крещеный, всегда молюсь предъ Св. иконой и теперь желаю бы помолиться, поставивъ предъ собой находящуюся со мной Св. икону. Они отвѣтили, что ничего противъ этого не имѣютъ и даже этимъ особенно довольны, и что они нерѣдко сами ходятъ въ церковь и молятся предъ иконами. Выбралъ я изъ перевода на вотскій языкъ нѣсколько очень трогательныхъ и умиленныхъ молитвъ и долго молился, читая ихъ вслухъ внятно и отчетливо. Все многочисленное собраніе совершенно притихло и напряженно стало внимать читаемому, затѣмъ молитвенный духъ и настроеніе сообщилось всѣмъ и всѣ собравшіеся, какъ одинъ человекъ, прониклись одной горячей молитвой, которая и продолжалась до конца съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ.

Возвышенно религіозное настроеніе не покидало слушателей и во время начавшейся послѣ молитвы моей бесѣды, которая потому вышла очень содержательной и продолжительной. Глубокое, неотразимое вліяніе на слушателей молитвы и бесѣды имѣло результатомъ слѣдующее. Прежде всего жрецы (ихъ чет-

веро) вынесли мнѣ изъ шалаша 15 коп. денегъ и сказали, что это въ благодарность мнѣ за труды. Я сказалъ, что за труды я получаю жалованье и денегъ со слушателей за это не беру, но если они непременно желаютъ, то я не откажусь съ тѣмъ, чтобы пожертвовать ихъ въ церковь или дать нищимъ.

— „Мы даемъ тебѣ, а тамъ куда хонешь, туда и дѣвай“ заявили они и тотчасъ сообщили „старикамъ“ о томъ, что дали мнѣ денегъ. Не спросясь ихъ, стариковъ, и спросили ихъ „не сердятся ли они на нихъ за это?“ старики отвѣтили громко: „что дали очень мало? надо дать еще“ и пошептавшись дали еще 50 коп. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, жрецы сообщили, что существующему обычаю (шдыъ сиса ветлонъ) у нихъ, жрецовъ, будетъ сегодня пиршество, въ которомъ примутъ участіе всѣ ихъ семейные и старики деревни и посему они усердно меня просятъ посѣтить ихъ въ качествѣ гостя. Съ просьбой посѣтить его, прежде всѣхъ обратился ко мнѣ самый младшій по значенію жрецъ, но другіе на это возразили, что всѣ они желаютъ и просятъ меня не побрезговать ихъ компаніей и вмѣстѣ съ ними посѣтить ихъ всѣхъ. Уступая ихъ неотступной просьбѣ, я согласился. Когда затѣмъ пришли къ главному жрецу, первому по очереди, жрецы съ общаго между собою согласія рѣшились измѣнить на этотъ разъ существующій обычай, по которому молиться, съ произношеніемъ вслухъ языческой молитвы, долженъ былъ старшій жрецъ въ соучастіи другихъ жрецовъ, а вмѣсто того всѣ они стали просить меня; „твой молебенъ очень хороший, поэтому лучше ужъ ты же служи за насъ въ нашихъ домахъ свои молебны“.

На это я отвѣтилъ, что служить молебенъ я и никто другой, кромѣ архіереевъ и священниковъ, не имѣетъ права и что я, не будучи священникомъ, служилъ у ихъ общаго шалаша не молебенъ, а читалъ св. молитвы, написанные святыми и обращенные къ Единому истинному Богу, создателю вселенной и всѣхъ людей; „Ну такъ дѣлай, какъ знаешь, какъ можно и какъ лучше, только вмѣсто насъ ужъ молись ты“, отвѣтили они. Такимъ образомъ съ перваго и до послѣдняго дома вмѣсто языческихъ молитвъ, произносимыхъ языческими жрецами, на этотъ разъ въ стѣнахъ жилищъ погруженныхъ въ тьму языческаго невѣжества столповъ его, впервые произноси-

лись священныя и спасительныя слова святыхъ молитвъ, обращенныхъ къ Богу Отцу, Сыну Божію и Св. Духу.

II.

Быль случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пріѣзжаю какъ-то въ одно село, обращаюсь къ мѣстному священнику съ вопросомъ о томъ, есть ли въ приходѣ инородцы и не благословить ли онъ меня сдѣлать съ ними бесѣду. Оказывается, что въ приходѣ между прочими есть черемисское селеніе, отстоящее отъ приходскаго храма въ 18 вер. Священникъ сказалъ: „очень затруднительно мнѣ имѣть съ ними сношеніе и вопреки искренняго желанія не могу оказывать на нихъ никакого вліянія. Предлагалъ я имъ проситься приходомъ въ ближайшую церковь, есть такая въ 6—8 верстахъ,—не соглашаются. Такъ и живутъ, какъ хотятъ и какъ знаютъ, христіанства совсѣмъ не знаютъ; хотъ и говорю я имъ по русски, объясняю о православной вѣрѣ, но они мало понимаютъ. Одно горѣ мнѣ съ ними.“ Получивъ благословеніе батюшки, отправился я въ эту деревню, и собравъ черемисъ со всей деревни, долго и пространно съ ними бесѣдовалъ. Слушателямъ бесѣда очень понравилась, очень понравились и мнѣ черемисы, потомъ пріѣзжалъ я къ нимъ съ бесѣдой разъ и другой и наконецъ предложилъ—не пожелаютъ ли они имѣть у себя въ деревнѣ школу съ учителемъ изъ черемисъ или знающимъ черемисскій языкъ, способнымъ вести съ ними такія же бесѣды о вѣрѣ какія веду я. Они согласились. Обо всемъ подробно я сообщилъ въ мѣстное уѣздное отдѣленіе черезъ священника. Отдѣленіе отнеслось внимательно,—школа открыта и учитель назначенъ по моему выбору хотя малознающій, но съ хорошей религіозной подготовкой и настроенностью. Посѣщалъ я эту школу часто, особенно въ первое время: руководилъ занятіями учителя и каждый разъ собиралъ черемисъ на бесѣду, тоже самое сталъ дѣлать и учитель. Теперь, слава Богу, дѣло это основалось какъ слѣдуетъ. На бесѣдахъ учителя теперь прекрасно поетъ хоръ изъ мѣстныхъ черемисскихъ дѣтей и молодежи и дѣло христіанскаго просвѣщенія между здѣшними черемисами успѣшно подвигается впередъ. Всѣ здѣшніе черемисы

теперь очень охотно посѣщаютъ не только бесѣды въ школѣ, но и храмъ Божій въ селѣ и также охотно стали исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія; многіе изъ нихъ вмѣсто пятницы празднуютъ уже воскресенье и даже соблюдаютъ посты и только немногіе, большею частію старики, исполняютъ еще нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ. Мѣстный батюшка смотря на все это не можетъ нарадоваться и каждый разъ благодарить меня.

Косма Андреевъ
(изъ вотяковъ).

Отрывки изъ писемъ ко мнѣ М. Н. Ляна

(см. Глава I стр. 19).

Православная и католическая миссіи въ Сеулѣ.

У Православныхъ. У Католиковъ.

Три хорошихъ дома и баня. Соборъ, большой корпусъ и нѣсколько маленькихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые простыя корейскія фанзы (избы).

Весь нижній этажъ, главнаго дома занятъ настоятелемъ; обстановка чудная, выписана изъ Шанхая, стоить 2500 рублей. Епископъ настоятель живетъ въ фанзѣ, обстановка убогая, корейская; самъ настоятель сидитъ на полу.

Второй этажъ — квартиры іеромонаха, іеродіакона и русскихъ пѣвчихъ. Большой корпусъ — пріютъ для корейскихъ дѣтей и училище.

Второй домъ — церковь. Члены миссіи живутъ внѣ Сеула по деревнямъ.

Третій домъ: половина — кухня настоятеля, затѣмъ во второй половинѣ помѣщаются: просфорня, комната для прислуги и училище — комнатка самыхъ ничтожныхъ размѣровъ.

Баня больше и лучше училища.

Жалованіе.

У Православныхъ.

У Католиковъ.

Настоятель	3000 р.	} Казенная квар- тира.
Иеромонахъ	2000 "	
Иеродіаконъ	1500 "	
Пѣвчіе на го- товомъ содер- жаніи по	240 "	
Учитель	750 "	Живетъ въ наемной ко- рейской фанзѣ.

Настоятель—неизвѣстно.

Члены мисіи на готовомъ
содержаніи по 8 р. деньгами.

Обстановка училища.

Убогая, дѣти сидятъ на полу. Блестящая европейская об-
становка.

Число присоединеній.

За послѣдніе четыре года Нѣсколько тысячъ.
4—5 человекъ.

Препровожденіе времени.

Настоятель за 4 года совер- Настоятель—епископъ по-ко-
шилъ 3 мисіонерскія поѣздки въ рейски хорошо говоритъ, при-
совокупности до 2-хъ мѣсяцевъ. нимаетъ всѣхъ и каждого.

Дома настоятель корейцевъ Всѣ члены мисіи по корей-
„грязныхъ“ не принимаетъ, а ски говорятъ отлично; ихъ
высылаетъ приходящимъ молит- часто можно видѣть на пло-
венникъ и Евангеліе. щадяхъ, сидящими съ „гря-
знымъ“ народомъ. Живутъ боль-
шую часть года по деревнямъ.

Настоятель по-корейски не
говорить.

Члены мисіи по-корейски не
знаютъ, народъ не принимаютъ,
мисіонерскихъ поѣздокъ не дѣ-
лаютъ.

Время службы.

У Православныхъ.

Первый настоятель, не до-
ѣхавъ до Сеула, былъ назна-
ченъ ректоромъ семинаріи.

Второй, — послѣ 4-хъ лѣтней
службы, получилъ мѣсто епис-
копа въ Россіи. За эти 4 года
разъ ѣздилъ въ Японію, два
раза во Владивостокъ и разъ
въ Россію; въ общемъ былъ въ
отлучкѣ не менѣе года.

У Католиковъ.

Домой никогда не ѣздить,
какъ пріѣхали, такъ и живутъ
безвыѣздно.

Образцы разговоровъ.

— Нельзя-ли о. настоятель
отдать подъ училище вашу
кухню, а кухню помѣстить тамъ,
гдѣ находится училище?

— Нѣтъ, кухня должна быть
просторная, а въ училище боль-
ше 7—8 человекъ принимать
не будемъ.

Неизвѣстно.

Пѣвчіе и церковная служба.

Привезены изъ Россіи, меж-
ду прочимъ изъ Казани.

Служба совершается разъ въ
недѣлю, корейцы не бываютъ,
русскихъ въ Сеулѣ немного.

Ежедневно двѣ службы: одна
для французовъ (на латин-
скомъ языкѣ), а другая для
корейцевъ (на корейскомъ язы-
кѣ), поютъ корейцы.

Занятія корейскимъ языкомъ.

Миссіонеры занимаются ко-
рейскимъ языкомъ лишь для

Миссіонеры изучаютъ корей-
скій языкъ для полезнаго при-

„успокоенія совести“ (ихъ собственныя слова). „Успокоивши совѣсть“, они обыкновенно бросаютъ занятія. Мнѣнія его въ дѣлѣ миссіонерства и потому имѣютъ большіе успѣхи, какъ въ изученіи языка, такъ въ миссіонерствѣ.

Такъ, начальникъ миссіи занимался корейскимъ языкомъ только въ первый годъ, а потомъ бросилъ.

Православіе среди Уссурійскихъ корейцевъ.

Печальную картину представляетъ религіозная жизнь нашихъ Уссурійскихъ корейцевъ. Десятки миссіонеровъ „дѣятельно“ (какъ пишутъ въ отчетѣ) работаютъ, но нигдѣ не увидишь плодовъ этихъ „дѣятельныхъ“ миссіонеровъ, а напротивъ всюду встрѣчаешь полный шаманизмъ и самыя грубыя языческія суевѣрія. Теперь, чѣмъ-же объяснить такое странное явленіе? Быть можетъ корейцы не способны къ принятію православія?

Въ объясненіе этого я постараюсь описать жизнь миссіонеровъ вообще, ихъ занятія, ихъ взгляды на миссіонерское дѣло и ихъ отношенія къ корейцамъ.

Миссіонеръ въ нашемъ краѣ — „помѣщикъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Квартира у него чудная — каменной постройки со всеми удобствами (квартиры для миссіонеровъ строятся на счетъ корейцевъ). Получаетъ миссіонеръ отъ 600 до 900 рублей въ годъ. Онъ-же полный хозяинъ въ своемъ районѣ; захотѣлъ куда-нибудь прокатиться — прикажи старостѣ, тройка лошадей готова; прѣхалъ куда-нибудь — обѣдъ уже поданъ.

Главное занятіе миссіонера заключается въ томъ, что онъ ходитъ въ школу, гдѣ, на непонятномъ для большей части учениковъ языкѣ, рассказываетъ имъ какую-нибудь статью изъ священной исторіи и заставляетъ учениковъ заучивать наизусть совершенно непонятныя слова молитвъ.

Это его часовое занятіе въ школѣ и есть собственно мис-

сіонерство. Всѣ миссіонеры, какъ бы по соглашенію, говорятъ: „Авось Богъ дастъ, что-нибудь выйдетъ изъ молодого поколѣнія: оно своимъ христіанскимъ вліяніемъ обратитъ на путь истины и своихъ родителей; а стариковъ хоть учи и не учи — толку не будетъ: они въ плоть и кровь всосали шаманизмъ и языческія суевѣрія; а по ихъ смерти все это схоронится“.

Возлагая такую надежду на молодое поколѣніе, миссіонеры сильно ошибаются, и взглядъ ихъ совершенно невѣренъ. Вотъ почему.

Во 1-хъ) Молодое поколѣніе учится всего 4—5 лѣтъ въ школѣ, гдѣ оно немного научается говорить по-русски; какое-же христіанское вліяніе можетъ оказать это молодое поколѣніе на своихъ родителей, когда оно само плохой христіанинъ, потому что объясненія миссіонера въ Законѣ Божіемъ оно начало немного понимать лишь въ послѣдніе 1—2 года.

Къ сожалѣнію, (какъ слѣдовало и ожидать) мы замѣчаемъ обратное явленіе: молодое поколѣніе само подпадаетъ подъ вліяніе родителей и дѣлается, если не язычниками, то по крайней мѣрѣ и не христіанами.

Мальчику никто не мѣшаетъ днемъ въ школѣ учить: „Азъ есмь Господь Богъ твой...“ „Не сотвори себѣ кумира...“, а вечеромъ дома участвовать въ совершеніи какого-нибудь языческаго обряда.

Правда, нѣкоторымъ изъ молодого поколѣнія удается уѣхать въ Россію для дальнѣйшаго образованія, но такихъ „счастливицевъ“ такъ мало, что про нихъ не слѣдуетъ и говорить.

Во 2-хъ, слова „молодое поколѣніе“ миссіонеры понимаютъ слишкомъ широко: они подъ этими словами, должно быть, подразумеваютъ всѣхъ молодыхъ людей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ школахъ учится сравнительно ничтожный % ихъ, а большая часть остается дома язычниками.

Эти оставшіеся дома молодые люди, разумѣется, тоже со временемъ состарѣются. Вотъ вамъ и новые старики-язычники.

Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, никогда не переводятся старики-язычники и никогда не „схоронятся“ шаманизмъ и язычество среди Уссурійскихъ корейцевъ, если миссіонеры будутъ продолжать смотрѣть на дѣло „искорененія шаманизма и язычества“ съ этой точки зрѣнія.

Миссіонеры дѣлають и объѣзды по приходамъ: одинъ и самое большее два раза въ годъ. Каждый такой объѣздъ предвѣряется циркулярнымъ сообщеніемъ чрезъ волостное правленіе: въ такой то день я (миссіонеръ) буду тамъ то: будьте готовы; т. е. прежде всего, чтобы была приготовлена приличная квартира и объѣдъ и чтобы некрещенные собрались въ извѣстный домъ (лѣтомъ на рѣку) для принятія св. крещенія.

Пріѣзжаетъ; и безъ всякихъ предварительныхъ объясненій того, что онъ будетъ дѣлать, что такое крещеніе, или что такое христіанство, совершаетъ таинство крещенія, конечно на совершенно непонятномъ для принимающихъ крещеніе языкѣ. Назначаетъ русскія имена, раздаетъ крестики и... уѣзжаетъ.

Справедливо корейцы называютъ таинство крещенія лишь „получкой русскаго имени“.

Теперь, чѣмъ же виноваты корейцы, что они такъ „невѣжественны“ по отношенію къ церкви, къ исполненію христіанскихъ обрядовъ и вообще, что у нихъ нѣтъ ничего христіанскаго?

Ничѣмъ положительно не виноваты. Не могутъ же они дѣлать того, чего у нихъ нѣтъ на сердцѣ! Развѣ они приняли крещеніе по убѣжденію? Развѣ кто-нибудь объяснилъ имъ, что такое крещеніе, что оно нужно для спасенія души? Вообще развѣ кто-нибудь говорилъ имъ хоть что-нибудь о православіи и о его превосходствѣ надъ язычествомъ? Никто и никогда.

Накрестивъ такимъ образомъ, миссіонеръ уѣзжаетъ по крайней мѣрѣ года на два, когда онъ снова пріѣзжаетъ и такимъ же образомъ „обращаетъ въ православіе“.

Какъ видно, миссіонеры стараются только о количествѣ, а не о качествѣ „обращенныхъ“.

Заброшенные безъ надзора духовнаго пастыря, крещенные даже зачастую забываютъ и свое „русское“ имя, данное при крещеніи.

Какъ примѣръ, приведу бывшій у насъ въ школѣ случай.

Въ школу поступилъ новый мальчуганъ. Учитель спрашиваетъ какъ его „русское“ имя; ученикъ отвѣчаетъ, что позабылъ. Тогда учитель призываетъ родителей ученика и спрашиваетъ у нихъ; они тоже позабыли, но помнятъ, что имя было похоже на названіе мѣры вѣса.

Стали звать мальчика „Фунтомъ“, но потомъ оказалось, что надо было звать „Пудомъ“.

Исполняя такъ недобросовѣстно возложенную на нихъ великую обязанность: „обратить на путь истины, просвѣтить свѣтомъ Евангелія меньшихъ братьевъ, сидящихъ въ тьмѣ язычества“, миссіонеры не только не приносятъ пользы, но вѣщаютъ вредъ „обращающимся“. Кореецъ, сдѣлавшись христіаниномъ (по волѣ миссіонера), всю жизнь не бываетъ въ церкви *), не исполняетъ ни одного христіанскаго обряда—это ли не горшій грѣхъ, чѣмъ оставаться во тьмѣ язычества?

Кажется, несомнѣнно вѣрно установившееся мнѣніе, что всякому народному дѣятелю вообще и миссіонеру въ частности необходимо знать бытъ, нравы, обычаи и языкъ того народа, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, т. е. стараться самому сдѣлаться этимъ народомъ, жить въ его средѣ, жить его жизнью. Такое знаніе дорого: оно—залогъ успѣховъ народнаго дѣятеля (миссіонера).

На самомъ дѣлѣ, какъ же сравнивать достоинства двухъ вещей, если о каждой изъ нихъ хорошо не знаешь? Какъ же хвалить свою вѣру и навязывать ее другому человеку, когда хорошо не знаешь его вѣры и ея достоинствъ или недостатковъ?

Наши миссіонеры, повидимому, держатся совсѣмъ другого мнѣнія: они умираютъ отъ скуки, отъ бездѣльности, а никто и не думаетъ заняться корейскимъ языкомъ, хотя къ сему есть полная возможность.

Миссіонеры, также не только не стараются сближаться съ народомъ, но напротивъ отдаляются отъ него: священнику—дене пристойно имѣть какія-либо сношенія съ „грязными“ корейцами. Таково вообще мнѣніе всѣхъ русскихъ въ Уссурийскомъ краѣ.

Воспитанный въ Казанской учительской семинаріи, въ христіанскомъ духѣ, я представлялъ себѣ духовныхъ лицъ добрыми, живущими по заповѣди Христа, называлъ ихъ „духовными от-

*) У него нѣтъ душевнаго влеченія ходить въ церковь, потому что онъ не знаетъ и самой сущности православной вѣры, да что и толку ходить въ церковь, гдѣ все ему непонятно: все читаютъ и поютъ по-славянски.

Отчасти этому мѣшаетъ также и дальность разстоянія: въ Посѣтскомъ ставѣ на разстояніи 60—70 в. только одна церковь.

цами, батюшками" и думалъ во всемъ въ жизни подражать имъ. Но я глубоко ошибался.

Не могу не упомянуть характернаго времяпрепровожденія миссионера—священника *—скаго стана. Почти каждый вечеръ къ нему собираются „молодые люди“, его бывшіе ученики (это тѣ, самые немногіе „счатливцы“, которымъ удалось учиться въ Россіи и которые теперь служатъ учителями) собираются и... вы думаете, они ведутъ приличествующія ихъ званіямъ бесѣды? ни, чуть не бывало! играютъ въ карты! Да такъ отчаянно, что бѣдные учителя проигрываютъ все свое жалованье. Какъ извѣстно, подобное „времяпрепровожденіе“ не обходится и безъ крупной брани съ „отборными“ словами. Я, признаться, однажды попавъ на подобную „вечеринку“ въ качествѣ зрителя, былъ сильно возмущенъ; ужъ больно горько было разочароваться въ этихъ „народныхъ дѣятеляхъ“.

Но за то вполне раздѣляютъ вышеприведенное мое мнѣніе иностранные миссіонеры, особенно американскіе. Всѣ они отлично говорятъ по-корейски и живутъ по провинціямъ среди простаго народа.

Въ 1902 г. въ Корей (главнымъ образомъ въ Сеулѣ) была сильная холера. Народъ умиралъ сотнями. Жители города пришли въ ужасъ. Во всѣхъ почти домахъ денно и нощно шаманили.

Корейцы холеру представляютъ въ видѣ старой вѣдьмы, которая, сидя за городомъ, слѣдитъ за людскими нечестіями и—если наполнится ея мѣшокъ, въ который она собираетъ эти нечестія, то она идетъ въ городъ и, залѣзши во внутрь нечестивыхъ людей, рѣжетъ внутренность острыми ножами. Шаманять въ умилостивленіе этой старой вѣдьмы.

Во время такой народной паники какими желанными спасителями явились американскіе миссіонеры! Они, отлично зная суевѣрія корейцевъ, тотчасъ начали издавать листки, въ которыхъ писали, что холера и вообще всякое несчастье есть дѣйствительно Божіе попущеніе, но что главная причина болѣзни не «вѣдьма», а микроскопическія бактеріи, которыя попадаютъ черезъ ротъ во внутренность, гдѣ, быстро размножаясь, производятъ болѣзнь. Было указано много совѣтовъ относительно чистоплотности, пищи, воды, лѣкарствъ, лѣченія и т. п. И что

же? Американцы имѣли большіе успѣхи: листки читались на расхватъ, и многіе перестали шаманить!

А наша миссія бездѣйствовала: архимандритъ уѣхалъ въ Россію, а іеромонахъ сидѣлъ дома и никуда не выходилъ.

Таково въ общемъ положеніе миссіонерства въ Уссурийскомъ краѣ. О, если-бы высшая духовная власть не довольствовалась только «отчетами», а посмотрѣла-бы на состояніе миссіонерства на мѣстѣ!

.....

Школьное дѣло у Уссурийскихъ Корейцевъ.

Казанская учительская семинарія впервые стала извѣстна Уссурийскимъ корейцамъ въ 1898 году. До сего времени учителями въ школахъ нашего края были большею частью люди изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, ротныхъ писарей и т. п. Само собою разумѣется, подобные учителя были неподходящи. Они, обладая сравнительно малыми знаніями, школьныя дѣла вели въ высшей степени поверхностно. Помню, у насъ въ школѣ, напримеръ, не имѣли понятій о русской грамматикѣ, ариеметикѣ. Уроки задавались „отсюда до сихъ поръ“. Но за то, надо отдать справедливость, во всѣхъ школахъ процвѣтала гимнастика.

Въ 1898 году общество корейцевъ рѣшило выписать изъ Россіи хорошаго учителя. Рѣшено и сдѣлано; выписали учителя съ семинарскимъ образованіемъ, какъ помнится, изъ Пермской губерніи. Новый учитель дѣло поставилъ совершенно иначе; ученики стали съ охотой посѣщать школу (имъ стало легче учиться), стали правильно говорить и писать по-русски, стали изучать грамматику, ариеметику и т. п.

Но главное большое спасибо этому учителю за то, что онъ далъ корейцамъ мысль, что есть возможность изъ корейцевъ приготовить такихъ-же учителей, какъ онъ, что для этого въ Россіи существуютъ спеціальныя учебныя заведенія. Онъ указалъ на Казанскую учительскую семинарію, какъ болѣе подходящую для инородцевъ. Рѣшили отправить троихъ способнѣйшихъ мальчиковъ въ названную семинарію.

Первые корейцы въ семинаріи пользовались постоянными

отеческими заботами со стороны наставниковъ во главѣ съ директоромъ Н. А. Бобровниковымъ. Приѣхавъ мало подготовленными, корейцы сначала плохо понимали объясненія наставниковъ. Но и тутъ досточтимый Николай Алексѣевичъ пришелъ имъ на помощь. Онъ взялъ ихъ къ себѣ на квартиру и долго занимался съ ними отдѣльно, пока они ни сдѣлались способными понимать объясненія наставниковъ въ классѣ. Благодаря такимъ заботамъ, корейцы стали быстро развиваться и учились хорошо.

Передъ окончаніемъ курса семинаріи, корейцы, по мысли и при непосредственномъ участіи Николая Алексѣевича, приступили къ составленію азбуки и первоначальнаго учебника на русско-корейскомъ языкѣ.

Придумали транскрипціи буквъ для записыванія корейскихъ звуковъ русскими буквами. Корейскія изданія составлялись подъ руководствомъ лингвиста Ѳ. А. Сгибова, окончившаго курсъ въ Казанскомъ университетѣ и посвятившаго себя специально занятіямъ корейскими переводами. Ѳ. А. Сгибовъ особенное вниманіе обратилъ на точное транскрибированіе корейской рѣчи. По этому вопросу онъ написалъ двѣ статьи, составляющія предисловіе къ двумъ корейскимъ изданіямъ.

Послѣ полугодоваго неустаннаго труда была выпущена на свѣтъ небольшая по объему книжка въ видѣ опыта „Первоначальный учебникъ русскаго языка для корейцевъ“.

Эта небольшая книжка оказала большую услугу для дальнѣйшихъ изданій, которыя неустанно продолжались въ Казанской учительской семинаріи. Отъѣздъ Ѳ. А. Сгибова въ дѣйствующую армію въ связи съ отбытіемъ туда же главнѣйшихъ сотрудниковъ по корейскимъ переводамъ, приостановилъ дальнѣйшее ихъ изданіе. Въ настоящее время я лично работаю по указанію переводческой комиссіи надъ переводомъ сочиненія Преосвященнаго Макарія, епископа Томскаго „Простыя рѣчи“.

Велика была радость Уссурійскихъ корейцевъ, когда ихъ дѣти, посланные въ Казань въ видѣ „опыта“, черезъ три года (въ 1901 г.) возвратились на родину вполне подготовленные къ учительской дѣятельности и снабженные новыми, дотошъ невиданными книжками, (разумѣю „Первоначальный учебникъ“).

Эта первая книжка, переведенная на Уссурійское нарѣчіе

и напечатанная русскими буквами, была встрѣчена корейцами весьма сочувственно.

Новые учителя были распределены по школамъ. Съ какимъ довѣріемъ корейцы относились къ нимъ, видно изъ слѣдующаго отрывка письма ко мнѣ одного изъ этихъ учителей... „Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ школу, то тамъ собралось уже около 120 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, желающихъ поступить въ мою школу. А принимать нужно было только около 50 человѣкъ. Остальныхъ я едва-едва уговорилъ подождать до слѣдующаго года, ибо они большею частью были очень малолѣтні: отъ 6 до 8 лѣтъ. Но при этомъ были и такіе случаи. Одинъ мальчикъ, сынъ бѣдныхъ родителей, грозилъ утопиться, если его не приму въ школу: пришлось принять. Его примѣру послѣдовали и другіе. Такимъ образомъ у меня теперь въ школѣ 55 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 дѣвочекъ“...

Новые учителя школьное дѣло поставили образцово и заслужили отъ корейцевъ почетное наименованіе „чорипъ-чанъ“, что значитъ „совершенные учителя“.

Съ этого времени общество корейцевъ постановило ежегодно отправлять по нѣсколькѣ мальчиковъ въ Казанскую учительскую семинарію. Теперь ихъ въ семинаріи 10—12 человѣкъ.

Выпущены на свѣтъ слѣдующія изданія:

- 1) Первоначальный учебникъ для корейцевъ;
- 2) Азбука для корейцевъ (Переводъ азбуки П. Н. Толстого);
- 3) Корейскіе разговоры и выраженія (Для военныхъ цѣлей);
- 4) Русско-Корейскій Словарь;
- 5) Краткія историческія и географическія свѣдѣнія о Россіи (корейскими буквами).

Окончившихъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи и служащихъ теперь учителями въ Уссурийскомъ краѣ корейцевъ 6—7 человѣкъ. Мнѣ часто приходилось бывать между ними и слышать ихъ воспоминанія о Казанской учительской семинаріи: сердечныя воспоминанія о бывшихъ наставникахъ-воспитателяхъ. Эти воспоминанія можно сказать, руководятъ ими въ жизни; при воспоминаніи о добрыхъ, сердечныхъ наставникахъ, они сами дѣлаются таковыми.

Кажется, трудно найти въ Уссурийскомъ краѣ такого мальчугана-школьника, который бы не могъ указать на картѣ Ка-

заны и не имѣлъ-бы понятія о Казанской учительской семинаріи.

За всѣ труды и благодаренія Н. А. Бобровникова Уссурийскіе корейцы чтятъ его въ негромкихъ, но вполне сердечныхъ словахъ „благодѣтеля и просвѣтителя корейцевъ“. Эти слова вы услышите отъ каждаго мало-мальски образованнаго корейца.

Эти благодарныя чувства корейцевъ къ Казанской учительской семинаріи и ея директору будутъ понятны, если мы сравнимъ положеніе школъ Уссурийскаго края до 1901 г. (годъ перваго выпуска корейцевъ изъ Казанской учительской семинаріи) и послѣ него.

До 1901 г. учителями въ школахъ были отставные солдаты-грамотеи; въ школахъ дѣтямъ было скучно и трудно учиться, вслѣдствіе этого желающихъ учиться было очень мало (15—20 человѣкъ въ школѣ).

Посмотрите теперь на положеніе школъ. Учителями стали служить сами корейцы; они школьныя дѣла поставили образцово; дѣтямъ учиться легко и весело; вслѣдствіе этого желающихъ учиться очень много, даже школы не вмѣщаютъ всѣхъ (50—70 человѣкъ въ школѣ); ежегодно въ Россію отправляются десятки мальчиковъ.

Вообще за послѣдніе 3—4 года нашъ край очень перемѣнился. Теперь каждый кореецъ цѣнитъ образованіе, потому что въ немъ онъ видитъ прежде всего матеріальную пользу, и каждый старается отдать своихъ дѣтей въ школу, откуда они выйдутъ уже способными добывать себѣ кусокъ хлѣба своими знаніями въ русскомъ языкѣ.

Этотъ отраднѣйшій фактъ наводитъ на слѣдующую мысль.

Хорошо было-бы, если и священниками-миссіонерами были корейцы. Тогда можно было-бы ожидать такого-же переворота и преобразованія въ религіозной жизни нашихъ корейцевъ, которая, какъ я писалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, оставлять желать много лучшаго.

М. Лянз.

1904 годъ.

(изъ православныхъ корейцевъ).

Покорѣйшіе просятъ прежде чтенія книги исправить нижеслѣдующія, извращающія смыслъ погрѣшности.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Надо читать.
171	32	писать	читать
254	30	не прибавлялось	все прибавлялось
426	21	о матеріальныхъ	о духовныхъ и матеріальныхъ
Въ Приложеніяхъ			
64	10	учительскихъ школахъ	учителяхъ
168	10	вопросы	ворожеи
54	24		
132	6	Потянутая	Помянутая
133	7	290	299
136	16	1894	1887
149	27	1722	1721
149	4	желающая	и желающая
150	25	прошлую	прошлою
155	30	школьѣ	школь
162	18	понимемъ	понимаемъ
171	заглавіе	Саврушино	Савруши
187	29	1888	1898
198	32	писать	читать
211	6	семействъ	въ семействъ
213	18	сопровождаемые	сопровождаемое
216	15	походъ	и походъ
223	16	начался	начались
230	1	с нателью	сознательно
235	16	наглядному	натуральному
243	19	ростъ	роста
254	28	читали	читаемъ
259	18	Постепенно	Постепенно
270	9	придеживаются	придерживаются
271	11—12	ино-одескія	ино-родческія
274	30	не прибавлялось	все прибавлялось
285	7	проснувшись	но проснувшись
288	24	потянула	потянуло
295	22	знаютъ	знаютъ
302	30	всякой	всякой
305	6	одно время	до самыхъ послѣднихъ лѣтъ
308	16	Карлыгинскихъ	Карлыганскихъ
311	20	Ильинскаго	Ильминскаго
315	1	остановили	остановить
320	11	ногъ	подножія
325	6	познакомился	познакомилась
330	11	природноль	природноль
335	9	воревкой и благополучно	веревкой и благополучно
340	24	значительно	значительно
345	33	школы	школа
350	2	съ	и
355	20—21	завѣ-вающему	завѣды-вающему
360	13	обрусьеніе	обрусьіе
365	2	улаѣ	мулаѣ
370	7	подбородкомъ	подбородкомъ
375	23	заинтересовали	заинтересовали
380	2	заинтересовать	заинтересовать
385	9	божѣ	около
390	27	священниковъ	священниковъ
395	13	городск. уѣздн.	городск. и уѣздн.
400	14	школы	курсовъ
405	12—13	школа эта «не отвѣчаетъ учебнымъ цѣлямъ Министерства».	«проектъ не вызванъ дѣйствительными потребностями учебнаго вѣдомства».

вы услышите отъ каждого мало-мальски образованнаго корейца.

Эти благодарныя чувства корейцевъ къ Казанской учительской семинаріи и ея директору будутъ понятны, если мы сравнимъ положеніе школъ Уссурійскаго края до 1901 г. (годъ перваго выпуска корейцевъ изъ Казанской учительской семинаріи) и послѣ него.

До 1901 г. учителями въ школахъ были отставные солдаты-грамотеи; въ школахъ дѣтямъ было скучно и трудно учиться, вслѣдствіе этого желающихъ учиться было очень мало (15—20 чело-вѣкъ въ школѣ).

Посмотрите теперь на положеніе школъ. Учителями стали служить сами корейцы; они школьныя дѣла поставили образцово; дѣтямъ учиться легко и весело; вслѣдствіе этого желающихъ учиться очень много, даже школы не вмѣщаютъ всѣхъ (50—70 чело-вѣкъ въ школѣ); ежегодно въ Россію отправляются десятки мальчиковъ.

Вообще за послѣдніе 3—4 года нашъ край очень пере-мѣнился. Теперь каждый кореецъ цѣнитъ образованіе, потому что въ немъ онъ видитъ прежде всего матеріальную пользу, и каждый старается отдать своихъ дѣтей въ школу, откуда они выйдутъ уже способными добывать себѣ кусокъ хлѣба своими знаніями въ русскомъ языкѣ.

Этотъ отраднѣйшій фактъ наводитъ на слѣдующую мысль.

Хорошо было-бы, если и священниками-миссіонерами были корейцы. Тогда можно было-бы ожидать такого-же переворота и преобразованія въ религіозной жизни нашихъ корейцевъ, которая, какъ я писалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, оставляетъ желать много лучшаго.

М. Лянз.

1904 годъ.

(изъ православныхъ корейцевъ).

Главныйшя

Опечатки и поправки.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
13	19	38	35
27	17	1945.00	1945. 75
»	24	247. 64	248. 64
54	6	Потянута	Помянутая
132	7	290	299
133	16	1894	1887
136	27	1722	1721
149	4	желающая	и желающая
»	25	прошлую	прошлою
»	30	школы	школъ
150	18	понимемъ	понимаемъ
155	заглавіе	Саврушино	Савруши
162	29	1888	1898
171	32	писать	читать
187	6	семействъ	въ семействъ
198	18	сопровождаемые	сопровожаемое
211	15	походъ	и походъ
»	16	начался	начались
213	1	с нательно	сознательно
»	16	наглядному	натуральному
216	18	ростъ	роста
223	28	читали	читаежъ
230	18	Постепенно	Постепенно
235	9	придерживаются	придерживаются
243	11—12	ино-одческія	ино-родческія
254	30	не прибавлялось	все прибавлялось
259	7	проснувшись	но проснувшись
270	24	потянула	потянуло
271	22	знаютъ	знаютъ
274	30	всякой	всякой
285	6	одно время	до самыхъ послѣднихъ лѣтъ
288	16	Карлыгинскихъ	Карлыганскихъ
»	20	Ильинскаго	Ильминскаго
295	1	остановили	остановить
»	11	ногъ	подножія
302	6	познакомился	познакомилась
305	11	природноль	природномъ
308	9	веревкой и благополучно	веревкой и благополучно
331	24	значительно	значительно
350	33	школы	школа
357	2	съ	и
»	20—21	завѣвующему	завѣды-вающему
365	13	обрусьеніе	обрусьіе
366	2	улаъ	мулаъ
377	7	подборродкомъ	подбородкомъ
389	23	заинтересовали	заинтересовали
390	2	заинтересовать	заинтересовать
392	9	болѣе	около
400	27	священниковъ	священниковъ
401	13	городск. уѣзди.	городск. и уѣзди.
»	14	школы	курсовъ
409	12—13	школа эта «не отвѣчаетъ учебнымъ цѣлямъ Министерства».	«проектъ» не вызванъ дѣйствительными потребностями учебнаго вѣдомства».

415	29	585	575
416	12	147729	138729
,	15	584936	575936
417	29	147	138
418	29	белебейскомъ	белебейскомъ
419	4	достаетъ	достигаетъ
422	7—8	ра-отъ	ра-ботъ
426	9	недостаточно	тогда недостаточно
,	21	о матеріальныхъ	о духовныхъ и матеріаль- ныхъ.

Опечатки въ приложеніяхъ.

Стр.	Строка сверху.	напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	7	512	512,
,	18	славянскимъ и татарскимъ	славянскомъ и татарскомъ
8	38	1862	1868
11	сносокъ	1866	1896
12	6	1895	1895
27	6	преподаванія	преподаванія
,	20	церковныхъ	церковныхъ
34	16—17	кре-стился	кре-стился
46	32	установленные	установленные
52	9	прихожанъ	прихожане
59	7	нимъ	ими
61	4	прихожанъ	прихожане
,	17	пустынъ	кустики
62	2	состояли	состоятъ
63	5	Ильминскимъ	Ильминскаго
64	10	учительскихъ школахъ	учителяхъ
67	16	открываются	открыты
73	6	86	85
75	20	единородческаго	инородческаго
80	сверху	98	80
93	28	юля	Іюня
97	5	могилу	могиль
,	6	успѣвалъ	успѣвали
99	31	перовѣнъ	исповѣди
102	13	1891	1897
107	6	сѣдскимъ	сельскимъ
109	17	коноводъ	коноводъ
130	14	были	было
133	26	чувашъ	чувашина
,	31—32	пно-одевъ	инородцевъ
137	9	сожаленію	сожалѣнію
,	10	отпаденіе	отпаденіе
138	13—14	мотивъ	молитвъ
,	37	Бѣлой-Воложки	Бѣлой-Воложки
140	6	согласья	согласиться
,	13	Безпорно	Безпорно
141	1	Благословіи	Благослови
,	5	въ такого	такого
148	8	обходится	оходится
,	34	желаетъ	желаемъ
165	2	окончавшихъ	окончившихъ
168	10	вопросы	ворожеи
202	1	совести	совѣти

Цѣна 2 руб.

Складъ изданія: въ Типографіи В. Я. Милштейна,
Нижегородская ул., д. № 31, въ С.-Петербургѣ.

5p

